

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XLIII Международная филологическая конференция

11 – 16 марта
2014 года

Тезисы

Санкт-Петербург
2014

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

асп. — аспирант

асс. — ассистент

в. н. с. — ведущий научный сотрудник

г. н. с. — главный научный сотрудник

д. б. н. — доктор биологических наук

д. культ. — доктор культурологии

д. и. н. — доктор исторических наук

д. п. н. — доктор педагогических наук

д. ф. н. — доктор филологических наук

докт. — докторант

доц. — доцент

зав. отд. — заведующий отделом

к. иск. — кандидат искусствоведения

к. б. н. — кандидат биологических наук

к. и. н. — кандидат исторических наук

к. культ. — кандидат культурологии

к. м. н. — кандидат медицинских наук

к. п. н. — кандидат педагогических наук

к. псих. н. — кандидат психологических наук

к. т. н. — кандидат технических наук

к. ф. н. — кандидат филологических наук

к. э. н. — кандидат экономических наук

м. н. с. — младший научный сотрудник

магистр. — магистрант

н. с. — научный сотрудник

преп. — преподаватель

проф. — профессор

соиск. — соискатель

сотр. — сотрудник

СОШ — средняя общеобразовательная школа

ст. лаб. — старший лаборант

с. н. с. — старший научный сотрудник

ст. преп. — старший преподаватель

студ. — студент

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Алексеев Анатолий Алексеевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Притчи Иисуса. Проблемы жанра

Место притч в проповеди. Их содержательное своеобразие. Адресат и этическая составляющая. Причины неравномерного представления соответствующего материала в новозаветных источниках.

Контраст между целевой аудиторией, к которой обращены притчи, и этическим императивом. Отсутствие притч в Евангелии от Иоанна свидетельствует об отрицательном отношении автора к этому литературному жанру. Он отождествляет его в рамках мидраша с агадой и противопоставляет галахе.

Иванова Елизавета Васильевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Картина мира в английских антипословицах

В докладе рассматривается семантика английских антипословиц, устанавливаются черты сходства и различия пословичной и антипословичной картин мира, анализируется мировосприятие современного человека, отраженное антипословицами.

Антипословица является суждением, построенным на основе традиционной пословицы и изменяющим ее значение. Оно называется антипословицей, поскольку отрицает утверждаемые пословицей традиционные нормы и правила поведения, часто высмеивает их или же демонстрирует несерьезное к ним отношение (To err is human > To err is human, but to admit it isn't). В отличие от пословиц, позволяющих человеку спрятаться за спины других людей, воспользовавшись устоявшейся системой взглядов и ценностей, антипословицы демонстрируют стремление индивида выделиться из толпы, подчеркнуть свою индивидуальность, блеснуть остроумием и неординарностью мышления, иными словами, утвердить собственное «я». Значительная часть антипословиц отражает менталитет современного человека, его изменившийся взгляд на «вечные истины», незыблемые ценности, его отношение к реалиям современного мира: Их содержательное пространство, формируемое как значением, так и внутренней формой, образует антипословичную картину мира, во многом противопоставленную пословичной картине мира. Так, например, представленный в английской пословице "Crime does not pay" взгляд на преступление получает совер-

шенно иную интерпретацию в образованных на ее основе антипословицах (Crime pays — be a lawyer; Crime doesn't pay, except for the writers of detective stories). В антипословицах появляются новые темы, не свойственные пословичной картине мира: коррумпированность политических деятелей, проблема избыточного веса, трудности парковки, значимость компьютера в современной жизни и пр. (Home is where the computer is) Описание семантики антипословиц позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира, более созвучный мировосприятию современного человека, чем тот, который репрезентирован просуществовавшими не одно столетие пословицами.

Левонтина Ирина Борисовна,

к. ф. н., в. н. с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

О некоторых средствах передачи чужой речи в русском языке

Как известно, при передаче чужой речи могут использоваться различные маркеры — так называемые ксенопоказатели — частицы *мол*, *дескать*, *де*, а также *якобы* и *грит* (*гыт*). В письменной речи цитирование оформляется кавычками. В устной публичной речи аналогами кавычек являются формулы «Цитата» и «Конец цитаты». Ср. также распространившийся в последние годы заимствованный лекторский иконический жест «кавычки», выполняемый указательным и средним пальцами обеих рук одновременно. Однако оказывается, что арсенал средств, служащих в русском языке для оформления цитирования или пересказа, гораздо богаче, и представлены они на разных уровнях. В докладе рассмотрены некоторые неизученные лексические, синтаксические и просодические маркеры чужой речи.

Мальчуков Андрей Львович,

д. ф. н., проф., Майнцский университет Иоганна Гутенберга (Германия)

Resolving alignment conflicts: a competing motivations approach

The present talk addresses a thorny question of whether individual constructions reveal alignment preferences with respect to monotransitive (accusative vs. ergative) and ditransitive (indirective vs. secundative) alignment. It is argued that typological variation in this domain can be explained through interaction of two general factors, Harmony embodying the analogical tendency for coding/behavior matching, and Bias embodying intrinsic alignment preferences dictated by functional properties of individual constructions. It is shown that interaction between these two factors can both explain the cross-linguistically recurrent patterns of alignment (arising in situations when both motivations prefer the same alignment pattern) and cross-linguistic variation (arising in situations when the two motivations are in conflict).

Покорный Пётр,
проф., Карлов Университет, Прага (Чехия)

Вселенский импульс учения Иисуса Христа в Ев. от Матфея

Последняя перикопа Евангелия, Мф 28.16—20, представляет собою ключевой пассаж, который вмещает в себе богословский замысел и сводит воедино все средства литературной организации целого. Здесь принципиально значимо распространение миссии воскресшего Иисуса на все народы. Подвергнув различающееся отношение Иисуса к народам (ἔθνη) в 10-й, 25-й и 28-й главах филологическому, литературному и богословскому анализу, докладчик приходит к выводу о том, что вознесение Воскресения и представление Иисуса спасителем уравновешено изображением его моралистом в Нагорной проповеди, в которой воплощена его центростремительная миссия.

Рогова Кира Анатольевна,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы речевой системности: грамматика и текст

Речевая системность, понимаемая как «взаимосвязь языковых средств», обусловленная выполнением ими одинаковых коммуникативных задач, которые определяются экстралингвистической основой функциональной разновидности речи (см. Кожина М. Н.), занимает одно из ведущих мест в лингвистических исследованиях. Языковые единицы рассматриваются в аспекте выполняемых ими речевых функций, что дает основания для их классификации как лингвем (языковых единиц, отобранных для «речетворческого объекта»), речем (речевых структур) и текstem (образований, участвующих в создании речевых композиций) (см. Купина Н. А., Матвеева Т. В., 2013). Есть предложения рассматривать свойства речевой системы в целом как «пакетное» понятие, объединяющее такие ее качества, как «устойчивость, эластичность, динамичность, открытость» (Котюрова М. П., 2013), которые и определяют отбор языковых средств для той или иной речевой разновидности. Наряду с отмеченными подходами высказывается мысль о необходимости поиска организующего начала, которое могло бы представить способ действия языковых единиц в рамках речевых образований, их конструктивного принципа, связывающего внеязыковую и языковую действительность, векторного направления речевой деятельности, ведущего к тому, чтобы «на месте словарно-грамматических списков, якобы составляющих суть стилевых явлений, [возникло] описание законов составления текстов и их типология» (Костомаров В. Г., 2005). Таким образом, представленными оказываются статический, характеризующий аспект речевой системности и ее динамический аспект. Если первый имеет глубокую традицию, находя аналогию «с поуровневым содержанием понятия *языковой системности*» (Котюрова М. П.), то второй требует иного подхода, опирающегося на динамику развертывания смысла речевого произведения/

текста. В данном сообщении высказываются некоторые предложения относительно второго подхода к представлению речевой системности с опорой на данные семантического и коммуникативного синтаксиса.

Спирос Аристотель,
проф., Тиранский университет (Албания)

The Modern Greek Dialects of Albania: A general description and classification

The scope of this paper is a general view of the Modern Greek Dialects of Albania (MGDA). They are not language islands, but part of the continuum of Northwest Modern Greek Dialects. Before proceeding in the description and classification of these dialects I explain the necessity of introducing a compatible terminology, which confirms the status of Dialectology as an independent discipline (Spiro 2000–2001) (Dialectology units such as (dia)lecteme, phonolecteme, morpholecteme, syntalecteme, semalecteme and language varieties based on different parts of the system: phonolect, morpholect, syntalect, semalect).

The MGDA are spoken in 110 villages spanning the regions Delvino and Saranda (D-S), Upper and Lower Dropull (D), Riza or Foothill Villages (R), Pogon (P), 2 villages of Përmet (Pr), 3 Greek speaking villages in the region of Himara: the homonymous town (H), Dhërmi (Dh), Palasë (Pa), and the village of Narta (N), which marks the northernmost extremity of the MGDA.

Up to the end of the XXth century just a few data were known about MGDA (Chatzidakis [1888] 1905, Triantafyllides [1938] (1993)). Later on there was more concern on these dialects ((Bogas 1966, Vagiakakos 1983, 1988). Manuscripts with texts from the region were deposited in the I.L.N.E. of the Academy of Athens, and in the Laboratory of Folklore at the School of Philosophy (University of Athens).

In the late 20th century and early 21st century the first field research expeditions are recorded in the Greek villages of Southern Albania (Spiro, Garaliakos, Kisilier, Sobolev, Novik, Joseph, Brown, Kyriazis etc.).

The description of the system of MGDA includes the phonolectemes [j], [ʒ], [ɣ], [ɟ], [ɥ], optional non-palatalization of /k/, violation of “Trisyllabic Rule”, etc.

As main morpholecteme is referred the particleization of the auxiliary verb *έχει / είχε* “to have” in 3rd Person.

Diasystematically, taking into account the character of their vocalism, the position of MGDA, in their majority, is featured as southern. Yet other criteria can be applied (Tzitzilis).

Томмола Ханну,
проф., Университет Тампере (Финляндия)

Тень славистики в аспектологии? Наблюдения и толкования типолога

Доклад посвящен обсуждению некоторых узловых этапов истории возникновения современной аспектологии и типологии видо-временных значений. Подчеркивается важность различения разного рода аспектуальных

значений от видовых значений, обнаруживаемых в славистике. Рассматриваются ряд аспектуальных категорий разных языков и их соответствие и несоответствие видовой категории славянского глагола.

В сравнении славянских языков и разных европейских языков обнаруживается система с «видоподобными» временами аористом и имперфектом. Кроме того, во многих языках выделяется категория перфекта, которая была утрачена большинством славянских языков, и также совсем отсутствующий в славянских языках прогрессивный аспект.

Затрагивается вопрос об «аспекте объекта», категории прибалтийско-финских языков, и наблюдаемые в ней соответствия славянским видам глагола. Кроме такой категории объекта, которая, естественно, функционирует только в переходных предложениях, отмечены ряды суффиксальных образований, напр. фреквентативные и моментативные глаголы, которые в разных финно-угорских языках образуют аспектуально релевантные «способы действия», иногда толкуемые как «видовые».

Химик Василий Васильевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Русская разговорная речь: общее понятие, обучение и вопросы терминологии

Доклад посвящен общим вопросам обучения учащихся русской разговорной речи и связанным с этим представлением о сущности разговорной речи как типа языка и как стиля языкового стандарта. В докладе рассматриваются понятия видов и жанров разговорной речи, социальных разновидностей разговорной коммуникации, а также некоторые важные термины современной коллоквиалистики, используемые в практической русистике.

Важнейшая цель обучения инофонов практическому русскому языку — овладение устной разговорной речью, умение вести устный диалог в ситуациях бытовой и профессиональной коммуникации. Достижение этой цели обеспечивается последовательным научным представлением преподавателя о сущности разговорной речи, ее месте в системе национального языка, основных ее разновидностях, социальных и функциональных уровнях и неоднородности состава. Разговорная речь — разновидность национального языка, которая строится по законам устной речи. Разговорная речь противопоставлена, с одной стороны, кодифицированному литературному языку с преобладающей письменной формой, с другой — вариантам народно-разговорной речи. Разговорную речь не следует смешивать с понятием разговорного стиля, соотносимого с книжными стилями. Важный аспект характеристики разговорного стиля — принадлежность к литературному языку, использование нормативных коллоквиальных средств. Существует два вида разговорной речи: публичная (в официальной/публичной обстановке общения с официальными, часто неопределенными по составу партнерами) и разговорно-обиходная (повседневная, подчеркнута неофициальная, сниженная, спонтанная, с участием небольшого числа конкретных участников). Разговорно-обиходная речь может быть бытовой

и профессиональной. Бытовая разговорная речь реализует семейное и/или приятельское общение. Профессиональная разговорная речь характеризует «производственное» общение знакомых, конкретных людей, выполняющих общее дело. Преобладающие свойства разговорной речи: сниженность, диффузность, экспрессивность, неоднородность состава. Разговорная речь существует в пределах трех разных типов норм: языкового стандарта, общепотребительного субстандарта, региональных и социальных традиций. Неоднородность состава разговорной речи проявляется в реализации четырех уровней стилистического снижения: минимальная сниженность, умеренная сниженность, значительная сниженность, предельная сниженность.

Ходель Роберт,

проф., Институт славистики университета Гамбурга (Германия)

Возвращение к миметическому?

Компаративный взгляд на литературу 1930-х годов

До какой степени можно рассматривать социалистический реализм не как государственно-политическую доктрину, а как имманентно эстетическую реакцию на модернизм и авангард? В поисках ответа на этот вопрос мы рассмотрим различные аргументы, которые можно разделить на три группы.

Во-первых, это краткий очерк истории развития русской прозы 1920—1930-х гг., который позволит лучше понять возможную эстетическую мотивацию перехода от авангарда к соцреализму на диахронной оси значений. Основное внимание здесь будет уделено восприятию творчества Бориса Пильняка литературной критикой, принадлежавший к таким литературным группам, как «Октябрь» («На посту»), РАПП, «Красная новь», ЛЕФ, «Серапимовы братья» (Лев Лунц) и формалисты (Тынянов, Шкловский).

Во-вторых, это сравнительный анализ русской литературы этого периода, с одной стороны, и современной ей польской и сербской, с другой. Такой анализ позволит провести анализ проблемы на синхронной оси значений в более широком контексте.

В-третьих, это вопрос о взаимодействии чисто литературных и политических факторов в этот период.

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

АМЕРИКАНИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Giorcelli Cristina,

PhD, проф., University of Rome Three

The importance of clothes in American Literature (1870–1920)

This paper will debate the significance of clothes in a number of novels and short stories by major late 19th century and early 20th century American writers. Generally disregarded as, at best, superfluous, descriptions of clothes, on the contrary, lend a meaningful insight into the understanding of characters and situations. I will start with the meaning of shoes in Theodore Dreiser's *Sister Carrie*, where the protagonist, a connoisseur of clothes and a follower of fashion, is shown as rising in the social ladder also by the shoes she wears. I will then examine the role of pantalonettes in Kate Chopin's long short story "Charlie", where the protagonist, first a tom-boy, after an over-feminilized parenthesis, at the end wears again her pantalonettes as she finds and lives her true individuality. I will then examine the dress worn by Lily Bart in *The House of Mirth* when she performs the main character in a painting by J. Reynolds during a *tableau vivant* interlude. Then I will see what hats mean in a few short stories by Henry James — a lover of (male) hats, according to his friends. Finally I will analyze the role played by furs in a few novels by Francis S. Fitzgerald and, particularly, in *The Beautiful and Damned*. All this will be preceded by some theoretical statements by semioticians, sociologists, literary critics, and art historians about the significance of clothes in literature.

Schulz Dieter,

д. ф. н., проф., Heidelberg University

Thinking in Metaphors: Transcendentalist Prose from the Perspectives of Stylistics, Cognitive Linguistics, and Philosophy

Thanks to the work of philosophers and cognitive linguists — notably Hans Blumenberg in Germany (Blumenberg, 1960) and George Lakoff and Mark Johnson in the United States (Lacoff, Johnson, 1980) — we now appreciate the

degree to which even the most abstract concepts rely on metaphors derived from sensory experience. As Ralf Konersmann, a former student of Blumenberg's, explains in the Introduction to his handbook of philosophical metaphors (Konersmann, 2007), concepts and metaphors serve different functions, but there is no need to play the former against the latter as they possess equal value in constituting our ideas. Along the same lines, in *Philosophy in the Flesh* (1999) Lakoff and Johnson have proposed an intellectual approach that forgoes the traditional privileging of abstract concepts and instead tries to do justice to the "corporeal" dimension of language and the physical grounding of thought, with metaphor advancing from an ornamental position to the fore of linguistic and philosophical analysis. Given these developments, Emerson's reflections on the importance of the imagination and figural language appear a good deal more pertinent today than they may have seemed in his time. In *Nature* (1836) he claims that "words are signs of natural facts", and that "every word which is used to express a moral or intellectual fact, if traced to its root, is found to be borrowed from some material appearance". If in an early *Journal* entry he still sounds a bit diffident and apologetic about his "strong imagination" as hopefully offsetting a deficiency in his "reasoning faculty", the later Emerson unabashedly claims equal if not superior authority for the former; not only do they possess equal value, but they also need each other. As he explains in the late essay *Poetry and Imagination* (1876), Athe term genius, when used with emphasis, implies imagination; use of symbols, figurative speech. A deep insight will always, like Nature, ultimate its thought in a thing.

Алентьева Татьяна Викторовна,
д. и. н., проф., Курский государственный университет

Журналистика и политика в творческой судьбе У. К. Брайанта

По мнению В. Л. Паррингтона, Брайант больше всего достиг как журналист и политик. Политика рано привлекла к себе молодого поэта. Существенное влияние на него оказали федералистские взгляды деда и отца. В 1808 г. в Бостоне появилась его сатира «Эмбарго, или Современные очерки», подписанная «тринадцатилетний юноша». В ней высмеивалось ошибочное решение президента Т. Джефферсона о прекращении всех внешнеторговых связей из-за военных действий в Европе. Брайант был редактором и совладельцем газеты "New York Evening Post" в течение 50 лет (с 1829 г.), поддерживая вначале демократическую партию и ее президента Э. Джексона. В газете он ввел ряд новшеств, стремясь поднять ее влияние на образованные круги читателей. Появляются обзоры новых книг, материалы о литературе и искусстве. Главным достоинством газеты стали передовицы, написанные ярким пером публициста, излагавшие позицию Брайанта по острейшим политическим вопросам. Он не только осудил аннексию Техаса, но и выступил резким противником войны с Мексикой. Известный поэт активно участвует в создании республиканской партии, выступающей за нераспространение рабства на новые земли, поддерживает ее кандидатов на президентских выборах 1856 и 1860 гг. Становится активным приверженцем Линкольна и его политики.

Головачева Ирина Владимировна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Невинность: дети в «Поворотах винта» – повести Генри Джеймса и опере Бенджамина Бриттена

Толкование детства сродни толкованию сновидений. Именно это обстоятельство делает тему детства и детские образы столь привлекательными для художественного фантазирования. Данная тематика выглядит особенно выпукло, если не сказать шокирующее, на поле готической фантастики, к которой по всем признакам следует отнести «Поворот винта». Центральные персонажи повести, Майлз и Флора, производят двойственное впечатление, возможно, потому, что являются необыкновенными детьми. В докладе будет сделана попытка выяснить — насколько нам позволят сконструированные Джеймсом завесы, ловушки и лабиринты — каковы же на самом деле питомцы гувернантки. Едва ли не главным вопросом для читателя является следующий: не была ли их детскость лишь прикрытием, маской на лицах не по годам опытных обманщиков? Этот вопрос по-разному решается в тексте Джеймса и в опере Бенджамина Бриттена. Джеймс, как впоследствии и либреттистка Майфенви Пайпер, лишь намекает на пороки, которым, возможно, предаются воспитанники главной героини. Однако есть и прямые доказательства конкретных проступков Майлза и Флоры. Что эти свидетельства меняют в нашей интерпретации обоих текстов? Следует ли согласиться с тем, что гомофилический и педерастический подтексты намеренно введены как в повесть, так и в оперу? Размышления над этими вопросами поможет прояснить центральный конфликт повести Джеймса с помощью текста либретто, которое, казалось бы, упрощает оригинал, но, по существу, лишь сгущает его смыслы.

Дробинцева Мария Александровна,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Американская контркультура 1950-х:

образы наркоманов в литературе, театре и кино

Американская культура протеста выразила себя во всех видах искусств. Свобода от запретов предполагала вместе со свободой передвижения почти руссоистского опрощения, свободу в выборе партнеров и употреблении наркотиков. Трагический исход этой свободы нашел отражение в романах У. Берроуза «Джанки» (1953) и «Голый завтрак» (1959), Дж. Керуака «В дороге» (1957), К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» (1962) и др. (Почти все они были впоследствии экранизированы.) В 1950-е в американской культуре параллельно развивались две линии отношения к наркозависимости. Помимо протестующего героя битников, существовал и образ наркомана-преступника, «заражающего» других. О наркотиках писали как об «эпидемии», для которой в 1950-е не стало «экономических, религиозных и расовых границ. Наиболее яркое воплощение эта позиция нашла в кинематографе. Так, фильм 1949 г. «Она должна была сказать «Нет!» расска-

зывает историю девушки, которая из-за марихуаны становится наркодилером и причиной самоубийства брата. Но благодаря взаимопроникновению литературы и кино отношение общества к этой проблеме менялось. Герой фильма «Человек с золотой рукой» (1955) представлен как человек, который все-таки находит силы преодолеть свою слабость. В отличие от романа Н. Олгрена (1949), где Фрэнки убивает наркоторговца и в финале кончает жизнь самоубийством, фильм дает герою шанс на будущее, свободное от наркотиков. Так в кино появляется тема излечения от зависимости (практически полностью отсутствующая в литературе). К тому же тот факт, что роль Фрэнки сыграл любимец Америки Фрэнк Синатра, заставил зрителей сочувствовать и сопереживать герою-наркоману. Своеобразной вариацией на тему «потерянного поколения» стала экранизация пьесы о ветеране корейской войны, который возвращается домой, приобретя в госпитале привычку к морфину, — «Шляпа, полная дождя» (1956). И уже совсем первооткрытием на территории театра стала пьеса Дж. Гелбера «Связной», поставленная Ливинг тиэтр и взорвавшая театральную рутину.

Осипова Эльвира Филипповна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Исторический контекст романа Генри Джеймса «Бостонцы»

В 1883 г. Джеймс отмечал в «Записных книжках», что хотел бы написать «очень американскую вещь», в которой отразились бы наиболее характерные черты общественной жизни. В 1886 г. он исполнил задуманное в романе «Бостонцы». Доклад посвящен анализу того, как исторические реалии новоанглийской жизни представлены в художественной ткани произведения. На страницах романа писатель изобразил социалистов, борцов за женские права, аболиционистов и трансценденталистов как «фанатиков религиозного идеализма». Иронию автора, в которой было много субъективного, можно объяснить тем, что слова и действия новоанглийских реформаторов казались ему наивной попыткой построить утопию, а их идеи — устаревшими, не отвечавшими современным научным концепциям. Джеймс откликнулся и на распространенное в бостонском обществе увлечение месмеризмом и гипнозом. Эзотерические явления интересовали многих романтиков, но были среди них и скептики, воспринимавшие подобные явления как шарлатанство. Так, весьма негативно к откровениям известного медиума Эндру Джексона Дэйвиса относился Эдгар По. Готорн в «Романе о Блайтдейле» изобразил сцену гипноза как откровенный обман. Приговор спиритам вынес в романе «The Spirit-Rapper» отошедший от трансцендентализма Орест Браунсон. Героиня Джеймса, Верена Таррант, изображена как игрушка в руках своего малосимпатичного отца-спирита. Не случайно ее «откровения» — бессвязные слова и декларации о «страданиях женщин», произносимые в состоянии транса, — воспринимаются как нечто бессмысленное и даже фальшивое. Совсем иначе к ним относятся участники «движения», наделенные автором некоторыми чертами бостонских реформаторов. Джеймс использовал в романе приемы, свойственные

позднеромантической поэтике, однако в реалистическом романе обращение к теме спиритизма оказалось художественно непродуктивным. И все же книга остается литературным документом эпохи: она свидетельствует о борьбе художественных вкусов и философских идей.

Стулов Юрий Викторович,

к. ф. н., доц., Минский государственный лингвистический университет

Трагедия детей в Атланте в фактах и художественной прозе

Несмотря на явные изменения в общественном статусе этнических меньшинств в США, в сфере взаимоотношений между различными группами изменилось не так уж много. Последнее двадцатилетие XX в. вновь поставило в повестку дня общественно-политические проблемы, которые на трагическом уровне проявились в событиях в столице штата Джорджия Атланта в 1979—1981 гг. К этому времени она стала одним из процветающих городов США, своего рода «черной Меккой» американского Юга, проложившей путь к новым взаимоотношениям между расами и открывшей большие возможности для черных жителей. Но с 1979 г. в черных кварталах Атланты начинается череда убийств чернокожих детей, которая будет продолжаться на протяжении двух лет и вызовет всплеск дискуссии о расизме и его последствиях. Трагические события в Атланте нашли свое отражение в ряде публицистических и художественных книг, наиболее значительными из которых стали публицистический сборник Джеймса Болдуина *The Evidence of Things Not Seen* (1985) и роман Тони Кейд Бамбара *Those Bones Are Not My Child* (1999). Представляется интересным сравнить полную горечи книгу одного из самых ярких американских публицистов, написанную по горячим следам, и роман писательницы, основанный на документах, воспоминаниях свидетелей событий, газетных материалах, в том числе и на книге Болдуина. Несмотря на разницу во времени написания и избранных жанрах, имеются значимые пересечения: город по-прежнему разделен по расовому признаку, так же идет разделение людей, да и внутри групп нет единства. Роман опирается на многочисленные факты трагедии, вскрывшиеся за это время; с другой стороны, главными действующими лицами становятся вымышленные персонажи, которые живут в реалиях Атланты начала 1980-х гг. Бамбара тщательно вплетает фрагменты частной жизни семьи Спенсеров в обширное лоскутное одеяло Атланты начала 1980-х гг., сочетая традиционные повествовательные приемы с литературными техниками, присущими жанру документальной прозы.

Филимонова Мария Александровна,

д. и. н., проф., Курская академия государственной и муниципальной службы

Политическая риторика американской публицистики в 1787—1788 гг.

Важнейшим концептом, вокруг которого строилась ратификационная кампания 1787—1788 гг. в США, была, разумеется, конституция. В зависимости от политических взглядов того или иного публициста, она могла

ассоциироваться с тьмой, тайной и сатанинским началом («Злой дух тьмы председательствовал при ее рождении») либо со светом, лунным и солнечным диском («Федеральный план, подобно лунному диску, подлинному наблюдателю представится совершенным, хотя он и кажется покрытым небольшими пятнами»). Разумеется, использовалась оппозиция свобода/тирания, характерная для западного политического дискурса нового времени. Федералисты и антифедералисты понимали под противоположными членами этой оппозиции разные смыслы. Для федералистов свобода состояла в разделении властей, принципе сдержек и противовесов, в свободе народа. Для вторых более важны были права штатов, ущемленные конституцией. Соответственно, противники конституции видели в последней «самый коварный и ужасный заговор, какой когда-либо в самые темные века изобретался против прав свободного народа». Защитники документа, напротив, ассоциировали свободу именно с новой федеральной системой, противопоставляя ее анархии и хаосу периода Конфедерации. Обе партии использовали характерные метафоры. Например, распространенным было понимание конституции как здания, храма, корабля. Такие метафоры легко могли визуализироваться в политических карикатурах, воплощаться в материальных объектах (здания с тринадцатью колоннами, символизирующие Союз; «федеральный фрегат» в ратификационной процессии в Нью-Йорке). Визуализация метафор облегчала восприятие политической полемики в обществе, где грамотность была еще довольно низкой. Обе партии прибегали к алармистской риторике, доказывая, что провал их программы приведет к ужасающим последствиям.

Цимбал Ирина Сергеевна,

к. иск., проф., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Отзвуки войны в творчестве Юджина О'Нила

Война как исторический катаклизм, меняющий мир и сознание людей, не была магистральной темой для Юджина О'Нила. И это при том, что у его великих современников — Фитцджеральда, Дос Пассоса, Хемингуэя — войне или ее последствиям посвящены едва ли не лучшие страницы произведений. Но говорить о безучастности драматурга к событиям мирового масштаба было бы несправедливо. В канун Первой мировой войны О'Нил сотрудничает как журналист в провинциальных газетах, где появляются его стихотворения «Звезды», «Моя душа — субмарина», «Братоубийство». «Братоубийство», обличающее войну с Мексикой, оказалось самым сильным антимилитаристским высказыванием драматурга. Одноактные пьесы «Снайпер» и «В зоне» посвящены психологическому состоянию героев, физически и морально травмированных войной. И все-таки для О'Нила, прежде всего, оказывается важной метафизика войны как таковой, ее глубинное воздействие на человека, даже если сама эпоха «облачена» в исторические костюмы и отмечена печатью «местного колорита». В пьесе «Траур — участь Электры» война перевернула сознание главных героев, вернувшихся с Гражданской войны, заставила по-ново-

му взглянуть на вечную непостижимость загадок жизни и лишённую таинственного флера обыденность смерти. Незримое присутствие войны на долгие годы усложнит жизнь героев «Странной интерлюдии», ставшей посылкой лептой драматурга в историю «потерянного поколения». Корнелиус Мелоди («Душа поэта») тешит свои амбиции военными подвигами времен наполеоновских войн. Он сражался в армии Веллингтона и битву при Талавере отмечает как ежегодный праздник. Но и парадный мундир, и породистая лошадь вскармливают его иллюзии (наподобие ибсеновской дикой утки) и подменяют жестокою реальность. У самого же драматурга не было никаких иллюзий по поводу бесчеловечного разрешения конфликтов.

Черкасский Сергей Дмитриевич,

д. иск., проф., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Американский базар, или Как Ли Страсберг и Стелла Адлер поспорили о системе Станиславского

Американские гастроли Художественного театра 1923—1924 гг. оказали определяющее влияние на развитие театра и кино США XX века, дали толчок к развитию американской актерской школы. Началом этих процессов стала деятельность театра «Групп» (1931—1940), основателями которого были среди прочих Ли Страсберг (1901—1982) и Стелла Адлер (1902—1992). Именно десятилетняя творческая деятельность «Групп» заложила основу Метода (the Method acting) — интерпретации системы Станиславского, прославленной достижениями М. Брандо, М. Монро, П. Ньюмена, А. Пачино, Д. Хофмана, Р. Де Ниро и др. Безусловно, что Страсберг, «создавший индустрию Станиславского в Америке», стал одним из самых влиятельных педагогов актерского мастерства XX века. Однако на следующий день после его смерти Адлер вошла в класс руководимой ею Консерватории со словами: «Умер великий человек театра. Пройдут годы, прежде чем искусство актера избавится от вреда, который он нанес». И это сказала актриса, снимавшая успех в спектаклях «Дом Коннелли» П. Грина, «Ночь над Таосом» М. Андерсона, «История успеха» Дж. Лоусона, поставленных Страсбергом. Ожесточенность методологического спора Адлер и Страсберга по вопросам театральной педагогики восходит к различию их интерпретации системы Станиславского и разному пониманию драматургии «красного десятилетия» (добавим имена С. Кингсли и возвращенного именно в «Групп» К. Одетса). Отправным моментом этого яростного противостояния, определившим многие страницы театральной истории Америки XX в., стала парижская встреча Стеллы Адлер со Станиславским в июле 1934 г. и ряд уроков-репетиций пьесы Дж. Лоусона «Аристократка», который реформатор русской сцены дал молодой американской актрисе.

Для вскрытия сути этих уроков нами проведено сопоставление ряда противоречивых источников (воспоминания С. Адлер, Г. Клермана, самого К. С. Станиславского), проанализированы пьесы упомянутых авторов.

Выявлено, в чем опыт полемики двух выдающихся театральных деятелей Америки может послужить современному искусству.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

Абдуллина Марина Ринатовна,

асп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Память литературы в кинематографе:

корейская экранизация романа «Опасные связи»

Художественная литература — один из главных носителей коллективной памяти, с помощью которого из эпохи в эпоху передается накопленный культурный опыт поколений. Устойчивые темы и образы литературы способны находить воплощение в других видах искусств и продолжать трансляцию духовных ценностей с полотен живописцев, театральных подмостков и киноэкранов, осуществляя тем самым связь прошлого с настоящим. Так, герои романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (1782) два века спустя обретают новую жизнь в кинематографических версиях. Одно из таких оригинальных произведений по мотивам — фильм «Скрываемый скандал» (2003) реж. Чже-ён Ли, Южная Корея. Цель работы — анализ особенностей корейской кинематографической адаптации французского первоисточника.

Эта экранизация демонстрирует успешные результаты смелого художественного эксперимента. Действие фильма перенесено в Корею конца XVIII в., при этом сюжет представляет собой иллюстрацию содержания первоисточника, а глубина философской проблематики соответствует романной. При грамотном режиссерском прочтении культурное пространство, образованное «Опасными связями», удивительным образом гармонично вписывается в контекст восточной культуры. Автор адаптации пропускает сквозь призму истории родной страны образы западного прошлого, конструирует их с учетом национальной ментальности и создает кинематографическую репрезентацию, верную эстетической программе Лакло. Стилистика кинопроизведения обусловлена корейским колоритом, однако ключевым деталям французского романа мастерски находится эквивалент. Картина удивительно точно передает дух первоисточника, донося до зрителя саму суть «Опасных связей».

Таким образом, создавая корейскую адаптацию произведения классической литературы, режиссер обращает внимание зрителя к воспоминаниям о минувшей эпохе и утверждает вневременную и внекультурную актуальность романа «Опасные связи».

Алилова Джульетта Гаджиевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

От «голоса Коны» к оссиановской поэзии Дж. Макферсона

С конца XIII в., в процессе англизации населения кельтских регионов Британии, культурная память народа, восходящая к кельтскому прошлому страны, претерпевала серьезные испытания. К XVIII в. значительный пласт художественного наследия кельтов был утрачен безвозвратно. Лучше всего сохранились элементы кельтской устной традиции, созданной на гэльском

языке. Наиболее живучими оказались поэтические диалоги барда Оссиана (*ирл.* Ойсин) и Св. Патрика. В сохранении и отчасти в восстановлении культурной памяти кельтов о героических подвигах предков значительная роль принадлежит Джеймсу Макферсону, вошедшему в литературную историю Великобритании благодаря воспроизведению «голоса Коны», «последнего героя Каледонии», легендарного воина-барда III в. Оссиана. Комментарии Макферсона к шести книгам «Фингала», к восьми книгам «Теморы» и к отдельным песням, составляющим корпус оссиановской поэзии, позволяют детально реконструировать конситуацию, в которой «воссоздавалась» оссиановская «эпопея». Эти комментарии позволяют выявить отдельные условия и обстоятельства, в которых слагались эти сказания. Макферсон обозначает события, подвигнувшие барда на создание песенных сказаний, причем он стремится конкретизировать обстановку, ситуацию и образы, благодаря чему почти все персонажи «Творений Оссиана» воспринимаются конкретными историческими лицами с разными характерами, мечтами, судьбами. Этим богатством образов и полнотой описания, вероятно, и следует объяснить «неровность» стиля оссиановских сказаний, заимствованную Макферсоном у подлинника, которую, по оценке специалистов гэльских текстов, ему удалось мастерски сохранить. Многослойность текста оссиановских сказаний, его многоуровневые отношения позволяют предположить, что и сам Оссиан был хранителем и продолжателем поэтической традиции, восходящей к незапамятным временам. Об этом говорится в его «Песнях Сельмы»: «Я слышу иногда голоса ушедших бардов и узнаю их приятную песнь. Но память моя слабеет; я слышу зов времени...».

Алташина Вероника Дмитриевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«Мемуары графа де Грамона» А. Гамильтона:
телескоп и калейдоскоп

Жанр данного произведения продолжает вызывать полемику: одни считают его романом, другие — мемуарами, третьи — псевдомемуарами. Трудность определения жанра связана с его неоднозначной структурой, четко распадающейся на две части, как на то указывает полное название произведения: «Мемуары о жизни графа де Грамона, содержащие, в частности, любовную историю английского двора в царствование Карла II» (1713). Задумав произведение с одной сюжетной линией, которое вполне соответствовало мемуарной практике эпохи, автор переходит к многофокусному повествованию. Первая часть организована вокруг главного героя, прочно включенного в «Я-схему» повествователя (несмотря на его уверенность, что он пишет под диктовку героя, на самом деле Гамильтон пишет о близком ему человеке, что свидетельствует о включенности его образа в «Я-схему» (термин психологии) рассказчика). Для эпизодов молодости характерен «телескопический эффект» памяти (термин психологии), когда давнее событие видится так, словно оно произошло вчера. Эпизоды первой части построены по типу «воспоминания — вспышки» (термин психологии)

и почти не связаны между собой. Вторая часть дробится на более мелкие картины, сменяющие друг друга, как в калейдоскопе, главную роль в которых играет уже не сам герой, но английский двор.

Анцыферова Ольга Юрьевна,

д. ф. н., проф., Ивановский государственный университет

Память жанра: от фэнтези к университетскому роману

Университетская проза стала примечательным явлением западной литературы рубежа XX—XXI вв. со своими четкими жанрово-тематическими границами. Для отечественных исследователей, безусловно, особый интерес представляют произведения, героями которых выбраны *преподаватели русской литературы*. Долгое время единственным романом о профессоре-слависте оставался «Пнин» (1956) Владимира Набокова. Однако в последние десятилетия, на фоне бурного расцвета университетской прозы, появился целый ряд произведений, протагонисты которых профессионально связаны с русской литературой. Среди них одним из самых примечательных стал роман «Переводчик» Джона Кроули (Crowley, John. *The Translator*, 2002). Тема преподавания русской литературы в американском университете достаточно неожиданно возникает у этого автора, не являясь магистральной для его творчества. Само появление романа, ярко и точно живописующего жизнь США периода «холодной войны», на пороге Третьей мировой, достаточно неожиданно для Кроули, до тех пор известного как сочинитель *fantasy*. Признанным шедевром писателя, с которого, собственно, началась его известность, стал роман «Маленький, большой» (Little, big, 1981; рус. перевод — 2004), который знаменитый американский литературовед Харолд Блум называл «недооцененным шедевром» и ставил на один уровень с книгами об Алисе Льюиса Кэррола. Тем интереснее нам, носителям русской культуры, будет поразмышлять над тем, какое место русская литература занимает в системе нравственно-эстетических координат писателя и как данное произведение вписывается в общий контекст его творчества. Ответы на эти вопросы помогут не только изучить достаточно своеобычное произведение современной американской литературы, но и поразмышлять о роли русской литературы в культурном сознании США.

Апенко Елена Михайловна,

к. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Функция этнической памяти в произведениях китайско-американских писательниц

Китайско-американская литература сформировалась позже других этнических литератур США и в силу этого обладает рядом особенностей. Прежде всего, в центре внимания оказывается второе поколение иммигрантов — этнические китайцы, родившиеся в США и являющиеся американскими гражданами.

В посвященных их судьбам произведениях тема этнического самоопределения приобретает форму проблематизирования «я» индивида. Внимание авторов сосредоточено в первую очередь на процедуре становления поликультурного сознания.

Одной из основ данной поликультурности является «китайское наследие» — язык, традиции, история и мифология Китая, которые первое поколение иммигрантов «привезли» с собой в США. Второе же поколение сталкивается с проблемой выбора основ своего самосознания. Особую роль в процедуре выбора играет «память этноса».

Аствацатуров Алексей Георгиевич,

к. филос. н., проф., Институт иностранных языков

Воспоминания о Боге и Дьяволе, Авеле и Каине
в романе Жан Поля «Комета»

1. В романе «Комета» (1822) Жан Поль (1763—1825) предпринял модернистскую трансформацию сразу трех базисных для европейской культуры текстов, которые постоянно присутствуют в исторической памяти человечества, актуализируются в ней, расширяя код, необходимый для постижения содержания и форм развития литературы. Это Ветхий Завет, Новый Завет и «Дон Кихот», что само по себе уже свидетельствует о программном значении романа. Ретроспективно обращаясь к раннему творчеству писателя, мы заметим, что последний роман Жан Поля воздействует на читателя как сумма идей, продолжение их развития и их трансценденция одновременно. В романе исчезают главные различия между истинными и ложными именами, между фантазией и опытом, что показывает виртуозную модернистскую трансформацию указанных текстов, а не их просветительскую коррекцию.
2. В «Комете» мы имеем дело с истолкованием двойственности, многозначности, противоречивости мировоззрения Жан Поля, а также противоречивостью его субъектных и трансцендентально философских концептов.
3. Комета — это эмблема двуликости бытия. Комета действует, с одной стороны, как звезда, возвещающая саму божественную истину, ее посланницу, с другой, — комета — небесное тело, которое на своем пути медленно сгорает и тем самым себя уничтожает. Выбор названия романа безосмысленно демонстрирует модернистскую волю к двусмысленности и многозначности. Кометы маркируют эпохальные переломы и повороты, причем без какой-либо однозначности. Они возвещают благо и спасение, но также беду и несчастье. Для понимания мотива кометы у Жан Поля важно принять во внимание народное поверье, которое истолковывает комету как божественное, так и сатанинское явление.
4. История семьи Николауса Маркграфа, простого аптекаря, выглядит как повторение истории Святого Семейства. Семейная легенда делает Николауса сыном маркграфа, в которую верит также и его отец Элиас Энох, игающий роль Иосифа Святого. Тем самым Николаус на основе религиозной памяти получает своего двойника, Иисуса Христа.

Бакши Наталия Александровна,
к. ф. н., доц., Российский государственный гуманитарный университет

Споры о *metoia*, или Воскрешение Лазаря: Элизабет Ланггессер и Жан Кайроль

После Второй мировой войны возникает большой интерес к Августину и его категории *metoia* — экзистенциальной памяти, заложенной в человеке, памяти не только о Боге, но и о самом себе (В. Гофманн, Романо Гвардини). В связи с утратой экзистенциальной основы у послевоенного человека возникает потребность «вспомнить» свою истинную сущность. Э. Ланггессер в романе «Неизгладимая печать» (1946) предлагает вариант христианского экзистенциализма. Ключевой фигурой здесь является фигура Лазаря, восставшего из мертвых, или «вспомнившего» себя. Память, вызвавшая главного героя Лазаря Бельфонтена от смерти к жизни, обрекла героя «лазарейской литературы» Жана Кайроля («Лазарь среди нас», 1950), прошедшего концлагерь и не способного забыть этот смертельный опыт, на глубокое одиночество среди живых. Его воскрешение к жизни невозможно и бесплодно. Хотя Кайроль и Ланггессер вряд ли знали о существовании друг друга, соотношение их текстов все же представляется плодотворным из-за фигуры Лазаря и проблемы памяти, таящих в себе, как очевидно, множество самых разнообразных импульсов для послевоенной литературы и оказывающихся ключевыми в столкновении экзистенциализма с христианским сознанием.

Белобратов Александр Васильевич,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Формы и формулы памяти в романе Э. Канетти «Ослепление»

Роман австрийского писателя Элиаса Канетти «Ослепление» (1935) анализируется из перспективы реализации в нем различных формул памяти, связанных с поэтологической и этической установками автора и участвующих в создании образа мира, главенствующей особенностью которого предстает абсолютный коммуникационный коллапс. Роман «Ослепление» характеризуется гротескностью и абсурдностью сцен, положений, диалогов, максимальное эстетическое и этическое напряжение которых создается, с одной стороны, за счет «деловитого», почти протокольного изложения мыслей и высказываний романских персонажей, наделенных броскими речевыми характеристиками («акустическими масками»). С другой стороны, сатирическое обозрение нравов густо замешано на интеллектуально-символическом материале, на «памяти интертекста», имеющего свои источники и в древневосточной философии, и в мировой литературе, и в австрийских и немецких философских и психологических учениях и псевдоучениях начала XX века. Образ мира, в котором причудливо перемешались черты библиотеки, кабака, ломбарда и сумасшедшего дома (основные «площадки», на которых разыгрывается действие романа), возникает на страницах книги Канетти, заряженной сильным сатирическим импульсом. Формулы

памяти (произвольной и произвольной, памяти разума и памяти чувства, памяти жанра) Канетти использует в построении своих протагонистов, замыкающихся в жестко ограниченном пространстве своих *memoria* и *mania* и существующих в ситуации «ложной коммуникации» или полного коммуникативного разрыва.

Братчикова Надежда Станиславовна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Литература Финляндии XVI—XVIII вв.:

тенденции развития и рождение национального духа

1. Возникновение книгопечатания на финском языке. Литературная деятельность М. Агриколы. Зарождение книжности дало толчок развитию общефинского национального языка, стало способствовать национальной консолидации финского народа. Безразличие к национально-фольклорной поэзии и пристрастие к народным пословицам и поговоркам.
2. Развитие литературы в Финляндии шло благодаря наиболее образованным представителям духовенства. Среди них наиболее значимыми являются П. Юстен, Я. Суомалайнен и Хемминки из Маску. Постепенно в литературе стали проявляться признаки «обмирщения» содержания, стало исчезать решительное противостояние фольклорно-языческой поэзии и мирской поэзии.
3. Феннофильское течение способствовало развитию финноязычной литературы, которая не успев возникнуть, стала приобретать черты регресса, на что влияла языковая ситуация и языковая политика в стране. Зарождается академический интерес к финскому языку, печатаются первые словари и грамматики, выпускается первый сборник финских пословиц (Флоринус, 1702), исторический обзор на латыни «Старый и новый Турку» (Юслениус, 1700).
4. Поэтические опыты второй половины XVII — первой половины XVIII в. характеризуются попытками создать стихотворные хроники о прошлом и настоящем Финляндии, интересом к народной жизни, сближением с фольклором через освоение фольклорно-эпической поэтики (Тудерус, Юстандер, Каянус, Саламниус). Происходит коренная переработка христианских мифов в духе финского фольклора. Интерес к калевальской метрике, аллитерации.
5. Во второй половине XVIII в. получают распространение просветительские идеи, усиливается интерес к истории и культуре финского народа (Чудениус). Отцом финской историографии является Портан; в качестве источников он использовал язык и народную поэзию. По мнению Портана, язык отражает историю развития народа. Для развития финской литературы большую роль сыграла работа «О финской поэзии» (1766—1788). Впервые обратился к проблеме сравнительного изучения карело-финской народной поэзии.

Браун Вера Борисовна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет
«Историзм» Дж. Р. Р. Толкина:
время и память во «Властелине колец»

Центральное произведение Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» приобрело свою феноменальную популярность во многом благодаря необычному сочетанию в книге традиционного материала и новых способов работы с ним. Имея множество предшественников в деле описания вымышленных миров, Толкин сделал новый шаг в этом направлении, снабдив мир Средиземья подробным описанием, реалистичной географией и историей длиной почти в сорок тысяч лет.

В текстах разной степени завершенности Толкин описывает вымышленный им мир на разных этапах исторического развития. Во «Властелине колец» описываются события, находящиеся в самом конце временной шкалы истории Средиземья. Для персонажей «Властелина колец» остальная история Средиземья уже относится к глубокому, полуполюгендарному прошлому. Наличие столь обширного фундамента придает миру «Властелина колец» отмечавшуюся многими читателями глубину, ощущение, что за описанной историей стоит огромный массив дополнительной информации.

Внимательное рассмотрение текста позволяет утверждать, что актуализация прошлого этого вымышленного мира — один из центральных способов организации как сюжетной составляющей, так и системы персонажей произведения. Во «Властелине колец» описывается мир, теряющий свою историю, где древние знания постепенно утрачиваются и забываются. При этом именно знание прошлого позволяет разрешить многие конфликты, представленные в условном «настоящем» произведения, включая центральный — судьбу Кольца Всевластья.

В тексте «Властелина колец» представлен широкий спектр источников знания: стихи, песни, исторические хроники, мемуары, артефакты прошлого и персонажи — живые хранители знаний. При этом текст выстроен таким образом, что знания открываются героям и читателю не сразу, постепенно продвигая сюжет и углубляя подоплеку конфликта. Текст оказывается связан с другими текстами — реальными и воображаемыми — на множестве уровней, в результате чего создается эффект сложной временной перспективы.

Бурмистрова Елизавета Валериевна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
Античность как воспоминание о будущем в стихотворном цикле
Стефана Георге «Новое царство»

Диалог немецкого поэта-символиста Стефана Георге (1868—1933) с античностью происходит на нескольких уровнях: философском, эстетическом, литературно-мифологическом. Ф. Гундольф, один из ближайших единомышленников Георге, упоминает Гёте в ряду исторических фигур,

которые, по мысли Георге, «готовят „новое тело“, в котором мог бы вновь воплотиться „Вечный Человек“ античности» [Gundolf, 1921, 28]. Восприятие поэтом античности как образца для идеального будущего Германии наиболее отчетливо отразилось в последнем стихотворном цикле Стефана Георге «Новое царство» (1928). Уже в открывающем цикл стихотворении «Последняя ночь Гёте в Италии» Гёте становится «визионером», провозвестником новой, сформированной по античному образцу Германии, о которой мечтал Георге. Усложняется пространственно-временная структура текста и тем обстоятельством, что повествование ведется от первого лица и позволяет обнаружить попытку самоидентификации автора с лирическим «я» (Гёте); так, Эрнст Остеркамп называет этот текст «ролевым стихотворением» [Osterkamp, 2010, 69]. В «Новом царстве» можно обнаружить как использование античной метрики, так и определенные философские и эстетические идеи античности, с которыми Георге связывает свои надежды на преобразование Германии. Так, концепция «тайной Германии» представляет собой доступный лишь немногим визионерский конструкт, воображаемую политеию выдающихся умов Германии. Вероятно, на формирование данной концепции повлияло и целенаправленное изучение Стефаном Георге трудов Платона. Примечательно и обращение Георге к фигуре Ф. Гельдерлина (в стихотворении «Гиперион»), который в трактовке поэта предстает проводником, провозвестником новой Германии, еще до Ф. Ницше постигшим дионисийские корни греческой культуры.

Бурова Ирина Игоревна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Э. Спенсер о памяти и «лекарствах от забвения»:

поэма «Руины времени»

Идея увековечивающей функции поэзии красной нитью проходит через все поэтическое творчество Эдмунда Спенсера. Разрабатываемый Спенсером мотив литературного памятника восходит к Горацию, однако Спенсер серьезно расходится с ним по вопросу о том, кому является памятником литературное произведение, созданное поэтом. Если Гораций видел в поэтическом творчестве памятник самому поэту, то Спенсер стремился создать памятники своим современникам.

Этим объясняется тот факт, что в творчестве Спенсера преобладают жанры, связанные с идеей прославления и восхваления, в том числе элегия, гимн, ода, сонет и эпическая поэма. Объектами прославления в них оказываются и абстрактные понятия (красота, любовь, нравственные добродетели), и конкретные лица (Сидни, возлюбленная дама, королева Елизавета) и даже события частной жизни («Проталама» и «Эпиталама»). Очевидно, поэт полагал, что одной из основных функций поэзии должна быть эпидейктическая, вслед за Аристотелем понимая похвалу как способ выражения величия добродетели личности.

В докладе предлагается прочтение поэмы «Руины времени» (опуб. 1591 г.) как произведения, отражающего суждения Спенсера о перехождении всего сущего и «лекарствах от забвения».

Бычков Егор Дмитриевич,

выпускник, Санкт-Петербургский государственный университет

Тема памяти в новеллистике Серхио Питоля

1. Тема памяти и воспоминаний в новеллистике Серхио Питоля (на примере нескольких рассказов).
2. Способы их выражения.
3. Их значение и авторская интерпретация.
4. Выводы.

Васкиневич Анжелика Игоревна,

к. ф. н., доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Жанр *Memento mori* в средневековой немецкой литературе

Жанр *Memento mori* складывается в рамках традиции литературы о презрении к миру. На развитие этой литературы повлияли идеи клюнийской реформы, проникшие в Германию через монастырь Хирзау. Философия отречения от мира является основой жанра *Memento mori*. Около 1070 г. алеманский аббат Ноткер из монастыря Цвифальтен, поддерживавшего реформы Хирзау, создает первое сочинение в жанре *Memento mori*, поучительное стихотворное произведение, призывающее к аскетизму и отречению от мира. В первой части автор напоминает мужчинам и женщинам о бренности земного существования о вечном блаженстве или проклятии. Центральное место занимает образ Страшного суда. Вторая часть представляет собой аллегорическое изображение ослепления человека переходящим миром и осуждение этого мира, поскольку этот мир обманчив. Сочинение Генриха фон Мелька «О всеобщей жизни и напоминание о смерти» (*“Von dem gemeinen leben und des todes gehügede”*, ок. 1160) продолжает развитие жанра *Memento mori*. В первой части показывается греховность всех сословий, а во второй создается яркий образ бренности всего мирского и греховой сущности земного мира, после чего следует призыв к покаянию. Мысль о Страшном суде является определяющей и для идейно-образной структуры этого произведения. В сочинении Генриха фон Мелька производится негативная оценка миннезанга с точки зрения христианской философии.

Вольский Алексей Львович,

д. ф. н., доц., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Феномен воспоминания в поэтике и поэзии Ф. Гёльдерлина

1. Воспоминание в поэтике Гёльдерлина осознается как способность возвыситься над собственным ограниченным бытием до сферы свободы.
2. Феномен воспоминания отличается от смежных феноменов: памяти, мысли и интеллектуального созерцания.
3. Воспоминание имеет двойственную природу: трансценденции и разрушения индивидуального сознания.
4. Языковой формой выражения воспоминания является поэзия.

Горошкова Рената Ришатовна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Одержимость» памятью как дар Божий
(в повести «Одержимый» Ч. Диккенса)

Пять рождественских повестей Ч. Диккенса 1840-х гг. — «Рождественская песнь в прозе», «Колокола», «Сверчок за очагом», «Битва жизни», «Одержимый» — можно назвать единым циклом, найдя в них циклообразующие признаки, поверхностные (например, календарность выхода повестей) и глубинные (форма, мотивы, идеи). Мотив памяти можно отнести к главным признакам цикличности упомянутых произведений: в каждой повести акцент на важности понятий «помнить», «память», «воспоминания» очевиден и указывает, в том числе, и на символическое значение празднования Рождества Христова — праздника, когда люди *вспоминают* рождение Богомладенца. В последней же повести из цикла — «Одержимый, или Сделка с призраком» мотив памяти становится сюжетообразующим: события начинают разворачиваться именно тогда, когда к главному герою ученому мистеру Редлоу приходит Дух, имени у которого нет, но его смело можно назвать Духом Памяти. Незванный гость предлагает ему Дар — вычеркнуть все воспоминания о нанесенных обидах, а именно они мучают ученого темными ночами, ввергая его в уныние — смертный грех для любого христианина. Эта сделка с представителем потустороннего мира (а в этой повести мы до конца не можем понять, каким именно силам — темным или светлым — служит этот Призрак) приводит к тому, что лишение памяти для Редлоу означает потерю способности чувствовать, а точнее — *сочувствовать*. Ученый понял, что, потеряв давным давно всех своих родных и близких, только теперь, приняв Дар, он стал по-настоящему одинок, потому что впредь страдание и боль других людей не вызывают в нем никакого чувства. Важная деталь: стал главным герой равнодушен и к звучаниям любой музыки, которая стала для него лишь набором ничего не значащих звуков, но именно музыка, а точнее рождественские напевы — напевы гимнов, славящих рождение Богомладенца, который завещал прощать обиды, а не забывать их, возвращают мистеру Редлоу память.

Гук Елена Викторовна,
асп., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Белоруссия)

Идейно-художественные особенности романа
Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли»

Веслав Мысливски (1932) — польский прозаик, драматург — является одним из самых известных представителей крестьянского течения в современной польской литературе. Однако, названный критиками «писателем села», В. Мысливский не только отображает внешние факторы деревенской жизни, но и подвергает глубокой рефлексии основные проблемы человеческой экзистенции, обращает внимание на психологию и неповторимый способ мышления и мировоззрения представителей крестьянской среды.

Роман *«Трактат о лущении фасоли»* (2006) в настоящий момент является последним произведением автора. Уже само слово «трактат» (с латинского «подвергнутый рассмотрению»), вынесенное автором в заглавие, указывает на своего рода жанровую мистификацию. Трактат выступает как одна из литературных форм, которая включает в себя обсуждение какого-либо вопроса в форме рассуждения. Рассуждению о жизни, смерти, любви, войне, Боге и многом другом придается главный герой.

Можно сказать, что в *«Трактате»*, построенном в форме внутреннего монолога-исповеди, присутствуют два основных героя: один из них безымянный рассказчик, другой — таинственный, молчаливый слушатель.

Реальное действие произведения уместается в одну ночь, однако благодаря приему ретроспекции временные рамки, показанные в произведении, значительно расширяются. События, описываемые путано и хаотично, но следующие логическому порядку, показывают все этапы становления личности героя.

Богатое проблемно-тематическое поле способствует более объемному анализу крестьянской души.

В жанровом плане в *«Трактате»* можно обнаружить присутствие черт романа о взрослении, романа-исповеди, философско-аллегорического романа, показаны общественно-исторические преобразования, происходившие в деревне до войны и после нее.

Данилкова Юлия Юрьевна,

к. ф. н., доц., Российский государственный гуманитарный университет

Проблема коллективной памяти и ее репрезентации
в новелле Т. Шторма «Всадник на белом коне»

1. Проблема коллективного и индивидуального в новелле Т. Шторма.
2. Рассказчики в новелле.
3. Проблема «рамочного» текста.
4. «Предание» и «легенда» как основные жанры внутри новеллы.
5. Интерпретация основных образов и мотивов коллективом и основным рассказчиком.

Делазари Иван Андреевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Музыкальная память в прозе Андрея Белого и Уильяма Фолкнера

Согласно символистским воззрениям, музыка занимает исключительное по значимости место не только в ряду искусств, но и во вне-концептуальном осмыслении действительности. В рамках этой парадигмы, в человеческом сознании сходными прерогативами наделяется память, к которой сознание и сводится: любое знание есть припоминание; в прошлом лежит связь человека с вечностью; забытое сознанием аккумулируется в под-

сознании; «Прошлое никогда не умирает. Оно даже и не прошлое вовсе» (У. Фолкнер). Подобные идеи *fin de siècle*, восходящие к Платону и полностью не оставляющие культуру ни на одну эпоху, прослеживаются и в литературе XX в. Музыкальные приемы синтетических «Симфоний» (1902—1908) Андрея Белого используются и в его позднейшей прозе, выстраиваемой во многом вокруг проблематики памяти («Котик Летаев», 1922); воспитанный на романтико-символистской традиции Уильям Фолкнер строит свой роман «Дикие пальмы» (1938) по аналогии с музыкой, и тема памяти не уходит со страниц его прозы — в частности, синтетического в композиционном отношении романа «Реквием по монахине» (1951). В докладе делается попытка описать некоторые тематико-композиционные особенности произведений двух названных авторов в свете феномена музыкальной памяти. Мнемонические процессы, непосредственно связанные с восприятием музыки, могут пролить свет на стратегию вовлечения читателя в текстах А. Белого и У. Фолкнера.

Долгорукова Наталья Михайловна,

преп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Мария Французская и Кретъен де Труа:
средневековый интертекст?

О творчестве Марии Французской, первой французской поэтессы XII в., как и о творчестве Кретъена де Труа, одного из первых французских романистов XII в., написано очень много, о сопоставлении творчества Марии и Кретъена — на удивление мало. Возможно, это объясняется тем, что ни Мария, ни Кретъен ни разу не упомянули друг друга на страницах своих произведений. Некоторые ученые касаются в своих работах сходств и различий между этими авторами, однако на сегодняшний день нет ни одной монографии, посвященной их систематическому сопоставлению. Есть основание полагать, что Кретъен де Труа оказывал на Марию Французскую непосредственное влияние; в своем докладе я попытаюсь показать, в чем оно проявлялось.

Мария Французская в ряде своих лэ, где речь идет о превращениях героев в животных и птиц («Бисклавре», «Йонек»), воспользовалась моделью, которую она нашла в переводах молодого Кретъена де Труа «Метаморфоз» Овидия, создавая, таким образом, аналог «латинских метаморфоз» — новые, «бретонские метаморфозы».

Кретъен де Труа, как это следует из пролога к «Клижесу», в молодости написал свою версию легенды о Тристане и Изольде. К сожалению, эта работа Кретъена не дошла до нас, от нее у нас остались лишь два имени: нет, не Тристана и Изольды, как это следует из русского перевода, но Марка и Изольды, как говорит Кретъен де Труа: “*dou roi Marc et d’Isout la Blonde*”. Эту же легенду Мария разрабатывает в «Жимолости».

Знаменитый эпизод из последнего романа Кретъена «Персеваль, или Повесть о Граале», где Персеваль видит три капли крови на белом снегу

и вспоминает свежий цвет лица своей возлюбленной, был навеян Кретьену эпизодом из лэ Марии «Соловей».

Этим и другим эпизодам, раскрывающим поэтические и творческие принципы Марии и Кретьена, будет уделено внимание в моей докладе.

Дробышева Марина Николаевна,

к. иск., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Образы, живущие в народной памяти,
в творчестве Марина Држича

Дубровницкая драматургия эпохи Ренессанса рождалась на народной почве. Фантастические фольклорные персонажи, такие как див и вила, тесно соприкасаются с обычной жизнью дубровницкого населения. Особенно это заметно при обращении к такому персонажу, как вила. Вила олицетворяет собой женское начало. Фольклор южных славян — это непосредственное окружение Марина Држича, благодаря которому он создавал свои драмы. В драматургической парадигме М. Држича особое место занимает пастораль, вовлекающая писателя в ренессансную сферу творчества.

Дуклау Алина Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Пасторали Чарльза Коттона

Чарльз Коттон (1630—1687) — автор единственного, изданного посмертно (1689), поэтического сборника *Poems On Several Occasions*, куда вошли, 59 любовных од и элегий, 7 пиндарических од, 10 сонетов, 10 песен, 16 эпиграмм, 5 эпитафий, 17 бурлесков, две эклоги, три сатиры, три героические поэмы, один диалог и один рождественский гимн, а также несколько произведений, жанровые границы которых размыты, но именно в них наиболее ярко проявляется авторская индивидуальность Коттона, в том числе «Новый Год» и «Уединение», а также переводы с французского, итальянского и латыни. Несмотря на обилие жанровых определений, поэзия Коттона может быть в целом охарактеризована как «пасторальная», если употреблять этот термин в широком смысле, как обозначение жанровой содержательности, не связанной определенным набором формальных признаков (Е. П. Зыкова). В поэзии Коттона пастораль поворачивается различными своими гранями. В его стихах представлены гедонистическая эротическая пастораль, анакреонтика, медитативная поэзия, барочная эмблематика, христианская метафизика, в нее вторгаются злободневная политика, а поэтические конвенции соседствуют с предельно точным описанием бытовых реалий. Пасторали Коттона проникнуты специфической комической интонацией, их стиль можно охарактеризовать как веселый, радостный, шуточный, дружественный, что помещает Коттона в ряд блестящих английских поэтов-юмористов. Поэзия Коттона была в XIX в. заново прочитана и высоко оценена поэтами-романтиками, прежде всего Вордсвортом.

Дьяченко Ирина Алексеевна,
к. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Стихотворение Д. Уолкотта «Лес Европы»:
поэзия и культурная память

Дерека Уолкотта и Иосифа Бродского связывала многолетняя дружба. Бродский считал Уолкотта лучшим современным поэтом, пишущим по-английски. Уолкотт, в свою очередь, высоко ценил поэзию и прозу Бродского и даже признавал некоторое влияние его поэтики. Благодаря Бродскому Уолкотт смог лучше узнать русскую литературу и особенно поэзию XX в. Стихотворение Уолкотта «Лес Европы» (“Forest of Europe”), посвященное Бродскому, — это воспоминание об одной их встрече, во время которой они много говорили о русской истории и культуре XX в. В данном стихотворении Уолкотт размышляет о поэзии как о способе выживания в условиях несвободы, тоталитарного режима, изгнания. Текст насыщен аллюзиями и реминисценциями: судьбы Солженицына и Мандельштама перекликаются с жизнью самого автора и его собеседника, Иосифа Бродского, которого Уолкотт называл «истинным изгнанником». Особое место в тексте занимает цитата из стихотворения Мандельштама «С миром державным я был лишь ребячески связан...»: “The rustling of ruble notes by the lemon Neva”. Under your exile’s tongue, crisp under heel, The gutturals crackle like decaying leaves, The phrase from Mandelstam circles with light In a brown room, in barren Oklahoma. Поэзия понимается Уолкоттом как резервуар культурной памяти, пересекающей границы стран, континентов, эпох. И это не только память о событиях, но и о текстах, интерпретирующих их. Отнюдь не случаен образ «мозаичной меди дубовых лавров» (“the inlaid copper laurel of an oak”) во 2-й строфе: Уолкотт говорит о том, что всякий текст, возникающий здесь и сейчас, «инкрустирован» (“inlaid”) фрагментами других текстов, с которыми он составляет художественное целое. Эта мысль созвучна рассуждениям постструктуралистов о том, что каждый текст представляет собой «многомерное пространство, в котором множество текстов <...> смешиваются и сталкиваются друг с другом», что «текст есть ткань, созданная из цитат».

Елисеева Александра Владимировна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Память и бренд в романе К. Крахта “Faserland”

В романе немецкоязычного автора Кристиана Крахта (Christian Kracht, 1966) “Faserland” (1995) значительное место занимают воспоминания — как индивидуальные, так и относящиеся к прошлому ряда стран. Обращает на себя внимание некая клишированность и упрощенность воспоминаний. Так, прошлое Германии оказывается связанным в сознании нарратора почти исключительно с нацизмом, в индивидуальных воспоминаниях присутствует фигура отца (никогда не упоминается мать персонажа). Одержимость рассказчика нацистским прошлым Германии примечательно сочетается с его равнодушием по отношению к иным историческим периодам и другим

странам. Постоянно декларируя неприятие исторического прошлого Германии, нарратор, с одной стороны, девальвирует слова «фашист», «нацист», применяя их ко всем несимпатичным ему людям, с другой стороны, сам обнаруживает черты нацистской идеологии в своих оценках. Представляется плодотворным рассмотреть проявления исторической и индивидуальной памяти в романе “Faserland” в контексте современных концепций культуры памяти в Германии, например, книги У. Юрайт и К. Шнайдера «Ощущение жертвы. Иллюзии преодоления прошлого» (U. Jureit, Ch. Schneider “Gefühle Opfer. Illusionen der Vergangenheitbewältigung”). В данном сочинении авторы анализируют проблему регламентации исторической памяти в послевоенной Германии — предписания того, что необходимо вспоминать и как нужно вспоминать. Эти «предписания» узнаваемы и в романе Крахта — персонаж демонстрирует шаблоны отношения к историческому и индивидуальному прошлому, заданные предшествующей дискурсивной традицией. Любопытной представляется взаимосвязь предписанного воспоминания о прошлом с феноменом бренда (образа, имиджа чего-либо). Брендное сознание повествователя примечательно сочетается с культурной обусловленностью его памяти. Таким образом, роман Крахта можно прочесть как произведение, пародирующее распространенные клише исторической и индивидуальной памяти.

Ермакова Полина Юрьевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лоренс Стерн: Memento Mori. Бедный Йорик, нищий монах
и воображаемые кладбища

Монах Лоренцо и его история приобрели необыкновенную популярность после выхода романа и стали темой для иллюстраций, произведений декоративно-прикладного искусства. Йорик отказывает монаху в подаянии, хоть его вид и растрогал рассказчика. Не желая, чтобы его грубое обхождение с монахом стало известно спутнице, Йорик предлагает тому в подарок табакерку, а монах взамен дарит ему свою. Это событие трогает обоих необычайно. На первый план в этой главе выходит безделушка — табакерка, которая должна исправить грубость Йорика. Для Йорика подарок монаха приобретает почти сакральное значение: «Я храню эту табакерку наравне с культом моей религии». Отметим эту особенность, характерную для сентиментального мировосприятия в целом. Цена и ценность сентиментального подарка почти всегда находятся в обратно пропорциональной зависимости. После выхода «Сентиментального путешествия» роговые табакерки стали очень популярны по всей Европе. Главы, повествующие о Лоренцо, были первыми переведены на немецкий в 1769 г. братьями Якоби, которые сами смастерили роговые табакерки. Вскоре в Германии последовало и производственное изготовление и продажа роговых табакерок с цитатами из Стерна. Табакерка становится субститутутом дарителя, мнемоническим знаком: «...много раз вызывал я с ее помощью образ ее прежнего владельца, чтобы внести мир в свою душу среди мирской

суеты...». Йорик с помощью табакерки отправляется в путешествие по своей памяти. Несмотря на то, что кладбищенская сцена у Стерна только одна: Йорик на могиле Лоренцо, художники с удовольствием изображают и вымышленные могильные сцены. Фронтисписом одного из изданий стала гравюра — вымысел художника на кладбищенскую тему. В 1785 г. немецкий почитатель Стерна в переписке предлагает разбить английский парк, напоминающий кладбище, на могильных монументах которого были бы выбиты имена героев Стерна. Таким образом, воспоминания — необходимая практика героя сентиментального текста, его интерпретатора (иллюстратора) и читателя.

Ефаева Лидия Сергеевна,

соиск., Санкт-Петербургский государственный университет

Эстетика воспоминания у Р. М. дель Валье-Инклана и ее воплощение в историческом романе

Эстетические видения Р. М. дель Валье-Инклана выкристаллизовались в 10-е гг. XX в., найдя воплощение в трактате «Волшебная лампа» (1916). Одной из основных его тем является проблема репрезентации художником жизни. В этом процессе главным инструментом должна быть память творца, так как, по мысли испанского писателя, в искусстве «ничто не является тем, что оно есть, а только таковым, каким мы его вспоминаем», при этом творец должен отвести в предмете изображения все эфемерное, связанное с бесконечно меняющимся временем, и представить объект в его непреходящей, вечной ценности. Для достижения последней цели необходимо выработать особый взгляд на реальность. Из трех возможных вариантов: снизу, стоя на коленях, прямо, стоя на ногах, и сверху, — Валье-Инклан выбирает последнюю позицию — творца-демиурга, обозревающего мир целиком и не отвлекающегося на мимолетные детали. Еще одно свойство, которым должен обладать взгляд художника, — это его надличностность, он должен воплотить в себе взгляды многих, созерцающих объект одновременно. Такой тип творца Валье-Инклан находит в народной литературе. Эти эстетические принципы Валье-Инклан применяет при создании произведений на исторические темы. В свете бурных событий в мире и в Испании в начале XX в., писатель выдвигает на первый план нового героя, всю нацию. Коллективная душа народа, переживающего историческое событие, синтезируется поэтом в обобщенном персонаже, социальной группе, призванном обновить романский жанр, который больше не отражает индивидуальные переживания, но становится «коллективным». Вершиной подобного типа романа Валье-Инклан называет «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Писатель должен уподобиться народному сказителю, передающему не личное, а народное отношение к жизненному факту, воспоминание о нем. Событиям предшествующего века посвящен поздний романский цикл Валье-Инклана «Иберийский круговорот», о котором сам автор говорил, что он написан «в стиле „Войны и мира“».

Закутняя Ольга Валерьевна,
к. ф. н., Институт космических исследований РАН

‘Cats don’t have names’: образ Черного Кота в творчестве Нила Геймана (Neil Gaiman)

Черный кот — один из главных персонажей рассказа “The Price” (1999) и сказочной повести “Coraline” (2002) современного писателя Нила Геймана (Neil Gaiman). Хотя произведения не связаны друг с другом сюжетно, место и роль черного кота в обоих весьма схожи, так что можно говорить о своего рода сквозном образе. Во-первых, оба персонажа не имеют имени, что подчеркивается в тексте. Во-вторых, выполняя функции волшебного помощника или чудесного животного и восходя генетически к этой функции волшебной сказки, они вместе с тем выступают в обоих произведениях посредниками между реальным и чудесным мирами (стоя на пограничье, как кот рассказа, или свободно перемещаясь между, как кот из повести-сказки).

Вместе с тем, в более позднем произведении образ черного кота несколько меняется. Он вводится в сложные системы персонажей («реалистических» и «чудесных», «животных» и «человеческих») и метафор (связанных с волшебным или реальным мирами), что отражает более углубленное понимание «чудесного» как категории, противопоставленной «реальному». При этом «реальное» понимается и как соответствие изображаемого мира повседневности читателя (литературное реальное), и как реальность вне литературного произведения (реальность читателя). Согласно Гейману, «чудесное» представляет неотъемлемую часть реальности в обоих смыслах: в качестве «странных» персонажей в первом случае (черный кот) или как эстетическое переживание во втором (произведение о «чудесном»).

На основе анализа можно сделать выводы о развитии творческого метода Геймана, а также понять, как эволюционирует один из важнейших образов европейской культуры в современной литературе.

Зотова Татьяна Алексеевна,
к. ф. н., с. н. с., Институт мировой литературы РАН

Лирика Л. Тика: от фрагмента к энциклопедии

Первый поэтический сборник Л. Тика, “Gedichte” («Стихотворения»), выходит в 1821 г., через несколько лет после шеститомного сборника «Фантазус», собравшего все хоть сколько-нибудь значимые произведения автора, в период творческого кризиса Тика, и, фактически, при отсутствии необходимости в новом собрании сочинений. Интерес представляет первая часть «Стихотворений», состоящая из фрагментов драм и романов, а также немногих отдельных как ранних, так и новых произведений. Особенность сборника заключается в нетипичном для Тика подходе к обработке собственных текстов: все фрагменты публикуются без указания источника, т. е.,

исходного текста. Сам же текст при фрагментации изменяется и корректируется, что затрудняет определение его происхождения.

Иногда часть исходного текста заимствуется таким образом, чтобы эта часть получила принципиально новую роль: так, например, ремарка драмы становится подзаголовком фрагмента. Фрагменты всегда получают собственное название, всегда краткое и суммирующее. Названия стихотворений указывают на основные романтические топосы, а редакция текстов всегда производится в согласии с указанной в названии темой. Заметны попытки автора организовать сборник тематически, переходя от одной группы близких другу другу тем к другой. Таким образом, автор вырывает эти фрагменты из привычного контекста и дает им новый.

Нетипичный для Л. Тика сборник «Стихотворения» можно интерпретировать как попытку создания автором своеобразной «энциклопедии» раннего романтизма. В отличие от универсализма сборника «Фантазус», где тексты Тика, относящиеся к разным родам и жанрам, обрамлены повествовательной рамкой, раскрывающей основные эстетические воззрения автора, энциклопедичность сугубо лирического сборника «Стихотворения» предполагает новый, максимально отстраненный взгляд на собственное творчество, переосмысления собственной роли в получившем широкое распространение движении.

Зуева Екатерина Владимировна,
асс., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Британская анималистика в социально-политическом контексте

Британская анималистика представляет собой неоднозначное литературное явление. Многие авторы не являются профессиональными писателями, хотя их произведения пользуются большой популярностью и переведены на многие языки. Анималистская литература представляет собой синтез документального и художественного, характерный для литературы второй половины XX века. Джеральд Даррелл (1925—1995) — известный английский натуралист и зоолог. В своих автобиографических произведениях он часто обращается к теме Второй мировой войны («Путь кенгуренка» (1966), «Птицы, звери и родственники» (1969), «Филе из палтуса» (1971), «Сад богов» (1978)). Джеймс Хэрриот (наст. имя Джеймс Альфред Уайт, 1916—1995) — английский писатель и ветеринар. В его книгах («О всех созданиях — прекрасных и разумных» (1974), «О всех созданиях — мудрых и удивительных» (1977), «И всех их создал Бог» (1981)) подробно освещается его служба в ВВС во время Второй мировой войны. Оба писателя едины в своем осуждении войны, в том, что она разрушает жизни простых англичан. Животные изображены как самые невинные жертвы войны, что еще больше подчеркивает трагичность этого события. С другой стороны, именно животные помогают забыть о происходящем вокруг ужасе и вернуться к мирной спокойной жизни.

Каминская Юлиана Владимировна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Память о Гёльдерлине и парадоксальность человеческой речи в поэзии XXI века

1. Общеизвестно, что восприятие произведений Гёльдерлина оставило многообразные следы в виде метафор и мотивов, пронизывающих книги его потомков. Более того, сам образ Гёльдерлина зримо присутствует во многих произведениях XX века, а также в искусстве наших дней, став — наряду с Клейстом и Бюхнером — одной из ключевых фигур прошедшего столетия.
2. Какое отношение имеет этот образ к самому поэту, вопрос сложный. Разумеется, речь идет о некоем конструкте, представляющем недостижимый и непостижимый оригинал в искаженном виде. Фантомный «Гёльдерлин» меняет свой облик в зависимости от веяний времени и от особенностей авторов, которым он по разным причинам видится важнейшим элементом культурного наследия и подходящей фигурой для проецирования собственных представлений о поэтическом начале и поэте как таковом.
3. В XX веке Гёльдерлина воспринимали, прежде всего, не как классицистического или романтического автора, а как творца, наилучшим образом соответствующего новому времени. Сложность его произведений, вмещающих многообразные трактовки, способных вступить в диалог с самыми разными читателями во времена больших перемен, обусловили важность той роли, которую наследие Гёльдерлина продолжает играть в современной поэзии.
4. Образ Гёльдерлина и его поэзии своеобразно представлен в произведениях многих выдающихся современных поэтов, продолжающих традицию Пауля Целана, Эриха Фрида, Оскара Пастора и др. Среди них — такие лирики, как Курт Марти (г. р. 1921), Фридерике Майрёкер (г. р. 1924), Сара Кирш (1935—2013), Вольф Бирман (г. р. 1936), Роберта Гернхардта (1937—2006), Уве Кольбе (г. р. 1957), казалось бы не обнаруживающие никакого иного сходства. В последние годы ряд произведений, хранящих память о Гёльдерлине, пополнился книгами “Hölderlin Reparatur” (2008) Герхарда Фалькнера (г. р. 1951) и “Heimliche Helden” (2013) Ульрике Дрезнер (г. р. 1962), достойными самого тщательного изучения.

Карасик Ольга Борисовна,
к. ф. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Поэтика абсурда в рассказах Вуди Аллена

Вуди Аллен (наст. имя Аллен Стюарт Кенигсберг) — знаменитый американский кинорежиссер, актер, писатель и драматург. Его первые рассказы печатались в журнале «Нью-Йоркер», а затем начали публиковаться отдельными книгами вместе с пьесами. На русском языке они вышли

в сборниках «Записки городского невротика, маленького очкастого еврея, вовремя бросившего писать» (2002), «Шутки господ» (2002 и 2005), и «Риверсайд Драйв» (2005), а в 2013 году в издательстве АСТ появилось сразу два сборника — «Без перьев» и «Побочные эффекты». Вуди Аллен в первую очередь комик. В своих произведениях он создал образ одинокого интеллектуала, нелепого и неуклюжего, который чувствует себя потеряннным в Нью-Йорке — огромном городе, средоточии достижений современной цивилизации. Это тот самый «городской невротик, маленький очкастый еврей», как говорится в названии русской версии сборника. Герои рассказов В. Аллена — смешные, нелепые и несчастные «маленькие» люди, которые вынуждены жить в современной Америке. Писатель иронизирует над городскими интеллигентами, не способными подхватить ритм города, которые в то же время являются неотъемлемой его частью. Он создает нелепый и абсурдный мир, в котором ничто не подчиняется логике. Однако читатель понимает, что все это безумие не плод писательского воображения, а отражение реальной, настоящей жизни Америки конца XX — начала XXI в. Абсурдность повседневной жизни в рассказах В. Аллена показана с помощью неожиданных, невероятных поворотов сюжета, которым нет объяснения, и чаще всего именно на таком повороте рассказ заканчивается, оставляя читателя в недоумении. Вуди Аллен высмеивает все аспекты американской жизни — от системы образования и шоу-бизнеса до мелких бытовых привычек, но все это — типично нью-йоркское, так как писатель не выходит за рамки топоса родного города.

Климовская Алиса Яковлевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Категория памяти в романе А. Брукнер «Опоздавшие»

Роман А. Брукнер «Опоздавшие» (“Latecomers”, 1988), повествующий о жизни двух еврейских беженцев из Германии, относится к жанру семейной саги. В его затянутой экспозиции дается подробный анализ каждого из героев, их жен и детей, а также всех биографий. Дети Хартманн и Фибих были отправлены в Англию в начале Второй мировой войны. Их знакомство в школе-интернате переросло в крепкую дружбу и партнерство по бизнесу. «Но никто не свободен от прошлого». Их родители были уничтожены, а они страдают от чувства вины в качестве выживших и пытаются по-разному примириться с трагическими потерями прошлого. Брукнер опять прибегает к любимому приему контраста при создании системы персонажей: темпераменты и взгляды на жизнь двух главных персонажей, их жен и детей противоположны. Хартманн «безжалостно расстается с прошлым», превращая воспоминания в пыль (намек на печальную судьбу его сородичей). Он живет только настоящим, наслаждаясь и ценя каждое мгновение. 66-летний Хартманн готов жить ради жены, которая не перенесет его ухода, и вкладывать оставшиеся силы в новое поколение. Более чувствительный, неуверенный в себе, склонный к рефлексии Фибих не может мысленно не возвращаться в прошлое. Он страдает от отсутствия корней — воспитания, традиций,

семейной философии. По-женски сентиментальный и впечатлительный Фибих воплощает феминный гендерный образ. Он боится будущего, испытывает чувство вины из-за того, что они с другом столь быстро и легко разбогатели, что он не сделал жену счастливой из-за своих воспоминаний. В возрасте шестидесяти одного года Фибих возвращается в Берлин. Он предпринимает это паломничество в подтверждение своей зрелости, чтобы завоевать уважение сына, восстановить его генеалогию. Путешествие помогает ему осознать ценность дарованного ему счастья семейной жизни, отцовства и проверенной временем дружбы. Фибих приходит к приятию настоящего, к ощущению завершенности. Отныне мысли и надежды Фибиха всегда будут связаны с сыном.

Лагутина Ирина Николаевна,

д. ф. н., в. н. с., Институт мировой литературы РАН

«Веймарская классика» и Веймарская республика,
или Как устроена память культуры

Доклад посвящен анализу одной из стратегий сохранения литературной классики в памяти культуры, в частности, ее инструментализации: как в эпоху Веймарской республики происходит легитимация культурно-политической идентичности Германии через мифологизацию веймарского классицизма. Важнейшей целью классического проекта Гёте и Шиллера было создание немецкого национального характера, а не только литературный туризм, основанный на реставрации античной классики как нормативного образца. Внутри этой модели на рубеже XVIII—XIX вв. создается миф о Веймаре как символе культурного единства нации, в эпоху наполеоновских войн сохранение культурно-национальной идентичности Германии ассоциируется с сохранением политической свободы и государственной самоидентификации. Гётевская модель «возвращения» Эллады как абсолютной культурной (а не только литературной) нормы связана с идеей, что именно немцы являются «истинными» наследниками античности — идеей, которая станет основой строительства «немецкого мифа», актуализированного в эпоху Веймарской республики.

Ланда Кристина Семеновна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Категория памяти в «Божественной Комедии» Данте

Темой настоящего доклада является категория памяти в «Божественной Комедии» Данте. Цель работы — выявить роль данной категории в художественном мире поэмы. Для этого мы проанализировали модусы реализации категории памяти на всех уровнях поэмы как единой системы. Автор вводит мотив памяти как инструмента своего повествования, делающего его в принципе возможным (ср. «Ад», II, 9). Вся поэма выстроена на пяти мнемонических принципах античной риторики: конкретике, визуализации,

топической конфигурации, локализации и мнемоническом маршруте [ср. Weinrich, 1994, 14—16, по: Antonelli, 2003, 37]. Художественный вымысел поэт выдает читателю за структурируемый им поток накопленных памятью героя сведений и образов. «Качество» декларированной автором памяти поэта-персонажа меняется от кантики к кантике: если в «Аде» и «Чистилище» память была по существу исторической, то в третьей кантике, где из мира исчезают признаки всякой телесности, память преобразуется в мистическую, запечатлевающую духовную реальность. Память проявляется в поэме и как характеристика остальных персонажей. Их описание формируется воспоминанием тех событий в их земной жизни, которые оказали решающее влияние на их положение в жизни загробной. Мотив памяти играет в поэме сюжетобразующую роль. Образ памяти наполнен в «Комедии» философским и теологическим содержанием. Сам автор выстраивает поэму как ряд воспоминаний. Этот ряд основывается на восприятии героем увиденного им. Когда воспринимаемый объект превышает возможности человеческого восприятия, поэма логически завершается. Описание универсального опыта через личное переживание является безусловным художественным открытием Данте, и именно прием «воспоминания» дает возможность его совершить.

Липинская Анастасия Андреевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Между фактом и фикцией: колледж Иисуса в исследованиях и готических новеллах Артура Грея

Артур Грей (1852—1940) — сотрудник кембриджского колледжа Иисуса, ученый, преподаватель, автор готических новелл. В Кембридже работал целый круг авторов, отдавших дань этому жанру наряду с научной деятельностью (наиболее известен М. Р. Джеймс), но А. Грей выделяется тем, что посвятил и ряд монографий, и томик готических рассказов истории родного колледжа — реальной и фиктивной. Эта ситуация предоставляет возможность как для сопоставления интерпретаций истории на разных «языках», так и для более глубокого проникновения в поэтику британских ghost stories.

Героями новелл Грея становятся реальные лица, преимущественно работавшие в колледже или как-то связанные с ним в XVI—XVII вв. — в период Реформации и религиозных конфликтов. Это вполне соответствует научным интересам автора, которого более всего занимал данный период с акцентом на отдельные личности в большей мере, чем на воссоздание общей картины. Одновременно в текст вводятся вымышленные лица и события, причем автор явно рассчитывает на узкую аудиторию «своих», способных отличить факты от мистификации, — ход весьма в духе «антикварной готики», играющей с фактами и фикцией, достоверным и мнимым (один из вариантов темы «веры и скепсиса», ключевой для готической новеллы). Собственно сверхъестественные события занимают в повествовании не так много места и поданы таким образом, что при желании их

можно истолковать как пригрезившиеся персонажу, плод ошибки восприятия или неверного прочтения источников. Одновременно автор старательно имитирует документальность — всем стилем повествования, обилием исторических подробностей и оформленными по всем правилам ссылками на реальные и фиктивные источники. Подобная псевдодокументальность иронична, что подчеркивается псевдонимом, под которым публиковались рассказы — *Ingulphus*, святой, с чьим именем была связана громкая литературная мистификация. Грей создает оригинальную версию готической новеллы, доводя некоторые особенности жанра до логического предела.

Ломагина Анастасия Всеволодовна,

к. ф. н., доц., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Роман Х. Стангерупа «Брат Якоб» (Дания, 1991)

как пример авторской художественной интерпретации исторических фактов XVI в. в полемике с современностью

Согласно П. Рикеру, будущее исторического прошедшего не равняется настоящему исследователя историка. Будущее прошедшего есть совокупность ожиданий, мнений современников исторических событий. В отличие от исторических исследований авторы художественной прозы нарушают законы, по которым действуют историки. Особенно когда речь заходит о соотношении настоящего времени писателя с описываемой прошедшей эпохой. Х. Стангеруп (1937—1998) после многочисленных экзистенциальных романов пишет историческую трилогию, в которой роман «Брат Якоб» является заключительной частью. Во всех трех романах присутствует план будущего, где будущее прошедшей эпохи — это настоящее автора. И в этом взаимоотношении возникает напряжение, возможность полемики и объяснения проблем настоящего с помощью событий прошлого. Брат Якоб Датский (ок. 1484—1566) — фигура, поставленная в центр исторической перспективы романа — автор хроник изгнания францисканского ордена во время Реформации в Дании, брат короля Кристиана II, защитник прав мексиканских индейцев на равные церковные права с белыми. Его стойкая приверженность католической вере противостоит в романе мятущемуся Кристиану. В то же время брат Якоб — «рыцарь веры», персонафикация третьей стадии жизненного пути по философии С. Киркегора. Роман погружает читателя в эпоху Реформации в Европе, где сценой событий, по мере перемещения протагониста, становятся Дания, Германия, Франция, Испания и, наконец, Мексика. Эпоха религиозных войн XVI в. и фигура последнего католического короля Дании Кристиана II часто притягивала интерес писателей. Наиболее известен роман Й. В. Йенсена «Падение короля» (1901), в котором автор, в частности, ищет в прошлом объяснение трагических для Дании событий второй половины XIX в. Х. Стангеруп — острый критик датского общества конца XX в., выступающий за сближение с Европой, открытость общества, пытается найти в истории узловые моменты, которые повлекли за собой превращение Дании в культурно обособленную, провинциальную страну.

Майга Абубакар Абдулвахиду,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Память об Африке в поэзии Николая Гумилева

Путешествия в Африку стали важным этапом не только биографии, но и творчества Н. С. Гумилева: он посетил этот континент пять раз с 1907 г. по 1913 г. Странствуя между племенами, из Египта в Эфиопию через Судан и Джибути, тот, которого многие литературные критики называли «русский Рембо», почти всю свою жизнь посвятил воспеванию доблести черного континента. Причем Гумилев делал это в ту эпоху, когда большинство из его западных коллег были заняты попыткой научно доказать полезность колонизации африканских народов. Он же изображает разнообразную Африку, ее культурные непостижимые ценности, африканские народные сказки и легенды, редкие виды животных, знакомя с ней читателей молодого Советского Союза. В отличие от многих своих предшественников, описывавших в прозе свои путешествия, Гумилев, помимо своих «Африканских дневников», выбирает ещё и стихотворную форму, чтобы увековечить память об Африке, посвящая этому континенту многие сборники стихов, наполненные памятью об этом континенте: «Чужое небо» (1912), «Колчан» (1916), «Шатер» (1921), «Огненный столп» (1921), «Романтические цветы» (1908), а также поэму «Мик» (1918). Что же юный русский поэт искал в Африке, что в ней так запомнилось и так потрясло? Что заставило посетить ее целых пять раз? И, наконец, какое оригинальное изображение или впечатление хотел передать Николай Гумилев в своих стихах? На эти вопросы я попытаюсь ответить в докладе.

Макарова Полина Александровна,
асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

История и память. Мотив двойного воспоминания в историческом романе «Одержимая» Ж. Барбе д'Оревийи

Действие романа происходит в Нормандии конца XVIII в., еще не остывшей от войны шуанов и синих (республиканцев). Рассмотрение исторического романа Ж. Барбе д'Оревийи невозможно без анализа его суждений об истории и задачах исторического романа. По мнению писателя, официальная история несправедливо обошла вниманием шуанское движение. Создавая исторические романы, посвященные этому периоду, Ж. Барбе д'Оревийи размышляет об истории, о смысле исторического движения. В его концепции понятию «история» противопоставлено понятие «времени». Время приглушает яркость когда-то реально произошедших событий, покрывает все слоем «неосязаемой пыли». Этому процессу забвения и противостоит история. История — это знание и память, без которых человек остался бы лишь неприкаянной частицей в непрерывном потоке движения жизни.

Роль памяти в репрезентации исторического события прошлого воплощена в романе в композиции произведения. Барбе д'Оревийи вводит в по-

вестование двух рассказчиков. Вначале некий неназванный повествователь рассказывает о своем путешествии по Нормандии, произошедшем несколько лет назад, и встрече с неким мэтром Тэнбу (Tainnebouy), который в свою очередь рассказывает таинственную историю аббата Круа-Жюган. В результате получается композиция, построенная по принципу двойного воспоминания. Ж. Барбе д'Оревиий представляет читателю не просто объективный рассказ, соответствующий духу эпохи, а своего рода слепок событий, сложившийся в памяти людей, которые — каждый по-разному — переживали эти события. Факты пропущены через призму индивидуального восприятия. Читатель путешествует вместе с героями романа по их воспоминаниям, где для автора крайне важна оказывается психологическая составляющая, восприятие человеком прошлого. Можно предположить, что таким образом исторический роман Ж. Барбе д'Оревиий выводит к новому типу психологизма и его возрастающей роли в репрезентации событий прошлого в целом и известных исторических событий в частности.

Мельник Дарина Анатольевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Джонатан Стрендж и мистер Норрелл»:
нарратив об утраченной империи

Самым важным событием на рынке британских романов в XXI веке являются, конечно, книги Дж. Роулинг. В 2004 г., на пике волны популярности произведений о юном волшебнике, “Bloomsbury”, то же издательство, которое опубликовало книги Роулинг, напечатало сразу 250 тысяч копий нового романа о магии — «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» Сюзанны Кларк с иллюстрациями Поршии Розенберг. Книга почти сразу же стала бестселлером.

Роман «Джонатан Стрендж и мистер Норрелл» представляет собой альтернативную историю, основанную на идее о том, что практическая магия, когда-то существовавшая в Англии, возвращается туда опять. С. Кларк анализирует само понятие «английскости», соотношение между Севером и Югом, «переписываемая» концептуальную историю Англии.

Следя убеждению большинства серьезных исследователей популярной литературы, вопрос, прилагаемый к феномену популярности, это не «что?», а «когда?». Почему роман Кларк был написан и прочитан именно в нулевые? Коллективное сознание Англии во времена после Маргарет Тэтчер подернуто тоской об утраченной империи, и, что более важно, Англия воспринимается примерно так же международной читательской аудиторией. Вопрос, с которого начинает разворачиваться действие в книге — это «почему в Англии больше никто не занимается магией?», что можно перевести как «что же случилось с великой империей?».

Текст написан в стиле романов XIX века (Дж. Остин, Дж. Мередит, Ч. Диккенс) и инкорпорирует разнообразные литературные традиции (готический роман, байронический герой и т. д.). Однако роман Кларк отличается тем, что его стиль сделан таким сознательно — для него характерны маркеры очарованности культурными формулами и дискурсом Англии той

эпохи. Релевантность нарратива об утраченной империи подчеркнута характерной медлительностью рассказывания (что, возможно, работает как еще один прием — читатель должен привыкнуть к экзотическому вкусу ностальгии Кларк), особенностями наррации и магии (которая очень зависит от потребностей истории).

Морозова Ирина Васильевна,

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Кулинарный рецепт как фактор личной
и социально-исторической памяти в романе Ф. Флэгг
«Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“»

Культура и литература американского Юга является одним из ярких примеров сохраняемого и постоянно актуализируемого социокультурного опыта. Существенным фактором общественной жизни Юга представляется кулинарная книга, где рецепты отражают культуру, обычаи, являясь одновременно и фрагментом картины мира. Южная кулинарная книга — уникальный текст, традиционно женский, где рецепты соотнесены с историями их возникновения, что обуславливает восприятие рецепта в тесной связи с прошедшей реальностью, связывая настоящее и прошлое в единое концептуальное целое. В романе Ф. Флэгг «Жареные зеленые помидоры в кафе „Полустанок“» (1987) название кулинарного рецепта вынесено в заглавие, маркируя тем самым и исторический фон, и социальную, и гендерную принадлежность героев: жареные зеленые помидоры — типично южное блюдо, появившееся приблизительно в 20-е гг. XX столетия на столах далеко не состоятельных жителей. В романе излагается история жизни четырех южанок, начиная с периода Депрессии до 80-х гг. Центр повествования — личная история женщин, их процесса самоидентификации в соотнесенности с историей региона. Воспоминания о том, как женское сообщество выживало в годы Депрессии, помогает преодолеть трудности женщинам 80-х. Характерная для южного сознания ностальгия по прошлому реализуется в романе посредством сохранения рецептов, изложенных в качестве приложения к основному корпусу текста романа и служащих своеобразным знаком коллективной памяти южного сообщества. События в романе излагаются с разных ракурсов и без хронологической последовательности, обеспечивая тем самым особый стиль сказа, характерного для южной литературы и придающего повествованию интимный, камерный характер.

Надъярных Мария Фёдоровна,

к. ф. н., с. н. с., Институт мировой литературы РАН

«Путь хайку» в Латинской Америке

«Путь хайку» в Латинской Америке начинается в 1910-е гг., в период перехода от полистилистических поэтик рубежа XIX—XX вв. (в испано-американской литературе объединенных идеей «модернизма») к экспе-

риментальным поэтикам авангарда, вписываясь позднее в общую логику «интеграции» (В. Б. Земсков) традиций, характерную для латиноамериканской литературы второй половины XX в. В развитии латиноамериканского ориентализма рубежа XIX—XX вв., как и в первичном сближении множества латиноамериканских авторов с японской традицией, более чем существенную роль играл европейский (прежде всего французский и английский) ориентализм в целом и европейский опыт приобщения к японскому искусству и к японской литературе. «Японизм» Гонкуров, японские мотивы в живописи импрессионистов, образ Японии у Киплинга, очерки истории японской литературы и искусства, книги путешествий, как иные европейские источники вводили латиноамериканцев в мир «Страны Восходящего солнца». Но непосредственный контакт латиноамериканских литераторов с этим миром (в начале XX в. Японии побывали мексиканцы Х. Х. Таблада и Э. Ребольедо, бразилец М. ди Оливейра Лима, гватемалец Э. Гомес Каррильо, сальвадорец А. Амброха и др.) подчас вызывал явную потребность в опровержении европейского опыта. Проблема познания японской идентичности, как и проблема построения собственно латиноамериканского образа Японии, в той или иной форме заявляются практически во всех текстах, созданных латиноамериканскими авторами в Японии и о Японии. Приобщение латиноамериканских литераторов к японской традиции является характерным и в то же время уникальным опытом постижения своей культурной идентичности сквозь призму иного. При этом японская традиция изначально мыслится как идеальная и недоступная, — самозамкнутая в своей идеальной традиционности, а вхождение в японский смысл неизменно соотносится с пересечением некоей границы, с открытием на месте «чужого» мира некоего пограничного пространства возможного диалога.

Ненарокова Мария Равильевна,

д. ф. н., с. н. с., Институт мировой литературы РАН

Англосаксонская «поэзия мудрости» как «сокровищница памяти»

Цель англосаксонской поэзии мудрости — в легко запоминающейся форме изложить взгляды общества на мир, природу, отношения между людьми, между Богом и человеком. Стихотворения, относящиеся к этой группе текстов, пелись «разумными мужами», как сообщается в стихотворении «Порядок мира [мироустройства]», а их слушатели, «спрашивая, повторяя и запоминая», усваивали знания о «паутине тайн», хранившейся в памяти народа. Само слушание этих стихотворений воспринималось как «урок», который необходимо усвоить. Состав «поэзии мудрости» разнообразен. Наиболее известны так называемые «Максимы», по форме напоминающие собрание пословиц. Часть из них говорит об устройстве англосаксонского общества, живущего по законам, которые регулировали отношения между людьми еще в дохристианские времена и продолжали действовать в течение долгого времени после переселения англов, саксов

и ютов в Британию и принятия ими христианства. Так, законы гостеприимства обязывают принимать странника, продавать ему землю, если он этого пожелает, и предоставлять ему жилье («Богач продаст имение и король — жилье мужу, который приходит как странник»). Забота о путешественниках, ответственность за них, если им предоставлен кров, не только передается в поэтическом тексте, но и закреплена законодательно. «Максимы» сохранили дохристианский обычай наказывать изгнанием за особо тяжкие преступления перед обществом: изгнанник «должен путешествовать пешком по дальним путям и нести свою пищу, идти под дождем по опасной земле чужого народа; у него мало помощников. Человека без друзей не привлекают нигде по причине его несчастий». Принятие христианства не уничтожило «поэзию мудрости». Напротив, новая вера использовала старые формы для сохранения и передачи собственных правил и поучений. Известна история о том, как Альдхельм Мальмсберийский проповедовал на мосту, на дороге к церкви, слагая благочестивые стихи и исполняя их под аккомпанемент арфы.

Никитенко Юлия,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Образ Елизаветы Тюдор и его воплощение в Первой книге «Королевы фей» Э. Спенсера

«Королева фей» — поэма, созданная Э. Спенсером в 80—90-х гг. XVI в., согласно первоначальному замыслу, должна была состоять из 12 книг, воспевающих одну из добродетелей. О намерении Э. Спенсера увековечить в тексте поэмы образ Елизаветы свидетельствует посвящение поэмы «Наиболее могущественной и великолепной императрице, известной своим милосердием, достоинствами и добродетельным управлением, Елизавете». В предворяющем «Королеву фей» письме к У. Ролли, которое служит авторским предисловием, Спенсер заявляет о своем намерении воплотить образ Елизаветы в некоторых из персонажах поэмы (Глориана, Белфеба). Однако современники Спенсера соотносили с Елизаветой и образ Уны. Факт узнавания современником Елизаветы в одном из персонажей поэмы свидетельствует о том, что ее образ представляет собой некую символическую целостность, совокупность определенных значений. О содержании этого образа мы можем судить по высказываниям самой Елизаветы, дошедшим до нас в письмах и записях ее речей, по произведениям придворных и по изображениям королевы. В данном исследовании детали образа Елизаветы и их значение сопоставляются с деталями образа Уны, одного из центральных персонажей Первой книги «Королевы фей». Анализируя основные составляющие образа этого персонажа: имя, внешний облик и историю — мы предпринимаем попытку выявить черты, сходные с теми, что культивировались Елизаветой, а также выявить, как эти черты трансформируются и осмысляются в тексте поэмы. Имя персонажа, происходящее от латинского *unus*, создает семантическое поле, в которое входят

такие понятия, как единство, единичность и уникальность, соотносящиеся с образом Елизаветы. Во внешнем облике важнейшее значение имеют цветовые характеристики, а также мотив «сияния», связывающий текст поэмы с текстом Откровения Иоанна Богослова. В результате текст поэмы и созданная в нем художественная реальность оказываются мостом между исторической реальностью и событиями священной истории.

Новикова Ярослава Владимировна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Индивидуальное и коллективное восприятие войны
в романе финского писателя Кауко Рёухкя «Магнит» (1987)

Произведение «Магнит» (1987) стало четвертым романом 28-летнего финского писателя и рок-музыканта Кауко Рёухкя. Тема романа — изгнание финской армией немецких войск из г. Торнио в ходе Лапландской войны 1944—1945 гг. В произведении присутствуют три основные проблемы: взросление главного героя, конфликт отношений различных представителей финского общества к Финляндии и существование творческой личности в военных условиях. Военная традиция широко представлена в финской литературе. Самыми авторитетными классиками жанра являются Вяйнё Линна (роман-бестселлер «Неизвестный солдат», 1954), Вейо Мери («Мальчишки», 1957) и Пааво Ринтала («Мальчишки», 1958). В результате сравнительного анализа названных произведений и романа «Магнит» можно отметить, что новаторство книги К. Рёухкя заключается в доминировании индивидуального над коллективным и в появлении в военной действительности нового главного героя — человека-художника. Смещение акцентов на творческую личность обусловлено разноплановостью творчества К. Рёухкя (литература и музыка), а также социальными изменениями в Финляндии 1980-х гг. Интерес к людям искусства, оказавшимся на войне, сохранится у писателя и в романе-номинанте на главную литературную премию Финляндии — «Два солнца» (1996).

Овчарова Екатерина Эдуардовна,
к. э. н., доц., Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Память об алжирских путешествиях Эжена Фромантена

Говоря об истории Алжира XIX в., нельзя обойти вниманием такой культурный феномен, как алжирские путешествия Эжена Фромантена. Им посвящено не только довольно значительное количество исследований, но и художественных текстов; Алжир XIX в. и Эжен Фромантен неразрывно связаны в сознании французского просвещенного читателя. Были такие поклонники творчества Фромантена, которые совершали настоящие паломничества по местам его путешествий. Даже обстоятельная и рациональная Барбара Райт, основной биограф и исследователь творчества Фромантена в XX в., повествуя об его алжирских путешествиях, впадает вдруг в почти

поэтический пафос. Такой успех объясняется созвучием литературного строя алжирских произведений Фромантена духу эпохи, сочувственно относившейся к синтезу искусств.

Огуречникова Наталия Львовна,

д. ф. н., проф., Московский государственный лингвистический университет

Стихотворные фрагменты в сагах о древних временах

Одним из характерных признаков исландской саги является взаимодействие стиха и прозы, принимающее различные формы в период с XII по XIV вв. Этот период отмечен интересом исландцев к вопросам языка и стиха, о котором говорят такие памятники исландской культуры, как «Ключ размеров» (Háttalykill, середина XII века), «Эдда» Снорри Стурлусона (начало XIII века), а также исландские грамматические трактаты. В это же время исландцы записывали саги, и примечательно, что в «Ключе размеров» (Háttalykill), как и в «Искусстве поэзии» (Skálskaparmál), входящем в состав Снорриевой Эдды, вопросы стихосложения обсуждаются в мифологизированном контексте легенд, содержание которых известно по сагам о древних временах. Кажется естественным предположение о том, что, приводя примеры различных способов организации стиха, оркнейский ярл Рёгнвальд Кольссон и неизвестный исландец Хатлюр Тораринссон, авторы «Ключа размеров», выбирали для своего материала тот контекст, который максимально соответствовал требованиям аудитории, что поддерживает известный тезис о высокой популярности сюжетов, лежащих в основе саг о древних временах. Сходным образом действует и Снорри Стурлусон при составлении «Искусства поэзии». Ни в «Ключе размеров», ни в «Искусстве поэзии» не проводится различие между эддическими и скальдическими размерами, по крайней мере такое различие не проводится эксплицитно, и поэтические фрагменты, представленные в сагах различных типов, сочинены и в скальдических, и в эддических размерах, что, конечно, не отрицает функционального различия эддической и скальдической поэзии в исландской культуре. Саги хранят память об исходных функциях и предназначении стиха, и их авторы не были свободны в выборе формы стиха. Этот выбор был, с одной стороны, обусловлен типом саги (её основной установкой и социальной функцией), и с другой стороны — семантической нагрузкой соответствующего стихотворного размера, его коннотациями в средневековой исландской культуре.

Погудина Наталия Владимировна,

магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

Столкновение исторической и индивидуальной памяти в романе Джеймса Хогга «Исповедь оправданного грешника»

Джеймс Хогг (1770—1835), также известный как «Эттрикский пастух», — шотландский поэт и прозаик. Вершиной его творчества принято считать готический роман «Исповедь оправданного грешника» (1824), который

рассматривается критиками как один из основных шотландских романов начала XIX века и как одно из важнейших произведений, посвященных ключевой теме шотландской культуры и самоидентичности — кальвинизму.

Как замечают исследователи Д. Пантер, Я. Дункан и К. МакДональд, особенность шотландской готической традиции заключается в том, что она оперирует событиями национальной истории и мифологизирует свое прошлое.

Опираясь на достижения В. Скотта и Р. Бернса, а также обращаясь к шотландской традиции, Д. Хогг в «Исповеди оправданного грешника», как и Скотт в «Пуританах» (1816), рисует события шотландской истории конца XVII — начала XVIII вв., ознаменовавшиеся двумя ключевыми конфликтами, разделившими шотландское общество того времени: движением ковенантеров и Якобитским движением. Как и В. Скотт, Хогг активно использует шотландский диалект и библейские аллюзии и язык для создания речевых характеристик своих персонажей, среди которых как выходцы из народа, так и представители шотландской аристократии.

В отличие от Скотта, который в шотландской серии романов предстает «летописцем» своего народа, Хогг в «Исповеди оправданного грешника» играет с понятиями коллективной и индивидуальной памяти и исторической правды, сталкивая на страницах романа два отличающихся друг от друга изложения одних и тех же событий — традицию и воспоминания очевидца. Представляя своих нарраторов как ненадежных, преследующих свои цели, затрагивая проблему искажения индивидуальной памяти на примере воспоминаний главного героя, Роберта Рингима, намеренно размывая место и время действия, включая элементы сверхъестественного, а также играя с такими формами, как дневник, исповедь и исторический документ, автор подвергает сомнению объективность истории и возможность существования исторической правды.

Половинкина Ольга Ивановна,

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Репрезентация индивидуального опыта в элегиях Дж. Донна

Переводы и подражания римской элегии способствовали формированию жанра на английской почве в конце XVI в. Особую роль в истории жанра сыграл Джон Донн, у которого элегия приобрела выраженное антипетраркистское звучание. В его элегиях осуществляется сдвиг эпох, зарождается совершенно новый язык любовной поэзии. В элегии «Любовная война» Донн наиболее последовательно воспроизводит тип поэтической условности, представленный римской элегией. Спонтанное развитие мысли в рассуждении вытесняет у Донна обдуманную соразмерность, лежащую в основе овидиевой элегии. В элегиях проявляется основная особенность поэзии Донна: в ней сталкивается «средневековая любовь к риторике» (М. Кролл) с живым функционированием мысли, что делает поэзию Донна трудной и вместе с тем неустремляющей.

Полосина Алла Николаевна,

к. ф. н., н. с., Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

Феномен памяти в творчестве Аврелия Августина, Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого

Исследователи давно «сопоставляют „Исповедь“ Толстого с его ближайшими сородичами, сочинениями Руссо и Августина», изучая их источники, особенности жанра, поэтики, или конфессиональный характер. По мнению М. Алданова, «Толстой исповеди обществу не дал», так как книга под этим названием «вовсе не исповедь», а «история отпадения Льва Николаевича от православия». Он считает, что «конфессиональный характер Толстого» яснее выражен в его художественных произведениях. Там «исповедь подается в розницу» под псевдонимами: Иртенев, Оленин, все Нехлюдовы, Левин. Впрочем, в мировой литературе книги даже специально написанные для покаяния, например, «Исповедь» Августина, по содержанию мало соответствуют заглавию, а «выглядят как литературное произведение». И только «Исповедь» Руссо «вряд ли не единственная книга», которая может «с некоторым (хотя далеко не полным) правом» называться «Исповедью».

Потёмина Марина Сергеевна,

к. ф. н., доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта

«Поколение Гольф» и «Поколение Трабант»: от индивидуального опыта к коллективной памяти

Воспоминание о прошлом как осмысление — это одна из генеральных линий в создании модели художественного мира и формировании новой идентичности, как в восточной, так и в западной литературах после объединения Германии.

В последние десятилетия литературные критики все чаще говорят о писателях, рожденных между 1965 и 1976 гг. как о «поколении Трабант» и «поколении Гольф». В своих историях молодые авторы противопоставляют описанию, характерному для писателей старшего поколения, идеологически детерминированного государством уклада жизни бытовое повествование о своих детских и юношеских впечатлениях о ГДР (Я. Хензель, К. Руш) и ФРГ (Ф. Иллиес).

Романы Яны Хензель «Дети зоны» (2002), Клаудии Руш «Моя свободная немецкая юность» и Флориана Иллиса «Поколение Гольф» рассматриваются исследователями как «коллективная автобиография» или феномен «коллективных воспоминаний о детстве».

Условная аполитичность молодых западных и восточных писателей практически вытесняет дискурс «преодоления прошлого» и заменяет его новыми формами художественной переработки действительности (фрагментарный характер воспоминаний, самоинсценировка, иронически или меланхолически сконструированный портрет поколения). Таким образом, темой многих произведений после 1989 г. становится прошлое в контексте

эпохи смены культурных парадигм, с одной стороны, и как части всеобщего процесса коллективного создания новых смыслов, общей политики поиска идентичности, с другой.

Пфау Оливер,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Память, интроспекция, проекция: творческий акт вспоминания о роли расстояния и перспективы в стихотворении Фридриха Хеббеля «Липа»

Вспоминание и воспоминание, воскрешение в памяти и погружение в пережитое: в своем стихотворении «Липа» Фридрих Хеббель использует разные подходы к процессу интеллектуального и художественного творения. Проецированные образы, к которым автор хочет вести реципиента, создают, в свою очередь, гипотекстовый фон, благодаря которому сдвигается общая перспектива. Взгляд реципиента делает относительной кажущуюся абсолютность созданного произведения. Одновременная проекция или, более того, стремление к внутренней проекции через заклинание увиденной картины, воспоминания, материализует процесс творческого акта и заставляет соревноваться процесс самого создания с созданным, то есть с завершенным произведением. Так, абсолютность, завершенность во времени ставится под вопрос. Произведение искусства — вещь или акт? Остается ли оно или уходит? Узнаваемо ли оно в своем художественном измерении или ждет, чтобы его показали? Размышление над стихотворением «Липа» вызывает такие вопросы, фокусируясь на роли воспоминания в творческом акте.

Рогова Ася Георгиевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Память культуры в действии: канон, архив, их использование и переосмысление

Проблема памяти общества — памяти культуры, сохраняющей совокупный опыт индивидов и групп, ее уровней, функционирования, осуществления широко обсуждается в рамках различных дисциплин с конца XX в. В настоящее время наибольший интерес для исследования представляет связь между памятью нации и определением национальной идентичности, “lieux de mémoire” во всем их многообразии, и динамикой памяти (отражающей их создание, существование, исчезновение). С явным сдвигом приоритетов в сторону динамики, совпавшим с более масштабным — от рассмотрения артефактов как таковых к их бытованию, производимому ими влиянию и его осмыслению в современном контексте. Неоценима роль литературы как одной из наиболее важных составляющих памяти культуры и процесса ее созидания, сохраняющей связь между прошлым и настоящим и передающей ее ценности, участвуя таким образом в созидании национальной идентичности. Сохранение ценностей регламен-

тировано двумя категориями — канонем, или избранными шедеврами, непреходящая ценность которых для нации не подвергается сомнению; и так называемым архивом, содержащим более широкий круг текстов, которые не удостоились столь высокой оценки, но могут быть интересны и полезны. Западный литературный канон переживает поколения, однако он более открыт и подвержен изменениям, нежели религиозный. Это, как и его устойчивость, служит его сохранению, так как статичность, отсутствие постоянной востребованности и переосмысления привели бы к последней стадии динамического процесса памяти — забвению. Соответственно, наиболее плодотворными для сохранения канона становятся переломные исторические моменты, когда неизбежно переосмысление и переоценка существующей системы ценностей, а следовательно, и обращение к национальной памяти, сохраняющей опыт предшественников. Одна из наиболее ярких тому иллюстраций — сопровождавшееся длительными бурными дискуссиями и ожесточенными спорами переосмысление канона английского романтизма в конце XX — начале XXI вв.

Родионова Марианна Борисовна,

к. ф. н., доц., Государственная полярная академия

Забвение своего и память о чужом в художественно-мемуарном романе Дж. Мура «Исповедь молодого человека» (1888)

Доклад посвящен рассмотрению литературно-автобиографического романа Дж. Мура «Исповедь молодого человека» (*Confessions of a Young Man*, 1888) с точки зрения яркого изображения в нем бурного кипения идей в искусстве в 1870—1880-е гг. Едва достигнув юридической самостоятельности, в возрасте 21 года (1873 г.) автор приехал в Париж учиться живописи и с головой погрузился в его необыкновенную атмосферу активных творческих поисков в самых разных сферах искусства. Выросший в Ирландии англичанин, Мур стремится стать французом насколько это возможно, чтобы максимально верно и точно воспринять французскую культуру, очень странную, чужую, но тем более интересную. Приехав в Париж, чтобы учиться искусству, будущий писатель последовательно вживается в стиль жизни и манеру мыслить ярких парижских художников и писателей. Герой романа, эстет, живущий в мире художественных исканий и красоты, имеет значительное сходство с автором. Но вместе с тем вполне ясно, что сходство это относительное. Стиль романа отличается экстравагантностью, манера автора излагать свои идеи и доносить впечатления нетипична, присутствуют элементы баловства, даже шутовства: Мур добродушно подсмеивается над собой и читателем. Три года спустя, на страницах своего второго автобиографического романа «Впечатления и мнения» (*Impressions and Opinions*, 1891) Мур отчасти раскрывает замысел первого, заявляя, что видел своей целью не столько выразить собственное понимание вещей, сколько «передать невероятную игру своего воображения при помощи красок и слов»; автор утверждает, что его первый мемуарно-художественный роман — это «попытка посмотреть на мир с другой стороны, представить собственное сознание как цепь сплошных противоречий».

Русинова Ольга Евгеньевна,
к. иск., преп., Европейский университет в Санкт-Петербурге

Лиссабон, 1775. Памятник королю в мемуарах художника и панегириках зрителей

1. Городской королевский монумент — явление беспрецедентное для Португалии. Торжественное открытие первого монумента, конной статуи в честь короля Жозе Первого, состоялось в июне 1775 г. день рождения монарха. Местом установки колоссальной статуи была избрана главная площадь Лиссабона, ставшая одной из самых грандиозных площадей Европы после реконструкции (в результате Великого землетрясения 1755 г.).
2. Панегирические тексты, опубликованные в 1775 г. к открытию статуи, приписывают ее создание монарху и его министру маркизу Помбалу, исполнение — литейщику Бартоломеу Кошта (напр., у Антонио де Фигейреду, автора одного из самых показательных текстов).
3. Жоакин Машаду де Каштру в «Оде на памятник» (1775), в трактате (1810) и в мемуарах (1812) излагает историю замысла и исполнения памятника, утверждая свою роль в разработке и обсуждая право художника на творческий замысел.
4. Рассмотрение «Оды» как экфрасиса, проясняющего стихами «тайный смысл» королевского монумента, позволяет превратить панегирик правителям в похвалу художнику.

Салтыков Андрей Александрович,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
«Датский Мольер» Людвиг Хольберг (1684—1754)
и эпоха Просвещения в Скандинавии

Эпоха Просвещения в скандинавских странах неразрывно связана с именем выдающегося датского писателя, историка, основоположника современной датской драматургии и театрального искусства Людвиг Хольберга (1684—1754).

Его первым литературным успехом стала пародийная поэма «Педер Порс» (1719) — сатира на провинциальную Данию времен Фредерика IV. На протяжении 1720-х гг. из-под его пера вышли 27 комедий, написанных для открывшегося в 1722 году Датского театра. Самая известная из них — «Йеппе с горы» (1722).

Блестящее изображение самых разнообразных типажей современного Копенгагена и датской провинции, тонкий психологизм и невероятно яркий и живой датский язык, реалистичность и вместе с тем строгое соблюдение классицистического канона — всё это обусловило не только общеевропейское признание датского норвежца, но и позволило переосмыслить в XVIII веке роль национального языка в Дании. Произведения Хольберга не только послужили импульсом к созданию национальной литературы на датском языке, но фактически открыли новую эпоху в развитии языка,

которая продолжается по настоящее время. Большинство исследователей вполне справедливо считают его создателем литературного датского языка.

Основоположник датской драматургии и театра, автор многочисленных эпистол, эссе и басен-моралите, крупный ученый-историк XVIII века, автор романа на латыни «Подземное путешествие Нильса Клима» (переведенного на девять европейских языков вскоре после выхода в свет в 1741 г. в Германии) Людвиг Хольберг единодушно признается наиболее значимой фигурой датского и скандинавского Просвещения.

Саулевича Инара Язеповна,
докт., Даугавпилский университет (Латвия)

Концепция образа художника в романе Эдуарда Мёрике «Художник Нольтен»

1. Трагизм отображенного конфликта между свободной волей протагониста и его обязанностями. Воля героя (wollen), только кажущаяся свободной и благосклонной, противоречит обязанностям героя. Каждая вспышка его воли predetermined судьбой, таким образом свободная воля модифицируется в обязанность (sollen). Значимая связь образуется между такими жизненными реалиями, как воля — судьба, судьба — время.
2. Сила злого рока, фатализм. Развитие главного героя обрывается в середине романа. Причиной внутреннего перелома послужила фатальная обреченность, что впоследствии вызвало трагическую гибель художника.
3. Концепция времени. Конфликты героев основываются на том, что они находятся в разном временном пространстве. Протагонист отрицает возможность гармоничной среды и живет «в прошлом». Прогресс становится регрессом. Динамичное движение вперед невозможно и вектор действия сломлен. Изображается прошлое, которое продолжает жить в настоящем и разрушает внутренний мир героев. Друг Нольтена актер Ларкенс живет в вымышленном настоящем. Созданный им субъективный мир заменяет ему реальный, игра становится жизнью. Невеста Нольтена Агнес живет в обреченном будущем. Таким образом, между собой сталкиваются три временных вектора.

Светлакова Ольга Альбертовна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

«Память жанра» в «Тиранте Белом» и «Дон Кихоте»

1. «Тирант Белый» Мартуреля и Гальбы, выдающийся памятник литературы, написанный в XV веке на каталанском языке, имеет гигантскую традицию осмысления, начиная с сервантесовского отзыва о нем в шестой главе «Дон Кихота». Долгое время «Тирант» интересовал литературоведение как произведение с необыкновенно богатым набором разнообразно используемых источников — от «Фарсалии» Лукана и «1001 ночи» до каталонского петраркиста Берната Метже, современ-

ника авторов, не говоря уже о непосредственном вхождении текста в традицию кабальерески. Интерес к литературной, жанровой сущности «Тиранта» относительно нов, но представлен крупнейшими именами, такими как Х. Б. Авалье-Арсе, Дамасо Алонсо, М. Варгас Льюса, Дж. Грилли, Эдвин Райли и Марти де Рикер.

2. «Тирант Белый» рассматривается как интересный слом жанра, поразительно гармонизирующий агиографическое, историографическое, биографическое начала с драматическим началом; как крупная веха в становлении новой европейской прозы, один из самых любопытных этапов ренессансной жанровой эволюции, в конце концов породившей роман нового типа, жанр по сей день живой («Дон Кихот»).
3. Особо важна для «Тиранта» и «Дон Кихота» непрерывность жанровой традиции кабальерески, которую так интересно освещали Г.-Р. Яусс, Дэвид Эйзенберг и, по-русски, А. Д. Михайлов. Единственное, от чего отказывается прозаическая кабальереска — это поэтика старого стихотворного рыцарского романа. Большинство исследователей отмечают отсутствие непосредственных контактов прозаического рыцарского романа с современным ему романом в стихах.
4. Потеряв цельность поэтики и прелесть поэзии, поздний прозаический рыцарский роман, конечно, породил в погоне за занимательностью немало художественных монстров, но он же приобрел ценой больших потерь возможность по-новому реализовать познавательную и гедонистическую функцию литературы, а именно, апеллируя к индивидуальному опыту человека — опираясь на опыт куртуазной литературы, но гораздо более сознательно, чем она.

Седых Элина Владимировна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права

Интерсемиотичность в творчестве Дж. Раскина

Многие прерафаэлиты одинаково владели и кистью, и словом, творили одновременно в области литературы и живописи, а их произведения являлись ярким примером воплощения в жизнь феномена интерсемиотичности — уникального синтеза искусства слова и искусства изображения. Джон Раскин, будучи писателем, художником, публицистом, теоретиком искусств, придавал особое значение проблеме синтеза искусств, писал о создании произведений синтетического жанра. Он представлял художника поэтом, использующим не слова, а линии и краски. Он сближал поэзию с живописью, замечая, что их суть заключается в использовании цвета и слов, в равновеликих возможностях в выражении чувств, в соотношении средств выразительности. Представления о поэзии он переносил на живопись, архитектуру, скульптуру. Он считал, что у архитектуры и живописи, как и у поэзии, есть свой язык, и нужно учиться «читать» произведения живописи и архитектуры как книги. Раскин-художник рисовал цветы, деревья, птиц, облака, горы, море, готические здания, чтобы не просто получить от про-

цесса рисования художественное наслаждение, но и глубже вникнуть в их сущность. Он утверждал, что нельзя по-настоящему познать красоту, не запечатлев ее на холсте. Любовь Раскина к живописи выражена в работах «Прозерпина», «Элементы рисунка». Раскин-писатель был наделен способностью живописать словом, рисовать картины в прозаическом произведении. Он создал жанр эссе об искусстве, ставший популярным в конце XIX в. Стиль его эстетических трактатов и статей отличался красочностью метафор, поэтичностью интонации, богатством лексики, музыкальностью звучания. Он был живописцем в искусстве слова, мог передать словами все краски природы. Раскин явился теоретическим апологетом раннего прерафаэлитизма. Его эстетические идеи повлияли на готическое возрождение в архитектуре, на движение поздних прерафаэлитов в живописи и книжной иллюстрации; оказали значительное воздействие на развитие английской литературы и других видов искусства.

Сидорова Ольга Григорьевна,

д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Память и история в романах Б. Бейнбридж и П. Лайвли

Исследуя современный британский роман, Ф. Тью [Tew 2007] выделяет «доминирующие культурные темы» литературы Великобритании конца XX — начала XXI вв. Глава «Прошлое и настоящее» посвящена моделям отражения исторического материала в романах британских авторов. Первым среди вариантов осмысления и создания образа мифологизированного прошлого, его связи с настоящим автор называет исторический роман. Д. Хед, в свою очередь, полагает, что обращение английской литературы к истории стало принципиальной характеристикой последнего десятилетия XX в.: «Обращение к историческому роману неоднократно наблюдалось в 1990-е гг., что составило разительный контраст с эпохой 1950—1960-х гг. с их неприкрашенным реализмом „рабочего“ романа. Литературная судьба Берил Бейнбридж представляет собой хорошую иллюстрацию такого развития» [Head 2003]. Анализ трех исторических романов Б. Бейнбридж — «Именинники» (1991), «Каждый за себя» (1996), «Мастер Джорджи» (1998) — позволяет сделать определенные выводы относительно принципов отбора исторического материала и форм его репрезентации, которые используются писательницей. Отбирая известные и значимые для создания национальной мифологии события (экспедицию Р. Скотта к Южному полюсу 1912 г., гибель «Титаника», Крымскую войну 1856—1857 гг.), автор опирается на сложившиеся в национальной памяти стереотипы, комбинируя объективные исторические факты с предельно субъективными формами повествования. Дихотомия память/история становится важным сюжетообразующим элементом романа П. Лайвли «Лунный тигр» (1987), в творчестве которой мотив памяти играет принципиальную роль. Осмысление национальной истории, какие бы субъективные формы оно ни принимало, становится для английской литературы попыткой сохранения собственной идентичности.

Сидорченко Лариса Валентиновна,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Жанровая специфика поэмы Дж. Драйдена «Элеонора»

Мемориальная поэма «Элеонора» Дж. Драйдена (1692) содержит в себе традиционные для элегии мотивы смерти, прощания, скорби, печали, но при этом не является жалобным размышлением о жизненных утратах, скорее представляя собой рефлексивную поэму об умершей супруге графа Эбингдона, вбирающую в себя выраженные элементы панегирика.

В «Элеоноре» сюжетно-композиционные элементы античной элегии были соединены Драйденом с конструкциями национальных английских моделей (теологические элегии Дж. Донна, траурная элегия Дж. Мильтона «Лисидас», «Пиндарические оды» Э. Каули).

Первым произведением Драйдена одического жанра явилась написанная шестью годами ранее «Ода благочестивой памяти Энн Киллигру», в строении которой четко прослеживается пиндарическая триада (строфа — антистрофа — эпод). В отличие от этого произведения, текст «Элеоноры», состоящий из 377 стихов, разбит на 17 завершенных по смыслу частей. При этом основная композиционная концепция, отразившая личный поведенческий код героини вне связи с масштабными общественными событиями, являла собой прямолинейно выраженную парадигму возвышения духовной сферы человека от локальной ипостаси до универсальной.

Сквозные мотивы поэмы переплетаются, создавая бытийно-биографический фон, тем самым расширяя границы иррегулярной пиндарической оды и усиливая ее горацянскую окраску.

Жанровая контаминация в тексте «Элеоноры» свидетельствовала о движении в английской поэзии конца XVII века к трансформации одического канона от сугубо пиндарической основы к усилению в оде горацянских элементов с сохранением риторической стилевой окраски.

Синицына Дарья Игоревна,
к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Ничей человек в Гаване: кубинские воспоминания Хосе Фернандеса Санчеса

«Воспоминания о Гаване» (1991) Хосе Фернандеса Санчеса — один из многочисленных текстов, описывающих так называемый «медовый месяц» кубинской революции, первые ее годы, когда характер будущей кастристской идеологии еще не был определен и Куба начинала сближаться с СССР. Особое место этих мемуаров определяется, прежде всего, неоднозначностью личности автора. Х. Фернандес Санчес (1925—2011), испанский писатель и переводчик, во время Гражданской войны был вывезен из Испании, и более тридцати лет прожил в Советском Союзе. В 1961 году он был направлен на Кубу, чтобы работать переводчиком у советских военных специалистов.

Оказавшись в центре пространства зарождения культурного контакта, которому суждено было иметь значительные и долгие последствия, автор с равноудаленных точек рассматривает взаимодействующие стороны, не идентифицируя себя ни с советскими коллегами, ни с кубинцами, но все же лучше понимая одних (за счет общности судьбы) и вторых (за счет разделяемой паниспанской культурной пресуппозиции), чем они — друг друга. Он отстраненно констатирует диссонанс восприятия новой действительности главными героями событий, наслаждающимися своим «марксизмом с иглолочки» как праздником, и пришельцами, у которых пламенные кубинские лозунги вызвали воспоминания о набивших оскомину общественных мероприятиях. Воспоминания Фернандеса Санчеса дают представление о периоде первых советско-кубинских контактов как о начале эпохи великого разочарования, прорвавшегося в конце 1960-х поэзией Эберто Падильи, и являются убедительным свидетельством абсурдности, крившейся в этом взаимодействии с самого начала.

Смагина Екатерина,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Дом на холме» Ч. Павезе: проблема ангажированности интеллигенции в итальянской послевоенной литературе

1. Итальянский неореализм стал важным культурным и литературным явлением XX в., не только осветившим актуальные проблемы общества, но и предложившим пути их решения. Главными темами творчества неореалистов стали Вторая мировая война, движение Сопrotивления и противостояние фашистскому режиму в Италии.
2. В условиях напряженной политической борьбы роль писателя решительно пересматривалась: была осознана его ангажированность, личная причастность ко всему, что происходило в обществе. В послевоенные годы в Италии возникает термин «ангажированная литература», т. е. призванная служить общественным интересам.
3. Чезаре Павезе отразил опыт Сопrotивления в повести «Дом на холме». В ней очень остро стоит вопрос личной причастности интеллигенции к драматическим событиям в стране. Однако, в отличие от писателей-неореалистов, Павезе не дает на него однозначного ответа.
4. Герой Павезе — учитель, интеллигент, который всегда жил в собственном мире, однако война призвала его определиться со своим общественным долгом и принять участие в борьбе за какой-либо политический идеал. При этом политика чужда ему, а борьба означает неизбежный контакт со злом. Неспособность принять участие в вооруженной борьбе переживается героем как личная драма, как внутренний конфликт, которому нет разрешения.
5. «Дом на холме» не похож на литературные произведения послевоенных лет, в которых воспевалась вера в идеалы героического Сопrotивления. Отказавшись от предвзятой, идеологизированной точки зрения, автор

изображал не бестрепетного героя, а живого человека, которому не чужды ни страх, ни сострадание к врагам.

6. Подобная позиция автора вызвала неодобрение большинства читателей. Лишь немногие критики заметили, насколько правдива эта повесть — не только как литературное произведение, но и как человеческий документ. Спустя полвека можно смело утверждать, что «Дом на холме» — одно из лучших произведений итальянской послевоенной литературы.

Смирнова Алла Николаевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Феномен Фантомаса: круг чтения французской интеллектуальной элиты

Успех романов П. Сувестра и М. Аллена о Фантомасе — не столько литературный, сколько социальный феномен. Вышедшие в начале века во Франции, они стали необыкновенно популярны в среде французской интеллигенции. Писатели и художники коллекционировали серию (всего вышло около 30 романов) и пристально следили за невероятными похождениями персонажей.

Интересно понять: по какой причине эти беспомощные с литературной точки зрения романы, написанные примитивным языком, полные разного рода «нестыковок» и нелепостей, породили своего рода культ среди людей, которых трудно заподозрить в отсутствии ума и дурном литературном вкусе.

Поэты Г. Аполлинер и М. Жакоб создали «Общество друзей Фантомаса», в который вошли такие известные деятели, как Б. Сандрар, Ж. Кокто, П. Валери, публикуют ежемесячные бюллетени. Г. Аполлинер, в частности, писал: «Романы о Фантомасе <...> в данный момент необычайно популярны в литературной и художественной среде. Они полны жизни и воображения, написаны черт знает как, но при этом необыкновенно живописны. <...> Какие точные описания! а что касается современного арго, для будущего это просто кладезь бесценных документов» (16 июля 1914).

Романы привлекали сюрреалистов, они видели в главном персонаже «своего» героя. Их привлекало также то, что романы о Фантомасе были, как известно, не написаны, а надиктованы, т. е. стали результатом непрерывного потока воображения, предвосхищавшего метод автоматического письма. Это во всех смыслах «современный» персонаж, использующий для своих преступлений «научные» методы, безумную машинерию.

Есть и другая причина: во Франции не получил развития жанр готического романа. Возможно, цикл о Фантомасе мог восприниматься как пародия на готический роман (атмосфера сгущающегося ужаса, многочисленные описания невероятных механизмов...) и восполнял этот пробел.

Кроме того, на «культ Фантомаса» могли, безусловно, повлиять filmy Л. Фейяда (снятые в эпоху немого кино), они привнесли поэтическую, лирическую ноту и романтизировали персонажей.

Соколов Иван Антонович,
магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

Одиннадцатое сентября и национальная идентичность в современной американской поэзии

Теракт 11 сентября принято считать крупнейшей вехой в истории современной Америки, его постоянное присутствие в сегодняшней массовой культуре в качестве флага череды разрушительных изменений говорит само за себя. Впрочем, искусство *per se* также занимается осмыслением и проблематизацией этого феномена, в пример можно привести и романы Дона Делилло «Падающий» и Джонатана Сафрана Фоера «Жутко громко, запредельно близко», и хрестоматийный рассказ Джона Апдайка «Многообразие религиозного опыта», и целый спектр антологий типа «Поэзия 9/11».

В том, что касается современной американской поэзии, напрямую связанной с событиями 11 сентября, необходимо выделить два знаковых текста, а именно *Invitation to Ground Zero* Уильяма Джея Смита и *9/11* Роберта Пински. При том, насколько различаются поэтики обоих авторов, у этих двух текстов есть очень важная общая черта: искусственность личного опыта, погруженность субъекта во враждебную и безжизненную среду современных медиа. Медиа, понятых впрямую, по Маршаллу Маклюэну, как продолжения человеческого тела (у Смита — манекен, который один и служит источником воспоминаний о погребенной под башнями-близнецами возлюбленной), и медиа, увиденных как текстуальное опосредование памяти и культурного опыта (*Captain Donald Duck, Will Rogers, Emily Dickinson, Ray Charles, Marianne Moore*, символика доллара в стихотворении Пински — череда агрессивных означающих, которые властно подминают под себя означаемое — Америку).

Однако рассмотренные тексты созданы как попытка осмыслить уже случившийся кризис. Интересно, что в подборках журнала *Poetry* как конца 2001-го — начала 2002-го, так и непосредственно перед сентябрем 2001 г. последовательно моделируются достаточно однородные конфликты. Как правило, это переживание невозможности контроля над своим существованием, лирические субъекты этих текстов погружены в хаос. По-видимому, события 11 сентября нельзя рассматривать как агент изменений в культуре, но лишь как фактор, вписывающийся в общую картину.

Соколовская Мария Георгиевна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет

Роль памяти в эссеистике Э. М. Форстера

В отношении эссе обращение к категории памяти оправдано самими свойствами этого жанра — такими как постоянное присутствие личности автора, соотнесенность с настоящим моментом, ассоциативность мышления, диалогичность. Форстер понимает искусство и, шире, культуру как процесс общения между людьми, целыми народами, разными эпохами. В эссе

на исторические темы далекие по времени события предстают как часть «незавершенного настоящего» личного опыта писателя. Представляя знакомых персонажей и известные события с неожиданной точки зрения, автор заставляет читателя сопоставлять новое восприятие с прежним, и этот творческий процесс становится частью эссе. «Бергсонинское» отношение к памяти находит отражение и в стиле произведений Форстера — в частности, в «ритме», который писатель определяет как «повторение плюс вариация». Повторяющиеся образы, фразы, обрывки фраз переходят из контекста в контекст, принося с собой прежние ассоциации и приобретая новые; меняются сами и меняют свое окружение. Прошлый эмоциональный опыт «припоминается» на уровне подсознания и включается в настоящий. В книге «Александрия: история и путеводитель» (1922) события, разделенные во времени, воспринимаются одновременно, повторяясь в разных контекстах-маршрутах и обрастая неожиданными ассоциациями. Пространство и время словно обмениваются свойствами: пространство Александрии впитало в себя ее историю, а по времени можно путешествовать. Сама структура книг александрийского цикла, объединенных повторами и лейтмотивами, подчинена идее памяти, «вечного возвращения».

Стадников Геннадий Владимирович,

д. ф. н., проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Образ Шотландии в поэзии М. Ю. Лермонтова как отзвук генетической памяти поэта

Природа гениальности М. Ю. Лермонтова навсегда останется не до конца разгаданной тайной. Но ответ на этот вопрос, хотя бы отчасти, связан с генетической памятью поэта, отсылающей поэтическую интуицию Лермонтова к «второй родине» — Шотландии. К родине далекого предка-шотландца, вдохновенного поэта и всезнающего пророка, от которого от поколения к поколению передавалось то, что с такой гениальностью, наконец, проявилось в последнем из этой ветви рода Лермонтовых — Михаиле Юрьевиче.

Степанов Андрей Дмитриевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Чеховские мотивы в рассказах Элис Манро

Лауреат Нобелевской премии по литературе 2013 г. канадка Элис Манро (род. 1931) написала за свою жизнь 14 сборников рассказов и повестей. Ее герои — обыкновенные люди, сюжеты обычно редуцированы до минимума, не отличаются остротой и ограничены семейно-бытовой сферой. Уже эти качества позволяли критике постоянно сравнивать ее творчество с поздними чеховскими рассказами, которые считаются в англоязычном мире образцом короткой прозы. Однако помимо указанных черт творче-

ство Манро сближает с Чеховым лирико-драматическое начало, «подводное течение», тонкая нюансировка лейтмотивов. Автор доклада — русист, специалист по Чехову, переводчик рассказов Э. Манро на русский язык.

Степанова Наталья Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция доктрины «Земля и мертвые» Мориса Барреса

Мощное движение мысли в 90-е гг. XIX в. было бунтом, прежде всего, против примата материального над духовным, против позитивизма и материализма. Этот период был отмечен проявлением живейшего интереса к иррациональному, превратившемуся затем в культ чувства и инстинкта. В философии наблюдалось возрождение идеалистических тенденций. Немецкие мыслители Кант, Фихте, Гегель, Ницше, Вагнер, придали значимость индивидуалистическому «я», превратив его в творца вселенной. Трилогия «Культ я» Мориса Барреса представляет собой художественное воплощение теории индивидуализма. Основным положением этой теории становится воспитание способности чувствовать (*la sensibilité*), т. е. испытание всех чувств, накопленных за всю историю человечества. Для осуществления задуманного Баррес проводит интеллектуальные эксперименты, побуждающие склоняться к различным формам жизни и позволяющие узнать все болезни и добродетели человечества. Подобный род занятий получил название дилетантизма, соответствующий духу современности, а корифеем такого рода «философии» считался Эрнест Ренан. Пройдя нелегкий путь накопления чувств, индивидуалистическое «я» приобрело знания по многовековой истории. Благодаря своему психологическому методу: чувствовать как можно сильнее и анализировать как можно глубже — «я» воспитало в себе волю. Владея волей, «я» сможет в совершенстве управлять разнообразными душевными состояниями, накопленными за всю историю человечества. Идя по пути совершенствования, «я» начинает осознавать себя мгновением вечности. Это новое чувство возникает только тогда, когда «я» ощущает связь со своей родиной, Лотарингией. В течение веков народ Лотарингии накапливал энергию и опыт, которые оказались так необходимы «я». Проследивая жизнь своих предков, неустанно воскрешая их в своем воображении, «я» ощущает себя продолжением их. А, кроме того, оно стремится к единению с ними, чтобы не погибнуть.

Тимофеев Валерий Германович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Литература как память: между индивидуальными усилиями и социальной ленью (еще раз о феномене массовой литературы)

Своих самых любимых авторов читатели забывают, как правило, еще при их жизни. В Великобритании на рубеже XIX и XX вв. с Томасом Холлом Кейном (Thomas Hall Caine) соперничать по популярности не мог никто.

В 1904 году Журнал «Панк» назвал Кейна «национальной болезнью». В следующее десятилетие Великобритания превозносила уже Мэри Корелли (Marie Corelli). Их забыли к 1930-м гг., когда появились новые кумиры, впрочем тоже обреченные на забвение. Сегодня из сотен имен авторов, входивших в списки бестселлеров 1900—2000 гг., история оставила не более 2—3%, т. е. в размерах статистической погрешности. При этом списки последних трех десятилетий постоянно обновляются: каждый новый автор занимает место двух, а то и трех старых. Можно выделить три основные гипотезы, описывающие и объясняющие, каждая по-своему и, соответственно, каждая лишь частично, то, почему, объекты массового восхитения постоянно обновляются, редко оставляя о себе следы в истории литературы.

- Массовая литература отличается прежде всего острой актуальностью. При этом под актуальностью понимается комплекс эстетических и тематических характеристик, осознаваемых активным поколением читателей как остро современные. Эти характеристики должны легко поддаваться описанию в категориях «раньше такого не было».
- Вторая гипотеза вытекает из первой: чем активнее и радикальнее происходит ломка нормативно-ценностной системы, тем глубже забвение кумиров прошлого.
- Третья гипотеза: на то, чтобы пережить популярность у одного поколения и не исчезнуть, способны лишь те книги, которые читали как деды, так и внуки. Это наблюдение частично объясняется тем, что актуальные различия особенно остро ощущаются лишь соседними, конкурирующими поколениями (отцы и дети), и к третьему поколению нивелируются.

В предлагаемом докладе предпринимается попытка проверить выдвинутые гипотезы применением категорий описывающих закономерности и механизмы памяти.

Фарафонова Дарья Сергеевна,

к. ф. н., асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Пиранделло и Унамуно. Реальность вымысла

В 1923 году в буэнос-айресском журнале “La Nación” выходит статья М. де Унамуно «Пиранделло и я» (“Pirandello y yo”), явившаяся откликом на расхожее среди критиков того времени суждение о необычайном сходстве эстетико-философских позиций итальянского драматурга Луиджи Пиранделло и самого Унамуно. Автор статьи признает родство, связывающее его эстетическую концепцию и поэтическую мысль Пиранделло, определяя в качестве его узлового момента особый взгляд на соотношение вымысла и реальности в художественном произведении, а также на роль персонажа как актанта взаимопроникновения действительности и фикции. Поразительность этой близости позиций, как подчеркивает автор романа «Туман», тем более безусловна, что сам Унамуно не был знаком с произведениями Пиранделло до «недавних пор»: такое совпадение творческих

подходов, по его мнению, служит примером и доказательством того, что «в недрах истории бьются какие-то тайные родники, которые ждут своего открывателя», способного явиться лишь в тот момент, когда история, по выражению В. Беньямина, достигает своей «интеллигибельности» — или же «умопостигаемости». По мысли Унамуно, созвучной взглядам Пиранделло, фикция способна конструировать образы прошлого парадоксальным образом более достоверно, чем доскональное изучение и беспристрастное изложение фактов. Искусство как область безвременного таинственным образом распространяет свои законы и на историю, в которой «большей реальностью обладают Дон Кихот и Санчо, нежели сам Сервантес»; где «не Шекспир создал Макбета, Гамлета, короля Лира, Фальстафа и Отелло, а скорее они его». Комментируя одну из центральных мыслей «Юморизма» Пиранделло, Унамуно утверждает, что потенциал внеисторических «образований» (персонажей), которых авторская фантазия извлекла из области возможного, по части реконструирования опыта прошлого многократно превышает потенциал того, что признается нами как явное и сущее — ведь часто именно они создают устойчивые, законченные образы этого прошлого.

Федяева Татьяна Анатольевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Р. М. Рильке и Ф. Миттерер: две «Пантеры»

Классик австрийской и мировой литературы Райнер Мария Рильке (1875—1926) и известный современный австрийский драматург Феликс Миттерер (род. в 1948 г.) связаны не только принадлежностью к одной национальной традиции. Их перу принадлежат произведения, носящие одинаковое название — в 1901 г. Рильке написал одно из самых своих известных стихотворений «Пантера», век спустя, в 2008 г. появилась пьеса Ф. Миттерера «Пантера». Отсылка к творчеству Рильке и прямое указание на его влияние относятся не только к названию драмы, текст стихотворения неоднократно звучит в пьесе.

Оба произведения написаны на рубеже веков, который связан с напряженным осмыслением временной границы как повода для подведения итогов, что всегда вызывает усиление философско-символических тенденций в литературе. Оба текста объединены единой мотивной структурой, имеющей два уровня — внешний, знаковый, в рамках которого переключки между текстами легко считываются, и внутренний, требующий расшифровки глубинных мыслей, лежащих в основе их замыслов. Если говорить о первом, то это мотив Парижа, там Рильке написал свою «Пантеру». Также и герои пьесы вспоминают Париж, где они в молодости провели немало счастливых дней. Роза, появляющаяся в конце пьесы как символ расставания главных героев, прямо отсылает к стихам, написанным на могильной плите Рильке: «О роза, какой диссонанс — радость — / Не быть ничьим сном под множеством век».

Фираго Юлия Сергеевна,

асп., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Белоруссия)

Идейно-эстетические особенности и проблематика литературы о Второй мировой войне

Причин того, что тема Второй мировой войны стала ведущей в литературе прошлого столетия, много. Это и осознание невосполнимых потерь, которые понесло человечество в ходе кровопролитных сражений, и острота моральных коллизий, которые были возможны лишь в экстремальных ситуациях, и то, что советская литература очень долго скрывала правду о военной действительности.

Проза первого послевоенного десятилетия освещалась в очерковом, информативно-батальном ракурсе. В творчестве писателей «доминировал показ борьбы с врагом, а не анализ причин войны или углубленное осмысление отдельной человеческой судьбы». Литература была ограничена фиксацией событий, связанных с деятельностью одного полка, батальона, дивизии, защитой ими позиций, выходом из окружения.

«Решительной ломкой этикетных форм отражения действительности» был отмечен конец 1950-х гг. Объектом внимания и всестороннего анализа писателей стал человек: его внутренний мир, становление характера, восприятие им войны и видение своего места в круговороте военных будней. Начиная с 1960-х гг., писатели не передавали в произведениях трудовые свершения народа, а исследовали нравственно-философские истоки подвига людей, мотивировали их поступки с психологической и эстетической точек зрения. В произведениях стало больше анализа, обобщений и философских раздумий». Война начала рассматриваться сквозь призму человеческих страданий.

В 1980-х резко наметилась потребность в стилевом и идейно-эстетическом обновлении литературы. Этот этап сформировал третий поток произведений — документально-художественный. Литература создается поколением, которое, пройдя через войну, отразило свой и народный опыт. Именно непосредственные участники и свидетели войны принесли в литературу новый способ отражения трагизма военной действительности — фактографический, объективный.

Фокин Сергей Леонидович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

«Благоволительницы» Д. Литтела:

память жанра в романе-псевдопамяти

В «Благоволительницах» Д. Литтела присутствует заявка на создание романа-памятника, в том, числе памятника «русской литературе». Между тем активное использование «русской темы» отнюдь не превращает писателя-полиглота в «русского писателя», как о том заявляет, не без риторического гиперболизма, в послесловии к русскому переводу романа С. Н. Zenkin. Но говорит ли книга Литтела о русском национальном опыте?

И с чего бы вдруг в этой многостраничной, многословной и многослойной, будто торт «наполеон», книге, написанной на французском языке американским интеллектуалом, «влезшим», по его собственным словам, «в шкуру нацистского палача», говорил бы русский опыт? Почему в ней не сказался, например, опыт немецкий, хотя повествование ведется именно от лица немецкого интеллектуала? Ведь, похоже, мало кто из немецких интеллектуалов признал в Литтеле немецкого писателя? Почему в этом романе не сказался, в конце концов, действительный опыт еврейского народа, методично уничтожавшегося немецкой нацией? Не потому ли, что вместо того, чтобы подвергнуть себя внутреннему испытанию тишиной, а язык романа — пыткам косноязычия (русский Мандельштам, немецкий Целана, французский Беккета), автор-полиглот не изложил ни опыта, ни тем более образа исторической памяти, а выпалил в формах исторического романа априорные чисто литературные конструкции, плоды исторической и философской образованщины, а также симптомы идентификационной недостаточности? Таковы основные тезисы-вопросы предлагаемого доклада, в котором будут рассмотрены также усилия русских переводчиков, направленные на то, чтобы реально русифицировать оригинал.

Фомичева Анна Владимировна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Воспоминание как способ организации повествования в романах Хосе Хименеса Лосано

Хименес Лосано рассматривает литературу как способ познания прошлого, способ сохранения памяти о прошлом, а также способ передачи этого знания. Героями и рассказчиками его романов становятся воскрешенные персонажи, способные рассказать о прошлом что-то новое, оставшееся за рамками официальной версии истории (человечества, страны, семьи или человека).

Диалогизм, возникший в испанском романе в 70-е гг. XX в., становится одной из важных составляющих текстов Лосано.

Повествование в романах Лосано строится по принципу воспоминания, ему свойственна нелинейность времени, присутствие фигур рассказчика и слушателя. Хименес Лосано обращается к событиям недавнего прошлого, прежде всего к Гражданской войне, к послевоенной эпохе, к событиям современной жизни в Испании.

Хоха Светлана Сергеевна,

асп., Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Белоруссия)

Концепция мира и героя в романе Уильяма Голдинга «Шпиль»

О. Алякринский назвал «Шпиль» «притчей о нравственном каннибализме». Жестокое определение помогает передать сложность поставленных проблем. Мир, каким он видится Голдингу, и человек в нем — это

постоянная борьба двух начал — Добра и Зла. Но эта борьба лучше, чем нравственная слепота и самодовольство. Для того, чтобы человек прозрел, Голдинг ведет своих героев по извилистой дороге духовного самоанализа от неведения и заблуждения к познанию роковых истин о мире и о себе.

В «Шпиле» звучит идея, легшая в основу художественно-философской структуры романа, — развитие цивилизации оплачивается большими жертвами. «Шпиль» можно рассматривать как аллерию «социальной архитектуры». Голдинг очень тонко подводит к мысли о возможности и допустимости исторической, объективной реабилитации совершаемого, в основе которой лежит вопрос соотношения цели и средств; допустимости высшего оправдания деяний, причастных злу, если результатом этих деяний является великое творение. Но это оправдание ни в коем случае не снимает вины с человека.

В «Шпиле» появляется практически новая для предыдущих романов и активно развиваемая впоследствии тема художника и его творения — тема победы творческого гения, складывающаяся из замысла, эмпирического опыта и иступленного труда. Именно в раскрытии этой идеи мы видим и самого автора, так как две формы познания мира — религиозная (у Джослина) и художественная (у автора) — тесно здесь переплетены.

Еще одна тема, связанная с видением Голдингом человеческой природы — иррациональный, необъяснимый страх, чувство «запредельного», гнездящееся в глубине нашей души — идея, повторяющаяся в большинстве романов Голдинга. Голдинг предупреждает читателя: этот страх может погубить человека и привести к разрушению не только самого себя, но и окружающего мира.

Цибуля Александра Сергеевна,

магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

Пространство культурной, мифологической, поэтической памяти на примере *Santo IV* Эзры Паунда

Паунд в *Santo IV* включает множество мифов, большинство из которых связано с темой каннибализма. Поэт вступает в диалог с Овидием и другими античными авторами, трубадурами, Суинберном, Россетти, Элиотом и др. Паунд использует сложную схему сцепления-переплетения и вращающего одного мифа в другой. Перед нами — всеведущий теоморфный нарратор, который является частью не только истории, в ее мифологическом и поэтическом понимании, но и современности. Вспомним одну важную строку из Паунда: «Только древняя мудрость / может утешить в невзгодах людских». Элиот Уайнбергер в книге «Бумажные тигры» пишет: «Для Конфуция предок — божественен, а прошлое представляет собой земной порядок (отражение космического порядка), который больше никогда не был достигнут, но мог бы быть. Прошлое — это присутствующее отсутствие, объект желания. Более того, это объект желания, который проявляется в предметах, остатках былого, реликвиях. Китайская поэзия, и ранняя и поздняя, наполнена медитациями на руинах». Так и поэзия Паунда пред-

ставляет собой подобную медитацию, сплетения и сгустки воспоминаний. Разрозненные строки цитат — не что иное как руины погибших культур и цивилизаций. Здесь мы возвращаемся к пониманию Паундом «традиции», которая суть «повторное открытие, новое прочтение, пере-из-обретение западной и восточной литератур. Идея состояла в том, что „классику“ должен читать каждый интеллигентный человек, а чтобы быть интеллигентным человеком — необходимо читать классику». Так, поэзия становится местом покинутости, местом отсутствия, обозначающимся частоколом реминисценций, которые для большинства читателей уже потеряли свои подлинные изначальные коннотации и стали чистой энигматикой. Пространство Паунда — обиталище божества, его идеальный читатель — знаток священных и классических текстов, цель высказывания — воскрешение, поднятие затонувших кораблей со дна. Становятся ли руины храмом? Или дробятся еще более посредством интертекстуальности?

Чавчанидзе Джюльетта Леоновна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Память об античности в драме Г. Бюхнера «Смерть Дантона»

1. Г. Бюхнер был единственным в первой половине XIX в., кто раскрыл как трагическую закономерность исход судьбы революционера-вождя: надрыв человеческой индивидуальности в осознании ею собственного политического и морального тупика. Изображению этого в его драме «Смерть Дантона» заметно помогло «присутствие» в тексте античных фигур, имен, фактов.
2. В немецком эстетическом мышлении античное всегда так или иначе подразумевало превосходство перед современно-реальным. Утвердившись в XVIII в. как категория *прекрасного*, основополагающая для искусства (Винкельман, веймарский классицизм), как воссоздание светлой стороны жизни в конкретном творчестве (Виланд), оно прошло проверку на право *идеального* в понимании романтиков: недостижимого в силу его принадлежности минувшему, — и снизилось в бидермейере до излюбленного, хотя пустого украшения бюргерского быта.
3. В драме Бюхнера выдающиеся деятели революции, постоянно уподобляющие себя и друг друга персонажам античной истории, — и те, кто выбирает последних образцом политического поведения, и те, кто ищет в античных бытовых привычках и нравах средство «обезболивания» своих поражений в борьбе, — представляют *идеальное* вывернутым наизнанку. И это оказывается его *реальным* лицом — с точки зрения не христианских, а чисто человеческих нормативов. В прославленных личностях античной эпохи невольно начинает просматриваться злоещее или ничтожное, а ее воспетые в веках телесные радости выглядят слабым суррогатом достойной жизни.
4. Античное у Бюхнера сохраняет характер вечного, однако в существенной переоценке такового самим ходом истории; память о нем приобретает непривычно мрачный колорит.

Чамеев Александр Анатольевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Время и память как структурообразующие факторы в романе Уильяма Голдинга «Свободное падение»

Тема самопознания — одна из ключевых в творчестве Голдинга, но нигде она не разрабатывается так тщательно и последовательно, как в романе «Свободное падение».

Главный герой романа, художник Сэмюэл Маунтджой, от имени которого ведется повествование, с теплотой вспоминая о своем детстве, с горечью сознает, что связь между ним сегодняшним — мужчиной с душой, как стоячая лужа, — и «мальчонкой, ясным, как чистые ключевые воды», в какой-то миг безнадежно порвалась, и он пытается отыскать этот миг — миг своего падения и утраты свободы.

История жизни Сэма Маунтджоя предстает, по видимости, в форме хаотичных воспоминаний. Как и в знаменитой эпопее Марселя Пруста, в структуре «Свободного падения» происходят временные сдвиги, переходы из одного периода жизни в другой, и связано это с механизмами самой человеческой памяти, диктующей свои законы нарративу. Вместе с тем калейдоскоп впечатлений и ассоциаций, всплывающий в памяти взрослого Сэма, все же поддается определенному структурированию: герой поочередно подвергает анализу наиболее существенные эпизоды из детства и взрослой жизни, постепенно сужая сферу своего почти детективного расследования.

Хотя паломничество Маунтджоя ко временам своей духовной свободы приводит его к неутешительным выводам об отсутствии «мостов» между прошлым и настоящим, между миром духовным и миром физическим, между людьми и между разными сторонами человеческой природы, — он возвращается из этого паломничества иным, обновленным человеком. Герой сознает всю меру ответственности за свои прошлые поступки, его терзает чувство вины перед теми, кому он когда-то причинил боль.

Работая с материалами памяти, герой-нарратор не просто передает события прошлого, но дает им оценку, наделяет их смыслом, шаг за шагом приближаясь к постижению своего «я».

Черницкая Людмила Александровна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия

Формы объективации коллективного и индивидуального опыта в системе художественного дискурса

В творческом процессе коллективное и индивидуальное начала неразрывно связаны, выступая как коллективный и индивидуальный гносеологический опыт. Коллективное выступает в виде объективных сложившихся в общественном сознании представлений о реальности, а индивидуальное — как обусловленное ими, но тем не менее противостоящее им в том

или ином аспекте субъективное видение творца. В системе художественного целого коллективный и индивидуальный опыт, который мы определяем как общепринятый и индивидуальный языки, формируют структурную основу метатекстуального характера, где они находятся в отношениях оппозиции. В зависимости от замысла автора она может быть либо имплицитной, т. е. только подразумеваемой, не выраженной в художественных образах, либо эксплицитной или объективированной, когда она становится объектом художественного изображения. Так, в поэтике Стерна, Л. Толстого, Марселя Пруста имеет место имплицитная оппозиция, выступающая как индивидуальный язык автора, который демонстрирует феноменологическую трактовку картины реальности как преломленную сквозь призму субъективного восприятия персонажей. При объективированной оппозиции художественное воплощение имеют оба языка: общепринятый язык как выражение коллективного опыта чаще всего изображается в виде тех или иных стереотипологем: штампов, клише, общих мест либо образов как символов сложившихся представлений; индивидуальный же язык выступает как оригинальный авторский стиль, разрушающий незыблемые устои общепринятого языка. Противостояние этих языков как коллективного и индивидуального гносеологического опыта можно обнаружить в историческом процессе эволюции литературы от средневековья до модернизма. Есть определенные образные инварианты, характерные для общепринятого и индивидуального языков. Таков, например, образ дома как выражение коллективного начала, что в модернизме находит негативную трактовку, выступая как символ общего места.

Шейко Анна Антоновна,

асп., Академия государственной противопожарной службы МЧС России

Забвение и память в романах Ч. Диккенса («Крошка Доррит», «Лавка древностей»)

В художественной литературе писатели в той или иной форме обращаются к оппозиции «память — забвение», рассматривая память как жизнь, забвение — как смерть. Чарльз Диккенс также обращается к данной теме. Изучая эту проблему, исследователи особенно часто упоминают «Рождественские повести», но в данном случае обратимся к романам Диккенса — как к менее исследованной в подобном ракурсе и представляющей особый интерес части его творчества.

У романых героев Диккенса достаточно сложные отношения с памятью. В романе «Крошка Доррит» (1855—1857) в семье Дорритов запрещается вспоминать о тюремном периоде их жизни, они пытаются отгородить себя от осознания и принятия факта тюремного прошлого. В результате все, кроме Эми, которая принимает свое прошлое, возвращаются к запретной теме. Нежелание хранить память о прошлых испытаниях парадоксальным образом не допускает их забвения и возникновения новой, настоящей памяти. Отказ от своего прошлого символизирует отказ от жизни, а принятие памяти символизирует любовь и гармонию с самим собой.

В «Лавке древностей» (1840—1841) дедушка главной героини Нелл одержим одной идеей: он уверен, что, играя в азартные игры, он сможет добиться удачи, и его внучка разбогатеет. Он словно забывает о существовании реальности, живет в иллюзорном мире. Отказ от памяти, одержимость мнимым будущим богатством предают забвению настоящую жизнь, лишают старика способности двигаться дальше.

Диккенс предлагает своим читателям поразмыслить над вопросом: каков человек без памяти? Он описывает разные характеры, но для каждого отказ от памяти становится губительным, а обретение памяти возвращает персонажа к жизни.

Юнусова Алина Альверовна,
асп., Русско-Немецкий центр встреч при Петрикирге

Интертекст как структура памяти: «Братья Карамазовы»
Ф. М. Достоевского и «Доктор Фаустус» Т. Манна

В докладе речь пойдет о романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и романе Т. Манна «Доктор Фаустус». Главные герои данных двух произведений — Иван Карамазов и Адриан Леверкюн — яркие и влиятельные представители своей культуры и своего времени в литературном пространстве. Особый интерес для исследования представляет конфликт идейного содержания психики персонажей с реальностью, который становится предметом художественного изображения в романах в форме диалога с дьяволом. XXV глава романа «Доктор Фаустус» была написана под влиянием аналогичной главы из романа Ф. М. Достоевского (часть четвертая, книга 11, глава IX: «Чёрт. Кошмар Ивана Фёдоровича»). На уровне композиции упомянутая глава расположена в романе строго центрально, что свидетельствует о ее структурной значимости для произведения в целом. Сознательное выстраивание Манном центральной главы романа по образцу другого художественного текста свидетельствует о важности для автора данного способа изображения внутреннего конфликта: диалог с чёртом, который является одновременно alter ego героя, оставляет интригующе размытыми границы реальности и воображаемого. Именно данный диалог и присутствующие в нем структурные основания «карамазовского интертекста» Т. Манна дают повод говорить о внутрилитературных механизмах передачи культурной памяти, действующих на межязыковом и межкультурном уровнях.

Юрьев Андрей Алексеевич,
к. иск., проф., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Настоящее в прошедшем и прошлое в настоящем:
историческая личность в драматургии Хенрика Ибсена

Принципы историзма в драматургии Ибсена 1850—1870-х гг. в значительной мере определялись: а) влиянием исторических хроник и «римских» трагедий Шекспира; б) усвоением ряда постулатов гегелевской фило-

софии истории, воспринятых при посредничестве датского драматурга, критика и философа-гегельянца Йухана Людвига Хейберга; в) воздействием книги немецкого теоретика драмы Германа Хеттнера «Современная драма» (1852). Понимание критериев жанра исторической драмы было непосредственно выражено молодым Ибсенем в статье «„Лорд Вильям Рассел“ на сцене Кристианийского театра» (1857). Сформулированным в этой статье принципам драматург следовал при создании «Воителей в Хельгеланде» (1857) и «Борьбы за престол» (1863). Считая психологическую разработку характера важнейшей составляющей образа исторического героя, Ибсен уже в этих произведениях совмещал ее с символическими обобщениями, придававшими создаваемым драматургом образам трагический масштаб и выявлявшими обусловленность деяний героев замыслами и тайными целями «мирового духа» как подлинного творца истории. Поиски Ибсена в области жанра исторической драмы завершились созданием грандиозной дилогии «Кесарь и Галилеянин» (1873), центральной фигурой которой является последний римский император-язычник Юлиан Отступник. Выстраивая образ этого героя, Ибсен художественно сплавил гегелевские представления о «всемирно-исторической личности» с рядом важнейших положений экзистенциальной философии Сёрена Киркегора. Парадоксальность такого соединения в значительной мере определила и глубину содержания, и жанровую сложность этого масштабного произведения.

Ястребова Юлия Валерьевна,

асп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Память войны в творчестве Жана Жионо (роман «Гусар на крыше»)

Жан Жионо (1895—1970) — французский писатель-регионалист, сценарист, автор многочисленных произведений. Описывает крестьянский провансальский уклад жизни. Всю жизнь прожил в Провансе. «Французский Фолкнер». Принимал участие в Первой и Второй мировых войнах, которые произвели неизгладимое впечатление своим ужасом, варварством, грубостью, жестокостью. Зверства войны превращают его в убежденного пацифиста. Успех романа «Гусар на крыше» (“Le Hussard sur le toit”, 1951) позволил рассматривать творчество Жионо как творчество одного из великих французских писателей XX века. Роман, написанный в послевоенные годы, — историческая хроника о страшной эпидемии холеры. Герой Андже-ло пытается выстоять в борьбе с холерой и противостоять судьбе. Путешествуя по югу Франции, он помогает людям в борьбе с болезнью, защищает и спасает их от окружающего мира. Природа часто ведет с человеком свою особую игру, когда невозможно что-либо изменить. Ее воздействие непредсказуемо, порой абсурдно. Не человек творит Природу, а сама Природа человека. Человек не имеет права уничтожать то, что создала Природа. Зверства пережитых войн, когда гибло все живое и прекрасное, оставляют неизгладимый отпечаток на творчестве Жионо. Автор показывает, что может произойти с миром и человеком, если Природа начнет воевать

и испытывать людей на прочность. Зло — естественная сила Природы, сопротивляющейся человеку и его власти. Природа — рок, судьба; защитник жизненных ценностей, наделенная властью наказывать ослушавшихся. Задача человека — осознать свои ошибки, встать на путь исправления, не потерять самого себя, стремиться к победе честным путем, не поддаваясь дурным человеческим страстям. Болезнь — гнев природы и символ войны, посланная как испытание человеку за все его действия. Жионо раскрывает свой образ и понятие войны в романе. На войне нельзя убивать, а нужно спасать каждого, давать надежду на выживание любому, несмотря на его социальное положение.

Яценко Мария Вадимовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Особенности жанра древнеанглийской поэмы «Исход»

Определение жанра древнеанглийских поэтических произведений представляется традиционно непростой задачей. Древнеанглийская поэма «Исход» традиционно относится к жанру библейского переложения или парафразы. Однако понимание этого жанра требует определенного уточнения. Поэма напоминает традиционные для позднеантичной литературы парафразы Библии и часто сопоставляется с некоторыми из них с целью поиска источников. Подобные сопоставления выявляют достаточно большое количество общих топосов, однако подтверждают оригинальность замысла и композиции поэмы «Исход». Соотнесение поэмы с героическим наследием англосаксов выявляет приверженность ее автора традиционным приемам построения текста (использование формульной фразеологии, развертывание традиционных эпических тем и пр.). Очевидно, что использование этих приемов не было исключительно формальным и подразумевало переосмысление старых концептов для обозначения нового (христианского) содержания. При этом происходило и расширение героического эпоса до эпоса религиозного.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

Баева Екатерина Михайловна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Кристофер Бун и Оскар Шелл: Я против мира

Главная задача человека, страдающего аутизмом, — сохранить свой мир в неприкосновенности. Сделать так, чтобы все всегда оставалось на своих местах и служило максимальному комфорту существования. Собственно, не страдающий аутизмом человек тоже вряд ли окажется от мира во всем мире и всегда вкусного завтрака.

Кристофер Бун мечтает, чтобы какой-нибудь вирус уничтожил незнакомых и потенциально опасных людей (а по возможности — вообще всех), и он смог бы спокойно гулять по городу и наблюдать за звездами, заходить в дома и есть там конфеты подходящего цвета. Поэтому, найдя на лужайке соседскую собаку, прибитую к газону вилами, он решает найти таинственного разрушителя спокойствия.

Оскар Шелл ищет логику в том, что террористы уничтожили Всемирный торговый центр, а вместе с ним и его папу, который устраивал для Оскара разведывательные экспедиции и рассказывал сказки на ночь. Поэтому, найдя в папином шкафу конверт с неизвестным ключом, он во что бы то ни стало решает найти подходящий замок и раскрыть последнюю загадку отца.

В центре внимания этих двух нашумевших книг — две пары «отец + сын», в которых отец всегда служит для сына проводником в мир. Мир этот — всегда жестокий, непредсказуемый, нелогичный. В нем всегда что-то рушится — отдельно взятая семья или общие законы справедливости. Авторам уже не достаточно простой, человеческой логики, и они прибегают к помощи эмоционально нестабильных, сломанных героев, которых принято считать «больными», чтобы по возможности точно описать наш условно здоровый мир. Картинки, фотографии, игры со шрифтом и математические задачи — новые средства поиска ответов на старые вопросы «что делать?» и «кто виноват?».

Балаева Светлана Владимировна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия

Джакомо Леопарди как предтеча модернизма

Модернизм противопоставил определенность неопределенности, показал чуждость реальности человеку, так что все, что ранее считалось определенным, оказалось поставленным под вопрос.

Под вопрос была поставлена не только реальность, но и история. В лучшем случае это прогресс, в худшем — регресс, но в любом случае никакой остановки традиционное отношение к истории ранее не предполагало. В XIX в. концепция истории как поступательного движения, развития человечества ставится под вопрос философией пессимизма, провозглашающего бессмысленность человеческого состояния (А. Шопенгауэр). Но сам Шопенгауэр заимствовал свои философские идеи у предшественников, а именно у Джакомо Леопарди.

В первой половине XX века влияние Леопарди можно увидеть в творчестве многих западных авторов. Гарольд Блум утверждает, что «Дневник размышлений» (опуб. 1898—1900) и «Мысли» (опуб. 1845) Дж. Леопарди — это краеугольный камень для европейской континентальной литературы.

Именно философия Леопарди — одно из оснований для размышлений Сэмюэля Беккета о Прусте. В эссе «Пруст» (1931) Беккет пишет о «произ-

вольной» и «непроизвольной» памяти, желая «прояснить отвлеченность и произвольность, с которой Пруст утверждает свой пессимизм».

В данном докладе на обширном материале будет показана степень влияния Леопарди на зарождение художественной системы модернизма.

Белобратов Александр Васильевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Немецкоязычная литература миграции на рубеже тысячелетий:
от традиционализма к постмодерну и обратно

На материале немецкоязычных романов 1990—2000 гг., созданных авторами с «мигрантским бэкграундом», и в контексте авторской самооценки рассматривается проблематика художественного языка и стиля произведений «интеркультуральной» литературы. Спектр самохарактеристик располагается между двумя полюсами: от абсолютной индифферентности к языковой проблематике и признания в «некреативности» усвоенного немецкого языка (в ставке исключительно на новизну и экзотичность материала традиционалистски оформленного повествования) через представления об обогащении, модернизации немецкого литературного языка авторами-экзофонами до создания постмодернистского «новоязыка», основанного на принципах нонселекции, симуляции, трансгрессии, антиавторитарности и многоязычия.

Бонч-Осмоловская Татьяна Борисовна,

к. ф. н., доц., Российский новый университет

Дурные бесконечности «мира мертвых и проклятых»
(по роману Флэнна О'Брайена «Третий полицейский»)

Совершив убийство, главный герой после незамеченной им самим гибели закономерно попадает в ад, причем в ад тщательно сконструированный, пейзаж которого практически неотличим от обыкновенного пейзажа, и населенный персонажами, практически неотличимыми от обыкновенных людей. В этом мире наблюдатель сталкивается с пространственными, размерными, временными нарушениями, утратой имени и памяти, парадоксами жизни-в-смерти и смерти-в-смерти. В размышлениях о сходимости и существовании предела иллюзорных рядов персонаж обретает иллюзию абсолюта, только чтобы испытать горечь его абсолютной утраты. А основным методом мучения персонажа в этом персональном аду является умножение предметов и явлений с вариациями и совпадениями — концепция невыносимой, гегелевской «дурной бесконечности». Повторения развиваются от простого удвоения в подобия, отражения, квазибесконечные ряды невозможных объектов, в бифуркации персонажа, встречающего разновидности собственной сущности, в бесконечно вложенные души внутри иллюзорного тела, в цикличность смерти, и наконец к повторению завязки романа как началу очередного цикла тех же невыносимых событий, страшных, навязчивых и привлекательных как бездна.

Бочкарева Нина Станиславна,

д. ф. н., проф., Пермский государственный университет

«Синдром Стендаля» в литературе постмодерна

В период постмодерна (вторая половина XX и начало XXI в.) актуализировались проблемы воздействия и восприятия искусства, что нашло свое отражение в литературных теориях постструктурализма, рецептивной эстетики и новой герменевтики. С этим связан и особый интерес к интермедальности, интерпретации одних искусств средствами других, проблемам репрезентации и экфрасиса. Новые теории возникают через переосмысление старых как результат эстетической полемики. «Синдром Стендаля» основан на дневниковых записях французского писателя и отражает романтические представления о воздействии искусства. Путешествие по Италии состоялось в 1811 г., первая редакция дневника появилась в 1817 г., но наибольшей популярностью пользуется редакция 1826 г. После утомительного путешествия и под влиянием восторженных ожиданий Анри Бейль (настоящее имя Стендаля) чуть не потерял сознание: «Я достиг уже той степени душевного напряжения, когда вызываемые искусством *небесные ощущения* сливаются со страстным чувством. Выйдя из Санта-Кроче, я испытывал сердцебиение, то, что в Берлине называют нервным приступом: жизненные силы во мне иссякли, я едва двигался, боясь упасть». При жизни автора дневник был опубликован в Лондоне на французском и английском языках. Несомненна его популярность в литературе как XIX, так и XX в. Разное переосмысление получает «синдром Стендаля» в начале XXI столетия в произведениях американца Чака Паланика «Дневник» (2003) и англичанина Джулиана Барнса «Нечего бояться» (2008). Общей является реакция постмодерна на романтические представления о природе искусства, а различия объясняются как жанровой природой произведений (антиутопический роман и автобиографическое эссе), так и творческой индивидуальностью писателей.

Бутенина Евгения Михайловна,

к. ф. н., доц., Дальневосточный федеральный университет

Читатель-как-создатель в двух современных романах США

После нескольких десятилетий пристального внимания западной и отечественной литературной науки к роли читателя в восприятии текста вполне закономерно появление в современной прозе новых персонажей-читателей. Интересная разновидность читателей-как-создателей встречается в двух современных романах США, написанных этническими авторами: индианкой Джумпой Лахири («Тезка», 2003) и афро-американкой Элис Рэнделл («Пушкин и Пиковая дама», 2004). Обе писательницы ярко заявили о себе дебютными текстами; заметны оказались и следующие произведения писательниц: роман «Тёзка» несколько недель удерживался в списке бестселлеров газеты «Нью-Йорк Таймс» в 2003 г., а роман «Пушкин и Пиковая дама» включила в список лучших текстов 2004 г. газета «Вашингтон Пост».

В обоих романах родители называют сыновей в честь русских классиков и так выпускают в мир Гоголя Гангули и Пушкина Икс. Реинкарнированные русские антропонимы, безусловно, позволяют глубже осознать значимость Гоголя для индийской культуры, в частности, темы «маленького человека», и Пушкина, «Великого черного русского», если воспользоваться названием романа Дж. О. Килленза, для культуры афро-американской. Но помимо этого, такой авторский ход в наименовании героев дает возможность рассмотреть фигуры читателей-как-создателей: в отличие от читателя-актера по Изеру, они не идентифицируют с персонажами или классиками *себя*, а пытаются задать некие литературно-биографические сценарии судьбе *своих детей*. В докладе рассматриваются чтение как символический и творческий акт, значимое не-чтение как протест, книга как медиатор и транскультурное пространство современного текста, вдохновенное русской классикой.

Горбина Наталия Сергеевна,

студ., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Джумайло Ольга Анатольевна,

к. ф. н., доц., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Нарушение границы как принцип личностной свободы художника в романе В. Вульф «Орландо»

Роман классика британского модернизма В. Вульф «Орландо» (1928) до сих пор вызывает интерес исследователей как в России, так и за рубежом. Вместе с тем рассмотрение центрального вопроса проблематики романа — становления и творческой самореализации личности — представляется продуктивным в связи с выявляемым нами принципом нарушения (стирания) границ. В связи с этим нами выделяются несколько контекстов:

1. в контексте нарративной организации «Я»: проблемы личностной свободы художника, поиск и конечное обретение истинной сущности героиней предстает в качестве воссоединенных осколков «Я», которое эксплицируется различными приемами модернистского слова (мифологизация, элементы «потока сознания», темповая организация художественной речи, хронотопическая разнооформленность и др.) Изменение внутреннего состояния души передается с помощью различных синтаксических и лексических средств, а также средств языковой выразительности (фрагментарность, экспрессивный порядок слов, эллипсисы, повторы, градация, метафоры и др.);
2. в контексте тематизации поисков «Я»: главный вопрос для героини заключается в желании постичь истинную ценность творчества и реализуется в противопоставлениях, оппозиционный характер которых оказывается условным (безвестность/слава, мимолетность/вечность, день/ночь и др.). Литературное произведение трактуется как «испытанное кровью» увековечивание хаоса прожитой жизни;
3. в контексте соотношения «Я», социокультурных и национальных детерминант: проводится параллель между любовью к литературе и лю-

бовью к природе. Эти два феномена рассматриваются как два главных «английских недуга» на рубеже XIX—XX вв. Освобождение от их влияния мыслится как уход героини от «духа времени» и честолюбивых стремлений к славе. Кроме того, в контексте феминистских убеждений Вульф, необходимо подчеркнуть особую роль, которую в интерпретации феномена нарушения границ играет возникновение в Великобритании на рубеже XIX—XX вв. нового типа женщины.

Иванов Павел Филиппович,

асп., Российский университет дружбы народов, Сочинский филиал

Прецедентность и автопрецедентность в прозе Гюнтера Грасса

Проза Гюнтера Грасса, лауреата Нобелевской премии по литературе, изобилует огромным количеством прецедентных и автопрецедентных элементов текстов. Прецедентные элементы в дискурсе романа «Луковица памяти» служат цементирующим звеном в композиции произведения, реалистически точно передают духовную атмосферу времени, подключают читателя к диалогу с автором, выступают в функции свернутых метафор, символов времени, представленного в романе. В тексте романов “Beim Häuten der Zwiebel” и “Grimms Wörter” присутствуют отсылки почти ко всем произведениям Грасса, есть также сокращенные цитаты его стихотворений. Наибольшее количество ссылок приходится на цикл Данцигской трилогии — «Жестяной барабан», «Кошки-мышки», «Собачьи годы». Роман «Луковица памяти» демонстрирует процесс духовной эволюции главного персонажа — авторского двойника.

Ишимбаева Галина Григорьевна,

д. ф. н., проф., Башкирский государственный университет

Постмодернистская апология утопии в романе К. Крахта «1979»

К. Крахт считает, что именно в 1979 г. произошел подточивший основы бытия сдвиг, вызвавший радикальные перемены в парадигме духовного развития человечества. Горькая ирония заключается в том, что старый и новый порядки, по мнению писателя, на поверку мало чем отличаются: 1) в обоих торжествует утопическое сознание, которое конструирует мир в соответствии с идеальными представлениями; 2) оба сталкиваются с тем, что стремление переделать жизнь ведет к тоталитаризму, объективно провоцируя гибель личности. Действие романа «1979» подчинено жесткому хронотопу: в начале года анонимный герой вместе с другом Кристофером приезжает в революционный Тегеран с его диктаторским и деспотическим пафосом насильственного дарования счастья «исламской республики», в конце года ожидает неминуемой смерти в китайском исправительно-трудовом лагере. С первых страниц книги его история наполняется универсальным смыслом за счет включения в романное пространство рассказов о некоторых масштабных и серьезных попытках переделки жизни в соответствии с представлениями о должном, начиная с эпохи Средних веков и заканчивая

современностью. Ключ к дешифровке главной идеи дается в конце первой части романа, где в роли «сюжетодвигателя» оказывается книга К. Мангейма «Идеология и утопия». Крахт пересматривает заданную в ней оппозицию, ведя речь об утопии, порожденной идеологией и превращающейся в анти-утопию. Собственно этому посвящена вторая часть романа, начинающаяся с искусов героя буддистской и христианской утопиями, в рамках которых рассказчик, как он уверен, обретает свободу. Иллюзорность этой свободы обнаруживается в китайском исправительно-трудовом лагере № 117. Последние, «китайские», главы романа являются кульминационными, здесь до предела концентрируется изображение его главной проблематики: утопия персонального религиозного самосовершенствования, используемая в своих целях анархистами всех времен и народов, терпит крах и ставит человека на грань физической гибели и личностного распада.

Киреева Наталия Владимировна,

д. ф. н., проф., Благовещенский государственный педагогический университет

Автобиографический дискурс в прозе П. Остера

Автобиографический дискурс выступает одной из доминант прозы П. Остера, принимая в его произведениях различные формы. Это и специфически организованный целостный нарратив, обращенный к осмыслению собственной идентичности («Изобретение одиночества», 1982; «Впроголодь», 1997). Это и постмодернистская «автобиография как критика», в которой интеллектуальная продукция по осмыслению своего и чужого творчества публикуется под одной обложкой с автобиографическими историями и интервью («Искусство голода», 1993; «Красная тетрадь», 1995). Это и различные элементы автобиографизма, выявляемые в художественной прозе Остера, когда события писательской биографии становятся сюжетными элементами большинства его романов, в качестве продуктов, созданных персонажами, фигурируют собственные произведения писателя, отрывки из нехудожественной прозы писателя превращаются в материал для биографий его героев и т. п. Анализ жанровой природы первой — «настоящей» — автобиографии Остера, которой может считаться «Изобретение одиночества», убеждает читателя, что рамки традиционного автобиографического нарратива писателем раздвигаются, конвенции жанра трансформируются, и проблематизируемые во многих образах автобиографии границы между реальным и вымышленным, автором и героем размываются Остером еще сильнее. В докладе анализируется, как и почему это происходит.

Киш Оршойа,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Карнавал и постмодерн

Что такое постмодернизм? Современные исследователи, расходясь в деталях, трактуют постмодернизм как искусство, замешанное на эклектике и проникнутое духом философского скептицизма и релятивизма.

Некоторые современные исследователи в своих работах пытаются, рассматривая различные произведения искусства XX века, проследить процесс формирования постмодернистской формообразующей идеологии. Такой подход представляется не слишком плодотворным. О «предпостмодернистском комплексе» можно говорить применительно к творчеству А. Пушкина, Ф. Достоевского, А. Чехова, но несложно обнаружить постмодернистское начало и в культуре значительно более ранних времен.

В этом плане особый интерес представляет вопрос о постмодернистских чертах и свойствах, которые без труда обнаруживает такое оригинальное явление, как описанный в бахтинских трудах 1930—1960-х гг. средневековый западноевропейский карнавал. В трактовке Бахтина карнавал предстает ритуалом, основанным на разрушении иерархического мировоззрения и отрицании всех возможных бинарных оппозиций. «Сквозь увенчание с самого начала просвечивает развенчание. И таковы все карнавальные символы: они всегда включают в себя перспективу отрицания (смерти) или наоборот. Рождение чреватو смертью, смерть — новым рождением». Бахтин особенно выделял ключевую роль, которую в карнавальном ритуале играл образ беременной смерти. Нельзя не согласиться, что этот образ имеет всецело постмодернистскую природу.

Карнавал оказывается тесно связан с некоторыми понятиями предвестников постмодернизма, такими как «вечное возвращение» у Ницше или психоанализ Фрейда. Ко всему прочему, в постмодернистском дискурсе существует много терминов, которые уже можно было обнаружить в описании карнавала у Бахтина (хоть и немного в ином изложении). Такими являются, например, «конец метарассказов» Лиотара, «игра» и «праздник» Гадамера или «гипертекст» Женетта. В итоге, можно сказать, что карнавал имеет очевидный постмодернистский характер.

Ковалев Никон Игоревич,
асп., Институт мировой литературы РАН

Структура образа в любовной лирике модернизма:
«Поезд метро» Г. Бенна и его прототипы

В Германии эпохи модернизма происходит настоящий барочный ренессанс — начинают переиздаваться забытые авторы той эпохи, пишутся первые серьезные теоретические работы, осмысляющие литературу барокко как стилистическое единство. Барокко оказывает значительное влияние на формирующиеся в это время новые литературные течения и направления. Наиболее глубоким было влияние на экспрессионизм, отмеченное В. Беньямином в его работе «Происхождение немецкой барочной драмы». Экспрессионисты сыграли значительную роль в переосмыслении барокко в XX веке. Так, Клабунд в своем предисловии к изданию лирики Грифиуса в 1907 г. высказал робкую надежду, что «его лирика займет столь же достойное место на пьедестале, как и его драматургия», в дальнейшем же литературоведение выдвинуло на первый план именно Грифиуса-лирика. Но значительный интерес для литературоведения представляют и типологические

пересечения между этими удаленными друг от друга во времени эпохами. Одна из таких параллелей является предметом анализа в настоящем докладе. В любовной лирике немецкого барокко образ возлюбленной нередко дробится на отдельные фрагменты, зачастую последняя описывается как совокупность элементов, производящих особое впечатление на лирического героя. В любовной лирике Бенна, в частности, в раннем стихотворении «Поезд метро» происходят схожие процессы. Возлюбленная предстает перед взором лирического героя не в своей целокупности, а как набор отдельных частей тела (рот, бедра) и элементов одежды (чулки). Однако эта барочная традиция преломляется Бенном с учетом достижений лирики французского символизма (в стихотворении ощутимы отзвуки стихотворения Бодлера «Прохожей»). В результате барочная образность и лексика, попав на чуждую ей изначально тематическую почву символизма, дает плоды в виде оригинального модернистского произведения.

Корнилова Елена Николаевна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Особенности хронотопа в исторической реконструкции Г. Гессе «Нарцисс и Гольмунд»

Хронотоп романа «Нарцисс и Гольмунд» содержит несколько сценических площадок, отнесенных ко временам Зрелого Средневековья в Германии:

монастырь;

лес;

город и др.

Все они имеют источником в личный жизненный опыт писателя, впрочем, как и духовные поиски главных героев. Тема дороги в романе символически переплетается с темой жизненного пути. Роман, таким образом, имеет несколько планов. Важнейшие из них связаны с поисками роли и места художника, интеллектуала в глобальном мире, с темой судьбы, темой истории и образом средневековой Германии, где, по мнению любимого Гессе Новалиса, и были заложены семена процессов, происходящих в современном мире.

Котелевская Вера Владимировна,

к. ф. н., доц., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Образы «Я» и «Другого» в прозе Т. Бернхарда об искусстве

Один из магистральных сюжетов австрийского писателя Томаса Бернхарда (1931–1989) — «артистический»: в большинстве его романов и повестей речь идет о перипетиях духовного развития творческой личности, будь то живописец («Стужа»), философ и писатель («Корректур»), писатель («Лесоповал»), музыкант («Пропавший»), музыкальный критик («Старые мастера») и т. д. Независимо от сферы искусства или духовной

деятельности во всех произведениях данной тематики ощутима общая модернистская стратегия автора — двойничество рассказчика и героя, установление амбивалентных отношений мимикрии, противостояния, любви и ненависти. Субъект повествования и герой истории вступают в сложные диалектические отношения, что на уровне формы нередко выражается в субжанре диалога, выраженного непосредственно или, чаще, в виде косвенной и несобственно-прямой речи. Обнаружение инаковости Другого ведет в прозе Бернхарда к ряду выводов, которые делает рассказчик или должен сделать читатель: невозможность абсолютного понимания Другого, непрозрачность «я», герметизм творческой личности для Других, одиночество художника как условие его творчества. Создавая различные конфигурации взаимоотношений ипостасей артистического «Я», Бернхард реализует модернистский миф об одиноком художнике и его творчестве, абсолютным выражением которого является отказ от формы, «молчание», однако, по парадоксальной логике, и этот отказ от формосозидания должен быть облечен в текст, транслирован «Другому» (читателю). Эту миссию автор и доверяет своему альтер-эго, рассказчику, который, в отличие от Оратора в пьесе Э. Ионеско «Стулья», преодолевает свою некоммуникабельность, облекая радикальный «отказ» своих героев в речь, пусть и программно-монотонную и косноязычную.

Лагутина Ирина Николаевна,

д. ф. н., в. н. с., Институт мировой литературы РАН

«Изобретение» Гельдерлина в кругу Стефана Георге

В основе доклада — исследование механизмов мифологизации поэзии Гельдерлина в 1920—1930-гг. (Хеллинграт — Георге — Гундольф — Коммерель). На основе открытия поздних рукописей поэта и их интерпретации Стефаном Георге формируется образ Гельдерлина как провидца, «зовущего нового Бога», и одновременно как певца «нордической» Греции. Рожденная в кругу Стефана Георге идея «тайной Германии», сохранившейся в «живой классике», запускает процесс культа Гельдерлина как «вождя нации».

Любимова Наталия Викторовна,

к. п. н., проф., Московский государственный лингвистический университет

Альпы: разрушение иллюзий (Граубюнденская трилогия А. Камениша)

В 2009 г. вышла в свет первая часть трилогии молодого швейцарского автора Арно Камениша *Sez Ner*. За ней последовали вторая и третья части *Hinter dem Bahnhof* (2010) и *Ustrinkata* (2012). Это сравнительно небольшое, но насыщенное смыслами произведение можно считать событием в швейцарской литературе. Это подтверждается многочисленными премиями, которыми уже отмечен автор. Но не только это обстоятельство является доводом в пользу чтения трилогии. Во-первых, речь идет об альпийских мотивах, которые на протяжении столетий являются для швейцарской

литературы визитной карточкой, характерным признаком, отражением коллективного символа культуры. Ж.-Ж. Руссо, С. Гесснер, А. фон Халлер, Й. Спири и другие создавали альпийский литературный дискурс и идиллический образ прекрасного, свободного и здорового мира — «горной Аркадии», населенной сильными и трудолюбивыми крестьянами. В граубюнденской трилогии Арно Камениш последовательно разрушает архетипические представления и рисует новый деконструированный образ альпийской природы и повседневной жизни на ее фоне. Автор не испытывает неприязни или чувства презрения к закрытому и нескладному миру альпийской «глубинки», да и не пытается вызвать подобные чувства у читателя. Напротив, текст вызывает улыбку: в нем ощущаются мягкая ирония и симпатия автора к этому миру.

Во-вторых, притягательность стиля Арно Камениша обеспечивается оригинальным способом его письма. Он разворачивает действие на немецком языке, но одновременно с этим использует все коды, которые доступны жителям его родного кантона Граубюнден. Это ретороманский и итальянский языки, а также алеманнские диалекты немецкого языка. За счет постоянного переключения кодов текст обретает впечатляющую полифоническую многослойность — не случайно сложилось мнение, что тексты Камениша нужно *слушать*. В докладе будут проанализированы способы и средства создания упомянутых выше эффектов прозы Арно Камениша.

Мазняк Мария Михайловна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Арте флюида: эстетическая концепция парящего искусства
Мариу де Са-Карнейру

1. Мариу де Са-Карнейру является создателем собственной эстетической концепции.
2. Его эстетическая концепция «арте флюида» лежит в русле общемодернистских поисков и опирается на современные автору философские и естественнонаучные достижения интеллектуальной мысли начала XX века.
3. Поэтическое творчество Мариу де Са-Карнейру занимает видное и неотъемлемое место в португальской литературе начала XX века, а также входит составной частью в культуру европейского модернизма.

Мальчуков Лев Иванович,

д. ф. н., проф., Петрозаводский государственный университет

Роман Б. Шлинка «Возвращение» (2006)

и гипертекст Г. Грасса «Заглавные слова Гриммов» (2010):

концепт страха в деконструктивистском и постмодернистском изводе

1. Устойчивая связка нескольких слов почти архетипически-формульно повторяется из произведения в произведение у Грасса и закрепляется в сходном контексте — в окрестностях биографии братьев Гримм: уже

в «Палтусе» (1977) встречается в вымышленной сцене встречи братьев Гримм с создателями сборника народных песен Арнимом и Брентано в 1807 г., как и на первых страницах романа о Гриммах: «ужасы войны под гром пушечной канонады», «темный лес вблизи», «страх во многих обличьях». Сам Грасс говорит о «стилеобразующей силе сказки» для него самого.

2. У Шлинка история не перекраивается, а переживается в «граничных состояниях» или потрясениях. Страх — не психологическая категория, а экзистенциал, «страх не перед чем-то, а страх как некое физическое состояние».
3. Оба текста Б. Шлинка и Г. Грасса — о возвращении домой, о странствиях по пути к себе, и оба — о признании в любви: у Грасса к делу жизни братьев Гримм, сотворившим язык как «дом бытия» в биографиях слов, вобравших в себя дух времени, в приключениях их смыслов, в прагматике классических текстов немцев: «Меня глубоко ранит и отвращает моя страна, язык которой я преданно люблю» (S. 300). Да и сама история жизни «кабинетных ученых» Якоба и Вильгельма Гриммов, сурово просквоженная смерчами политических событий прошлого и настоящего, казалось бы, энтелехийно уложилась в алфавитном строе — от A (Anfang) до Z (Zettelkram, а потом — Zeit и Ziel). Но как раз завершение словаря в заключительных столбцах «Zeit» и «Ziel» и возвращает у Грасса всё на круги своя — к сериальному верчению времени: по формуле *Vergegenkunft* («прошлонастающее»): «Что было завтра, будет и вчера». У Шлинка выбор рассказчиком модели повествования по «Одиссее», этому «прообразу всех историй о возвращении», где ему уготована роль Телемака, уходит в виртуальный мир, сотворенный путем деконструкции: «Я тоскую по тому образу, который я нарисовал себе, по придуманному мной отцу, который стал дорог моему сердцу».

Марданова Залина Акимовна,

к. ф. н., доц., Северо-Осетинский государственный университет

«...Между языками и культурами»: «номадический субъект»

в постмодернистском романе Сабины Шолль

«Тайные записки Марины»

Австрийская писательница Сабина Шолль (р. 1959 г.) относится к тому поколению женщин-литераторов, для которого художественное осмысление женского естественным образом связывается с феминистским дискурсом. В 1980-е — начале 1990-х гг. одним из наиболее дискутируемых неизменно оставался вопрос о женской идентичности, при этом фокус интереса сместился с проблемы самоутверждения «женщины-субъекта» (“*Subjekt Frau*”) к проблематизации самого понятия целостного автономного субъекта как универсалистского проекта модерна, основанного на идеологии исключения Другого. В романе Сабины Шолль, излагающем постмодернистскую версию истории *Ла Малинче* — легендарной исторической фигуры эпохи завоевания Южной Америки Кортесом, «матери метисов» (*Mujer de las mestizaje*), лич-

ности, существующей «между языками и культурами» Шолль, 14) — женская субъективность предстает в концептуальных образах «номады» (*Брайдотти*) и «новой метиски» (*Ансальдуа*).

Надъярных Мария Фёдоровна,

к. ф. н., с. н. с., Институт мировой литературы РАН

Ценностные смыслы «изобретения традиций»:
современность, классика, архаика

Среди многочисленных афоризмов авангардного самоосмысления странной притягательностью обладает одна весьма часто цитируемая стихотворная строка из Гийома Аполлинера: “Je juge cette longue querelle de l’invention et de la tradition / De l’Ordre et de l’Aventure” («Рыжеволосая красавица», «Каллиграммы», 1918; в переводе А. Ревича — «Хочу я быть судьей в той давней распре, традиции с открытием / Порядка с Риском»). О точном — даже подстрочном — переводе этого афоризма речи быть не может. Просто в силу наиболее плотнейшей укорененности скрепляющих художественную мысль поэта слов-концептов в отличном от отечественного, западном, латинизированном, культурно-языковом опыте, где, как много позже заметит Ж. Деррида (см: Derrida J. *Psyché. Invention de l’autre*. Paris, 1987), возникают таинственные отражения «инвенций» и «авантюры», как, впрочем, и конвенций; где инвенции встречаются с будущим (*avenir*) и неизменно соотносятся с самыми различными событиями и развязками (*événement*), возникающими в процессе и результате всякого воображаемого и реального «хождения» (*venir*). Смирившись с тем, что по-русски никак нельзя передать эти смысловые созвучия, отметим значимое для Аполлинера сообразование авангардной культурной ситуации с иными уже свершившимися спорами — тяжбами «древних» и «современных»: новый спор, исподволь указывая на некоторую цикличность культурного развития, как бы проявляет свою собственную неоднозначную неповторимость, сопряженную в том числе с возникшей в культуре авангарда дополнительности «инвенции» и «традиции». Одним из итогов осмысления этой дополнительности, как и конфликтного взаимодействия «инвенций» и «традиций» на протяжении XX века стала концепция «изобретенных традиций» Э. Хобсбаума. Формула «изобретение традиций» (*The Invention of Tradition*) зафиксировала (на уровне социологии) фикционально-конвенциональный, неспонтанно насильственный характер современного «традиционализма».

Придорогина Елена,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Ф. Ведекинд и Г. Аполлинер. Сравнительный анализ

Пьеса «Франциска» — одно из поздних произведений Ф. Ведекинда. Хотя замысел образа Фауста в женском обличье возник у писателя еще в юности, в его парижские годы, и черты «Фаустины» угадываются в каждой героине Ведекинда, его многолетние поиски воплотились лишь в 1912 г.

в современной мистерии «Франциска». “Ein modernes Mysterium” — такое определение дает жанру пьесы сам автор, современная мистерия или мистерия о современности, современной проблеме семьи и брака, сложностей взаимоотношений между мужчиной и женщиной, возможности эмансипации и равенства полов. Главной героине пьесы выпадает шанс прожить жизнь мужчины и женщины, нарушить все условности и стереотипы. Прожив жизнь мужчины, известного певца Франца, женатого на прелестной женщине и сделавшего блестящую карьеру, и значит «слишком много увидев, слишком много услышав, слишком много испытал, слишком многому научившись, слишком о многом поразмышляв», Франциска остается одна с ребенком на руках.

Проблеме «деторождения» посвящена и сюрреалистическая драма Г. Аполлинера «Груды Тересия». За основу пьесы автор взял древний миф о длиннородом слепом старце Тересии, который по воле богов прожил часть своей жизни мужчиной, а часть женщиной. История Терезы-Тересия, представленная в виде буффонады, «сборника веселых нелепостей», заканчивается примирением супругов и призывом автора «рожать детей».

Сравнительный анализ этих двух произведений, объединенных одной темой, позволяет показать специфику развития театра от эпохи модерн к сюрреализму, а также раскрыть индивидуальные особенности стиля Ведыкина и Аполлинера, перешагнувших существовавшие традиции и во многом опередивших свое время.

Рыбина Мария Сергеевна,

к. ф. н., ст. преп., Башкирский государственный педагогический университет

«Портреты художников» М. Пруста: от экфрасиса к пастишу

Поводом к созданию «Портретов художников» послужило знакомство М. Пруста с Р. Аном в 1894 г. Поэтический цикл задумывался в паре с музыкальными пьесами композитора. Всё предприятие изначально имело характер артистической шутки. В «Портретах музыкантов» возникает характерная и для более «позднего» Пруста *многослойность* «пародии», когда текст отсылает к различным способам репрезентации объекта в живописи, поэзии, музыке, театре. Читателю, который становится одновременно зрителем и слушателем, предлагается каждый раз угадывать новый источник «цитаты», будь то риторическое упражнение (экфрасис), реминисценции стихотворения Ш. Бодлера «Маяки», узнаваемые детали картин или стиль Робера де Монтескью. «Портреты художников» состоят из четырех стихотворений, последовательность расположения которых далеко не случайна. Простое перечисление имен уже предполагает комбинаторную игру. Намеченный в заглавиях принцип «квартета» продолжен на композиционном уровне. Обращает на себя внимание сходство в организации визуальной перспективы, прослеживающееся во всех четырех текстах. Постановка света в картине становится ключом к пониманию художественной манеры мастера. Это первое, на что обращает внимание Пруст и что он пытается воспроизвести словесными средствами. Но его поэтические эскизы пере-

дают освещение картин XVII—XVIII вв. в «импрессионистической» технике: предпочтение отдается словам с семантикой прерывистого, неясного, мерцающего свечения, акцентируется процесс восприятия картины, точка зрения наблюдателя становится подвижной. Цикл открывается идиллическим сельским пейзажем, а завершается вариацией на тему «Равнодушного» и «Путешествия на Киферу» А. Ватто. Впечатление театрального действия поддерживается на протяжении цикла застывшими позами, жестами, неподвижным лицом, напоминающим маску. Всё это призвано напомнить о статичной природе оригинала и сделать изображение подвижным ровно настолько, чтобы возникла иллюзия «ожившей картины».

Цветков Юрий Леонидович,

д. ф. н., проф., Ивановский государственный университет

Постмодернистские коды

в романе И. Шульце «Адам и Эвелин»

Рассматривается один из последних романов современного писателя ФРГ, родившегося в ГДР. Он вновь обращается к осмыслению общественной и индивидуальной проблематики последствий падения Берлинской стены. Стилизуя роман под развлекательную литературу, писатель сатирически оценивает многие аспекты жизни ФРГ, напоминая о базовых ценностях человека труда в ГДР. В романе рассказывается история бегства Адама и его возлюбленной в ФРГ как библейская легенда о грехопадении. Падение Берлинской стены как «объединение», «поворот» или «сотворение нового мира», как представляется сейчас, настолько сложное и противоречивое событие для современных писателей, что требует серьезного осмысления с временной дистанции. Новый поворот проблематики романа в сторону явного сатирического освещения современного общества потребления в адекватной форме стилизации под развлекательную литературу со счастливым, казалось бы, финалом вводит произведение Шульце в контекст романов о личностном одиночестве человека и, как следствие, о коммуникативной несостоятельности целого поколения. Проблема выбора накануне падения Берлинской стены определяет *культурный код* романа. Две противоположные точки зрения фокусируются в представлении о счастье Адама, мыслящем ретроспективно, и Эвелин, бесконечно счастливой в американизированном обществе потребления. *Дискурсивный код* представляет собой установку автора на ироническое сопоставление литературы развлекательной и правдоподобного, последовательного повествования о пересечении гражданами ГДР венгерской и австрийской границы. Рассказ о начавшейся смене одного мира другим облекается в форму притчи, конкретную иносказательную историю взаимоотношений Адама и Евы (Эвелин), их «изгнания из рая» и «бегства за «греховной Евой», что можно назвать *символическим кодированием*. Наконец, в *нарративном коде* происходит смещение повествовательной перспективы в пользу Эвелин, рассказывающей о страданиях Адама и своем «наслаждении» новой жизнью.

ФРАНЦУЗСКИЕ ЧТЕНИЯ

Abensour Gérard,

д. ф. н., проф., INALCO (Paris)

La revue russe «Tchisla» publiée à Paris (1930–1934)

Avec l'expulsion des intellectuels russes en 1922 apparaît une nouvelle vague d'immigration composée d'écrivains, d'artistes, de philosophes, de penseurs religieux ou laïques.

Ceux-ci aspirent à poursuivre leur oeuvre dans le pays d'accueil et en particulier en France.

1. La langue. A la différence de leurs aînés, ils ne pratiquent pas toujours le français. Les Français quant à eux sont rares à savoir le russe.
2. La tradition culturelle. Malgré les traductions, les deux cultures sont assez divergentes. Si les Russes sont assez au courant de ce qui se passe en France, les Français en restent à la découverte du roman russe. Ils connaissent mal les développements récents, la poésie. Des efforts remarquables sont entrepris de deux côtés.
3. De 1929 à 1931 le Studio franco-russe organise 14 réunions. Les sujets de discussion seront en majorité littéraires et en second lieu philosophiques. Les participants francophones sont notamment S. Fumet, M. Péguy, L. Martin-Chauffier ou A. Fontaine en littérature et Maritain pour la philosophie religieuses. Parmi les russophones on compte K. Zaïtsev, B. Poplavski, T. Tolstoï ou N. Berberova et de l'autre côté N. Berdiaev, ou G. Fedotov.
4. De 1932 à 1934 la plupart des participants russes se retrouvent dans la revue *Tchisla* fondée par le poète N. Otsoup. Conçue essentiellement comme une revue artistique et littéraire et résolument apolitique cette revue se veut une tribune pour les écrivains et peintres russes de l'émigration. Mais elle fait connaître à ses lecteurs la littérature et l'art français contemporains. D'où de nombreux articles de critique notamment sur Proust, Gide, le théâtre la peinture.

Malheureusement ces deux tentatives feront long feu. On ne parviendra pas à faire cesser l'ignorance réciproque des représentants des deux cultures.

On s'efforcera d'en comprendre les raisons, mais aussi de montrer que ces efforts n'ont pas été vains.

Coeuré Sophie,

д. и. н., проф., Université Paris Diderot – Paris 7

Pierre Pascal entre Russie rouge et Russie blanche:
deux exils, deux histoires, deux littératures

Pierre Pascal (1890–1982), jeune officier cultivé, fasciné par la culture et la langue russe, catholique fervent militant de l'Union des Églises catholique et orthodoxe, fut envoyé à Petrograd en avril 1916 comme membre de la Mission militaire française. En 1918, il choisit d'entrer «en communisme» et de soutenir la Révolution bolchevique. Il travailla et vécut en URSS jusqu'à son retour en

France en 1933. Pierre Pascal devint alors professeur à l'École des Langues orientales puis à la Sorbonne, maître des études russes et de la slavistique française.

À partir d'archives inédites, cette communication se propose de comparer les réseaux d'amitié de Pierre Pascal à Moscou entre 1916 et 1933, puis à Paris entre 1933 et le début des années 1950. En URSS, Pierre Pascal s'éloigne des milieux intellectuels et religieux fréquentés pendant la guerre (Nicolas Berdiaev notamment). Il se trouve placé au cœur d'un cercle dissident formé autour de sa famille et des communistes opposants à Staline (Boris Souvarine, son beau-frère Victor Serge, Nicolas Lazarevitch,) mais aussi d'écrivains et d'intellectuels comme Boris Pilniak, Panaït Istrati. En France, Pierre Pascal retrouve une partie de ce réseau tout en reprenant la pratique religieuse et en trouvant une nouvelle place dans les cercles de l'émigration «blanche» en région parisienne, renouant avec Berdiaev et son entourage (Marc et Ida Chagall), et devenant un proche d'Alexis Remizov, passionné comme lui par la figure du protopope Avvakum. L'analyse de ces circulations politiques, amicales et intellectuelles permettra de comprendre et de situer la formation de la pensée de Pierre Pascal sur l'histoire russe et soviétique et sur la littérature russe.

Jacob François,

д. ф. н., дир., Музей Вольтера (Женева, Швейцария)

De Dieu protège le tsar aux Loups rouges :
croisade antibolchévik de Louis Dumur

Parmi tous les ouvrages antibolcheviks de la décennie 1920–1930, la tétralogie romanesque de Louis Dumur (*Dieu protège le tsar !*, *Le Sceptre de la Russie*, *Les Fourriers de Lénine* et *Les Loups rouges*), dont la publication s'étend de 1929 à 1932, présente la particularité de n'offrir aucune nostalgie de l'ère impériale. Deux raisons à cela : l'écriture profondément réaliste de Dumur se satisfait d'abord mal de la glorification *post mortem* pourriture blanche » ; de la famille du tsar, d'ailleurs gangrenée par ceux que ses amis politiques nomment la «mais c'est surtout en poussant à bout les descriptions réalistes que Dumur prétend, dans une sorte de vision apocalyptique, dénoncer les tares du système communiste.

Le principe est finalement le même que celui qui avait généré la tétralogie « guerrière » de Dumur (à commencer par *Nach Paris!*, qui avait, en 1919, défrayé la chronique), tétralogie publiée, elle aussi, après les événements. D'où quelques questions : quelle influence politique peut encore avoir, en 1929, la publication d'une série martelée par un antibolchevisme particulièrement agressif ? Quelle image de la Russie se profile dans les romans de Dumur, qui rejette à la fois rouges et blancs ? Quelles sont les tendances affichées au même moment dans le *Mercure de France*, revue dont Dumur assume la direction littéraire depuis bientôt trente ans ? Et enfin, quel est le sens de la forte allégorisation présente dans le dernier des romans russes, à savoir *Les Loups rouges* ? Autant de questions qui permettront de replacer la tétralogie de Dumur dans un dialogue franco-russe écartelé, entre 1920 et 1930, entre la nécessaire mais douloureuse *liquidation* du passé et l'effarante *liquéfaction* d'une société promise à toutes sortes de violences.

Marchadier Bernard,

д. ф. н., Institut d'études slaves, Paris (France)

Le Studio Franco-russe de Paris (1929–1931)

On étudiera les rencontres organisées à Paris dans ces années par Wsevolod de Vogt entre philosophes, artistes et hommes de lettres russes et français (notamment P. Valery, A. Gide, St. Fumet, N. Berdiaev; Vl. Weidlé, J. Maritain, N. Berberova, G. Fedotov) autour de thèmes littéraires et philosophiques. Ces conférences, mal connues de nos jours, ont beaucoup contribué à l'édification d'un langage commun entre Français et Russes.

Millet-Gérard Dominique,

д. ф. н., проф., Université Paris-Sorbonne (France)

Présence de la Russie dans la revue «Vigile»
et la collection «Le Roseau d'Or»

De nombreux Russes issus de l'émigration écrivent pour ces deux publications catholiques de l'entre-deux-guerres. À cela s'ajoutent des traductions de poèmes et de méditations, qui contribuent au vaste courant spirituel représenté par ces publications.

Rigoulot Pierre,

дир., Institut d'Histoire Sociale (France)

Knowledge and ignorance in France about Soviet Russia through
accounts by travellers (1918–1939)

Les voyages en Russie soviétique ont constitué une des sources importantes des connaissances acquises par les Français sur ce pays. Sans doute, ces voyages ont été très vite encadrés, dirigés, et organisés afin que les échos qu'on allait en avoir en France servent la propagande du nouveau pouvoir révolutionnaire. Mais il serait simpliste de mettre en cause la seule police politique soviétique. Les certitudes dont on était lesté quand on partait, notamment dans les milieux communistes français, orientaient favorablement pour le moins la perception des réalités soviétiques. Les adversaires de la Révolution trouvaient eux aussi dans leur voyage, mais en un sens opposé, la confirmation de leurs convictions anciennes. En général, le voyage confirme plus qu'il ne fait découvrir. L'écrivain tirait malgré tout un certain prestige de son voyage et ses jugements une certaine légitimité. Comme Saint-Thomas, il avait touché du doigt la réalité révolutionnaire et savait de quoi il parlait. Tant pis s'il n'était resté que 8 jours, s'il avait été tout le temps cornaqué et s'il ne parlait pas le russe ! D'où l'importance que les milieux communistes français, conscients de l'attention suscitée par les récits de voyage hostiles à l'URSS, attachèrent à les déconsidérer. Qu'on pense par exemple à la polémique qui accompagna *Retour de l'URSS* d'André Gide. La relativité de la contribution effective des voyages à la connaissance du monde soviétique peut aussi être illustrée par le succès et, à la relecture, le

sérieux, la validité si ce n'est la vérité d'un faux voyage en URSS comme celui qu'écrivit Boris Souvarine sous un pseudonyme en 1936! Divers autres facteurs entrent en jeu pour qu'un récit de voyage frappe l'opinion publique, mais tous illustrent la difficulté qu'a la vérité à se faire jour et à s'imposer dès que l'on touche à l'histoire et à la vie politique.

Valetas Konstantinos,

Международная Ассоциация литературных критиков

Никос Казандзакис в Советском Союзе

Вскоре после провозглашения в России Страны Советов многие представители творческой интеллигенции Запада с восторгом следили за становлением большевистского государства, иногда даже не видя его воочию. Среди тех, кто возлагал большие надежды на Советскую Россию, был греческий писатель, поэт и философ Никос Казандзакис. Еще в 1919 году он выполнял поручение греческого правительства по эвакуации 150 тысяч греков-понтийцев с охваченного гражданской войной Черноморского побережья Кавказа, а затем, начиная с 1925 года, много путешествовал по России, был знаком с М. Горьким. Интеллектуал и мистик, он был среди западных писателей, приглашенных на празднование 10-й годовщины Октябрьской революции. В ходе последовавшего затем путешествия по СССР в 1928 году он пересмотрел свое отношение к коммунизму, большевизму, ленинизму и был одним из первых, кто писал об отклонениях в большевистском режиме. Захваченный поисками новой духовности, поклонник Ницше и Бергсона, интересующийся марксизмом, он испытывает глубокое разочарование. В результате его длительного путешествия появилась написанная по-французски книга «Тода раба, Москва прокричала» (*Toda raba, Moscou a crié* (1929, Paris, Plon.)), где Казандзакис выразил свое разочарование прежде всего в ленинизме, считая, что ленинизм предал тех, кто боролся за лучший мир. Разочарованный советской политикой, взявшей курс на бюрократизацию и индустриализацию, он определил коммунизм следующим образом: по всей видимости неспособный осуществить признание человека человеком и построить бесклассовое общество, коммунизм все же мог бы сыграть определяющую роль в победе над капитализмом.

Vianey Bruno Joseph Claude,

Lycée Français de Moscou

Marcel Body: un ouvrier typographe français devenu diplomate soviétique

Étrange destin que celui de Marcel Body (1893—1983). Simple ouvrier typographe de la ville de Limoge, il apprit seul à l'âge de 13 ans la langue russe et se passionna pour la culture de ce pays. Par hasard, il va devenir un acteur de l'Histoire.

Mobilisé lors de la première guerre mondiale, il est envoyé à la mission militaire française de Moscou. Il se rallia sur place à la révolution bolchévique dès le début et adhéra au groupe communiste français de Moscou (avec Pascal, Sadoul, Petit, Guilbeaux, Marchand). Il fit de la propagande en Ukraine et séjourna à Pétrograd entre 1919 et 1921 où il collabora avec Victor Serge et joua le rôle de consul officieux dans cette ville.

Très actif et remarqué, les autorités le nommèrent à un poste de confiance: premier secrétaire à l'Ambassade de Christiana (actuellement Oslo) où il collabora étroitement avec l'ambassadrice, Alexandra Kollontai. La Norvège, dont les relations commerciales avec la Russie étaient très importantes (exportation de poisson), fut des tous premiers pays à nouer des relations diplomatiques avec le régime bolchévique.

Il rentra à Moscou en 1925. Il se vanta d'avoir fait passer en Occident le fameux *Testament* de Lénine. Se sentant en désaccord avec la ligne du régime, il quitta librement l'Union Soviétique en 1927. En France il quitta le Parti Communiste Français à la fin des années vingt mais resta dans la mouvance révolutionnaire. Il traduisit les œuvres de Lénine, Trotski et Bakounine, rédigea ses mémoires, mais resta cependant inconnu du grand public.

Балабан Алина Ивановна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Образ российского революционера в повести Ирен Немировски «Дело Курилова»

Интерес представителей первой волны российской эмиграции, в особенности писателей и философов, к деятелям Октябрьской революции бесспорен. Ирен Немировски в повести-исторической фантазии «Дело Курилова» (1933) при создании образа революционера Леона (Леонида) М. вдохновлялась тем образом Троцкого-революционера, который сложился у нее после прочтения биографии политика «Моя жизнь. Опыт автобиографии» (1930).

Троцкий пытался создать впечатление, что истинная его жизнь — это политическая борьба, в то время как все, что происходило за ее пределами, является второстепенным, незначительным. Это представление об идеальном революционере, который полностью посвятил свою жизнь борьбе, и отрекся от всего иного, Немировски доводит до предела в образе своего героя. Из высшей, на взгляд революционеров, жертвы проистекает и чувство превосходства, которое присуще как персонажу повести, так и его прототипу. Леон не раз заявляет, что «автобиография — чистой воды тщеславие», и все же создает произведение этого жанра. В биографии Троцкого многие ученые отмечают «властность, самоуверенность и тон превосходства».

По всей вероятности, романистка видела одну из главных причин антигуманных поступков носителей революционной идеологии в уменьшении, возможно даже, искоренении значимости института семьи для этого типа

людей. В книге «Моя жизнь» Троцкий всячески пытается избежать картин, способных дать читателю представление об эмоциональных привязанностях и его чувствах по отношению к близким и родным. Леон чувствовал недостаток в своей жизни некой важной составляющей, но не мог понять, что она вызвана подлогом родственных связей суррогатом: его взаимоотношениями с партийными соратниками, идеологическими спорами внутри этого коллектива, той энергией, которой заражала его взбудораженная агитаторами толпа.

Гальцова Елена Дмитриевна,

д. ф. н., с. н. с., Институт мировой литературы РАН

«Фантастические реальности» Франца Элленса в российской и советской культуре 1910–1920-х годов

Франц Элленс (1881–1972), классик бельгийской литературы XX века, а также знаменитый посредник между российской, французской и бельгийской культурой, автор одних из первых книжных переводов стихов Сергея Есенина. Творчество Элленса, сильно связанное с культурой *fin de siècle* европейского авангарда, привлекало большое внимание российских и советских переводчиков и критиков.

В докладе будет дан анализ переводческой и критической рецепции его произведений в 1910–1930-е гг. с целью выявить черты сохранения преемственности по отношению к дореволюционной культуре России, понять, в чем именно состоял «разрыв». Наиболее показательным в этом смысле оказывается теория и практика «фантастической реальности», возникшая у Элленса в ранний период его творчества и оставшаяся в нем всегда в той или иной форме: в докладе выясняется, в какой мере советский социальный заказ 1920–1930-х гг. мог соотноситься с этим понятием.

В докладе будут подниматься вопросы конкретных взаимоотношений Элленса с российскими деятелями культуры, участвовавшими в первых изданиях его произведений до Октябрьской революции; общения Элленса с представителями русской эмиграции во время Первой мировой войны; влияния поэзии Есенина, а также русских классиков XIX века на его творчество; настойчивого возвращения анархических настроений в прозе Элленса 1930-х годов и возможной их «адаптации» в запланированных, но так и не осуществленных советских переводах.

Ганелин Рафаил Шоломович,

д. и. н., г. н. с., Институт истории РАН

Влияние Москвы на западный литературный процесс в 1930-е гг.

В докладе говорится об инструментах воздействия и влиянии официальной советской политики 1930-х гг. на идеологические установки некоторых видных деятелей культуры Западной Европы.

Данилова Ольга Сергеевна,

к. и. н., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

Жюль Легра: русская литература как выражение национального характера

Литератор Легра, будучи германистом и автором диссертации о Гейне, настолько полюбил Россию, что переквалифицировался в русиста. Популяризатор русской литературы и языка во Франции не ограничивался исследованиями в области литературоведения и языкознания, он внимательно изучал историю, этнографию, экономику, социальные отношения, историю общественной мысли, культуру и этнопсихологию. Переиздаваемые и удостоенные различных французских премий книги Легра о России и Сибири становились литературным событием для французских читателей, которые по ним узнавали нашу страну и вслед за автором проникались к ней любовью. Работа «Литература в России» любопытна методологической позицией: для автора русская литература является выражением «русского характера, который, видимо, ничуть не изменился за семь-восемь столетий». До середины XVIII в. литература представляется Легра похожей на «пустыню» или «бесконечную ночь», и лишь XIX в. близок автору. В этой части работы Легра, не случайно названный коллегой Мазоном «читателем-импрессионистом, совершающим прогулки по русской литературе», дает не столько характеристику отдельных литературных течений и персоналий, сколько впечатление от предмета своего исследования. Необычен сам выбор имен: среди них нет Рылеева, Чернышевского, Боратынского, Даля, а Писарев, Добролюбов, Гаршин вскользь упомянуты, «выдвинут из несправедливого забвения» лишь митрополит Филарет, зато Шевченко оказывается в чередѣ русских писателей, наконец, литературу советской России представляет один Есенин. Характеристики русских авторов француз составляет по определенным критериям и личностным симпатиям, если для него бесспорен гений Пушкина, Лермонтова и Гоголя, в Чаадаеве он видит только западника, а произведения Толстого критикует за психологическую слабость. Можно не соглашаться с оценками Легра, но это не отменяет того факта, что его работы во многом формировали представления французов о России.

Златопольская Алла Августовна,

к. филос. н., с. н. с., Российская национальная библиотека

Истоки советской идеологии. Руссо и Вольтер в философской и социально-политической мысли Советской России 1920–1930-х гг.

Доклад посвящен философским и социально-политическим взглядам мыслителей французского Просвещения, в частности Руссо и Вольтера, и их восприятию в 1920–1930-е гг. в Советской России.

В это время пропагандировались и издавались массовыми тиражами произведения Вольтера и Руссо. Советское время в научном отношении весьма благоприятно для вольтероведения. Для распространения произведе-

дений Вольтера больше нет цензурных препон, более того, антиклерикальные произведения Вольтера используются в атеистической пропаганде. В годы Советской власти начинается углубленное изучение Библиотеки Вольтера, купленной Екатериной II и находящейся в Публичной библиотеке. Ведется подготовка к изданию каталога Библиотеки и Корпуса помет Вольтера на книгах его Библиотеки. В воззрениях Руссо акцент делается на его теории суверенитета народа, советские исследователи рассматривают Руссо как идейного предшественника якобинской диктатуры и диктатуры пролетариата.

В 1920-е годы продолжается исследование проблемы, выдвинутой Руссо, проблемы суверенитета народа и связанного с этим вопроса о соотношения общей воли и воли всех. Статья исследователя якобинского этапа Великой Французской революции Я. В. Старосельского «Руссо и якобинская диктатура» является одной из работ, сформировавших интерпретацию идей Руссо в 1920-е годы в Советской России.

Я. В. Старосельский развивает марксистскую интерпретацию руссоистской теории народного суверенитета и общей воли, подчеркивая ее классовый характер.

Говоря о соотношении воли всех и общей воли в теории Руссо, Старосельский, модернизируя эту теорию, видит в теории Руссо, в его рассуждении о законодателе прообраз учения о партии.

Таким образом, идеи Вольтера и Руссо, рассматриваемые в рамках марксистской парадигмы, стоят у истоков советской идеологии.

Легенькова Елизавета Александровна,

к. ф. н., проф., Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Виктор Серж – литературный критик

Наследие Виктора Сержа – литературного критика довольно многогранно. Оно включает статьи, опубликованные им в России и за рубежом, в них В. Серж выступает в роли «passeur», знакомя русских читателей с современной французской литературой (например с сюрреалистами), а французскую публику – с советской литературой. Билингвизм позволил ему одинаково хорошо ориентироваться в современных тенденциях обеих литератур, даже несмотря на определенную ограниченность доступа к источникам. В своих «французских» статьях он касается вопросов положения писателя в обществе, пережившем революцию, и его отношения к идеологии. Особо В. Серж выделяет вопрос о пролетарской культуре и пролетарских писателях, в решении которого он опирается на книгу Л. Троцкого «Литература и революция» (1923).

Один из первых пропагандистов новой советской литературы на Западе, в начале 1920-х гг. В. Серж в своих хрониках, публиковавшихся на страницах «Кларте», останавливается на творчестве Серапионовых братьев, Бориса Пильняка, Евгения Замятина, Лидии Сейфуллиной, Александра Серафимовича, Леонида Леонова, Мариэтты Шагинян и др. О многих из них он также пишет частным образом своим друзьям во Францию.

Переписка В. Сержа с Марселем Мартинэ (главным редактором «Юманитэ») содержит не только четкую и ясную оценку литературной ситуации в России в 1920—1930-е гг., но и позволяет проследить набиравшую силу тенденцию к тоталитарному управлению творчеством советских писателей.

Осипова Ольга,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

О постановках драм Поля Клоделя в России

Известное всем французам XX в. имя писателя П. Клоделя в России не столь популярно. Тем не менее, его пьесы нашли сценическое воплощение и в советской России, правда, только в самом начале 1920-х гг., затем ситуация вновь изменилась. Как пишет Н. Ю. Соловьева, в 1920-е гг., когда искусство стремится «сбросить с корабля современности» груз прошлого и построить новый мир, новый «рай на земле», еще достаточно сильны эстетические тенденции века XIX, сильна еще «культурная инерция». Московский Камерный театр под руководством А. Я. Таирова последовательно продолжал поиски в спектаклях полярных жанров, обращаясь к крупнейшим произведениям мировой классики, таким как «Федра» Ж. Расина, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Гроза» А. Н. Островского. В таком контексте постановка пьесы современного французского драматурга П. Клоделя «Благовещение» кажется удивительной. Однако такому выбору находится объяснение. По мнению Таирова, поставившего пьесу Клоделя «Благовещение», для нового актера наиболее желателен жанр арлекинады и мистерии. Притом мистерия должна быть современной [Таиров, 1921]. Средневековые мистерии не подходили по причине их «клерикальности», клоделевская мистерия в интерпретации Таирова стала «мистерией любви», лишенной церковной догматики. Драма лишилась последнего акта, таким образом, акцент был смещен с христианского чуда на индивидуальную драму. Такое понимание было вполне в духе того времени. Таким образом, мистерия «Благовещение» как нельзя лучше подходила требованиям советской сцены 1920-х гг. Однако из-за религиозной направленности творчества П. Клоделя дальнейшие постановки стали невозможны. При этом нужно отметить, что сама постановка 1920 г. не была очень успешной.

Рябова Людмила Константиновна,

к. и. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Обзоры эмигрантской литературы во Франции на страницах советских журналов 1920—1930-х гг.

В первое послереволюционное десятилетие, вплоть до конца 1920-х гг., на страницах советских общественно-политических, литературных и критико-библиографических журналов «Книга и революция» (1920—1923),

«Красная новь» (1921—1941), «Печать и революция» (1921—1930), «Новая Россия» (1922—1926), «Вестник иностранной литературы» (1928—1930) и других публиковались рецензии на выходившие за рубежом, главным образом, во Франции, произведения русских эмигрантов. По преимуществу это были критические разборы мемуаров, политической публицистики и философских произведений эмигрантских авторов и носили, как правило, идеологический характер.

Особый интерес представляет журнал «Книга и революция» (ежемесячное издание), почти в каждом номере публиковавший рецензии на работы видных публицистов, литераторов, бывших политических деятелей, таких как Н. Авксентьев, М. Вишняк, В. Зензинов, П. Милоков, М. Осоргин, П. Струве и другие. На страницах журнала появлялись и обзоры парижских эмигрантских газет «Последние новости», «Возрождение», журналов «Современные записки», «Социалистический вестник» и других изданий. Особенностью публикаций в «Книге и революции» было воспроизведение, как правило, почти полного текста работы эмигрантского автора с очень незначительными по объему, хотя и «разоблачительными» по содержанию, комментариями публикатора, что позволяло читателю получить достаточно целостное представление о развитии эмигрантской мысли этого времени. Таким образом, принимая во внимание постоянную обращенность эмигрантской печати к России, можно говорить применительно к первой половине 1920-х гг. о своеобразном «диалоге» (не всегда политизированном, а иногда носящем, например, характер дискуссии в области теории литературы и искусства) между русской интеллигенцией во Франции и России.

Семенова Наталья Валерьевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Антропологический проект А. Барбюса («Сталин»)

Книга А. Барбюса явилась первой попыткой создания официальной биографии Сталина. Однако текст получился неканоническим. Дело было не столько в упоминании ряда запретных имен, сколько в специфической оптике писателя.

С одной стороны, А. Барбюс моделирует облик Сталина, используя, казалось бы, уже проверенную этатистскую риторику. Так, образ кормчего, традиционно ассоциировавшийся с Петром Первым, трансформировался в фигуру «человека у руля». Изобретаются также новые формулы («Сталин — это Ленин сегодня»), вошедшие затем в активное употребление. Одновременно Сталин позиционируется как образцовый советский человек.

С другой стороны, позицию, которую А. Барбюс занимает в своей рецепции Сталина, можно охарактеризовать как ориентализм. Нарратор — европеец, взгляд которого обращен на Восток, что существенно усложняет и повествование, и фигуру рассказчика. Таким образом, созданный А. Барбюсом текст становится геополитической биографией.

Слуцкая Людмила Владимировна,

к. и. н., доц., Белорусский государственный университет

Анри Гильбо и Владимир Маяковский:

«большевик искусства» глазами французского левого поэта

Одним из тех, кто внес вклад в исследование литературного процесса Советской России является французский поэт, один из основоположников французского варианта футуризма — динамизма Анри Гильбо. В течение пяти лет он жил и работал в Советской России, был членом Союза работников науки, искусства и литературы, входил в состав Французской группы коммунистов, участвовал в литературных вечерах в кафе Союза поэтов (более известное как кафе «Домино») и Дома печати. Работы этого французского поэта не только изобилуют малоизвестными, необычайно ценными фактами и наблюдениями, изображениями многих известных писателей и поэтов первой половины XX в., но и воскрешают духовную атмосферу той эпохи. И в данном случае он не сторонний наблюдатель, а человек «своего круга», близко И. Аксенова, В. Маяковского, Вс. Мейерхольда. Анализ творчества Маяковского, предложенный французским интеллектуалом в воспоминаниях и статьях, посвященных советскому поэту, демонстрирует развернутую и взвешенную оценку поэзии советского футуриста, глубокое проникновение в текст и прекрасное понимание своеобразия художественного слова советского поэта. Считая Маяковского «величайшим поэтом СССР и одним из величайших лириков» того времени, Гильбо называл его «большевиком искусства», который подобно «русскому Уитмену воспевает Русь». Гильбо как представитель «динамизма» не просто анализирует советский футуризм на основе произведений Маяковского, но и сравнивает его с европейским. Его оценки творчества Маяковского в высшей степени знаменательны и колоритны, поскольку он видел в Маяковском не только новатора, но и «пламенного лирика, воодушевляющего массы», и «сатирика, способного на проклятья и высмеивание».

Тайманова Татьяна Соломоновна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Вопросы литературы на страницах журнала Бориса Суварина
«Критик Сосиаль»

«Критик Сосиаль» — «журнал книг и идей», который издавался Б. Сувариним с 1931 по 1934 гг. Среди авторов журнала — С. Вейль, М. Лейрис, Р. Кено и др. При этом весь состав сотрудников подобран лично Сувариним. В основном это участники объединения «Cercle Communiste Démocratique», созданного в 1930 г. незадолго до основания журнала. В частности, значительная часть работы была возложена на К. Пенью, которая публиковала свои критические обзоры под псевдонимом К. Аракс. Кроме того, в журнале в качестве литературных критиков активно сотрудничали Ж. Батай, П. Паскаль, Ж. Барон.

В журнале несколько рубрик, посвященных актуальным вопросам современности, в частности, рубрика «Литература». В ней даются обзоры книжных новинок, в основном вышедших во Франции, но написанных как французскими, так и зарубежными авторами. Освещаются также произведения эмигрантских авторов, посвященных русской литературе, в частности, нашуевшая книга Б. де Шлецера «Гоголь», рецензию на которую дал П. Паскаль. Поскольку Суварин является главным редактором, то его личный интерес концентрируется на русских и советских авторах. Стоит отметить статью самого Суварина (№ 3, октябрь, 1931), вышедшую в связи с 10-летием со дня смерти А. Блока и посвященную его работе «Последние дни империалистического режима», опубликованной в издательстве «Галлимар». В этой статье Суварин подчеркивает документальный характер работы Блока, ее историческую ценность, консолидируется с точкой зрения Блока на роль большевиков в падении царского режима. Нельзя не обратить внимание на чрезвычайно широкий охват рецензируемых литературных новинок. Интересна критическая статья сюрреалиста Ж. Барона на новый роман Э. Хемингуэя «И восходит солнце», где критик полемизирует с авторами левых изданий, обвиняющих Хемингуэя в отстраненности от социальных проблем.

Таким образом, журнал, несмотря на свою политическую направленность, проявлял очевидную широту взглядов.

Урицкая Рита Леонидовна,

к. и. н., доц., Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Директриса литературы эмигрантской

Тридцатые годы XX в. отмечены глубоким взаимопроникновением русской и французской литератур, в чем немалая заслуга русских эмигрантов «первой волны». Интересно творчество двуязычных и двукультурных писателей «молодого поколения», чьи эстетические и метафизические искания близки искусству и литературе Запада. В этом контексте особняком стоит представительница «парижской школы русской поэзии» С. Ю. Прегель — поэтесса, прозаик, переводчица, редактор и издатель.

С 1932 г. в Париже она участвует в художественных объединениях молодых литераторов, сотрудничает в «Современных записках», «Числах» и т. п. Три книги стихов: «Разговор с памятью» (1935), «Солнечный произвол» (1937), «Полдень» (1939) завоевали ей авторитет поэта — наследника классической русской литературы. Ее рецензенты указывали: «Поэтесса с одинаковой легкостью и убедительностью говорит обо всем — от воспоминаний детства и русской природы... до самых напряженных и трудных, трагических событий из эпохи революции и Второй мировой войны». Ей присущи проникновенное понимание детского сознания, чувство буйной напряженности жизни, лиричность переживаний, описания внутренних катастроф. Ходасевич сравнил ее поэтику с фламандской живописью, а Г. Адамович в репериске с И. Буниным назвал ее «директрисой литературы эмигрантской».

Весной 1942 г. в Нью-Йорке она основала толстый литературно-публицистический журнал «Новоселье» (с 1947 г. издавался в Париже).

Поэтическое творчество Прегель 1930-х гг. ставит ее в один ряд с В. Познером, М. Слонимом, Г. Струве, П. Ковалевским и др., открывшими французскому читателю русскую литературу после 1917 г. Воспринимая себя единственными хранителями русской культуры и её пропагандистами, эмигранты сыграли важную роль в культурной интеграции России в Европу.

Харитонова Наталия Юрьевна,
PhD, с. н. с., Институт мировой литературы РАН

Виктор Серж, несостоявшийся диалог.
К истории «троцкизма» в литературе

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в Советском Союзе начинают оформляться процессы институализации культурного поля. При этом, СССР активно ищет союзников на Западе, а литераторы представляются советским лидерам важной составляющей продвижения просоветских настроений на мировой арене. Для более успешного осуществления своей работы с писателями на Западе советские чиновники использовали организации, в частности Международное движение революционных писателей. Диалог Советов и Запада развивался далеко небезоблачно. Ренегатство западных политических или литературных деятелей традиционно вызывало резкую реакцию в стране Советов. События, связанные с Виктором Сержем, являются прекрасным тому примером. Серж приехал в СССР, поддавшись обаянию революционной идеи. Но советские реалии заставляют его занять критическую позицию по отношению к происходящему в СССР, и, в частности, к советской литературе. На Западе в это время литератором также приходится определяться с политической позицией. Одно из направлений западной мысли считает неприемлемыми советский сектаризм и тоталитаризм. Из СССР раздается критика троцкизма. Изучение одного и того же эпизода в двойной оптике, из СССР и из Европы, позволяет получить объемную картину из истории франко-советских отношений, где зачастую сложно обнаружить грань между литературой и политикой.

Чепига Валентина Петровна,
к. ф. н., преп., Государственный институт восточных языков и культур
Рецепция «Сталина» Бориса Суварина во Франции

Борис Суварин, французский политический деятель и писатель, начал работать над своим капитальным трудом «Сталин» в 1930 г. Четыре года спустя рукопись этого текста была отправлена в парижский издательский дом «Галлимар». О том, насколько сложной была ситуация с публикацией «Сталина», свидетельствует следующий случай: друг автора, французский философ левых убеждений Жорж Батай встретился с Андре Мальро, чтобы найти в последнем поддержку для Б. Суварина. Ответ А. Мальро был следующим: «Я думаю, что вы правы, вы, Суварин и ваши друзья, но я буду с вами, когда вы будете самыми сильными». Труд Б. Суварина не был опубликован в уважаемом «Галлимаре», чему в большой степени

способствовало вмешательство Бернара Грутейзена. По мнению последнего, издание подобного текста могло негативно повлиять на связи «Галлимара» с СССР. В результате «Сталин» был опубликован в 1935 г. в издательском доме «Плон», но с большим скрипом, поскольку и здесь нашлась сильная оппозиция в лице другого французского философа, Габриэля Оноре Марселя. Между 1935 и 1940 гг. труд «Сталин» выдержал восемь изданий, каждое из которых было переделано автором. Только в 1977 г. издательский дом «Шам Либр» выпустил канонический текст по окончательной версии 1940 г. В отличие от французских коммунистов, посчитавших Б. Суварина «предателем», левые и ультралевые горячо приняли труд автора. В 1948 г., работая над неоднозначностью фигуры Троцкого, труд «Сталин» использовал в своей статье 24-летний Клод Лефор, в будущем исследователь тоталитаризма. Когда, в 1948 г., они вместе с Корнелиусом Касториадисом стали одними из основателей либертарно-социалистической группы «Социализм или варварство», текст Б. Суварина стал для К. Касториадиса также важным источником сведений в его статьях. Таким образом, труд Б. Суварина в разное время поддерживали представители ультралевых неленинистов, некоторые социалисты и синдикалисты.

Эльц Елена Эдуардовна,

к. и. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Г. К. Лукомский, А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарь —
искусствоведы и музейные деятели

Годы Первой мировой войны и революций 1917 года оказали на художественный мир России, и первую очередь, Петрограда заметное и уникальное влияние. Художник становится личностью общественно активной, искусство выходит за рамки национальных границ, интенсивно развивается международный художественный обмен, деятели искусства становятся главными хранителями художественного наследия России, закладываются основы музейного строительства Советской России. Художники, искусствоведы, выдающиеся общественные деятели, И. Э. Грабарь. Г. К. Лукомский, А. Н. Бенуа представляют яркий и одновременно исключительный пример личностей, благодаря которым реализовывалась передача традиций дореволюционной России в художественную жизнь рубежа 1910—1920-х гг. Одновременно они были активно вовлечены в русско-французский художественный обмен. В 1920-е гг. Лукомский и Бенуа оказались в эмиграции, где подвергли глубокому осмыслению те процессы, инициаторами и активными участниками которых они были, а также их результаты. Книга Лукомского «Художник и революция» представляет собой уникальный пример нового понимания роли искусства, активно задействованного в международном культурном обмене. И. Э. Грабарь, оставшийся в СССР, пишет на основе впечатлений о художественной жизни Западной Европы, полученных в 1920-е во время путешествий, книгу «Искусство в плену». Исследование этих текстов помогает понять особенности культурного трансфера Россия — Франция в военный и революционный период.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДИНАМИКА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА XIX ВЕКА

Łukaszewicz Marta,

к. ф. н., м. н. с., Варшавский университет, Институт русистики

Эволюция раннего творчества Н. С. Лескова:

дебютный рассказ «Погасшее дело» и его вторая редакция

Опубликованный в 1862 г. в газете «Век» рассказ «Погасшее дело» стал беллетристическим дебютом Николая Лескова, до того выступавшего в качестве журналиста, автора свыше 30 статей и заметок разнообразной общественной тематики. В 1869 г., после значительной переработки, писатель включил это произведение (под названием «Засуха») во второй том сборника «Рассказы Стебницкого (Н. С. Лескова)». Изменения коснулись композиции рассказа, были добавлены и изменены как реплики персонажей, так и целые эпизоды, написано новое окончание, проведена стилистическая правка. Результатом стало усиление значения фигуры священника и актуального, почти публицистического звучания произведения. На первый план выдвинулись проблемы положения сельского духовенства в обществе и возможностей его пастырского служения. Более выразительно обрисованы стали также отношения между представителями трех сословий — дворянства, духовенства и крестьянства, — которые в то же время изображаются в «Засухе» более критически, с использованием сатирических приемов. В докладе внимательно прослеживается направленность введенных изменений и характер переработки в целом. Особое внимание уделяется при этом способу изображения главного героя рассказа, сельского священника о. Илиодора, чей образ рассматривается как в контексте развернувшейся в периодике 1860-х гг. дискуссии на тему положения духовенства в обществе, так и на фоне художественных произведений того времени, посвященных жизни православных клириков.

Барит Константин Абрекович,

д. ф. н., в. н. с., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

О литературном дебюте Ф. М. Достоевского и его роли
«непризнанного гения» (1846 г.)

В докладе будут рассмотрены следующие вопросы.

1. Трактовка романа «Бедные люди» ретроградной критикой (Д. В. Брант, Ф. В. Булгарин и др.), а также В. Г. Белинским, А. А. Григорьевым и В. Н. Май-

ковым; три основных варианта трактовки романа современной публицистикой.

2. История написания повести «Двойник» как продолжения темы «Бедных людей», реализация нарратива «зеркального отражения» в повести; автобиографический аспект в обоих произведениях.
3. Несостоявшаяся публикация «Двойника» в сб. «Левиафан» В. Г. Белинского, динамика восприятия Достоевского как «нового Гоголя» со стороны современных ему литераторов.
4. Публикация повести в «Отечественных записках» и жесткая критика со стороны литераторов кружка Белинского, пародии и эпиграммы («Витязь горестной фигуры» Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева, «Каменное сердце» Н. А. Некрасова).
5. История с «каймой», которую, в соответствии с мемуарами И. И. Панаева, Д. В. Григоровича и П. В. Анненкова, требовал Достоевский от Белинского в период формирования альманаха «Левиафан»; мотивы, согласно которым Ф. М. Достоевский пытался провести линию, отделяющую его от «молодых литераторов» кружка Белинского.

Безменова Лариса Петровна,

асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К вопросу о литературной репутации С. Я. Надсона

Надсон был кумиром поколения 80-х гг. XIX в. Поклонники носили его на руках в прямом смысле слова, а девушки мечтали о нем, как сейчас мечтают о поп-звездах...

...В начале XX в., уже после смерти поэта, Надсона нередко называли тоскливым и многословным, «поэтом скорби» и «поэтом большого поколения», а его поэзию «нытьем», в котором преобладает минор, усталость и надрыв...

...Надсон, в лирике которого нередко поэтические штампы, типа «седой старины» и «чистых слез», нередко показывает себя мастером образности. Это отмечали и литературоведы конца XIX в., такие, как Ю. Айхенвальд, П. Якубович. Поэты Серебряного века упрекали его в несовершенстве поэтического языка и скудости поэтического словаря. В. Я. Брюсов в статье «О стихотворной технике» в 1903 г. писал: «До какой степени у нас достигло „техническое одичание“ в поэзии (если позволено будет так выразиться), достаточно показывает тот факт, что у нас считали „прекрасно владеющим формой“ Надсона, этого младенца в области стихотворной техники, не знавшем ее азбуки!»

От Маяковского Надсону вообще «досталось» изрядно. «Поэт! И сейчас же перед вами вырисовывается выпятившая грудь фигура с благородным профилем Надсона, каждой складкой черного глухого сюртука кричащая, что разбит и поруган святой идеал», — читаем в статье В. В. Маяковского «Два Чехова»...

...Что бы ни говорил Маяковский, Надсон входит в первую десятку самых популярных поэтов, попавших на нотный стан: Пушкин, Лермон-

тов, Тютчев, Фет, Некрасов, Плещеев, Полонский, Ал. Толстой, Апухтин, Бальмонт, Блок...

...«...Не смейтесь над надсоновщиной — это загадка русской культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они». (*Осип Мандельштам*)

Большев Александр Олегович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы рассказывания о трансцендентном

Не так давно Робин Вэрхол ввел в научный обиход термины «unnarrate» и «unnarratable», означающие отказ от наррации: подразумеваются ситуации, когда нарратор в той или иной форме уклоняется от рассказа об имевших место событиях, явлениях или процессах. Отказ нарратора от наррации может быть обусловлен целым рядом различных причин — соответственно, Вэрхол выделяет несколько категорий unnarratable. Так, например, нежелание рассказывать может быть следствием банальности и ничтожности совершающихся действий (они не стоят упоминания, не заслуживают наррации) или же речь идет о неких табуированных явлениях, о которых, в силу действия системы моральных запретов, допустимо говорить лишь языком туманных намеков (так обстоит дело с сексуальной сферой человеческого существования в рамках английского викторианского романа). В этом докладе речь пойдет о важной категории unnarratable, не охваченной систематикой Вэрхола: причиной уклонения от наррации может быть соприкосновение нарратора со сферой трансцендентного, решительно выходящего за рамки «человеческого, слишком человеческого». Подобного рода ситуация порой возникает в художественных текстах Достоевского, когда обнаруживается, что мистический визионерский опыт героев, созерцавших — во сне или же во время эпилептических припадков — райскую гармонию, не поддается коммуникации. Так, герой фантастического рассказа «Сон смешного человека» во сне видел райскую гармонию и пытается связно рассказать об этом, однако хорошо сознает невозможность создания аутентичной картины.

Сходную природу имеют ситуации unnarratable, которые играют важную роль в прозе В. Шаламова. Только речь в «Колымских рассказах» идет, разумеется, не о райской гармонии, а о преисподней. Характеризуя угол зрения, под которым в его произведениях увиден колымский беспредел, Шаламов не случайно высказался о Плуtone, поднявшемся из ада.

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Повествовательная система Л. Н. Толстого (1880–1900-е гг.)

Существует несколько устойчивых контекстов рассмотрения позднего творчества Л. Н. Толстого: контекст характерных для него в эти годы религиозно-философских и эстетических исканий; контекст кризиса романа и кризиса реализма; контекст русского модернизма. Все контексты обнару-

живают и каждый по-своему дополняют главную установку повествования Толстого — попытку соединить фикциональное слово литературы с учительской задачей проповеди. В результате в повествовательной структуре одного произведения сталкиваются принципиально различные модели: имитирующая коммуникативное диалогическое равенство модель литературного повествования и подчеркнуто выстраивающая иерархию коммуникативных уровней модель проповеди. Варианты механизмов реализации различных коммуникативных заданий в рамках одной повествовательной инстанции определяют специфику «художественной проповеди» в позднем творчестве Толстого. Двойственная природа этого вида повествования порождает тенденцию к усилению внетекстовых повествовательных инстанций и к размыванию границ повествуемого мира. Функционирование этой модели в культуре XIX — начала XX вв. непосредственно связано с вопросом об эволюции типов художественного сознания.

Григорьева Елена Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Лирика и нарратив: поэзия Баратынского

Проблема нарративности лирики традиционно связывается с вопросом о специфике ее событийности, т. е. сюжетности. Материалом для анализа является лирика пушкинской поры и — прежде всего — поэтическая система Е. Баратынского. Специфика лирики определяется в сопоставлении с нарративной конструкцией и философским дискурсом. Описанный вариант лирической событийности Баратынского не отменяет общего движения литературы к внетекстовой реальности. Но если пушкинский путь прочерчивал маршрут к реальности мира, то путь Баратынского — к реальности сознания, точнее — к реальности познающего интеллекта. При отсутствии эксплицированного в структуре текста позднего Баратынского субъекта высказывания лирика остается лирикой, т. к. сохраняет свою повышенную и парадоксальную коммуникативность, с одной стороны, и, с другой, — может и должна быть присвоена читателем в том случае, когда он принимает явленную в тексте картину сознания. Но здесь возникает сближение с другим типом высказывания — с дискурсом философским. Принципиальная разница этих разнородных дискурсов лежит в сфере риторической: непере-сказуемость поэзии, ее «неинтеллигибельность» (перефразируем Р. Барта), символическая природа поэтического слова, которую демонстрируют конкретные анализы, позволяет указать принципиальное отличие философии и философской лирики.

Дулбова Ирина,

к. ф. н., ст. преп., Университет Коменского в Братиславе

Русские авторы на словацкой сцене в начале XXI в.

В Словакии по-прежнему наибольшей популярностью в театральном мире пользуются русские классические авторы — Чехов, Островский, Гоголь.

Драматурги и режиссеры все чаще обращаются к классическим прозаическим произведениям русской литературы, хорошо известным широкому словацкому читателю.

Современная русская драматургия в настоящее время более востребована в молодежных, студенческих и экспериментальных словацких театрах. Переводы современных русских драматургов на словацкий язык издаются, но интерес постановщиков, публики, а также положительные рецензии критиков пока редки.

Душечкина Елена Владимировна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«Простить обидчика гораздо выше, чем сказнить его»
(Рассказ Н. С. Лескова «Под Рождество обидели»
и полемика вокруг него)

Рассказ Н. С. Лескова «Под Рождество обидели» («Петербургская газета», 25 декабря 1890 г.), будучи связанным и названием, и календарным временем, к которому приурочено действие всех трех представленных в нем историй, а также датой публикации (день Рождества), может быть отнесен к одному из многих рождественских произведений писателя. Рассказ был высоко оценен Толстым, внимательно следившим за творчеством Лескова и стремившимся распространять произведения писателя, которые он считал «полезными» для нравственного развития народа. Однако реакция на рассказ Лескова не была единодушной: он вызвал полемику в прессе. В частности, газета «Новое время» напечатала заметку, в которой Лесков обвинялся в призыве к прощению преступников, что, по мнению ее автора, могло только плодить преступников, в то время как их надо наказывать. Лесков вынужден был защищаться. Он пишет заметку «Обуянная соль», где ставит проблему предназначения литературного творчества, в которой он выступил не столько в свою защиту, сколько в защиту литературы, имеющей право быть на стороне добра. В противном случае литература, как считает писатель, утрачивает свое предназначение, переставая выполнять общественную функцию, точно так же, как обуянная соль теряет свое главное свойство (соленость), превращаясь в бесполезное вещество.

Зубков Кирилл Юрьевич,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Комедия А. Н. Островского «Доходное место»
и драматическая цензура

Комедия А. Н. Островского «Доходное место» была запрещена театральной цензурой, причем ее сотрудники сами не желали или не могли четко сформулировать причину запрета. В докладе выдвигаются аргументы в пользу того, что этот запрет был вызван ассоциацией между «Доход-

ным местом» и «обличительными» пьесами второй половины 1850-х гг. Драматическая цензура была не в силах установить, какие из этих пьес следует запрещать. По этой причине ее сотрудники обратились к Александру Второму, который принял жесткое решение о запрете сатирической комедии Н. М. Львова. На основании императорского решения, по аналогии с пьесой Львова запрещались и все прочие пьесы «обличительного» направления, к которым цензоры отнесли «Доходное место». При этом сами сотрудники драматической цензуры, особенно И. А. Нордстрем, были заинтересованы в постановке комедии Островского. Добиться разрешения «Доходного места» удалось, однако, через шесть лет после первого запрета, причем в данном случае цензор Нордстрем был скорее союзником драматурга.

Карпов Александр Анатольевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«...Извлечь из обыкновенного необыкновенное...»

Название доклада — цитата из статьи Н. В. Гоголя «Несколько слов о Пушкине», вошедшей в состав его сборника «Арабески» (1835). Статья включает характеристику эволюции Пушкина-художника и вместе с тем является собственно гоголевским эстетическим манифестом. В статье Гоголя развитие пушкинского творчества выглядит как расширение сферы искусства за счет включения в нее внешне безэффектных явлений, как переход от «необыкновенного», того, пишет автор, «что мы реже видим», — к привычному, «обыкновенному». Отношения двух этих групп явлений, двух этих часто употребляемых в работе понятий и составляют концептуальное ядро статьи. Казалось бы, последовательность рассуждений наводит на мысль о приоритетности для Гоголя-художника именно области «обыкновенного», сама же статья воспринимается в литературоведении как декларация Гоголя-реалиста. Подобные характеристики не учитывают сложной логики гоголевских рассуждений: действительно, говоря о пушкинском предпочтении «необыкновенному» «обыкновенного», автор заключает свой пассаж ключевой фразой, определяющей высший тип творчества и диалектически связывающей центральные понятия статьи: «...чем предмет *обыкновеннее*, тем *выше* надо быть поэту, чтобы *извлечь из него необыкновенное* и чтобы это *необыкновенное* было, между прочим, совершенная *истина*». Таким образом, обращение к области будничного не исключает для Гоголя стремления к «необыкновенному», «извлечение» которого все-таки остается высшей целью художника. Идеи «Нескольких слов...» развиваются и конкретизируются в других статьях «Арабесок», а также в художественном творчестве писателя тех лет. В нем Гоголь идет по пути не отрицания, но трансформации романтизма, распространения его принципов, его мировидения на новые области жизни — по пути своего рода романтической экспансии, в реальной практике приводящей к сложным результатам.

Куручкин Александр Валентинович,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме литературной репутации графа Д. И. Хвостова

В XIX в., когда литература приняла на себя функции общественного мнения, став выражением нравственного самосознания нации, личности писателей получили статус символических и мифологических фигур, воплощением определенных типов человеческого характера. Литературная репутация, социальный облик писателя становятся своего рода «символическим капиталом», функционирующим в культурном пространстве эпохи. В этой связи возникает необходимость всестороннего осмысления свойств личности и писательской индивидуальности графа Д. И. Хвостова, исследования способов создания особого литературного героя, прототипом которого он являлся, его литературных взглядов и отношений, т. е. тех свойств, которые стали основой создания пародической личности графа в посвященных ему сочинениях и высказываниях. Созданный в творчестве современников образ графа Хвостова стал своего рода предшественником Козьмы Пруткива. С годами оценка творчества и самой личности Хвостова претерпевала изменения: от нейтральной или вполне благожелательной в начале литературной деятельности до крайне отрицательной к концу жизни. Именно эта, наиболее весомая оценка, и послужила основой той репутации Хвостова как графомана, бездарного литератора, которая сложилась в пушкинскую эпоху и продолжает существовать до настоящего времени. Можно выделить три периода формирования литературной репутации Хвостова: 1) Хвостов в 1790—1800-е гг.; 2) Хвостов в эпоху противостояния литературных обществ (1810-е гг.); 3) Хвостов в пушкинскую эпоху (1820—1830-е гг.). На примере Хвостова можно проследить трансформацию литературной репутации. Разнообразные материалы, ранее не привлекавшие внимание литературоведов: документы из архива Хвостова, хранящегося в РО ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, его выступления в периодической печати позволяют услышать живой голос Хвостова, которого раньше в большей мере представляли на основе связанных с ним анекдотов и легенд.

Ляпушкина Екатерина Ильинична,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативные стратегии «Сна Обломова»

Девятая глава первой части романа Гончарова «Обломов» занимает существенное место в ряду литературных сновидений XIX в. Специфическая «сновидческая» идеология, проявленная прежде всего в сюжетном построении текста, рассматривается как одна из текстовых стратегий, адресованных читателю. Литературный прием, положенный в основу «Сна...», оказывается в данном случае осложнен многоуровневой субъектной организацией повествования. В своей интерпретационной деятельности читатель ставится перед необходимостью учитывать как «правду» героя, так и позицию повествователя, которая в свою очередь предстает как целый

набор возможных подходов к осмыслению описываемого мира. В тексте создается иллюзия свободного перемещения сознания от одной точки зрения к другой, от одной системы ценностей, критериев, мировоззрения, к другой, от рационального анализа к образно-поэтическому описанию, в зависимости от того, внутреннюю или внешнюю позицию в данный момент занимает читатель. Кажущаяся произвольность такого рода переходов, немотивированность как принцип рефлексии имитируют состояние сознания, характерное для реального сна, и обеспечивают тексту «Сна Обломова» черты «сновидческого» дискурса. Но впечатление свободы и немотивированности движения рефлексии сознания есть результат жесткой выстроенности текста, который, в силу четкости собственного замысла, оказывается способен создать необходимый, т. е. задуманный самим текстом, эффект. В результате читатель сталкивается с образом мира, который включает в себя самые разные концепции этого мира. В «Сне Обломова» детство героя предстает одновременно дискредитированным и возвышенным, опозитивированным и разъятым жесткой рационально-аналитической мыслью; имеет и логическое, и мифическое измерение. Множественность смыслов, однако, не означает их произвольности. Текст предлагает целый набор интерпретаций — но этот набор вполне определен и четко задан партией повествователя.

Маркович Владимир Маркович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«Дьявольская разница» и ее последствия

В начале XIX в. совершился переход от прозаического романа эпохи Просвещения к стихотворному повествованию романтического и постро-мантического типов. Наиболее существенные перемены выразились в нескольких комплексах структурных особенностей, вошедших в единый строй стихотворного романа — первоосновы русской романной классики. Прежде всего речь пойдет о превращении прозаических приемов в систему приемов поэтических, наконец, о «дьявольской разнице» между прозаическим и стихотворным романами. На разницу эту указывал Пушкин в известном письме Вяземскому.

Один из выявленных комплексов объединял в образе автора аукториального повествователя, создателя рассказываемой истории и прямого ее участника, одного из ее главных действующих лиц.

Другой комплекс составляют интериоризованные события, описания, характеристики и другие компоненты художественного целого. Втянутые внутрь этого целого, составляющие произведения приобретают всепроникающие качества лиризма. Одновременно происходит преображение этих же составляющих. Выступая разом в качестве объекта аукториального повествования и в качестве субъекта того же повествования, герой фабульного действия вместе с тем оказывался в роли Другого субъекта, а в конечном счете — в начало, равно принадлежащее миру субъектному и объектному.

Такая совмещаемость разнородных начал послужила основанием и опорой для дальнейшего поступательного развития позднейших романых форм.

Комбинируя наррации романые и эпические, русское классическое романное искусство создало формы беспрецедентные и неподражаемые.

Минеева Инна Николаевна,

к. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Эффект левизны, или Взаимоотношения между Н. С. Лесковым и Британией

Доклад посвящен двум зеркально отражающимся проблемам.

1. **Проблема рецепции творчества и личности Н. С. Лескова в Англии в XIX в.** В докладе представлены наблюдения над основными предпосылками внимания английских критиков и читателей к творчеству Н. С. Лескова в XIX в. Особое место в докладе занимают вопросы первых переводов произведений Н. С. Лескова, а также рецепции личности и творчества Н. С. Лескова в английском культурном контексте. XIX в. — первый этап формирования канона восприятия образа русского писателя в английской истории. У истоков его формирования стояла английская аристократка Beatrix Tollemanche и поэт Maurice Baring. По их мнению, Н. С. Лесков — самый русский из русских писателей. Они отмечали жизненность его произведений. В его текстах ощущается исторический русский дух, таинственность и беспредельность России. Они сравнивали Н. С. Лескова с Дж. Чосером.
2. **Проблема рецепции Англии в творчестве Н. С. Лескова.** Известно, что Н. С. Лесков посвятил английской теме две повести — «Загадочный человек» и «Левша». В английских и русских исследованиях повесть «Левша» традиционно интерпретируется как национальный символ России, а повесть «Загадочный человек» — как жизнеописание британского подданного Артура Бенни. В докладе предложена новая трактовка повести «Левша». На наш взгляд, повесть «Левша» — символ романа Н. С. Лескова с Англией. Это эффект левизны (культурное перемещение писателя с Востока на Запад, отрыв от родной земли и т. д.). Н. С. Лесков — истинный «англофил».

Мовнина Наталья Савельевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Русская классическая литература в рецепции европейских интеллектуалов рубежа XIX—XX вв.: эстетика, этика, политика

На рубеже XIX—XX столетий в европейских странах ощущается необходимость новых интеллектуальных парадигм для осмысления современной эпохи. Исчерпанность позитивистского мышления, сознание кризиса старой культуры и предчувствие «неслыханных перемен», наряду с формировани-

ем европейских вариантов национализма, — таков общий контекст поисков, в которые оказалась вовлечена русская литература второй половины XIX века. Можно говорить о существовании различных моделей использования русской литературы для обсуждения тех актуальных вопросов, которые ставила современная эпоха перед интеллектуальными и литературными кругами. Так, «стратегии импортирования» русского романа во Франции в конце XIX в. («Русский роман» Э.-М. де Вогиюэ), направленные против литературного натурализма, предстают выражением неоконсервативных тенденций и имеют определенную связь с формированием националистического дискурса. Реконструкция позиций венгерского философа Георга Лукача и немецкого социолога и философа Макса Вебера, общавшихся друг с другом в 1910-х гг. и взаимно влиявших друг на друга, предполагает более подробный анализ их текстов и высказываний о двух главных русских романистах — Л. Толстом и Ф. Достоевском — в связи с собственной концептуализацией этими мыслителями ситуации «кризиса культуры». Взаимные переклички и расхождения в их интерпретации русских писателей позволяют судить о политических импликациях их обращения к русской литературе, а также говорить о доминировании в их прочтении этической проблематики. Так, у Вебера этический аспект связан с обсуждением судьбы политических движений и институций. В то же время Лукач в своих ранних текстах прибегает к творчеству Толстого и Достоевского в поисках новой духовной перспективы в той ситуации, которую он называл «эпохой абсолютной греховности».

Оверина Ксения Сергеевна,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

«Зеленая коса» и «Драма на охоте» А. П. Чехова:
особенности композиции и повествовательной структуры

Два рассматриваемых в докладе чеховских текста — «Зеленая коса» (1882) и «Драма на охоте» (1884) — содержат много сюжетных перекличек, которые во многом объясняются игрой с жанром романа и общим «мелодраматическим» настроением произведений. Однако повествование в них устроено по-разному. Рамочная композиция «Драмы на охоте» призвана обнажить перед читателем «сделанность», литературность текста. В написанной по принципу «рассказ в рассказе» повести все жанровые колебания, в основном, сосредоточены во вставной истории, но за счет существования рамки их восприятие читателем осуществляется словно бы в двойной перспективе (читатель может встать на позицию издателя, изучающего повесть Камышева). Повествователь в «Зеленой косе», как и в «Драме на охоте», имеет определенную власть над текстом. В «маленьком романе» эту власть ему обеспечивает ироничный тон, выдающий в рассказчике то ли шалопаю-остряка, то ли реального автора-юмориста. Он нарочито подчеркивает все мелодраматические клише, которые читателю и без этого несложно было бы опознать. Однако за счет замены «рассказа» «пересказом» происходит удачное смешение юмористического рассказа

и романа, переполненного мелодраматическими страстями. Оба текста заканчиваются имплицитным указанием на невозможность изменений в мире. В «Зеленой косе» это бессобытийность, близкая к гармонии, героев ждет полное счастья существование в радостном мире. В «Драме на охоте» читатель сталкивается с бессобытийностью трагической: невозможно уличить и наказать преступника, который постоянно скрывается под масками. Если концовка первого произведения позволяет читателю провести границу между художественным миром и реальным миром реципиента, получив удовольствие от текста, то в случае с «Драмой на охоте» читатель оказывается замкнут в рамках фиктивного мира, где царит тяжелое ощущение безысходности.

Отрадин Михаил Васильевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хватит ли души? (Внутренний сюжет книги И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»)

1. Почему книга И. А. Гончарова о путешествии со временем стала восприниматься не как литературное произведение?
2. Письма об Испании В. П. Боткина в творческом сознании И. А. Гончарова.
3. Оппозиция «воображаемое и действительное» в сюжете «Фрегата».
4. Эстетическая концепция, объединившая очерки.
5. «Творческое становление художественного произведения» (Б. М. Энгельгардт) как смысловая доминанта сюжета книги.
6. Книга А. Гумбольдта «Большой космос» и мифопоэтическая составляющая сюжета книги Гончарова.
7. «Драматический тип повествования» (Ж. Женетт) в практике Гончарова.
8. Финал «литературного путешествия» как теоретическая проблема.

Филонов Евгений Анатольевич,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

«Миры» Гоголя в перспективе читателя:
к проблеме эволюции гоголевского повествования

Трансформации художественного мира Гоголя в его повестях — от мифопоэтического космоса Диканьки к Миру-Городу второго сборника и затем к петербургской вселенной — на уровне повествования в значительной мере обусловлены изменением коммуникативных стратегий нарратива.

В предисловиях к «Вечерам...» действует повествовательная стратегия, направленная на расподобление повествуемого мира Диканьки и вне-литературной реальности читателя: художественный мир и реальный мир — две принципиально разные сферы, организованные разными законами, поэтому жизненный опыт читателя не актуален для интерпретации

текста. Так реализуется в романтическом повествовании Гоголя принцип двоимирия.

В повестях «Миргорода» конвенция текста изменяется: в «Старосветских помещиках» мир столицы — та сфера, которую читатель должен «узнать» и отождествить с внелитературным миром, — входит в повествование на равных правах с «экзотичным» миром поместья. В тексте даны сразу две «системы отсчета»: сфера «реального» и сфера «фантастического». В «Повести о том...» возникает эффект устранения границы между «реальным» и «фантастичным», что подготавливает художественную онтологию гоголевского Петербурга.

Мир петербургских повестей уподобляется внелитературной реальности — жизненный опыт читателя включается в структуру текста. При этом, стирая в повествовании мире границу между бытовой логикой и фантастикой, текст стремится убедить читателя в том, что фантастика есть также свойство внелитературной реальности.

Так, общее направление эволюции гоголевского повествования, избрав в качестве фокуса категорию читателя, можно обозначить следующим образом: от романтического повествования «Вечеров», где автономный художественный мир принципиально закрыт для внелитературного опыта читателя, Гоголь движется по пути включения читательского опыта в структуру текста (в «Миргороде»), что в петербургских повестях приводит к попытке «приращения» средствами литературы жизненного опыта читателя, актуального во внелитературной реальности.

Хикита Масатака,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Студенческая вольность в русской поэзии
первой четверти XIX века

Тема студенчества в русской литературе возникла еще в XVIII в., но более полное развитие она получила в литературе следующего столетия. На протяжении 1820-х гг. наиболее серьезный вклад в ее разработку внесли такие поэты, как Н. М. Языков и А. И. Полежаев. Языков обратился к теме студенчества во время учебы на философском факультете Дерптского университета (1823—1829) — одного из крупнейших центров умственной жизни Европы. По словам Языкова, Дерптский университет — это место, где «царь и глупость — две чумы — еще не портят просвещения». Поэзия Языкова имеет яркий личностный характер и является непосредственным отражением подлинной биографии автора. Подобно Денису Давыдову, создателю «гусарской» лирики, он поставил в центр своего творчества дерптских лет фигуру лирического героя-студента. По сравнению с предшественниками, Языков по-новому трактовал этот образ: его герой-студент стремится к неограниченной свободе личности во всех сферах жизни, чтобы жить и мыслить в свое удовольствие.

С языковской традицией в определенной степени связан и Полежаев, который, будучи вольнослушателем словесного отделения Московского

университета (1820—1826), написал поэму «Сашка» (1825) о студенте-разночинце, жизненный принцип которого — это культ «буйственной свободы», также охватывающей самые разные жизненные сферы.

Чуркин Александр Александрович,

к. ф. н.

Малая проза св. Игнатия Брянчанинова: синтез поэзии и риторики

Особое место в наследии св. Игнатия занимают несколько небольших миниатюр, которые можно было бы назвать «стихотворениями в прозе», если вынести за скобки то, что это проза церковно-риторическая. Отличительной особенностью этих произведений является специфичное привнесение в духовный текст мотивов, свойственных сентименталистской поэзии. В некоторых из них отчетливо проступают образы, соотносимые с жанром «кладбищенской поэзии», в других меланхолическое созерцание природы. Однако под пером св. Игнатия они обретают новое звучание, переосмысляются в русле православной проповеднической традиции. Особенности стилистики этих произведений св. Игнатия удобно рассматривать на примере миниатюры «Голос из вечности» (1848). Впервые она была опубликована в первом прижизненном издании Сочинений епископа Игнатия в 1865 году, однако недавно была обнаружена и опубликована ранняя редакция этого произведения, сохранившаяся в одном из частных писем писателя. Сличение этих двух вариантов позволяет лучше понять эстетические принципы, которыми руководствовался св. Игнатий как автор. Готовя «Голос из вечности» к публикации, св. Игнатий подверг его значительной правке. Он дополнил его введением, традиционным для жанра «кладбищенской поэзии». Общее содержание основного текста он оставил почти без изменений, но внес довольно большое количество стилистических исправлений. Анализ их свидетельствует о желании автора уйти от первоначальной лаконичности слога, утяжелить его, насытив дополнительными риторическими фигурами, догматически прояснить некоторые выраженные в нем идеи. Таким образом, миниатюры св. Игнатия дают нам очень редкий пример удачного синтеза светской поэзии и церковной риторики.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ XVIII ВЕКА

Бухаркин Пётр Евгеньевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Литературная позиция В. К. Тредиаковского (к постановке проблемы)

В докладе рассматриваются взаимосвязи истории русской литературы второй половины XVIII века с историческим развитием русского литературного языка (на материале литературы русского сентиментализма).

Власов Сергей Васильевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

«Слово о витийстве» В. К. Тредиаковского в сопоставлении с античной и западноевропейской риторической традицией XVI–XVIII вв.

1. Различие, предложенное Тредиаковским между красноречием «простым и дружеским» и красноречием «витиеватым и тонким», свидетельствует о его стремлении отделить стиль «витиеватый и тонкий» не только от стиля «простого и дружеского», но и от среднего и высокого стилей, с которыми смешивали «витиеватый» стиль сторонники классической теории трех стилей.
2. Первая часть «Слова о витийстве» представляет собой гимн Царице Элоквенции, которая рассуждает о всех вещах и науках, изучающих видимый и невидимый миры. В этой части господствует возвышенный стиль, соответствующий возвышенным предметам. Вторая часть — гимн родному языку, написанный цветистым, украшенным слогом, сочетающим в себе свойства как возвышенного, так и простого слога.
3. Третья часть «Слова о витийстве» написана простым, дидактическим (научным) слогом, за исключением амплификаций в живописном описании Нужды, матери «всякому искусству», и посвящена словам, тропам и синонимам. Из трех причин метафоры (и тропов вообще) Тредиаковский сохраняет только первую — необходимость. В конце третьей части своей речи Тредиаковский говорит о теории синонимов аббата Жирара. Вслед за аббатом Жираром Тредиаковский также полагает, что не существует абсолютных синонимов: «нѣтъ ни одного всеконечно соименнаго слова».
4. В четвертой части «Слова о витийстве», иллюстрирующей местами употребление Тредиаковским «витиеватого и тонкого» стиля, мы обнаружили скрытую полемику русского филолога с идеями Б. Лами. Не ссылаясь прямо на «Риторику» Лами, Тредиаковский возражает против всякого объяснения разнообразия индивидуальных стилей различными особенностями мозга.
5. «Слово о витийстве» Тредиаковского свидетельствует о передовых и оригинальных взглядах на риторику его автора, к сожалению, до сих пор по достоинству в отечественной филологии не оцененных и не являвшихся предметом источниковедческого анализа.

Ивинский Александр Дмитриевич,

к. ф. н., м. н. с., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Екатерина II, Фонвизин и русская журналистика 1760–1770-х гг.: к вопросу о подтекстах «Недоросля»

Вопрос о литературных подтекстах «Недоросля» неоднократно привлекал внимание исследователей. Однако связь комедии Д. И. Фонвизина с русской литературной журналистикой до сих пор не раскрыта. Это тем

более странно, что практически все основные образы и мотивы «Недоросля» подробно обсуждались в 1760—1770-х гг. на страницах именно периодических изданий. Объясняется это, в первую очередь, научной традицией их осмысления: не одно поколение ученых описывало политические контексты журнальных полемик — особенно якобы существовавший «конфликт» Екатерины II и Н. И. Новикова. Так, например, на первый план был выдвинут т. н. «спор о характере сатиры» — с нашей точки зрения, сюжет маргинальный. Главная же проблема осталась в тени — проблема формирования нового образа благородного человека, воспитания настоящего русского «honette homme». Эту задачу поставила перед собой Екатерина II во «Всеякой всячине», которая не «боролась» с «просветителями», а претендовала на то, чтобы стать «учебником» «науки жить между людьми». Именно на этот новый образ русского «честного человека» и ориентировался Фонвизин, когда создавал своего «Недоросля». Комический эффект возникал благодаря резкому контрасту: просвещенный столичный дворянин смотрел на «безобразия» провинциальных Простаковых и Скотининых и остро ощущал ту пропасть, которая их разделяла. Митрофан Простаков — это «honette homme» «наоборот». В то же время внимание зрителей должно было быть сосредоточено не на сюжетных коллизиях, намеренно сведенных к минимуму, а на разговорах Стародума, Правдина, Милона и Софьи. Таким образом, Фонвизин создал комедию, которая и идеологически (проблема воспитания просвещенного дворянина), и формально (непринужденная беседа «равных» собеседников) связана с екатерининским проектом трансформации русской элиты.

Калашникова Ольга Леонидовна,

д. ф. н., проф., Днепрпетровский национальный университет (Украина)

«Записки из известных всем происшествиев и подлинных дел, заключающее в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина»: украинский сюжет

Установка на документальный, а не фикциональный характер описания событий жизни для потомков в «*Записках*» Державина, названных П. И. Бартеневым родом «*сенатской мемурии или делового отчета*», определяет и характер украинского сюжета, развертывающегося в мемуарах по трем равно важным линиям: 1) история участия Державина в событиях, связанных с малороссами; 2) деятельность малороссов на поприще служения государству российскому; 3) Екатеринослав в судьбе Державина.

Первая линия представлена подробными описаниями случаев, когда Державин выступил в роли арбитра в спорных обстоятельствах.

Из мозаики личных и общественных отношений поэта с современниками складывается картина эпохи, в которой обозначена своеобразная украинская карта русской культуры XVIII в. — обширная и разноплановая.

Екатеринославский вектор «*Записок*», пока мало исследованный наукой, означен двумя именами — И. Синельникова, первого правителя Екатери-

нославского наместничества (1784—1788), и Т. Тутолмина, губернатора Екатеринослава в 1783—1784 гг.

Повествовательная стратегия мемуариста сориентирована на сдержанную точность бесстрастного документального описания, где первый поэт России XVIII в. представляет себя как государственного деятеля. Однако мемуары не звучат диссонансом в послании Державина потомкам, главной составляющей которого была поэзия, ибо служение — это часть того бытового существования, которое для автора «*Фелицы*» всегда являлось содержанием бытия поэта, источником поэтического вдохновения («*Евгению. Жизнь Званская*»).

Изучение «Записок» как части единого дискурса Державина-поэта позволяет не только прояснить некоторые особенности поэтики Державина, но и значительно расширить представления о процессе и характере становления и развития русской мемуарно-автобиографической литературы XVIII в., формировавшейся в тесном взаимодействии и взаимовлиянии с беллетристикой.

Карманова Мария Дмитриевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Эмблематика Симеона Полоцкого: единство в многообразии

Тексты Симеона Полоцкого заложили основу для развития эмблематики в русской культуре. В научной литературе существует анализ отдельных стихотворений Симеона (И. Еремин, А. Хипписли, Б. Уленбрух) и дана их общая характеристика (Л. Сазонова). Однако следует рассмотреть эмблематику как структурообразующий принцип творческого мышления Симеона.

Эмблема — жанр литературы барокко, соединяющий текст и изображение в трехчастной структуре (девиз, изображение, поясняющая подпись). В европейской литературе каноническая форма эмблемы закрепились после появления сборника эмблем «*Emblematum Libere*» А. Альциати (1531 г.) и получила широкое распространение.

Анализ текстов Симеона Полоцкого убеждает в том, что эмблема для него — не только жанр, усвоенный из европейской литературы, эмблематичность — свойство его мышления, структурообразующий принцип текстов, воплощающийся в разных литературных формах.

«Каноническая» эмблема, присутствующая в сборнике «Трены», описана Л. И. Сазоновой. В «Вертограде многоцветном» эмблематические стихотворения представлены в различных композиционных формах — от двустийши до развернутых описаний, обладающих сложной структурой. Элементы эмблематики есть и в прозаических произведениях Симеона («Жезл Правления», «Обед душевный»).

Источники его эмблематических стихотворений могли быть различными (эмблематические книги, латиноязычные сборники проповедей). Но при кажущейся формальной и содержательной разнородности эмблематические тексты Симеона Полоцкого объединены целостной позицией

автора — показать читателю многообразие окружающего мира, возможности выражения одного и того же смысла в различных формах и наличие множества толкований (в том числе индивидуально-авторских) одного символа.

Особое значение эмблематические тексты приобрели в первой половине XVIII в., в период радикальной перестройки культуры. Но прагматика эмблемы и ее место в культуре в этот период существенно отличались от картины, которую мы видим в творчестве Симеона Полоцкого.

Матвеев Евгений Михайлович,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Стихотворные примеры в «Риторике» М. В. Ломоносова

В докладе рассматриваются оригинальные и переводные стихотворные тексты, включенные в качестве примеров в крупнейший восточнославянский риторический трактат — «Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова.

Пономарева Марина Валерьевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Памяти Державина» Тимура Кибирова: традиция и современность

Современная литературная критика не раз отмечала важность русской поэзии XVIII века для творчества Тимура Кибирова, прежде всего, таких ключевых для XVIII столетия фигур, как М. В. Ломоносов и Г. Р. Державин.

Возможность сопоставления поэтических систем Гаврилы Державина и Тимура Кибирова обусловлена схожей культурной ситуацией эпохи и творческим заданием обоих поэтов. Это поиск собственного голоса, личного высказывания на фоне общей безличной установки времени — риторической культуры в случае Державина, постмодернизма в случае Кибирова.

В докладе анализируется стихотворный цикл Тимура Кибирова «Памяти Державина» (1993—1994 гг.). В цикле рассматриваются общие особенности творчества Державина и Кибирова:

- дидактический пафос поэзии;
- утверждение ценности частной жизни;
- автобиографичность поэзии;
- сосуществование и взаимодействие в поэтической системе Державина и Кибирова двух дискурсов — исторического, политического, злободневного и частного, интимного;
- на уровне поэтики — принцип контраста, который широко используется обоими поэтами на разных текстовых уровнях (от языкового до тематического);
- принципы цветообозначения.

Тираспольская Анна Юрьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

«Мне отмщение, и Аз воздам»: к вопросу о типологии конфликта драмы Н. М. Карамзина «София»

Драма Н. М. Карамзина «София», написанная молодым и на тот момент еще не знаменитым автором, увидевшая свет в 1791 г. прежде выхода «Бедной Лизы» и оставшаяся единственным драматическим произведением писателя, до настоящего момента была несправедливо отодвинута в тень и потому заслуживает пристального внимания исследователей. Изображение «внутреннего ада», через который проходит душа замужней женщины, отрешившейся от долга перед супругом во имя отчаянной любви-страсти к мужчине, который оказался недостойным принесённых во имя любви к нему жертв, способно потрясти своей правдивостью и точностью даже искушенного современного читателя. Стержневая идея карамзинской драмы — мысль о том, что наказание за отречение приходит человеку не от людей, а от Бога (см. слова графа Доброва, мужа Софии, обращенные к неверной жене: «... предаю тебя судьбе твоей! Не ожидай от меня мщения... Ты почувствуешь его глубоко в сердце своем, НО НЕ МОЯ РУКА НАКАЖЕТ ТЕБЯ») и приходит оно при этом через самого «преступившего заповедь» — в виде саморазрушения и самоуничтожения человеческой личности, позволяет говорить о явном типологическом сходстве «Софии» с произведением Л. Н. Толстого (вспомним эпиграф, выбранный для романа автором: «Мне отмщение, и Аз воздам») и в первую очередь — о «каренинском» типе трактования темы борьбы любви (чувства) и долга в душе женщины. Интересным представляется также сопоставление образов «обманутых мужей», графа Доброва и Каренина, на первый взгляд имеющих, кроме назначенного им авторами «амплуа», мало общего в характерах, но на самом деле обладающих одной важной общей чертой: оба героя придают большое значение «суду света». Не менее значимым представляется выявление некоторых типологических черт, роднящих любовника Софии ле Тьеня с Вронским, которые особенно ярко проступают в сценах конфликта между уязвленными и «потерявшими себя», а потому болезненно требовательными и ревнивыми героинями и их возлюбленными, находящимися в значительно менее тяжелом положении.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Васильева Ирина Эдуардовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Прочтение истории (о цикле И. А. Бунина «Темные аллеи»)

В построении рассказа И. А. Бунин часто использует модель «воспоминание о случае из жизни». Использование такой модели само по себе задает несколько планов представления «истории» в рамках изображенного

мира: частично реконструируемая история прошлого героев, история их отношений — основной предмет воспоминания, историческое время, на фоне которого происходят описываемые события, моделируемая история времени воспоминания о рассказанных событиях и история создания и прочтения(-ий) рассказа, находящиеся уже за границами собственно текста. Все перечисленные выше планы имеют различные значения. В одном из них «история» выступает как тема, объект изображения, в других — как единица композиционного или повествовательного уровней, как единица контекстообразующего порядка. Анализ различных уровней позволяет выявить общий принцип отбора образующих «историю» единиц. Это принцип парадигмальной связи элементов. Повествуемое прошлое героев предстает как ряд отрывочных фактов, объединенных самим субъектом, но не очевидной временной последовательностью. Также организовано и повествуемое настоящее: впечатления (визуальные, эмоциональные et cetera.) героя выстраиваются в ряды перечислений, представляющие суммарные картины истории отношений персонажей. Эта история не может вполне избежать маркеров временной последовательности, но стремится к созданию иллюзии целостной единовременности. Наконец, сама коммуникативная ситуация, моделирующая «историю повествования», демонстрирует, как правило, смещение временных иллюзий: знаки синхронного повествования свободно перемежаются маркерами временной дистанции. Такая повествовательная структура задает и историю прочтений цикла, устойчивым мотивом которой можно считать представление о лирической природе бунинской прозы.

Гостева Анна Владимировна,
асп., Воронежский государственный университет

«Клаустрофобные» пространства в прозе В. Я. Брюсова

Работа представляет собой анализ репрезентации пространства в прозе В. Я. Брюсова (на материале романа «Огненный ангел» (1908) и малой прозы). Под «клаустрофобией» в данном случае понимается способ пространственной самоидентификации субъекта, при которой конкретно-предметные, онтологические, экзистенциальные и ментальные реалии провоцируют ряд специфических ощущений (дискомфорт, волнение, ужас, паника).

Наше внимание сосредоточилось на объективно замкнутых и «страшных» пространствах; прежде всего, это широко представленные в произведениях Брюсова тюремные локусы, а также иные, перцептивно коррелирующие с ними (дом, двор, келья и т. д.).

В прозе Брюсова актуализирован продуктивный узнический дискурс русской литературы в русле барочной, готической и романтической традиций, что проявляется, в частности, в противопоставлении бытия узника и «прекрасной природы», в критичности переживания времени, в «готических» мотивах, в демонизации тюремных реалий и т. д.; данные аспекты нашли отражение в прозе писателя. Романтическая литература

акцентировала факт, что пребывание в тюрьме (независимо от его объективной причины) влечет неизбежные и необратимые изменения в сознании узника. Этот аспект был своеобразно трансформирован Брюсовым: замкнутое пространство лишь поначалу мыслится частью реальности, а впоследствии оказывается для субъекта инобытием, существующим по своим собственным законам («В подземной тюрьме», 1903; «Под Старым мостом», 1903). Кроме того, действие этого принципа не ограничивается у писателя «тюремными» локусами, но реализуется в любом относительно «герметичном» месте пребывания субъекта; замкнутое пространство закономерно организует иные измерения текста — нарративные и темпоральные.

Отметим, что помимо литературных истоков «клаустрофобного» конструирования пространства у В. Я. Брюсова, в работе анализируются эстетические, психологические и философские предпосылки этого явления.

Гуськов Николай Александрович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Над чем смеялись в Ленинграде осенью 1928 г.?

(Из комментария к хронике культурной жизни города)

Материалы, послужившие источником доклада, были обнаружены в ленинградской периодической печати в процессе составления хроники культурной жизни города за август — октябрь 1928 г. Эти сатирические тексты, впоследствии неизвестные публике и забытые ею, во-первых, дают возможность по-новому взглянуть на ряд событий литературного и историко-культурного процесса 1920-х гг., во-вторых, оказываются неожиданно актуальными в наши дни. Наибольший интерес представляют тексты, направленные против современного театрального начальства и связанные с театральной реформой 1928 г., и произведения, отражающие настроения общества накануне выборов в Академию наук и академического жеста 1929—1930 гг. В докладе дан комментарий к ряду текстов и их анализ в историко-культурном контексте и соотношении с литературным процессом эпохи.

Давыдова Татьяна Тимофеевна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет печати
им. И. Федорова

Лирический герой в поэзии О. Э. Мандельштама 1930-х гг.

1930-е гг. в творческом развитии Мандельштама характеризуются новыми отношениями поэта с действительностью, мерилom ценностей для Мандельштама становится судьба современного человека.

В его произведениях появляются современные темы, более разнообразными становятся художественные средства — наряду с символикой

и ассоциативностью, появляются образы и тропы, генетически связанные с восточной традицией и с русским фольклором.

Словарь Мандельштама обогащается за счет разговорной и просторечной лексики, на первый план выдвигается образ лирического героя, в значительной мере автобиографический.

Заметную роль лирический герой играет в стихотворном цикле «Армения». Настроения и эмоции лирического героя в этих произведениях разнообразны — от влюбленности в историю, культуру, природу Армении, ее жителей до тревожных предчувствий, тоски. Лирическое «я», запечатленное в цикле «Армения», получает дальнейшее раскрытие в других стихах поэта 1930-х гг. («Квартира тиха, как бумага...», стихи на смерть А. Белого, лирика воронежского цикла). Двойники, литературные и фольклорные персонажи высвечивают разные грани характера мандельштамовского лирического героя. Каждый из двойников существует в своем историко-культурном пространстве и имеет собственные смыслы.

Мандельштам, как и некогда А. А. Блок, обращается к вечным, стертым образам, гофмановскому Щелкунчику, фольклорному дураку — ироническому удачнику, скрывающему истинные мысли и намерения за внешней неприглядностью и смешными выходками.

В черновых редакциях одного из стихотворений на смерть А. Белого образ умершего поэта проецируется на Н. Гоголя.

В стихотворениях о Воронеже двойником лирического героя становится птица щегол, метафорически приравненная к А. Кольцову; звукообраз топонима Воронеж раскладывается на образы ворона и ножа. Сюжетная ситуация стихотворения «Квартира тиха, как бумага...» генетически восходит к сюжетному мотиву омолаживания в кипящем котле из русских народных сказок.

Зиммерманн Герда,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Поэтика бессознательного в повести «Уездное»

Е. Замятина

1. В докладе анализируются элементы текста, связанные с изображением Анфима Барыбы, отражающие примитивные, инстинктивные аспекты его личности. Такие черты характера персонажа, как «угловатость», «прямота», «подобие утюга» и пр. отражают глубину его инстинктивного поведения.
2. Поступки на уровне фабулы говорят о все более и более серьезной «вине» героя. Анализ мотивной структуры повести выявляет ряд повторяющихся библейских и мифологических мотивов, фиксирующих власть бессознательного в человеке (мотивы «волка», «змея», «барана»).
3. Одна из сюжетных линий фиксирует процесс превращения главного героя в каменную бабу. Для того чтобы показать, что метаморфоза присутствует во всей истории, в докладе анализируются мотивы, фор-

мируемые лексикодами «камень» и «жевать». Здесь внимание к мифу является закономерным с точки зрения мотивного анализа.

4. В изображении первобытных инстинктов персонажа определяющей становится архетипическая оппозиция «свой — чужой». В структуре повести она, будучи концептуальным основанием изображаемого, реализована на разных уровнях, ее анализ предполагает внимание к различным аспектам, в том числе жанровому и нарратологическому.

Карпов Николай Александрович,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К проблемам функционирования комического дискурса (на материале русской литературы XIX — начала XX в.)

Попытаемся построить классификацию типов художественного дискурса, исходя из конструируемых читателем смысловых отношений между текстовыми значениями и внетекстовой реальностью.

1. Серьезный миметический дискурс (к нему относится большая часть художественных текстов). Его смысловой потенциал в основном реализуется через прямые значения слов (как происходит и в большинстве случаев бытовой повседневной коммуникации). Сказанное в тексте мыслится как реально происходящее в той жизнеподобной модели реальности, которая воссоздается автором и читателем. Какой-либо зазор между непосредственным смыслом сказанного и реконструируемым читателем смыслом произошедшего отсутствует.
2. Фантастический дискурс. Значения фантастического текста, а также читательские оценки и эмоции концентрируются в рамках оппозиции «непосредственно сказанное» / «возможное», определяясь тем смысловым напряжением, которое возникает между ее членами.
3. Абсурдистский дискурс. С одной стороны, так же, как и серьезный миметический дискурс, абсурдистский текст выстраивает свои значения, исходя из прямых значений слов, из непосредственного смысла сказанного; так же, как и в фантастическом дискурсе, читатель сталкивается с необычными, с точки зрения реального жизненного опыта, фактами. Но при всем этом само соотнесение с объективной реальностью, оставаясь естественной особенностью сознания реципиента и реконструируя картину мира в произведении как «абсурдную», выходит за рамки имманентных текстовых значений.
4. Комический дискурс близок к абсурдистскому тем, что в нем также часто нарушается миметичность, бытовое жизнеподобие; но, как правило, это нарушение не столь значительно, поэтому взаимодействие с нормой текста существует в читательском сознании вместе с представлением об имеющейся внетекстовой норме. Если в абсурдистском тексте внетекстовая норма вовсе отсутствует, то в комическом она сознается как нарушенная. Возможно, именно это осознание нарушения нормы и рождает комический эффект.

Компанеец Валерий Васильевич,

д. ф. н., проф., Волгоградский государственный университет

Онтологические параметры психологизма ранней прозы

М. А. Булгакова («Записки юного врача»)

Проблема художественного психологизма (традиционнейшая из традиционнейших), прочно заняв центральное место на аксиологической шкале литературоведения XX столетия, получила практически непоколебимый положительный статус, точкой отсчета которого стала «диалектика души» Л. Н. Толстого. Не отрицая функций познания и самопознания как форм духовного роста (нравственно-гносеологический аспект), мы акцентируем внимание на бытийных (онтологических) основаниях психологизма, расширяющих представление о творческом методе раннего М. А. Булгакова. Ключевой методологической установкой является разграничение индивидуальности автобиографического персонажа «Записок юного врача» как формой «самости» и его же личности, за которой стоит психо-мотивационный комплекс, приводящий в действие механизм подавления эмоций в напряженном процессе интеллектуально-профессиональной адаптации и самоидентификации, а также проистекающие экзистенциальные состояния одиночества и страха. В последнем мы усматриваем аналогию (прямую и косвенную) с антропологией Ф. М. Достоевского и позднего Н. А. Бердяева. Раздвоение *я / не я*, трактуемое в большинстве случаев как борьба антиценностей, навязанных средой, с сущностным содержанием человека, рассматривается как выражение разноуровневых значений *одной* истины. Анализируется оригинальный феномен *самодialoga* во внутреннем *монологе*, способствующий самоочищению героя от фобий ради обретения целостности и гармоничности нового «я» в акте органического вхождения индивидуальности персонажа в самодостаточную личность. Все это обусловило не только своеобразие булгаковской характерологии, но и «нарративизацию» повествования в целом.

Куранда Елена Леонидовна,

к. ф. н., докт., Московский педагогический государственный университет

О чем пела Корделия?

1. При исполнении в концертных залах «Баллады Корделии» (Д. Шостакович, Соч. 58-а) часто ошибочно указывается, что это музыка на стихи С. Маршака, однако это ошибка, связанная с историей создания текста «Баллады».
2. Текстовая история «Баллады Корделии» связана со спорами, которые велись вокруг переводов Шекспира, предпринятых издательством «Academia» в 1933–1934 гг.
3. К. Чуковский в своей статье «Искажение Шекспира» подверг критике принципы переводческой практики поэтов и писателей, сотрудничавших в проекте издания полного собрания сочинений Шекспира

в издательстве «Academia», в связи с чем было предпринято несколько редакций переводов пьес Шекспира.

4. В ОР РНБ хранятся несколько редакций переводов трагедии Шекспира «Король Лир», о которых и пойдет речь в докладе.

Лавренова Любовь Трифоновна,
докт., Рижская средняя школа № 93 и 55

Временные модели в романе «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове»

Роман В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» может быть интерпретирован как своеобразный художественный документ эпохи, в котором пространственно-временные категории существуют во взаимодействии и взаимопроникновении, согласуясь с утверждением М. Бахтина: «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп» (Бахтин, 1975, 234). Картина мира романа представляется существующей в точно «изменном» времени: события происходят вчера и сегодня, днем и ночью, утром и вечером, определяются временными единицами: секундами, минутами, часами, днями, неделями, месяцами, декадами, годом, эрой, эпохой. Вместе с тем актуально движение персонажей по жизненным кругам, и это придает реальности характер нелинейного развития, превращает время в вечность. Циклическое время характерно для старого мира. Консервативность создается медленнотекущим временем, оно лишено поступательного хода. Человек новой эры связан с творческой и творимой историей. Циклическое время сменяется линейным, которому свойственна поступательность и эволюционный динамизм. Историческое время датировано и требует от героя ответственности за историю и за себя. Примером могут служить реализуемые жизненные принципы Некрылова. Деяния нового героя — «созидательного максималиста», «скандалиста» — становятся своеобразным медиатором, переводящим старое циклическое время в новое — эволюционно-поступательное. Таким образом, можно говорить о неомифологическом характере художественного мира романа В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». Пространственно-временные модели романа отражают изменения, которые «свидетельствуют о сдвигах в мироощущении, мировоззрении личности, эпохи, о сдвигах, происходящих в культуре» (Ф. П. Фёдоров: 1988, 15).

Матвеева Диана Андреевна,
асп., Новосибирский государственный педагогический университет

Редакции «Подпоручика Кижера», «Восковой персоны» и «Малолетного Витушишникова» Ю. Н. Тынянова

Рассказы Ю. Н. Тынянова «Подпоручик Кижера», «Малолетный Витушишников» и повесть «Восковая персона» были изданы при жизни автора трижды: сначала они появились в журналах, затем вышли отдельными кни-

гами издательства ОГИЗ, и позже были помещены в собрание сочинений Ю. Тынянова 1941 г. того же издательства.

Одни и те же произведения в разных изданиях имеют существенные различия. В связи с этим исследование каждого из этих текстов наталкивается на несколько вопросов. Чем были обусловлены изменения — авторской волей или воздействиями цензуры?

Как отражает правка изменение замысла писателя, если предположить, что редакция текстов предпринята автором осознанно и не под воздействием цензурных соображений?

Какой из текстов следует считать «основным»?

В докладе делается предположение, что редактирование текстов Тыняновым отражает продолжение его работы над замыслом произведений.

Так, в изданиях 1930 и 1941 гг. «Подпоручика Кижее» исключена глава, которая в журнальной публикации создавала рамочную конструкцию — описываемые в рассказе события представлялись как реконструкция истории, положенной в основу анекдота, рассказанного когда-то Далем и коротко записанного его современником. Перед читателем, который знакомится с текстом со «второй главы», с самого начала текста разворачивается сюжет из эпохи павловского правления; и только в некоторых последующих главах всезнающий повествователь, констатирующий факты и прячущийся за несобственно-прямую речь персонажей, обнаруживает временную дистанцированность от описываемых событий. Тот факт, что «Восковая персона» и «Малолетный Витушишников» также имеют в своей основе исторические анекдоты и мемуарные записи современников, которые не называются повествователем открыто, позволяет сделать вывод о тенденции в текстах Тынянова к более сложной игре с читателем.

Изменения, привнесенные в тексты в различные годы, отражают особенное понимание Тыняновым сюжета произведения.

Меднис Марис Имантович,

соиск., Санкт-Петербургский государственный университет

Жанр юмористического афоризма и его эволюция
в русской периодике XX в.

Афоризм — жанр сложный для изучения. От классической афористики юмористическая отличается своей функцией — в первую очередь развлекательной. От других малых юмористических жанров (таких как анекдот, велеризм и т. д.) — сверхмалым объемом и отсутствием контекста, фабулы и персонажей. По характеру схемы, на которой основывается комический эффект, можно выделить афоризмы, использующие двойное значение слов. Из более чем 800 афоризмов, опубликованных под самыми разнообразными заголовками в журналах «Осколки», «Стрекоза» и «Будильник» в 1900 г., вокруг двойного значения слов построены 9% примеров. Наиболее популярным объектом сатиры являются женщины. В дальнейшем юмористические афоризмы постепенно покидают страницы изданий. Эта тенденция характерна и для советской периодики до 1960-х гг., когда

«Крокодил» и «Литературная газета» выделяют юмористическим афоризмам отдельные рубрики. Появляется указание авторства, что, бесспорно, свидетельствует о повышении статуса подобных текстов и признании литературной работы их авторов (среди них — С. Альтов, М. Генин, Е. Лец и др.). Более разнообразной становится тематика афоризмов. В «Крокодиле» за 1980 г. напечатано уже 325 юмористических афоризмов, количество шуток, обыгрывающих двойное значение слов, увеличилось до 44%, а к 1990 — до 48%. Исходя из того, что за рассмотренный период происходит почти пятикратное увеличение процента шуток, основанных на игре слов, а разнообразие заголовков, под которыми печатаются тексты этого жанра, стремительно падает, логично предположить, что в начале века юмористического афоризмы создавались с опорой на заданную тематику, но к концу столетия основным поводом для появления текста становится сама возможность языковой игры. Похожие тенденции наблюдаются и в других малых по объему жанрах юмористической периодики XX века, что позволяет предположить единую траекторию в эволюции комического, описание и осмысление которой сыграло бы важную роль для изучения истории и специфики русского юмора.

Строкина Светлана Петровна,

к. ф. н., доц., Севастопольский национальный технический университет

К вопросу об индивидуальных модификациях неореализма на материале прозы А. И. Куприна

В связи с различиями во взглядах на художественную природу неореализма и на хронологию этого явления разными исследователями в число неореалистов включаются и разные авторы. Нередко в последние годы к неореализму причисляют и творчество А. И. Куприна. Сейчас существует уже целый корпус исследований, посвященных проблеме трансформации принципов реализма в прозе писателя.

Мифопоэтическая составляющая относится к числу конституирующих художественную систему А. Куприна элементов. Она проявляется в творчестве автора на всем его протяжении, в произведениях разных жанров и в многообразных художественных проявлениях. Формирование индивидуального художественного мифа о юге прослеживается в сюжетике, проблематике, образном и мотивном строе, символике «южных» произведений писателя. Это означает, что реализм писателя не просто спорадически «достраивается» элементами других направлений, но претерпевает системную трансформацию под влиянием неомифологических модернистских тенденций. Следовательно, корректно было бы говорить о смене в творчестве А. И. Куприна системы классического реализма его обновленной разновидностью — неореализмом. Если аналогичные системные трансформации будут констатированы литературоведческой наукой и в применении к другим писателям-реалистам рубежа XIX—XX вв., тогда можно предположить, что неореализм является не одним из течений внутри реализма или модернизма и не новым направлением в литературе, а исторической

модификацией реализма конца XIX — начала XX вв., далее плавно трансформируясь в более позднюю свою разновидность — постреализм второй половины XX в., плодотворная «гипотеза» о котором была сформулирована Н. Лейдерманом и М. Липовецким. Если принять эту точку зрения, то классический реализм, неореализм первого рубежа XX в. и постреализм второй половины XX столетия предстают последовательно сменяющимися друг друга стадиями в развитии реализма, так что общая картина эволюции этого направления выстраивается логично и непротигворечно.

Тимофеев Александр Генрихович,

к. ф. н., сотр., Издательский дом «Мирь»

«Книга о Володе (художнике В. А. Свительском)»

М. М. Мелентьева (1938): новые эпистолярные источники
к биографическому комментарию

1. До выхода из печати двух изданий «Книги о Володе (художнике В. А. Свительском)» (далее: КВ) М. М. Мелентьева (1-е, сокр.: СПб., 2001 / предисл. Е. А. Вилька; 2-е: СПб., 2004 / предисл., подгот. текста и коммент. Г. Г. Мартынова; под общей ред. А. Г. Тимофеева) о личности художника В. А. Свительского — талантливого иллюстратора, в частности, ряда пушкинских изданий в 1930-е гг. было известно разве что из шести строчек каталога-справочника «А. С. Пушкин в русской и советской иллюстрации» (М., 1987).
2. Появление КВ — сочинения, основанного на личных воспоминаниях, дневниках и частных переписках, в котором авторское изложение проходит испытание личными чувствами и претворяется в художественную эмоциональность, — поставило вопрос о литературно-биографическом происхождении художественного метода М. Мелентьева, поскольку в тексте КВ автор несколько раз поведал о собственных и В. Свительского встречах с М. А. Кузминым и обоюдном интересе к его творчеству. Кузмин, как известно, был автором нового принципа в искусстве: писать, следуя любви и переходя от частного к общему, не о типе, а о конкретной личности, — который был закреплён в сформулированной им «Декларации эмоционализма» (публ. 1923) и статье «Эмоциональность как основной элемент искусства» (публ. 1924).
3. Именно к периоду 1920—1922 гг. относятся личные и письменные контакты Мелентьева, Свительского и Кузмина, которые могут быть дополнены неизвестным письмом Мелентьева к Кузмину из фондов ЦГАЛИ СПб. Письмо Свительского к Кузмину относится к эпизоду подготовки приезда в Ленинград в 1934 г. в связи со смертью отца. В письмах юноши Свительского к Мелентьеву обнаруживается интерес к сочинениям Кузмина и открывается психологическое состояние пишущего, его порывистость и неуравновешенность. Все эти моменты и обстоятельства с очевидностью демонстрируют психологические предпосылки создания опыта эмоционалистской прозы, каким является КВ, — вне зависимости от того, играла теория Кузмина в этом роль или почти нет.

Халлиева Гулноз Искандаровна,

к. ф. н., докт., Институт языка и литературы им. Алишера Навои АН
Республики Узбекистан

Среднеазиатско-тюркская поэзия в русском литературоведении первой половины XX века

Видные деятели русской филологической школы — В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский, В. В. Радлов, А. Н. Самойлович, Е. Э. Бертельс — вывели востоковедение России в первые ряды мировой науки. Эта блестящая плеяда ученых создала фундаментальные исследования, положив в ряде случаев начало развитию новых отраслей науки, в частности тюркологии. Объем изданных и неизданных статей по тюркской литературе свидетельствует о сборе и анализе ценных сведений, имеющих важное значение для науки. Благодаря настойчивости и энтузиазму российских филологов была проделана значительная научная и научно-организационная работа по изучению творчества Алишера Навои (1441—1501) и Бабура (1483—1530). А. Н. Самойлович, И. В. Стеблева, Г. Ф. Благова внесли значительный вклад в ознакомление с содержанием творений Бабура мировой общественности. А. Н. Самойлович (1880—1938) — разносторонний творческий деятель, тюрколог, один из ученых, наиболее исследовавший тюркскую литературу. Он более интересовался «неисчерпаемыми богатствами материалов по тюркологии, большей частью неизданных и не обследованных, в особенности рукописными сокровищами». Е. Э. Бертельсу (1881—1957) принадлежит заслуга последовательного и систематического изучения творчества Алишера Навои. На основе теории компаративистики ученый сравнил тюркскую поэзию с персоязычной поэзией с целью доказать оригинальность и поэтическое мастерство тюркских авторов. В научном труде «Навои и Аттар» он опровергнул методологическую ошибку западноевропейских ученых о том, что Навои является эпигоном, подражателем персидской литературы. Сравнительные исследования ученого доказали, что Навои — великий поэт обладающий своеобразным талантом. «Сюжет, по мнению Е. Э. Бертельса, лишь основа, канва, по которым поэт вышивает свои пёстрые узоры», и чтобы объективно оценить поэта, надо обратить внимание именно на эти узоры. Каждая заслуга российских филологов-востоковедов заслуживает большего и развития их научных направлений.

Чеснялис Полина Анатольевна,

асп., Новосибирский государственный педагогический университет

Природа — человек — цивилизация в ранней лирике Михаила Зенкевича

Михаил Зенкевич уже в первой своей книге «Дикая порфира» проявляет интерес к природным феноменам, в число которых входит человек. При этом человек оценивается двояко: он ущербное творение природы, ее «тощий отпрыск» и он же — ее полноправный наследник.

Лирический субъект М. Зенкевича осознает свое родство с вечной живой материей, но при этом постоянно вынужден его доказывать. Среди стратегий, к которым он прибегает, отчетливо выделяются те, что нацелены на поиск соприродного в человеке.

Сила, агрессивность и способность к творчеству — важнейшие качества, полученные от самой природы. Но их наличие приводит к соперничеству человека с породившим его абсолютом.

В связи с вышесказанным, интересным представляется рассмотрение цивилизации как «сугубо человеческого» творения. Полное противопоставление природы и цивилизации ставится под вопрос.

Шестакова Татьяна Анатольевна,

к. ф. н., преп., Академическая гимназия

Санкт-Петербургского государственного университета

Пасторальная модальность в рассказе С. Д. Кржижановского «Состязание певцов»

С. Д. Кржижановский известен как мастер аллюзии. Семантическая глубина его миниатюрных и, на первый взгляд, весьма «прозрачных» рассказов создается многими способами, в том числе посредством аллюзий на ряд претекстов. Сказанное относится и к «Состязанию певцов», где содержатся как эксплицитные, так и имплицитные отсылки к нескольким литературным и музыкально-литературным источникам. В рассказе звучит тоска по ушедшей, исчезающей, почти исчезнувшей душевности, гуманности в новую, суровую эпоху. Антитеза современности (железного века) и прошлого (золотого века) проводится как в этическом, так и в эстетическом плане: нехватка эмоциональности, искренности ощущается не только в жизни, но и в искусстве. Это противопоставление создается с помощью семантической оппозиции *железное/золотое* в различных вариантах и с помощью моделирования сюжетной ситуации «состязание певцов». Данная сюжетная ситуация весьма типична, что не исключает ориентацию автора на конкретные источники. Разумеется, на первый план среди претекстов выдвигается опера Вагнера «Тангейзер» — благодаря слушанию ее персонажами «Состязания певцов», заглавию текста-рецепиента и теме любви — одной из основных тем обоих произведений. Однако хронотоп «музыкальной» ситуации отсылает одновременно и к пасторальной традиции. В качестве источников, задающих в рассказе буколическую ретроспективу, можно назвать буколики Феокрита, эклоги Вергилия, а также целый ряд текстов, содержащих пасторальный элемент, в которых обнаруживается взаимосвязь лейтмотивов *любви, пеня песен и золотого века*. На скрещении различных текстов-источников и формируется проблематика «Состязания певцов»: если в «Тангейзере» перед певцами ставился вопрос о сущности любви, то в рассказе он трансформируется в вопрос о насущности любви в новую эпоху: нужна ли она, востребованы ли высокие, нежные, да и вообще — чувства в жестокие времена? Не изменилась ли и не должна ли измениться в соответствии с новой эпохой система ценностей?

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ: ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ

Epstein Thomas / Эпстайн Томас,

к. ф. н., проф., Boston College

Этика и эстетика в прозе Беллы Улановской

Переплетение этики и эстетики составляет основу поразительного достижения Беллы Улановской. Какое добро и какую красоту можно обнаружить в советском мире, который описывается рассказчиком как разрушенный, оскверненный и несправедливый, а сам рассказчик повсюду чувствует свою отъединенность, хрупкость и смущение? Вместо того, чтобы воспарить в дали мифотворчества, как это сделали многие ее «неофициальные» писатели-современники, Улановская, напротив, «заземляет» свою прозу, обращаясь к эстетике чуткости, сострадания, слабости. Сочетая прямое высказывание, анализ, воспоминания и размышление, рассказы и повести Улановской исследуют разоренную деревню, отчужденный город, изменчивое, непостоянное «я». Эта проза обходится без нагнетания драматизма, повествовательных приемов и персонажей в традиционном смысле; она сосредоточена на мгновении, которое проходит, но не исчезает полностью; на переживаниях, которые оставляют неизгладимый след, а потом улечиваются; на языке и литературе, которые преследуют подобно наваждению, обессиливают и служат опорой. Одновременно авангардное и народное, изощренное и простое, запутанное и прямое, творческое наследие Беллы Улановской — небольшое по объему, но чрезвычайно насыщенное, — как в миниатюре, отражает глубочайшие тенденции ленинградской неофициальной культуры 1960–1970-х годов.

Азере Дина Агровна,

докт., Даугавпилсский университет

Пространственные модели в путевом очерке В. Некрасова

1. Природа и функции жанра путешествия в «оттепельной» парадигме.
2. «Раннеоттепельная» пространственная модель мира В. Некрасова в путевых заметках «Первое знакомство».
  - 2.1. Экстравертная пространственная модель (культура).
  - 2.2. Интровертная пространственная модель (частный человек камерного пространства; Топосы Сталинграда и Парижа).
3. «Позднеоттепельная» пространственная модель мира в путевых заметках «По обе стороны океана».
  - 3.1. Разрушение модели единого культурного пространства (модель мира изолированных топосов).
  - 3.2. Принципиальное изменение интровертной пространственной модели (снятие системы связей уровня частного человека; невозможность выражения принципиальной оттепельной категории «искренности»).

Андрианова Мария Дмитриевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

Эксперименты с жанром утопии в творчестве В. Пелевина

Жанр утопии, получивший распространение начиная с эпохи Возрождения, за четыре века своего существования претерпел существенные изменения. Попытки воплотить в жизнь мечты об идеальном социальном устройстве, о всеобщем равенстве и братстве обернулись величайшими катастрофами XX в. Вместо веры в блага прогресса человек стал испытывать страх перед искусственным разумом, могущим поработить человечество, вместо веры во всеобщее равенство — страх перед тоталитарными режимами. Осознание того, что человечество не меняется в лучшую сторону на протяжении веков, а только придумывает более изощренные способы мучения себе подобных, стало одной из причин того, что утопию в XX в. практически вытеснила антиутопия. В эпоху постмодернизма, для которого характерно недоверие ко всем большим нарративам, великим идеям, проектам всеобщего счастья, разочарование во всех видах социального реформаторства и в человеке как возможном носителе идеала, возрождение утопии как жанра на первый взгляд представляется невозможным. Однако именно в эту эпоху тотального разочарования человек, может быть, как никогда нуждается в идеале, жаждет поверить хоть во что-нибудь светлое и прекрасное. Русскому постмодернизму, в отличие от западного, в большей степени присущ дидактизм: несмотря на заложенную в текстах интенцию разрушения всех иллюзий, принимаемых за реальность, в них, однако, отчетливо просматриваются горизонты утопии. В докладе на примере творчества В. Пелевина рассмотрен образ постмодернистской утопии.

Баранова Анна,

асп., Новосибирский государственный педагогический университет

Поэтическая генеалогия А. Кондратова: проект собрания сочинений «Мои “Троицы”»

А. М. Кондратов (1937—1993) — поэт, прозаик, драматург ленинградского литературного андеграунда, ученый, переводчик и журналист. В новейшей истории литературы определяется одним из участников поэтической группы 1950—1960 гг. «Филологическая школа».

На данный момент единственным источником, который дает более-менее полное представление об объеме и основных тенденциях поэтического (ровно как и прозаического) творчества АК — это его проект собрания сочинений под названием «Мои “Троицы”» (точный год его создания неизвестен; скорее всего, это 1960—1970-е гг.). Важной характеристикой творческой стратегии АК является **сознательное планирование собственного творчества**: прогнозируется не только состав собрания сочинений, но и точное количество текстов в пределах свехтекстовых единств: книг, сборников, циклов. Приблизительный объем поэтического творчества АК, согласно проекту, — 4 тома по 1000 стихотворений, то есть приблизительно

4000 текстов, однако установить действительную величину можно только путем тщательного изучения архива писателя.

Согласно «программному» тексту, автор мыслит себя и свое поэтическое творчество в проявлении трех стратегий (по АК, «ликов») — «лирической», «экспериментальной» (авангардистской) и «сатирической» (иронической). Тенденция к артикулированности и желание вписать себя в историю русской и мировой литературы, проявляется и в создании *поэтической генеалогии*, которая также зафиксирована в «Моих „Троицах“». Своими предшественниками в поэзии АК называет поэтов («великих поэтов») *Данте, Миларепу и Хлебникова*, а в частной генеалогии возводит свое творчество к *кубофутуристам, обзриутам и неофутуристам* 1950-х гг. («основателям» «филологической школы»).

Таким образом, своим программным текстом АК задает модус восприятия всего творчества: фигуры, значимые для автора, находят свое отражение в темах и приемах отдельных томов, книг и циклов в рамках проявления авторских стратегий.

Боева Галина Николаевна,

к. ф. н., доц., Невский институт языка и культуры

Об одной сюжетно-стилевой реминисценции
(«дети-убийцы» у Л. Андреева («Красный смех»)
и З. Прилепина («Черная обезьяна»))

Повесть З. Прилепина «Черная обезьяна» (2011), по одной из версий, лучшего писателя десятилетия (лауреат премии «Супер-Нацбест» (2012)), породила в критике множество параллелей, от Л. Леонова и М. Горького до братьев Стругацких, кроме, возможно, самой главной. И даже не параллели, а зерна, из которого, вероятно, и вырос прилепинский роман — пятнадцатого отрывка повести «Красный смех» (1904) Л. Андреева. Сюжетный стержень романа Прилепина — связанные логикой авторского замысла образы зловещих детей-убийц в разных временных блоках / пластах текста: дети-мутанты, ставшие объектами изучения в секретной лаборатории; детские воспоминания героя об убийстве голубей на чердаке; подростки, вырезающие подъезд жилого дома в подмосковном городке; таинственные «недоростки», истребляющие древний город; дети-воины, безжалостно уничтожающие миротворцев в африканской глубинке. В повести «Красный смех» дети-убийцы — кошмарный сон, привидившийся одному из двух братьев-рассказчиков. В духе зловещего абсурда экспрессионистской поэтики своей повести Андреев выворачивает семантику освоенного русской литературой образа ребенка/детей: из жертв они превращаются в вездесущих неумолимых убийц. Кстати, гуманистической традиции в изображении детей Андреев отдал щедрую дань в своем раннем творчестве, поскольку изображение детства позволяло ему моделировать пограничные состояния — излюбленные андреевские ситуации. Все же стилистика сна-кошмара в «Красном смехе» не дает Андрееву оскорбить гуманистическую традицию — иное дело у Прилепина. Жестокие флэшбэки и вставные новеллы

с участием детей-убийц — свидетельство «безумия и ужаса» реальности, если под реальностью понимать реальность экзистенциального опыта героя. Жанрово-смысловое постижение романа Прилепина критиками вылилось во множество формулировок. Психологический триллер? Детектив? Псевдоисторическое фэнтэзи? Политический памфлет? Фантастика? Гротеск? Пародия? Апокалиптическое видение?

Большев Александр Олегович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Трактат о человеке в «Зоне» С. Довлатова

В «Зоне», первой книге С. Довлатова, без труда обнаруживаются особенности, которые зачастую признаются издержками ученичества. Буквально на первых же страницах автор, пересказывая историю создания книги, отмечает, что первоначально рукопись представляла собой «хаотические записки, комплект неорганизованных материалов», затем он безуспешно попытался издать ее «в качестве сборника рассказов», а итоговый вариант «Зоны» стал результатом кропотливой работы по превращению «неорганизованных материалов» в единое сюжетно-композиционное целое. Следствием подобного рода фрагментарности, раздробленности повествования стала очевидная стилевая и идейно-концептуальная эклектичность «Зоны». Печатью эклектики отмечен образ «лирического героя» произведения — Бориса Алиханова. Алиханов ведет себя крайне непоследовательно и противоречиво, причем метаморфозы персонажа зачастую определяются не объективной логикой развития характера, но главным образом перемещением его, по ходу развертывания сюжета, из одного достаточно самостоятельного текстового сегмента в другой. В результате ничем не мотивированного абсурдного сосуществования противоположных и практически не коррелирующих друг с другом ипостасей личности Алиханова этот герой оказывается неким подобием двуликого Януса. Эклектичность «Зоны» зачастую объясняют неопытностью молодого автора. Однако если первоначальный вариант «Зоны» был действительно написан рукою юного дебютанта, то к публикации текст книги готовил уже зрелый мастер. Напрашивается предположение, что Довлатов не стал выправлять собственные ученические издержки по какой-то серьезной и основательной причине. Как представляется, это произошло потому, что обусловленная данными издержками эклектичность оказалась в какой-то мере адекватной новой, сформировавшейся у него к началу 1980-х художественной философии.

Валиева Юлия Мелисовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Некоторые замечания о раннем творчестве Александра Кондратова

Доклад посвящен творчеству Александра Кондратова периода его вхождения в круг поэтов «филологической школы». В центре внимания — протомодели композиционного развертывания текста. При анализе общей

структуры поэтических текстов сб. «Части речи» особое внимание уделяется роли грамматического уровня. Рассматривается механизм трансформации учебных текстов по русскому языку в текст художественного произведения. В семантике ранних прозаических текстов Кондратова определяющую роль играет их прагматическая направленность, которую следует прочитывать в парадигме действ-перформансов «круга М. Красильникова» (Э. Кондратова, Ю. Михайлова, В. Уфлянда, М. Ерёмина, Л. Виноградова и др.) 1955—1956 гг., построенных на обыгрывании устойчивых форм советской коллективной обрядовости через буквализацию и механизацию жеста. В повести Кондратова «Там, за стеной» одним из ведущих художественных приемов становится обнажение схемы биполярной модели, лежащей в основе шаблонов советской риторики.

Воробьева Евгения Исааковна,

к. ф. н., доц., Московский городской педагогический университет

«Толстые» литературные журналы: конструируя «мейнстрим»

В современной литературной ситуации статус и функция толстых журналов очень часто становятся поводом для споров. Спектр мнений участников литературного процесса широк — от полного отрицания их роли («потеряли былое влияние», «несовременны») до горячей защиты («единственная инстанция профессиональной легитимации литератора» и т. п.). Обе этих точки зрения опираются, однако, на «моноцентричное» представление о «литературной конструкции» («поле литературы»), которое, как нам представляется, конструируется и поддерживается именно толстожурнальным сообществом. В докладе толстые журналы как институт и сообщество будут проанализированы в социолого-литературном аспекте. Будут показаны характерные для данного типа изданий стратегии конструирования литературной реальности, исходящие из категории «мейнстрима» — единого ценностного и смыслового «центра» литературного пространства.

Гельфонд Мария Марковна,

к. ф. н., доц., Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Поэтическая авторефлексия Арсения Тарковского

1. Поэзия А. А. Тарковского представляется недостаточно изученной на фоне соразмерных ей явлений русской лирики. Это определяется как объективными причинами (отсутствие научного издания), так и субъективной сложностью поэтики А. Тарковского, в основе которой лежит ассоциативное смещение лексических границ, почти неуловимые семантические сдвиги, для осмысления и описания которых необходимо выработать определенный научный язык.
2. В этом контексте особенно важным представляется внимание к поэтической авторефлексии А. Тарковского. В частности, очевидно, что

через все его творчество проходит ряд образов, описывающих процесс поэтического творчества: «словарь», «рифма», «пение», «слово», «музыка», «перекличка». Большая часть этих слов образует устойчивые мотивы, связанные с метаморфозами природного бытия и архаического бытия человека (птичье пение — стрекотание кузнечика — строительство дома — рождение стихотворения). Одним из центральных мотивов лирики Тарковского является осмысление Вселенной как «книги» или «каталога», язык которой необходимо изучить или «перевести» на земной язык. Отсюда — сакрализация словаря и рифмы как маркера поэтической речи.

3. Биографический миф А. Тарковского предполагает ряд проекций: мифологических, библейских (по преимуществу ветхозаветных) и природных. В основе каждой из этих проекций лежит синкретизм природного бытия и поэтического творчества. При этом сущность поэтического творчества состоит не в синтезе, а в «расколе» («Державу природы / Я должен рассесть / На песню и воды, / На сушу и речь»), а в споре «природы» и «словаря» задача поэта — дарование вещам имени. В поэтическом мире, выстроенном по законам мифологической архаики, мир предстает не сотворенным, а постоянно творящимся, переживающим цепь метаморфоз, и функция поэта состоит в том, чтобы запечатлеть и назвать их.

Жаравина Лариса Владимировна,

д. ф. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет

**Вербально-визуальная компаративистика на границе столетий:
Варлам Шаламов / Сальвадор Дали**

Благодаря проникновению постулатов постклассической методологии, в частности синергетики, в область гуманитарного знания, сфера компаративистских наблюдений на границе XX—XXI столетий значительно расширилась. Излишне доказывать целесообразность обращения в этой связи к искусству как в вербальных, так и визуальных модификациях, поскольку они обладают главными характеристиками сверхсложных систем. Предметом анализа является неосуществленная (и неосуществимая по законам рационально-позитивистской каузальности) «встреча» В. Шаламова и С. Дали в интеллектуально-художественном пространстве европейской культуры. Разумеется, вышеозначенная параллель может быть реализована только на языке «вероятностной семантики» (В. Налимов), на базе нелинейных представлений. Рассмотрен процесс вероятностного художественного моделирования в семантическом поле виртуала, под которым имеется в виду не техногенный артефакт, но философское учение о «бытии-возможности» (Николай Кузанский). В итоге по-новому осмыслены факты биографического порядка (вплоть до ономастики), выделены общие эстетические параметры, показана однотипность психо-мотивационной матрицы, обусловившей «открытость» (У. Эко) произведений обоих мастеров и необходимость читательского «сорботничества». Все это нашло

выражение в специфике проявления личностного начала в творчестве и в конкретных мотивно-образных параллелях и схождениях писателя и художника. Затрагиваются проблемы художественного воплощения безобразного и ужасного в их «совершенной» форме — как абсолютного зла, феномен палимпсеста, «оцифровка» сознания, визуализация трагического бреда, апокалиптическая символика, автоматическое письмо, танатологические образы, явления духовной трансгрессии и др. В теоретическом отношении углубляется эвристический потенциал компаративистики; в историко-литературном — пересматривается взгляд на творчество В. Т. Шаламова как представителя «лагерной» литературы в узко позитивистском истолковании.

Закутняя Ольга Валерьевна,

к. ф. н., Институт космических исследований РАН

Сказочный код «Обитаемого острова» братьев Стругацких

Наиболее известные произведения братьев Стругацких, явно относящие читателя к сказочной традиции, — «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о Тройке». Но элементы сказки в творчестве писателей используются гораздо чаще.

Первая глава повести «Обитаемый остров» включает много явных и скрытых сказочных элементов, которые образуют стройную систему, делая главу замкнутой по используемому в ней «коду». Поскольку это глава-экспозиция, содержащая основную коллизию повести (главный герой Максим попадает на планету Саракш и теряет возможность вернуться на Землю), то можно предположить, что этот «код» будет так или иначе использован и в дальнейшем повествовании.

К сказочным элементам, используемым явно, относится, в первую очередь, уподобление происходящего сказочному путешествию ради спасения заколдованной царевны. К скрытым сказочным элементам можно отнести методы описания (в частности, одушевление техники), некоторые элементы стиля (троекратное повторение) и общее построение сюжета, который можно уподобить первой части волшебной сказки до попадания героя в царство мертвых. Максим теряет связь с родным домом (Землей) — выходит на дорогу — входит в лес — попадает к проводнику в царство мертвых (условная изба бабы-яги — «дом» каторжников).

Два момента особенно важны. Первый: в первой главе повести появляется сказочная вневременность и замкнутость происходящего, которые становятся ключевыми понятиями для событий повести (планета Саракш застыла в одной исторической эпохе). Второй: сказочные элементы не только вводятся в повествование, но и эксплицитно пародируются, что необходимо осмыслять в рамках рефлексии над сказочной условностью как типом мышления. Поступки Максима, осмысляемые как поступки волшебного героя, в каждой части повести оборачиваются своей противоположностью, отрицая саму возможность личного героизма для спасения мира. Таким образом, проведенный анализ позволяет назвать первую главу «микромоделью» повести в целом.

Золотухина Олеся Юрьевна,

к. ф. н., доц., Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнева (Красноярск)

К проблеме интерпретации названия романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»

На сегодняшний день тема Великой Отечественной войны вызывает к себе пристальное внимание российской общественности. Существуют две крайние точки зрения относительно победы в этой войне. В романе «Прокляты и убиты» В. П. Астафьев категорически отвергает идею, на которой базируется первая крайняя точка зрения. В произведении показано, что победа была одержана вопреки, а не благодаря советскому режиму. Вторая точка зрения: о советской победе, но поражении русского народа в ВОВ — не отражается в романе В. П. Астафьева. Народ в произведении «Прокляты и убиты» победил, но страшной ценой, о которой, по мысли писателя, никогда нельзя забывать. Анализ основных интерпретаций названия романа В. П. Астафьева показывает, что все они, кроме тех, в которых говорится об авторском проклятии защитникам сатанинского государства, являются вполне адекватными тексту произведения. Однако если рассмотреть название «Прокляты и убиты» в духовном аспекте, то можно обнаружить в нем некоторые дополнительные смыслы, связанные с осмыслением войны как явления метафизического и темой духовной гибели. Название «Прокляты и убиты» включает в себя многоаспектный смысловой комплекс, к которому сходятся основные идеи романа, связанные с авторской концепцией войны. С одной стороны, война изображается в романе как кара Божья советской стране, отказавшейся от Бога, а потому проклятой, осмысляется как экзистенциальное испытание, в результате которого герои выявляют свою сущность, осознают значимость защиты своего Отечества и обретают веру в Бога, во многом благодаря которой страна и смогла победить. С темой проклятия оказывается связанным и концепт предательства русского народа советской властью. С другой стороны, В. П. Астафьев изображает войну как братоубийственную деятельность, направленную против Бога, искажающую в людях образ Божий, обрекающую всех, в ней участвующих, на совершение зла и на духовную гибель. А это значит, что не должно быть войны на земле.

Кукуй Илья,

преп., Университет Людвиг-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

Взгляд со стороны: современная русская литература, немецкоязычная славистика и книжный рынок немецкоязычной Европы (1970–2000)

Синхронная рецепция русской литературы в немецкоязычном пространстве в последней трети XX в. только становится темой отдельного изучения (см. проект Humboldt-Universität Berlin «Процессы канонизации

в (пост)советской России: транснациональный фактор», в рамках которого осуществляется данный доклад). Значительная роль Австрии, Германии (до 1990 г. — ГДР и ФРГ) и немецкоязычной Швейцарии в адаптации и одновременно утверждению русского литературного канона вызвана целым рядом причин. Прежде всего следует отметить привилегированное положение книжного рынка Восточной Германии при публикации современной российской литературы и в то же время очевидные идеологические ограничения, от которых были избавлены издательства Западной Германии, конкурирующие со своими коллегами из ГДР. Эти сложные симбиотические отношения конкуренции и сотрудничества представляют собой единственный в своем роде феномен. Важным фактором культурного обмена стали также тесные контакты с Россией славистов из немецкоязычных стран, проходивших стажировку либо работавших в СССР и взявших на себя роль посредников в публикации произведений современной русской литературы на Западе, зачастую в своих переводах (Л. Ульвари, С. Хэнсен и Г. Витте, Ф. Ф. Ингольд и др.). После перестройки именно немецкоязычная Европа, прежде всего Германия с ее оперативно созданной и богатой сетью фондов, стипендий, грантов и литературных фестивалей стала своеобразной стартовой площадкой для многих российских литераторов в их выходе за границы книжного рынка России. Был ли этот процесс вызван исконным интересом немецкоязычной читательской аудитории к России как «подсознанию Запада» (Б. Гройс) или, напротив, явился стимулом к освоению новой литературной карты России — ответу на этот вопрос будет посвящено настоящее сообщение, как и причинам возникновения целого ряда культурных стереотипов по обе стороны границы.

Минеева Инна Николаевна,

к. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Эмиграция как сюжет в русской литературе на рубеже XX—XXI вв.
(З. Зиник и К. Кобрин)

Несмотря на внешние социально-политические факторы (падение «железного» занавеса, отсутствие жесткой цензуры), сегодня наблюдается мощный процесс активизации и развития «эмигрантского комплекса» русской литературы. Наблюдается процесс переосмысления понятий эмиграции, интеллектуальной/литературной эмиграции (от эмиграции как игры со смертью, «добровольного самоубийства», «двойной географии», свободы, «другого языка и речи» к эмиграции как творческому акту), миграции, экзистенциального статуса, самоидентификации (писатель эмигрант — экспатриант — турист — номад) и миссии писателя, уехавшего из страны (показательны эволюция З. Зиника от «хранителя и продолжателя русской культуры» к «переводчику между Россией и Западом» и пример К. Кобрин как «диагноста» Европы конца нулевых). Судьба писателя становится эмигрантским сюжетом. Появляются новые интерпретации «классических» тем, типы героев и художественные стратегии. Эстетические границы современной литературы русского зарубежья открыты.

По сравнению с представителями первой, второй и третьей волн русской эмиграции современные писатели не противопоставляют себя своим предшественникам. Напротив, между волнами (З. Зиник — К. Кобрин) прослеживается творческая преемственность. Сохраняя и развивая реалистические, авангардные, постмодернистские традиции, писатели находятся в поиске новых форм самовыражения. Изменился характер бытования эмигрантского текста, его отношения с нелитературными дискурсами (историей, философией, антропологией, политикой). Концепция эмиграции существует вне зависимости от политической системы в России и за ее пределами. Она определяется не столько политическими, сколько иными, философскими, экзистенциальными факторами и мотивами. В этом смысле русская литература в эмиграции еще только начинается.

Орлицкий Юрий Борисович,

д. ф. н., Российский государственный гуманитарный университет

Александр Кондратов: диапазон художественного эксперимента

Выдающийся представитель ленинградской филологической школы Александр Кондратов использовал в своем творчестве широчайших спектр художественных форм, как традиционных, так и экспериментальных. Прежде всего это касается его стиха: наряду с традиционной силлаботоникой, поэт обращается также к силлабике, свободному стиху, брахиколону; активно использует традиционные строфические формы — сонеты, терцины и т. д. Кроме того, следует особо отметить разнообразие визуальных средств, использовавшихся в произведениях Кондратова: минималистские формы, строящиеся на замене текста его «немыми» эквивалентами, введение пиктограмм, активизацию внешней визуальной формы текста.

Павловец Михаил Георгиевич,

к. ф. н., проф., Московский городской педагогический университет

**Книга Александра Кондратова «Конкреции»
как опыт русского конкретизма**

«Конкреции» — так должен был называться четвертый том полного собрания сочинений А. Кондратова, замысел которого в полной мере так и остался неосуществленным. «Конкреции» мыслились автором как собрание текстов экспериментального характера: в «Моих тролицах» Кондратов говорит о трех своих «поэтических ликах»: «Три поэтических лика: поэзия лирическая («Лам» — Путь) — поэзия сатирическая («Скирли») — поэзия экспериментальная («Пузыри» + «Конкреции» и «Программы»»). Название тома позволяет соотносить его с опытами поэзии европейского и американского конкретизма: действительно, большинство текстов представляют собою опыты конкретистского комбинирования текстовых элементов различных уровней, использование приемов пермутации, опредмечивания словесного знака (вплоть до использования своего рода словесного ready

made), визуализации текста и др. Сама же книга, в свою очередь, является частью масштабного и, конечно, утопического по своему замыслу проекта Александра Кондратова по заполнению в одиночку всех мыслимых им кластеров авангардной поэзии, от ее минимальных («нулевых» и «пустотных» форм) до постулируемого Кондратовым «кибернетического моделирования творчества (в рамках предельно формальных поэтических форм, вроде палиндрома, брахиколона и т. д., где отбор сов<ершенно> строго задан самой формой стихотворения)» (см. «Приложение к автобиографии А. Кондратова 6 января 1977» — ОР РНБ. Ф. 1438. Е. х. 1. Л. 9.)

Панкратова Елена Владимировна,
фриланс

К вопросу о концепции искусства
в неофициальном культурном движении
(по материалам журнала «Часы» в 1970–1980-х годах)

В докладе проводится сопоставление концепции искусства неофициального литературно-художественного движения 1970–1980-х годов с теорией соцреализма. Для того чтобы определить характер и особенности философии «Второй культуры», нужно рассмотреть не только саморепрезентацию андеграунда, но и его соотношение с ближайшим контекстом, т. е. с официальной идеологией. Задача данного исследования — определить точки соприкосновения и основные пункты расхождения теории искусства «второй культуры» и соцреализма. В качестве объекта исследования были выбраны статьи Б. Иванова, опубликованные в самиздатовском журнале «Часы»: «Две ориентации. Общество», «Возвращение парадигмы», «По ту сторону официальности» и др., в которых выражается философия независимой культуры. С одной стороны, в данных работах декларируется онтологический характер разделения авторов на официальных и неофициальных, что продиктовано неизменным наличием в обществе социального и за-социального типов. Но, с другой стороны, в близком ключе с позицией соцреализма рассматривается функция литературы, зависимость качества произведения от мировоззренческих взглядов автора, априорные свойства культуры. Положение о том, что культура делится на два вида, выдвинутое Б. Ивановым в качестве объяснения происхождения независимого движения, сходно с позицией официальной идеологии — представлением об одновременном присутствии во все эпохи реакционного и прогрессивного искусства. Еще одной точкой соприкосновения концепции Б. Иванова и официальной теории было приписывание искусству утилитарной функции: литература служила целям преобразования человека, что должно было привести к построению гражданского общества. При внешнем противостоянии две культуры обнаруживают единство в отношении к задачам искусства: оно направлено на достижение утопического будущего, но, исходя из представления о его социалистическом или демократическом характере, простирается дальнейшее расхождение теорий.

Полякова Наталья Александровна,

к. ф. н., ст. преп., Пермская государственная академия искусства и культуры

Жанр рассказа в русской литературе рубежа XX—XXI вв.

Русский рассказ рубежа XX—XXI вв., сохраняя в целом традиционную жанровую форму, характерную для классической русской литературы, имеет ряд особенностей, связанных с общими тенденциями современного литературного процесса в России. Это такие особенности, как стремление к циклизации, самовыражению субъекта речи и авторского сознания, наличие лирического, личностного, начала, углубление психологического анализа.

Рассказ — традиционный жанр русской литературы, тяготеющий к зарисовке, наблюдению, очерковому схватыванию переломных моментов бытия. На протяжении XX в. именно этот жанр подвергся наиболее интенсивному развитию, начиная с А. Чехова и продолжая современными авторами, такими как А. Пятигорский, Д. Пригула, Д. Быков, М. Шишкин и др.

Эпоха рубежа веков всегда оказывалась полем для художественного эксперимента, как для модернизма, так и для постмодернизма. Тенденции последнего десятилетия во многом напоминают литературную ситуацию в России столетней давности. В первую очередь — возможностью свободно реализовывать авторский стиль.

Можно с уверенностью констатировать «ренессанс» жанра рассказа в русской литературе последних десятилетий. Этому способствует как перемена литературных установок в целом, так и гибкость, податливость рассказа как жанра, его готовность ответить вызовам времени.

Саббатини Марко,

к. ф. н., доц., Мачератский университет (Италия)

Поэтика Виктора Кривулина на фоне самиздата 1980-х гг.

В начале 1970-х годов неофициальная культурная среда в целом осознала себя как единое движение, противоположное официальной культуре и проявилась борьба свободного слова с властью. В этом контексте особое внимание привлекает Виктор Кривулин, один из наиболее известных и выдающихся представителей подпольной литературы Ленинграда той эпохи. Этот поэт ощущал поэзию «...как бесконечный разговор, диалог, хор, соборное какое-то звучание». Для него ощущение «анонимности в этом хоре...» явилось важной чертой собственной поэтики и началом всего ленинградского подполья. Знаменитое сравнение поэта «Дух культуры подпольной, как раннеапостольский свет» выражает особый метафизический и религиозный пафос в интонации, выделяя такие качества как приватность и подчеркнутую независимость. В сопротивлении «подпольного» литературного героя В. Кривулин показывал всю значимость антропологической функции «второй культурной действительности» 1970-х гг. Поэзия 1980-х представляет новый этап его творчества. В. Кривулин предчувствует масштабные перемены в обществе и во внутреннем состоянии советского человека. Накануне этих перемен поэт понимает, что наступает

время распада власти и общества и самой диалектики советской культуры (официальной и неофициальной). В творчестве поэта второй половины 1980-х гг. возникает ощущение исчезновения самой подпольной культуры и чувство безысходного «культурного» одиночества. Виктор Кривулин сумел передать отчужденность новой эпохи, и это особо заметно в цикле стихотворений «Новое зрение» (1986). Обращая особое внимание на творчество поэта сквозь призму самиздатских публикаций 1980-х гг., цель данного доклада — показать творческое развитие Виктора Кривулина в течение последнего десятилетия советской эпохи.

Сафьер Элен-Анри,

к. ф. н., доц., Университет Париж-Сорбонна (Франция)

К вопросу о переводе интертекстуальности
в современном русском авангардном произведении,
на примере перевода на французский язык текста
Льва Рубинштейна «Домашнее музицирование»

Из всех проблем, которые возникают при переводе русской современной литературы, особенно остро стоит вопрос перевода интертекстуальности. Там, где «второй» текст узнаваем и причастен к общему фонду всемирной культуры, сохранить и перевести аллюзию как-нибудь можно. Но там, где налицо отсылка к специфике русской культуры, довести «второй уровень» стиха до неосведомленного, «глухого» французского читателя оказывается почти невозможным. Это особенно затруднительно в двух случаях: 1) когда аллюзия касается «большого текста» русской поэзии, и 2) когда ключом к тексту и основой его системы смыслов служит скрытая политическая аллюзия. В качестве примера я выбрала текст Льва Рубинштейна, автора, которого я лет двадцать перевожу и издаю. «Полное собрание текстов на карточках» Рубинштейна выйдет в конце года во Франции в моем переводе в издательстве «Вердье».

Умеров Шамиль Гамидович,

к. ф. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Фигура технократа в романах
А. Солженицына, В. Гроссмана, А. Бека, В. Пелевина:
интерпретация социально-психологического типа

Проведенное исследование подтвердило непреходящую актуальность представлений о банализации зла, впервые высказанных Ханной Арендт. Привычнее относить совершаемые в наш век злодеяния к личной предрасположенности насильников и диктаторов, однако легкость, с которой социальные и иные обстоятельства могут побудить вполне здравомыслящих людей совершать ужасающие поступки, убеждает в несостоятельности такой точки зрения. Зло банализировалось, потому что в индустриальную, а тем более в технотронно-информационную эпоху вопрос о существова-

нии огромных масс людей, с одной стороны, перестал быть привилегией «сильных мира сего», а с другой — сильно упростился в техническом отношении. Зло стало массовым. Началось это еще в XIX в., но полномасштабно проявилось тогда, когда уничтожение людей смогло быть поставлено на рельсы промышленных технологий логистикой ГУЛага и Холокоста, депортациями народов и Хиросимой... Тип личности, который занимает все более значительное место в политической и социально-экономической жизни разных государств, — сугубый технократ, у которого есть одна цель в жизни: сделать карьеру с помощью своих технических знаний и организационных способностей. Черты этой личности, порой противоречивые, чрезвычайно выразительно воссоздаются и интерпретируются в романах А. Солженицына («В круге первом»), В. Гроссмана («Жизнь и судьба»), А. Бека («Новое назначение»), В. Пелевина («Generation П») и др. Отсутствие особой восприимчивости, моральных предрассудков, претензий на тонкость духовного мира, а также быстрота, с которой технократы приспособляются под свои нужды сложную и нередко страшную технологию нашего века, позволяют этим, в сущности, заурядным людям достигать немислимых результатов.

Фещенко Владимир Валентинович,

к. ф. н., с. н. с., Институт языкознания РАН

О двух дневниковых формах антисоветского романа:

утопия Е. Замятина «Мы» и травелог Э. Э. Каммингса «Я есмь»

В докладе будут сопоставлены два гибридных романа раннего советского времени: антиутопия Е. Замятина «Мы» и дневник-травелог американского поэта Э. Э. Каммингса «ЭЙМИ, или Я есмь». Оба текста содержат в себе язвительную сатиру на раннее советское общество. Но если роман Замятина приобретает утопическую форму и повествует о воображаемом мире будущего Единого Государства, то в тексте Каммингса это «Единое Государство» описывается на основе документальных свидетельств пребывания автора в Советской России образца 1931 г. При этом оба текста выполнены в форме дневника — «записей» замятинского нарратора в первом случае и путевых заметок американского визитера — во втором. Роман «Мы» являет собой первый в истории образец антиутопии как жанра, в то время как экспериментальный травелог Каммингса моделируется как квазихудожественный, что также образует новый гибрид жанров. В основе модели «ЭЙМИ» — «Божественная комедия» Данте, а путешествие автора по «недочеловеческому коммунистическому государству» уподобляется спуску в ад — в «марксистский немир». Конфликт между лирическим Я поэта-авангардиста и коллективным МЫ советского общества порождает главную сюжетную линию «ЭЙМИ». В обоих рассматриваемых антисоветских романах используются техники психологического «потока сознания», что позволяет при их жанровой разнице (антиутопизм, с одной стороны, и «дневниковая» документальность, с другой) рассматривать их как модернистские нарративы. Роман Замятина впервые увидел свет

в английском переводе в США в 1924 году (а позднее, в 1931-м — на французском языке во Франции). Посетив СССР в 1931-м и выпустив свой «антисоветский» дневник-памфлет в 1933-м, Каммингс мог быть знаком с замятинской книгой (хотя подтверждений этому разыскать пока не удалось), поскольку вращался в нью-йоркских и парижских литературных кругах в 1920—1930-е гг.

Цимбал Ирина Сергеевна,

к. иск., проф., Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства

Замечали — по городу ходит прохожий?

(Заметки о мифопоэтическом мышлении поколения 1950-х)

1950-е гг. лишены не только точного, но и приблизительного терминологического обозначения. А между тем, это было время глобальных перемен в мировоззрении целого поколения. И выражались эти перемены, прежде всего, через лирическое мировосприятие. Поэзия стала кодовым языком коммуникации, или «паролем» по определению Л. Лосева. Камерные поэтические чтения, поэтические диспуты, поэтическое мировосприятие — отличительные приметы времени. Питательной средой служили также первооткрытия в искусстве (театре, музыке, кинематографе и пр.). И, конечно, поэтически театрализовалась среда обитания — Город, по которому «ходит прохожий» из знаменитого стихотворения Л. Мартынова.

Шерстнёва Екатерина Сергеевна,

асп., Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета

Стабильное и мобильное в лирическом тексте Глеба Горбовского.

К вопросу о текстологии поэтов-песенников

Было бы ошибкой утверждать, что Г. Я. Горбовский известен в первую очередь как поэт-песенник. В то же время большинство произведений этого автора, знакомых широкой публике, бытует именно в песенной форме. Многие стихотворения Г. Я. Горбовского изначально создавались как тексты песен, другие оказались подходящими для музыкальной обработки и были положены на музыку профессиональными композиторами или любителями.

Количество стихотворений, написанных Г. Я. Горбовским за 1990-е гг., едва ли не превосходит общее число лирических текстов этого автора за все предшествующие периоды творчества. Судя по машинописному датированному архиву стихотворений этого десятилетия, собранному Б. Тайгиным, практически ежедневно Г. Я. Горбовский пишет от пяти до десяти поэтических текстов. При этом, если для творчества Г. Я. Горбовского раннего периода характерны эксперименты с формой, в поэзии 1990-х эксплуатируются ставшие наиболее привычными, «комфортными» принципы текстопорождения, разработанные в предшествующие периоды.

В докладе мы рассматриваем разные редакции текстов 1990-х гг., как изданные, так и сохранившиеся в рукописях и машинописях. При наблюдении над характером изменений можно заметить, что текстовые элементы, включающие разночтения, чаще всего обнаруживают сходство на уровне фонетики. Также прослеживается стремление автора сохранить стабильность ритмического уровня. При этом смысловой уровень оказывается в наибольшей степени нестабильным. Варьирующиеся лексемы относятся к разным смысловым гнездам, часто состоят в отношениях антонимии.

На наш взгляд, такой творческий метод, при котором фонетический и ритмический уровень оказываются стабильнее смыслового, в принципе характерен для работы по созданию текстов с установкой на звучание.

Шилова Наталья Леонидовна,

к. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Кижские мотивы в рассказе Ю. Казакова «Адам и Ева»

Рассказ «Адам и Ева» был опубликован в 1962 г., в период, когда Ю. Казаков много бывал на Севере и много писал о нем. Траектория этих путешествий довольно подробно описана в знаменитом «Северном дневнике» писателя и прокомментирована исследователями, биографами и мемуаристами (Г. Горышин, И. Кузьмичев, Е. Галимова). Сосредоточены эти указания преимущественно вокруг поморских локусов (Белое море, Соловки, Лопшеньга). Гораздо меньшее внимание уделяется карельским реалиям, хотя и известно, что Казаков в Карелии в этих поездках бывал. Об этом свидетельствует в том числе и вошедшая в состав «Северного дневника» глава «Калевала», написанная в 1962 г. и посвященная именно карельским реалиям.

Примечательно, что в том же году у Казакова вышел рассказ, место действия в котором весьма напоминает остров Киж, хотя сам топоним ни в рассказе, ни в «Северном дневнике» не упомянут.

По сюжету художник Агеев отправляется на некий Сег-Погост, расположенный посреди северного озера и славный среди художников своей «многошатровой» деревянной церковью. Многие детали (остров в рассказе, к слову, напрямую назван «музейным») заставляют предположить, что прообразом казаковского Сег-Погоста стали Киж.

С этой точки зрения интересно прокомментировать значимые элементы художественного пространства рассказа и его топонимику (Сег-Погост, Кижма-остров, Малая Губа и т. д.), которые включают, с одной стороны, систему отсылок к местным реалиям, с другой — почти нигде прямо их не повторяют.

К Л А С С И Ч Е С К А Я   Ф И Л О Л О Г И Я, В И З А Н Т И Н И С Т И К А, Б А Л К А Н И С Т И К А

БАЛКАНИСТИКА, НЕОЭЛЛИНИСТИКА И ВИЗАНТИНИСТИКА

Ганенкова Татьяна Сергеевна,
м. н. с., Институт славяноведения РАН

Предлоги, используемые в современном
литературном македонском языке
для выражения косвенного объекта

В докладе исследуются предлоги, используемые в современном литературном македонском языке для выражения различных типов косвенного объекта: адресат (выражается специальной грамматикализованной *на*-конструкцией), реципиент (*на*-констр., предлог *од*), бенефактив (*на*-констр., *за*, *зад*), стимул (*на*-констр., *за*, *од*, *по*), экспериенцер (*на*-констр.), внешний посессор (*на*-констр., *кај*), агенс в пассивной конструкции (выражается специальной грамматикализованной *од*-конструкцией), объект, по отношению к которому реализуется действие (*за*, *кон*, *со*, *спрема*), содержимое (*од*, *со*), объект мысли и речи (*за*, *на*), каузатор реактивного действия (*на*, *од*), объект воздействия (*врз*, *по*, *со*), объект веры (*во*), основание для характеристики (*на*, *наспроти*, *спрема*, *од*, *по*, *според*, *спрема*), инструмент (*со*, *на*, *низ*, *од*, *по*, *под*, *преку*), комитатив (*со*, *сосе*, *меѓу*, *сред*, *наспроти*, *освен*, *покрај*, *пред*), дистрибутив (*по*, *меѓу*, *на*), материал (*од*), начальная стадия трансформации (*од*), конечная стадия трансформации (*во*, *на*, *до*), отсутствующий объект (*без*, *освен*) и замещающий объект (*наместо*).

Если для выражения одного и того же типа косвенного объекта используется несколько предлогов, выявляется различие в их употреблении. На выбор предлога влияет семантика управляющего глагола (так, объект воздействия с глаголами «руководства» выражается только при помощи предлога *со*), характеристики и функции описываемого объекта (например, если инструмент — объект, воздействующий на пространство, где находится каузируемый объект, используется предлог *на*), эмоциональное отношение говорящего (если говорящий подчеркивает полный состав сопровождающего объекта и/или интенсивность действия, употребляется предлог *сосе*) и стиль речи (например, предлог *до* вводит реципиента только в официально-деловом стиле).

Герд Лора Александровна,
д. и. н., в. н. с., Институт истории РАН

Метохи греческих церквей и монастырей в Валахии и Молдавии и их конфискация в XIX в.

В XVII—XVIII вв. княжества Молдавия и Валахия управлялись греками-фанариотами. Они подарили восточным церквям (Антиохийскому, Александрийскому и иерусалимскому патриархатам), а также ряду крупных монастырей Афона, Синайскому Св. Екатерины и Патмосскому Св. Иоанна Богослова метохи — поместья, которые управлялись посланными представителями-греками и служили основной статьёй дохода для этих церковных учреждений. Попытки ограничить власть владельцев этих «преклоненных имений» предпринимались еще в первой половине XIX в., во время русского управления княжествами. В процессе объединения княжеств в конце 1850-х гг. правительство А. Кузы предприняло решительные меры сначала к секвестру доходов метохов, а затем и полной их конфискации. Представители-греки были изгнаны. По делу этих угодий в Константинополе заседала международная комиссия из представителей великих держав-гарантов Парижского мира 1856 г.; русский представитель был единственным, кто последовательно защищал интересы греков, исходя из общего принципа поддержки православия на Востоке. Заседания комиссии не привели к какому-либо определенному результату, и предложенная компромиссная мера выплаты владельцам денежной компенсации была также отвергнута. Неизданные документы из архивов Москвы, Петербурга и Бухареста позволяют детально проследить историю конфискации и участие, которое принимала в этом процессе как русская дипломатия, так и неофанариоты Константинополя.

Голант Наталия Геннадьевна,

к. и. н., н. с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Календарная обрядность влахов (румын) долины Тимока

Материалы, представленные в докладе, были собраны автором в ходе полевых исследований 2012 и 2013 гг. В докладе речь идет о календарной обрядности жителей влашских (румынских) населенных пунктов на территории северо-восточной Сербии (с. Шипиково общины Заечар, с. Шарбановац общины Бор) и северо-западной Болгарии (г. Брегово, область Видин); проводится ее сопоставление с обрядностью румын, живущих на территории Румынии, а также сербов и болгар. Основное внимание уделяется святочной обрядности и обрядности таких значимых для Карпато-Балканского региона праздников, как день св. Тоадера (Sântoáder), день св. Георгия (Sti Gheórghe) и день св. Димитрия (Sámédru). Для святочной обрядности тимокских влахов характерно, в частности, внесение в дом, «кормление» и сжигание рождественского полена и ожидание прихода первого гостя, который должен выполнить определенные действия для того, чтобы в хозяйстве «велись» цыплята — обычаи, достаточно редко

встречающиеся у румын на территории Румынии, однако широко распространены у южных славян. Для обрядности дня св. Георгия характерно заклятие жертвенного ягненка — общебалканский обычай, который на территории Румынии, однако, из обрядности этого дня практически исчез. Обрядность некоторых праздников существенно различается у владх, живущих в сербской и болгарской частях долины Тимока. Например, характерным элементом обрядности дня св. Тоадера у жителей общины Брегово (область Видин, Болгария) были скáчки, в то время как у жителей владхских сел на территории Сербии они отсутствуют. Также имеются определенные различия в терминологической лексике, обслуживающей календарную обрядность, что объясняется как внешним влиянием (сербским и болгарским соответственно), так и наличием на территории северо-восточной Сербии двух «владхских» говоров.

Гончарко Оксана Юрьевна,

к. филос. н., магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

О формах изложения логики в Византии

В рамках общего исследования целей и задач изучения и преподавания логики в Византии важным и уместным является рассмотрение жанров изложения логических работ, распространенных в Византии, как соответствующих преследуемым ими целям. В данной работе предлагается следующая типология литературных форм изложения логики на материале изучения логических штудий Михаила Пселла, Никифора Влеммида, Федора Продрома.

- I. Жанр парафразы. Вполне возможно, что византийские логики не придавали значения различению жанров комментария и парафразы.
- II. Жанр энциклопедии. Примером осмысления логики в ряду других наук (физики, философии, богословия) является 'Ελιτομή λογική Никифора Влеммида, которая предполагает изложение логики в ее теоретической (аристотелевской) и практической частях.
- III. Жанр диалога. Совершенно уникальным жанром для изложения логики в Византии, которому не было аналогов в западной латинской традиции, был «платоновский» диалог.
- IV. Форма псевдиалога. Термин «псевдиалог» используется в данной работе в качестве рабочего понятия, обозначающего условно не вполне диалоговые жанры изложения логики, но близкие к ним в силу содержания некоторых элементов диалога. Перечисленные примеры форм преподавания и изучения логики в Византии оставляют богатый материал для дальнейшего исследования и внимательного прочтения византийских логических текстов. Рассуждая о византийском этапе истории логики, следует задаваться не только вопросом научного статуса византийских логических штудий, который обычно принято недооценивать, сопоставляя его с западноевропейским, но и вопросом о причинах, по которым этот статус был именно таким.

Дугушина Александра Сергеевна,

асп., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Морозова Мария Сергеевна,

к. ф. н., н. с., Институт лингвистических исследований РАН

**Культура семейного родства и родинной обрядности
племени Мрковичи в условиях межэтнических
и межъязыковых контактов с албанцами**

В докладе будут представлены предварительные результаты полевого исследования этноязыковой группы славян-мусульман (племя Мрковичи), проживающих в общине г. Бар на албанско-черногорской границе. Комплексное этнолингвистическое изучение данной группы, проводившееся в 2012 и 2013 гг., продолжает серию исследований контактных зон на Балканах сотрудниками ИЛИ РАН, МАЭ (Кунсткамера) РАН и СПбГУ, цель которого состояла в сборе и анализе языковых и этнографических материалов для ответа на вопрос, являются ли исследуемый микрорегион местом этнической, лингвистической и культурной интерференции славян и албанцев. В частности, нас интересовало, в какой мере аспекты духовной и традиционной культуры — система родства, семейный уклад и родинная обрядность — подвергнуты взаимовлияниям в условиях межэтнических и межъязыковых контактов. Основанием для гипотезы о тесных контактах в культуре родства и родинной обрядности послужили социокультурные условия существования исследуемых групп, а именно давняя традиция заключения браков с албанцами из соседних албаноязычных поселений, из сел северо-западной Албании, из Македонии, центральной Албании и др. Результатом славяно-албанских языковых контактов стали лексические заимствования из албанского языка в исследуемом славянском говоре, а также случаи появления инноваций в ритуальных практиках. В частности, в говор Мрковичей был заимствован из албанского ряд терминов, которые сегодня воспринимаются представителями исследуемого языкового сообщества как «архаизмы». К ним относятся номинации родственников, бóльшая часть из которых употреблялась в апеллятивной функции: *áža* 'дядя по отцу', *dája* 'дядя по матери', *hála* 'тетя по отцу', *téza* 'тетя по матери', *đúša* 'свекровь' и др. Кроме того, заимствовались и другие лексемы, относящиеся к области семейной обрядности, что указывает на весьма распространенное в прежние времена двуязычие: *jétím* 'сирота', *bečár* 'холостяк, неженатый', *binjáki* 'близнецы' и др.

Елоева Фатима Абисаловна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Греческая и норвежская диглоссии. Попытка сопоставления

В докладе предполагается рассмотреть проблему диалектики соотношения письменного языка и узуса, которая, как представляется, может быть соотнесена с главными вопросами языкознания, — вопросом о причине

языковых изменений, а также о соотношении parole и langue или competence и performance. Кроме того, на примере норвежской и новогреческой языковых ситуаций будет исследована проблематика соотношения прескриптивной и дескриптивной нормы. Несмотря на то, что в учебниках по социолингвистике норвежская и новогреческая лингвистические ситуации фигурируют обычно как хрестоматийные примеры диглоссии, сопоставительный анализ этих двух ситуаций еще никогда не становился объектом специального исследования. При первом приближении создается впечатление, что греческая и норвежская языковые ситуации по многим параметрам диаметрально противоположны. Греческий Hochsprache (кафаревуса) во многом связан с рафинированной литературной традицией аттического диалекта. Греческая диглоссия восходит к первым векам н. э., к эпохе аттицизма, когда греческие интеллектуалы стали осознавать наличие разрыва между разговорно-обиходным и письменно-литературным функциональными вариантами языка. Норвежская диглоссия зарождается в XIX и окончательно оформляется уже в XX в. В докладе будет рассмотрен вопрос о возможности языкового планирования и проанализированы примеры интересных лингвистических экспериментов современных новогреческих литераторов, активно обращающихся в своем творчестве к кафаревусе, «официально отмененной» в 1979 г.

Каминская Лариса Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о представлении албанской лексики в словаре «Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный» (1790—1791 гг.)

Словарь под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный» вышел в Санкт-Петербурге в 1790—1791 гг. под редакцией Ф. И. Янковича де Мириево (1741—1814). Янкович де Мириево (Мириевский Федор Иванович (Теодор) на русский манер) в 1782-м по приглашению Екатерины II переехал в Россию из Австрии, в 1783 г. становится членом Российской Академии наук и в 1789 г. приступает к работе над словарем. Появление этого словаря было обусловлено рядом факторов. В первую очередь тем, что после выхода словаря под редакцией П. С. Палласа материалы продолжали поступать, их нужно было систематизировать, обрабатывать и опубликовывать. Во-вторых, не ослабевал интерес императрицы к занятиям этимологией. Известно, что именно Екатерина II пожелала, чтобы все иностранные слова в новом словаре были расположены в алфавитном порядке и пополнены языками Африки и Америки. Словарь представляет собой четырехтомное издание, в котором использованы материалы предыдущего словаря (словаря под редакцией П. С. Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языков и нарѣчій, собранные Десницею всевысочайшей особы 1787, 1789 гг.») и увеличено количество языков за счет привлечения новых данных по африканским

и американским языкам (в словаре представлено 272 языка и диалекта). Кроме того, в нем изменен принцип организации материала: слова различных языков мира располагаются в алфавитном порядке в соответствии с русским алфавитом. Албанская составляющая словаря включает 282 лексемы (столько же, сколько и предыдущий словарь). Из них 12 лексем подверглись некоторому изменению графического облика — появилась диакритика, были исправлены некоторые орфографические неточности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что не прекращалась работа и над албанским материалом. Дальнейшее изучение архивных материалов поможет пролить свет на историю появления албанских лексем в исследуемых нами словарях.

Кисилиер Максим Львович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Цаконский диалект новогреческого языка в общедиалектной перспективе

Цаконский диалект принято считать уникальным, непохожим на другие диалекты новогреческого языка. Во многом данная точка зрения базируется на том, что цаконский абсолютно непонятен носителям других (в том числе и соседних) диалектов новогреческого языка. Создатель одной из первых диалектных классификаций Брайан Ньютон даже не попытался включить в нее цаконский, поскольку цаконская фонетика плохо вписывалась в сформулированную Ньютоном схему.

Полевой материал, собранный автором доклада и его коллегами на Пелопоннесе в 2010–2013 гг., позволяет усомниться в уникальности цаконского.

Во-первых, удалось обнаружить, что цаконская лексика, в том числе и заимствованная, не специфична, а носит общегреческий характер, т. е. представлена и в других новогреческих диалектах.

Во-вторых, далеко не все особенности цаконской фонетики уникальны. Напротив, цаконский демонстрирует ряд фонетических черт, общих, например, со староафинским диалектом, с диалектом Карпафоса и некоторыми диалектами Крита. Можно даже предположить существование группы постдорийских диалектов (грико, Крит, Карпафос, цаконский).

В-третьих, многие известные грамматические изоглоссы релевантны для цаконского (причем как в именной, так и в глагольной морфологии).

Цель настоящего доклада двоякая. С одной стороны, будет предпринята попытка продемонстрировать, что сложившаяся точка зрения об «абсолютной уникальности» цаконского диалекта не имеет под собой достаточных оснований, а сам цаконский может быть включен в классификацию новогреческих диалектов. С другой стороны, будет обрисован круг тех черт цаконского, которые, по мнению автора доклада, действительно не имеют аналогов в других диалектах новогреческого языка.

Климова Ксения Анатольевна,

к. ф. н., ст. преп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Выражение категории времени в новогреческой мифологии

Категория времени в характеристике образа мифологического персонажа играет важную роль. Этот признак может являться ключевым, и на его основании персонажи формируются в единую группу (каликандзары — святочные демоны; *Πεφταρῦά*, < *Πέμπτη* «четверг» + *αργά* «поздно» — женский персонаж, наказывающий за несоблюдение запрета на прядение; *η Αγία Παρασκευή* (святая Параскева-Пятница) — сходные функции и пр.). Время появления или активизации МП в словаре греческой народной культуры также выражается с помощью специальных терминов: *Δωδεκάμερα*, *Δωδεκαήμερα* — святки, период в 12 дней, «двенадцатидневье», *Δρίμες*, *Δρίματα*, *Ντρίμες* — первые три, семь или двенадцать дней марта, мая или, чаще, августа, когда по народным поверьям было необходимо соблюдать запрет на любые контакты с водой (нельзя было стирать, т. к. белье рассыпется в прах, нельзя мыть голову, т. к. выпадут все волосы и т. д.). Наиболее ярко категория времени выражается в атрибутике определенных персонажей: *Μεσημεριάτες* — «полуденные», *Μεσημέρες* — «полдни» *Μεσημεριάτικος μόρος* — «полуденный мор»; *σαββατογεννημένος* (*σαββατογεννημένος*, *σαββατογεννημένος*, *σαββατιάνας*, *σαββατιανός*) — «люди, рожденные в субботу» и пр. Интересное отражение находит категория времени в атрибутике греческих святочных демонов — *каликандзаров*, которые помимо основного имени могут обладать дополнительным «прозвищем» — *αρωρίτες* (в другой огласовке — *αρουρίτες*). Слово *αρωρίτης* — диалектный вариант от *παραωρίτης* «тот, кто что-либо делает в неурочный час». Временной аспект в основном наборе характеристик персонажа занимает одно из центральных мест, причем время это не простое, а значимое, мифологически маркированное (полдень, суббота, время до рассвета, неурочный час), поэтому зачастую оно закрепляется непосредственно в самих названиях персонажей.

Козак Вячеслав Викторович,

асп., Институт лингвистических исследований РАН

Языковые особенности глаголической внелитургической литературы XIV—XV вв. на территории современной Хорватии

Глаголическая литературная традиция Средних веков, условно именуемая «хорватской», существовала на территории «от северной паннонской зоны <...> через Покупье, Лику и Крбаву на приморье с островами и южнее, к далматинским городам вплоть до Дубровника и Бара». Языковая ситуация в перечисленных регионах характеризуется тесным сосуществованием латинского и церковнославянского языков, романских и славянских диалектов. В докладе будет рассмотрено взаимодействие указанных идиом на материале глаголических внелитургических сборников XIV—XV вв. К внелитургической литературе средневековой глаголической традиции относятся памятники различного содержания: агиографические, апокрифические,

гомилетические и дидактические. Общим для текстов всех этих жанров является то, что они не используются при совершении религиозных обрядов. Отдельные внелитургические произведения часто невелики по объему и объединяются в сборники. На протяжении XIV—XV вв. глаголическая внелитургическая литература переживает активное развитие за счет многочисленных переводов с латинского, венецианского итальянского, а также чешского языков. Кроме того, язык произведений во внелитургических сборниках обнаруживает уже гораздо более сильное влияние народных диалектов, что позволяет говорить о церковнославянско-чакавском сплаве (хорв. *amalgam*). Специфика такого смешанного языка будет продемонстрирована в докладе на примере внелитургических произведений из *Берчицева* и *Петрисова* сборников XV в. Влияние славянских диалектов прослеживается на обусловленном фонетически уровне орфографии (*težakъ, v'ližeši, roeni, iz'reneši* и т. д.) и на уровне морфологии (*v' tike věč'ne, koga, ga, esu* и т. д.). Лексика характеризуется как заимствованиями из славянских диалектов (*ča, sudasъ* и др.), так и из латинского или итальянского (*deletati, kaštigati* и др.).

Любченко Татьяна Викторовна,

к. ф. н., докт., Киевский национальный лингвистический университет

Каузативные глаголы в новогреческом языке

В докладе представлены результаты анализа структурных и семантических особенностей каузативов в новогреческом языке (материал исследования — 5245 глаголов, отобранных методом сплошной выборки). В новогреческом языке каузатив и декаузатив могут быть представлены:

1. одной лексемой («синтагматическая оппозиция»): *Με πονοστομάχιασε αυτό το φαγητό / Έφαγα τόσο γρήγορα το φαΐ που πονοστομάχιασα;*
2. разными лексемами («коррелятивно-корневая оппозиция»): *Ποτιζεί κάθε μέρα τις γλάστρες / Πίνω γάλα;*
3. глаголами, образованными с помощью словообразовательных суффиксов («коррелятивно-аффиксная оппозиция»): -άζω: *Ανεβάζω κάποιον στο δέντρο / Ανεβαίνω στο βουνό;* -ίζω: *Μου θύμισε τα γεγονότα / Θυμάμαι τη φυσιογνωμία του;*
4. у группы каузативных глаголов новогреческого языка декаузатив имеет форму пассивного залога, в данном случае речь идет о залоге (φωνή) как о морфологической категории, в отличие от семантико-синтаксической диатезы (διθάθεση), («возвратно-постфиксальный тип»). За семантическим критерием каузативный глагол такой оппозиции имеет архисему «каузировать состояние или качество»: *Αλοκουφαίνω (κάνω κάποιον εντελώς κουφό): Πάψε πια. Μας αποκοφάνας με τις αγριοφωνάρες σου,* соответственно декаузатив в пассивном залоге является объектом, который перешел в новое состояние или качество: *Αλοκουφαίνομαι (χάνω την ακοή μου): Ήταν λίγο κουφός από πριν, αλλά τώρα αποκοφάνηκε.*

Смысл декаузативной трансформации состоит в том, что рушится субъектно-объектная связь активного глагола и создается новая ситуация с субъектом — носителем свойства.

Макарова Анастасия Леонидовна,
асп., Институт лингвистических исследований РАН

О подготовке экспедиции в двуязычные села Преспы (Македония)

Регион Преспа является зоной наиболее интенсивных языковых контактов между македонским (македоно-славянским), албанским, арумынским (влашским), греческим и турецким населением. Современные политические границы разделяют территорию макрзоны Преспа между тремя государствами: Республика Македония, Греческая Республика и Республика Албания. Экспедиция в македонскую часть Преспы является первым этапом в исследовании претеритальной системы глагола в данных идиомах. Считается, что в результате ситуации языкового контакта в македонских, албанских и арумынских диалектах сложилась изоморфная и изофункциональная модально-темпоральная глагольная система. Предполагается провести ряд экспедиций в нескольких пунктах макрзоны Преспа (во всех трех государствах) с целью установления наличия подобной изоморфной системы. Морфосинтаксические характеристики глагольных претеритов будут рассматриваться как на материале спонтанных текстов, порожденных информантами, так и на материале специальных грамматических опросников. Подготовка экспедиции включает в себя две основные задачи: 1) выбор наиболее репрезентативного пункта проведения полевого исследования; 2) составление грамматического опросника.

В опроснике представлены различные контексты, в которых ожидается употребление той или иной грамматической формы глагола, отсылающей к плану прошедшего времени (экспериенциал, *hot-news past*, итератива, результатив, «отмененное прошедшее», нарратив, ренарратив, инклюзив). Подобраны глаголы разных базовых акциональных классов (*состояния, свойства, предельные и непредельные процессы, события, мультипликативы*).

Макарцев Максим Максимович,
к. ф. н., н. с., Институт славяноведения РАН

К вопросу о настоящем продолженном в славянском говоре Бобоштицы и Дреновы (Юго-Восточная Албания)

Славянский говор Бобоштицы и Дреновы — крайний юго-западный южнославянский островной говор в области Корчи (Юго-Восточная Албания). Доклад основан на полевом исследовании 2010—2013 гг., материал — полуструктурированные интервью, перевод предложений с албанского языка на говор, описание картинок. Под албанским влиянием в говоре возникли специальные формы для настоящего прогрессивного.

В литературном албанском языке есть два способа выражения настоящего продолженного: 1) показатель *po* + Praes: *Ata po këndojnë* 'Они поют (в данный момент)'; 2) показатель *duke* + причастие: *Jam duke vrapuar* 'Я бегу (сейчас)' (подробнее см. Buchholz, Fielder 1987: 168—170).

В рассматриваемом говоре выработались три вида форм: 1) показатель *ǵe* + Praes, ср. *Tija ǵe pǵë sega* 'Они сейчас поют'; 2) показатель *toko* + Praes,

сп. *Tua toko spjã, detjãto so kuçeto. Žaba ižljegvi* ‘Здесь они спят, мальчик и собака. Жаба вылезает’ (при описании картинке); 3) спрягаемые формы глагола ‘быть’ + деепричастие *Esa tarçeničkim* ‘Я бегу (сейчас)’. Для формы с показателем *ge* (исходное значение ‘где’) на основании имеющихся текстов 1930-х гг. можно восстановить вероятную историю развития (локатив > временной показатель > прогрессив). Ее использует только один из носителей говора из Бобоштыцы. Для формы с *toko* (en train de; mais — Mazon 1936: 446) прогрессивное значение можно указать еще в фольклорных текстах, записанных в 1930-е гг. Ее используют носительница говора из Бобоштыцы и носитель из Дреновы. Конструкция ‘быть’ + деепричастие, по всей вероятности, является калькой с албанского, она встречается только в переводных предложениях и никогда — при описании картинке.

Морозова Мария Сергеевна,

к. ф. н., н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Ермолин Денис Сергеевич,

к. и. н., м. н. с., Музей антропологии и этнографии

им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«Наше село особенное»:

коллективная память в сельском микросоциуме

В процессе сбора полевого материала по диалектологии и этнографии исследователи часто сталкиваются с нарративами, отражающими представления местных жителей об историческом прошлом региона, населенного пункта и даже отдельного квартала. Подобные сюжеты представляют собой форму коллективной памяти (*mémoire collective*, согласно концепции М. Хальбвакса), которая конституирует для рассматриваемого сообщества его собственный образ и является залогом его идентичности.

В последние годы исследовательским коллективом сотрудников СПбГУ, МАЭ РАН и ИЛИ РАН предпринимаются экспедиционные выезды в Юго-Восточную Албанию с целью установления корреляций с материалами по албанцам Украины. В частности, полевая работа проводилась в селе Зичишт, расположенном в краине Девол у подножия хребта Морава. По свидетельствам местных жителей (в том числе самих обитателей села), Зичишт является «единственным живым чисто православным» албанским селом в данном районе. Поэтому наряду с изучением говора и традиционной культуры, интерес для исследователей представляло выяснение представлений об истории села и проживающем в нем сообществе. Авторами доклада были записаны нарративы на следующие темы:

- переселение с равнины и организация села у подножия Моравы;
- период расцвета, связанный с существованием в селе «митрополии»;
- поквартальное развитие села, включая территориальное и социокультурное пространство переселенцев;
- культурные стереотипы, в том числе межэтнические и межконфессиональные контакты;

- роль языка в конструировании групповой идентичности: представления православных Зичишта о речи мусульман соседних сел и конкретные черты, отличающие «свой» язык от «чужого».

В докладе сделана попытка ответить на вопрос, имеет ли представление о единстве и гомогенности населения с. Зичишт под собой основания или же мы имеем дело с социально сконструированным локальным сообществом и каковы, в таком случае, стратегии конструирования этой идентичности.

Нежинский Юрий Владимирович,

к. и. н., магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

Режим питания в Византии: стабильность или изменчивость?

В докладе будет предпринята попытка реконструировать режимы питания в Византии и выяснить, можно ли говорить об универсальных режимах питания для всего византийского ареала и истории византийской цивилизации. Кроме того, будет поставлен вопрос о том, можно ли считать режимы питания одной из основ национальной идентичности носителя византийской культуры.

Новик Александр Александрович,

к. и. н., доц., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Лексика мифологии албанцев Дэвола: материалы экспедиции 2013 г.

В августе 2013 г. была проведена третья по счету этнолингвистическая экспедиция в Юго-Восточную Албанию в составе: А. А. Новик, А. Н. Соболев, Д. С. Ермолин, М. С. Морозова, А. С. Дугушина. Основной точкой исследовательской работы стало село Зичишт (Ziçisht -i), находящееся в *краине* Дэвол. Главной темой работы с информантами у автора стала народная мифология (включая фиксацию терминологии, запись нарративов и др.). Проводившаяся работа велась с учетом возможных параллелей мифологических сюжетов албанцев Дэвола с бытующими до настоящего времени рассказами о мифологических существах у албанцев Приазовья и Буджака. Полевая работа дала исключительно богатый материал. В плане сохранения представлений о демонах — предсказателях судьбы, в Зичиште был зафиксирован материал о *речени́цах* (pl. reçenica -t) — лексема является явным славянским заимствованием в местном албанском говоре. Согласно народным представлениям в различных регионах Балкан (Греция, Болгария, Македония, Албания и др.), на третий день после рождения ребенка являются персонажи (их количество может варьироваться от одного до трех), которые определяют судьбу младенца. В Зичиште был записан материал о том, что на протяжении практически всего XX в. в дом к роженице приходили три реальные женщины, жительницы села, которые в ритуальной форме «писали» судьбу ребенка. Подобная традиция была прервана лишь в последние десятилетия XX в. Также были зафиксированы многочисленные нарративы,

связанные с верой в вампиров (информант Thanas Andoni, 1935 г. р.). Так, на памяти информанта утопленнице, покончившей жизнь самоубийством на водяной мельнице, жители села вбивали в грудь осинового кол — чтобы та не стала вампиром (яркий пример архаических балканских верований). Значительный этнолингвистический материал был собран по вере в колдунов, ведьм и проч. персонажей. В плане терминологии сферы мифологии (демонологии) обнаруживаются параллели с терминами в говоре албанцев Украины.

Петрович Снежана,

д. ф. н., в. н. с., Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств

Языковая, конфессиональная, этническая и культурная ситуация в городе Призрен в конце XIX — начале XX в.

(по данным лексической картотеки Димитрия Чемерикича)

Призрен всегда был полиэтничным, мультиконфессиональным и многоязычным центром, в котором, временно или постоянно, проживали сербы, албанцы, турки, западнобалканские вlahи, арумыны, греки, венецианцы, «саксонцы», дубровчане, которане, цыгане, горанцы (горане) и др. Традиции различных культур и цивилизаций, влияя друг на друга, создали особый «призренский менталитет», которым город известен до сегодняшнего дня и который на основе лингвистических и этнологических фактов будет рассмотрен в докладе. Языковая ситуация и взаимные отношения между представителями различных вероисповеданий, культур и народов в Призрене в конце XIX и в начале XX в. анализируются на материале рукописной лексической картотеки сербского призренского говора, составленной Димитрием Чемерикичем. Картотека содержит около 16 тысяч слов, извлеченных из дефтеров и протоколов призренских торговцев и ремесленных цехов, этнографических и исторических книг, а также из газетных статей, записок путешественников и иных свидетельств. Особую ценность представляют собой слова, записанные в ситуациях ежедневного общения, и в красочных рассказах о «простых людях» и их «жизненных ситуациях». Именно личный и эмоциональный взгляд автора на Призрен, каким он был когда-то, придает этому собранию лексики особое измерение — оно больше, чем диалектный словарь одного говора или ограниченной географической области. Речь идет о своеобразной энциклопедии Призрена и призренцев, содержащей, помимо прочего, инвентарь личных имен, фамилий, прозвищ, рассказов из истории семейств призренских сербов, турок, албанцев, арумын и др., из которых в докладе извлекаются сведения об обычаях, одежде, профессиях, пище, о межэтнических, межконфессиональных и социальных отношениях. Через языковой и текстовый материал будет показано, как сербы из Призрена воспринимали себя и своих соседей, как относились к ним в зависимости от их этнической и религиозной принадлежности, какие культурные модели объединяли их, а какие — разделяли.

Русаков Александр Юрьевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Албанские сверхсложные формы: корпусное исследование

Сверхсложные глагольные формы (типа *kam pasë shkuar* я.имею иметь. ПРИЧ идти. ПРИЧ «я пошел»; *kisha pasë shkuar* я. имел иметь. ПРИЧ идти. ПРИЧ «я пошел (давно)») засвидетельствованы и в гегских и в южных тоскских говорах (также как и в старых албанских текстах) и — предположительно — представляют собой достаточно древнюю общеалбанскую черту. Эти формы чрезвычайно интересны с ареально-исторической точки зрения. С одной стороны, они напоминают аналогично образованные формы, имеющиеся в языках и диалектах SAE ареала. В этом отношении они примыкают к многочисленным «европеизмам албанского и, возможно, представляют собой результат древнего албано-восточнороманского симбиоза. С другой стороны, невозможно отрицать их сходство со славянскими «сверхсложными» формами. Эти формы, составляющие органическую часть очень сложной албанской глагольной системы, представляют также большой интерес и с теоретической точки зрения. Однако несмотря на их интересные свойства «сверхсложные формы» не рассматривались подробно в албанистической научной литературе, как исторической, так и описательной. Специальные работы, посвященные этой проблематике, практически отсутствуют. Мы знаем слишком мало о том, как сверхсложные формы функционируют в различных диатопических и дискурсивных вариантах албанского языка. Соответствующие пассажи в диалектологических описаниях и общих албанских грамматиках, как правило, кратки и достаточно туманны. Частично это может быть объяснено сравнительно низкой частотностью этих форм в текстах (за исключением некоторых диалектов). Основная часть настоящей работы представляет собой исследование, базирующееся на данных Албанского национального корпуса (<http://web-corpora.net/AlbanianCorpus/search>), отражающего современное состояние албанского литературного языка. Корпусные данные сравниваются с данными албанских диалектов и старых письменных памятников.

Соболев Андрей Николаевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Мрковичи и Горана:

о языках и диалектах черногорского Приморья

«Племенная» область Мрковичи в общине Бар, где проживают носители сербского и албанского языков, стала объектом изучения балканской экспедиции РАН и СПбГУ в 2012—2013 гг. Комплексное обследование языковой и культурной ситуации позволяет реконструировать процессы взаимодействия славян и албанцев Западных Балкан в прошлом и объективно описать их в настоящем с учетом иерархии факторов, их обуславливающих. Особое внимание будет уделено внутриязыковым явлениям на всех уровнях структуры.

Старделов Игор,
зав. отд., киноархив Кинотеки Македонии

Какой из балканских культур принадлежит творчество братьев Манаки?

Македонская культура по праву гордится результатами эксперимента, предпринятого основателями балканского кинематографа братьями Янаки и Милтоном Манаки в начале XX в. Ныне политизированные, поляризованные и антагонистические балканские культуры характеризуются историческим этноцентризмом и культурным империализмом. Жизнь и творчество братьев Манаки, арумын (македорумын, влахов) по происхождению, тесно связано с румынской культурой: они выступали за введение румынского языка в школе и церкви, участвовали в выставках в Румынии, были фотографами короля Румынии Кароля I. Будучи рожденными, получив образование и начав свою профессиональную деятельность на территории, которая ныне принадлежит Греции, они несомненная часть ее культуры. Прожив большую часть жизни в Османской империи, они обогатили также и турецкую культуру. Наиболее интенсивно их деятельность, и особенно знаменитые съемки «Камерой 300», связана с городом Битола (Монастир), что делает их неотъемлемой частью македонской культуры.

В докладе используются уникальные оригинальные киноматериалы, хранящиеся в Кинотеке Македонии в Скопье.

Суетина Дарья Владимировна,
асп., Институт лингвистических исследований РАН

Особенности этноязыковой ситуации в регионе Карашево (Румыния)

Одним из славяноязычных этнических меньшинств Республики Румыния являются т. наз. карашевцы, проживающие в семи селах, расположенных в историческом регионе Банат: Карашево, Клокотич, Лупак, Нермет, Рафник, Водник и Ябалча. Происхождение карашевцев (этно- и лингвогенез), история, идентичность и языковая принадлежность являются предметом дискуссий как научного, так и политического толка. В научной литературе выдвигалось множество теорий этногенеза данной группы, большая часть из которых стремилась идентифицировать карашевцев с одним из современных балканских или европейских народов (болгарами, сербами, хорватами, чехами, албанцами). Важный вклад в этногенез карашевцев внесло соседство с православными румынами, составляющими большинство населения Баната, а также католическое вероисповедание, сыгравшее консолидирующую и обособляющую роль. Идиом области Карашево известен как один из наиболее архаичных южнославянских диалектов, что делает его исключительно важным как для сербохорватской диалектологии, так и для всей балканославистики в целом. Карашевский говор сохранил значительное количество архаизмов на всех языковых уровнях, подвергшись, однако, и некоторым балканизующим процессам. Исследователи отмечают возрастающее влияние румынского языка на карашевский идиом. Наши интервью с жителями этой области являются свидетельством их полной

языковой компетенции во владении румынским, однако необходимо отметить, что наряду с неологизмами их речь содержит достаточное количество банатских регионализмов и фонетических черт, свойственных банатскому варианту румынского языка. Особая ситуация сложилась в с. Ябалча, жители которого признают свое этническое единство с населением других карашевских сел, однако в повседневной коммуникации используют румынский язык. Ряд специфических черт в языке, менталитете, культуре, фольклоре и самосознании позволяют говорить о данной этнолингвистической общности как об обособленной периферийной группе.

Федченко Валентина Владимировна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лусинэ Стефановна Гуцян,

с. н. с., Российский этнографический музей

К вопросу о традиционных практиках строительства в контактных зонах Средней Азии, Южного Кавказа и Южных Балкан

Жилище и строительство как фактор культуры имеют маркирующее значение, будучи одним из наиболее архаичных элементов традиции. Формально можно предположить, что в кочевом, либо полукочевом скотоводческом обществе используется исключительно мобильный тип жилища, а у оседлых народов доминировало стационарное. Между тем, в настоящее время для указанных выше регионов характерно использование стационарных жилищных комплексов для первого культурно-хозяйственного типа. В настоящее время случаи использования домов, построенных представителями иной культуры, не всегда возможно зафиксировать, поскольку, чаще всего, данное обстоятельство скрывается актуальными жителями этих домов. При данных обстоятельствах существуют два способа выявить преемственность домов иным населением: 1) сравнительный исторический анализ, где основным является анализ жилищно-хозяйственных комплексов и 2) этнолингвистический анализ, в первую очередь терминов, характеризующих следующие аспекты: жилище как комплекс, части дома (фундамент, стены, перекрытия), элементы дома (стены, окна, двери и т. д.), процесс строительства (глаголы, означающие этапы строительства, материалы).

Контактные зоны являются одним из наиболее богатых с точки зрения антропологического исследования. Процессы, происходящие в исторической перспективе в данных регионах, дают возможность увидеть ряд аспектов политического, социального, хозяйственно-экономического, культурного свойства. В данном исследовании предполагается рассмотреть три контактные зоны: среднеазиатскую, южнокавказскую, южнобалканскую. Эти области были выбраны для исследования, т. к. обладают типологически сходными признаками: включенность в политическую и экономическую зону континентальной империи, обусловленное данным обстоятельством совместное проживание кочевого или отгонного скотоводческого и комплексного оседло-земледельческого населения.

Челпан Виктория Николаевна,

асп., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Русское звучание поэтики Мити Карагациса

Несмотря на широкий отклик на творчество одного из ярких представителей поколения 1930-х в новогреческой литературе **Мити Карагациса** в литературоведческих студиях (Н. Афанасиадис, П. Глезос, К. Димадис, А. Карандонис, М. Мераклис, М. Мике, Н. Политис, К. Цирупулос, А. Бечина), исследования, посвященные лингвистическому и металингвистическому прочтению творческого наследия мастера слова, отсутствуют или же носят фрагментарный характер, что обуславливает **актуальность** системного описания языковой личности М. Карагациса в контексте идеологических, культурно-эстетических, языковых и литературных доминант эпохи и поиска отголосков его письма в современном языковом пространстве. В данном докладе рассмотрим «русский голос» в полифонии художественного текста М. Карагациса как одну из художественно-эстетических доминант на материале словесных и несловесных знаков русской культуры, вплетенных в текстовую ткань романов «Ο Συνταγματάρχης Λιάλκιν» (Полковник Ляпкин, 1933) и новеллы «Μλουχούνστα» (Бухунста, 1945). В романе «Полковник Ляпкин» автор следит за «чужим» среди «своих»: русским офицером, перенесенным в греческое провинциальное общество. В «Бухунста» писатель помещает в непропорционально маленький мир реально существующего греческого села огромный сюрреалистический мир «чужих», вписывая себя самого одновременно в Оно и Я героя романа (Νταβίντ Μπορίσιτς Λιάλκιν) и Над-Я героя новеллы (Βασίλης Φόμιτς Σολομώνωφ). М. Карагацис показывает мир сквозь двойную призму «своего в чужом», «грека в русском». Моделируя под ощутимым влиянием как на идейно-концептуальном, так и на лингвистическом уровне, русской культуры и литературы, в частности Достоевского, особое «русское измерение» в авторском языковом мире, М. Карагацис активирует в тексте широкий спектр лингвистических и экстралингвистических интерференций, многие из которых являются прецедентными.

Черноглазов Дмитрий Александрович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Хроника Иоанна Зонары: проблема ритмической организации

Иоанн Зонара — византийский государственный деятель и писатель первой половины XII в. Его «Сокращенная история» — всемирная хроника, охватывающая период от Сотворения мира до 1118 г. Будучи почти полностью компилятивной, хроника все же является самобытным литературным памятником, отражающим идейные позиции и литературные пристрастия автора. Зонара не копирует тексты источников, как это делают многие другие хронисты, а подвергает их серьезной идеологической и стилистической переработке. В настоящем докладе делается попытка охарактеризовать ритмическую структуру хроники. Лингвистический и литературоведческий анализ этого текста проводился уже не раз, но с точки зрения ритмической

организации его еще никто не изучал. Между тем, этот аспект исследования представляется весьма важным: законы прозаического ритма, не сформулированные ни в одном теоретическом трактате, сохраняли свое значение на протяжении всего византийского тысячелетия; на них в той или иной мере ориентировались все византийские интеллектуалы. Из текста хроники Зонары был выбран ряд отрывков, одни из которых написаны Зонарой самостоятельно, а другие восходят к нарративным источникам. Анализ ритмической организации этих отрывков приводит к следующим основным выводам. Во-первых, Зонара следует ритмическим законам крайне скрупулезно — процент «правильных» клаузул оказывается выше, даже чем в «Алексиаде» Анны Комнины и в истории Иоанна Киннама, не говоря уже о большинстве всемирных хроник; такие показатели характерны скорее не для историографии, а для эпидейктического красноречия. Во-вторых, стремление Зонары к ритмической стройности повествования определяет методы его работы над источниками: хронист сознательно правит их тексты таким образом, чтобы увеличить количество корректных клаузул.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Алмазова Нина Александровна,

к. и. с., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Ямб: к уточнению термина

Принято считать, что у древнегреческого термина «ямб» два основных значения: это название метра и поэтического жанра. Однако можно указать несколько случаев, в которых этот термин применяется к инструментальной музыке. В докладе рассматриваются эти пассажи (Strab. 9, 3, 7; Philochor. FGrHist 328 F 23 = Athen. 14, 42, p. 637f—638a; Poll. 4, 66) и предлагается несколько соображений о том, что представлял собой музыкальный ямб. Можно предположить для него оживленный темп и ритм, близкий к танцевальному. При наименовании таким образом музыкальных произведений ритмическое значение термина, очевидно, сыграло свою роль, но понятие «ямб» в инструментальной музыке к нему, по всей вероятности, не сводится. Отклоняется тезис об обязательной связи ямбов с аккомпанированием кифаре на авле. В результате предлагается дополнительное значение термина «ямб»: разновидность инструментальной музыки (возможно, танец).

Братухин Александр Юрьевич,

к. ф. н., доц., Пермский государственный национальный исследовательский университет

К вопросу о передаче библейского текста

Климентом Александрийским

Переводы Священного Писания заметно отличались от произведений классической литературы «необработанностью» слога. Эту «необработанность» объясняют тем, что библейский греческий язык представлял собою

«нормативный традиционный эпический язык грекоговорящей иудейской диаспоры» (Вдовиченко). Когда христианство вышло за пределы этой диаспоры, проблема «нелитературности» сакральных текстов не могла не волновать церковных писателей. Климент Александрийский решал эту проблему, изменяя в цитируемом библейском тексте лексику, порядок слов и их грамматическую форму. Замена слов. *Не желай брашень его: сѧ бо имуть животъ* (ζῆς) *ложень* (Притч. 23:3). *Не желай брашень богатых: сѧ бо имуть животъ* (βίου) *ложень* и позорный (Cl. Al. Paed. II, 4, 2). Слово αἰσχρός «позорный» (добавленное Климентом) и слово βίος появляются рядом у Платона (Gorg. 494e), Менандра (Men. Fr. 757) и др. В еврейском тексте в этом месте стоит слово לחם [leḥem] со значением «хлеб, пища». Изменение порядка слов: Из-за этого Господь и говорит: *продаждь имѣние твое, и ницымъ даждь <>* (Paed. II, 3, 36, 2). В Евангелии: *«даждь ницымъ»* (Мф. 19:21), у Климента — хиазм. Изменение грамматической формы слова: *Но егда званъ будеши, <> сяди* (ἀνάπεσε) *на послѣднемъ мѣстѣ*. У Климента — презенс: ἀνάπιπτε (Paed. II, 1, 4, 5). Форма ἀνάπεσε не встречается за пределами библейских текстов, форму ἀνάπιπτε находим и у языческих авторов. Изменение синтаксической конструкции: *Не имамъ пити <> ѿт плода лозы сей, пока не буду пить* (μέχρις ἂν πίω) *е съ вами во Царствіи Отца Моего* (Paed. II, 2, 32, 3). *Не имамъ пити <> ѿт сегѡ плода лознаго, до дне того, егда е пію* (ἕως τῆς ἡμέρας ἐκείνης ὅταν ...πίω) *съ вами ново во Царствіи Отца Моего* (Мф. 26:29; ср.: Мк. 14:25; Лк. 22:18). Климент Александрийский достаточно последовательно «исправляет» библейский текст, ориентируясь на классические образцы. Этот «апологетический» почин сродни его методике вставлять в повествование платоновские и иные реминисценции.

Дуров Валерий Семёнович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Гораций. Интимная жизнь

Тема любви в творчестве Горация.

Эротическая лексика. «Общие места» любовной поэзии. Полемика с элеликами.

Личная жизнь поэта в свете брачного законодательства Августа.

Ермолаева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Древнегреческая школьная пародия на табличках из Келли

Доклад посвящен интерпретации гомеровской пародии, сохранившейся на миниатюрных деревянных табличках IV в. н. э., найденных в 2002 г. в Ливийской пустыне в районе античного города Келли. До нас дошли весьма немногочисленные тексты древнегреческой гексаметрической пародии, тем ценнее любая новая находка. Автор дополняет комментарий К. Хоупа и К. Уорпа собственными наблюдениями относительно гомеровских стихов, послуживших оригиналом пародии. Автор также видит в тексте из Келли

влияние гастрономической пародии и средней комедии, образцы которых дошли до нас лишь во фрагментах. В докладе проводится сравнение «новой» пародии с гастрономической пародией «Аттический пир» Матрона из Питаны IV в. до н. э.

Захарова Екатерина Анатольевна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Юмор в письмах Сидония Аполлинария

Некоторые книги своих писем Сидоний Аполлинарий написал, уже будучи епископом. Адресатами его становятся со временем преимущественно коллеги по епископскому служению, частыми темами писем являются упадок церкви при вестготях-арианах и захват их вождем Эврихом Арверн — города, вверенного Сидонию. Что касается стиля писем, во многих из них чувствуется старание автора не говорить слишком простым языком и выражать каждую мысль, даже весьма несложную, с помощью различных риторических фигур. Однако за внешней торжественностью и сложностью формы иногда можно заметить и забавную аллюзию, и легкую насмешку. К чести нашего автора, эта насмешка — почти всегда над собой и над ситуацией, в которой он оказался. Самый яркий пример иронии над обстоятельствами — известный рассказ о заключении в крепости Ливия, которому Сидоний подвергся после сдачи вестготам римскими властями Арверн. В этом заключении самым большим бедствием для нашего автора были, по его словам, две готские старухи, которые, находясь поблизости от места его заточения, мучили его своей болтовней (Ер. VIII. 3, 2). Сидоний позволял себе шутить не только в прозе, но и в стихах, вставленных в текст писем. Так, в послании ритору Лампридию он юмористически сравнивает себя с Фебом (Ер. VIII. 11). В нашем докладе мы хотели бы рассмотреть некоторые письма, в которых Сидоний добивается комического эффекта, и способы, которые позволяют ему этого достигнуть.

Звагольская Алла Константиновна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Буколики» Кальпурния: художественный мир поэта

Буколический поэт Кальпурний никогда не издавался в переводе на русский язык и, как следствие, мало исследован в русскоязычном литературоведении. Этому во многом способствовали отсутствие точных биографических данных о нем и сложность перевода, вызванная различными возможностями истолкования. Сведения об авторе ограничиваются в основном той информацией, которую он дает в своих стихах. Тем не менее, Кальпурний — важный представитель буколического жанра в императорскую эпоху после Вергилия. Для понимания творчества Кальпурния очень важна фигура Вергилия, родоначальника жанра на латинской почве. А каким видел Кальпурний свое место в жанре? Для ответа на этот вопрос большую роль играет вторая буколика Кальпурния, которую мы попытаемся

рассмотреть как метафорическое представление размышлений об искусстве и поэзии. Первая, четвертая и седьмая буколики могут дать подсказки о социальном статусе автора. Через художественный мир Кальпурния мы постараемся узнать о личностных, человеческих качествах поэта, с которым нас разделяют века.

Зельченко Всеволод Владимирович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Виктор Хен в Петербурге

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных в последние годы филологу, историку культуры и эссеисту Виктору Хену (Victor Hahn, 1813—1870), российский период его биографии нуждается в дальнейших исследованиях. Таковы обстоятельства ареста Хена в 1851 г., его неожиданно сурового наказания (трехмесячное заключение в Петропавловской крепости и ссылка в Тулу за невинную по содержанию частную переписку) и освобождения в 1855 г. В докладе этот эпизод ставится в связь с политикой российских властей по отношению к Дерптскому университету в начале «мрачного семилетия»; кроме того, ряд уточняющих подробностей, связанных с родственниками Хена на русской службе, помогает прояснить расстановку сил, приведшую к освобождению Хена из ссылки и его устройству в Публичную библиотеку. Роль «петербургского периода» в интеллектуальной биографии Хена также предстает более сложной, чем предполагают его посмертно изданные Т. Шиманом записки “De moribus Rutenorum”.

Костылева Татьяна Владимировна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Eur. Electra 1 и перевод Г. Мюррея

В новом издании Еврипида в OCT (Diggle, 1981) слова *παλαιὸν Ἄργος* в первом стихе заключены в «кресты». Рецензенты издания Коллард и Ковач поддерживают решение издателя. Ковач пишет, «the obelus is deserved», Коллард более осторожен, предлагая рассматривать ἄργος как ошибку переписчика или как глоссу (до него Weil, Keene, Zuntz).

В аппарате к своему изданию (1913) Мюррей отмечает, что начиная с editio princeps Веттори (Victorius, 1545) обычно принимается чтение Ἄργος. Сам Мюррей, помещая в текст ἄργος, склоняется к варианту ἄρδμός.

ἄρδμός, очевидно, наиболее «красивый» вариант. Предложенный Zuntz'ем ὄρμος (этого варианта Мюррей не знал) — довольно «прозаичен» и близок к варианту Vitelli ἔρκος. (Существуют еще варианты ἄγγος, ἄγκος, ἄλσος, ἄνθος). Морвуд, переводчик Еврипида в серии Oxford World's Classics (1998), замечает, что если верен вариант ἄρδμός, то “the opening line becomes still more watery” (AJPh, Vol. 102. No. 4, 1981). Несомненно, что ἄρδμός — это “gleam” из первого стиха перевода Мюррея “Old gleam on the

face of the world” (Murray, 1906). Для Мюррея важно, что этот вариант так удачно «вводит» тему блеска и золота, которая, по его мнению, является одной из ключевых в этой трагедии.

Новикова Екатерина Павловна,

асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Umbro sacerdos: еще раз об источниках «Каталога» Вергилия и его античных комментаторов

Каталог италийских племен («Каталог героев») в «Энеиде» Вергилия содержит сюжет, посвященный жрецу Умбруну, который повел на помощь Турну соплеменников марсов. Остается не до конца проясненным вопрос об источниках Вергилия. Структура «Каталога» в целом давно привлекала внимание исследователей, которые пытались найти ключ к объяснению порядка следования героев еще со времен замечания Макробия (Mastr. Sat. V 15). Джеймс О’Хара объясняет алфавитный порядок в следовании героев «Каталога» тем, что Вергилий опирался на «Древности» Варрона. Таким образом, одним из источников предлагается считать именно это сочинение Варрона, однако точная атрибуция тех или иных мест у Вергилия пока что дана быть не может. Необходимо реконструировать, насколько это возможно, тексты, посвященные италийским реалиям, авторами которых были римские грамматики II—I вв. до н. э. и которые были использованы Вергилием, а затем сопоставить с теми текстами грамматиков, которые дошли во фрагментах, чтобы дать атрибуцию реконструированным фрагментам. Можно предложить следующие опорные моменты для реконструкции одного из источников для истории жреца Умбрана. Употребление sacerdos вместо rex должно, очевидно, намекать на то, что в племени марсов Умброн имел статус, отличный от статуса правителя (rex). Возможно, здесь содержится намек на существование должности meddex у италийцев, и это слово было предметом обсуждения антикваров и грамматиков до Вергилия. Глагол medicare, выбранный из всех синонимов со значением «лечить», должен вызвать фонетическую ассоциацию с meddex. Наконец, умения, которые марсы, по свидетельству Сервия, получили от Медеи, у Вергилия приписываются Умбруну. Сама по себе связь Медеи с италийцами, возможно, есть плод этимологии, предложенной кем-то из грамматиков II—I в. до н. э. для италийского meddex на основании созвучия meddex и medicus, с одной стороны, и meddex и Medea — с другой. А medicus, в свою очередь, обладает умениями, которые италийцы могли бы получить от колдуньи.

Позднев Михаил Михайлович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«Рогатая мать олениха» и методы античной филологии

Древнейшая конъектура, засвидетельствованная историей филологической науки, принадлежит Зенодоту. Первый директор Александрийской Библиотеки исправил в тексте Анакреонта рукописное чтение keroessa на

egoessa (fr. 63 PMG). Критик не мог смириться с тем, что поэт наградил мать олененка рогами, и поправил дело, исключив всего одну букву. Тем самым «рогатая» мать превратилась в «любящую». Казалось бы, изящное решение, но преемники остались недовольны, ругали Зенодота, отстаивали текст, твердили, приводя многие примеры, что поэты и художники постоянно изображают самку оленя рогатой. Дискуссия передана в схолиях к Ol. 3, 25ff. Пиндара, живописующего охоту Геракла на златорогую лань. О древности проблемы свидетельствует упоминание в «Поэтике» Аристотеля: поэты вправе украсить олениху рогами, лишь бы вышло «убедительно» (XXV, 1460b 23—33). Наш вопрос: неужто и правда в античном искусстве и у поэтов столь многие оленихи носят рога? На деле — одна-единственная, именно та волшебная любимица Артемиды, которую преследовал Геракл. Волшебная, потому и рогатая. Ее ли, однако, рисует теосский поэт матерью испуганного бэмби? Положение привычно в игровом контексте анакреонтики (cf. Ног. Carm. 1, 23), но плохо вмещается в ареталогический сюжет. Находим, следовательно, повод вмешаться в текст. С позиций филологии, которая думает о пригодности больше, чем об историчности, старается ради живых, не ради древних, предложение Зенодота оправдано. Что, разумеется, не означает для нас необходимости принять предложенное чтение, которое, возможно, и не задумывалось как эмендация: античный критик согласился бы, что для материнской любви egoessa мало подходит. Зенодот обозначил проблему, в решении которой *exempli gratia* вполне проявилось филологическое остроумие пионера редакторского дела. Анакреонт, как и филологи Музея, помнил о рогах керинейской чудо-лани (у которой ведь тоже были детеныши: иначе она не вскормила бы Телефа), и беззаботно парафразировал свою олениху «рогатой матерью».

Рабинович Елена Георгиевна,

д. и. н., н. с., Русский Фонд содействия образованию и науке

Кафедра для зятя?

Суда сообщает о риторе Фронте, что тот «подвизался в Риме при Севере», а в Афинах ἀντελαίδευσε Филострату первому (Φιλοστράτῳ τῷ πρῶτῳ) и Апсину Гадарскому (Φ 735). Апсин — ученик Гераклида, при Максимине суффект (A 4736), друг Флавия Филострата (VS II.33.628); Фронто (в SNA. III. 2 ошибочно названный Фронтином) с 221 учил риторике Александра Севера и, вероятно, оставался затем в Риме; упомянутое соперничество предположительно датируется временем после смерти Каракаллы и Юлии и отъездом Фронтана — но о каком Филострате здесь речь? Считается, что о Флавии Филострате: в Φ 421—423 он «второй», но якобы лексикограф мог *ad hoc* назвать его первым как старшего по возрасту — для Суды это не редкость. Однако Филостраты пронумерованы лишь в Φ 421—423, и там зять Филострата второго (в VS всегда «Филострат Лемносский») по порядку третий, хотя «третьим» не назван. Кроме Φ 421—423 и Φ 735, у Суды Филострат (иногда Филострат Лемносский) упомянут 17 раз: 11 со ссылкой на VA или на VS, и тогда это Флавий Филострат, в других случаях

нельзя с уверенностью сказать, кто из семейства имеется в виду. Итак, лексикографы знакомы с VS, но не называют Филострата-зятя «Лемносским», не следуют и принятой в Ф 421—Ф 423 нумерации, а значит, если автор Ф 735 дал Филострату номер, наверное именно он писал выше о трех Филостратах, так что навряд ли мог их спутать. Вероятнее ошибка переписчика, но переписчики обычно путают похожие слова, а $\alpha\rho\acute{o}\tau\omega$ не похоже на $\delta\epsilon\upsilon\tau\acute{\epsilon}\rho\omega$ — зато на $\tau\rho\acute{\iota}\tau\omega$ похоже, и так мог явиться «первый». В Ф 423 Филострат Лемносский без номера, но лексикограф, уже дав двум Филостратам номера, не затруднился бы в статье о Фронтоне назвать его «третьим»: для хранящего в памяти генеалогический контекст Ф 421—Ф 423 это естественнее, чем слишком частое в лексиконе «Лемносский». Далее в пользу того, что с Фронтоном (как затем с Аспасием) вероятно соперничал именно зять Флавия Филострата, приводятся свидетельства VS.

Шмелева Людмила Михайловна,

к. и. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Термины, обозначающие послов в труде Тита Ливия «История Рима от основания города»

В своем труде Тит Ливий большое внимание уделяет описанию внешней политики и дипломатии Рима. Он описывает военные действия, направления внешней политики, интересы различных сторон в Италии, а затем и в Западном и Восточном Средиземноморье. Также Ливий пишет и о дипломатической деятельности римлян: отправке и приеме послов, положении послов, их неприкосновенности в соответствии с *ius gentium*. В плане изучения римской дипломатии VIII—III вв. до н. э. представляется интересным проанализировать терминологию, использованную Ливием для обозначения посольств и послов. Посольства в Риме назывались легациями (*legationes*) (Liv. I. 10.1; IV. 52.7; XXI. 9.3), а послы — легатами (*legati*) (Liv. VII. 38.4; X. 45.4), ораторами (*oratores*) (Liv. I. 15.5; II. 13.7; V. 16.1; IX. 43.21; X. 11.11; XXI. 24.3; XXV. 29.1; XXXII. 16.14; XXXV. 51.6) и жезлоносцами (*caduceatores*) (Liv. XXVI. 17.5; XXXI. 38.9; XXXII. 32.5; XXXVII. 45.4; XLIV. 46.1).

Ливий использует три термина для обозначения послов в своем труде: *legati*, *oratores*, *caduceatores*, желая подчеркнуть в каждом конкретном случае употребления данных терминов, какую-либо из функций выполняемых послом.

МЕДИЕВИСТИКА

БИБЛИЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Аликин Валерий Александрович,

PhD, зав. отд., Санкт-Петербургский христианский университет

Вечеря Господня и единство верующих со Христом.

Интерпретация Вечери Господней в 1-м послании Коринфянам

1. Для апостола Павла приобщение верующих к хлебу и вину является видимой репрезентацией смерти Иисуса Христа. Такое понимание ритуала Вечери Господней очевидно из так называемой традиции установления Вечери Господней в 1 Коринфянам 1:24—25, где хлеб интерпретируется как тело Иисуса, а чаша с вином — как новый завет в крови Иисуса.
2. В соответствии с ранней традицией, апостол Павел рассматривает смерть Иисуса Христа как спасительное событие, на что указывает ссылка на новый завет и выражение «за вас» в 1 Кор. 11:24—25. Однако смерть Христа является спасительной для тех, кто тесно связан с ним. Посредством единства со Христом верующие участвуют в оправдании Христа Богом.
3. Таким образом, празднование Вечери Господней является не только отображением смерти исторического Иисуса, но и спасительного действия этой смерти. Спасительное действие актуализируется в проведении Вечери Господней.
4. Посредством участия в Вечери Господней верующие объединяются со Христом. Единство, которое устанавливается во время приобщения к хлебу и вину, является отображением единства, которое уже имеет место между Христом и верующими посредством веры во Христа.
5. Итак, Вечеря Господня предполагает единство верующих со Христом и в то же время символизирует это единство. Вечеря господня делает это единство видимым и эмпирическим.
6. Упоминая традицию об установлении Вечери Господней Иисусом Христом, апостол Павел пытается вдохновить верующих в Коринфе вести себя более пристойно в социальном плане по отношению друг к другу. Смерть Христа, на которую указывает Вечеря Господня, является основанием Церкви и, следовательно, единства Христа и верующих.

Битнер Кирилл Андреевич,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

О проблеме происхождения чтения *hsyrwty*

в кумранском свитке Исаяи (Ис 50:6b)

Доклад посвящен проблеме происхождения чтения *hsyrwty* «я отвратил» в кумранском свитке 1QIsaa (Ис 50:6b). Данный свиток представляет собой старейший древнееврейский список библейской книги Исаяи, чтение

hsyrwty является уникальным. По мнению докладчика, первоначальный вариант текста содержится в масоретской Библии (*hstrty* «я скрыл»), кумранский же вариант (*hsyrwty* «я отвратил») появился в результате редактирования текста книжником. Причиной для замены могло послужить то обстоятельство, что в Ис 50:6 слова *hstyr pnyw* не образуют фразеологическое сочетание, обладающее значением «игнорировать, не обращать внимания» (дословно «скрывать лицо от ...»), а используются в прямом значении (как сочетание глагола с существительным). Таким образом, замена *hstrty* на *hsyrwty* имела экспликативную функцию. При этом глагол *hsyrwty* «я отвратил» был выбран в качестве замены по той причине, что он является паронимом *hstrty* «я скрыл».

Голинец Виктор Исаевич,

к. филос. н., проф., Hochschule für Jüdische Studien (Гейдельберг, Германия)

Филология и *onomastica sacra*:

значение сравнительной семитологии

для объяснения библейских имен собственных

Для правильного понимания имен основное значение имеет понимание ономастической типологии. Затем следуют грамматические (морфология и синтаксис) и лексические критерии. В семитских языках есть типы имен, засвидетельствованные во многих языках. Межъязыковое сравнение позволяет убедительно толковать сложные имена отдельных языков.

Дружинина Екатерина Андреевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

«Храни как зеницу ока». К истории выражения

Русский фразеологизм «хранить как зеницу ока» воспроизводит выражение $\varphi\lambda\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\upsilon\iota\ \acute{\omega}\varsigma\ \kappa\acute{o}\rho\alpha\nu\ \acute{\omicron}\varphi\theta\alpha\lambda\mu\acute{o}\upsilon$ (Sept. Deut. 32, 10, Ps. 16, 8), где *kóra*, вероятно, означает «зрачок», хотя чаще это слово означает «девушка». Любопытно, что такая же полисемия наблюдается и у древнееврейского существительного *bat*, являющегося прообразом *kóra*, и у славянского *зѣница*.

Козырев Евгений Васильевич,

асп., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Трудные случаи перевода православных канонических текстов на японский язык

1. Религия как один из мощнейших культуuroобразующих элементов жизни любого общества — яркая детерминанта культурной идентичности. Уникальный японский религиозный синкретизм — камень преткновения для проникновения и развития инокультурных монотеистических религий.
2. История развития христианских конфессий в Японии.

3. Трудности при переводе лексем с тонкими семантическими различиями из-за культурных особенностей русской традиции, отраженных в церковнославянском, русском и украинском языках.
4. Особенности перевода базовых литургических таинств (*славословие, покаяние, благодарение, прошение*).
5. Отражение в японоязычном переводе понятия *мира*.
6. Актуальность создания церковнославянско-японских толковых словарей.

Немировская Адель Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Этапы развития орфографии от идеограмм к фонограммам на перекрестках древнего Ближнего Востока (египетская иероглифика, аккадская клинопись, западно-семитский алфавит)

Начиная с XV в. до н. э. для записи чуждой лексики, по преимуществу семитских языков, египетские писцы начали создавать принципиально новую модель письма, «новую орфографию» — гетерографию, при которой для записи словоформа членилась на просодические сегменты «консонант + вокал». Характер консонанта в такой паре был определен фонологически четко, а содержание гласного звука определялось произвольно. *Новая орфография* фонографической моделью не была и сами фонемы непосредственно не фиксировала. Тем не менее, эта орфография была своего рода «калькой» с силлабической системы аккадского письма, сформированной средствами консонантной морфографии. Поэтому в самой себе эта модель заключала важный потенциал: скорописные формы знаков, отвлеченные от художественной образности и составленные из условных черт, могли быть использованы как подлинные буквы для передачи консонантов при смене языка и традиции письменности. Алфавитное письмо, зародившееся приibl. в XVII в. до н. э., широкого распространения во II тыс. не получило. Помимо формальных характеристик, у письма есть глубинная логика: с древности и по сей день это явление идеологическое, связанное с переменной в идеологии и политических ориентирах. Хотя спусковым крючком для появления консонантного алфавита, вероятно, послужила египетская *новая орфография*, однако с сер. XIV в. Угарит отпадает от Египта и входит в сферу влияния Хеттской державы. Угаритяне, вероятно, по принципиальным соображениям переходят на изобретенное ими консонантное письмо, резко контрастирующее с письмом месопотамского образца южных соседей-ханаанеев, близких по языку, однако оставшихся вассалами египетских царей 18-й династии. Широкое распространение к востоку от Средиземного моря алфавитное письмо получает лишь через тысячелетие после зарождения, прим. в VIII в. до н. э. в форме арамейского алфавита. Происходит это на фоне широчайшего распространения с этого времени арамейского языка, потеснившего аккадский в качестве *lingua franca* Ближнего Востока.

Овсянников Сергей Алексеевич,

н. с., Протестантский теологический университет (Амстердам, Нидерланды)

Завершение проекта «Каталог византийских рукописей» в Нидерландах. Результаты и перспективы

Проект «Каталог византийских рукописей» был инициирован Протестантским теологическим университетом в Нидерландах и начат в 2009 году. Субсидирование проекта подошло к концу в декабре 2013-го. Необходимо подвести итоги этого проекта.

К сожалению, не была достигнута главная запланированная заявка проекта — каталог византийских рукописей Нового Завета так и не был создан. На то было несколько причин, которые и будут рассмотрены в докладе.

Мы приведем список проблем, которые рассматривались в ходе выполнения проекта, хотя и не все из них нашли должного решения. Вот некоторые из них:

- различные этапы формирования лекционариев. (Возможное влияние Максима Исповедника на состав чтения Писания во время Литургии);
- 1-й этап формирования, связанный с распределениями Альфа и Бета;
- дополнительные (вставные) чтения: «о Хананеянке» (Евангелие от Матфея 15, 21—28);
- проблема Мирославова Евангелия и рукописи Григоровича 9. Инверсия воскресных чтений.

Выполнение проекта позволило идентифицировать некоторые проблемы исследования греческого лекционария, которые предстоит решить прежде, чем можно будет говорить о новом каталоге византийских рукописей. Одной из таких проблем является соотнесение чтений типа Каппа и Типикона, а также соединение системы Апостольских чтений и Евангельских чтений.

В докладе уделяется внимание различию практики чтений Писания в Греческой и Русской церквях, и особенно современному состоянию этого вопроса в Западной Европе.

Редькова Ирина Сергеевна,

асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

«Городская» терминология в латинских переводах Библии: проблемы интерпретации

Библия, и в первую очередь Ветхий Завет, очень богата материалами о городе и городской культуре цивилизаций Древнего Востока и античности. Перевод Библии на латынь, осуществлявшийся на протяжении нескольких столетий, подразумевал перенос совокупности священных смыслов, образующих замкнутый социокультурный мир, в языковые реальности другого. Это требовало переосмысления и интерпретации как терминологии, свидетельствующей об определенном, сложившемся укладе жизни, так и топонимии. Переводческие «решения» Иеронима, зафиксированные в Вульгате, на столетия определили развитие экзегетики на

латинском Западе. Российский исследователь, работающий с латинскими богословскими источниками, неизбежно сталкивается с проблемой текстуальных несоответствий между латинской, древнегреческой, древнееврейской и церковнославянской версиями Священного Писания как на терминологическом, так и на фактологическом уровне, когда латинский вариант предлагает совершенно иной вариант текста, независимый от других. Например, в книге пророка Наума (глава 3) Ниневия сравнивается с городом Но Амон (как в еврейской, так и греческой версиях), в Вульгате в данном стихе читатель обнаружит Александрию (Nahum. 3:8). В первом стихе первой книги пророка Неемии латинской Библии (Nehemia1:1) Сузы названы «castrum» (лат. замок, укрепленное место), тогда как Синодальный вариант обозначает Сузы в данном стихе как «престольный град». Еврейская Библия называет Сузы как «שׁוּזַיִם», греческая же, а вслед за греческой и славянская версия Священного Писания лишь делают «транслитерацию» этого понятия: «ἐν Σουσαι ἀβιρα», «въ сусанъ-авирѣ». Что же скрывается за этими и другими подобными текстуальными расхождениями Вульгаты от еврейского и греческого текста Писания? Какими переводческими принципами руководствовался Иероним, когда давал «свое», отличное от оригинального текста прочтение? Как данные расхождения повлияли на становление латинской экзегетики?

Сергеева Елена Владимировна,

д. ф. н., проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Козловская Наталия Витальевна,

к. ф. н., докт., Институт лингвистических исследований РАН

Переосмысление богословской терминологии в произведениях Н. Ф. Федорова и Вл. С. Соловьева

Особый тип авторских философских терминов — это переосмысленные термины богословия. Если богословский термин становится значимым для изложения мировоззрения автора, для формулировки философской идеи, то, как правило, наблюдается семантическая деривация лексемы. Термин синкретичен по своей семантической природе и может быть определен как религиозно-философский. Показателен пример воспроизведения и трансформации значения богословского термина «пятидесятница» в произведениях Н. Ф. Федорова и Вл. С. Соловьева. Контекстуальный анализ позволяет сделать вывод о наличии трех значений религиозно-философского термина «пятидесятница» в текстах Н. Ф. Федорова:

1. (с прописной буквы). Христианский праздник дня сошествия Святого Духа на апостолов (в православии — День Святой Троицы), совершаемый на пятидесятый день после Пасхи; основная идея которого — соединение народов в вере и деле Христовом, противопоставляемое вавилонскому смешению языков + объединение человечества в общем деле — в регуляции природы;
2. (со строчной буквы). В словосочетании «*филологическая пятидесятница*»: объединение человечества в одном «всемирном, всенародном, все-

языческом, христианском» языке, который должен быть «результатом сравнительного языкознания»; единство в слове;

3. (со строчной буквы). В словосочетании «*этнографическая пятидесятица*». Духовное родство, крестовое братство, при заключении которого люди разной племенной принадлежности обмениваются образками, становясь крестовыми братьями.

Вл. С. Соловьев употребляет этот термин в двух значениях.

1. Как собственно церковный («Духовные основы жизни»).
2. Как религиозно-философский («Об упадке средневекового мирозерцания»): 1) момент перерождения, духовного возрождения; вообще перерождение, новое духовное рождение церкви и человека; 2) вообще перерождение, новое духовное рождение церкви и человека, а также момент распространения спасения на все человечество.

Стийович Рада Радован,

д. ф. н., с. н. с., Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств

Церковнославянская лексика в Новом Завете в переводе Вука Караджича и в переводе Священного Синода Сербской Православной Церкви

Известно, что Вук Караджич, основоположник современного сербского литературного языка, своей реформой литературного языка прервал средневековую традицию в этой области, а также сократил употребление типов языка, представлявших его модернизированный вариант (славяно-сербский и досифеевский, т. е. язык Досифея Обрадовича), заложив основы литературного языка, базирующиеся на штокавском иекавском восточно-герцеговинском диалекте.

Однако словарный фонд народной речи не был достаточен для выражения сложной проблематики интеллектуального творчества. С данной проблемой Вук встретился, работая над переводом Нового Завета. Для нужд перевода данного произведения он пользовался церковнославянской лексикой, в частности лексикой сербскославянского происхождения (*ва истину, васиони, савршен, сазвати, свештеник*).

В 1984 году появился перевод Синода Сербской Православной Церкви (последнее, исправленное издание — в 2002 году). Перевод Вука Караджича характеризуется народностью и популярностью, проследуя основы миссионерского богословия, в то время как перевод Синода, будучи аутентичным, рассчитан на богослужебные цели.

Автор настоящей работы рассматривает церковнославянскую лексику, употребленную Вуком Караджичем в его переводе Нового Завета, по отношению к переводу Синода Сербской Православной Церкви. Особое внимание уделяется церковнославянским лексемам, в частности лексемам сербской редакции, которые в переводе Синода получили другой вид (по *васионом свијету* (Вук): по *цијелом свијету* (Синод); погигли *безаконијех људи* (Вук): погигли *безбожних људи* (Синод); Јер се у њима *саврши гњев Божиј* (Вук): Јер се у њима *сврши гњев Божији* (Синод)).

Яценко Мария Вадимовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
им. М. А. Бонч-Бруевича

Образы книги Исход в «Церковной истории народа англос» Беды Достопочтенного и в древнеанглийской поэме «Исход»

«Церковная история народа англос» Беды Достопочтенного создавалась в рамках его теологической концепции. «Отец английской истории», Беда воспринимал историю своего народа как продолжение Священной Истории и видел в «народе англос» (в который им были включены и родственные племена саксов, ютов и фризов) новый «народ израильский», которому только после прихода в Землю Обетованную Британии суждено было принять христианскую веру. Вероятно, что подобное отношение к истории собственного народа было и у создателя эпической поэмы «Исход», который, как полагают исследователи, придал истории исхода израильтян из Египта и перехода через Красное море некоторые черты собственного исторического прошлого. «Церковная история» Беды и поэма «Исход» относятся к одной эпохе: «Церковная история» была закончена в 731 г., а поэтические переложения Библии начали создаваться, возможно, в 670—680 гг., а дошли до нас в рукописи к X — началу XI в. Очевидно, что объединяющие эти два произведения образы из книги Исход оказали наиболее сильное влияние на англосаксов того времени. К ним можно отнести образ Земли Обетованной, египетских капищ, возроптавшего возле Красного моря народа, а также образ пророка Моисея.

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЙ РУСИ

Азбелев Сергей Николаевич,

д. ф. н., в. н. с., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Понятие «Устье Непрядвы» в русском летописании

В разных редакциях летописной повести о Куликовской битве постоянно говорится, что сражение произошло «на усть Непрядвы реки». Академик Срезневский в своем словаре древнерусского языка давал пояснение слова «устье»: «Усть — устье реки <...> исток реки: на усть — при истоке — Поста-виша город на усть Невы, на Орёховомъ островё» (дана отсылка к Новгородской первой летописи). Нева, как известно, вытекает из Ладожского озера. Непрядва же вытекала из Волова озера, находящегося в центральной части Куликова поля. Слово «устье» при обозначении истока реки из озера зафиксировано в средневековых источниках не только для Невы, но и для гораздо более протяженных рек. Таковы устье Шексны и устье Сухоны. Составители словарей как в прошлом, так и в настоящем отмечали традиционность устаревающего значения «устье» — «исток реки». Достаточно напомнить словарь Даля или словарь народных географических терминов. Летописцы XIV—XVI столетий, в отличие от наших современников, говоря об устье Непрядвы, подразумевали исток этой реки а не место впадения ее в Дон.

Афанасьева Татьяна Игоревна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Московский переводческий кружок рубежа XIV—XV вв.: новые данные

Евхологий Великой церкви — богослужбная книга, использовавшаяся в храме св. Софии Константинопольской. Богослужение в нем имело специфические особенности в силу того, что это был императорский храм и там совершались патриаршие обряды. Его славянский перевод сохранился в двух рукописях ГИМ, Син. 675 и Син. 900.

Техника перевода этих требников поразительна похожа на переводы Служебника митрополита Киприана ГИМ, Син. 601 (кон. XIV в.). Это проявляется в регулярном использовании конструкции *во еже* + инфинитив для введения придаточных цели, перфектной формы второго лица единственного числа для перевода греческого аориста, в употреблении РАДИ как предлога, а не послелога, в использовании указательных местоимений ТЪ, ТА, ТО в качестве личных. Также в переводе употребляется калька греческой конструкции *coniunctivus prohibitivus*, известная только в текстах, связанных с деятельностью Киприана и Евфимия Тырновского. Однако наряду с киприановскими нормами в Евхологии Великой церкви употребляются русизмы на всех уровнях языка, что свидетельствует о предназначенности этой книги для русского богослужения. Таким образом, перевод Евхология, видимо, осуществляли справщики, работавшие при митрополите Фотии, преемнике Киприана, и среди них были как южнославянские, так и русские книжники.

Вологина Екатерина Здиславовна,

студ., Московский педагогический государственный университет

Еще раз о текстологии «Заветов двенадцати патриархов» в древнерусской книжности (по данным «Завета Левия»)

Время, место и состав славянского перевода с греческого языка апокрифа «Заветы двенадцати патриархов» до сих пор достоверно не установлены, хотя существует априорное мнение, что памятник был переведен целиком в IX—X вв. в Болгарии. Известно, что в древнерусской традиции «Заветы» существуют в двух редакциях — первоначальной и переработанной. Первоначальная (полная) редакция, которая наиболее соответствует греческому тексту, содержится в двух списках — Архивском Хронографе и Троицком 730, переработанная — в Толковой Палее и Полной Хронографической Палее. Переработанная (толковая) версия Толковой Палеи, помимо основного текста апокрифа, включает экзегетические вставки разного объема — от пространных воззваний к «Жидовину», воображаемому собеседнику автора Палеи, до малозаметных вкраплений внутрь оригинальных фраз. Текст «Заветов» в Полной Хронографической Палее можно назвать восполненной толковой редакцией, и он действительно восполнен по тому же переводу, что представлен в полной редакции «Заветов». При этом, основываясь на текстологическом анализе пока только «Завета Левия», рискнем предположить, что восполнение редакции Полной Хронографической Палеи проис-

ходило по некой разновидности полной редакции, не идентичной той, что представлена в Арх и Тр730, при этом последние также не идентичны друг другу, хотя в целом крайне близки между собой.

Грищенко Александр Игоревич,

к. ф. н., доц., Московский педагогический государственный университет

Об идентифицированных и неизвестных источниках «Речей к Жидовину о вочеловечении Сына Божия»

До недавнего времени текст из Изборника XIII в. (РНБ Q.п.I.18, лл. 180—196об.), озаглавленный в рукописи «Речи к Жидовину о вочеловечении Сына Божия», считался уникальным: не были известны ни другие списки этого произведения, ни греческий оригинал (если признавать его переводным, хотя бы частично). Однако за последнее десятилетие было обнаружено семь более поздних его списков, причем дефектных, сохранивших лишь начальную треть памятника и иначе озаглавленных — как «Слово на Жидовы, о иже может Господь зватися Сыном, Ангелом и Человеком»: 1) РГБ Тр. 122, 140об.—144об. (Апокалипсис толковый Андрея Кесарийского с прибавлениями кон. XV в.); 2) РНБ Соф. 1465, лл. 154—156об. (Сборник нач. XVI в.); 3) РНБ Соф. 1464, лл. 333об.—340 (Сборник XVI в.); 4) РНБ Сол. 807/917, лл. 373об.—377 (Сборник посл. четв. XV в.); 5) ГПНТБ СО РАН Тих. 397, лл. 139об.—143 (Сборник сер. XV в.) — эти списки были выявлены В. В. Иткиным и А. Пересветовым-Муратом, нами же открыты еще два: 6) ГИМ Муз. 4034, лл. 188—191об. (Книга Кааф, Кашин, 1414—1415 г.); 7) РГБ Унд. 1, л. 457—458об. (Библейский сборник кон. XV в.). Кроме того, на XXII Международном конгрессе византистов в Софии (22—27 августа 2011 г.) Й. Райнхарт (Вена) сообщил о том, что некоторые части «Речи к Жидовину» имеют греческие соответствия в недавно опубликованном трактате «Anonymus dialogus cum Iudaeis saeculi ut videtur sexti» (по единственной рукописи Vatopedi 236, XII—XIII в.). Впрочем, как нам удалось установить, данный трактат весьма далек от оригинала «Речей», так что последние все еще могут считаться не столько переводом, сколько компиляцией, основанной на переводных фрагментах, причем восходящих не только к греческим текстам, о чем говорит наличие в славянском памятнике гебраизма «машиаакъ» / «машика». Независимо друг от друга мы с Райнхартом пришли к схожим выводам о его локализации: наличие лексических русизмов и контаминация разных редакций ветхозаветного текста говорит в пользу восточно-славянского происхождения «Речей».

Демкова Наталья Сергеевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме жанра «Жития» протопопы Аввакума

«Житие» традиционно воспринимается как памятник, связанный с агиографической традицией, но ряд исследователей обращает внимание на его жанровые связи с «хождениями», духовными завещаниями, с исповедью

и проповедью, «окружными посланиями», романом. Проблема жанровой природы «Жития» связана и с вопросом авторской мотивации создания текста: зачем и для кого Аввакум писал «Житие»? Ранняя старообрядческая литература велика и разнообразна: создавались своды ошибок в новых богослужебных текстах, писались челобитные царю и патриарху, шла работа историографов, собиравших свидетельства о церковной реформе. Эти сочинения предназначались в основном ученым книжникам, богословам. Аввакум же обратился к кругу читателей из посада, оказавшихся в полной растерянности от трагедии раскола Церкви, от жестокости репрессий власти, от незнания будущего, грозящего концом света. Именно для этого круга людей, стремясь ответить на их вопросы, Аввакум писал «Житие», как и «Книгу бесед» и многие свои послания. Аввакуму было важно показать в «Житии» «живую жизнь» человека, искренне преданного евангельскому учению, противостоящего силам зла в любом их обличи. Эта идея отвечала его долгу священника, духовного отца, он искренне чувствовал ответственность за слова и поступки перед лицом многих. И важно было быть понятым, отсюда четкая ориентация на народную речевую культуру. Рассматривая различные подходы к определению жанра «Жития», следует напомнить точку зрения самого Аввакума. Она сохранилась в двух первоначальных текстах памятника, двух различных редакций — в Прянишниковском списке и в списке переделки редакции Б конца XVII в.: «Начало книги сея бытия...», т. е. Аввакум задумывал «Житие» как жизнеописание без специальной ориентации на агиографический канон, творчески используя элементы различных древнерусских жанров. Аввакум создал уникальное авторское произведение. Прагматика текста определила его поэтику.

Духанина Александра Владимировна,

к. ф. н., сотр., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

О типах сборников, содержащих Пространную редакцию Жития Сергия Радонежского

Пространная редакция Жития Сергия Радонежского (ЖСР), созданная, по-видимому, в начале XVI в., как принято считать, частично сохранила текст Епифаниевской редакции ЖСР, не дошедший до нашего времени в полном виде. Текстология Пространной редакции, как, впрочем, и всех других многочисленных редакций ЖСР, созданных на протяжении XV—XVII вв., изучена крайне слабо. В частности, совершенно не освещен вопрос о типах четых сборников, в составе которых встречаются списки тех или иных редакций ЖСР. Изучение этого вопроса позволит пополнить наши знания не только об истории текста ЖСР, но и о функционировании и развитии разных типов четых сборников, а также о работе древнерусских книгописных центров. На данный момент известны 52 списка Пространной редакции ЖСР, которые встречаются в следующих типах сборников: 1) Миней четьи; 2) Минейные торжественники; 3) Сборники житий (и слов) разного состава. Здесь особо следует отметить сборник, который включает

тексты, посвященные Сергию Радонежскому и Никону Радонежскому, — эту разновидность сборника можно назвать Троицким сборником; 4) Монографические агиографические сборники (термин выработан сотрудниками ИРЛИ РАН (см., например: [Карбасова 2011]). Можно полагать, что формирование монографического агиографического сборника, посвященного Сергию Радонежскому, связано именно с Пространной редакцией и относится, видимо, уже ко времени создания самой редакции. При этом такие сборники были достаточно широко распространены в центральной Руси, тогда как на севере почти не представлены.

Золото Анастасия Сергеевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

**Переводы Олеария в Московской Руси во 2-й половине XVII в.:
наблюдение над источниками**

Адам Олеарий (1600—1671 гг.) — немецкий путешественник, участник голштинских посольств в Московию и Персию. По окончании путешествия составил несколько сборников на немецком и голландском языках, включивших в себя его собственные переводы текстов Саади и других восточных авторов. Один из сборников был переведен на древнерусский язык во 2-й половине XVII в.

Переводчик этого сборника неизвестен. М. Д. Каган в статье из «Словаря книжников и книжности Древней Руси» предположила, что это мог быть житель немецкой слободы. Однако, судя по всему, перевод был сделан в Посольском приказе в Москве человеком, плохо владевшим немецким языком: как отмечает А. И. Соболевский в своей работе «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.», перевод «плохой и буквальный», язык же перевода «простой, местами съ полонизмами».

Не вполне ясно, был ли переведен сборник целиком. Рукописи (F.XVII.4 и F.XV.12, Основное собрание РНБ), в которые входят переводы «Бустана» и «Гюлистана» Саади из сборника Олеария, разнятся по своему содержанию. Так, кодекс F.XV.12 представляет собой сборник из четырех текстов: «Гюлистан», басни Локмана, арабские изречения, первые две главы «Бустана», но нумерация листов в нем начинается с 174, что позволяет предположить, что рукопись F.XV.12 представляет собой продолжение другой рукописи. Рукопись F.XVII.4 включает, помимо вышеперечисленных текстов, ряд других, но при этом является конволютом, т. е. состоит из различных рукописей, объединенных в одном переплете. Подтверждают это часто меняющиеся почерки, способы нумерации листов, филигранны.

Анализ филиграней рукописей позволяет сделать вывод о том, что обе они создавались в конце XVII — начале XVIII вв. Среди филиграней герб города Амстердама в различных вариациях, лилия, растение в картуше и др. Датировку подтверждает и сохранившаяся в обеих рукописях нумерация листов и тетрадей, выполненная буквенной цифирью.

Подробных исследований рукописей и содержащихся в них переводов не проводилось. Тексты остаются неопубликованными.

Карманова Мария Дмитриевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Метод компьютерного анализа эмблематических стихотворений Симеона Полоцкого с помощью концепт-карт

«Вертоград многоцветный», занимающий важное место в творчестве Симеона Полоцкого, содержит более тысячи стихотворений. В силу этого его изучение осуществляется либо на материале отдельных текстов, в которых ярко выразились особенности поэтики барокко (И. П. Ерёмин, Р. Лахманн), либо в виде общей характеристики тематики и проблематики сборника (Л. И. Сазонова). Однако после выхода полного издания «Вертограда» (А. Хипписли, Л. И. Сазонова) появилась возможность целостного анализа этого сборника с учетом взаимосвязей входящих в него текстов.

Мной был разработан и использован метод компьютерного анализа эмблематических стихотворений в составе «Вертограда многоцветного» с помощью концепт-карт. Эти стихотворения образуют группу текстов (несколько сотен) с общими формальными и содержательными характеристиками. Они имеют двухчастную композицию, соотносимую со структурой эмблемы как жанра литературы барокко: каждое стихотворение состоит из «образа» (детализированного описания какого-либо объекта) и его толкования, в котором каждая деталь «образа» получает иносказательное осмысление. Наличие такой легко формализуемой структуры и делает возможным компьютерный анализ этих текстов.

С помощью программного обеспечения для создания концепт-карт (mind-maps), мной был составлен словарь эмблематических образов «Вертограда многоцветного», позволяющий решать следующие задачи:

- анализировать место образов, концептов, тем в образной системе сборника (например, установить в каких метафорах используется то или иное понятие);
- описать структуру взаимосвязей между «образами» и толкованиями;
- выявить закономерности в соотношении формы и содержания эмблематических стихотворений, опираясь на анализ всего массива этих текстов.

Возможно расширить эту схему концептов, включив в нее более полные сведения об эмблематических стихотворениях (источники, место в сборнике и др.), а также анализировать с помощью этого метода другие тексты, имеющие выраженную формализованную структуру.

Конявская Елена Леонидовна,
д. ф. н., проф., Университет Российской академии образования

Образ половцев в ранних русских летописях

Трактовка ранними летописцами русско-половецких военных конфликтов с историсофских позиций, в контексте библейских аналогий, конфессиональной и этнической самоидентификации неоднократно исследовалась в научной литературе, плодотворная разработка этой проблематики ведется

и в последнее время. Меньше изучались рассказы о русско-половецких контактах и столкновениях с точки зрения их непосредственного восприятия русскими — как врагов и соседей, союзников и родственников и т. д. Несмотря на то, что менялись взаимоотношения (колебания в соотношении сил, установление со временем родственных связей, устойчивые союзнические взаимодействия с тем или иным княжеским родом и т. д.), ряд принципов изображения половцев в ранних летописях оставался неизменным вплоть до конца XII века (речь не идет о так называемых «своих поганых»). В качестве первой характерной черты такого изображения можно отметить отсутствие какой-либо персонификации: даже когда называются имена ханов или воевод, это не меняет картины: их образы остаются не индивидуализированными. И если в рассказе присутствует прямая речь, то это речь или внутренний монолог «условно коллективные». Другая постоянная черта в сюжетах с половцами — это своеобразная трактовка этических проблем. Нельзя сказать, что в летописных повествованиях русские идут на коварные и жестокие поступки по отношению к половцам безо всяких колебаний. Владимир Мономах не сразу решает на убийство Итларя и его дружины, напоминая советникам, что он с этими половцами «в роте». Его убеждают, напоминая, что сами половцы нарушали роту неоднократно. В рассказе о победе над половцами Михалки Юрьевича говорится о некоторой рефлексии «наших» относительно участи захваченных в плен половцев «сторожей», которые дали ценные сведения о размере и передвижении основных войск. Однако русские решаются на убийство всех пленных, ибо в противном случае в дальнейшем они проявят себя как «первые ворози». (Грант РГНФ № 13-04-00010).

Макеева Ирина Ивановна,

к. ф. н., с. н. с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Сборные разновидности цикла ранних сказаний о чудесах св. Николая Мирликийского

Цикл ранних сказаний устанавливается на основе двух списков XII в. и XIII в. и включает 10 чудес. На основе порядка следования текстов, их состава и количества устанавливаются разновидности цикла. Их выделено семь. Устойчивые разновидности, содержащие одни и те же и следующие в одном порядке тексты, связаны с редакциями сказаний. Сборные разновидности цикла (полная и краткая) содержат произвольное количество текстов, извлеченных из разных источников и относящихся к разным редакциям. В этом случае писцы демонстрировали наибольшую свободу как в отборе произведений, так и в собственно языковых изменениях.

Как правило, в сборных разновидностях ранние чудеса следуют вперемешку с поздними, поэтому цикл не имеет самоназвания, которое есть в устойчивых разновидностях. Однако встречаются исключения, указывающие на генетическую связь сборной разновидности с другими. Варьируются также самоназвания самих сказаний.

Редко в сборную разновидность входят все 10 текстов, 9 или 8. Чаще прочих отсутствуют двойное чудо свв. Николая и Георгия и чудо о трех воеводах, реже — чудо о Петре. Иногда включается устойчивая разновидность — «Малое „Сказание чудес“», содержащая два сказания — о Дмитриии и о попе Христофоре. Цикл может быть дублирующим, то есть одни и те же чудеса повторены дважды (Пог-772).

Поскольку тексты извлечены из разных источников, в одном списке оказываются сказания в разных редакциях. В Ег-1843 4 текста из 6 вошли в первой старопечатной редакции (по московскому изданию 1640 г.). В Унд-584 находится сокращенная редакция.

В текстах, восходящих к ранней или поздней редакции, а) варьируются отдельные слова и формы; б) то же самое сочетается с переработкой отдельных фрагментов; в) сохраняются в первоначальном виде лишь некоторые фрагменты при переработке большей части сказания. Обнаруживаются общие принципы переработки текстов, имеющие параллели в народной культуре (духовных стихах).

Мешкова Анастасия Владимировна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Повесть о Черногорском (Красногорском) монастыре:
наблюдения над языком Окончательной и Московской редакции

Повесть о Черногорском (Красногорском) монастыре представляет собой цикл из двух сказаний — о чудотворной иконе Богородицы Владимирской и о чудотворной иконе Богородицы Грузинской. Первоначальная (5 списков) и Окончательная (35 списков) редакции повести были созданы выходцем с Пинеги, купцом Иваном Богдановичем Щепоткиным в первой половине XVII века. Автор Московской редакции кон. XVII — нач. XVIII вв. (сохранившейся в единственном списке) неизвестен, однако он, несомненно, пользовался Окончательной (второй) редакцией повести о Черногорском монастыре.

Наши наблюдения над языком двух редакций Повести показывают, что текст, во-первых, отражает состояние поздней церковнославянской языковой нормы, и, во-вторых, дает представление о лингвистической компетенции писцов. Так, например, сопоставим фразу по списку Окончательной и по списку Московской редакции:

И тако вкупѣ прославиша Бога <...> И воставше, идоша во церковь [Окончательная редакция, РГБ, ф. 214 (Оптина пустынь), № 163, л. 18 об.].

И тако вкупѣ прославиша Бога и, воставше, идоша в церковь [Московская редакция, БАН, Арх. собр Д. 548, л. 23].

В обоих контекстах речь идет о двух людях — иерее Мироне и игумене Варлааме — которые стояли у истоков основания Черногорского монастыря. В Московской редакции глагол в форме 3 дв. Окончательной редакции заменен на 3 мн. Подобные грамматические упрощения встречаются в тексте довольно часто. Ошибки преимущественно возникают в тех случаях,

когда книжник намеренно сокращает текст источника и излагает события в пересказе.

В результате анализа можно заключить, что язык текста в обеих редакциях консервативен и обнаруживает последовательное соблюдение основных норм книжно-славянского языка позднего периода, характерных для текстов повествовательного жанра. Обе редакции используют архаичную систему прошедших времен — основным временем повествования является аорист, при этом л-формы встречаются крайне редко и преимущественно в перфектном значении.

Новак Мария Олеговна,

к. ф. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

О синтактико-смысловом членении в древнеславянских рукописях Апостола

В сообщении обсуждаются особенности синтактико-смыслового членения фрагмента Посланий апостолов, представленного в разновременных древнеславянских рукописях. Чтение Евр. 11:1 (в критическом издании GNT4: *estin de pistis elpizomenon upostasis, pragmaton eleghos ou blepomenon*) содержит единственное во всем Новом Завете определение веры, которое приобретает различные смысловые нюансы под воздействием ряда грамматических факторов.

1. Порядок слов. Возможна препозиция либо постпозиция форм, передающих греческое *pragmaton*, по отношению к ключевому *upostasis* (варианты славянских списков *ипостась / съставъ / имѣнїе*). Препозиция характерна для списков, представляющих как архаичную, так афонскую редакцию текста. В рукописях, имеющих отношение к преславскому переводу, наблюдается постпозиция. На вопрос о связи данной ситуации с вариантами греческого текста, можно ответить утвердительно, исходя из данных GNT4.
2. Вариация залоговой характеристики причастий, передающих греческое пассивное причастие в родительном падеже *elpizomenon*. Среди славянских форм есть как страдательные, типа *упѣвакмымъ / надѣемымъ*, так и действительные, типа *уповающимъ / уповающихъ*. Появление активных причастных форм может быть связано либо с неточным пониманием глагола *elpizo* «надеяться» как отложительного, либо с осознанным стремлением придать контексту то или иное звучание.
3. Знаки препинания в славянских контекстах. Вкупе с лексическими разночтениями, порядком слов и залогом причастия они создают совершенно различные дефиниции веры, ср.: *есть же вѣра надѣемымъ · вешемъ упостась · обличение невидимымъ* (Слепч, Хвал) — «вера есть основание предметов надежды, проявление невидимого»; *Есть же вѣра упѣвакмымъ. имѣнїе вешемъ. обличенїе невидимымъ* (Христ) — «вера есть обладание предметами упования, проявление невидимого»; *есть же вѣра уповающих ипостаси. вешїи обличеню видимых* (ЧНЗ) — «вера есть опора надеющихся, (и) проявления видимых вещей», и т. д.

Пентковская Татьяна Викторовна,
д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Среднеболгарский перевод Толкового Апостола
и его восполнение в переводе Максима Грека:
к сопоставительной характеристике**

1. Болгарский перевод Толкового Апостола (в объеме Деяний и соборных Посланий) возник в Тырнове в XIV в. при царе Иване-Александре. Основной представитель этого перевода — рукопись РНБ, F.I.615 (1516 г.). Список этого перевода, попавший на Русь, содержал значительную лакуну во второй части Деяний, которая в 1519 или 1520 г. была восполнена переводом Максима Грека [Алексеев, 1999, 188, 202].
2. Изучение основного текста Апостола и толкований в переводе Максима Грека выявляет их неоднородность. Язык основной части не совпадает с языком толкований. В то же время он отличается от основной части тырновского перевода. По всей вероятности, при переводе толкований Максимом Греком основной текст Апостола не редактировался.
3. Сопоставление толкований в двух переводах демонстрирует различия как текстологического, так и лингвистического порядка. К числу лингвистических отличий, которые будут рассмотрены в докладе, принадлежит, в частности, передача имен собственных, толкование которых обнаруживает не только несходство переводческих подходов, но и разницу в уровне и характере историко-культурной компетенции переводчиков.

Рождественская Татьяна Всеволодовна,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

**К типологии двух центров древнейшей славянской письменности:
Великий Преслав и Великий Новгород**

1. Древнейшие памятники славянской письменности, найденные в Болгарии, — глаголические и кириллические надписи — датируются рубежом IX—X вв. и первой половиной X в. и относятся к периоду распространения славянской письменности усилиями учеников Кирилла и Мефодия, поддержанными просветительской деятельностью царя Симеона. Славянская письменность и славянский литургический язык (после Преславского собора 893 г.) развиваются в уже христианизированном государстве, в условиях длительного сосуществования в пределах единой контактной зоны византийской греческой и праболгарской рунической письменных традиций. Этот процесс закономерен в ходе становления Болгарской державы с новым столичным христианским центром в Преславе.
2. Северная Русь IX—X вв. в дохристианский период также представляла собой особую контактную зону, в которой следы использования письма в практических целях представлены эпиграфическими памятниками, относящимися к разным этносам, языкам и алфавитам — скандинав-

ским, куфическим арабским, греческим, что связано с пестрым этническим составом населения, вовлеченного в круг славянского, балтского, финно-угорского и скандинавского взаимодействия.

3. Если в христианской Болгарии до прихода учеников Кирилла и Мефодия государственным и церковным языком был греческий, то письменный славянский язык на Руси появляется как бы на пустом месте, одновременно с христианизацией, сопутствуя ей.
4. Дальнейшая судьба церковнославянского языка в Болгарии (и у южных славян) и на Руси определялась общим кирилло-мефодиевским наследием, развивавшимся в своих локальных вариантах в зависимости от местных языковых традиций и особенностей языковой ситуации.

Сосновцева Елизавета Григорьевна,

к. ф. н., м. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Формы прошедшего времени в русских житиях XVIII вв.:
семантика и употребление

1. Язык оригинальных памятников на церковнославянском языке, создававшихся старообрядцами, отличается консервативностью. В рассматриваемых текстах она проявляется прежде всего в ряде морфологических и синтаксических признаков (в области именного и глагольного словоизменения, употребления специфических книжных конструкций).
2. Материалом для доклада послужили памятники Выговского старообрядческого общежития, изданные Е. М. Юхименко (Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008), а также ряд текстов, созданных старообрядцами Верхневолжья.
3. Язык исследуемых памятников ориентирован на соблюдение строгих книжных норм, а источниками, из которых авторы житий получали представление о соответствующих правилах, могли быть как авторитетные тексты, так и грамматическая традиция XVII в.
4. Вместе с тем создание новых памятников (в том числе житий) оригинального содержания не могло не привести изменениям на лингвистическом уровне. Закономерным стало переосмысление функций ряда форм (простых претеритов, действительных причастий, сложных прошедших времен). В тексты неизбежно проникали некнижные формы, которые, несмотря на свою малочисленность, нуждаются в интерпретации.
5. В докладе предполагается рассмотреть случаи употребления и стандартных, и некнижных глагольных форм не только с точки зрения формальной правильности/ошибочности, но и с точки зрения передаваемой ими грамматической семантики.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Касевич Вадим Борисович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Академическая профессия и либеральное образование

Болонский процесс, как известно, ставил своей целью создание общеевропейского пространства высшего образования. Две ключевые фигуры образовательной системы — студент и преподаватель — при этом оказывались в разной степени «в фокусе»: идеалом провозглашалась «студентоцентричная» система; практически не делалось попыток обнаружить функционально общезначимые признаки в статусе и деятельности преподавателя как субъекта академической профессии. Эта неразработанность четких представлений об академической профессии сохраняется и сегодня, через 5 лет после формального завершения болонского движения (2009 год). В докладе сопоставляются важные параметры систем высшего образования с точки зрения статуса и деятельности преподавателя, преимущественно в странах БРИК, а также в США. Важным следует признать социальный статус преподавателя: является он государственным служащим (Китай, Бразилия) или же свободно нанимаемым работником. Правила найма также оказываются различными. В США профессор на определенном этапе получает все преимущества пожизненного найма (tenure), что определяется целым рядом условий (стаж, интенсивность исследовательской деятельности и т. п.). Основным содержанием деятельности профессора считаются научные исследования, а не преподавание. Особого интереса заслуживает сегмент высшей школы, известный как «либеральное образование» (в наибольшей степени распространенный в США). Отвлекаясь от технологических аспектов, можно сказать, что либеральное образование — это высшее общее образование. По данным социологов, в последнее время либеральное образование в США в определенной степени теряет популярность. Один из способов преодоления этой тенденции — устранение гуманитарного уклона, изначально присущего либеральному образованию, и введение в образовательные программы существенных элементов точных и естественных наук (ср. практику Bard College'a, США).

Медведева Наталья Владимировна,

к. ф. н., доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Возможности реализации компетентностно ориентированного обучения в УМК по русскому языку в свете нового Федерального государственного образовательного стандарта

- Содержание ФГОСа второго поколения.
- Предметное содержание примерных программ по русскому языку в свете компетентностно ориентированного обучения.
- Анализ существующих УМК по русскому языку для основной школы с точки зрения концепции компетентностно ориентированного обучения.
- Моделирование урока в свете требований нового ФГОС.

Могилевская Вера Сергеевна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича

Формирование и совершенствование языковой личности студента при изучении курса «Русский язык и культура речи»

Формирование и совершенствование языковой личности студента — одна из главных задач курса «Русский язык и культура речи». Этот процесс осуществляется на лекциях и практических занятиях, в самостоятельной работе студентов, готовящих письменные и устные тексты разных жанров и стилей к аудиторным занятиям и к зачету.

Совершенствование навыков связной речи — устной и письменной — формирует речевое поведение учащихся вуза. А культура речевого поведения человека — это существенная социальная характеристика, проявление общей культуры, соотносимой с внутренней культурой, образованием и воспитанием.

Анализ письменных работ студентов одной из групп первого курса СПбГУТ, выполненных в течение семестра, и их докладов и творческих заданий к зачету позволяет определить некоторые особенности речевого портрета учащихся нашего вуза. Уровень речевой культуры студентов достаточно высок. Они умеют аргументировать основные положения докладов на зачете о современной речевой ситуации наблюдениями над речью окружающих людей либо над языком средств массовой информации — печатной и мультимедийных (включая интернет).

Достаточно хорошие устные аннотации докладов, творческих заданий, интересные формы представления их, включая презентацию с видеорядом, объективное рецензирование (не подготовленное заранее публичное выступление) позволяют надеяться, что система работы при изучении курса «Русский язык и культура речи» внесла свою лепту в формирование и совершенствование языковой личности студента нашего вуза и определила достаточную привлекательность его речевого портрета.

Ровенко Елена Владимировна,

к. иск., преп., Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского

Шарль Бодлер и Эжен Делакруа:

живописное в переводе на музыкальные категории

Родство разных видов искусств — одна из излюбленных тем в эстетике романтиков. Специфический «диалог» ведут на эту тему Ш. Бодлер и Э. Делакруа. Наиболее родственными в представлении и поэта, и художника оказываются музыка и живопись, поскольку оба эти искусства, по словам Делакруа, выше конкретного мышления («au-dessus de la pensée»), и их преимущество перед искусством слова в особой «неопределенности», «беспредельности» («vague») художественного смысла. Данная характеристика не может относиться к предметному аспекту полотен мастера, ведь они всегда воплощают продуманный до деталей сюжет, легко репрезентируемый вербально. Неоднозначность смыслообразования затрагивает композиционный аспект картин Делакруа, и прежде всего — уровень выразительных средств, в силу того, что последние (цвет, линия, колорит) обладают семантической самодостаточностью безотносительно их функции выражать предметную конкретику, и наделены спектром смысловых нюансов (например, семантика того или иного цвета). По словам Бодлера, у Делакруа колорит «мыслит сам по себе», независимо от предметов, которые он призван облечь, что трактуется поэтом как особое качество музыкальности. Действительно, эмансипация художественного смысла от предметного аспекта сближает живопись с музыкой, априори независимой от форм зримого мира. Поэтому Бодлер, рассматривая выразительные средства романтической живописи как самоценные феномены, находит каждому из них эквивалент среди выразительных средств музыки. Эта попытка перевода феноменов пространственного искусства в категории искусства временного преобразует саму сущность живописи и заставляет посмотреть на нее как на искусство, обладающее собственным временем, имманентным разворачиванию красочного материала. Так, у Бодлера феномен колорита предстает в динамическом плане, в виде постепенной модуляции тонов, коррелирующей с феноменом мелодии как символа дления в музыке; а становление тональной гармонии проводит к заключительному аккорду.

Цзян Цюли,

асп., Пекинский университет иностранных языков

Проблемы и методики преподавания русского языка
в вузах Синьцзяна

Целью работы является анализ проблем и методик преподавания русского языка в вузах Синьцзяна. В настоящее время в Китае русский язык преподается более чем в ста вузах, в которых учатся более двадцати тысяч студентов. В Синьцзянском университете учится больше всего сту-

дентов и работает больше всего преподавателей. Недостаток в опытных и квалифицированных преподавателях, несбалансированность программ и отсутствие единой методики — это основные проблемы, связанные с преподаванием русского языка в вузах Синьцзяна. Еще одной проблемой является квалификационный уровень преподавания, среди преподавателей мало профессоров и доцентов. По мере развития отношений стратегического партнерства и взаимодействия между Китаем и Россией, в будущем в Китае нужно больше и больше специалистов и переводчиков русского языка. Данный доклад посвящен результатам анализа этих проблем и возможным путям их решения (предложены перспективные по мнению автора методики преподавания русского языка, способы повышения квалификации преподавателей, возможности обмена перспективным опытом для подготовки необходимых настоящих специалистов и переводчиков русского языка.

Эсоно Александр Флорентинович,
м. н. с., ЦВЗ «Манеж»

К вопросу об испанской полихромной скульптуре в курсе «Искусство Нового времени»

Доклад посвящен проблеме преподавания такой специфической темы, как испанская полихромная скульптура — в рамках курса «Искусство Нового времени». Полихромная скульптура Испании XVII в. рассматривается в докладе как одно из важнейших явлений испанской культуры барокко, что позволяет произвести переоценку места этого феномена в преподавании темы «барокко». В связи с этим возникает ряд методологических вопросов, которые нуждаются в специальном освещении и изучении. Во-первых, полихромная скульптура является синтезом искусств, так как производилась профессиональными скульпторами и расписывалась профессиональными же живописцами (например, сотрудничество Фр. Пачеко и Х. М. Монтаньеса), что по-новому позволяет взглянуть на искусство Испании. Во-вторых, полихромная скульптура должна быть рассмотрена не только с точки зрения теории Контрреформации, но и с точки зрения возникновения и развития таких понятий, как «массовое искусство», «популярная красота» и «национальное искусство», занимающих столь значимое место в искусстве Нового времени. В-третьих, оказывается, что изучение искусства Нового времени на всем Пиренейском полуострове (а также в Центральной и Южной Америке) немислимо без углубления в материю полихромной пластики — ведь ее производство имело поразительные масштабы и широчайшее распространение, наряду с религиозными действиями и театром. В-четвертых, при изучении этого периода в испанском искусстве важно уделить достаточное внимание творчеству таких выдающихся мастеров, как Алонсо де Мена, Алонсо Кано, Педро де Мена, Хуан де Меса, Хосе де Арсе и проч. и их мастеровских, так как скульптор имел достаточно высокий социальный статус в Испании XVII в.

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ СРЕДСТВА В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Кольцова Ольга Вячеславовна,

к. ф. н., доц., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Кучерова Татьяна Николаевна,

к. ф. н., доц., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Использование мультимедийных средств при обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей

Высокие требования нового федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования к уровню овладения иностранным языком студентов неязыковых специальностей, необходимость формирования социокультурной и профессиональной компетенций привели к активному внедрению современных информационных и коммуникационных технологий в учебный процесс, что способствует его модернизации и творческому воспитанию личности будущего специалиста. К таким технологиям относятся и мультимедийные средства, которые могут быть использованы для ознакомления с новым языковым материалом, на этапе тренировки, на этапе применения сформированных знаний, навыков, умений и на этапе контроля. В статье говорится о применении мультимедийных средств в практике выработки соответствующих речевых навыков и умений оперирования языковым материалом на занятиях по немецкому языку со студентами географического факультета на примере обучения такому виду речевой деятельности, как говорение. При этом учитываются актуальные идеи межпредметной интеграции, что способствует формированию языковой компетенции, ориентированной на изучаемый предмет, координации и углублению умений и навыков, приобретаемых, с одной стороны, при обучении языку, с другой стороны, при изучении предмета «география», чтобы студенты могли проблемы по специальности обсуждать и представлять на немецком языке.

Практика показывает, что языковые трудности возникают у студентов прежде всего при выработке таких умений и навыков, как описание, объяснение, выводы, оценка, сравнение. В статье приводятся примеры заданий, способствующих формированию данных умений и навыков. При этом использование мультимедийных средств делает возможным когнитивные процессы анализа, синтеза и оценки географических явлений на немецком языке.

Панасюк Ирина Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Слуховое восприятие числовой информации

Проблема исследования слухового восприятия и запоминания числовой информации на иностранном языке является в настоящее время весьма актуальной и недостаточно исследованной, хотя эмпирически преподава-

телям хорошо известно, что числительные воспринимаются и запоминаются хуже, чем фактическая, содержательная информация. Для изучения особенностей слухового восприятия числовой информации использовался аутентичный речевой материал передач британской радиовещательной компании BBC, в частности, серия программ «История Британии в цифрах» (2013). Данный цикл был выбран ввиду его высокой насыщенности разного рода числовой информацией. Во время занятий по аудированию студентам 2-го курса английского отделения предлагалось при однократном прослушивании 15-минутной передачи (всего 10 передач) фиксировать числовую информацию путем заполнения специально составленной преподавателем таблицы. Анализ полученных результатов показал, что правильность восприятия числительных зависит от ряда лингвистических факторов, среди которых можно отметить следующие: фонетическая структура числительных (смешение фонетически сходных числительных типа «thirteen» и «thirty»), «размерность» числительных (смешение сотен и тысяч), а также тип числительного (порядковое, количественное). Было также выявлено, что существует прямая корреляция между уровнем владения иностранным (английским) языком и количеством ошибок на восприятие числительных.

Потапова Ирина Евгеньевна,
Санкт-Петербургская гимназия № 227

Исследование эффективности обучения аудированию в лингафонном кабинете SANAKO 90

Новые открытия в области инновационной педагогики помогают добиться лучших образовательных результатов. Инновационные технологии способствуют совершенствованию процессов обучения и управления классом. Разнообразие средств управления классом позволяет повысить мотивацию и развивает языковую коммуникативную компетенцию. Цель исследовательской работы — выявить возможности внедрения информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в учебно-воспитательный процесс для развития личности ребенка, его интеллектуальных и познавательных способностей, лежащих в основе овладения иностранным языком, а также эмоций и чувств, готовности к общению в разных видах коллективного взаимодействия. Исследование проводилось в течение трех лет с 2010 по 2013 г. среди учеников 3—5-х классов, 7—9-х классов, 10—11-х кл. (общее число участников — около 80 человек). Работа началась с проведения опроса учащихся с целью выяснения мотивации к изучению иностранного языка, мотивации к изучению иностранного языка с использованием ИКТ, выяснения затруднений в овладении языком на основании самооценки учащихся. Результаты анализа анкетирования, представленные в виде диаграмм и графиков, свидетельствуют о том, что в процессе обучения в лингафонном кабинете трудности, связанные с аудированием, в основном снимаются. Были разработаны контрольно-измерительные материалы (КИМ), позволяющие оценить качество обученности аудированию. Предлагались задания трех уровней сложности в зависимости от класса обучения: тесты (мно-

жественный выбор (базовый уровень), ответы на вопросы (повышенный уровень), изложение (высокий уровень). Представлены образцы КИМов, разработанные для оценки эффективности качества обучения аудированию. Проведен сравнительный анализ уровня сформированности умений в следующих видах аудирования: понимание основного содержания, понимание в прослушанном тексте запрашиваемой информации, полное понимание прослушанного текста. Выявлена динамика улучшения знаний учащихся.

Пузейкина Лариса Николаевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Ребиков Валерий Борисович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Дистанционное сопровождение вводного фонетического курса немецкого языка на платформе Moodle: возможности и перспективы

Вводный фонетический курс является основополагающей дисциплиной при преподавании немецкого языка на филологическом факультете СПбГУ. При постановке правильного произношения необходимо не только знать и понимать теоретические основы фонетики, но и применять полученные знания на практике, закреплять полученные навыки при отработке фонетических упражнений, учитывать методические рекомендации, разработанные с учетом фонетических особенностей родного языка обучающихся (русского). В современных программах обучения иностранному языку достаточно большое количество часов выделено на самостоятельную работу студентов. Существенную помощь в самостоятельной работе может оказать продуманный теоретико-практический вводный фонетический курс, размещенный на платформе Moodle кафедры немецкой филологии филологического факультета.

Слово Moodle является аббревиатурой от Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment. Переводится это словосочетание как «Модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда». Существуют и другие варианты названия этой системы: «Free source e-learning software platform», «Course Management System», «Learning Management System (LMS)», «Virtual Learning Environment VLE)». Эти названия более короткие и подчеркивают какие-то определенные отличительные черты системы. Так, представляется очень удачным название со словом «платформа», т. к. на эту платформу можно устанавливать определенные элементы в зависимости от потребностей и целей. В этот раз целью является вводный фонетический курс немецкого языка. Каждое занятие вводного фонетического курса состоит из двух взаимосвязанных частей: теоретической и практической. Основными видами работ при выполнении практических заданий являются артикуляция и восприятие на слух. Авторы представляют результаты на-

чального этапа формирования вводного фонетического курса на платформе Moodle. Ставятся вопросы соответствия возможностей данной системы поставленным перед студентами и преподавателем задачам.

Репина Татьяна Юрьевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Повышение эффективности усвоения учебного материала с использованием мультимедиа и без

Эффективность усвоения учебного материала неизменно растет в случае правильного и методически обеспеченного использования возможностей мультимедиа, так как повышает мотивацию обучающихся, вносит в учебный процесс разнообразие и актуальность, а также способствует саморазвитию и самообучению.

Опыт преподавания английского языка на факультете свободных искусств и наук СПбГУ показывает, что использование современных педагогических технологий, в частности проектной методики, совместная работа и равная ответственность преподавателя и студента за результаты освоения иностранного языка с учетом индивидуальных академических и профессиональных потребностей является оптимальным вариантом достижения необходимой языковой компетентности выпускника вуза.

В процессе обучения преподавателю необходимо не только модифицировать существующие, но и осваивать и адаптировать новейшие технические и информационные ресурсы для целей обучения. Причин для технической модернизации процесса обучения несколько, но основные — это:

- сокращение аудиторных часов, переход на интенсивную программу преподавания и увеличение количества и качества самостоятельной работы, которая должна получить соответствующую методическую поддержку и техническое обеспечение в процессе преподавания по курсу;
- необходимость знакомства с технологиями, используемыми современным поколением студентов, чтобы найти им соответствующее применение в непрерывном обучении иностранному языку;
- создание языковой среды, имитация ситуаций для коммуникации на иностранном языке, для решения вполне конкретных и реальных задач общения, и т. д.

Во время доклада будут представлены конкретные примеры применения мультимедийных ресурсов в преподавании курса английского языка.

Скрбнева Тамара Григорьевна,

к. ф. н., доц., Владимирский государственный университет

Грамматика в формате слайда

В условиях цейтнота, когда за короткий период необходимо освоить (а значит, не только понять, но и научиться правильно применять в живом общении) достаточно большие объемы языка, вероятно, целесообразным

будет подход к обучению грамматике с помощью текста. Представляется значимым, чтобы текст сам обучал студента быстроте восприятия и реакции. В этом плане идеальным способом введения грамматического текста-образца может служить презентация в PowerPoint. Текст в PowerPoint дает возможность подчеркнуть, причем неоднократно, именно форму, способ придания речи окончательного, завершенного вида.

Филиппов Константин Анатольевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Ребиков Валерий Борисович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

**Организация учебного семинара студентов online и offline:
комплементарный анализ**

Как известно, семинар представляет собой основную форму учебных занятий в университете. Такой способ проведения учебных занятий может затрагивать самые разные дисциплины учебного плана. Применительно к учебному плану кафедры немецкой филологии эта форма проведения занятий затрагивает практически все без исключения учебные профили: преподавание немецкого языка как основного иностранного языка, обучение немецкому языку как второй и третьей специальности, проведение специальных семинаров в рамках основных и вспомогательных лекционных курсов и т. п.

Особого упоминания заслуживают такие формы обучения навыкам самостоятельной научной работы, как учебные семинары по подготовке семестровых курсовых и выпускных квалификационных работ бакалавров, спецсеминары по подготовке магистерских и аспирантских диссертаций. Учебный семинар проводится, как правило, в виде аудиторных занятий, что позволяет преподавателю в удобной для студентов форме обеспечить овладение учебным материалом согласно учебному плану. Преподаватели вуза хорошо знакомы с преимуществами и недостатками этого традиционного вида учебной деятельности.

Интенсификация учебного процесса требует внедрения также новых методик усвоения материала, тем более что современная преподавательская практика диктует применение в учебном процессе новейших достижений компьютерных технологий.

В качестве убедительного примера плодотворного сочетания традиционного проведения семинарских занятий в аудитории (семинар offline) и самостоятельного овладения материалом вне аудитории (семинар online) можно привести специальный семинар по выпускным квалификационным работам бакалавров, введенный в практику на кафедре немецкой филологии с 2012 года. Использование традиционных приемов обучения навыкам научной работы в аудитории в присутствии преподавателя удачно дополняется выполнением заданий студентами в режиме удаленного доступа.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Wilkinson Robert,

доц., Maastricht University, Netherlands

The CEFR and advanced specialist writers in English-medium instruction

In English-medium instruction or integrated content and language learning environments, advanced specialist writers, such as PhD candidates, may be classified as C1 level performers on the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR). They may receive only limited linguistic support for their writing and risk incurring an impression of little progress in terms of language in their writing. This paper investigates the use of C level descriptors to identify self-efficacy in writing in three groups of early PhD candidates in two disciplines, management sciences and life sciences. The study shows an effect of institution (discipline) and confidence on the candidates' rating of their performance of a range of advanced writing abilities. Conclusions suggest that self-efficacy and confidence ratings may help to guide the provision of writing assistance in English-medium instruction or integrated environments.

Багрецова Нина Викторовна,

ст. преп., Северный (Арктический) федеральный университет

О профессионально ориентированном страноведении
(на материале английского языка и нефтегазового дела)

1. В основе подхода к страноведческому образованию в России лежит монокультурный принцип — в фокусе обучения страна изучаемого языка и ее культура. Однако в условиях глобализации международные профессиональные контакты носят поликультурный характер. При этом особая роль в их осуществлении отводится английскому языку как языку-посреднику. Следовательно, необходимо пересмотреть цели и содержание страноведческого компонента англоязычного образования неязыковых вузов на основе принципа поликультурности.
2. Страноведческая компетенция необходима для: понимания культурного многообразия мира; смягчения культурного шока, неизбежного в ситуациях иного культурного окружения; умения прогнозировать потенциальные сложности конкретного межкультурного взаимодействия; выработки стратегий сближения межкультурных различий; использования возможностей невербальной коммуникации; осознания возможности быть неверно истолкованным; понимания возможности табуированности определенных тем; умения быть учтивым и приятным в общении; расширения профессиональной эрудиции и др.

3. Поскольку невозможно приобрести знания о национальной идентичности и культурах всех, с кем могут иметь профессиональные контакты сегодняшние студенты, предлагается профессионально сориентировать эти знания.
4. К страноведческой информации, релевантной для специалистов нефтегазовой отрасли, относятся сведения о: странах и регионах мира, богатых нефтегазовым ресурсами; странах-экспортерах и импортерах нефти и газа; странах-членах ОПЕК; поставщиках нефтегазового оборудования; странах, занимающихся освоением морских месторождений; странах, имеющих опыт разработки месторождений в экстремальных полярных условиях Арктики; о стратегических партнерах России и т. д.
5. Страноведческие знания могут быть долговременными и кратковременными (актуальными на данный момент). Они входят в состав фоновой информации, которая вместе со специальными предметными знаниями образует профессиональные фоновые знания личности.

Божик Святослава Любомировна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

О роли психолингвистических особенностей диалогической речи в процессе обучения английскому языку студентов из КНР

Основной трудностью студентов из КНР при изучении английского языка является проблема говорения и в частности построения диалогической речи на иностранном языке, что, во-первых, вызвано особенностями системы образования в Китае и, в частности, обучения иностранному языку, где основной акцент делается на изучение грамматики, заучивание слов, но не на развитие умения говорения на иностранном языке. Для того чтобы понять причины, вызывающие данные трудности, необходимо рассмотреть особенности диалогической речи с точки зрения психолингвистики, предметом которой является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой. Соответственно, психолингвистика изучает, каким образом личностные и культурные качества отражаются в речи говорящего, как он использует язык в качестве инструмента воплощения, выражения своих мыслей, как влияют индивидуальные, национальные характеристики обучаемого на то, что он говорит, как выражает свои мысли, какие использует грамматические структуры и как лексически наполняет их. Таким образом, рассмотрение диалогической речи с позиции психолингвистики дает объяснение ошибкам, допускаемым в речи студентами, как лексическим, так и грамматическим, объясняет неудачи в процессе обучения и помогает выбрать методы обучения иностранному языку. Особенно важно рассматривать такие особенности при обучении иностранных учащихся, в нашем случае студентов из КНР, т. к. мышление таких учащихся формируется в других культурных и социальных условиях, что дает разницу восприятия и изучения учебного материала.

Бондаренко Лариса Алексеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Использование интернет-ресурсов

французских телевизионных каналов TF1, ARTE, Fr3, Fr5

в преподавании французского языка

Автор объясняет, что именно определило выбор этих рубрик данных телевизионных каналов:

- цикличность;
- свободный доступ;
- наличие архивов;
- поисковые программы;
- небольшая продолжительность;
- занимательность;
- разнообразие форм подачи материала и пр.

Даются конкретные примеры различных видов работы со студентами с использованием материалов интернет-ресурсов указанных телеканалов.

Брагилевский Дмитрий Юрьевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургская государственная

художественно-промышленная академия

Трудности «Simple» для студентов-нефилологов

Минимум часов в неязыковом вузе и потребность специалиста получать информацию непосредственно из первоисточника вынуждает, преподавая перевод, отбирать самое существенное.

Перевод невозможен вне грамматики, и может строиться только на понимании, включая осознанное использование «значимых» терминов, которые должны рассматриваться системно, что способствует уверенному использованию структурно-грамматических моделей и адекватному пониманию оригинала.

Поскольку движение к новому идет от известного, студенты понимают «Simple» буквально, как однословную форму (формы настоящего и прошедшего времени часто так и выглядят), а все остальное как не «Simple», что вносит путаницу, и не дает никакого представления о данной группе времен, равно как и прочих видо-временных формах.

Если исходить из того, что любая личная форма глагола содержит в себе комплексное указание на время, вид, залог, наклонение и т. д., данный термин оказывается внутренне противоречивым, так как с его помощью именуются все действия, кроме перфектных и процессуальных, и большинство форм оказываются не простыми, т. е. «не Simple», поскольку в них больше одного слова:

- все именные сказуемые;
- сказуемые с модальным глаголом;
- формы будущего времени;

- пассивные формы;
- вопросы и отрицания даже в настоящем и прошедшем времени (где исходная форма представляет собой одно слово) превращаются в комплекс из двух (вопрос) и трех (отрицание) слов.

Термин «Simple» выпадает из системы названий остальных видо-временных форм, где названия коррелируют с сутью именуемых явлений, указывая на характер протекания действия. Следовательно, его использование нецелесообразно.

В докладе представлены варианты альтернативных терминов или других способов упрощенного представления видо-временной системы английского глагола, включая разбор недостатков и преимуществ термина «Indefinite».

Бурлакова Ирина Ивановна,

к. п. н., доц., Российский новый университет

К вопросу о качестве самостоятельной работы студентов по иностранному языку

Сегодня заметно понимание важности самостоятельной работы в организации учебного процесса на всех ступенях образования. В связи с этим яснее обозначились методика и дидактические средства ее эффективной организации. По новым правилам разработки образовательных программ в специальную графу включается значительный объем трудоемкости и учебного времени до 50%. Но самостоятельная работа часто планируются без учета предусмотренных объемов и индивидуальных особенностей студентов. Это не может не отражаться на качестве образования. Сокращение сроков обучения при переходе на бакалавриат требует интенсификации образовательного процесса, и это возможно сделать за счет развития самостоятельной работы. Наиболее продуктивными видами самостоятельной работы являются кейсы, тестовые программы, обучающие игры, интерактивные задания. Необходимо учитывать, что самостоятельная работа — это творческая работа обучающегося по развитию своих способностей. Важной характеристикой является методическое обеспечение, система консультаций и контроля, использование интернета. В условиях лимитированного времени необходимо говорить о возможности научить учиться и работать с языком на протяжении последующей жизни. Иностранный язык сегодня является средством достижения личностного, метапредметного и предметного результатов образования. Достижение *личностных* результатов образования в процессе выполнения самостоятельной работы заключается в: готовности и способности студентов к саморазвитию; самообразовании и целенаправленной познавательной деятельности; способности ставить и достигать цели и др. Интерес представляет развитие *метапредметных* результатов через формирование универсальных учебных действий (коммуникативных, регулятивных и познавательных), которые предполагают, выбирая наиболее эффективные способы решения познавательных задач,

осуществлять контроль своей деятельности; умение организовывать сотрудничество с преподавателем и сокурсниками; развитие компетентности в области ИКТ.

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Инновационная парадигма обучения специальным иностранным языкам

В современной Европе, в связи с созданием Европейского Союза и построением европейского пространства высшего образования, стремительно растут потребности в изучении языков для специальных целей (ЯСП), что послужило основой для движения по разработке методик и учебных планов с целью интенсификации изучения ЯСП. В основу современной парадигмы обучения ЯСП легла функциональная концепция использования языка, позволившая описать пороговый уровень языковой способности для каждого крупного европейского языка для выявления того, что именно учащиеся должны быть в состоянии делать с языком (Ван Эк, 1975), т. е. как именно и для чего они должны применять сформированные лингвистические и коммуникативные компетенции. При этом конечный результат, или цели обучения, конкретизируют коммуникативные потребности учащихся. Поощряя учащихся в процессе учебной коммуникации запрашивать информацию, получать разъяснения, использовать любые языковые и неязыковые средства, преподаватели ЯСП создают условия для обучения и самообучения студентов. Поощряя студентов к выявлению ими ситуативного смысла при соблюдении конкретной коммуникативной задачи, учителя обучают учащихся рисковать в процессе коммуникации, выходя за рамки заученных шаблонов. Преподавателей, равно как и исследователей ЯСП, характеризуют творческая активность, инновационность и гибкость мышления (Суэйлз, 1985; Робинсон, 1991). Внутри этой сложной междисциплинарной сферы — обучения языкам для специальных целей, подразумевающей углубленную специализацию, взаимодействие с многочисленными аудиториями в рамках академического сообщества и постоянное повышение требований, предъявляемых к разрабатываемым и реализуемым методикам и техникам обучения (Дадли-Эванс и Сент-Джон, 1998; Рэйсэнен, 2009), преподаватели и исследователи ЯСП, как правило, работают в тесном сотрудничестве со специалистами конкретных профессиональных областей (юриспруденция, экономика, финансы и пр.).

Вавелюк Ольга Леонидовна,

к. ф.-м. н., доц., Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Театральная постановка как метод обучения иностранному языку

Общеизвестно, что языки изучаются не только путем прямого приложения усилий. Важную роль играют удовольствие, физическая деятельность, межличностные взаимоотношения и др. Все это способствует

так называемому “flow state”, когда язык как бы «втекает» в обучающегося. Одним из способов обеспечить подобное «проникновение» языка является метод обучения иностранным языкам путем театральных постановок.

При создании студенческого театра на английском языке на физическом факультете СПбГУ мы ставили перед собой следующие цели, ориентируясь при этом на общеевропейские компетенции владения языком:

1. сформировать у студентов навыки общения на иностранном языке;
2. научить их пользоваться языком для достижения своих целей — умению описывать свои мысли, чувства и стремления, излагать и обосновывать свое мнение;
3. расширить социокультурный уровень студентов-физиков, пробудить интерес к жизни и культуре стран изучаемого языка.

Обучение через театр включало в себя и традиционные элементы: введение понятия о функциях языка, анализ грамматических структур и запоминание лексических единиц. Отличие же состояло в том, что роль обучающегося менялась, он обретал статус актера, в то время как преподаватель становился режиссером, т. е. уже не преподаватель исправлял ошибки студента в напряженной атмосфере аудитории, а режиссер помогал актеру научиться говорить правильно на иностранном языке.

Внедрение данной методики показало, что использование театральных постановок при обучении иностранному, в частности английскому, языку повышает мотивацию к изучению языка и способствует развитию коммуникативных языковых навыков, а именно: позволяет обогатить и активизировать лексический запас; освоить и закрепить в речи изученный грамматический материал; скорректировать произношение и интонацию; повысить языковую компетенцию; развить творческие способности и воображение, тем самым выполняя еще и воспитательные задачи.

Воронина Людмила Александровна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Из опыта формирования фоновых знаний у студентов из КНР, овладевающих английским языком в условиях страны-посредника

Студенты из КНР, обучающиеся в СПбГУ на отделении «Английский язык и литература», вынуждены осваивать культуру носителей одновременно двух иностранных языков, языка-специальности и русского языка. Это представляется достаточно сложной проблемой, поэтому для помощи им в данном процессе необходим поиск эффективных путей. «Контекст» одной культуры отличается от другой, что требует овладения определенными, присущими каждой из контактирующих культурных традиций, фоновыми знаниями. Фоновые знания, в основном, формируются через усвоение лексики, поскольку она представляет собой семантическую основу любого общения, в том числе и межкультурного, и несет в себе основную, заложенную носителями контактирующих языков, информацию. Среди

лексических единиц любого языка, по мнению целого ряда ученых, выделяются такие, в семантической структуре значения которых вычленяется национально-специфический компонент, получивший название фоновых знаний. Особый интерес среди данных единиц вызывают *фоновые слова* — лексические единицы, свободно переводящиеся на иностранные языки, которые содержат, однако, ценную информацию о специфически национальной внеязыковой деятельности, т. е. слова, денотативное значение которых совпадает с денотативным значением слов другого языка, при этом различие в коннотативном значении этих единиц обусловлено национально-культурными факторами. Выделение лингвистами фоновой лексики усложняет создание учеными-методистами типологии лексических единиц и оставляет на данный момент этот вопрос открытым, следовательно, таким же открытым оказывается частный вопрос о том, как же следует обучать такой лексике английского языка студентов из КНР, какие трудности следует учитывать. Тем не менее, в рамках дисциплины «Филологическая практика» представляется возможным составление студентами из КНР лексико-семантических полей одного и того же понятия или явления, например, *свадьба* на родном и английском языках с последующим их сопоставлением.

Грецкая Татьяна Владимировна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о методике преподавания грамматики

немецкого языка как второго иностранного в неязыковом вузе

На современном этапе развития методики преподавания грамматики немецкого языка на базе английского в неязыковом вузе объективной потребностью является поиск оптимальных путей обучения грамматике немецкого языка. Грамматические умения и навыки студентов являются основой их коммуникативной компетенции. В связи с этим проблема методов в обучении грамматической стороне речи представляется одной из наиболее актуальных.

В традиционном обучении грамматике главная роль отводится усвоению формы грамматического явления. Функциональной же стороне грамматического навыка, которая является ведущей при построении речевого высказывания, отводится второстепенное значение. В результате учащиеся в лучшем случае знают структуру грамматического явления, правило ее образования, но не владеют ею.

При обучении студентов грамматике немецкого языка на базе английского необходимо принимать во внимание такие явления, как интерференция английского и родного языков, а также положительный перенос. Таким образом, при изучении грамматики необходим комплекс упражнений, включающий не только упражнения на образование грамматических форм, но и упражнения на функциональную сторону грамматических явлений, кроме того, данный комплекс упражнений должен быть составлен с учетом интерференции и положительного переноса.

Доброва Татьяна Евгеньевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Роль специальных курсов на английском языке в формировании профессиональной компетенции специалиста международного

Присоединившись к Болонскому процессу в 2003 г., Россия уверенно входит в мировое образовательное пространство. Эти процессы привели к переосмыслению целей, задач и содержания обучения иностранным языкам. Сегодня первый этап, связанный с переходом на двухступенчатую систему образования с получением степени бакалавра, а затем степени магистра, успешно завершен. Все факультеты СПбГУ перешли на эту систему. Следующий этап связан с модернизацией преподавания в университете английского языка как первого иностранного. До сих пор каждый факультет имел свою программу и свои учебные планы, ориентированные в основном на английский язык для специальных целей. С сентября 2011 г. на всех факультетах университета введена новая программа преподавания английского языка. На факультете международных отношений это потребовало пересмотра всей системы преподавания английского как первого иностранного. В общую программу по английскому языку в рамках установленных траекторий были включены тематические модули. Кроме того, потребовалось введение специальных курсов на английском языке для обеспечения эффективного формирования профессиональной компетенции специалиста международного. Авторы анализируют двухгодичный опыт работы в новых условиях.

Дудушкина Светлана Викторовна,

ст. преп., Московский педагогический государственный университет

Соотношение понятий «учебная автономия» и «учебная компетенция» в современном иноязычном образовании

Автономия обучающегося как необходимость современного профессионального иноязычного образования предусматривает, по мнению исследователей, личностный и деятельностный компоненты. Личностный компонент подразумевает самостоятельную свободу действий, ответственность решений, способность применения опыта учебной деятельности в новых учебных ситуациях. Деятельностный рассматривается авторами как учебная компетенция обучающихся. Сложный комплексный характер автономии как явления, его тесная соотнесенность с современным понятием компетенции вызывают необходимость исследования степени соответствия явлений «учебная автономия» и «учебная / учебно-познавательная компетенция». Данные понятия часто трактуются учеными как взаимосвязанные и даже взаимозаменяемые, т. к. возможность для их совмещения определена единой для них сферой действия, которой является самостоятельная познавательная деятельность обучающегося. Несмотря на единую сферу действия, учебная автономия и учебная компетенция имеют тенденцию к дифференциации, что проявляется в различии точек зрения по этому вопросу. Согласно первой точке зрения (Н. Ф. Коряковцева, Л. В. Трофимова), учебная компетенция является ключевым компонентом автономии

обучающегося в учебной деятельности. Другой взгляд на соотношение этих понятий определяет автономию/самостоятельность обучающегося как один из признаков (компонентов, элементов) учебной компетенции (Е. В. Апанович, Н. В. Елашкина, И. Д. Трофимова). Признавая правомерность данных точек зрения, мы видим несколько иное соотношение данных понятий в ракурсе парадигмы личностно-ориентированного подхода, точнее, принципа личностно-ориентированной направленности обучения. Данный принцип, рассматривающий обучающегося как активного и во многом самостоятельного субъекта учебного процесса, одной из целей предусматривает формирование автономной творческой личности. В этом случае учебная автономия должна квалифицироваться не как составная часть учебной компетенции, а как результат последней.

Кокурина Инна Владимировна,

к. ф. н., доц., Ивановский государственный университет

Содокладчики:

Горулев Д. А., доц., Хорецкая Н. Ю., доц.

«Грамматика читателя» при обучении студентов-экономистов работе с аутентичными немецкими текстами по специальности

Переход высшего образования на двухуровневую систему — бакалавриат и магистратура — позволяющий формировать более широкую межпрофильную ротацию студентов при переходе от первого уровня высшего образования (бакалавриата) ко второму (магистратуре), а также значительные требования к качеству и мультиязыковой подготовки магистрантов, ставят перед педагогами-лингвистами задачу формирования у магистрантов за короткий период времени (как правило, 2 семестра) компетенции по работе с текстами на иностранном, как правило, ранее не изучаемом, языке. При этом основным навык, который, на наш взгляд, может быть освоен в этот период, и будет профессионально востребованным у будущих магистров, это навык самостоятельного чтения специализированной литературы. Особую актуальность он приобретает для экономических, юридических и некоторых гуманитарных направлений подготовки магистрантов. Ключевая проблема состоит в том, что экономические и финансовые статьи и научно-литературные тексты в современных источниках (журналах, монографиях, профильных иностранных учебниках) представляют собой совокупность применения как сложных структур, так и специальной терминологии. И если терминологический аппарат, в том числе фразеологизмы, магистранты могут освоить посредством словарного заимствования при работе как с традиционными, так и с интерактивными источниками (словарями), то преодоление методических заблуждений в аспекте анализа структуры немецкого предложения для его правильной идентификации с т.з. смысловой нагрузки, требует особых подходов и методов. Зачастую магистранты, являясь не столько студентами, сколько в первую очередь представителями первой ступени собственно исследовательского профиля, имеют необходимость активной самостоятельной работы с зарубежными источниками научной литературы.

Королёва Нина Фёдоровна,
доц., Московский государственный институт международных отношений

Методические аспекты преподавания перевода и формирование профессиональных компетенций журналистов-международников

Развитие идей обучения межкультурному и профессиональному общению средствами иностранного языка в прикладном плане вряд ли возможно без разработки дидактических междисциплинарных стратегий в рассматриваемом аспекте при разработке курсов как по испанскому, так и по родному языку. В идеале формирование межъязыковой компетенции предполагает тесную междисциплинарную взаимосвязь между курсом иностранного языка, курсом современного русского языка, курсом теории и практики перевода и, в условиях неязыкового вуза, с курсами по профессии студента. Однако пока столь многосторонняя междисциплинарная взаимосвязь отсутствует, за исключением отдельных случаев. Недооценка необходимости научно обоснованной обучающей стратегии в развитии межъязыковой компетенции может приводить к лишению обучаемых лингвистического базиса для формирования других компонентов иноязычной межкультурной компетенции, необходимой в различных достаточно сложных областях профессиональной специализации студента. При этом не следует забывать, что низкий уровень межъязыковой компетенции также может являться одним из факторов, создающих лингвоэтнические барьеры.

Коростелева Наталья Васильевна,
доц., Московский государственный институт (университет) международных отношений
МИД России

Язык профессии — осознанная необходимость в удовольствие

Преподавание языка профессии на международно-правовом факультете МГИМО. Задачи. Формируемые компетенции. Дидактические материалы. Деловая игра как один из методов обучения юридическому испанскому. Опыт проведения таких игр.

Крупина Анастасия Владимировна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Алгоритм работы для обучения монологическому высказыванию с использованием музыкальной наглядности на курсах английского языка для взрослых слушателей

Формирование у взрослых слушателей курсов английского языка необходимых монологических умений, целенаправленную активизацию программного лексико-грамматического материала, усвоение элементов музыкально-поэтического анализа следует проводить с применением обучающего комплекса упражнений. Анализ методической литературы позволяет

сделать вывод о том, что работа с аудитивной наглядностью проходит в три этапа: *преддемонстрационный, демонстрационный и последемонстрационный*. Работа с музыкальным материалом начинается с *подготовительного* этапа [Макковеева, 2007]. При этом в рамках данных этапов монологические умения будут развиваться в комплексе упражнений, включающем в себя *языковые, условно-речевые и речевые* упражнения. Таким образом, предложенный комплекс упражнений будет основан на «принципе трехуровневой деятельности по формированию программы высказывания» [Комарова, 1994]. Рассмотрим этапы и подэтапы работы над формированием монологических умений.

Мальшева Виктория Леонидовна,
асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Трудности, возникающие в процессе формирования навыков и умений аудирования у студентов из КНР при обучении их английскому языку

Сформированность навыков и умений аудирования является одним из необходимых условий успешного межкультурного общения, т. к. неспособность воспринимать и понимать устную речь существенно его затрудняет.

Поэтому столь важным представляется уделить особое внимание аудированию на начальном этапе обучения студентов из КНР.

Несмотря на множество разработанных пособий для обучения данному виду речевой деятельности, возникает ряд трудностей, которые прежде всего обусловлены именно различиями китайского и английского языков. Так, преподавателю необходимо учитывать наличие в китайском языке четырех тонов произношения гласных звуков, которые несут смысловоразличительную функцию; носителям английского языка свойственно ускорять темп речи на безударных слогах и замедляться лишь на ударных — подобные различия препятствуют корректному восприятию интонирования и логического ударения, свойственных англоязычной речи.

Формируя навыки и умения аудирования, преподавателю следует уделять особое внимание подбору фонетического материала, т. к. студенты из КНР испытывают трудности в восприятии некоторых гласных и согласных фонем (например, «г» и «l»), а также принимать во внимание тот факт, что в китайском языке значительно меньше гласных фонем, что влечет за собой, например, трудности в распознавании на слух «sheep — ship, pool — pull».

Дополнительными усложняющими факторам являются такие лингвистические явления, как элизия и редукция.

Формируя навыки и умения аудирования, преподаватель должен сформировать у обучающихся знания о существующих различиях с английским языком, что позволит студентам осознанно справляться с подобными трудностями.

Особое внимание среди психофизиологических механизмов аудирования следует уделять механизму артикулирования. Помимо «внутреннего проговаривания» студенты стараются многократно повторить представ-

ленный им материал, что преподавателю следует поощрять, и использовать многократное групповое и индивидуальное повторение как мощный инструмент в обучении аудированию.

Мальцева Татьяна Викторовна,
доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Психологические факторы, снижающие эффективность усвоения иностранных языков

В докладе рассматриваются психологические аспекты снижения эффективности обучения ИЯ. Предпринимается попытка объяснить данное явление в ракурсе психологии усвоения, анализируются причины, тормозящие процесс становления условных связей второго неродного языка с точки зрения психологии, психолингвистики, психофизиологии. Знание этих причин и умение управлять ими таким образом, чтобы они из негативных факторов превратились в позитивные, дает преподавателю постоянную возможность совершенствования.

Маньяс Ибан,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Процесс усвоения модальных значений испанского имперфекта русскими студентами

Одной из самых интересных особенностей претерита имперфекта (*pretérito imperfecto*) в испанском языке является существование так называемых дискурсивных употреблений (также именующихся модальными или сдвинутыми употреблениями). В испанском языке наличествует большое количество подобных конструкций, которые выполняют различные прагматические функции. Принято объяснять этот феномен базовым значением *pretérito imperfecto*, которое можно сформулировать как «отдаление от актуальности». Ruiz Campillo (1998) уверяет, что в этот термин включены не только значения, содержащие повествуемый мир (временные значения), но и те, которые воссоздают некий нереальный мир. На уроках испанского языка как иностранного (ИКИ) не так активно проводится работа над этими модальными значениями, в отличие от аспектуальных значений, которые рассматриваются не только на среднем этапе обучения, но и на продвинутом. Особое внимание уделяется сопоставлению претерита имперфекта и перфекта (*indefinido*). В данной работе нам хотелось бы восполнить этот недостаток. Данная работа рассчитана на то, чтобы пролить свет на эту тему, а конкретнее, на то, как проходит процесс усвоения перфекта русскими студентами. Пользуясь тем, что была проведена работа в группе учащихся монолингвов, было решено включить небольшой сопоставительный анализ этих форм в данную работу, чтобы была возможность лучше понять механизмы, которые управляют русским языком в процессе передачи похожих дискурсивных употреблений испанского имперфекта. Для получения данных нами был разработан тест на разницу восприятия учащимися предложений,

содержавших эти прагматические значения имперфекта (grammatical judgments test). Тест был выполнен тремя группами студентов университета, которые были сформированы по признаку уровня владения языком (B2, C1, C2) согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком.

Мезенцева Дарья,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Использование комментариев к новостным статьям
и видео в интернете в процессе формирования
медиакомпетенции у студентов из КНР

Одним из аспектов, включенных в рабочие программы учебной дисциплины «Английский язык» для студентов из КНР 3–4 курсов отделения «Английский язык и литература» филологического факультета СПбГУ, является «Чтение и обсуждение периодики. Прослушивание и обсуждение радио- и теленовостей».

В ходе преподавания данного аспекта у учащихся из КНР формируется медиакомпетенция [Федоров, 2001]. Одной из ключевых составляющих медиакомпетенции является умение создавать монологическое высказывание по проблеме, изложенной в тексте СМИ.

Недостаточный уровень развития медиакомпетенции приводит к тому, что учащиеся, как правило, ограничиваются изложением своей позиции по проблеме, но не могут ее аргументировать, а также не умеют обозначить для себя познавательную ценность текста СМИ [Шукин, 2011]. Поэтому, на наш взгляд, обучение монологическому высказыванию на основе прочитанной статьи или просмотренного видео могло бы быть более эффективным, если предложить учащимся упражнения на основе аутентичных монологических высказываний пользователей, комментирующих статьи и видео в интернете. Комментарии интернет-пользователей познавательны с точки зрения изучения их лексического наполнения, в особенности выражений для оформления монологического высказывания, ознакомления с культурными реалиями англоязычных стран, анализа и уяснения структуры монолога по проблеме в статье. Кроме того, комментарии позволяют понять текст СМИ более глубоко и во многом способствуют мотивации студентов, которым интересно работать с образцами подлинной речи носителей английского языка.

Меркулова Эдита Николаевна,

к. ф. н., доц., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (филиал в Нижнем Новгороде)

Иноязычная коммуникативная компетенция:
проблемы структуры и содержания в зависимости от уровня обучения

1. Достаточно длительный опыт обучения студентов неязыкового вуза иностранному языку в рамках компетентностного подхода позволил накопить определенный речевой материал устных высказываний сту-

дентов, продуцированных в виде диалогов и полилогов, на основании которых можно сделать выводы о том, формирование каких из заявленных в программе дисциплины «Английский язык» компетенций представляют наибольшие сложности как для обучаемого, так и для обучающего. Анализ транскриптов речи студентов продвинутого этапа обучения показал, что наиболее развитыми являются лингвистическая компетенция и отдельные аспекты коммуникативной компетенции, поскольку именно им традиционно уделяется наибольшее внимание в отечественной системе преподавания иностранных языков. Прагматическая и социокультурная компетенции являются наименее тренируемыми и, в результате, наименее сформированными, несмотря на то, что именно владение этими компетенциями обеспечивает максимальную эффективность общения.

2. Постановка вопроса об обучении эффективному общению обращает нас к опыту, с одной стороны, обучению особенностям межкультурной коммуникации и, с другой, обучению культуре общения. Это связано с тем, что абсолютное большинство коммуникативных ошибок или, хуже, коммуникативных провалов в моделируемой ситуации общения, не связаны, как показывает анализ материала, только с интерференцией родного языка. (Известно, что русский язык по сравнению с английским, характеризуется большей категоричностью, наличием большего количества отрицательных, безличных и неопределенно-личных конструкций.) Целый ряд коммуникативных неудач был связан с отсутствием сформированности ряда компетенций, которые не нашли своего описания в рамках формируемой коммуникативной компетенции на иностранном языке, однако включены в структуру коммуникативной компетенции носителя русского языка. Таковыми являются этическая составляющая коммуникативной компетенции и риторическая грамотность.

Мясников Алексей Анатольевич,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный горный университет

Обучение иностранному языку для профессионально-ориентированных целей

Предметом иностранного языка для профессионально-ориентированных целей является формализованное языковое содержание соответствующей научной, научно-технической и профессиональной деятельности. Актуальность обучения иностранному языку для профессионально-ориентированных целей определяется необходимостью использования этого языка в профессиональной деятельности и овладением в связи с этим навыками общения на профессиональные темы, а также навыками чтения, реферирования и перевода специальной литературы. В условиях коммуникативного подхода обучение языку специальности осуществляется на базе такого учебно-речевого материала, который отбирается и организуется на основе моделей реальных ситуаций языкового общения. В центре обучения

иностранному языку для профессионально-ориентированных целей находится личность обучаемого, в интересах развития которой осуществляется образовательный процесс. Методические решения (организация учебного материала, способы, приемы, упражнения) принимаются с учетом мотивов, потребностей, способностей, активности, интеллекта и других индивидуально-психологических особенностей обучаемых. Обучение осуществляется в форме педагогического общения, направленного на психологическую оптимизацию учебной деятельности как между педагогом и учащимися, так и между учащимися. С нашей точки зрения, единицами отбора и организации учебно-речевого материала являются профессионально-ориентированные тексты, отражающие ситуации, — часть действительности, отражаемой в языке. Основным источником учебного материала являются профессионально-ориентированные учебники и учебные пособия по иностранному языку специальности, содержащие тематические тексты, словари терминологических соответствий, необходимых для понимания учебно-речевого материала, а также языковые, условно-речевые и коммуникативные упражнения, которые являются средством активизации, закрепления и контроля учебного материала.

Немецва Яна Станиславовна,

к. ф. н., доц., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Лингвокультурологический полигон

1. Современный университет должен реализовывать программы модернизации образования и использовать инновационные технологии в научной и образовательной сферах.
2. На сегодняшний день в сфере гуманитарных инноваций наиболее перспективно развивать изучение иностранных языков.
3. Лингвокультурологический полигон — многофункциональный комплекс, способствующий улучшению качества преподавания, изучения иностранных языков, непосредственной практической апробации новых методик преподавания и обмена передовым опытом.

Огородникова Наталья Валентиновна,

асп., Вятский государственный гуманитарный университет

Проблема организации и управления учебной деятельностью студентов медицинского вуза по освоению языковой компетенции

Иноязычная коммуникативная компетенция студента медицинского вуза приобретает профессиональную направленность, т. к., входя в базовую часть гуманитарного, социального и экономического цикла и являясь общекультурной компетенцией (ОК), она одновременно вносит вклад в формирование профессиональных компетенций (ПК) будущего врача. Так, изучение иностранного языка должно обеспечить формирование **ОК-6** как способности и готовности овладеть одним из иностранных языков

на уровне бытового общения; а также создать условия для приобретения способности и готовности изучать научно-медицинскую информацию, отечественный и зарубежный опыт по тематике исследования в медицине (ПК-50), получая их из различных источников; работать с информацией в глобальных компьютерных сетях, применять возможности современных компьютерных технологий для решения профессиональных задач» (ПК-9). Это позволяет вести речь о профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции (ПОИКК).

Языковая компетенция (ЯК) как часть ПОИКК — это сложное, многоаспектное понятие, которое обозначает совокупность языковых знаний, навыков и умений, овладение которыми позволяет осуществлять иноязычную речевую деятельность в соответствии с языковыми нормами изучаемого языка в различных сферах деятельности.

Подобное обучение предполагает не только профессиональную направленность содержания учебных материалов, но и использование таких приемов учебной деятельности, которые способны обеспечить формирование необходимых профессиональных умений и навыков будущего специалиста. Учебная деятельность (УД) студентов должна иметь такую организацию и управление, чтобы вся совокупность компонентов УД была востребована при решении задачи и были созданы условия для освоения ЯК как составляющей ПОИКК.

Плужник Ирина Ленаровна,

д. п. н., проф., Тюменский государственный университет

Проблемы и перспективы развития современного иноязычного образования в России в контексте глобализации

В докладе акцентируется внимание на основных точках роста, связанных с овладением межкультурной коммуникативной компетенцией, необходимой для эффективного межличностного и профессионального общения в условиях глобализации. Анализируются и предлагаются новые универсальные содержательные компоненты иноязычного образования в России.

Седёлкина Юлия,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Интернационализация преподавания иностранных языков — российско-шведский проект

1. Интернационализация языкового образования как фокус проекта предполагает выявление специфических национальных особенностей понимания языка как средства общения, мышления и знания, а также взглядов на его совершенствование в различных национальных культурах.
2. В совместном российско-шведском проекте, длившемся 2 года и включающем 4 дистанционных и 4 очных этапа, проходивших на базе

- 5 шведских и 5 российских школ, принимали участие 28 студентов и 12 преподавателей из университетов Санкт-Петербурга (СПбГУ) и Мальмё.
3. Педагогический процесс как объект наблюдения и материал для сравнения и анализа исследовался с таких точек зрения, как межкультурная коммуникация, организация процесса обучения, деятельность учителя, деятельность учеников и др. в российской и шведской системе образования.
  4. Результатом работы стало более глубокое понимание практической реализации теоретических основ наблюдаемых процессов, общих черт и различий между системами языкового образования России и Швеции, а также между факторами, играющими ключевую роль в практическом преподавании и изучении иностранных языков, в частности английского, в контексте двух разных культур.

Смирнова Наталья Викторовна,

ст. преп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Профессионально-ориентированное обучение языку студентов-социологов

Изменения, которые происходят в глобальном современном обществе, способствуют трансформации образовательной парадигмы и резкому расширению миссии университетов в обществе знания. Происходящие изменения, несомненно, затронули понятие и природу грамотности современного человека, которая в западной среде стала аналогичной образованию на протяжении всей жизни. В целом, происходит расширение понятия грамотности. Речевое взаимодействие участников коммуникации в академической среде осуществляется на основе владения всеми участниками умениями и знаниями данной среды, нормами и образцами речевого поведения. Основой же данного взаимодействия мы считаем академическую грамотность, которая формируется в процессе обучения человека в высшем учебном заведении и продолжает развиваться в течение всей профессиональной жизни человека. Автор выдвигает гипотезу о том, что введение концепта академической грамотности поможет точнее определить цели и содержание профессионально-ориентированного обучения, т. к. станет той базой, которая позволит реализовать обучение междисциплинарного характера. Для теоретического обоснования вводимого понятия автор проводит анализ существующих концепций грамотности, а также опирается на понятие академического вида культуры и академического дискурса. Основным средством формирования академической грамотности являются иноязычные профессиональные тексты академического характера. Автор анализирует их роль, сущность, типологические характеристики, обосновывает их роль в формировании данного вида грамотности на базе предложенной классификации академических текстов. На основе анализа существующих подходов к определению содержания и структуры АГ автор выделяет ее структурно-содержательные компоненты и ядро.

Теерлинг Хелена,
преп., гимназии № 41 и 481

Развитие речевых навыков с помощью театральных упражнений

Введение. Основные принципы методики обучения иностранных языков совпадают с принципами театральной методики как одной из самых творческих по своей природе. Ведь цель театральной педагогики — раскрепощение психофизического аппарата ученика-актера. Используя методы театральной педагогики на уроках обучения иностранному языку, учитель раскрепощает своих учеников и воздействует эмоционально на их чувства и ум. Инсценировки, этюды, ролевые игры, «горячий стул», сценический монолог и другие упражнения сыграли большую роль в развитии лексических и грамматических навыков в ходе работы над музыкально-литературной композицией, посвященной 115-летию со дня рождения Эриха Кэстнера.

Федорова Наталия Юрьевна,
асп., Российский государственный гидрометеорологический университет

Реализация компетентного подхода в профессионально-ориентированных учебных пособиях по иностранному языку для студентов неязыковых вузов

Основным направлением модернизации учебного процесса, которое требует соответствующего учебно-методического обеспечения, признается усиление направленности обучения на практическую профессиональную деятельность, разработка способов интеграции и координации иноязычных и профессиональных знаний и умений.

Значительное внимание уделяется созданию условий для социального и культурного развития выпускника средствами иностранного языка, раскрытия его творческого потенциала, формирования мотивации к учебной и профессиональной деятельности. Компетентный подход к обучению иностранному языку означает не только формирование готовности выпускников вузов к использованию иностранного языка для решения практических задач, но и совершенствование их профессионально значимых личностных качеств.

Важным фактором является связь учебного материала с реальностью, с образовательной средой.

Содержание учебного пособия должно проектироваться исходя из содержания коммуникативной компетенции, на формирование которой направлено обучение. Коммуникативная компетенция трактуется как способность к межкультурному общению, значимыми компонентами которой являются социокультурные, социолингвистические, дискурсивные аспекты общения.

Одним из условий эффективности обучения является проблемный характер используемых учебных материалов.

Пристальное внимание уделяется разработке путей повышения эффективности самостоятельной деятельности обучающихся.

Таким образом, в числе основных характеристик учебного пособия по иностранному языку для профессионально ориентированного обучения студентов вузов следует выделить: а) междисциплинарность и практическую профессиональную направленность; б) акцент на социолингвистическом аспекте создаваемых студентами речевых продуктов, а также способах, стратегиях, риторических правилах создания текстов; в) связь с образовательной средой; г) направленность на инициирование продуктивной деятельности; д) проблемность; е) организацию самостоятельной учебной деятельности.

Филиппова Ирина Олеговна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о дистанционном обучении монологической речи: асинхронные онлайн-видеозаписи

Умение свободно и уверенно владеть монологической речью ВАЖНО для: 1) положительного результата по итоговому тестированию B2 \ C1; 2) отстаивания своих интересов; 3) ведения диалога культур.

Аргументы за дистанционную форму обучения монологической речи онлайн. На очном занятии 1) не всегда удается выслушать и качественно прокомментировать устные ответы всех (в среднем 14) студентов; 2) обучаемые не слышат своего ответа; 3) часто используется фронтальный метод опроса; 4) не остается времени для обучения общению; 5) обучение онлайн позволяет создавать и сохранять на сайте устные пересказы необходимых текстов.

Онлайн видеозаписи СТУДЕНТ а) может делать *в любое время*; б) с использованием *любых мобильных устройств*; в) *в любом месте*; г) может *прослушать свой ответ*; д) *переписывать* ответ; е) *сам регулирует время работы*; ж) *индивидуально* получает ответ; и) в конце периода обучения можно возвращаться к записям и т. д.

Аргументы против: 1) Нагрузка преподавателя увеличивается. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ должен а) иметь компьютер б) проверить в среднем 14 видеозаписей и написать комментарии в) иметь дополнительно полтора часа времени.

ОТКРЫТЫЙ ВОПРОС: нужно ли менять очную форму обучения на смешанную? В настоящий момент нагрузка преподавателя учитывается только из расчета очных часов, проведенных в аудитории. Обучение становится дистанционным при наличии интерактивности. Использование бесплатного проприетарного онлайн программного обеспечения для обучения монологической речи — дистанционная форма работы, поскольку она интерактивна и не связана с очным занятием. На очном занятии отрабатываются и закрепляются умения, полученные при дистанционном тренировочном пересказе текстов онлайн. «Если мы будем учить сегодня так, как учили вчера, мы украдем у наших детей завтра». (Джон Дьюи)

Чернова Любовь Георгиевна,

ст. преп., Морской государственный университет им. адм. Г. И. Невельского (Владивосток)

Игра как метод обучения иностранному языку при формировании ценностно-смысловых компетенций студентов

Мир развивается по пути интернационализации. В настоящее время знание иностранных языков — это не только признак культурного развития человека, но и условие его успешной деятельности в самых разных сферах жизни. Использование технологий активного метода обучения или методов активного обучения, т. е. методов обучения через деятельность, способствует активизации познавательной деятельности и творческих способностей в обучении, что является необходимым условием освоения деятельности, приобретения жизненного опыта, т. е. для формирования и развития ценностно-смысловых компетенций. В современном высшем образовании широко применяются такие методы активного обучения, т. е. обучения через творческое продуктивное мышление, деятельность и общение, как ролевые и деловые игры. В ходе ролевой игры приобретается опыт, вырабатываются навыки общения, развивается эмоциональная сфера, проявляются индивидуальные качества и способности личности. Ролевая игра обладает большими обучающими возможностями. Это наиболее точная модель общения, которая позволяет приблизить речевую деятельность студентов к реальной речевой коммуникации. В ролевой игре на занятиях по иностранному языку в условиях коллективной работы студенты приобретают не только навыки говорения на иностранном языке, одновременно у них формируются ценностно-смысловые компетенции, навыки социального взаимодействия. Проведение ролевой игры происходит по следующим этапам: 1) предыгровое обучение — подготовка участников к игре; 2) определение темы игры, основанной на содержании учебного материала; 3) выбор объекта имитации; 4) основные этапы игры; 5) состав участников и распределение ролей; 6) оценка действий участников игры. По окончании игры нужно провести анализ ее хода и полученных результатов. Игровое обучение не противостоит традиционному типу обучения, современным педагогическим теориям, и может стать одной из форм интегрированного обучения.

Черняк Надежда Валерьевна,

спец., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Проблемы формирования межкультурной компетенции студентов в рамках занятий по иностранному языку в дистанционной форме

С появлением большого числа дистанционных курсов, нацеленных на развитие межкультурной компетенции, встает вопрос о влиянии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на процесс и результат методического воздействия на данную компетенцию. Перенесение обучения в виртуальную среду обусловило необходимость выявления специфики межкультурной компетенции студентов, полученной в результате дистанционного обучения. Гипотеза о качественном отличии межкультурной ком-

петенции, полученной в ходе дистанционного обучения, от межкультурной компетенции, полученной в ходе очного обучения, основана на ряде научных исследований. С одной стороны, исследования в области психологии свидетельствуют, что идентичность и виртуальная идентичностью индивида не тождественны. С другой стороны, компьютерная лингводидактика выделяет отличия методики очного обучения от дистанционного, что неизбежно влияет на процесс и результат формирования межкультурной компетенции. Наконец, теоретические исследования в области моделирования структуры межкультурной компетенции позволяют сделать предварительное заключение о существовании различий в ее структуре при очном и при дистанционном обучении. Недооценка преподавателем особенностей межкультурной дидактики при работе в дистанционной форме может привести к ряду проблем. Например, в результате удаленного обучения межкультурная компетенция студента может получить недостаточно развитые аффективный и поведенческий компоненты. В таком случае межкультурная компетенция студента будет ограничиваться усвоенными знаниями и не будет проявляться в его установках и поведении. Для составления практических рекомендаций по использованию ИКТ в языковом курсе, нацеленном на развитие межкультурной компетенции, необходимо провести сравнительное исследование. Предлагаемое экспериментальное исследование необходимо для установления влияния такого фактора, как форма обучения, на структуру и качество получаемой на выходе межкультурной компетенции.

Шитова Алина Валентиновна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Использование аргументов социальных сетей

в обучении английской письменной речи студентов из КНР

Если в начале 2000-х гг., в период бума мобильных телефонов, создавалось впечатление постепенной потери интереса молодого поколения к письменной речи в пользу устной, то с появлением смартфонов наблюдается новый всплеск интереса к письменной речи. Это также связано с популярностью общения, опосредованного текстовым сообщением, а также размещением «постов» во множестве широко используемых социальных сетей. В свете развития социальных сетей, появляется некий собственный язык — аргументы социальных интернет-сетей (АСС) — позволяющий лаконично и, в то же время, ёмко и единообразно выразить мысль. АСС объединяет своих пользователей, отчасти становясь системой специфического внутригруппового общения интернет-пользователей. Большая часть пласта современной молодежи «говорит» (пишет) на этом аргументе, который порождает стереотипную ассоциацию и вызывает определенные эмоции. В китайской интернет-культуре также образовалось обширное сообщество пользователей СС с еще более выраженным АСС (или даже тайным языком). Это связано со строгим контролем интернет-коммуникации со стороны китайского правительства и желанием «жителей сети» (netizens) получить относительную свободу слова. «Жителями сети» был разработан лексикон (grass-mud horse lexicon), включающий в себя образные слова и метафорические выраже-

ния с целью введения “internet nanny” (т. е. правительственной цензуры) в заблуждение. Сегодня можно утверждать, что АСС носит глобальный, международный характер, став истинным аргументом международного общения молодежи. Можно привести ряд примеров структур и конструкций, изначально напрямую заимствованных из английского языка и теперь широко применяющихся как, например, в русской, так и в китайской культуре интернет-общения («этот неловкий момент» и др.). С целью повышения мотивации учащихся на занятиях по английской письменной речи нами были разработаны и активно применялись приемы использования клишированных структур АСС, способствующие развитию различных языковых и речевых навыков.

ТЕСТОЛОГИЯ

Ahola Sari,

к. филос. н., н. с., Центр прикладной лингвистики, Университет Ювяскюля (Финляндия)

Уллаконоя Риikka,

PhD, Университет Ювяскюля

Успех на языковом экзамене и гражданство –
некоторые результаты экзаменов на знание финского языка
русскоязычных тестируемых

Финский общий языковой экзамен, предназначенный для взрослых, проверяет, насколько хорошо человек справляется с жизненными ситуациями, в которых он должен говорить, слушать, писать и читать на чужом языке. В состав языкового экзамена входят три теста по шести уровням: начальный уровень (уровни 1–2), средний уровень (уровни 3–4) и высший уровень (уровни 5–6). Уровни общего языкового экзамена связаны с шестиступенчатой системой оценки (A1–C2), используемой в *Общеввропейских Компетенциях Владения Иностранном Языком* (CEFR). Все тесты языкового экзамена включают в себя четыре вида проверки речевых умений: понимание текста, понимание речи, письмо и говорение. Лицам, которые хотят получить гражданство Финляндии, требуется продемонстрировать достаточное знание финского или шведского языка в ходе данного языкового экзамена. Кандидату необходимо сдать экзамен как минимум на уровне 3 (-уровень B1) в устной части экзамена (аудирование и говорение) и в письменной части испытания (понимание текста и письмо), другими словами, кандидату необходимо показать наличие устойчивых навыков в одной из следующих трех комбинаций тестируемых видов речевой деятельности: говорение и письмо, аудирование и письмо, а также понимание текста и говорение (www.migri.fi) В докладе рассматриваются результаты, которые показали русскоязычные кандидаты в данных разделах экзамена, а также соответствие их навыков требованиям, необходимых для получения финского гражданства. Представленные данные состоят из обобщенных результатов экзаменов и данных опроса участников экзамена в 2012 (общее число кандидатов, n=5097) и 2013 г. (n=5996). Из общего числа сдававших

экзамены число говорящих на русском языке как на родном составило около 30%. Кроме того, при анализе результатов используются данные проведенных опросов, которые дают возможность выяснить, какое влияние на результаты оказывают переменные факторы, (например, пол, образование, предшествующее языковое обучение) в различных контекстах.

Robinson Brian,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

TOEFL interpretation in Russia with emphasis on speaking

In fifty years, TOEFL has grown to worldwide acceptance as one of the main standards of knowledge of the English language. English in Russia is mainly taught using British English. How is TOEFL heard by an American grader? There are many variations of pronunciation in North America. This presenter is from the heart of the Midwestern states which are known to have neutrality in speech. Clarity of speech is important in all stages of speaking. Teaching speaking involves more than memorization and book knowledge. Clarification is needed to excel at TOEFL. Being prepared and using the most modern tools of our trade are essential for teaching in the 21st century.

Балт Татьяна Леонидовна,

преп., Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета

Тестирование чтения как форма контроля

1. Чтение как вид речевой деятельности в контексте тестирования — чтение является одним из важнейших средств получения информации.
2. Факторы и характеристики текста: хороший тест по чтению должен отвечать всем основным характеристикам теста — надежности, валидности, практичности, аутентичности.
3. Основные виды тестовых заданий и их характеристики.
4. Проектирование и разработка тестов, разработка, организация и проведение тестирования, анализ результатов.
5. Анализ олимпиадных заданий по чтению.

Бесядовская Надежда Александровна,

Гимназия № 56

Использование тестов международных экзаменов и материалов ЕГЭ в процессе подготовки школьников к Всероссийской олимпиаде по английскому языку

Всероссийская олимпиада школьников по английскому языку, с одной стороны, максимально приближена к системе построения экзамена ЕГЭ, с другой стороны, в корне от нее отличается. В качестве составных элементов в структуре олимпиадной работы также присутствуют задания, которые встречаются в Кембриджских экзаменах, экзамене IELTS.

Анализ составных элементов олимпиадной работы Регионального и Всероссийского этапов олимпиады школьников по английскому языку с точки зрения сходства типов заданий с различными экзаменами показывает, что часть заданий являются уникальными. Вследствие чего возникает проблема поиска материала и приемов работы с ними. Осуществляется поиск возможных путей решения этой проблемы.

Отдельного внимания заслуживают принципы составления и оценки олимпиадных заданий. Частным случаем этой проблемы является вариативность ответов. Это один из главных спорных моментов, с которым необходимо работать. Самыми непредсказуемыми разделами Олимпиады остаются «Письмо» и «Говорение». Прослеживается история изменения заданий этих разделов за последние пять лет: от формальных жанров письменной работы к рассказу; от традиционных заданий формата Кембриджских экзаменов, экзамена IELTS к использованию языка в сфере профессиональной коммуникации.

Ограниченные возможности использования готовых тестов других экзаменов, частичная непредсказуемость содержания и формы ставят целый ряд проблем, которые необходимо решать при подготовке школьников. Представляя опыт, полученный вследствие практической работы, мы понимаем необходимость подведения теоретической базы для создания полноценной картины.

Большакова Ирина Георгиевна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблема обратного влияния тестирования (washback) в контексте социальных последствий

Термин «washback» («обратное влияние», или «обратный эффект») в тестировании обычно означает то влияние, которое тесты или экзаменационные испытания способны оказывать на академические учебные планы и методы преподавания. Однако имеет смысл рассматривать обратный эффект тестирования и в более широком контексте, включающем как администрирование в сфере учебных заведений, так и образовательную политику в целом, и издательскую деятельность. Особые масштабы проблема обратного эффекта приобретает в случае применения хай-стейкс-тестов, т. е. тестов, способных оказывать существенное влияние на значимые аспекты жизни человека. В процессе применения тестирования в учебных заведениях существует тенденция к возрастанию времени и усилий, затрачиваемых на обучение тому, что измеряют тесты. Но так как время обучения ограничено, усилия по изучению материала, не измеряемого тестом, сокращаются. В итоге знания и навыки, проверяемые тестами в силу того, что их можно измерить легко и с минимумом затрат, становятся единственными, которым вообще обучают, тогда как важные навыки, которые не измеряются тестом, выпадают из содержания обучения. В итоге целые организации вынуждены подстраивать свои учебные планы под методы итогового оценивания. Серьезной проблемой в образовании становится ситуация, когда стратегией

обучения становится «натаскивание на тест» (teaching to the test), т. е. когда программа обучения превращается в подготовку к стандартизованному тесту. Проблема применения тестов и использования полученных результатов имеет как морально-этические, так и социально-психологические и политические аспекты. В настоящее время многие исследователи считают, что использования данных стандартизованного теста недостаточно для целей оценивания и принятия решений, настаивая, что пришло время применения тестов подвергнуть критическому пересмотру.

Васильева Анна Сергеевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности сертификации по итальянскому языку как иностранному

По сравнению с другими языками, тестирование по итальянскому языку приобрело особую значимость относительно недавно в связи с активно развивающейся внешнеэкономической, культурной и образовательной деятельностью Италии. За этот период было создано несколько языковых сертификатов, среди которых заслуживают особого внимания сертификат CILS (Certificato di Italiano come Lingua Straniera), разработанный Университетом для иностранцев города Сиены, сертификат CELI (Certificato di conoscenza della Lingua Italiana), созданный в стенах Университета для иностранцев города Перуджа, а также сертификат PLIDA (Progetto Lingua Italiana Dante Alighieri), права на который принадлежат Обществу Данте Алигьери. Каждая из рассматриваемых систем тестирования предполагает наличие шестуровневой шкалы, отображающей основные этапы освоения иностранного языка (от A1 до C2). Для получения любого сертификата необходимо сдать экзамен, состоящий из четырех (PLIDA, CELI A1-B1) или пяти частей (CILS, CELI B2-C2) различной сложности и продолжительности в зависимости от уровня: аудирование, чтение, грамматика и структура языка, письмо, разговорная речь. Необходимо отметить, что помимо модулей, ориентированных на взрослую иностранную аудиторию, итальянская система тестирования предусматривает специальные модули для детей и подростков, которые отличаются от традиционных коммуникативными контекстами, типами текстов и содержанием. Так, существует CILS Bambini A1-A2 для детей от 8 до 11 лет, CILS adolescenti A1-B1 для подростков от 12–15 и от 14–18 лет. Университет Перуджи разработал CELI adolescenti A2- B2 для подростков от 13 до 17 лет. Общество Данте Алигьери предлагает подросткам модули PLIDA Junior A1- B2.

Всемирнов Михаил Иванович,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Теория и практика использования стратегий формульного языка, сценарных схем и ролевых игр в адаптивном тестировании по РКИ

Важность и необходимость использования сценарных схем и ролевых игр в процессе обучения иностранным языкам не вызывает сомнения. При этом нужно также учитывать различие характера ролевых игр, используемых

в качестве соответствующих тестовых заданий на разных уровнях. Так, если в субтесте «Говорение» ТРКИ-2 представлены условно-коммуникативные ролевые игры с четко прописанным сценарием, то в аналогичных заданиях ТРКИ-3 и ТРКИ-4 используются подлинно коммуникативные игры с более свободным сценарием. И если в первом случае ролевая игра предсказуема, то во втором она является более творческой. Данный вид ролевой игры, являясь как бы промежуточным вариантом между ролевой игрой и собственно сценарием, представляет из себя «тест-симуляцию», где элемент проблемности ситуации и конфликтности между точками зрения, а стало быть и позициями участников диалога или полилога, значительно усилен. Включение этого элемента проблемности в условия тестового задания требует от тестируемых особых сценарных навыков и умений. В то же время практика подготовки к прохождению сертификационных тестов по РКИ показывает, что на сегодняшний день ощущается нехватка в методических материалах и учебных пособиях, ориентированных на формирование и развитие соответствующих речевых навыков и умений, необходимых для успешного выполнения задания «Ролевая игра». При этом, что касается практического использования ролевых игр в учебном процессе, зачастую даже в них, из-за отсутствия речевых образцов проблемных ситуаций общения, оформленных в виде готовых речевых формул, далеко не всегда ситуативность находит свое воплощение. Именно поэтому использование формульного языка в качестве наполнителя сценарных схем имеет важное значение как при обучении диалогической речи, так и при подготовке к тестированию. Под формульным языком надо понимать последовательность заранее заготовленных слов и словосочетаний, извлекаемую из нашей памяти целиком во время производства высказывания (в т. ч. идиомы и коллокации).

Громова Диана Алексеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Ребикова Любовь Дмитриевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Деловой английский язык как профессионально-ориентированный язык и его тестирование (на примере факультета менеджмента СПбГУ)

На факультете менеджмента СПбГУ студенты, изучающие деловой английский язык, — это студенты таких специализаций, как международный менеджмент, финансовый менеджмент, логистика, маркетинг, государственное и муниципальное управление, управление человеческими ресурсами. Профессиональную сферу коммуникации при изучении делового английского языка на факультете менеджмента можно охарактеризовать следующим образом: 1) условное место использования языка — офисы, фирмы, гостиницы, сфера обслуживания и т. д.; 2) условные участники общения — работодатели, менеджеры, коллеги, подчиненные, клиенты, заказчики, секретари и т. д.; 3) условные предметы — офисное и производственное оборудование; 4) условные события — встречи и собрания, приемы

и конференции, собеседования, ярмарки, консультации; 5) условные действия — ведение бизнеса, офисные процедуры, продажи, маркетинг, техническое обеспечение, управление финансами и т. д.; 6) тексты — деловая переписка, отчеты, деловые предложения, инструкции, правила, рекламные проспекты, требования к работнику, объявления, кейсы, статьи делового характера и т. д. Таким образом, использование делового английского языка является функциональным и контекстуальным. На первый план выходит развитие и мониторинг прагматической компетенции, т. е. компетенции дискурса (адаптации к речевой ситуации, регистра общения, ведение диалога и монолога, развитие темы, связность и целостность) и функциональной компетенции, т. е. умение использовать устные и письменные высказывания для выполнения конкретных функций (поиск и сообщение фактической информации, выражение собственного мнения, выяснение мнения других, убеждение, общение и т. д.). Поэтому темы, тексты для чтения и обсуждения, а также тесты следует составлять с учетом выше сказанного.

Гущин Юрий Геннадьевич,

к. ф. н., в. н. с., Московский институт открытого образования

Биркин Алексей Александрович,

к. м. н., с. н. с., Московский институт открытого образования

Компьютерная технология виртуального моделирования процессов декодирования речевого сигнала.

Доказательные физиолого-математические критерии сложности понимания и запоминания учебных текстов

Приводятся результаты исследований репрезентативных случайных выборок официальных учебных текстов начальной школы, предназначенных для проверки техники чтения, и полученные с помощью новой версии программы диагностики нагрузок кода речи. В отличие от предыдущих версий, эта программа учитывает не только нагрузки 1-го и 2-го этапов декодирования (образования управляющих кодов букв и слов), но и 3-го этапа декодирования — образования управляющих кодов сегментов текста (предложений). С позиций классических представлений физиологии, информатики, комбинаторики и математической логики в интересах оценки сложности понимания и запоминания текста обосновывается необходимость учета частоты встречаемости в тексте устойчивых синтагм и логических связей, являющихся маркерами сложности текста. Обосновываются интегральные числовые сравнимые показатели текста — физиологический индекс и коэффициент сложности понимания текста. Доказывается, что в настоящее время в педагогической практике не учитываются возрастные возможности нервной системы ребенка, необходимые для декодирования речи. Доказывается закономерность, что по текстам, обнаруживающим более высокие параметры нагрузок декодирования, ученики 3-го и 4-го классов совершают значительно (достоверно) большее количество ошибок в процессе проверки техники чтения. Также доказывается закономерность, что по текстам,

обнаруживающим более высокие параметры нагрузок декодирования темп (скорость) чтения у учеников 4-го класса снижается на 36—37%. На основании полученных данных приводятся результаты анкетирования экспертов (филологов, учителей русского языка и литературы), заинтересованных в отборе оптимальных для обучения текстов. Доказывается, что принятые данными специалистами исключительно субъективные оценки текста являются недостаточными для отбора оптимальных в обучении текстов. В этой связи обсуждается широко используемый термин «удобочитаемость».

Исследование проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).

Диброва Константин Юрьевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

50 лет TOEFL: от знания к владению

1. В TOEFL образца 2005 г. сделан существенный прорыв в ориентации теста.
2. Однако сохранение в числе заданий independent tasks (однофокусное тестирование) снижает объективность и эффективность теста.
3. Дальнейшее развитие теста предполагает изменение его формата на базе многофокусного тестирования (integrated tasks).

Ерофеева Инна Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Беликова Л. Г.,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Тестирование устной речи в системе ТРКИ: возможности совершенствования

Говорение является одним из самых интересных и показательных при измерении уровня коммуникативной компетенции аспектов речевой деятельности. И именно говорение заслуживает особого внимания с точки зрения оценивания соответствия данного теста российской системы тестам по устной речи в системах тестирования стран, входящих в АЛТЕ. Стоит сравнить форматы тестов, процедуры проведения, системы оценивания речевого продукта. Прежде всего, сравнивая тесты по говорению, мы видим большую разницу во времени проведения данного субтеста. Например, тест по говорению II уровня в системе ТРКИ проходит 45 минут, в системе тестирования Cambridge English — 14 минут. Критерий экономичности лежит в основе идеи о сокращении времени, отводимого на проведение теста по говорению, и, следовательно, о пересмотре структуры теста по русскому языку. Субтест «Говорение» должен отвечать критериям валидности, надежности и экономичности. Первый из названных критериев заставляет задуматься над возможностью изменения формата тестовых заданий первого блока — «условно-речевых», где в первую очередь проверяется

лингвистическая компетенция кандидатов, а очень строгая заданность параметров ситуации вызывает трудности психологического характера при выполнении заданий.

Отдельным вопросом при сравнении тестов по говорению в разных системах является парное тестирование. Оно имеет ряд преимуществ, но вызывает и некоторые сомнения в соблюдении третьего правила тестирования — соответствия критерию надежности.

Особого рассмотрения требуют вопросы, связанные с оцениванием результатов тестирования устной речи. Заметим, что определенная размытость критериев оценивания и недостаточная четкость в описании параметров существует во всех системах тестирования. Это объясняется огромной сложностью и нерешенностью до конца этого вопроса на данном этапе.

Иванова Екатерина Александровна,

Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета

Текущий контроль с помощью системы тестов в старших классах негуманитарных направлений

В статье рассматривается система тестирования в рамках дополнительных образовательных программ по английскому языку для подготовки к конкурсам, олимпиадам, сдаче международных экзаменов у старшеклассников. Преподаватель ведет целенаправленную работу, обеспечивающую достижение личностных, метапредметных и предметных результатов изучения английского языка в школе (ступень общего образования — среднее (полное) общее образование (10—11 классы)), обозначенных ФГОС. В систему контроля включены разнообразные тестовые задания при работе с текстом, в том числе по прогнозированию его содержания, выбору наиболее подходящего из предложенных заголовков, они способствуют развитию такого важного метапредметного умения, как умение смыслового чтения. Задания, в которых необходимо выразить собственное мнение о прочитанном тексте и (или) фрагменте текста, способствуют развитию умения аргументировать свою позицию, а также способствуют формированию ценностной ориентации слушателей курса. Задания в форме головоломок и загадок в занимательной форме учат слушателей курса сопоставлять, находить сходства и различия при сравнении, воспроизводить слово по данной дефиниции, развивают внимание, логику, умение анализировать и обобщать информацию. Практика тренировочных тестов способствует формированию механизмов самоконтроля, развитию познавательной и эмоциональной сфер слушателей дополнительной образовательной программы «Английский язык — подготовка к конкурсам, олимпиадам, сдаче международных экзаменов» (11 класс).

Промежуточный контроль, регулярное выполнение тестов являются частью мониторинга образовательной деятельности слушателей, инструментом управления качеством образования. Выполнение опубликованных вариантов экзамена (уровень FCE) может быть как средством как промежуточного, так и итогового контроля.

Калинина Анна Ильинична,

н. с., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Обзор инновационных инструментов контроля качества языковой подготовки на разных ступенях образования (английский язык)

Тенденции в современной политике российского образования, в частности стремление к международным стандартам и уровню языковой подготовки, вынуждают педагогические кадры уделять особое внимание вопросу контроля и оценки качества знаний иностранного языка на всех ступенях образования. Возникает потребность преподавателей и учителей английского языка в инновационных, интерактивных и удобных средствах контроля. В рамках доклада будет представлен обзор инновационных и интерактивных инструментов контроля качества языковой подготовки по разным языковым направлениям.

Корнев Алексей Александрович,

к. п. н., преп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Определение тестового конструкта квалификационного теста по иностранному языку для учителей и преподавателей иностранного языка

Данная работа посвящена проблеме разработки квалификационного языкового теста для преподавателей английского языка, которая в настоящий момент решается двумя совместными международными научными проектами факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова и компании EF Education First: TEELT (Test of English for English Language Teachers) и LTTL (Language Teachers' Target Language). Как показывает анализ образовательных программ различных университетов, составленных по направлению «Лингвистика», зачастую существуют серьезные различия в содержании итоговой государственной аттестации по иностранному языку. В подобных условиях крайне сложно обеспечить контроль выполнений требований федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) или образовательного стандарта высшего учебного заведения (ОС), что приводит к тому, что сложно гарантировать достаточную языковую подготовку будущих учителей и преподавателей иностранного языка. Подобная проблема характерна не только для российского образования. Подтверждением того, что общество не всегда доверяет процедурам оценивания в вузе, могут служить дополнительные экзамены для учителей, идущих в профессию, организуемые государственными и муниципальными властями в Испании, Японии и многих других странах. Что касается международных экзаменов в данной сфере, то можно заметить, что существующие экзамены для преподавателей английского языка (CELTA, TKT, DELTA) являются в большей мере тестами на знание методики преподавания иностранного языка, а при отборе кандидатов учитываются результаты тестов уровня владения вы-

сокого уровня (CAE, CPE), либо тесты академического английского (IELTS Academic, TOEFL, PTE Academic). Существующие тесты по английскому языку для преподавателей иностранного языка (APTIS, LPATE) не содержат открытых спецификаций или описаний конструкта и ориентируются во многом на английский, употребляемый в классе (classroom language).

Креер Михаил Яковлевич,

к. п. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Задания проблемного типа

(тестовая матрица межкультурных характеристик)

**при обучении профессионально-ориентированному
иностранному языку (ESP)**

Задача преподавателя языка — научить студентов, как деловых людей, общаться по-английски в той сфере, в которой они специализируются. Конечно, если преподаватель имеет представление об этой сфере деятельности, ему будет легче достичь взаимопонимания со студентами, ему будет легче вводить новую информацию в знакомые языковые конструкции. Аббревиатура ESP (English for Specific Purpose) в настоящее время считается термином, вошедшим в научно-практический обиход теоретиков или практиков обучения профессионально-ориентированному английскому языку. Обучение английскому языку в качестве ESP (English for Specific Purpose) требует не только нового подхода к его методике, но и нового взгляда на содержание обучения иностранного языка.

Особенностью ESP и других курсов профессионального иностранного языка, как правило, является его нацеленность на овладение межкультурной компетентцией и выработку межкультурной компетентности у учащихся соответственно стране изучаемого языка. Одной из наиболее активно развивающихся методик на современном этапе является тестовая методика в изучении ИЯ, проблемный и кейс-метод, вопрос о применении которых достаточно хорошо разработан в современной литературе по методике преподавания ИЯ. В частности, в нефилологических высших учебных заведениях ESP требует такого подхода к содержанию обучения английскому языку, при котором, к примеру, при обучении профессиональному общению (диалогу) содержание образования намечается поэтапно.

Онушкина Елизавета Викторовна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Мультилингвальное тестирование: межъязыковая и межкультурная профессиональная коммуникация и дистанционное обучение академическому и профессионально-ориентированному иностранному языку

- Мультилингвальное (би- и трилингвальное) тестирование по межъязыковой и межкультурной профессиональной коммуникации в международном образовательном пространстве;

- обучение академическому и профессионально-ориентированному английскому и французскому языкам в рамках дополнительной образовательной программы повышения квалификации по иностранным языкам в постдипломном образовании;
- перспектива дальнейшего обучения академическому, профессионально-ориентированному и общему деловому иностранному языку в дистанционном режиме с использованием современных информационных технологий в рамках концепции непрерывного образования взрослых на протяжении всей жизни.

Павловская Ирина Юрьевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

О тестировании произносительных навыков в условиях полилингвизма

Условия интенсивного взаимопроникновения языков и культур требуют пересмотра таких понятий, как многоязычие, билингвизм, интерференция. Это не только знание многих языков как таковых, но и умение использовать эти знания говорящим в различных ситуациях для своих коммуникативных целей с учетом связей и взаимодействия этих языков. На фонетическом уровне интерференция всегда считалась проблемой, методисты и фонетисты искали способы борьбы с нею. В докладе рассмотрен конкретный случай столкновения трех языков на фонетическом уровне в образовательном контексте, а именно — обучение китайских студентов английскому произношению русскоязычными преподавателями в русской языковой среде. Фонетически это порождает китайско-русско-английскую интерференцию. Методически эта проблема решается тремя способами: 1) путем подхода к ней сверху вниз (не от фонемы к слову и высказыванию, а от высказывания к его сегментации), при этом первейшее значение имеют просодические характеристики высказывания: интонация, ритм, паузация; 2) тренировка перцептивных навыков начинается задолго до формирования продуктивных навыков; 3) в отсутствии языка-посредника предлагаются фоносемантические опоры для понимания смысла и артикуляции неродных языков. Следуя этим принципам, тестирование начинается с проверки распознавания на слух иноязычных высказываний (сразу на двух иностранных языках) в плане правильной интерпретации интонации и ее коммуникативной функции, опознавания количества ударных слогов, позднее — слов и их границ. На более поздних этапах подключается распознавание похоже звучащих слов в парах и тройках (с учетом трех языков). При этом распознается не значение по альтернативе фонем (как в знаменитом методе «минимальных пар»), а прежде всего определяется язык, на котором они произнесены, а уже затем ассоциация значения закрепляется через визуальную опору (текст или картинку). Лишь на третьем этапе можно перейти к распознаванию отдельных слогов и/или фонем и их произнесению изолированно и слитно.

Сеничкина Ольга Авенировна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Использование банка нормированных тестовых заданий для составления тестов

Из широкого спектра тестов, таких как FCE, IELTS и т. д., ни один полностью не возможно использовать для тестирования языковых навыков и речевых умений студентов-психологов, проходящих обучение в рамках курса профессионально-ориентированного английского языка. Для тестирования узкоспециализированной лексики создан банк тестовых заданий из которых тестолог кафедры может составить тест, соответствующий заданным требованиям.

Сказочкина Татьяна Валерьевна,
к. п. н., преп., Академическая гимназия
Санкт-Петербургского государственного университета

Статистический анализ значимости показателей тестов

В течение пяти лет автором статьи проводилось экспериментально-методическое исследование системы контроля уровня сформированности фонологической компетенции в интегративном курсе английского языка. При этом были решены следующие задачи: 1) анализ имеющихся в настоящее время в распоряжении преподавателей фонетических тестов; 2) проведение установочного эксперимента по тестированию представительной выборки русскоязычных испытуемых с целью уточнения объектов тестирования и критериев оценки; 3) на основании полученных результатов создание интегративной программы обучения неспециальному английскому языку вместе с системой контроля навыка произношения; 4) в рамках этой системы разработка тестов по проверке уровня сформированности фонологической компетенции; 5) разработка методического инструментария к вышеуказанным тестам (спецификации для преподавателей, инструкции для испытуемых, рейтинговые таблицы-карточки экзаменатора); 6) проведение тестологического эксперимента по опробованию разработанных тестов; 7) описание динамики развития фонологической компетенции испытуемых с помощью разработанной системы контроля. Экспериментальные данные по апробации учебной программы интегративного курса обучения английскому произношению в рамках коммуникативного подхода подтверждают, что авторская модель обучения и контроль фонологической компетенции методом тестов является эффективным инструментом развития фонологической компетенции. Данное исследование было продолжено в следующих направлениях: 1) проведение инструментального статистического анализа валидности и надежности тестов; 2) определение корреляции между навыками лексическим/произносительным, грамматическим/произносительным, а также фонетическим навыком и общим владением языком на разных уровнях.

Тулякова Валентина Юльяновна,

преп., Академическая гимназия Санкт-Петербургского государственного университета

Использование тестовой методики контроля при обучении практической грамматике французского языка

1. Контроль знаний учащихся как один из важнейших элементов учебного процесса.
2. Обучение практической грамматике в классах физико-математического и естественно-научного направлений и его особенности.
3. Тестирование как одно из средств контроля при обучении практической грамматике:
  - а) тесты как средство объективной диагностики качества знаний;
  - б) тестовый контроль и его проблемы в процессе обучения;
  - в) некоторые особенности методики составления тестов по практической грамматике.

Тункун Яна Анатольевна,

к. п. н., асп., Бабель медиа

Соотношение объективного и субъективного в тестировании компетенций преподавателя

1. Тестирование — мощный инструмент для самоанализа и совершенствования, с одной стороны, и возможность оптимизировать преподавание, с другой.
2. Определение компетенций, которые можно оценить объективно, и основные сложности оценки субъективных компетенций.
3. Реализация и требования к компетенциям при использовании авторской методики и традиционного коммуникативного метода с типовым учебником.
4. Объективное тестирование, основанное на вопросах-ответах по фактическим знаниям, дает зауженную картину потенциала преподавателя.
5. Варианты и потенциальные возможности субъективных тестов при тестировании компетенций преподавателя.

Эйтон Джон,

преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Classification of mistakes and mark allocation for TOEFL and IELTS learners

One general problem that learners can encounter when preparing for the IELTS or TOEFL exam is that they are unclear about what 'level' they are and what it is exactly that they need to improve. A main cause of this problem is that teachers, and consequently learners, do not look at errors from the point of view of examiners. This does not allow them to diagnose weaknesses and prioritize action, which means that in some cases they cannot effectively prepare for the

exam. By analyzing the errors according to the specific exam criteria, learners can partially overcome this problem. The proposed steps (outlined below) are designed to aid this process. It should be noted that the errors have been taken from learners who are adults or people in their late teens. They are typically B2 (or strong B1 / weak C1). The first step is to correct the errors presented, and then to classify them in any way teachers like. The reason for this 'freestyle' classification is to compare different ways teachers have of viewing the same errors before looking at them from an examiner's point of view. The next step is to then allocate a mark by deciding which mistakes fit which criteria in the official IELTS / TOEFL scheme. That is, to classify them from an examiner's point of view. The last stage is to then discuss real-life factors that need to be taken into account when going through this process with learners in the classroom, and how the role of 'examiner' can be combined with the role of the teacher to best prepare learners for the relevant exam.

ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Андронов Алексей Викторович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Перечитывая Анну Абеле:

к 90-летию статьи «К вопросу о слоге»

(*Slavia*, III (1), 1924)

До сих пор мало известная статья А. Абеле является основополагающей для функционального понимания таких ключевых понятий, как «слог», «гласный», «дифтонг», и общей фонологической теории. Крайне важна идея А. Абеле о существовании фонологически самостоятельной сегментации на слоги (помимо сегментации на фонемы). Соотношение двух основных фонологических единиц в языке обратно пропорционально: чем лучше оформлена фонема, тем меньше фонологических признаков имеет слог, и наоборот. Отсутствие фонологических признаков у слога (например, в русском языке), снимает вопрос о слоговых границах. Гласный фонологически обычно определяется как слогообразующая фонема. Однако, если самостоятельная сегментация на слоги играет существенную роль, класс гласных фонем может быть недостаточно четким (ср. слогообразующие согласные), признак же «гласности», определяемый через понятие более крупной, чем фонема, единицы, оказывается не сегментным, а супрасегментным. Если же слог не имеет фонологических признаков, то определять понятие гласного через понятие слога невозможно, оно должно опираться лишь на свойства взаимной сочетаемости фонем в пределах слова (и признак «гласности» становится собственно сегментным, допускающим дальнейшую конкретизацию в виде системы дифференциальных признаков).

Понятие дифтонга также принадлежит супрасегментной фонологии: дифтонгом является объединение двух фонем (безотносительно к их «гласности» или «согласности») в центре слога. Центр слога определяется функционально и значим, например, в случае противопоставления кратких (V) и долгих (V: = VC) слогов. Фонологические дифтонги, таким образом, всегда бифонемны и могут существовать лишь в языках с самостоятельной сегментацией на слоги: лит. *lauk*, *kaltas*, лат. *insecta*. Фонетически схожие звучания могут иметь разный фонологический статус в разных языках, ср.: [ai] в лтш. *tai* (фонологически дифтонг), англ. *tie* (не дифтонг ввиду монофонемности), рус. *тай* (не дифтонг, так как второй элемент не входит в центр слога).

Викторова Елена Юрьевна,

к. ф. н., доц., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Синкретизм дискурсивных слов

Предметом нашего исследования являются дискурсивные слова (дискурсивы), функционирующие в русской научной речи (устной и письменной). Это вербальные способы выражения вспомогательной функции в коммуникации, функция которых заключается в помощи коммуникантам в процессе создания дискурса, его реализации и восприятия. Дискурсивы носят транскатегориальный характер, однако критерием объединения всех этих разнородных единиц в один класс дискурсивов является их общая функция, связанная с регулированием и организацией процесса коммуникации. В связи с этим выделяем две большие группы дискурсивов: дискурсивы-регулятивы и дискурсивы-организаторы. Осуществленная попытка классификации дискурсивов показывает неизбежность и продуктивность выделения наряду с основными типами особых, переходных типов дискурсивов, названных нами синкретичными. Суть синкретизма состоит в том, что языковая единица в определенном контексте одновременно может выражать несколько отдельных, независимых друг от друга семантических или функциональных (прагматических) значений. Синкретизм — это особая разновидность полифункциональности, не разрешаемая контекстом. В дискурсивных словах синкретизм может быть обнаружен на нескольких уровнях. В дискурсиве могут сочетаться фактуальная и дискурсивно-регулятивная информация, т. е. часть функций такого дискурсива как бы выходит за пределы поля вспомогательных коммуникативных единиц — это так называемый внешний синкретизм. Остальные разновидности синкретизма находятся непосредственно в поле вспомогательных единиц, поэтому считаются нами внутренними. Дискурсивы, представленные союзами, часто сочетают функции прагматических и грамматических операторов. Кроме этого, в одном дискурсиве могут одновременно обнаруживаться функции регулятивные и организаторские, и это встречается довольно часто. И наконец, в дискурсиве можно выделить две и более либо регулятивных, либо организаторских подфункций.

Вилинбахова Елена Леонидовна,

к. ф. н., асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Глубинные тавтологии в русском языке

В докладе рассматривается особый класс тавтологических конструкций — *глубинные тавтологии* (англ. *deep tautologies*) (далее — ГТ), выделенные и описанные в (Bulhof, Gimbel, 2001) на материале английского языка.

В лингвистических исследованиях традиционно считается, что тавтологические высказывания устанавливают тождество объекта самому себе лишь формально, а в речи несут иной, «нетавтологический» смысл: например, фраза *Дети есть дети*, может означать, что дети непослушны, создают много шума и т. д. Класс ГТ интересен тем, что, напротив, предполагает

именно буквальную интерпретацию: так, ГТ *Дети есть дети* означает, что дети остаются детьми, независимо от их внешних и внутренних характеристик, а также сопутствующих высказыванию обстоятельств. Существенно, что в английском языке ГТ не имеют формальных маркеров, и принадлежность конструкции к данному классу определяется только по семантическим и прагматическим признакам.

Здесь предпринимается попытка описания класса ГТ на материале русского языка. Как отмечено в (Israeli, 2006, 75), русские тавтологии более разнообразны по форме: *X есть X*, *X — это X*, *X значит X* и т. д., а также модель *X он и в Африке X*, которую А. Исраэли считает единственным подходящим кандидатом на роль ГТ (Там же). В настоящей работе на материале корпусных и экспериментальных данных проверяется: (1) может ли любая из перечисленных моделей служить формой для ГТ и существует ли особая синтаксическая модель, характерная именно для ГТ; (2) какова роль лексического наполнения тавтологической конструкции и контекста (а также их взаимовлияния) в том, попадет ли она в класс ГТ. Также обсуждается метаязыковая природа ГТ, указывающих на определенный способ интерпретации языкового выражения.

Галиева Альфия Макаримовна,

к. филос. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Синкретизм в семантике татарских глаголов звучания

В настоящее время общепризнанным является тезис о том, что в значениях языковых единиц отражаются знания людей о мире. Однако значительная часть наших знаний не является простым обобщением чувственных данных, а представляет собой творческую переработку некоторых исходных данных, отображенных в сознании людей в процессе их познавательной деятельности. Проблема синкретизма языковых единиц связана с выявлением особенностей речемыслительной деятельности человека, представляющей собой совокупность ментальных процессов и способов их языкового выражения.

Под термином «лексико-семантический синкретизм» в работе понимается наличие у леммы различных, не связанных между собой компонентов значения, одновременная актуализация различных семантических признаков, вплоть до наличия их «размытого» набора. Проявления семантического синкретизма являются следствием онтологической нерасчлененности мира и фиксируют своеобразие дискретизации мира значимыми единицами языка, они связаны с особенностями репрезентации и трансформации информации о мире в системе языка.

Татарские глаголы звучания имеют звукоподражательный характер и отличаются яркой денотативно ориентированной семантикой, поскольку тесно привязаны к миру вещей, производящих звуки, к их объективным физическим или иным характеристикам. Многие глаголы с семантическим компонентом «звук» имеют дополнительные семы, характеризующие различные аспекты звучащего объекта:

- движения тела при производстве звуков: тупырдау (топать);
- вращательное движение объекта, издающего звуки: зерелдәу (крутится с легким свистом);
- колебательное движение в воздухе ткани или полотна, являющееся причиной звуков: лопырдау (развеваться);
- вибрация, сопровождающая звучание: келтерәу (дребезжать, трястись с легким звуком) и т. п.

Способы членения мира звуков имеют сложную природу и не только зависят от акустических характеристик издаваемых звуков, но и учитывают сложный комплекс смежных явлений.

Горбов Андрей Андреевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

О критерии выявления семантической кальки (на материале русского языка рубежа XX—XXI вв.)

В исследованиях, посвященных изучению состояния русского языка на рубеже XX—XXI вв., подчеркивается факт усиления иноязычного влияния на русский язык. Однако анализу процессов калькирования уделяется гораздо меньше внимания, чем рассмотрению вопросов, связанных с прямым лексическим заимствованием. Наибольшие затруднения связаны с выявлением семантических калек, однако факторы, позволяющие обоснованно предполагать наличие семантической кальки, все же существуют. В частности, анализ значения слова *цитирование* в словосочетании *индекс цитирования* дает основания утверждать, что здесь имеет место семантическая калька с английского языка. Существительное *цитирование* образовано от глагола *цитировать*, имеющего только одно словарное значение — «приводить *цитату*, цитаты». У существительного *цитата* также зафиксировано лишь одно значение — «дословная выдержка из какого-н. текста». Однако *индекс цитирования* означает не «показатель количества дословных выдержек», а «показатель количества ссылок на работы автора». Таким образом, здесь реализуется значение, точно соответствующее значению англ. *citation*, образованного от глагола *cite* — «ссылаться на текст или автора для подтверждения сделанного заявления». При этом важно, что *cite* является словарным переводным эквивалентом глагола *цитировать*. Новое значение слова *цитирование* является калькой именно с английского языка: об этом говорит время появления этого значения, тематика текстов, в которых это слово появляется в новом значении, а также то, что *индекс цитирования* является прямым переводным эквивалентом английской коллокации *citation index*. Аналогично определяется факт семантического калькирования в случаях употребления некоторых абстрактных существительных в мн. ч. (*продажи, практики* и т. п.) Таким образом, семантическая калька достоверно выявляется лишь тогда, когда иноязычное слово — источник нового значения для некоторого слова языка-реципиента — является основным переводным эквивалентом этого слова в языке-реципиенте.

Горбова Елена Викторовна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Вторичные имперфективы в диахронии (корпусное исследование)

Основной целью исследования, предварительные итоги которого будут изложены в докладе, является изучение вопроса о направлении развития вторичной имперфективации: имеет ли место усиление или угасание этого процесса в настоящий момент, и каковы прогнозы на будущее? Для достижения этой цели предполагается взять три временных среза (и создать три соответствующих пользовательских подкорпуса) в НКРЯ: 1) с интервалом дат рождения авторов текстов 1700—1750 гг.; 2) 1850—1900 гг. и 3) после 1950 г. При этом в каждом заданном подкорпусе вводится одинаковый запрос: глагол НСВ с суффиксом имперфективации и наличием приставки за вычетом причастных и деепричастных форм. В полученных выборках предполагается сопоставить все леммы и выявить те, наличием/отсутствием которых различаются три временных среза. На основе проведенного анализа формулируются выводы о тенденциях в употреблении вторичных имперфективов. Привлекаются также результаты проведенного ранее исследования *неконвенциональных* вторичных имперфективов в русской разговорной речи. Дополнительно решается задача привлечь внимание к роли вторичных имперфективов в диахроническом развитии и функционировании категории вида русского глагола, а также, учитывая последние аспектологические исследования, в том числе проводимые в русле когнитивного подхода, предложить аргументы для рассмотрения суффиксальных пар как центра видовой оппозиции. В частности, перспективность вторичной имперфективации как основного способа русского видообразования видится в связи с минимальным воздействием суффиксальной имперфективации на семантику основы СВ. Это позволяет имперфективации охватить и соотносить с внутренним пределом гетерогенные трансформативы (в терминах Х. Р. Мелига, напр., *прочитывать*, *развязывать*) и гомогенные нетрансформативы (напр. *просиживать* или *простаивать*, которые «не имеют значения процесса»). Предлагаемый взгляд на русский вид обнаруживает близость идеям С. Карцевского, А. В. Исаченко, раннего Ю. С. Маслова, Х. Томмолы.

Григорьян Елена Леонидовна,

к. ф. н., доц., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Об интерпретации зависимых бессубъектных конструкций

Доклад посвящен зависимым бессубъектным конструкциям, прежде всего деепричастным оборотам, номинализациям и некоторым типам придаточных предложений, которые невозможны как самостоятельные синтаксические единицы. Существенно, что такие конструкции, как правило, относятся к ситуациям, предполагающим агенса, или экспериенцера, или наблюдателя, и в контекстах, где употребляются обороты данного типа, безусловно подразумевается такой партиципant, хотя он остается невыраженным. Ситуация изображается в отрыве от агенса или субъекта

восприятия, который, тем не менее, либо выводится из контекста, либо является обобщенным. В данном докладе не рассматриваются безличные конструкции, связанные с обозначением/изображением стихийных явлений, которые нередко в лингвистической литературе трактуются в этносинтаксическом плане и с которыми, вполне правомерно, связываются значения неконтролируемости, спонтанности и т. д. Работа во многих отношениях подсказана двумя докладами К. Ватанабе на XLI конференции в 1912 г., впоследствии опубликованными в несколько измененном виде. Представляется, однако, не вполне правомерным усматривать во всех бессубъектных конструкциях значение автономности ситуации, ее независимости от какого-либо деятеля, причины или воспринимающего субъекта. Обороты рассматриваемого типа часто оказываются формально несогласованными с той конструкцией, в состав которой они включены. В некоторых языках предполагаются (нормативные) формальные правила, как, например, для русских деепричастных оборотов, но, кстати, не для придаточных с обобщенным значением, типа «если + инфинитив» и нек. др.; в нормах других языков регламентация может быть менее жесткой или вообще отсутствовать; в спонтанной же речи такие ограничения, очевидно, не действуют. Возникает вопрос, насколько подобные конструкции специфичны для того или другого языка и могут считаться его специфической чертой, — или дело в различном отношении к литературной норме.

Дубровская Ольга Николаевна,

к. ф. н., доц., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Коммуникативное событие как форма социальной регуляции

В теории языка содержание понятия «коммуникативное событие» является дискуссионным. С одной стороны, это более сложная структура, чем речевой акт. С другой стороны, не все разграничивают понятия «коммуникативная ситуация» и «коммуникативное событие», поскольку их определяют сходные параметры. В результате исследователи обращаются к термину «ситуация-событие». Вместе с тем, лингвисты оперируют термином «дискурсивное событие» в силу доминирования речевой составляющей коммуникативного события. Однако «дискурсивное событие» следует рассматривать как событие, созданное дискурсом о событии.

В настоящем исследовании «коммуникативное событие» рассматривается как особая категория теории коммуникации, связанная с понятиями «речевой жанр», «дискурс» и «ритуал». Коммуникативные события представляют собой гетерогенную категорию, которая состоит из событий с разной фреймовой структурой. Коммуникативные события с многокомпонентной структурой, в которых реализуются простые и сложные речевые жанры, а также характеризующиеся ритуализованностью, относятся к сложным коммуникативным событиям. Такие события планируются, назначаются, реализуются по определенному сценарию, носят коллективный характер. Они организуют дискурсивное пространство в различных коммуникативных сферах (например, политический дискурс: *выборы*, встреча с *избира-*

телями и др.; юридической дискурс: *судебное заседание* и др.; учебный дискурс: *урок, экзамен* и др.) и выполняют функцию социальной регуляции, поскольку по своей структуре сходны с ритуалами.

В каждой лингвокультуре актуализируются различные типы коммуникативных событий, при этом их фреймовая структура известна носителям данной культуры. Характер события определяется по дискурсивному наполнению события, событийным метадискурсам, имплицитным и эксплицитным дискурсивным компонентам. Коммуникативное событие является формой передачи культурного опыта и реализует социокультурную идентичность в коммуникации.

Иванова Ирина Сергеевна,

к. ф. н., доц., Университет Лозанны (Швейцария)

К вопросу о рецепции теории Фердинанда де Соссюра советскими лингвистами 1920–1930-х гг.

Несмотря на то, что о рецепции теории де Соссюра в России существует много публикаций, остается еще ряд вопросов, которые не были в ней затронуты. И прежде всего, это рецепция соссюрских идей известным советским лингвистом Розалией Осиповной Шор (1894–1939), которая была инициатором перевода *Курса общей лингвистики* на русский язык и написала к нему комментарии. Настоящее сообщение анализирует эволюцию взглядов Шор на теорию языка де Соссюра и рассматривает ее в более широком контексте основных направлений советской лингвистики 1920–1930-х гг. Данный анализ позволяет выяснить, почему отдельные лингвисты, прежде всего члены Московского лингвистического кружка, приняли отдельные положения соссюрской теории, и почему позитивная позиция Шор сменилась в начале 30-х гг. на критическую. Этот анализ позволяет также поставить вопрос о механизме межкультурного трансфера научных идей.

Касевич Вадим Борисович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Звучание и значение на разных уровнях системы языка и речевой деятельности

Считают, что фонология и семантика суть полярные «домены» языковой системы и речевой деятельности. Соответственно, фонология рассматривается как лишенная семантики, а семантика — как лишенная фонологии; лишь соотносительность этих «доменов» создает «привычную» нам семантику. Будем считать, что значение, которое передается в рамках коммуникативного акта от адресанта к адресату, — это изменение информационного состояния последнего. При статистическом подходе к информации из сказанного следует, что такие фонологические единицы, как фонемы, безусловно несут информацию и *в этом смысле* обладают значением, которое можно измерить как величину, обратную вероятности наступления

соответствующего события. Вместе с тем, информация как оборотная сторона вероятности носит чисто количественный, «бескачественный» характер. Информационная ценность того, что на вход системы поступила биграмма *да*, равна нулю. Вопреки традиции, морфемы и слова в известном смысле лишены значения. Если адресат слышит/видит слово *стол*, то как, в какой степени изменилось его информационное состояние? Для такого изменения потребовалось бы ввести в сообщение **предикат**, ср. *Купили стол* и т. п. Иначе говоря, значение, которым полуинтуитивно оперирует традиция, — это коммуницируемое, интенциональное (толкование оставляем за скобками), ценностное значение. Чтобы возникло такое значение, сообщение, как сказано, должно содержать предикат. Это создает ситуацию, когда наделенная полной информацией предикативная единица (высказывание) создается на базе единиц, лишенных значения (в разном смысле и в разной степени): фонем, морфем, слов. Платон в «Кратиле» склонен связывать истинность целого и его частей, что, по-видимому, расходится с утверждениями, представленными выше. Однако Аристотель в «Метафизике» дает иную формулировку, на которой зиждутся важнейшие постулаты философии, логики и психологии: «Целое больше суммы частей».

Клейнер Юрий Александрович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Ударение по Гарду

В качестве альтернативы традиционного понимания ударения как «выделение одного из слогов в слове или словосочетании за счет усиления голоса, повышения тона, увеличения длительности, интенсивности, громкости и т. п.» [Ахманова, 1966], при котором ударение включается в систему корреляций и, соответственно, парадигматических средств, П. Гард [Garde, 1968] предлагает рассматривать взаимоотношения между ударением и безударностью как контраст, т. е. одновременное существование в пределах некоторого ограниченного отрезка двух единиц, предполагающих друг друга. Функция ударения при этом вытекает из принципа *двойного членения* речевого потока — на значимые единицы (*первое* членение) и единицы плана выражения (*второе* членение), а акцентуация отражает членение на контрастирующие отрезки, обладающие (соотв. не обладающие) способностью выступать в качестве носителя супрасегментных характеристик, ассоциирующихся с ударением (потенциальная ударность). Реализация ударения определяется протяженностью отрезка, в котором создается контраст и, соответственно, границами между контрастирующими единицами — словами в высказывании, морфемами в слове, ср.: контраст между слогами в морфеме, морфемами в слове, словами в предложении (= ударение третьей степени, второстепенное, главное) в английском языке [Kingdon, 1958; Cygan, 1971]. Контраст в пределах слога реализуется в виде музыкального ударения независимо от способа выделения его элементов (ср. интенсивность в (*úo/* и */uó/* < */o/) в севернорусских говорах [ср. Пауфошима, 1985].

Клубкова Татьяна Владимировна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Случайные находки: идентификация цитат

Практика комментирования художественных текстов может являться объектом изучения лингвиста. В ней отражается, с одной стороны, процесс забвения социумом общих мест, с другой стороны, — отношение комментатора к регламентации «информационной достаточности» комментария.

В докладе рассматриваются не прокомментированные или некорректно прокомментированные места из русской классики. Без комментария остаются античные цитаты даже авторов первого ряда (Гораций, Овидий).

В «Горе» Н. С. Лескова не объяснена фраза «И Гомер ошибался», вольный перевод из Горация: «Indignor, quandoque bonus dormitat Homerus» (Horat. Ars poetica. V, 359).

Монолог Серпуховского [Толстой, 1970, 266] возможно объяснить как попытку вспомнить фразу «leve fit, quod bene fertur, onus» из «Любовных элегий» Овидия (Ovid. Amores, 1, 2, 9–10).

В «Юдоли» Н. С. Лескова не отмечено как библеизм «Le nombre des sots est infini» — Число глупцов бесконечно — (Еккл 1:15), в 1950–1970-е гг. фраза часто приписывалась Галилею.

Слово «мотья» встречается у Лескова только в рассказе «Русское тайнобрачие»: 1) «Как только хозяйева устроили его за одним столом “в мотью”»; 2) «...пойду — посмотрю, что мне в мотье написали», объясняется как орловский диалектизм [Лесков, 1957, 683]. Карточный термин, есть в романе «Заговор» (опубл. 1926): «...какой-то старичок... спросил: — В моти желаете? <...> — Извольте видеть, они предлагают вам играть в доле, à moitié, — пояснил холодно банкомет» [Алданов, 1991, 162], сходные значения есть в блатном жаргоне [Фартовый словарь].

Конума Юкари,
асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос об отношении между регулярностью и обязательностью на материале японской аспектуальной формы со вспомогательным глаголом -shimau

Грамматикализацию того или иного аспектуального показателя можно описывать с точки зрения двух параллельно наблюдаемых процессов: расширения репертуара аспектуальной семантики и преодоления сочетаемостного ограничения с лексическими классами. Первый процесс состоит в расширении семантической способности к реализации в высказывании обозначения той или иной фазы ситуации предикатов любого акционального класса, что само по себе представляет собой освоение сочетаемостной регулярности. Возникает вопрос о том, возможна ли грамматикализация с обратным порядком отношения между семантической генерализацией и сочетаемостной регуляризацией, иными словами, является ли достаточным условием полной грамматикализации регуляризация сочетаемости.

Данный вопрос имеет немаловажное значение для решения дискуссионного общелингвистического вопроса о критериях граммемы. Вопрос рассматривается на материале одной из японских аспектуальных форм, конвербной формы со вспомогательным глаголом, восходящим к глаголу *shimau* «заканчивать». В этой форме могут употребляться глаголы почти всех акциональных классов, за исключением статива. Высокой регулярности рассматриваемой формы способствует ее функция трансформатора акциональной характеристики предикатов — трансформация предикатов в гомогенную акциональную структуру, иными словами, эвентификация (событизация) ситуаций. В данной функции форма обладает перфектностью, т. е. может обозначать дейктическую релевантность обозначаемого события, что способствует реализации значений оценочной модальности в высказываниях. Однако в силу сочетаемости с показателем Инкомплетива данная форма не может быть сочтена аспектуальной граммемой перфектива. Следовательно, ее сочетаемостная регулярность не свидетельствует о статусе граммемы.

Косиченко Елена Федоровна,

к. ф. н., докт., Московский государственный лингвистический университет

Роль собственных имен в смысловой и структурной организации художественного текста

Подробные описания быта, места и времени действия являются узнаваемыми чертами стиля Дж. Апдайка и позволяют рассматривать его произведения как источник социокультурной информации. Другой характерной чертой текстов Апдайка выступает их организация, когда различные типы повествования накладываются друг на друга, а авторская ирония реализуется через обращение к культурным реалиям. Каркас выбранного для анализа отрывка составляет эпизод, где главный герой Гарри и его сын смотрят новости, а затем «Шоу Кэрл Бернетт». Комедийная программа представлена пародией на известный американский телесериал «Одинокый рейнджер» 1938 года, рассказывающий о жизни техасского рейнджера и его друга-индейца, а в рамках пародии осуществляется отсылка к фактам истории освоения Америки. Большое число собственных имен, символических для американской культуры разных периодов, усложняет понимание отрывка и затрудняет передачу авторских импликаций при переводе. Роль телевизионных программ и используемых в них собственных имен весома, поскольку позволяет выстраивать локально-темпоральную сетку повествования и инициировать конфликт. Дата начала повествования совпадает с днем запуска космического корабля серии «Аполлон» с астронавтами *Н. Армстронгом, Э. Олдрином и М. Коллинзом* на борту. Пародия *Кэрл Бернетт* представляется эффективным способом создания параллели между героем телесериала и простым американцем. Обращение к пародии на сериал «Одинокый рейнджер» также способствует постановке проблемы расовых противоречий в США 60-х годов прошлого столетия и выявлению места предрассудков в жизни Гарри. В ономастическом плане постановка межрасовых проблем осуществляется через использование имен *Иуда, Иисус*

и *Армстронг*, легших в основу пространственной метафоры. В телепародии используется имя *Даниель Бун*, принадлежащее одному из первых героев США, которое также участвует в презентации расовой проблемы и описании внутреннего состояния главного героя.

Кочаров Петр Александрович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Конструкция «X по имени Y» в индоевропейских языках

Реконструкция устойчивых лексико-синтаксических сочетаний (формульных выражений) на материале текстов на древних индоевропейских языках остается активно развивающейся областью индоевропеистики.

В докладе будет рассмотрен вопрос о том, как в древних индоевропейских языках оформлялись конструкции со значением «X по имени Y» (где Y — имя собственное). Тот факт, что праиндоевропейское слово со значением «имя» сохранилось в большинстве древних индоевропейских языков, позволяет сопоставить морфологические и синтаксические особенности оформления данной лексемы и сделать необходимые диахронические выводы о праязыковых конструкциях наименования.

Наряду с предикативной посессивной конструкцией «у X (было) имя Y» (ср. инд.-ир. **vas-* / *bhū-... **nāman-* ‘был... по имени’, см. [Schmitt, 1967: 274ff.; Герценберг, 1972: 123]), будет рассмотрена конструкция, в которой «по имени Y» является приложением, ср.:

др.-инд. *āsīd* (быть.AOR.3SG) *rājā* (царь.NOM.SG) *Nalo* (Нала.NOM.SG) *nāta* (имя.NOM.SG) ‘жил царь по имени Нала’ — «Сказание о Нале» («Махабхарата» 3.50.1);

др.-ирл. *boi* (быть.PRET.3SG) *ri* (король.NOM.SG), *Mac Dathó* (Мак Дато.NOM.SG) *a* (POSS_PRON.3SG) *ainm* (имя.NOM.SG) ‘был король по имени Мак Дато’ — «Повесть о кабане Мак Дато»;

хетт. [U]RU-*aš* (город.NOM.SG) *ŠUM-an* (имя.NOM.SG)-*še-et* (POSS) UR[UŠ] *udul* (Шудул.NOM.SG) ‘Есть город по имени Шудул’ — KUB 26.20:13;

др.-арм. *šnorhēr* (даровать.IMP.3SG) *noc’a* (он.DAT.PL) *t’agawor* (царь.ACC.SG) *Xosrov* (Хосров.NOM.SG). *anun* (имя.NOM.SG) ‘даровал им царя по имени Хосров’ — Лазар Парпеци «История Армении».

Кулешова Анна Васильевна,

асп., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

Способы выражения контрастной ремы в высказывании с учетом коммуникативной перспективы предложения

В нашем исследовании мы рассматриваем предложение как соединение элементов, выполняющих определенное коммуникативное задание. Передают информацию те элементы, которые в данной коммуникативной ситуации имеют альтернативу, иными словами, обозначают то, что — с точки зрения говорящего — могло бы быть иначе (с точки зрения адресата — то,

что может быть так или иначе). Рема высказывания отрицает дальнейшую актуализацию отрицаемого возможного, т. е. выражает слабое отрицание того, что могло бы быть сказано. Сфера действия утверждения с контрастной ремой часто является гораздо более широкой и разносторонней, чем сфера действия непосредственного отрицания. В статье рассматриваются случаи использования в высказывании контрастной ремы в различных коммуникативных типах предложения со значением отрицания. Вопросительные и невопросительные предложения различаются в отношении возможностей актуального членения, соответственно, между коммуникативными типами вопросительных, утвердительных и отрицательных предложений нет полного соответствия. Возможности актуального членения резко сужены в отрицательных предложениях. В некоторых случаях у предложения с поверхностной точки зрения отсутствуют альтернативы, но при глубинном анализе выявляется слабое рематическое отрицание. Рематический контраст часто используется при переносе (смещении) отрицания в предложениях с кванторными словами. Кроме того, в ряде языков слабое отрицание ремы может выражаться с помощью артикля, а также «пропуска» артикля. Любое высказывание снимает (отрицает) одни (или одну) из альтернатив и утверждает другие (или другую). Это касается как утвердительных, так и отрицательных предложений. Всякое утверждение (одной из альтернатив) есть в некотором смысле отрицание (других альтернатив), и наоборот.

Маркасова Елена Валерьевна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Роман Н. И. Греча «Черная женщина» (1834)

как памятник языкового вкуса эпохи

Роман Н. И. Греча (1787—1867), литератора, журналиста, филолога, интересен тем, что в нем запечатлены представления просвещенной публики первой трети XIX в. о литературном языке и знании иностранных языков как показателе образованности. В частности, в романе обсуждается вопрос об изучении иностранных языков: герои изучают разные иностранные языки, руководствуясь различными мотивами, предпочтение далеко не всегда отдается французскому языку. Автор описывает отношение персонажей к мертвым языкам, а также к литературным авторитетам, достойным чтения и подражания. Вопрос об отношении Н. И. Греча к мертвым языкам рассматривается в докладе на фоне истории преподавания греческого и латыни в России в первой половине XIX в. Отдельно комментируется перечень авторов, упомянутых Н. И. Гречем как идеал для подражания, этот перечень рассматривается в докладе в сопоставлении с «идеалами», упоминавшимися современниками Н. И. Греча. В докладе высказывания персонажей Н. И. Греча о языке анализируются в контексте аналогичных суждений персонажей О. М. Сомова, Ф. В. Булгарина, М. Н. Загоскина, И. И. Лажечникова.

Миретина Мария Сергеевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Обзор состояния различных языков Европейского союза по результатам социологических исследований Евробарометра

Евробарометр — ряд обзоров, регулярно выполняемых от имени Европейской комиссии с 1973 г. В Европейском союзе говорят на многих языках. Насчитывается 23 официально признанных языка, более 60 региональных языков коренных народов или языков национальных меньшинств и, наконец, большое количество языков некоренных народов, на которых говорят общины мигрантов. Европейский союз намерен, несмотря на ограниченное влияние в сферах образования и языковой политики, которые находятся в компетенции государств-членов ЕС, сохранить это языковое разнообразие и содействовать продвижению изучения языков с целью сохранить культурную самобытность, социальную интеграцию и национальную сплоченность. Несмотря на декларируемое равноправие всех языков Союза, с расширением границ ЕС все чаще наблюдается «европейское двуязычие», когда фактически в работе инстанций (за исключением официальных мероприятий) используются в основном английский, французский и, в меньшей степени, немецкий (три рабочих языка Комиссии) — при этом какие-либо иные языки используются в зависимости от ситуации. В связи с расширением ЕС и вступлением в него стран, где французский менее распространен, укрепились позиции английского. В любом случае все окончательные нормативные документы переводятся на остальные официальные языки. ЕС призывает всех граждан стать многоязычными, чтобы в перспективе каждый гражданин имел бы практические навыки в области как минимум двух языков, кроме своего родного языка. Опрос был проведен Еврокомиссией для того, чтобы понять практический опыт и восприятие многоязычия европейскими гражданами. Помимо устного владения языком гражданами ЕС, в настоящем исследовании анализируется понимание и использование ими других языков.

Мухаметзянова Лениза Расиховна,

асп., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Иностранные слова в русском языке и их перевод на турецкий (на материале турецких переводов повестей А. С. Пушкина)

Национальный костюм претерпевал изменения в течение всего периода своего существования. Обновлялась одежда, за счет заимствования расширился вещный мир костюма. Вместе с этим обогащалась и лексика языка-реципиента. К примеру, в результате реформ Петра I, по Кирсановой, в русском быту появились фижмы, корсеты, ботфорты и др. Исследуемая категория слов зафиксирована в произведениях русской классической литературы, широко переводившихся за границей. Название заимствованных предметов гардероба в русском сохранило свою звуковую и письменную форму, но в переводах эти заимствования порой передаются иначе. Анализ материала,

собранного по повестям А. Пушкина и их турецким переводам А. Бехрамоглу, Х. Эдиза и русско-турецкого словаря выявил следующее. Европейские заимствования в переводе с русского на турецкий чаще отличаются от исконной формы, заимствования же из восточных языков имеют больше совпадений. Воздействие европейской культуры на турецкую предметно-бытовую сферу, в отличие от влияния элементов восточного быта, было незначительным, что отразилось в языке в отсутствии соответствующих заимствований. Часть предметов одежды в одинаковой форме существуют в русском и в турецком: французский *frac* — «фрак» (рус.), «*frak*» (тур.). Заметим, что тюркские наименования предметов одежды в русском остались неизменными, однако в современных переводах используются другие слова. Причина — развитие тюркских лексических форм, вышедших из употребления в настоящее время. Влияние оказала Реформа турецкого языка 1932 г., направленная на его очищение от заимствований. Так, «галстук» (нем.) в турецком — «*kravat*» (фр.) и «*boyunbađı*» (дословно «веревка на шею»).

Светозарова Наталия Дмитриевна,

д. ф. н., г. н. с., Санкт-Петербургский государственный университет

Экстранормальные написания и фонология

Одним из ценных источников сведений о фонологической системе языка (диалекта), как в диахронии, так и в синхронии, являются вариативные, в том числе и так называемые малограмотные написания. В художественной литературе широко представлен и другой тип вариативных (экстранормальных) написаний, которые, следуя, в основном, правилам графики и орфографии соответствующего языка, позволяют опознать план выражения слова и определить его фонемный состав, но при этом передают также дополнительную информацию об особенностях звучания. Для русского языка наиболее распространёнными типами таких особых написаний являются: опущение отдельных графем, замены графем (локальные и сквозные), повторения графем, разбиение на слоги (дефисно-слововое написание), а также комбинации этих способов. В докладе обсуждается значение экстранормальных написаний для решения фонологических проблем. Специально анализируется передача на письме удлинённых (растянутых) гласных, в частности, гласного /ы/.

Стрижак Ульяна Петровна,

к. п. н., доц., Московский городской педагогический университет

Концепция формирования иноязычного мировидения

В нашем исследовании мы вводим понятие «иноязычное мировидение», подразумевая под этим умение видеть и воспринимать окружающий мир через языковые структуры, формируемое в процессе изучения иностранного языка. Формирование в процессе коммуникации представлений об особенностях взгляда на мир сквозь призму родного языка может способствовать более эффективной коммуникации с представителями инокультуры за

счет понимания сути когнитивных процессов при оформлении иноязычного высказывания. Характерные черты национального взгляда на мир проявляются в особенностях языкового строя, в частности, в различных грамматических категориях. Мы будем анализировать лексико-грамматические категории каждого языка с точки зрения репрезентации в них особенностей мировидения его носителей, полагая, что, изучив и систематизировав под этим углом языковые структуры, можно в какой-то степени предотвратить появление ошибок в иноязычном общении. Известно, что в каждой конкретной ситуации общения коммуниканты оказываются перед выбором необходимой языковой конструкции в иностранном языке и зачастую делают этот выбор, опираясь на существующие в родном языке устойчивые лексико-грамматические конструкции. Такое противопоставление различных типов грамматических конструкций, соответствующее употребление которых демонстрирует различный прагматический фон происходящего события и потому совершенно необходимо для уточнения когнитивной структуры высказывания, обуславливает проблемы межкультурной коммуникации. Необходимость анализа репрезентации особенностей мировосприятия носителей языка в сопоставительном аспекте и, как следствие, осознание необходимости формирования иноязычного мировидения для повышения эффективности взаимодействия с представителями иных культур и определяет направление наших дальнейших исследований в области лингвофилософии и лингводидактики японского языка.

Филимонова Татьяна Сергеевна,

асс., Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева

Иноязычная лексика в современном рекламном тексте фэшн-индустрии

Лексика русского языка неоднородна с точки зрения ее происхождения. Заимствования, происходящие в результате политических, экономических, торговых, научно-культурных и прочих связей с другими народами, являются одним из непеременных источников пополнения лексического состава языка и его фразеологии. Эти процессы ярко отражает язык рекламных текстов.

Одной из активно развиваемых тематических групп является сфера, связанная с модой. В данной работе мы ставим вопрос об источнике заимствования слов (или группы слов) и проводим этимологическую классификацию по источнику заимствования.

Рассматривая словарные единицы иностранного происхождения по теме «Мода», зафиксированные современными словарями иностранных слов и выражений, а также встреченные в современных печатных изданиях, мы пришли к выводу, что наибольшую группу заимствований (более 50%) составляют слова французского происхождения. Данная группа представлена заимствованными словами, ассимилированными языком и имеющими значительный период адаптации.

Заимствованные слова английского происхождения немногочисленны в сфере лексики фэшн-индустрии. Однако возросший в последнее время интерес к английскому языку дает большое количество иноязычных слов,

появившихся в последнее десятилетие. Период ассимиляции у них не велик, они не зафиксированы словарями.

Немецкий язык на протяжении веков оказывает сильное влияние на лексику русского языка. При помощи заимствований из немецкого языка обозначаются названия тканей, предметы женской и мужской одежды.

В различные периоды истории мода показывала смещение вектора культурных устремлений на Восток. В современной прессе слова тюркского, японского, арабского происхождения являются экзотизмами, характеризуют специфические особенности жизни разных народов и используются при описании нерусской действительности.

Таким образом, иноязычная лексика, являющаяся традиционным пластом русской лексики, продолжает активно пополнять свой состав.

Шацков Андрей Владимирович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Аналитический перфект в хеттском языке

Согласно грамматике хеттского языка Х. Хоффнера и К. Мелчерта 2008 г., в нем существуют две омонимичные перифрастические конструкции со вспомогательными глаголами *hark-* «иметь, держать» и *es-* «быть». Одна из этих конструкций выражает состояние, а вторая служит для выражения действия, предшествующего другому действию. При этом распределение глаголов *hark-* и *es-* в рамках этих конструкций, как утверждается, можно объяснить при помощи теории неэргативности: *es-* используется только теми непереходными глаголами, которые можно назвать неаккузативными, а *hark-* — с переходными и «неэргативными» непереходными глаголами.

Однако употребление ряда глаголов в данной конструкции как с глаголом *hark-*, так и с глаголом *es-* без видимого функционального и семантического различия не согласуется с приведенной выше точкой зрения. Скорее имеет смысл говорить о наблюдаемом параллельном развитии интересующих нас аналитических форм, восходящих, как представляется, к определенным устойчивым выражениям вроде *ıştamanan laġân hark* — «склонить ухо, прислушаться».

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Азарова Ирина Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Параметры морфологической аннотации при использовании базы данных форм

База данных морфологических форм была предложена в качестве варианта представления знаний, необходимых для морфологической интерпретации текстов на русском языке, в качестве удобного технологического подхода. Основу технологии обеспечивает словарь неизменяемых и изменя-

емых частей речи, для последних генерируются все возможные формы, которые характеризуются набором необходимых морфологических признаков.

Преимуществами такого подхода, с точки зрения автора, являются (а) быстрое получение одного или нескольких вариантов морфологической интерпретации в виде комбинации леммы, частеречного тега и набора значений морфологических признаков; (б) возможность объединения усилий по пополнению словаря разными исследователями; (в) простота подключения морфоанализатора такого типа к процедуре собственного анализа; (г) возможность обнаружения и изъятия из системы маловероятных интерпретаций (например, интерпретации формы ладей как мужского имени Ладь или женского имени Ладя), которые, как правило, встречаются в работе всех систем морфоанализа.

В дополнение к указанным свойствам ресурса можно добавить (д) легкость имплементации большого числа исключений и варьирования форм в морфологической парадигматике русского языка (например, *мечт, *победю, ветры/ветра, махаю/машу и проч.); (е) добавление или исключение некоторых морфологических характеристик из перечня, встроенного в структуру БД. В результате применения последнего из упомянутых свойств будет получена новая версия морфологической БД. Однако эта опция является весьма важной при осознании определенных проблем морфологического анализа. В докладе будут рассмотрены проблемы оптимизации набора морфологических признаков.

Алексеева Елена Леонидовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о древнерусской тайнописи

1. Существует несколько способов создания тайнописи, при этом одним из наиболее сложных для дешифровки признается способ, использующий авторский алфавит.
2. Рассматриваемый рукописный сборник XVIII в. носит фольклорно-этнографический характер, в нем автор собрал народные приметы, пословицы, загадки и т. п. В четырех случаях автор, руководствуясь морально-этическими соображениями, скрывает текст специально созданной им тайнописью.
3. Использование закономерностей построения русского текста позволяет дешифровать тайнопись.
4. Анализ созданного автором алфавита позволяет расширить наши представления о древнерусской тайнописи.

Андреев Артем Викторович,

м. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Метод достаточных условий в формальной семантике

В формальной семантике (как естественных, так и искусственных языков) тезис об эквивалентности формально-логического описания и собственно семантики языка обычно рассматривается как одно из фундамен-

тальных оснований метода. Однако существуют выражения, семантика которых может быть очень просто и однозначно описана в рамках логической парадигмы, но такое описание будет вступать в конфликт с одной стороны с прагматикой этих выражений, а с другой стороны — с принципом композициональности. Так, например, общая семантика лексемы «следующий» описывается достаточно простой формулой «следующий(x) = объект из некоторой упорядоченной последовательности, в которой x имеет номер i, имеющий в этой последовательности номер $i + 1$ », но при этом во всех случаях употребления этой лексемы будет реализовываться не общее, а некоторое частное — и притом конструктивное — значение. С другой стороны, семантика «следующий» + Pl. не может быть выведена из значения лексемы и нормального значения множественности. В докладе предлагается путь решения подобных проблем, основанный на введении условий, достаточных для того, чтобы данная логическая форма представлялась данным выражением. Семантические пропозиции выступают в таком случае в качестве аксиом логических теорий. Помимо прочего, такой метод хорошо согласуется с идеями Куайна и Скулема о принципиальной невозможности исчерпывающей характеристики языков с помощью логических систем.

Боярский Кирилл Кириллович,

к. ф.-м. н., доц., Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Каневский Евгений Александрович,

к. т. н., в. н. с. Санкт-Петербургский экономико-математический институт РАН

Некоторые свойства переходных глаголов

(на примере семантико-синтаксического анализатора SemSin)

При автоматическом разборе предложений русского языка с неизбежностью возникает проблема снятия морфологической неоднозначности. В данном сообщении мы хотим обсудить некоторые пути решения этой задачи, использованные авторами при разработке семантико-синтаксического анализатора SemSin. В ряде случаев, как, например, при определении падежей, формальные подходы не приводят к желаемому результату, т. к. отсутствуют четкие критерии правильности разбора. В результате дерево оказывается построено, висячие вершины отсутствуют, а смысл с точки зрения человека отсутствует тоже. Таково, например, предложение: *Мусор следует сжигать в специально отведённых местах.* Здесь мусор — Им. или Вин., подлежащее или дополнение? Предлагаемый нами подход базируется на двух принципах: тщательное определение порядка применения правил и максимальное использование словарной информации. После нахождения предиката программа пытается определить связи глагола. В каноническом случае переходной глагол имеет не только прямое дополнение, но и подлежащее. С учетом падежной омонимии одно и то же существительное может быть или подлежащим, или прямым дополнением, или генитивной группой. В нашем случае, прежде всего, делается попытка найти **прямое**

дополнение. При этом учитывается, какие семантические классы существительных могут присоединяться к данному глаголу. Реализация данного подхода выразилась в организации четырех последовательно проводимых поисков прямого дополнения вправо и влево от предиката. Для правильного разбора отдельных предложений нам пришлось ввести две группы глаголов, выпадающих из семантических классов. Это переходные глаголы, которые «слабо хотят» прямое дополнение (типа *бить, показать, пройти*) и которые «сильно хотят» прямое дополнение (*автоматизировать, снять*). Однако этого оказалось недостаточно, так что нам пришлось ввести дополнительный контроль на присутствие таких синтаксических конструкций, как генитивная и предложная группы или инфинитивный оборот.

Гринбаум Олег Натанович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о вычислении индекса грации строфического ритма

В вопросе о единстве формы и содержания стиха мы считаем важным, чтобы строфа как форма поэтического текста стала объектом наблюдения и изучения не только для науки о стихе, но и для эстетики как философского учения о сущности и формах прекрасного. Мы придерживаемся такого взгляда на природу и материю поэтического текста (стиха), который отчетливо звучит, например, в словах Н. Гумилева: «Непосредственно за выбором образа перед поэтом ставится вопрос о его развитии и пропорциях. То и другое определяет выбор числа строк и строфы... Каждая из строф создает особый, непохожий на другие, ход мысли» (Гумилев, 1990: 72—73). Поэтический текст является пассивным транслятором гармонии, языковая ипостась которого позволяет читателю (слушателю) путем своей собственной работы (чтения, слушания) приобщиться к эстетически значимому мироощущению поэта. Опосредствованная передача гармонии от поэта к читателю и есть предназначение (функция) поэтического текста, а его исследование невозможно вне рамок диалектического подхода к единству ритма, формы и содержания стиха. Строфа есть материальная языковая конструкция со своей разнообразной, но всегда определенной архитектурной, три основных параметра которой хорошо известны: объем (число строк), строфический размер (4-ст. ямб, 5-ст. хорей и т. д.) и каталектика (система окончаний и рифма). Именно с этих позиций мы в докладе рассматриваем вопросы применимости основных эстетических категорий к понятию строфы поэтического текста (феноменологический аспект исследования), обсуждаем основные параметры строф (стиховедческий аспект) и предлагаем ряд новых эстетико-формальных параметров для описания строфы как меры движения поэтической мысли (гармонический аспект) В докладе предлагаются и обсуждаются варианты вычисления индекса грации H с учетом таких параметров стиха, как плавность и разнообразие строфического ритма, а затем демонстрируются результаты исследований на некоторых примерах известных вариантов строф русского классического стиха.

Захаров Виктор Павлович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Процедуры формирования и преобработки специальных корпусов

Процесс создания корпусов специальных текстов включает определение понятия специального текста, отбор текстов, их предварительную обработку, разметку различного типа, загрузку в корпусный менеджер, определение способов и методов использования. Был проведен анализ существующих международных стандартов корпусной лингвистики, разработаны методические регламентирующие документы и наборы метаданных применительно к специальным корпусам, а также адаптированы программные средства морфологической разметки. Рассмотрены основные параметры специальных корпусов, возможности их варьирования и взаимосвязь с типами лингвистических задач. В ходе реализации проекта были сформулированы принципы формирования специальных корпусов. Суть их можно сформулировать как универсальный подход к лингвистической разметке на стадии преобработки, включающей преобразование к текстовому виду из графических форматов (pdf, djvu и др.), перекодировку, структурный анализ, графематический анализ, токенизацию. Эти процедуры должны учитывать как особенности входных текстов, так и методы последующей лингвистической разметки (морфологический анализ, снятие лексико-грамматической неоднозначности, парсинг, возможно, семантический анализ). В ходе работы были созданы корпусы по 10 предметным областям: компьютерная лингвистика; корпусная лингвистика; гомеопатия; радиотехника; шахматы; футбол; пчеловодство; растения; научно-популярные (журнал «Наука и жизнь»); путешествия.

Зубкова Татьяна Ивановна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

О формировании языкового сознания

Язык структурирует картину мира и народа, и отдельного человека, выявляет как личностное своеобразие, так и специфическое содержание, наполняющее каждую культуру. Вместе с тем, возможность взаимопонимания и межкультурного общения предполагает также и наличие некоторого универсального центра сознания, определяющего устойчивый и общий для всех образ мира. Сопоставление традиционного сказочного фольклора и рассказываемых в наше время историй, от детского фольклора Ленинграда 1940-х гг. до настоящего времени, позволяет выявить эти универсальные тенденции.

Меньшенина Ирина Александровна,

ст. преп., Витебский государственный медицинский университет

Особенности организации информации в медицинских текстах

Смысловое построение текста определяется авторским замыслом и условиями дискурса, в котором определены «тематические репертуары» возможных текстов, упорядоченные их вероятностью и приемлемостью.

В выборе тематических репертуаров есть определенная заданность. Институциональные ситуации, такие, например, как «медицинское общение», подчиняют выбор тем. Ввод темы предопределяется социокультурной ситуацией и коммуникативным контекстом говорящего и слушающего. В любом случае это будут темы, касающиеся анатомии и физиологии человека. В самом общем виде тематика медицинских текстов может быть сведена к следующим видам знаний: знания из области анатомии и физиологии человека, знания о кровообращении и крови, знания о газообмене и дыхании, знания о нервной системе и органах чувств, знания о питании и пищеварении и т. д. Перечисленные выше группы знаний могут составлять тематическую основу медицинского текста, или его макропропозицию, выведенную из пропозиций, содержащихся в медицинских текстах, а также из фоновых знаний о мире. «Сигналы» темы могут встречаться в различных частях текста, но, как правило, в его начале или конце, а также в начале или в конце абзацев (или эпизодов темы). Они могут выражаться и отдельными предложениями, в письменном тексте выделяться курсивом или отделяться паузами (абзачным отступом). Тематические маркеры могут иметь различную протяженность: от предложения до его последовательностей. Макропропозиция может выводиться читателем из нетематического окружения по ключевым словам. Расположение тематических маркеров в начале или в конце текста зависит от семантической функции. Они могут оформлять тему текста или эпизода так, чтобы последующие предложения по своему содержанию соответствовали теме. Или же маркеры могут служить для проверки и коррекции развивающейся темы. При этом слушатель имеет не только иерархически организованную информацию, но и все время поступающую. В устном тексте тематические понятия выделяются интонацией и ударением.

Митрофанова Ольга Александровна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Соавторы:

Емельянова Анастасия Вадимовна, магистр. I курса, Санкт-Петербургский государственный университет, *Ильина Анастасия Игоревна,* магистр. I курса, Санкт-Петербургский государственный университет, *Кулажко Софья Александровна,* магистр. I курса, Санкт-Петербургский государственный университет, *Михайлова Варвара Дмитриевна,* магистр. I курса, Санкт-Петербургский государственный университет, *Якуба Надежда Михайловна,* магистр. I курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-грамматические особенности текстов специальных корпусов разной тематики

На кафедре математической лингвистики ведутся работы по созданию специальных корпусов текстов, на материале которых проводятся различные эксперименты по автоматическому извлечению устойчивых сочетаний, лексико-грамматических конструкций, ключевых слов, терминов и терми-

носочетаний и т. д. В центре нашего внимания находятся корпуса текстов по гомеопатии, радиоэлектронике, шахматам, путешествиям и некоторым другим темам. Используя специализированное программное обеспечение (WordTabulator, TextAnalyst, NoSketch), мы провели эксперименты по анализу n-грамм в разных корпусах текстов. В текстах по радиоэлектронике преобладают именные лексико-грамматические конструкции (обозначения основных понятий, явлений, процессов в радиоэлектронике). Для текстов по шахматам характерна высокая формализованность языка описания шахматной игры, шахматных позиций, этапов игры, задания иерархии шахматных фигур, правил действия шахматных фигур. Классический формат описания партий сводит к минимуму использование естественных языковых средств, однако комментарии к партии все же воплощены в текстовой форме. Специфика текстов по гомеопатии проявляется в описаниях различных симптомов пациентов и характеристик действия гомеопатических лекарственных средств. В текстах по гомеопатии доминируют атрибутивные группы, обозначающие физические и психические особенности пациентов того или иного конституционального типа. Корпус текстов о путешествиях характеризуется содержательной неоднородностью (рассказы о путешествиях, описания явлений природы, астрономических явлений, описание психологического состояния путешественника и т. п.). Общими для данных текстов являются следующие признаки: высокая доля имен собственных, доминирование атрибутивных именных групп в описаниях явлений, количественных пространственно-временных групп и глаголов движения в описании путешествий. В докладе будут подробно описаны лексико-грамматические особенности разрабатываемых специальных корпусов текстов.

Митрофанова Ольга Александровна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Соавторы:

Захаров Виктор Павлович, к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет, *Паничева Полина Вадимовна,* магистр филологии, лингвист «Infoqubes», *Попов Андрей Михайлович,* магистр. II курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Морфологический анализ текстов специальных корпусов

На кафедре математической лингвистики ведутся работы по созданию специальных корпусов текстов, на материале которых проводятся различные эксперименты по автоматическому извлечению устойчивых сочетаний, лексико-грамматических конструкций, ключевых слов, терминов и терминосочетаний и т. д. В центре нашего внимания находятся корпуса текстов по гомеопатии, радиоэлектронике, шахматам, путешествиям и некоторым другим темам. Фактически, все методы корпусного анализа текстов базируются на морфологически размеченных корпусах. Данный доклад посвящен анализу результатов морфологической разметки и разрешения

морфологической неоднозначности в корпусах, и прежде всего оценке качества морфологического анализа текстов с помощью инструментов MyStem, Rymorphy2, модуля морфоанализа NLTK, TreeTagger и некоторых других. Выбор данных инструментов объясняется их доступностью, возможностью интеграции в многофункциональные модули автоматической обработки текстов, высоким качеством морфологического разбора. Рассматривается эффективность/неэффективность подхода к морфологическому анализу на базе словаря основ в противопоставлении статистическим методам. В докладе обсуждаются эксперименты по разрешению морфологической неоднозначности на основе а) статистических данных и б) контекстных правил. Дается оценка наилучших параметров разрешения морфологической неоднозначности в корпусах текстов.

Митрофанова Ольга Александровна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Тематическое моделирование художественного текста на основе алгоритма LDA

Процедуры тематического моделирования, позволяющие выявить содержательную структуру текста, становятся привычным этапом автоматического анализа корпусов текстов. Как правило, материал для тематического моделирования — это специальные тексты (посты в социальных сетях, новостные сообщения, научные тексты и т. д.). Мы предприняли попытку провести данную процедуру для художественных текстов с тем, чтобы понять, как особенности повествования, развития сюжетной линии и другие черты, характерные для данного стиля, отражаются при тематическом моделировании. В докладе обсуждаются результаты экспериментов по автоматическому анализу художественных текстов на основе тематической модели LDA (Latent Dirichlet Allocation). Эксперименты проводились с англоязычными художественными текстами (Дж. Голсуорси, Дж. Джойс, У. Мозм, Э. По, У. Теккерей и др.), в качестве инструмента использовался пакет TMT (<http://code.google.com/p/topic-modeling-tool>). Результаты подтверждают возможность установления связей между автоматически сгенерированными темами и сюжетными линиями произведения, а также с лексико-семантическими группировками, выделяемыми в рамках определенного текста.

Рогозина Елена Андреевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Варианты сюжетной схемы житий в корпусе агиографических текстов СКАТ

СКАТ — электронный корпус агиографических церковнославянских текстов XV—XVII вв., созданный на кафедре математической лингвистики СПбГУ. Тексты житий представлены на сайте проекта в формате PDF и фор-

мате XML, а в структуре XML-файлов отражено членение на листы — колонки — строки — слова. Помимо такого формального членения можно провести также деление на смысловые части. Поскольку композиция житий подчиняется определенным канонам, удалось выявить общую сюжетную схему, которая служит основой для построения сюжета большинства житий. В различных текстах могут использоваться разные компоненты этой схемы. При работе с текстами электронного корпуса удалось выявить несколько характерных вариантов использования схемы. XML-разметка позволяет отобразить особенности вариантов структуры на уровне оглавления, что облегчает дальнейшую работу с текстами.

Скрещцова Татьяна Георгиевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Морфоанализ сложносоставных существительных в русском языке: проблема определения рода

В системах автоматической обработки языка морфологический анализ, как правило, является наиболее разработанным компонентом. Несмотря на то что существуют разные подходы к построению парсера, самым распространенным в наши дни является метод, опирающийся на словарь словоформ. Вместе с тем, он имеет хорошо известный недостаток, а именно неспособность справляться со словами, которых нет в словаре, — так называемыми «несловарными словоформами». К этому разряду относятся имена собственные, аббревиатуры, а также многие производные слова, в том числе сложносоставные.

Сложносоставные слова образуют открытую группу, легко пополняемую новыми членами. Исчислить ее состав невозможно, следовательно, требуется разработать стратегию действий морфологического парсера при анализе таких словоформ. Этому вопросу и посвящена настоящая статья. Основное внимание уделяется проблеме автоматического определения рода сложносоставных существительных с дефисным написанием типа *женщина-космонавт*, *чудо-йогурт*, *диван-кровать* и т. д. Очевидно, что трудности возникают тогда, когда компоненты сложносоставного существительного имеют разный грамматический род. В литературе этот вопрос практически не затрагивался. Предложенные подходы либо несостоятельны, либо непригодны в контексте автоматической обработки языка. Автор вынужден констатировать, что, по-видимому, однозначное автоматическое определение рода сложносоставного существительного с дефисным написанием невозможно, если его компоненты имеют разный грамматический род. Следовательно, таким словам в ходе автоматического морфоанализа следует приписывать два альтернативных значения грамматического рода, что повышает общий индекс неоднозначности. Примечательно, что схожая задача автоматического определения числа сложносоставных существительных (когда эти значения не совпадают у компонентов слова, например *часы-будильник*, *пресс-службы*) разрешается гораздо проще.

Соколов Константин Владимирович,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Формализация локальных свойств в структурах типизированных признаков

Структуры типизированных признаков (Typed Feature Structure, TFS) — известный формализм, применяемый в сфере анализа и обработки данных, представления знаний, различных грамматических теориях, основанных на унификации (среди них FUG, UCG, GPSG, HPSG, LFG, AGFL и др.). Известно направление работ на стыке теоретической информатики, математической логики и прикладной лингвистики, связанное с исследованием вопроса о возможности трансляции формализмов на основе структур признаков и унификации в формализмы на основе типизированных логических исчислений, аналогичных категориальной грамматике Ламбека или являющихся ее вариантами (TLG, CCG, MMCCG, Pregroup Grammar и пр.). Другое направление изучения выразительных возможностей структур признаков заключается в переходе к их графовым представлениям и исследованию вопросов вычислительного и алгоритмического характера математическими средствами. Графовые представления оказываются естественными для многих прикладных задач, связанных с представлением знаний в виде концептуальных графов, RDF-графа, реализации модульности в онтологиях (ср. микротеоории в Суе) и пр. В настоящем докладе мы рассматриваем конструкцию накрытия графа (локально биективного отображения графов) в качестве техники локализации для графовых представлений структур типизированных признаков и исследуем вопрос о трансляции этой конструкции в теоретико-типовой логический формализм. Полученная таким образом модификация типизированного логического исчисления, способная отражать локальные и глобальные характеристики графового представления структур признаков в символической форме, при его трактовке в качестве синтаксического формализма может служить выражением контекстуальных свойств грамматических признаков.

Хохлова Мария Владимировна,
к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Автоматическое выделение терминов и терминологических словосочетаний из специальных текстов

Статистический подход для выделения терминологических сочетаний может быть реализован по-разному. Первый вариант заключается в нахождении n -словных сочетаний (n -грамм) на основе частотных характеристик. Это могут быть значения относительных частот для данных словосочетаний в корпусе или значения некоторых статистических мер, согласно которым конструкция была найдена и выдана среди результатов. Далее может быть использован порог отсечения по заданному значению. Второй, лингвистический подход для выделения терминологических сочетаний заключается в предварительном описании моделей, по которым строятся

терминологические словосочетания, для последующего нахождения их в корпусе. Фактически этот подход является комбинированным, т. к. объединяет и лингвистический, и статистический методы [Большакова и др., 2010]. Внутри множеств однотипных синтаксических конструкций выполняется ранжирование в соответствии с той или иной статистической мерой. Похожий подход описывается в работе [Pazienza et al., 2005] для английского языка. Нами используется метод выявления устойчивых сочетаний на основе грамматики лексико-синтаксических шаблонов для описания терминологических сочетаний для русского языка.

ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Krause Marion,

д. ф. н., проф., Universität Hamburg

Социальные значения разновидностей русского языка:
Металингвистическое знание и установки носителей
русского языка в зависимости от условий языковой социализации

Языковая компетенция русскоязычных второго поколения вызывает за пределами России широкий научный интерес. В поле зрения попадают в первую очередь феномены, которые сводимы к языковому контакту. Мало известно, однако, о действительном языковом опыте говорящих на русском языке, о количественной и качественной структуре речевого инпута в условиях сильного влияния другого языка. К этой проблеме примыкает тематика доклада. В нем будут затронуты следующие вопросы: что знают носители русского языка как унаследованного о региональных и социальных разновидностях русского языка? Насколько они способны дифференцировать, идентифицировать и локализовать их? Какие установки к разновидностям они обнаруживают? Отличаются ли их представления о социальном и региональном пространстве русского языка в России от знаний и установок тех носителей русского языка, которые росли внутри страны в относительно однородном языковом окружении? Для того чтобы ответить на эти вопросы, в докладе будут представлены результаты комплексных эмпирических исследований в обеих группах говорящих на русском языке.

Блинова Ольга Владимировна,

к. ф. н., н. с., Санкт-Петербургский государственный университет

«Конь в пальто» и другие персонажи:
рифмованные формулы ответа на кто-вопросы в структуре диалога

В докладе будет анализироваться класс выражений, употребляемых преимущественно в составе вопросно-ответных единств в качестве реакции на вопрос «кто?». Мы рассмотрим употребления рифмованных реплик типа «конь/слон/... в пальто / в манто / в авто ...», в примерах, извлеченных из

НКРЯ и интернета. Вслед за А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским будем называть такие реплики «формулами ответа».

Прагматическая функция ответных реплик рассматриваемого типа — указание на неуместность предшествующего речевого акта. Можно говорить также о нарушении принципа кооперации Грайса и двух следствий из него. Формулы ответа принято трактовать как «неинформативные»; понятно, что, употребляя такого рода выражения, отвечающий уклоняется от сообщения требуемой информации, нарушая «нормальный ход диалога».

С точки зрения состава ответные реплики на кто-вопросы можно описать с использованием понятия обладающей игровым потенциалом фразеологической модели, для которой в данном случае существенно прежде всего наличие компонента, рифмующегося с вопросительным словом.

Говорящие не используют для ответа на кто-вопросы имена и выражения, которые не могут служить для обозначения лиц. Таким образом, можно утверждать, что при выборе ответов действует как минимум одно семантическое ограничение, не позволяющее оформлять диалоги типа: — *А вы кто?* — *?Долото*. Интересно было бы выяснить, какие устойчивые референциальные свойства можно усмотреть у интересующих нас выражений, в частности, в ситуации, когда отвечающий на кто-вопрос говорит «о себе»; наблюдается ли, например, корреляция между полом отвечающего и выбором формулы ответа.

В структуре диалога формулы ответа могут сигнализировать прерывание коммуникации и являться финальными компонентами минимальных диалогических единиц. В случае, если отвечающий все же готов предоставить запрашиваемую информацию, за формулой ответа следует поясняющая реплика.

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

О способах аппроксимативного замещения перечисления в устной спонтанной речи (на корпусном материале)

Закон экономии, являясь одной из главных движущих сил в процессах текстообразования, реализует себя в устной речи по-разному. В результате образуются эллипсисы разного типа, редуцированные формы слов и словосочетаний, другие варианты компрессии текста. В ряду этих последних интересным представляется употребление слов или конструкций, способных заменить собой часть предполагаемого перечисления или даже весь ряд возможных однородных членов. Литературный (стандартный) язык предоставляет для этого весьма ограниченные возможности, такие как *и так далее, и тому подобное, и другие, и прочее*. Не случайно в письменной форме языка выработаны специальные графические сокращения этих единиц: *и т. д., и т. п., и др., и пр. (проч.)*. Крайне редко они используются в устной форме. Так, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка встретилось всего три контекста на *и т. д.* (*Вот // Такая же едет машина // Ну и тэ дэ // Ну это показуха // Зачем она?*) и ни одного — на

другие сокращенные формы. Можно говорить о целом наборе лексических единиц, выступающих в нашей речи в роли подобных заместителей, ср.:

- *надо пройтись по музеям // <смех> и ходила я / ну там же эта река Нева типа / **все дела** <смех>;*
- *говорит / всё что можно / сделать / *П ремонт надо // и тёплые полы / и **все дела** / всё там сделаю;*
- *Ездит в Москву / там / чё-то начальство / высшее посылает там **туда-сюда** / **пятое-десятое** // И еще вот свой бизнес // Сауна / ресторан свой // Вот;*
- *Чай там / **то-сё** / горячей воды. Скоро стемнеет / и хворать начнет...;*
- *а бочки / по 200 литров / они все равно потом там / про... проржавеют / **и прочее и прочее** потом.*

В докладе предлагается некоторый корпус форм и конструкций, способных выступать в роли таких заместителей и извлеченных из двух объемных корпусов русского языка, а также систематизация особенностей их употребления в нашей устной повседневной речи.

Золотарев Михаил Владимирович,

асп., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Глубинное интервью как метод исследования прецедентных феноменов

Исследования в области устного дискурса требуют поиска оптимальных методик. Прецедентные феномены традиционно в отечественной лингвистике изучаются на материале письменных видов дискурса. Поле устной речи чаще всего остается мало изученным. Данный доклад предлагает к рассмотрению метод глубинного интервью как методику начального этапа лингвистического исследования.

Глубинное интервью как один из методов социологии считается наименее стандартизированным и представляет собой неформальную личную беседу, проводимую по заранее подготовленному плану. Глубинное интервью предполагает получение от респондентов развернутых ответов по интересующим исследователя вопросам. Полученные ответы могут служить первоначальной базой данных для дальнейшей разработки темы исследования на последующих этапах.

Данный доклад основывается на материале нескольких глубинных интервью, проведенных с носителями английского языка с целью выявления основных сфер-источников прецедентных феноменов современной американской молодежи. В результате проведенных интервью были получены данные, использованные в дальнейшем для формулировки основных гипотез исследования.

К недостаткам глубинного интервью как метода лингвистического исследования можно отнести сложность определения зависимых и независимых переменных, влияющих на выбор языковых средств. Выборка глубинных интервью достаточно мала в сравнении с другими методиками, такими как социологический опрос, что не позволяет исследователю делать какие-либо общие выводы без дополнительной обработки результатов.

Коробейникова Татьяна Николаевна,
асп., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Синхронный анализ диалектной речи как источник для изучения диахронических звуковых изменений

Фонетическая система любого языка или диалекта со временем изменяется. На синхронном уровне звуковое изменение выражается в сосуществовании нескольких вариантов произношения одного и того же слова. Такая ситуация наблюдается во многих русских говорах. В речи одного и того же диалектоносителя отмечаются варианты [хл'еп] и [хл'ип], [зд'ес'] и [зд'ис']. Как выявить, какой диахронический процесс отражает синхронная вариативность? Какие факторы способствуют его протеканию? Как показало исследование ударного вокализма говора села Кай Верхнекамского района Кировской области, на качество гласного в морфемах с вариативностью влияют следующие факторы: 1) фразовая позиция; 2) тип речи; 3) консонантный контекст; 4) длительность гласного. Например: 1) в сильной фразовой позиции произносится [зд'ес'], в слабой [зд'ис']; 2) при повторении списка слов звучит [хл'еп], в спонтанной речи — [хл'ип]; 3) в окружении CjVC произносится [м'есто], в CjVCj — [в м'ис'т'е]; 4) при большей длительности гласного звучит [л'ес], при меньшей — [л'ис]. Однако релевантность этих условий для разных идиолектов различна. Анализ полуторачасовых записей речи 4 пожилых информантов показал, что вариативность отмечается в 673 примерах (88 морфем), в 71% случаев (480 примеров) наблюдается корреляция между фразовой позицией и качеством гласного, в 71% примеров из оставшихся 193 реализаций отмечается влияние стиля речи, в 63% из оставшихся 38 морфем действует условие контекста и в 54% из последних 14 примеров наблюдается корреляция между качеством гласного и его длительностью. В речи 4 молодых информантов вариативность отмечена всего в 40 примерах (8 морфем). В 82% примеров (38 реализаций) отмечается влияние фразовой позиции, а в оставшихся 8 примерах есть корреляция между качеством гласного и типом речи. Таким образом, в ходе развития говора звуковая вариативность сменяется унификацией произношения каждой из морфем и, вместе с тем, сокращается количество условий, влияющих на выбор произносительного варианта.

Мызникова Янина Валерьевна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативные особенности речевого жанра «рассказ-воспоминание»

Речевой жанр «воспоминание» представляет собой вербализацию прошлого опыта, является важнейшим компонентом диалектного речевого общения, средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом и социальном отношении информации. С точки зрения участия автора рассказа в описываемых событиях тип повествования может быть объективированным (ориентированным на обобщенный

опыт), ситуативным (с непосредственным участием автора) или смешанным. Коммуникативной нормой диалектного высказывания является изложение информации, достоверность которой у говорящего не вызывает сомнений. Поэтому жанрообразующими элементами рассказа-воспоминания являются конкретизаторы высказывания: имена собственные, точные даты, топонимы. Индивидуальный опыт автора повествования, как правило, подключается к опыту других поколений, к родовой, коллективной памяти. Поэтому другим жанрообразующим элементом рассказа-воспоминания является предикат с обобщенно-личным или определенно-личным значением: *Лён был, и пололи и дёргали и слали, и мяли мялками*. Принцип достоверности реализуется путем совмещения в речи ситуации-темы с ситуацией текущего общения, иконичности повествования, антропоцентричности, обобщенности опыта и знания.

Осьмак Наталья Андреевна,

соиск., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности функционирования единицы *чувак*

в современной устной повседневной речи

(на материале Звукового корпуса русского языка)

Особый интерес для современной лингвистики представляют изменения, происходящие в лексике: многие единицы нашего лексикона, активно употребляющиеся в живой *речи*, знакомые всем говорящим и признаваемые более или менее нормативными, не находят еще пока никакого отражения в *языке* и адекватной лексикографической фиксации. Возникает необходимость создания специального словаря, отражающего реальную речевую ситуацию, что, в свою очередь, требует обращения непосредственно к устной спонтанной речи, поскольку именно она наиболее полно представляет состояние речи на настоящий момент. Базой для настоящего исследования стал Звуковой корпус русского языка (проект «Один речевой день» — ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ. В ходе сопоставительного анализа функционирования лексем, обозначающих лица женского и мужского пола, в расшифровках ОРД и словарях русского языка интересным показалось употребление единицы *чувак*. Для определения значения и коннотаций данной лексемы в разговорной речи целесообразно обратиться к ментальному лексикону носителей языка. Эксперимент по обращению к ментальному лексикону был проведен двумя различными способами. В первом случае анализировались случаи употребления единицы *чувак* в интернет-ресурсах, а во втором был проведен электронный опрос, в котором носителям языка предлагалось дать определение данной единице. Результаты эксперимента показали, что в настоящее время в разговорной речи существует несколько значений единицы *чувак*: 1) «какой-то молодой человек, мужчина, человек»; 2) «обращение к человеку одного возраста и социального статуса с говорящим» (в молодежной среде, жаргонное); 3) «друг, приятель, знакомый, „свой человек“» (в молодежной среде, жаргонное). Явная гендерная пара *чувака* — *чувиха* — не встретилась

в контекстах ОРД. Однако небольшой электронный блиц-опрос показал, что *чувиха* маркируется носителями языками как однозначно жаргонное и очень грубое наименование женщины и считается ими недопустимым.

Павлова Ольга Валентиновна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Фактор спонтанности в речевой коммуникации (на материале Звукового корпуса русского языка)

Особое внимание к спонтанной речи обусловлено антропоцентрическим подходом к изучению языка. Нами рассматриваются взгляды на спонтанную речь как на неподготовленную. На данный момент недостаточно учитывается влияние эмоционального фактора на проявление спонтанности. Предлагается дополнить социолингвистические факторы и учесть эмоции говорящего в процессе его речевой коммуникации. Многообразие проявлений спонтанности порождается разнообразием социально-культурных условий.

Пальшина Дарья Андреевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Влияние экстралингвистических факторов на появление аллегрных форм русской речи (к постановке проблемы)

Главным объектом современного языкознания в настоящее время является живая речь человека, с учетом его индивидуальных (социальных и психологических) особенностей. В центре изучения — язык как постоянно изменяющаяся система, суть которой раскрывается в процессе речевой коммуникации. При непосредственном наблюдении над процессом эволюции языка особенного внимания заслуживает сверхчастотная лексика, которая зачастую не подчиняется действующим закономерностям, в том числе орфоэпическим. Именно в высокочастотных словах наблюдается большее количество разного рода звуковых изменений по сравнению со словами средней или низкой частотности. К таким словам относятся служебные части речи (*когда, то есть*), разного рода модальные и вводные единицы (*может, кажется, как говорится*), а также ряд знаменательных слов (*говорить, сейчас, пятьдесят, человек* и т. д.). Эти единицы существуют в нашей речи не только в своих идеальных фонетических обликах, но и в редуцированных, сугубо речевых, но очень привычных и узнаваемых аллегрных формах (АФ). К возникновению подобных форм приводят такие факторы, как частотность единицы, ее фонетическая и морфемно-фонетическая структура, темп речи, фразовая позиция слова в синтагме. Представляется возможным проверить и влияние экстралингвистических факторов на возникновение аллегрных форм. В социолингвистическом аспекте предполагается проверить зависимость появления (или частоты появления) АФ от социальных характеристик говорящего (гендерная принадлежность, возраст, профессия, УРК), в психолингвистическом аспекте — зависимость

появления АФ от психологических характеристик говорящего (экстраверт/интроверт), в коммуникативном аспекте — зависимость появления АФ от коммуникативной ситуации (кто, с кем, когда, где и о чем говорит). Подобный экстралингвистический анализ материала возможно провести благодаря Звуковому корпусу русского языка и имеющейся в нем социо- и психолингвистической балансировке материала.

Попова Татьяна Витальевна,

д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Морфемный состав русского слова в устной спонтанной речи

Интерес современной лингвистики к живой устной речи, обусловленный тем, что именно она «есть первое и истинное состояние языка» (В. Гумбольдт), порождает множество проблем при ее описании. Признание существования грамматики речи наряду с грамматикой языка привело современных лингвистов к осознанию того, что речь обладает своими собственными единицами и специфическими правилами их функционирования и сочетания. В данном выступлении предлагаются некоторые наблюдения, касающиеся морфного состава русских слов в устной спонтанной речи. Подтвердились выводы о том, что речевым морфам свойственны значительная формальная вариативность, размытость границ, приводящая к созданию морфемных комплексов, и расширение границ омонимии морфем (А. С. Асиновский, Н. В. Богданова и др. Полевая лингвистическая практика / Под науч. ред. Н. В. Богдановой. Ч. 2. — СПб, 2006. — С. 61—62). Анализ транскрипции живых текстов (СПбГУ) обнаружил двоякое влияние спонтанности устной речи на морфный состав русского слова. Во-первых, появление устно-разговорных алломорфов узуальных морфем при сохранении языковой морфемной структуры. Во-вторых, изменение морфемной структуры слова, т. е. выпадение ряда морфем вследствие нулевой реализации фонем или их взаимопроникновения друг в друга. Второй процесс свойствен прежде всего аллеграммам формам речи всех грамматических классов русских слов. При этом чаще опускаются или модифицируются суффиксы и корни, реже — окончания и постфиксы, в исключительных случаях — префиксы (*сверх возможности* → *сверх можности*; *только притормозили* → *только пртормозили*), что, вероятно, обусловлено разной функцией данных морфем в формировании семантики русского слова и ее восприятии носителем языка.

Ромашева Ксения Евгеньевна,

студ., Пермский государственный университет

Влияние профессиональной принадлежности на особенности текстопостроения

Текстовая деятельность, по мнению Т. М. Дридзе, является способом фиксации и вместе с тем и формирования социальных структур: «Вне порождения и интерпретации текстов немислим обмен знаниями и опытом,

умениями и навыками, эмоциями, ценностями и нормами — этими важнейшими ориентирами человеческой деятельности, не говоря уже о том, что сами эти ориентиры возникают, поддерживаются, а порой и устраняются именно в ходе текстовой деятельности».

Нарратив — форма дискурса, через которую реконструируется и репрезентируется прошлый опыт для себя и других; то же касается и будущего опыта. Основой нарратива является повествование о себе, посредством нарратива человек создает собственное описание действительности и себя в этой действительности. Понятна перспективность использования этого метода при изучении того, как личность презентует свою идентичность.

Особенность устного спонтанного монолога заключается в том, что он занимает промежуточное положение между чтением и диалогом с точки зрения непринужденности речи. Специфика монолога заключается в том, что говорящий ориентируется на слушающего, но при этом не получает от него развернутой вербальной реакции. Таким образом, устный спонтанный монолог позволяет выявить особенности текстопостроения, характерные именно для данного информанта.

При анализе структурных компонентов устных спонтанных монологов медиков обнаруживается несколько стратегий построения текста.

1. Построение текста по заданной схеме (автобиография, работа, завязка, осложнение, развязка, включение структуры «текст в тексте» и оценочного блока).
2. Построение текста, допускающее пропуск одного или нескольких структурных элементов. При этом обязательно сохраняются блоки «Автобиография» и «Работа», а также оценочный блок. Таким образом, самой частотной моделью является модель, выстроенная по схеме «Автобиография — работа + оценка». Можно говорить о том, что профессиональная идентичность оказывает большое влияние на процессы текстопорождения.

Шерстинова Татьяна Юрьевна,

к. ф. н., с. н. с., Санкт-Петербургский государственный университет

Зависимость частотной активности речевых единиц повседневного общения от типа коммуникативной ситуации

1. В докладе приводится анализ зависимости частотной активности речевых единиц (словоформ, дискурсивных единиц, шаблонных реплик) повседневного общения от типа и условий коммуникативной ситуации, включая социальную роль говорящих и место коммуникации.
2. Несмотря на очевидное разнообразие тем повседневного общения и вытекающее из этого богатство словаря повседневной речи, в верхней зоне частотных списков — как и при исследовании письменных текстов — оказываются в первую очередь служебно-строевые единицы. Но в отличие от письменных текстов большую долю составляют здесь так называемые дискурсивные единицы — «вот», «ну», «да», «же», «угу» и др.

3. Задача исследования состоит в первую очередь в том, чтобы выяснить, будет ли существенно отличаться верхняя зона частотного словаря в целом по корпусу (для повседневной речи в целом) и для определенных коммуникативных условий (например, в профессиональной речи, бытовом общении, при обучении или при коммуникации по типу «клиент — сервис»), а также для отдельных говорящих и для разных социальных групп.
4. При выявлении значимых отличий верхней зоны частотных списков, можно будет определить наиболее типичные (диагностические) речевые единицы для разных типов коммуникации.
5. Исследование выполнено на материале звукового корпуса «Один речевой день» в рамках проектов «Информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи» (РГНФ № 12-04-1201) и «Информационная словарная система „Язык мегаполиса“» (РГНФ № 13-04-12022).

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Алексеева Екатерина Михайловна,
доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Экспериментальное изучение фонологической активации
на примере разных языков

Научный интерес представляет проблематика фонологической активации при продуцировании отдельных слов и словосочетаний на примере языков с разными грамматическими порядками слов. По данной проблеме опубликованы противоположные и противоречащие друг другу данные (Navarrette & Costa, 2005; Janssen, Alario & Caramazza, 2008; Kuipers & La Heij, 2009; Dumay & Damian, 2011). В исследовании Maedebach, Alekseeva, Jescheniak (2011), где испытуемым с родным немецким языком при предъявлении цветных объектов на мониторе необходимо было называть либо сам объект, либо его цвет, было обнаружено, что названия цветов не активируются автоматически на фонологическом уровне, а фонологические эффекты согласования (congruence effects) при продуцировании отдельных слов не находятся под влиянием традиционного грамматического порядка слов того или иного языка, а являются универсальными. Аналогичное исследование было проведено на примере русского языка. В эксперименте, в котором назывались объекты или цвет объектов в виде отдельных слов, эффектов согласования обнаружено не было. Причиной этого могли стать недостаточная чувствительность стимульного материала, малая выборка и др. факторы. Эффекты согласования были выявлены в эксперименте, где цветные объекты необходимо было называть в виде связанных словосочетаний (*зеленая змея / змея зеленая* либо *красная змея / змея красная*). В работе Alekseeva, Maedebach, Jescheniak (2013) показано: латентный период при

продуцировании словосочетания *зеленая змея* длится меньше, чем при продуцировании словосочетания *змея красная* и словосочетания *змея зеленая*. Вывод: возникновение эффектов согласования определяет не только канонический грамматический порядок слов, но и частотность употребления того или иного типа словосочетаний: 93% словосочетаний русского языка, состоящих из прилагательного и существительного, приходится на словосочетания типа «*прилагательное — существительное*», и лишь 7% — на словосочетания типа «*существительное — прилагательное*».

Алексеева Светлана Владимировна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Стельмах Валентина,
студент IV курса кафедры Общего языкознания,
Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие слов с перестановкой: влияние порядка следования букв на обработку печатного текста

Одним из ключевых моментов создания модели визуального распознавания слов является выбор схемы кодирования порядка следования букв. При жестком кодировании порядка предполагается, что читатели одновременно с опознанием буквы фиксируют ее позицию, и для каждой позиции существует свой детектор распознавания букв (McClelland & Rumelhart, 1981). Минусом этого подхода является то, что для каждой позиции необходим свой дубликат алфавита (Schoonbaert & Grainger, 2004).

Слова *кошка* при данном подходе воспринимается как последовательность упорядоченных букв: [к, о, ш, к, а]. Другим способом кодирования является выявление позиции при помощи минимального контекста. Утверждается, что слова распознаются при помощи массива триплетов: *кошка* — [*_ко, кош, ошк, шка, ка_*], где символ «*_*» показывает границу (Seidenberg & McClelland, 1989). Кроме того, существует точка зрения (Davis & Bowers, 2006), по которой буквы не привязаны жестко к позициям. Порядок следования определяется степенью активации букв, активация в целом монотонно убывает от начала к концу. У каждого слова получается свой образец активации. В экспериментах, где использовался метод лексического выбора с праймингом, было показано, что пары слов с перестановкой (*баны-баян*) дают больший прайминг-эффект, по сравнению с парами, отличающимися заменой одной буквы (*сток-срок*) (Perea & Lupker, 2003; Schoonbaert & Grainger, 2004). Данные результаты идут в разрез с теорией жесткого кодирования (поскольку у слов *баны-баян* только две буквы находятся на своих местах, в то время как в паре *сток-срок* — 3) и кодирования при помощи контекста (если выделить все триплеты в обоих парах, только один триплет в каждой паре совпадет), но не противоречит подходу, использующему понятие активации (у пары слов с перестановкой активированы все четыре буквы, а у пары с заменой — только три).

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Смена парадигм в психолингвистических исследованиях коннотации

Явление коннотации исследуется лингвистическими и смежными научными дисциплинами уже более 400 лет. Существуют многочисленные определения коннотации, в основу которых положены либо признаки значения, типичные ассоциации, либо системные отношения языковых выражений, проявляющиеся в синонимии, антонимии и т. д., либо звуковая оболочка слов и выражений. Психолингвистические исследования аффективной стороны слов, а также ассоциативные эксперименты, показавшие реальность осознания рационально-оценочных, ассоциативно-образных (эмотивных), стилистических и культурно-национальных признаков, способствовали пониманию явления коннотации как специфического психолингвистического феномена, обусловленного национальной культурой и менталитетом. Благодаря психолингвистическим исследованиям, раздвинувшим узкие рамки интерпретации явления коннотации в стилистике и даже в общем и сравнительном языкознании, коннотация стала рассматриваться как структурное, системное явление, в составе которого был выделен ассоциативно-образный компонент, выступающий как основание эмоциональной оценки (эмотивности) и стилистической маркированности. Благодаря психолингвистическим исследованиям смыслообразования в тексте и интерпретации текста была выявлена текстообразующая функция коннотации. Однако, поскольку понятие коннотации одновременно разрабатывалось в рамках логики, лингвистики, стилистики, лексикологии, герменевтики, психологии, социологии, культурологии, когнитологии и др. научных дисциплин, в силу полипарадигмальности исследований коннотации создалась эклектичная картина данного явления, в то время как междисциплинарные подходы к изучению коннотации находятся пока лишь в стадии разработки и становления. Тем не менее, сегодня уже невозможно изучать коннотацию «однобоко», лишь как стилистическое, психологическое или лингвистическое явление; нам представляется наиболее перспективным исследование коннотации в междисциплинарной научной парадигме на стыке всех заинтересованных научных дисциплин.

Венцов Анатолий Владимирович,

к. б. н., спец., Санкт-Петербургский государственный университет

Просодические границы и восприятие речи*

При функциональном моделировании системы восприятия речи первым этапом обработки непрерывного (в пределах межпаузального интервала) речевого сигнала должно быть его преобразование в цепочку словоформ. Считается, что полученная цепочка должна затем члениться на

* Работа поддержана грантом РФФИ № 13-06-00374а.

более крупные (постлексические) единицы — синтагмы или элементарные (минимальные) дискурсивные единицы (клаузы).

В связи с этим ведется многолетний поиск физических признаков сигнала, потенциально способных обеспечить этот процесс. В литературе таковыми называют просодические признаки: паузу, приграничное удлинение слогов (гласных), тональные изменения на границе. При этом высказывается мнение, что количественные характеристики этих признаков, в частности длительности пауз, могут быть показателем «силы» (strength) границы и использоваться для структурирования дискурсивных единиц. Однако ни в одном исследовании не идет речь о том, как именно слушатель использует подобные средства при текущем анализе речи в естественных условиях.

В то же время материалы корпуса «Рассказы о сновидениях» и наши данные по микромонологам спонтанной речи показывают, что паузы разного рода и длительности появляются не только на границах упомянутых семантико-грамматических единиц, но и внутри них. Из этого следует, что паузы не могут служить маркерами границ, поскольку при восприятии речи слушателю приходится игнорировать паузы, оказавшиеся внутри дискурсивной единицы, а критерии классификации пауз на «внутренние» и действительно пограничные едва ли существуют.

В спонтанной речи нередко также случаи произнесения дискурсивных единиц слитно, без пауз между ними, и при отсутствии специфических приграничных изменений в длительностях сегментов и тональных характеристиках сигнала.

Решение проблемы видится в поиске правил, пользуясь которыми, из появляющихся в его памяти словоформ слушатель компоует дискурсивные единицы без опоры на просодику.

Ефимова Надежда Николаевна,

к. ф. н., докт., Иркутский государственный лингвистический университет

Ошибка: на стыке перцепции и когниции

Междисциплинарный вектор развития современной парадигмы гуманитарного знания открывает новые возможности изучения традиционно актуальных объектов; феномен ошибки — один из них. Ошибки восприятия, как правило, противопоставлены ошибкам суждения, которые могут быть логически проанализированы. Д. Канеман считает, что вербализации интуитивных суждений предшествует «одобрение» рациума, контроль со стороны которого нередко ослаблен, что позволяет людям выражать ошибочные суждения. Тэффи в рассказе «Книга» говорит о «таинственном смысле» неверно понятого слова: подпись под иллюстрацией к роману «Дети капитана Гранта» она «сгоряча» прочла «Паганель бодрствовал». Когда она поняла, «что Паганель просто бодрствовал», ей стало жаль «яркого, особенного впечатления, какое дало то несуществующее слово». Нередко ошибки восприятия порождает предвосхищение — Ю. М. Лотман полагал, что слушатель устраняет непонятное, запуская процесс народной этимологизации:

например, «Колокольчик, дарвалдая» вместо «Колокольчик, дар Валдая». Фрейд утверждал, что читающий искажает то, что не хочет читать. Вероятно, искажается не только нежелательное, но и непонятное — Д. С. Лихачев приводит немало примеров отклонений, возникающих при переписке канонических текстов: «на стенах» — вместо «на стогнах»; «рыдатель» — вместо «рыдель». К этой же категории деформаций относятся ослышки (*mondegreens*) — например, «Rain Man» вместо «Raymond» — ослышка, давшая название известному фильму; название романа «Catcher in the Rye» — строка Р. Бернса «Comin thro the rye»; омофонический перевод (*soramimi*) — «Кум клопа» вместо «Pourquoi pas». Ошибка восприятия, порой неотделимая от ошибки когниции, — уникальный материал, исследования разных сторон которого обогащают друг друга; анализ, проводимый в работе, основан на положениях концепции открытого произведения У. Эко, феноменологии внутреннего сознания времени Э. Гуссерля, концепции семиотики Р. Барта, теории языкового эгоцентризма Р. Якобсона.

Иванова Кира Александровна,
асп., Институт лингвистических исследований РАН

Императивный лексикон взрослого и ребенка 1,5–4 лет
(лонгитюдное исследование)

Просьба — один из базовых мотивов, управляющих коммуникацией человека [Томаселло, 2011]. Язык общения с детьми тяготеет к употреблению базовых средств выражения [Цейтлин, 2000], а императив (рано усваиваемый имп. 2 л. ед. ч.) является центром функционально-семантического поля повелительности и служит для выражения не менее 35% просьб в русской речи [Ogiermann, 2009]. Наблюдения за речью взрослых и детей (1,5–4 лет) показывают, что состав группы глаголов, употребляемых в императиве, в детско-родительских диадах может отличаться количественно и качественно. В ряде случаев можно видеть расхождение между стратегией употребления императива ребенком и взрослым. Необходимо установить, насколько императивный лексикон взрослого меняется по мере взросления ребенка, как качественный состав инпута может влиять на количественные показатели речи ребенка. Согласно доступным данным, императивный словарь взрослого состоит из компактного ядра высокочастотных глаголов, группы часто употребляемых глаголов, а также длинного «хвоста» лексем, встречающихся относительно редко. Высокочастотные принадлежат к глаголам манипуляции предметом (*дать, взять, поставить, положить*), к глаголам речи (*сказать, рассказать*) и к глаголам управления вниманием (*смотреть, показать*). Эти глаголы может объединять прагматическая функция, и она определит как время их появления, так и то, перейдут ли эти глаголы в активный словарь ребенка. Так, глаголы *рассказать* и *показать* выполняют «обучающую» функцию, обусловившую их позднее появление как во взрослой, так и в детской речи. Однако в тех диадах, где эти глаголы рано появляются в числе высокочастотных в речи взрослого, они не становятся высокочастотными в речи ребенка.

Королёв Игорь Русланович,

к. ф. н., доц., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Дискурсивное пространство кооперативной коммуникации

Актуальность темы исследования связана с необходимостью системного и комплексного описания дискурсивного пространства кооперативной коммуникации с учетом новых аспектов его изучения в современной лингвистике: лингвокогнитивного, лингвокультурного и дискурсивно-прагматического (В. Кашкин, Н. Пономарев, И. Попова, А. Романов, И. Стернин, М. Томаселло). *Целью* работы является рассмотрение основных типов дискурсивных практик, составляющих определенное дискурсивное пространство кооперативной коммуникации. *Задачи*: охарактеризовать феномен кооперативной коммуникации; уточнить определение понятия кооперативной коммуникации; выявить основные типы дискурсивных практик, составляющие дискурсивное пространство кооперативной коммуникации. *Кооперативная коммуникация* — ситуация общения, базирующаяся на когнитивной структуре совместных намерений коммуникантов с использованием эффективных языковых и речевых средств, выбор которых продиктован одинаковыми представлениями о коммуникативных целях друг друга, взаимным распределением коммуникативных ролей, прежде всего, партнерских. Кооперативная коммуникация четко корреспондируется с понятием дискурсивной практики (М. Фуко). В речевом поведении, репрезентирующем кооперативную коммуникацию, выявлены следующие основные типы дискурсивных практик (*знакомство, приветствие, совет, пожелание, благодарность, просьба, похвала, приглашение, извинение, прощание, согласие, сочувствие, признание в любви* и т. д.), основанные на реализации или достижении взаимопонимания между собеседниками и на общей базовой когнитивной структуре совместных намерений. Совокупность представленных типов дискурсивных практик составляет дискурсивное пространство (Н. Казыдуб, Н. Нестерова, С. Плотникова) кооперативной коммуникации, которое можно охарактеризовать как межличностное, динамичное (устное/письменное), открытое общение интерактантов, преимущественно протекающее в повседневной (не)официальной коммуникативной сфере посредством языкового, паралингвистического кода.

Коршунов Дмитрий Сергеевич,

к. ф. н., сотр., Военная академия Министерства Обороны Российской Федерации (филиал в Череповце)

О треугольниках и словах, или Единицы восприятия речи и система языка

Почти 80 лет назад в своей работе «Мышление и речь» Л. С. Выготский убедительно обосновывал необходимость отличать единицы анализа от элементов анализа по признаку сохранения в единице всех основных свойств, присущих целому. Л. С. Выготский говорил о психологиче-

ском анализе мышления и речи, вероятно, поэтому к единицам языка, т. е. продуктам лингвистического анализа, такой подход никогда не применялся.

В языкознании понятия единицы и элемента смешиваются как в энциклопедическом определении («Единицы языка — это элементы системы языка, имеющие разные функции и значения»), так и по сути, когда допускается существование «односторонних» единиц семиотической системы, не обладающих свойствами знака (фонемы, слоги). Текущие представления о системе языка не выдерживают строгих критериев единицы по Л. С. Выготскому.

Однако такое определение единицы оказалось слишком строгим и для психолингвистики. Единицу восприятия речи также не удалось установить конкретно. А. А. Леонтьев обосновал, что она должна иметь процессуальный характер и соответствовать речевой операции. А. С. Штерн предложила считать «отражением» единицы восприятия речи существенные лингвистические признаки, каждый раз разные. Целостной системы восприятия речи со своими единицами и элементами сложить не удалось.

В западной психолингвистике практика компьютерного моделирования чтения (опознавания слов) привела ученых к трехкомпонентному строению моделей зрительного восприятия текста — с участием орфографии, фонологии и семантики.

Соединение указанных психолингвистических подходов позволяет создать универсальную модель восприятия речи (в частности, чтения), на ее основе уточнить структуру системы языка и ответить на вопрос о единице чтения в рамках требований Л. С. Выготского. Такая единица, подобно треугольнику в геометрии, будет целостным объектом, состоящим из трех элементов — орфографической, фонологической и семантической составляющих, которые могут относиться к разным уровням языковой системы.

Краснощечкова Софья Викторовна,
асп., Институт лингвистических исследований РАН

Дейктические варианты личных и лично-притяжательных местоимений в речи ребенка

Спектр дейктических вариантов местоимений, связанных с областью персонального дейксиса (личных и лично-притяжательных), сравнительно невелик. Здесь мы не останавливаемся на случаях а) ошибочного употребления (ребенок говорит «ты» о себе и т. д.) и б) нереперенциального употребления («мы», «ты» в обобщенном значении). Если не учитывать местоимения 3 лица, которые сближаются с указательными, то реперенциальные варианты существуют лишь у местоимений «мы» (инклюзивное и эксклюзивное «мы») и «вы» («вы» как «адресаты» и «вы» как «адресат и третий участник»). Известно, что у ребенка эксклюзивное «мы» возникает позже инклюзивного. Местоимение «вы», согласно нашему материалу, развивается

по подобной схеме: первым появляется «вы-адресаты», затем — «адресаты и они». Притяжательные местоимения, кроме соответствующих дейктических разновидностей, имеют варианты, отражающие отношения между объектом и посессором («лексико-релятивные варианты»). Здесь первыми возникают варианты «посессор + собственность» и «посессор + родство / совместная деятельность»: «моя машина», «мой стол», «мой друг»; затем (около 3 лет) — «целое + часть»: «моя голова». Другие, более абстрактные и семантически сложные варианты, не зафиксированы в нашем материале до 4 лет. Таким образом, основные варианты личных и притяжательных местоимений в речи маленького ребенка связаны с зоной «я». Чем дальше единица (или ее значение) отстоит от «я»-центра, тем позже она появляется в речи ребенка и тем реже используется. Инклюзивность-эксклюзивность только к себе и собеседнику наступает этап, когда появляется референция к третьему участнику. При этом самостоятельное «он» начинает употребляться относительно рано, позже «я» и инклюзивного «мы», но раньше «вы»; возраст появления «он» относительно «ты» и эксклюзивного «мы» варьирует. Первые в речи ребенка варианты притяжательных местоимений также тесно связаны с зоной персонального.

Кулькова Елена Сергеевна,

асп., Московский государственный лингвистический университет

Особенности систем концептуальных оппозиций
русского и итальянского языкового сознания

(на материале анализа ассоциативного поля возраст человека)

Противоположности, вступающие во взаимодействие, как указывает Г. В. Ф. Гегель, являются источником динамического развития. Выделение же противоположностей, включение их в отношение оппозиции, осуществляемое на основе сравнения, представляет собой универсальный метод познания мира, позволяющий получать новое знание о свойствах и качествах объектов окружающей действительности. Этим обуславливается неослабевающий интерес многих направлений гуманитарной науки к данному феномену. Доклад посвящен основанному на анализе экспериментальных данных выявлению общих и культуроспецифических элементов совокупности концептуальных оппозиций в русском и итальянском языковом сознании и определению их роли в формировании национальной картины мира. Наше представление о концептуальной оппозиции восходит к идеям В. В. Иванова и В. Н. Топорова, которые, после длительного изучения языков и культуры различных народностей, пришли к заключению о том, что модель мира может быть описана посредством набора основных семантических противопоставлений. Мы полагаем, что в каждом этноязыковом сообществе существует — с той или иной степенью эксплицированности — система концептуальных оппозиций, получающих отражение в языке и речи и влияющих на способ концептуализации образов окружающего мира представителями той или

иной лингвокультуры. Нам представляется вероятным, что данная система, несомненно, включающая универсальные характеристики, в то же время обладает своеобразием, обуславливающим, в совокупности с рядом других признаков, уникальность этнолингвистической картины мира. Для того чтобы эксплицировать элементы данной системы, мы обращаемся к основным методам исследования языкового сознания — методу семантического дифференциала и свободному ассоциативному эксперименту, позволяющим сделать объективно ненаблюдаемые компоненты сознания доступными изучению.

Москаленко Ольга Николаевна,

асп., Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского

Социокультурные модели невербального поведения студентов-переводчиков в процессе устного последовательного перевода

Сфера деятельности переводчика — это своего рода неделимое целое: язык — культура — человек. Используя язык как средство коммуникации, переводчик призван осуществлять коммуникацию между отдельными людьми на основе знания и понимания языков и культур. Главный вопрос, возникающий, когда речь заходит о межкультурной коммуникации, — это возможность успешного ее протекания при наличии культурных различий. Для эффективного осуществления процесса межкультурной коммуникации, помимо знаний языка, требуется наличие социокультурной компетентности. Лингвист-переводчик, хорошо владеющий иностранным языком, но не обладающий адекватным уровнем владения лингвострановедческими, социолингвистическими, социально-психологическими и культурологическими знаниями, которые представляют собой компоненты социокультурной компетентности, ощущает в процессе межкультурной коммуникации некий дисбаланс, который можно назвать культурным шоком. Научная новизна работы обусловлена следующими факторами. Во-первых, социокультурные стереотипы *речевого общения*, их роль и место в межкультурной коммуникации изучены в лингвистике и психологии не в полной мере. Во-вторых, что касается социокультурных стереотипов *невербального поведения*, то в научных источниках данных о них еще меньше, чем в предыдущем случае. В-третьих, информация о социокультурных стереотипах невербального поведения в деятельности переводчика практически отсутствует. Следовательно, эта тема является благодатной почвой для научного исследования. Цель данного исследования — выявить особенности проявления социокультурных стереотипов невербального поведения в посреднической деятельности переводчика при совершении им процесса декодирования и кодирования информации, а также ошибки в поведении переводчика в процессе осуществления устного перевода. Практическая значимость работы заключается в возможности широкого применения полученных результатов при подготовке переводчиков-лингвистов.

Пиотровская Лариса Александровна,
д. ф. н., проф., Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена

Эмотивность и дейксис

Активная тенденция эмотивного синтаксиса — партикуляризация слов различной морфологической природы, в первую очередь — слов с дейктической и вопросительной семантикой. Грамматическая характеристика слов *как, какой, сколько*, представленная в специальных исследованиях, свидетельствует о том, что квалификация их как частиц вызывает трудности. А. М. Пешковский [1956, 358] использовал термин «восклицательные члены», отмечая, что они являются «полными словами с самостоятельным значением». Позднее более распространенной стала квалификация данных слов как эмоционально-усилительных частиц [Грамматика, 1960]. Однако И. П. Распопов считает корректным использовать данный термин по отношению к словам *как, какой, сколько* в составе только тех эмотивных высказываний, в которых «выражение вопроса о признаках или обстоятельствах с помощью соответствующих местоимений и наречий невозможно в предложении уже потому, что данные признаки (обстоятельства) обозначены полнозначительными словами» [Распопов, 1960, 14]. Термин «аксиологические моделирующие частицы», предложенный В. П. Проничевым, не позволяет провести различие между рациональной и эмоциональной оценкой, что является существенным с учетом роли таких слов в формировании эмотивного компонента содержания высказываний. На наш взгляд, квалификация рассматриваемого класса слов должна быть одинаковой во всех эмотивных высказываниях. Общей характеристикой всех высказываний с вопросительно-дейктическими по происхождению словами является неадекватность обозначения какого-либо признака в широком его понимании. Причиной этого является эмоциональное состояние говорящего, определяющее способ восприятия чего-либо — «подавление» эмоциональной оценкой оценки рациональной. Предлагаем для обозначения класса слов, выполняющих структурообразующую функцию эмотивной синтаксической модели и несущих основную нагрузку в выражении эмоциональной оценки / эмоционального отношения говорящего, термин **«партикуляризованные эмотивно-дейктические слова»**.

Раева Ольга Васильевна,
спец., Санкт-Петербургский государственный университет

Синтагма: из века двадцатого в век двадцать первый

В ходе изучения влияния мелодических характеристик акустического сигнала на процесс восприятия спонтанной речи потребовалось провести сопоставление таких единиц, как синтагма [Шерба, 1953 (1937) и др.], интонационная фраза [Pierrehumbert, Hirschberg, 1990 и др.], интонационная единица [Chafe, 1994 и др.] и минимальная/элементарная дискурсивная

единица [Рассказы о сновидениях..., 2009 и др.]. Под всеми перечисленными терминами обычно понимается интонационно-смысловое или интонационно-синтаксическое единство. Однако критерии, которые используются лингвистами для определения границ таких единиц (например, пауза и изменение высоты основного тона [Щерба, 1953 (1937); Chafe, 1994; Himmelman, 2006 и др.], синтагматическое ударение [Щерба, 1953 (1937) и др.] и т. д.), не получают должного описания с точки зрения количественных параметров речевого сигнала. В связи с этим возникают сомнения в том, что слушатель может использовать указанные признаки в качестве пограничных маркеров. Более того, наличие пауз внутри семантико-синтаксических единств в спонтанной речи позволяет предположить, что синтагма (и подобные ей речевые фрагменты) с большей долей вероятности является единицей программирования высказывания, в то время как единицами акустической реализации являются межпаузальные интервалы.

Самойлова Мария Владимировна,
магистр., Санкт-Петербургский государственный университет

Слюсарь Наталья Анатольевна,
к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

База данных, содержащая информацию о частотности
различных грамматических характеристик
и окончаний русских существительных

Представителю любой лингвистической дисциплины или школы требуются данные о частотности различных грамматических характеристик. В частности, в психолингвистике сведения такого рода могут потребоваться как на этапе отбора экспериментального материала, так и для интерпретации полученных результатов.

В данной работе мы представляем базу данных русских существительных, составленную на основе подкорпуса Национального корпуса русского языка со снятой грамматической омонимией (база пока не доступна в сети Интернет, хотя работа над ней уже закончена). В базе отражена частотность следующих грамматических характеристик: род, число, падеж, одушевленность, склонение (по отдельности и в различных сочетаниях), а также частотность различных окончаний.

Приведем пример использования базы. Предположим, мы хотим сравнить дательный и предложный падежи. Из базы можно узнать, что в целом предложный примерно в два раза частотней дательного, однако их соотношение оказывается более сложным, если учитывать число и/или одушевленность. Так, дательный частотней предложного у одушевленных существительных, особенно в единственном числе. Теперь представим, что нас интересует морфологическая неоднозначность. Во втором склонении у форм дательного и предложного падежа в единственном совпадает

окончание (-e). Используя базу данных, мы можем проверить, совпадает ли распределение форм единственного числа между дательным и предложным падежом во втором склонении с распределением всех таких форм в целом. Также мы можем, например, посмотреть распределение всех форм на -e между различными падежами (это окончание свойственно дательному падежу только во втором склонении, а предложному — также в первом) или узнать, насколько характерно то или иное окончание для определенной формы (т. е. какой процент форм в определенном числе и падеже имеет то или иное окончание).

Чалей Ольга Валерьевна,

ст. преп., Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

Синонимия в когнитивном аспекте

(на примере английских прилагательных *tasty* и *delicious*)

В рамках когнитивного подхода мы рассматриваем в качестве примера синонимичные отношения двух английских прилагательных **tasty** и **delicious**. Когнитивный подход к синонимии предполагает изучение синонимических средств выражения определенного концепта. Синонимы, выступая средством языковой объективации концепта, показывают, какие когнитивные признаки мышления наивный носитель языка считает важными для дифференцированной номинации. Семантическая близость синонимов проявляется в том, что они имеют общий лексико-семантический признак вкуса. В процессе анализа семантической структуры прилагательных обнаруживается также способность передавать признаки концептов «полезности», «удовольствия». В данной работе проводится анализ различных примеров употребления прилагательных **tasty** и **delicious** на основе опроса информантов-носителей английского языка. Так, например, информанты оценивают положительно оба словосочетания **tasty food** и **delicious food** в предъявленных примерах. Однако *tasty* передает информацию о том, что еда в целом визуально воспринимается как еда хорошего качества; доставляет удовольствие, вызывает желание взять добавку. Одновременно с этой информацией **tasty** акцентирует внимание на том, что эта еда не является полезной для организма человека. В отличие от прилагательного **tasty** его синоним **delicious** передает только положительную информацию о вкусовом признаке. Носители английского языка ирландского происхождения выявили более глубокое различие между этими синонимами. Они считают, что **tasty** относится к некому объективному качеству, признаку предмета. Следовательно, его значение можно определить как: приятный на вкус, аппетитный. По их мнению, *delicious* выражает субъективную оценку вкусовых ощущений: восхитительный (вкус); доставляющий большое удовольствие или наслаждение. Дальнейшее изучение различных способов отражения в семантике слова когнитивных аспектов восприятия вкуса сможет приоткрыть «тайну» лексического значения слова.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Гулида Виктория Борисовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Как повысить престиж малого языка: удачный опыт Уэльса

Большим препятствием на пути к сохранению малых языков, а вместе с ними к сохранению языкового богатства в мире, является их низкий престиж по сравнению с «большими» доминантными языками. Хотя объективные обстоятельства существования малого языка, как правило, способствуют снижению его престижа из-за меньших возможностей его использования в современной трудовой деятельности, меньшей информационной ценности, отношение носителей к языку не является автоматическим следствием объективных обстоятельств. Бывают в современном мире ситуации, когда верность своему малому языку сохраняет и даже расширяет сферу его использования. Валлийский язык известен своим удачным движением в этом направлении, поэтому изучение валлийского опыта, в котором большая часть успеха определяется не столько языковой политикой государства, сколько активностью рядовых профессионалов сообщества, их изобретательностью в формах вовлечения в деятельность, связанную с языком, детей, их родителей, взрослых с их особыми «заказами» и содержательной стороны обучения, является актуальным. Элементы общественного и идеологического фона в Великобритании и мире, работающие на эту же цель, также входят в предмет исследования. Фестиваль, привязанный к древней кельтской традиции Eisteddfod, является кульминацией целой серии малых фестивалей по всему Уэльсу, которые проводят отбор победителей в каждом жанре выступлений, задействуя, таким образом, пяти-шестикратное количество участников главного события. Учитывая, что все выступления — речевые и музыкальные — проходят на валлийском языке, и событие это ежегодное, факт формирования устойчивой языковой практики очевиден. Концерты, проходящие в главном шатре, подаются торжественно, а церемонии награждения Поэта года, Хора года, лучшего музыканта приобщают участников и гостей фестиваля к исторической вертикали, придают им ценности в собственных глазах, и, конечно, повышают престиж языка.

Едиханов Искандер Жамилович,

к. ф. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Особенности формирования татарского дискурса мобильной связи

Последние десятилетия ознаменовались бурным развитием средств и способов передачи информации. Сегодня никого не удивляет возможность получить нужные сведения из интернета на сотовый телефон или карманный компьютер, отправить e-mail или просто пообщаться в чате, находясь в любой точке действия сотовой сети. Сотовая и спутниковая связь, спутниковое телевидение, информационные сети и компьютеры — вот основной,

но далеко не полный список технологий, обеспечивающих человеку доступ к информации в любой точке земного шара.

Целью данного доклада является выявление особенностей формирования и функционирования татарского дискурса мобильной связи. Формирование данного дискурса происходит непосредственно под влиянием русского языка, поскольку основным способом является перевод текстов соответствующей тематики на татарский язык.

Татарские терминологические единицы мобильных средств связи ранее не являлись объектом исследований, поэтому целостная картина терминологии данного подъязыка, учитывающая все многообразие данного явления, находится еще в стадии становления. Некоторые термины исследуемого подъязыка не имеют устоявшихся татарских эквивалентов и в последующем могут уточняться по мере стандартизации терминологии.

Описание способов терминообразования мобильных средств связи при сравнении с другими смежными, как с еще неизученными терминосистемами компьютерных телекоммуникаций и защиты информации, так и с другими, уже подвергшимися комплексному изучению, может служить для создания сравнительно-сопоставительной типологии терминообразования различных подъязыков науки и техники в целях выявления их общих закономерностей и различий. Выявленные закономерности в формировании и функционировании терминов мобильных средств связи в связи с развитием данной отрасли науки и техники позволят решить вопрос о взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов.

Формирующийся дискурс способствует расширению сферы функционирования татарского языка.

Иванченко Наталья Яковлевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Языковая политика ЕС: многоязычие и *lingua franca*

Европа известна своим языковым разнообразием: в Евросоюзе 23 официальных языка и более 60 региональных языков коренного населения. Языковая политика ЕС нацелена на сохранение языкового многообразия общества и благоприятствование овладению гражданами ЕС иностранными языками. В 2002 г. на саммите ЕС в Барселоне было принято решение о внедрении в образовательные системы стран-членов принципа «родной язык плюс два иностранных» и «индикатора лингвистической компетентности», который предусматривает изучение как минимум двух иностранных языков с раннего возраста в учреждениях школьного, университетского и профессионально-технического образования ЕС. Кроме того, разрабатывается модель европейской практики использования языка в международных, внутринациональных и региональных контекстах. Практически речь идет о *lingua franca*. В средневековой Европе языком международного общения был латинский, и он преподавался в школах как второй язык. В наше время в многоязычной Европе функцию *lingua franca* де-факто выполняет английский язык. Это касается не только различных отраслей науки, технологии и международной

торговли. По данным опроса 2012 г., во всех странах ЕС (кроме Люксембурга, Великобритании и Ирландии), именно английский язык был назван наиболее важным иностранным языком для личностного развития и карьеры. Возникнув в условиях европейской полигlossии, английский *lingua franca* является неотъемлемой частью лингвистического репертуара огромного числа жителей ЕС. Однако перспектива доминирования английского языка в коммуникации сообщества вызывает настороженность европейских интеллектуалов. В качестве меры по сохранению культурного наследия Европы говорится о необходимости поощрять изучение гражданами ЕС второго языка, не являющегося языком международного общения. Этот язык должен быть близким к родному. Фактически вводится концепция второго родного языка, изучение которого должно сопровождаться изучением истории, культуры и литературы народа — носителя этого языка.

Марусенко Михаил Александрович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Глобализация и национальные языки

Мировая система языков в эпоху глобализации подвергается существенным изменениям, которые, несомненно, должны определять планирование, формы и содержание подготовки переводчиков. Термин *глобализация* (здесь и далее курсив мой — М. М.) обозначает два понятия, которые часто смешиваются друг с другом. Первое — действительная глобализация — «есть осуществляющийся в реальности процесс навязывания всем странам и государствам мира западного экономического, политического, культурного, технологического и информационного кода» [Дугин, 2007]. Эта глобализация осуществляется странами, в которых проживает золотой миллиард, направлена на укрепление их господства и представляет собой форму *нового колониализма*. Народы и государства утрачивают при этом свой суверенитет и либо встраиваются в глобальную мировую систему, либо становятся отверженными, странами-париями, осью зла. Второе понятие — *потенциальная глобализация* — чисто теоретический проект, поддерживаемый гуманитарными кругами развитых стран. Она предполагает развитие диалога культур и цивилизаций после разрушения прежней двуполярной модели, причем она предполагает не навязывание Западом своей ценностной модели всем остальным странам, а интенсивный обмен опытом и диалог разных субъектов.

Мощева Светлана Васильевна,

к. ф. н., доц., Ивановский государственный химико-технологический университет

Рекламное имя — от аттракции до персуазивности

На сегодняшний день реклама является одним из важнейших компонентов массовой культуры, мощным средством воздействия на аудиторию, а рекламный язык — это действенный рычаг такого воздействия. По утверждению исследователей, реклама не создает новых ценностей, а использует

сформированные в обществе социальные стандарты и стереотипы. В свою очередь рекламное имя должно соответствовать определенным требованиям. Наиболее значимыми можно считать лаконичность, информативность, побудительность, доказательность, убедительность и оригинальность, которые реализуются за счет использования экспрессивных средств языка. Экспрессивность в рекламном творчестве на языковом уровне проявляется в игре с многозначностью слов и со словообразованием, использованием стилистических тропов; релевантными могут оказаться лексические заимствования, различные коммуникативные типы предложений, фонетическое оформление слова/высказывания, а также возможности каллиграфии и графики, шрифтовая вариативность, графическая образность. Область нашего анализа охватывает вопросы, связанные со способами максимального эффекта воздействия на адресата речи, т. е. с категорией персуазивности. Персуазивность представляет собой коммуникативное воздействие адресанта на установку, мнение, суждение реципиента посредством коммуникативных стратегий убеждения. Поскольку персуазивность связана с категориями убеждения и суггестии, следовательно, должна рассматриваться в рамках манипулятивного дискурса, каким и является дискурс массмедиа. Коммуникативная интенция представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего, мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового выражения в высказываниях.

Новожилова Ксения Ростиславовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Языковые характеристики разговорного образованного социолекта (*Gebildete Umgangssprache*) в письмах И. В. Гёте

1. В Германии окончательное становление национального языка и литературы относится к XVIII — началу XIX в., когда в литературе происходит энергичное развитие жанров и стилей, а язык, преодолевая диалектную раздробленность, приходит к единой наддиалектной норме.
2. Наряду с формированием норм письменного языка, в это же время развивается демократическая тенденция к сближению устного и письменного вариантов немецкого языка, которая реализуется в речи образованного общественного слоя (*Gebildete Umgangssprache*).
3. Образованный разговорный социолект является одной из разновидностей литературной нормы национального языка, которая имеет устный и письменный варианты, а также разговорный и книжный регистры.
4. Разговорный образованный социолект имеет также устный и письменный варианты, причем письменный вариант нормы основан на синтезе книжных и разговорных языковых элементов литературной нормы, так что в нем сочетаются подготовленность как основное свойство книжной речи и неофициальность как основное свойство речи разговорной.
5. Переписка И. В. Гёте представляет собой пример письменного варианта разговорного социолекта, который был распространен в образованных

кругах немецкого общества XVIII—XIX вв. Этот социолект имеет как самостоятельное социолингвистическое, так и историко-литературное значение, т. к. он лежит в основе повествовательной нормы классической немецкой литературы.

6. Оба релевантные свойства разговорного образованного социолекта — подготовленность и неофициальность — по-разному проявляются в текстах писем в зависимости от содержания, сосредоточенного либо на бытовых фактах, либо на впечатлениях и размышлениях, либо на вопросах литературного творчества.
7. Говоря о неофициальности как одном из двух основных релевантных свойств, идущего от ситуации устного общения, следует разграничивать языковые формы, специфические для жанра письма, и формы, которые специфичны для разговорной речи вообще.

Разумова Лина Васильевна,

к. ф. н., доц., Забайкальский государственный университет (Чита)

Активные языковые процессы

в разговорном французском Квебека в XIX в.

Положение о том, что в процессе своего исторического развития и в связи со становлением литературного языка разговорный идиом все более отделяется от своей диалектной основы и приближается к литературной форме языка, нашло широкое признание в среде отечественных и пражских лингвистов. Анализ развития разговорного идиома квебекского варианта ФЯ в XIX в. свидетельствует об его обратном движении, в сторону все большей своей регионализации. На социальном уровне это связано как с ситуацией миноризации, в которой оказался ФЯ на американском континенте, так и с мифологизированным, сакрализированным отношением квебекских франкофонов к своей литературной форме французского языка. Слабое взаимодействие литературного языка с живой народной речью, его невключенность в живые процессы языкового развития способствует все большему восприятию литературного языка как искусственного, оторванного от жизни и приводит постепенно к увеличению фонетических и структурно-морфологических расхождений между консервативным литературным языком и развивающимся разговорным идиомом. Опора квебекского разговорного языка на диалекты, профессиональные арго и английский язык способствует еще большему его удалению от литературной формы языка. Специфика развития разговорного идиома ФЯ в Канаде в XIX в. видится нам в своеобразном «возврате» к диалектам, а точнее, к их языковому потенциалу. Это приводит к усилению региональных компонентов в структуре разговорной формы этого варианта ФЯ, а также к широкому включению в процесс его развития английского языка и профессиональных арго. На языковом уровне именно эти активные языковые процессы в системе развития квебекского разговорного являются определяющими в углублении диглосной ситуации в Квебеке. Предполагается детальное рассмотрение этих процессов с опорой на анализ квебекских лексикографических работ XIX в.

Репина Татьяна Юрьевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Развитие межкультурной компетенции в университетском курсе английского языка

Включение межкультурной компетенции в перечень основных компетенций подготовки бакалавра объясняется общемировой тенденцией расширения контактов практически во всех областях личной, профессиональной и академической жизни. Глобализация мирового сообщества и многонациональный состав государств порождают потребность в языках межнационального общения, максимально свободных от социокультурной специфики, для обеспечения практической деятельности и эффективной интернациональной коммуникации. Лидером среди языков международного общения является английский. Многие страны включают его в программу школьной подготовки и устанавливают обязательный минимум владения при поступлении на работу и в университет.

Одновременно актуализируется связь языка и культуры, национальной самоидентификации личности, приходит понимание необходимости учитывать экстралингвистические факторы, изучать дискурс. Получают поддержку языки малых народов и меньшинств, а многоязычие становится залогом успешности в современном поликультурном мире.

В методике преподавания языка в России традиционно приоритетной дидактической задачей было изучение языковой системы. В итоге освоение речевой нормы и узуса, навыков речевой деятельности уходило на второй план. Причины такого подхода были разные, но результаты показывают, что знание языковой системы не обеспечивает умение понимать собеседника и строить полноценное общение.

В условиях поликультурного общества необходимо учиться взаимопониманию, поэтому формирование социокультурной и межкультурной компетентностей вошло в новый образовательный стандарт российского образования. Цели и задачи подготовки студентов были приведены в соответствие с общеевропейскими стандартами. Рамки культурологической подготовки расширяются, привлекаются знания, связанные с разнообразием культур и языков, прежде всего ближайших соседей и потенциальных партнеров.

О проблемах и опыте развития межкультурной компетенции при изучении английского языка поговорим подробнее.

Ружановская Мария Валериевна,

асп., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Полилингвизм Алжира

1. Феномен полилингвизма. Основные языки (языковые группы) Алжира: берберский, арабский и французский.
2. Берберские языки — субстрат, заметно повлиявший на алжирский диалект арабского языка.

3. Мультигlossия (многослойная дигlossия) арабского языка в Алжире.
4. Французский — самый простой язык для общения между представителями разных стран Магриба.
5. Существование франко-арабского сабира. «Код-свитчинг».
6. Законодательная база функционирования языков в Алжире: Конституция, Закон об ориентации национального образования. Место французского языка в законах Алжира.
7. Тенденции развития языков в Алжире.

Сяо Цзинъюй,

PhD, проф., Университет им. Сунь Ятсена (Китай)

Сопоставление этнолингвистических политик РФ и КНР — изучение с точки зрения социолингвистики

Язык как носитель и маркер этнической культуры играет ключевую роль в жизни любых народов. Языковые проблемы являются одним из наиболее чувствительных аспектов этнополитических отношений. Они непосредственно связаны с равенством, солидарностью, сосуществованием и соразвитием национальностей, с регулированием межнациональных отношений. Просчеты и неудачи в языковой политике приводят к межнациональным конфликтам.

1. Роль языковой политики в сохранении и развитии языка.

Под языковой политикой в лингвистической литературе понимается «совокупность мер, предпринимаемых государством или общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков или языковых подсистем, для введения новых или сохранения старых языковых норм». Очень важно установить ряд позитивных и эффективных законов и других нормативных правовых актов, направленных на сохранение и развитие языка в современном мире.

2. Языковой статус и этнолингвистические политики в РФ(СССР) и КНР.

РФ и КНР — многонациональные страны со сложными языковыми проблемами. Сегодня в вопросах поддержки многообразия языков как условия языковой безопасности, взаимопонимания и гармонического развития разных народов власти РФ и КНР руководствуются положениями своих конституций. Однако сравнение с позиций нетрадиционных аспектов безопасности обнаруживает различия языковых ситуаций и языковой политики в каждой из стран.

3. Размышление о сопоставлении этнолингвистических политик РФ и КНР.

Степень восприятия этносом нового языка или сохранения оригинального зависит от плотности населения, влияния культуры, развития экономики и внешних связей. В настоящее время социальное развитие пока не достигло той степени, чтобы окончательно аннулировать существующие национальные языки в каждой из стран. И необходимо, чтобы установка и внедрение языковой политики были соответственны объективным закономерностям развития нынешнего общества и языка.

Черноусова Анастасия Степановна,
к. ф. н., доц., Пермская государственная академия искусства и культуры

Моделирование образа города (по материалам ассоциативного эксперимента)

Сегодня проблема образа города приобретает все большую и большую актуальность. Это связано с тем, что современное российское общество сталкивается с глубокими изменениями основ жизнедеятельности, на которые активно влияет окружающая среда. В этой связи необходимо постоянно заниматься поиском решений, обеспечивающих формирование определенного образа среды с последующей целью влияния на данный образ.

Город представляет собой пласт ментальностей (этнической, национальной, индивидуальной, групповой, цивилизационной). Ментальное пространство города — это пространство личных переживаний, в котором проявляется ценностное отношение к окружающему, описываемое через категорию «образ города» (целостная модель, живущая в сознании человека). Данную модель мы предполагаем создать с помощью слов-ассоциаций, которые будут получены от жителей города как реакции на стимул — название города.

Способом сбора материала, обеспечивающим методическую базу наших исследований, выступает ассоциативный эксперимент.

В течение двух лет (2011, 2012 гг.) был проведен ряд свободных ассоциативных экспериментов, нацеленных на сбор информации о реальных составляющих образов городов Пермского края в наивном сознании горожан. Для исследования были выбраны города Пермского края *Кунгур*, *Оса* и *Чернушка*. Эксперимент проводился в письменной форме. Испытуемым предлагалась анкета, состоящая из социологической части (указывается год рождения, место рождения, образование, профессия, пол) и собственно лингвистической с заданием: «Назовите 5 слов и выражений, которые первыми приходят в голову, когда Вы слышите слово «___» (далее — название города — *Кунгур/Оса/Чернушка*). Ассоциации, полученные в ходе экспериментов, были организованы в 5 тематических групп (ТГ): 1) **Моя Родина**; 2) **Культура**; 3) **Промышленность города**; 4) **География и природные условия**; 5) Оценка **облика горожан**.

На основе тематических групп построено ассоциативное поле образа каждого города и дан сравнительный анализ экспериментальных данных данных.

УРАЛИСТИКА

Kokkonen Paula,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Парные глаголы в коми языке — обзор классификации и употребления

Парные глаголы, относящиеся к составным глагольным конструкциям — комбинациям, образованным из двух или более глаголов, — присутствуют в большом количестве, прежде всего, в пермских языках, но также

и в мордовском языке. Хотя союзная сочинительная связь — с употреблением поздних и часто заимствованных союзов — и возможна, известно, что для многих финно-угорских языков характерно не только субстантивное, но и глагольное бессоюие.

Издавна грамматики коми языка давали сведения о двухкомпонентных глаголах (парных глаголах), а новейшая грамматика коми языка (2000 г.) сообщает, что и трехкомпонентный глагол является возможным.

В коми языке компоненты конструкции, образованной парными глаголами, могут быть по своему значению синонимами или почти синонимами; конструкция выражает в таком случае результативность. Сочетаться могут также антонимичные личные глаголы. Один компонент парного глагола, образованного из двух самостоятельных глаголов, может выражать основное действие, а второй — действие, следующее сразу за основным действием или происходящее с ним одновременно, а также силу действия, степень или интенсивность. Обе части конструкции, образованной парным глаголом, обладают лексическим значением, и эти части стоят в одинаковой личной форме и находятся по отношению друг к другу в сочинительной связи.

При семантическом анализе парных глаголов возможно применение эмергентного метода, при котором парный глагол является чем-то другим или чем-то бóльшим, нежели сумма его компонентов. Те парные глаголы коми языка, оба компонента которых выражают самостоятельное, одновременно происходящее действие, образуют такую синтаксическую единицу. Первый компонент парного глагола может быть дескриптивным или ономатопеическим глаголом, а второй — так называемым основным глаголом, т. е. более нейтральным глаголом в конструкции, тоновым фоном. Такая конструкция напоминает колоративную конструкцию финского языка.

Берн Анна Андреевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о финской коммуникативной культуре

В докладе рассматриваются особенности финской коммуникативной культуры на примерах административного и делового типов институционального дискурса. Следующие стратегии позволяют защитить лицо говорящего и слушающего: вывод слушающего и говорящего из дискурса, представление обязательности некоторого действия как практической или нормативной необходимости, деконкретизация запроса информации, снижение уверенности в возможности представляемого положения дел. Для наиболее импозитивных ситуаций характерно употребление неопределенно-личных конструкций с глаголом в форме условно-желательного наклонения. Большое значение имеет использование модальных глаголов в вопросительных конструкциях. Перечисленные способы характерны для выражения негативной вежливости или вежливости дистанцирования. К средствам сближения говорящего и слушающего можно отнести использование частиц-клитиков, снижающих формальность высказывания, апеллирующих к общему фонду знаний говорящего и слушающего; употребление

пассивного залога в некоторых ситуациях. Для носителя финского языка важно определить точность предоставляемой информации и маркировать степень собственной уверенности и компетентностной достаточности.

Братчикова Надежда Станиславовна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ранние грамматики и словари финского языка

Ранние грамматики финского языка создавались наподобие грамматики латинского языка. Однако при ее большей калькированности авторы грамматик финского языка отмечали своеобразные черты фонетического и грамматического строя языка, в частности отсутствие грамматического рода, употребление падежных слов там, где в других языках требуются предложные обороты. В истории языка известна одна из наиболее достоверных книг о финском языке — грамматика Кругеруса (1640). Затем появились более зрелые грамматические труды, среди которых стоит упомянуть грамматику Корандера (1845), Эурена (1846, 1849), «Синтаксис финского языка» Ю. Коскинена (1860), труд «Фонетика и морфология финского языка» Генетца (1881) и «Синтаксис финского языка» (1880), книгу «Финская грамматика. Фонетика. Лексикология» Сетяля (1898). В рассматриваемый период наиболее интересным является этап так называемой борьбы диалектов. Споры вокруг диалектов применительно к развитию литературного языка длились два десятилетия, пока не завершились укреплением прежнего грамматического строя языка и существенным расширением его диалектной базы, укреплением связи с народно-разговорной речью. Возник «новофинский» литературный язык. Особую роль в нормализации языка сыграл словарь Ренвалля (1826) и литературная деятельность Леннрота.

Герасимова Дина Васильевна,

к. ф. н., проф., Югорский государственный университет

Проблемы перевода мансийских фольклорных текстов

Переводы с мансийского языка на русский и с русского на мансийский начались в XVIII веке. Первыми были переводы Евангелий от Марка и Матфея на мансийский язык (кондинский диалект). В работе А. Альквиста имеются переводы этих евангелистских текстов, переводы молитвы «Отче наш» и 10 заповедей. Но эти материалы не были востребованы, так как был сделан перевод буквальный (подстрочный), из-за этого содержание текстов было полностью искажено, в силу чего оно не было понятно носителям языка. В XIX—XX веках переводческую деятельность продолжили венгерские и финские ученые А. Регули, Б. Мункачи, А. Каннисто, которые собрали богатейший фольклорный материал по всем тогда существующим диалектам вогульского языка. Переводы фольклорных текстов были сделаны Б. Мункачи на венгерский язык, А. Каннисто на немецкий. Переводы, выполненные Б. Мункачи, достаточно точные, т. к. были сделаны на близко

родственный венгерский язык. Что касается переводов А. Каннисто, то они более сложные и неточные, так как немецкий язык относится к иной языковой группе и иной культурологической составляющей. Интенсивные переводы на мансийский язык и с мансийского на русский начались с начала 30-х гг. XX в., тогда, когда была создана письменность для народа манси. Переводами занимались: В. Н. Чернецов, А. Н. Баландин. С 50-х гг. XX в. к ним присоединяются студенты Института народов Севера — носители родного языка: Е. И. Ромбандеева, М. П. Вахрушева, Е. А. Кузакова, Е. Монин, А. Зырин, Н. Садомин, П. Чейметов и другие. В настоящее время работу над переводами Б. Мункачи осуществляют: Е. И. Ромбандеева, Д. В. Герасимова и д-р Корманеш Андраш, С. С. Динисламова. Над переводами фольклорных записей А. Каннисто работают в Новосибирске. Наиболее сложным является перевод фольклорных текстов, так как он сложнее обычного по композиции, поэтике, структуре, стилистике, функциональному назначению, фонологии и т. д. При переводе с одного языка на другой следует учитывать принцип эквивалентности.

Зайцева Нина Григорьевна,

д. ф. н., зав. отд., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Языковые явления как объект картографирования
(на материале вепсского языка)

Петрозаводская прибалтийско-финская лингвистическая школа планомерно занимается научным исследованием и сбором материала по прибалтийско-финским языкам. В Фонограммархиве Института ЯЛИ хранится более 1000 часов фонозаписей карельской, вепсской, финской, саамской, ижорской речи, которые являются бесценным материалом для исследователей, интересы которых находятся в области ареальной лингвистики. Картографирование диалектных явлений, в свою очередь, тесно связано с созданием диалектологических атласов. Вепсский диалектный материал отчасти представлен на картах Лингвистического атласа Европы и более широко — в трехтомном Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков, опубликованном в начале 2000-х гг. Карты атласа свидетельствуют о том, что вепсский язык всегда находился на периферии прибалтийско-финского региона и отдельные инновации фонетического, грамматического, лексического характера в нем не представлены. Однако многие карты атласа показывают, что вепсский язык, с одной стороны, по основным параметрам входит в единую прибалтийско-финскую семью, с другой стороны, как иллюстрирует сбор диалектного материала для Лингвистического атласа вепсского языка, осуществленный в последнее время при поддержке РГНФ (проект 12-04-00081; 2012—2014 гг.), во многих случаях в языке представлены самостоятельные языковые единицы разного характера, которые проливают свет на формирование вепсских диалектных регионов. Лингвистический атлас вепсского языка, работа над созданием которого ведется в настоящее время, даст возможность более основательно разобраться во многих проблемах формирования вепсских диалектных ареалов.

Ковалева Светлана Викторовна,
к. ф. н., н. с., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Люди́ковское наречие карельского языка: проблемы ревитализации

Доклад посвящен современной социолингвистической ситуации, сложившейся с люди́ковским наречием, — одним из трех основных наречий карельского языка. Карелы-люди́ки — одно из подразделений карельского этноса, сформировавшееся в западном Обонежье из двух этнических и языковых компонентов — собственно карельского и вепсского, видимо, к XVIII в. При этом сплав двух названных компонентов происходил на разных участках люди́ковской территории неравномерно. Очагами концентрации карелов-люди́ков были Михайловское, Святозеро, Пряжа, Виданы, Спасская губа, Юркостров. Петрозаводск и Кондопога возникли на исторической люди́ковской территории. Своеобразная этнолокальная группа карелов — люди́ки и ее этнокультурные традиции зафиксированы и изучены чрезвычайно фрагментарно.

До сих пор у исследователей нет единства в подходах к языку люди́ков. В то время как российская наука считает люди́ковский наречием карельского языка, финляндская нередко называет его самостоятельным образованием в группе прибалтийско-финских языков. Угроза исчезновения языка люди́ков стоит весьма остро. По неофициальным оценочным данным, карелов-люди́ков осталось не более 5000 человек, а носителей языка — 300—500. Процессы ревитализации карельского языка, начавшиеся более двадцати лет назад, практически не затронули люди́ковского наречия. Письменность на люди́ковском наречии к настоящему времени развития не получила. Карельская общественность поднимает вопрос об утверждении люди́ковского алфавита и организации преподавания люди́ковского наречия, однако в силу ряда объективных причин будущее письменного люди́ковского языка проблематично.

Колпакова Наталия Николаевна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Якименко Оксана Аркадьевна,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Венгерский язык и литература Венгрии и зарубежья

1. Венгерский язык как самостоятельный живет и развивается на протяжении трех тысячелетий. Последнюю тысячу лет венгры живут на территории современной Венгрии, которую они начали заселять в конце IX века. С тех пор, живя в центре Европы, венгры сохраняют свой язык как символ национального единства. Однако сейчас из приблизительно 14 млн венгров только 10 млн живут в Венгрии, а менее чем 2,5 млн — в сопредельных государствах (в Румынии, Словакии, Сербии, Украине, Хорватии, Словении, Австрии). Прежде всего в этих странах

(но не только в них) получили развитие варианты венгерского языка и венгерская литература зарубежья.

2. Венгерский язык как национальный язык Венгрии преподается в качестве специальности на кафедре финно-угорской филологии СПбГУ с 1946 года. Однако в связи с геополитическими изменениями в Центральной и Восточной Европе, все более актуальным становится включение в учебный план спецкурсов абсолютно новой тематики, причем не только для студентов венгерского отделения. Ярким примером этого явился опыт разработки материалов и преподавания по программе спецкурса «Словацко-венгерское двуязычие Придунайской области».
3. Существование венгерского языка одновременно и как национального (в Венгрии), и как языка меньшинств в странах, граничащих с Венгрией, привело в XX в. к формированию т. н. «литературы венгерского зарубежья». Влияние иных национальных традиций и, одновременно, стремление сохранить венгерскую идентичность наложили отпечаток на творчество венгерских писателей Трансильвании, Словакии, Сербии, Закарпатья. Корпус литературы венгерского зарубежья традиционно не рассматривался в университетском курсе венгерской литературы, однако сейчас уже можно говорить не только о существующей своеобразной литературной традиции со своими классиками, течениями, «любимыми» жанрами, но и о влиянии этой традиции на «внутривенгерскую» литературу и культуру. Поэтому сейчас на кафедре финно-угорской филологии создается спецкурс «Литература венгерского зарубежья».

Костина Галина Владимировна,

к. ф. н., зав. отд., Петрозаводский государственный университет, Кольский филиал

Финно-угорские топонимы Кольского Севера

История освоения Кольского полуострова началась около восьми тысяч лет назад, когда в результате потепления климата исчез покрывавший землю ледник. Коренными жителями Кольского полуострова являются саамы. Долгое время саамы были основными обитателями Мурмана, что наложило отпечаток на топонимику края. Все топонимы имеют саамское, русское, карельское, финское, ненецкое происхождение. Но наиболее ясно прослеживаются два топонимических пласта: ранний — саамский и значительно более поздний — русский. Основным местом жительства саамов в России является Ловозерский район. В районе проживают более половины малочисленных народностей Севера Мурманской области — саамов и коми. Саамы оживили местный ландшафт названиями, отличающимися особой географической точностью. Из саамских терминов к Кировско-Апатитскому району Мурманской области относятся Хибины, Имандра. В понятие «Хибины» саамы включают Хибины Умбозерские (Хибинские тундры) и Хибины Ловозерские (Ловозерские тундры). Они ввели в обиход название «Хибины» как понятие горной страны, сильно расчлененной, со сквозными долинами, цирками, с плоскими вершинами и снежными перелетками. Термином «Имандра» саамы называют большие озера

с извилистой береговой линией, со множеством островов и с заливами, имеющими параллельную ориентировку, очевидно, ледникового происхождения. С названием «Имандра» связаны четыре крупных водоема: оз. Имандра, разделяющееся на Большую, Екостровскую и Бабинскую Имандры, оз. Энаре, находящееся на территории Финляндии и называвшееся в XVII в. Верхней Имандрой (озеро у Хибинских гор было Нижней Имандрой), Ковдозеро и Енозеро. Последние два, как «Имандра», сохранились лишь в легендах. Саамские названия подвергались в различных частях полуострова русской, ижемской, карельской и финской ассимиляции. Ассимиляция саамских названий зависела и от времени, и от интенсивности, и от продолжительности заселения края [Мужиков, 1996].

Муковская Лариса Юрьевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Загорина Светлана Петровна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Синтаксические особенности глаголов

непосредственного восприятия в финно-угорских языках

Глаголы непосредственного восприятия в венгерском, финском и эстонском языках образуют большую группу слов, отличающихся семантически, морфологическими и синтаксическими особенностями.

Синтаксическое своеобразие проявляется в первую очередь в оформлении зависимых от глагола слов и конструкций: существительных, местоимений и глагольных форм.

Зависимое существительное или местоимение имеет форму одного из локативных падежей (непрямой объект) или форму партитива/аккузатива (прямой объект).

Если в качестве объекта при главном глаголе — глаголе непосредственного восприятия — представлено другое действие или ситуация, то возможно оформление зависимого действия/ситуации одним из трех способов в каждом из трех языков: 1) зависимое действие представлено как отглагольное существительное; 2) зависимое действие представлено как инфинитная форма глагола; 3) зависимое действие представлено как сказуемое придаточного предложения. Зависимое отглагольное существительное оформляется по правилам глагольного управления. Зависимая инфинитная форма в венгерском языке — инфинитив с показателем *-ni*, в эстонском языке — инфинитивная форма с показателем *-mas*, в финском языке — инфинитивная форма с показателем *-massa/-mässä*. В эстонском языке зависимая глагольная форма может оформляться показателем *-vat*, в финском языке — показателями *-van/-væn* либо *-neen*.

Выбор между зависимым отглагольным существительным, зависимой инфинитной формой и зависимой финитной формой глагола-сказуемого придаточного предложения определяет иногда целый комплекс факторов: таксисные, модальные и субъектно-субъектные (исполнитель главного действия и исполнитель зависимого действия) отношения.

Проводимый анализ конструкций с глаголами непосредственного восприятия в пределах простого предложения включает и характеристику порядка слов в предложении (для венгерского, финского, эстонского языков) и употребление артикля (для венгерского языка).

Мызников Сергей Алексеевич,

д. ф. н., зав. отд., Институт лингвистических исследований РАН

Вепсские этимологии в финно-угорском
и славянском контекстах

Этимологическое прочтение лексики вепсского языка чаще всего предлагалось в контексте родственных прибалтийско-финских языков. Однако лексический состав вепсского языка весьма неоднороден. Наряду с поздними русизмами в нем присутствует лексика, заимствованная в более ранние периоды контактов.

В докладе предлагается анализ некоторых единиц, этимологическое прочтение которых не является однозначным.

Новак Ирина Петровна,

к. ф. н., м. н. с., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Палатализация в тверском наречии карельского языка

История формирования тверского наречия карельского языка связана с переселением карел с исторической родины (Карельский перешеек) на территорию Центральной России в период русско-шведского военного противостояния XIV—XVIII вв. Период расцвета карельского языка и культуры на тверской земле приходится на первую треть XX в. В 1931 г. на основе толмачевского диалекта был создан и развивался вплоть до 1939 г. литературный язык. Возрождение карельской письменности было начато в 1990 г., работа продолжается по сей день.

Одним из сложных фонетических вопросов, с которым приходится сталкиваться составителям учебных пособий и литературным деятелям, оказалось явление палатализации (смягчение согласных *d, l, n, r, s, z, t*, обозначаемое на письме апострофом *'*). В карельском языке палатализация может являться дифференциальным признаком, т. е. обладать фонематической значимостью (в положении перед гласными заднего ряда, в конце слова). Чаще же она возможна как позиционное фонетическое явление (в положении перед гласными переднего ряда). Если в первом случае употребление знака апострофа на письме не вызывает сомнения, то во втором он часто опускается с целью избежания перегруженности текста, что, в свою очередь, порождает проблемы произношения у читателей, недостаточно хорошо владеющих языком.

Проанализировав все возможные позиции, автор предлагает опускать апострофы в позиции перед гласными *ä, ö, y*, в подавляющем большинстве случаев вызывающими смягчение согласных. Выведенные правила палатализации согласных в положении перед гласными *i, e*, представленными

в языке переднерядными и заднерядными аллофонами, сопровождаются большим числом исключений, поэтому предлагается нормировать постановку знака апострофа в данной позиции.

Пилипенко Глеб Петрович,

к. ф. н., н. с., Институт славяноведения РАН

Венгры в словенском Прекмурье

Венгерская диаспора в Прекмурье (Словения), одна из самых малочисленных среди венгров зарубежья (*határon túli magyarok*), насчитывает по разным оценкам от 5000 до 7000 человек. Венгры проживают компактно вдоль словенско-венгерской границы в общинах Лендава, Добровник и Ходош, в которых венгерский язык имеет официальный статус. В докладе рассматриваются диалектологические и контактологические черты венгерского языка Прекмурья. Материал был получен в результате проведения полевых исследований в общинах Лендава, Добровник и Ходош (2010, 2012, 2013 гг.). Особенности местного варианта венгерского языка являются: отпадение конечных согласных в падежных окончаниях, сокращение долгот, наличие звука *ö* в словах типа *mönök, köll*, функционирование словенских *i*, в меньшей степени, сербо-хорватских заимствований. Словенская речь прекмурских венгров подвержена интерференции со стороны родного языка, напр.: смешение рода существительных, употребление возвратных глаголов. Основная этнодемографическая характеристика венгерской общины на сегодняшний день — ассимиляция, следствием чего является сокращение численности учащихся в венгерских классах. Ассимиляции подвержено больше всего младшее поколение прекмурских венгров, тогда как среди представителей старшего поколения наблюдается другая особенность — слабое владение словенским языком. Для среднего поколения прекмурских венгров характерным является владение сербо-хорватским языком, который использовался как язык межнационального общения во время существования Югославии. Словенцы-прекмурцы среднего и младшего поколения, несмотря на систему школьного образования (двуязычная модель), владеют венгерским языком пассивно, тогда как представители старшего поколения словенцев-прекмурцев сохраняют свидетельства об активном владении венгерским языком в начале XX века.

Пукиш Владимир,

соиск., ОАО АПФ «Фанагория»

Ковалев Дмитрий,

к. ф. н., ст. преп. Школы вина «Энотрия» (Пятигорск), редактор журнала *Simple Wine News*

Винная лексика тюрского происхождения у венгров и терских казаков

Венгерский этнос начал формироваться на Южном Урале. Впоследствии племена венгров перекочевали в междуречье Дона и Днепра, а также на Северный Кавказ, где вступили в контакт с тюркскими племенами хазар

и болгар. Постепенно переместившись в Паннонию, на территорию современной Венгрии, они к началу XI века начали контактировать с местным славянским и валашским населением. Многие лексемы из области земледелия заимствованы венграми именно у славян, однако в тех, что касаются животноводства (что закономерно), но также виноделия и потребления вина (что парадоксально) сохранилось немало именно тюркских заимствований. Это, например, слова *bor* (вино), *csiger* (низкосортное вино), *sergő* (мезга), *csupor* (чаша). Стоит учесть, что ряд хазарских племен под именем кабары (по др. данным — кабардинцы) переселились в Паннонию, где впоследствии вошли в венгерский этнос.

Происхождение культуры виноградарства венгров с территории тюркоязычной Хазарии подтверждается присутствием родственных лексем в говоре жителей Северного Кавказа. Речь идет о терских казаках, живущих на территории современного Северо-Кавказского округа. В речи казаков, традиционно занимающихся виноделием, присутствует немало тюркских терминов, не имеющих прямого родства в языках соседних народов, а также языках других регионов. Это чихирь (низкосортное, молодое вино), чапра (мезга), чапура (чаша) и др. Подобные термины встречаются в работах лексикографов XIX—XX вв. (Даль, Фасмер, Караулов), а также в русской классической литературе, описывающей быт терских казаков (Лермонтов, Толстой). Их употребление в повседневной речи подтверждается современными полевыми исследованиями. Сравнительный анализ этих слов с венгерскими доказывает их общетюркское происхождение и служит одним из доказательств гипотезы о хазарских корнях венгерского и южнороссийского виноградарства и виноделия.

Родионова Александра Павловна,

к. ф. н., н. с., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Pohde, pohd', pohd'u: о некоторых особенностях карельско-людиковской диалектной речи

Карелы-людики проживают в ряде деревень и поселков юго-восточной части Республики Карелия в Олонецком, Пряжинском и Кондопожском районах. Основываясь на особенностях расположения, исследователи традиционно выделяют северно-людиковский (кондопожский), средне-людиковский (мунозерский), южно-людиковский (святозерский) и михайловский диалекты людиковского наречия, имеющие каждый свои языковые особенности. Главной особенностью людиковских говоров является то, что они «генетически восходят к смешанной вепско-карельской речи»: на юге просматривается определенное преобладание вепского компонента, на севере — карельского.

В Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского вепского, саамского языков людиковское наречие карельского языка представляют четыре говора следующих населенных пунктов: Койкара и Галлезеро Кондопожского района, Михайловское Олонецкого района и Святозеро Пряжинского района. На основе анализа можно сделать следующий вывод:

наибольшее количество особенностей людиковского наречия карельского языка представлено в святозерском говоре. На говор с. Михайловского вепсский язык повлиял в наибольшей степени.

Рябина Елена Семеновна,
PhD, Хельсинкский университет

История развития цветообозначений в пермских языках

Теория эволюции цветообозначений была описана американскими учеными Б. Берлином и П. Кеем в 1969 г. По их мнению, во всех языках мира система цветообозначений проходит семь стадий и число основных цветообозначений варьируется от двух до одиннадцати. В пользу исторического развития системы цветообозначений говорят и результаты других исследований. Однако впоследствии открытия Берлина и Кея были критически пересмотрены и дополнены.

В данном докладе будут представлены результаты исследования по пермским языкам: удмуртскому, коми-зырянскому, коми-пермяцкому. Для выявления основных цветообозначений был применен метод полевого исследования, предложенный И. Дэвисом и Г. Корбеттом (1995). Данные по удмуртскому языку были собраны в 2007—2008 гг., по коми-зырянскому — в 2008—2009 гг., по коми-пермяцкому — в 2013 г.

Результаты исследования показывают, что в пермских языках цветообозначения начальных стадий развития имеют общее происхождение. В то время как цветообозначения последних стадий развития отличаются даже в диалектах удмуртского языка.

Сергеева Екатерина Николаевна,
асп., Институт лингвистических исследований РАН

Таксисные конструкции с деепричастиями в коми-зырянском литературном языке

Коми-зырянский язык относится к пермской ветви финно-угорских языков, близок родственен коми-пермяцкому и удмуртскому. Язык является агглютинативным с выраженными чертами флективности.

Таксисные отношения в коми-зырянском литературном языке выражаются по-разному: с помощью конструкций с деепричастиями, временными союзами, послелогами и др.

Пермские языки отличаются разнообразием деепричастий, наиболее богат в этом отношении коми-зырянский. В. И. Лыткин выделяет пять основных групп деепричастий: 1) на -иг со значением одновременности; 2) на -ӧмӧн с характеризующим значением; 3) отрицательное деепричастие на -тӧг, значение противопоставлено предыдущему; 4) на -тӧдз со значением следования; часто означает меру и степень действия; 5) на -мӧн, означает меру и степень действия. О деепричастии предшествования на -мысьт писал

еще М. Кастрен, указывая, что оно, в отличие от на -иг, употребляется и без дополнительных суффиксов и послелогов.

Было проанализировано около 300 страниц выборки художественной литературы на коми-зырянском языке.

Федулов Сергей Васильевич,

к. т. н., Хемапол Нордик

Яков Пахомович Григошин (1888–1938) –
просветитель мордовского народа

Родина Я. П. Григошина, детские годы, учеба, работа учителем, творческая деятельность, научная и преподавательская деятельность, арест по необоснованным обвинениям, реабилитация. Празднование юбилейных дат (120- и 125-летия со дня рождения) на родине в с. Армиево и в Саранске.

Шкураток Юлия Анатольевна,

к. ф. н., ст. преп., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Топонимия Пермского края в современной мифологии

На многочисленных генеалогических, исторических, лингвистических, туристских и пр. ресурсах интернета сегодня как никогда заметен интерес самых разных слоев населения к истории своего региона и его этническому прошлому, родному языку и его истории, к названиям рек, озер, населенных пунктов. Этот интерес зачастую удовлетворяется сочинениями писателей в жанре фэнтези, националистической и неоязыческой мифологией, фолк-истори и пр.

«Переведенные» с искомого языка топонимы нередко служат доказательством древнейшего пребывания данного этноса на спорной территории и его «великого прошлого». Широко распространены в интернете «этимологии» писателя С. Алексеева. В романе «Сокровища Валькирии» он пишет: «„Вишера“ на древнеарийском языке означает „лежащая, вытянувшаяся от солнца“, а „Колва“ могло быть переведено, как „звучащий круг“ либо „круг звенящий“».

Отсутствие специальных знаний не помешали Ш. Хайдарову, бывшему сотруднику Академии наук Таджикистана, выпустить книгу «Следы арийской цивилизации в Прикамье». Информационное агентство «Фергана» пишет: «Авторами предложены гипотезы о том, что ряд топонимов Прикамья (Кунгур, Аспа, Ирень и другие) имеют иранское происхождение. Выход <...> книги о древних и современных связях таджиков и Пермского края имеет большое значение».

Начало XXI в. ознаменовалось интересом к этническому прошлому края и его преломлению через призму идей этнофутуризма. В Пермском крае известна организация «КАМБА», проводящая одноименный фестиваль. Как пишут организаторы проекта, «в названии использовано мифологическое

название уральской реки КАМА, состоящее из двух древних финно-угорских слов: КАМ — человек, шаман и ВА — вода». Между тем Камва нигде не зафиксировано.

Представленный перечень сомнительных работ не является исчерпывающим. Данные процессы в сферу непосредственных научных интересов топонимистов не входят. Очевидно, что при полном невмешательстве научно-образовательной среды сомнительная научная информация будут только упрочивать позиции.

Якименко Оксана Аркадьевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Венгерский язык и литература Венгрии и зарубежья

1. Венгерский язык как самостоятельный живет и развивается на протяжении по крайней мере трех тысячелетий. Из них только последнюю тысячу лет венгры живут на территории современной Венгрии. На протяжении тысячи лет в центре Европы венгры сохраняют свой язык как символ национального единства. Однако история распорядилась так, что сейчас из приблизительно 14 миллионов венгров только десять миллионов живут в Венгрии, а уже менее чем 2,5 миллиона — в сопредельных государствах (в Румынии, Словакии, Сербии, Украине, Хорватии, Словении, Австрии). Прежде всего в этих странах (но не только в них) получили развитие варианты венгерского языка и венгерская литература зарубежья.
2. Венгерский язык как национальный язык Венгрии преподается в качестве специальности на кафедре финно-угорской филологии СПбГУ с 1946 г. Однако в связи со стремительными геополитическими изменениями в Центральной и Восточной Европе (в XX в., и особенно на протяжении более чем двух последних десятилетий), все более актуальным становится не только обновление программ, но и включение в учебный план спецкурсов абсолютно новой тематики, и не только для студентов венгерского отделения. Яркий пример — опыт разработки материалов и преподавания по программе спецкурса «Словацко-венгерское двуязычие Придунайской области».
3. Существование венгерского языка одновременно и как национального (в Венгрии), и как языка меньшинств (в странах, граничащих с Венгрией) привело в XX в. к формированию т. н. «литературы венгерского зарубежья». Сильное влияние иных национальных традиций и, одновременно, стремление сохранить венгерскую идентичность наложили безусловный отпечаток на творчество венгерских писателей Трансильвании, Словакии, Сербии, Закарпатья. Можно говорить не только о своеобразной литературной традиции, но и о ее влиянии на «внутривенгерскую» культуру. В данный момент на кафедре финно-угорской филологии разрабатывается спецкурс «Литература венгерского зарубежья».

ФОНЕТИКА

Ullakonoja Riikka,

PhD, н. с., Центр прикладной лингвистики, Университет Ювяскюля (Финляндия)

Имитация чужого языка – русские имитируют финский

Целью нашего исследования было выяснить, как русские дикторы без знания финского языка повторяют за голосом-образцом финские высказывания, следуя эксперименту Хурме (1975). В качестве материала послужили финские трехсложные высказывания (разной длины от 4 до 11 слогов), повторяемые шестью носителями русского языка. Затем четыре аудитора слушали записи русских дикторов и оценили их успешность по пятибалльной шкале. Результаты исследования показывают, что повтор некоторых высказываний был легче, чем других, и в докладе мы обсуждаем возможные причины успешности имитации. Кроме того, мы представляем предварительные результаты акустического анализа длительности гласных и интонационных контуров русских дикторов.

Андиева Маргарита Ахсарбековна,

асп., Владикавказский институт управления

Предварительные данные инструментального исследования интонации осетинского языка

Анализ научной литературы показывает отсутствие системного описания осетинской интонации, хотя исследования осетинской интонации могут предоставить ученым новые интересные данные для типологического описания осетинского языка. На начальном этапе мы попытались выяснить, как ведет себя тон на протяжении фразы и как он связан с тема-рематическим членением. В качестве экспериментального материала были подобраны предложения, полностью совпадающие по лексическому составу и синтаксическому оформлению, различающиеся только по цели высказывания. Экспериментальный материал подбирался из художественных произведений осетинских авторов и был записан в произнесении двух дикторов Северо-Осетинского государственного телевидения. Полученные данные позволяют сделать следующие выводы.

1. В большинстве повествовательных предложений наблюдается один пик повышения частоты основного тона, который приходится на первое слово фразы, независимо от того, каким членом предложения оно является и какой частью речи выражено.
2. В большинстве проанализированных вопросительных предложениях два слова выделяются усиленным фразовым ударением, что акустически выражается в резком подъеме тона.
3. В повествовательных предложениях понижение тона к концу фразы происходит постепенно. Однако конец фразы произносится значительно ниже, чем начало.

4. В вопросительных предложениях тональная разница между началом и концом предложения меньше, чем в повествовательных. В некоторых случаях начало и конец предложения произносятся на одном уровне.
5. Вопросительные предложения характеризуются более высоким значением частоты основного тона.
6. В анализируемых предложениях часто наблюдается несоблюдение правил акцентуации фразы. В одну акцентуальную группу могут объединяться слова, которые следовало бы интонировать изолированно. Это можно объяснить отсутствием контекста и индивидуальной трактовкой диктором тема-рематического членения предложения.

Андронов Алексей Викторович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

«Разгубленность» против огубленности

Фонологические признаки выявляются на основе анализа функциональных особенностей фонем, а артикуляционные или акустические особенности их реализаций используются лишь при необходимости переноса по аналогии выводов, полученных на основе функционального анализа, на неподдающиеся ему фонологические элементы (ср. [Касевич, 1983: 27–28, 85]), а также для создания терминов. На практике, однако, нередко происходит подмена функционального анализа собственно фонетическим. Отрицательную роль может играть и традиция, провоцирующая некритическое применение фонологических признаков одного языка к системе другого. Благодаря своей заметности, уже в античных грамматиках была отмечена сопровождающая реализацию [u] и [o] артикуляция, связанная с округлением губ [Гордина, 2006: 16, 18]. Характеристику соответствующих фонем как огубленных в описаниях фонологических систем многих языков можно считать реликтом дофонологического описания, некритически перенесенного из античных грамматик. Несравненно меньше внимания в фонетике было обращено на в известной мере противоположную артикуляцию, связанную с растягиванием кончиков губ в стороны (как при артикуляции [i], [e] и др.). Несмотря на то, что классификация возможных движений губ в работах по общей фонетике представлена (см., например, [Кодзасов, Кривнова, 2001: 48–49]), термин для соответствующего фонологического признака в русской традиции отсутствует (ср. франц. «rétractée»).

В докладе представлены вокалические системы некоторых языков (финского, латышского, русского), в которых имеются функциональные основания для выделения класса таких — «разгубленных» — гласных, и утверждается, что этих оснований здесь больше, чем для традиционного выделения огубленных гласных. В финском «разгубленные» гласные особым образом соотносятся с сингармонизмом, в латышском создают условия для межслоговой ассимиляции гласных, в русском специфичны с точки зрения функционирования консонантного признака твердости-мягкости.

Бродович Ольга Игоревна,
д. ф. н., проф., Институт иностранных языков

О фоносемантической гиперлексеме

Термин *фоносемантическая гиперлексема* был введен Н. Н. Швецовою для интерпретации тех фактов ее исследовательского материала, где ответы информантов-диалектоносителей на один и тот же вопрос отличались друг от друга на 1—2 фонемы, как в *crunch, grunch, cronch, craunch*, и т. п., — все ответы на вопрос относительно ключевого слова ЖЕВАТЬ С ХРУСТОМ. Трудно оценить этот ряд как содержащий 7 разных слов: при полном тождестве семантики они звучат практически как варианты чего-то одного, что отражается во введенных С. В. Ворониным моделях. Для объединения таких рядов и одновременно отделения их от им подобных, например, *crush, cresh, gresh* или *cham, champ, chomp* — также ответы на тот же вопрос — и был введён термин «гиперлексема». Конечно, *crunch* и *cham* или *crush* и *chomp*, надо полагать, разные слова. Но как все же трактовать ряды ответов, отличающиеся друг от друга на одну фонему, причем обе отличающиеся фонемы принадлежат при этом к одному фонотипу и, следовательно, в фоносемантическом отношении выполняют одну и ту же семантическую, номинативную функцию? Вот такие ряды было предложено трактовать как вариативные реализации некоей единой виртуальной сущности, единство которой отражается фоносемантической моделью и которую было предложено именовать гиперлексемой. Термин, судя по появляющимся публикациям, оказался востребованным исследователями фоносемантического пространства. Однако иногда при этом термин трактуется слишком широко. Например, предлагается считать имена птиц гиперлексемой. Но разные птицы издают разные звуки, поэтому с фоносемантической точки зрения имена разных птиц, если они фонетически мотивированы, не являются даже синонимами, потому что отражают разные звучания. Это безусловно разные слова, хотя и принадлежащие к одной тематической группе. Таким образом, *фоносемантическая гиперлексема* может служить полезным термином, если мы будем при этом строго придерживаться того содержания, которое было вложено в это словосочетание при введении его в научный обиход.

Вершинина Мария Геннадьевна,
асс., Пермский государственный национальный исследовательский университет

Отражение фоносферы в диалектной речи (на материале пермских говоров)

Фоносфера — звуковая среда, окружающая человека. Фоносфера является внешней средой звукоизобразительной системы языка, обуславливающей специфику фоносемантической звуковой картины мира различных этносов. Под *фоносемантической картиной мира* понимается фрагмент языковой картины мира, эксплицированный в языке фоносемантическими средствами. *Фоносемантическая звуковая картина мира* — это фрагмент звуковой языковой картины мира.

Основным средством экспликации в языке фоносемантической звуковой картины мира является ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика).

Категоризация звукового пространства, отраженного в фоносемантической диалектной звуковой картине мира, обусловлена фоносферой и отражает три основные звукосферы: биофоносфера, антропофоносфера и социофоносфера. Фоносемантическая звуковая картина мира пермских говоров эксплицирована в диалектной речи 11 полями (биофоносфера: *атмофоносфера, гидрофоносфера, литофоносфера, живые существа*; антропофоносфера: *соматофоносфера, кинемофоносфера, лингвофоносфера*; социофоносфера: *сигналофоносфера, технофоносфера, музыкафоносфера, мифофоносфера*).

Фоносемантическая диалектная звуковая картина мира носит антропоцентричный характер. Звуки удара, говорения, плача, голосов животных и птиц и другие составляют ядро рассматриваемого варианта картины мира, ее «фундаментом» являются акустические ономотопы удара. Анализ показывает, что человек традиционной культуры сориентирован на природу и природные звучания. В то же время преобладание единиц антропофоносферы над остальными полями показывает, что носитель традиционной культуры не до конца органично вписывается в биосферу и не является абсолютной ее частью.

На основании количественного анализа выделяются звуковые доминанты и звуковые лакуны диалектной фоносемантической звуковой картины мира, которые отражают прагматический характер восприятия звуковой среды, окружающей человека.

Макарова Елена Николаевна,

к. ф. н., доц., Уральский государственный экономический университет

**Роль фразового ударения и порядка слов
в организации коммуникативной структуры высказывания
(результаты сопоставительного экспериментального исследования
на материале английского, испанского и русского языков)**

Фразовое ударение и порядок слов как средства маркировки компонентов коммуникативной организации высказывания являются основными во многих языках мира. Однако структурные особенности разных языковых систем накладывают ограничения на степень реализации названными средствами коммуникативной функции. Английский, испанский и русский языки с базовой SVO структурой демонстрируют как сходства, так и различия в использовании средств реализации коммуникативного членения. Ведущей функцией устойчивого порядка слов в английском языке является грамматическая. В этой связи интонационные средства актуализации членов коммуникативной структуры проявляют себя очень ярко. В испанском языке с гибким словопорядком свобода расположения лексических элементов определяется прежде всего задачами коммуникативного членения. Роль фразового ударения в маркировке компонентов коммуникативной

структуры высказывания в испанском языке дискутируется, а данные немногочисленных исследований по этой проблеме достаточно противоречивы. В русском языке в целях маркировки компонентов коммуникативного членения активно используются оба средства. Результаты проведенных экспериментов с носителями английского, испанского и русского языков свидетельствуют о возможности фразового ударения выступать в качестве средства реализации коммуникативной структуры в трех языках. Вместе с тем, более активная роль порядка слов в оформлении вариантов коммуникативного членения в родном языке носителей мексиканского варианта испанского языка препятствует активному использованию ими интонационных средств (фразового ударения) в неродной английской речи. Проведение экспериментов с участием носителей английского, испанского и русского языка позволило выявить проблемные зоны при распределении коммуникативной нагрузки в неродной английской речи мексиканскими и русскими информантами как на уровне распределения фразовых акцентов, так и на уровне порядка слов.

Найдич Лариса Эриковна,

к. ф. н., проф., Иерусалимский университет

Светозарова Наталия Дмитриевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Словарная картотека Л. Р. Зиндера

В докладе впервые описана «Словарная картотека названий домашних животных и птиц в немецких диалектах Украины», составленная в 1930—1932 гг. Львом Рафаиловичем Зиндером в результате фольклорно-диалектологических экспедиций в немецкие колонии, проводившихся под руководством В. М. Жирмунского. Она хранится в персональном фонде Жирмунского в С.-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. Картотека содержит 142 карточки, на которых даны в транскрипции названия животных и птиц, не только домашних, употребляющиеся в островных немецких диалектах. Анализ картотеки, которую сам Л. Р. считал утерянной, позволяет сделать ценные выводы о фонетических особенностях обследованных диалектов.

Новак Ирина Петровна,

к. ф. н., м. н. с., Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

Фонетические маркеры тверских диалектов карельского языка

Субэтнос «тверские карелы» является одним из наследников народности корела, сформировавшейся на Карельском перешейке в начале второго тысячелетия н. э. Тверские карельские диалекты относятся к собственно-карельскому наречию карельского языка. Решающее влияние на становление современных карельских наречий оказало военное противостояние России и Швеции XIV—XVIII вв., в результате которого поток карел с исторической

родины хлынул на территорию современной Карелии, а также на новгородские и тверские земли. Расцвет карельского языка и культуры на тверской земле приходится на начало XX в. (более 150 тыс. карел). По данным всероссийской переписи населения 2010 г. в Тверской области проживает около 7 тыс. карел, из которых треть владеет карельским языком.

Принято выделять три диалектные группы тверских карел: толмачевскую, весьегонскую, держанскую. К основным фонетическим особенностям, маркирующим тверские диалекты карельского языка, относятся:

- представительство в диалектах исторически долгих лабиальных гласных, и нисходящих дифтонгов на *ц, у*;
- фонематические различия восходящих дифтонгов;
- дистрибуция шипящих и свистящих согласных;
- отдельные случаи палатализации;
- синкопа и апокопа.

Произведенный анализ указывает на безусловную близость толмачевского и весьегонского диалектов. Изоглоссы фонетических признаков, дифференцирующих эти диалекты, пролегают близко друг к другу, однако не совпадают с принятой диалектной границей. Держанский диалект, с фонетической точки зрения, сильно отличается от двух остальных.

Ноланд Наталия Николаевна,

к. ф. н., доц., Институт иностранных языков

Звукоизобразительная лексика как отличительная черта авторского идеостилья (на материале романа Эдны Фербер «Гигант»)

В литературе последних десятилетий заметно возрос интерес к явлению звукового строя художественного текста. Однако большинство исследований в этой области выполнено на материале поэтических текстов и детской прозы. Обращение к звуковой ткани текста помогает понять самые потаенные уголки смысла прозаического или стихотворного целого (Михалев, с. 158). В этой связи особый интерес для исследователя представляют особенности реализации творческой языковой личности автора, формирующей его идеостиль, являющийся мыслительной, когнитивной категорией, а также средства реализации коммуникативно-эстетической функции в художественном тексте, определяющей авторский выбор языковых средств, используемых в конкретном произведении. Звукоизобразительная лексика, через которую, в частности, реализуется эстетическая функция, может являться отличительной чертой авторского идеостилья и «задавать семантическую первооснову, которая затем филируется другими языковыми средствами» (Михалев, с. 158). Материалом исследования послужил текст романа «Гигант» американской писательницы Эдны Фербер. Ниже приводится одно типичное предложение из романа, включающее существенное количество звукоизобразительных лексем: “From every corridor, **hurtling** out through every room .... you heard the **shrieks** of high **shrill** laughter, the **tinkle** of glass, a **babble** of voices; and through and above it all the unceasing **chatter** of radios, the **twang** and **throb** of cheap music, the **rumble** of **rolling** tables laden

with food or drink **trundled** along the halls by stiffly starched blue-and-gold waiters” (Ferber, p. 38). Далее в докладе показано, что роман обнаруживает большое количество звукоизобразительных лексем, определенным образом организованных и используемых автором с целью эмоционально-образного воздействия на читателя, что является отличительной чертой идеостилиа Эдны Фербер.

Пузейкина Лариса Николаевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Ребиков Валерий Борисович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Письма Ф. Вреде к В. М. Жирмунскому

в С.-Петербургском филиале РАН:

к 150-летию со дня рождения Фердинанда Вреде

Фердинанд Вреде родился 15 июля 1863 г. в независимом княжестве Шпандау. Филологическое образование Вреде получил в Берлине и Тюбингене, где он изучал немецкую филологию и историю. Среди учителей Вреде были знаменитый историк Теодор Моммзен, медиовист Карл Мюлленхоф и классик немецкой филологии Вильгельм Шерер. Первая диссертация Вреде «О языке вандалов», написанная под руководством последнего, вошла в число классических произведений германистики. Это же относится и ко второй диссертации, посвященной языку остготов в Италии. Главным делом жизни Вреде стала работа над Немецким лингвистическим атласом (Der Deutsche Sprachatlas, DSA), которую он продолжил, будучи помощником, а затем и преемником Георга Венкера. Это был первый в истории мировой лингвистики опыт по созданию такого масштабного и полного диалектографического издания. Среди учеников Вреде можно назвать таких известных германистов, как В. Митцка, Л. Бертольд, Т. Фрингс и К. Бишофф. Исследования Вреде в области диалектографии оказали значительное влияние на деятельность известного российского лингвиста и литературоведа, фольклориста и диалектолога Виктора Максимовича Жирмунского, занимавшегося в 20-х гг. XX в. собирательской и исследовательской деятельностью в немецких колониях СССР. В 1925—1927 гг. Жирмунский был дважды командирован в Германию для работы по немецкой диалектологии и фольклору. Ученый посетил важнейшие центры по исследованию немецкого языка и фольклора, читал доклады в Институте исторического краеведения Рейнской области в Бонне под руководством Теодора Фрингса и в Институте языкового атласа в Марбурге, руководителем которого был Фердинанд Вреде. Из переписки ученого по вопросам немецкой диалектологии видно, насколько тщательно была продумана собирательская деятельность в немецких колониях. Письма Вреде к Жирмунскому, хранящиеся в С.-Петербургском филиале Российской академии наук и датированные 1924—1929 гг., относятся к описанному периоду сотрудничества двух великих ученых.

Скрелин Павел Анатольевич,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Соавторы:

Евграфова Карина Владимировна, к. ф. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, *Басова Юлия Семеновна,* лаборант, Санкт-Петербургский государственный университет

Восприятие эмоций в речи немецких детей носителями русского языка

Автоматическая интерпретация эмоционального речевого поведения невозможна без исследования акустических коррелятов естественной эмоциональной речи. Для этого необходим анализ образцов речевых эмоциональных состояний. Такие базы на данный момент существуют для разных языков (английский, немецкий, испанский, японский). Большинство из существующих баз содержит образцы взрослой речи. Эмоциональные реакции взрослых людей сильно обусловлены социальной составляющей: культура, воспитание, национальный менталитет и т. д. На данный момент для определения эмоциональных состояний в речевом материале, как правило, используется аудиторский анализ. Данные аудиторского анализа субъективны и в большинстве случаев неоднозначны. Их часто приходится исключать из анализа в тех случаях, когда у аудиторов нет полного согласия относительно характера эмоционального проявления в речевом материале.

Получение данных об отражении состояния в характеристиках голоса взрослых, в силу физиологических особенностей (например, уровня возбудимости, мотивации, утомления и т. д.), влияния социокультурного фактора, также представляет ряд трудностей.

Детское эмоциональное поведение менее подвержено влиянию социального фактора, чем поведение взрослых, но с возрастом ребенка в процессе его социализации истинность проявления состояний уменьшается. Поэтому изучение эмоциональной детской речи позволяет найти прямые взаимосвязи акустических характеристик речи с эмоциональными реакциями.

Сухова Наталья Витальевна,
к. ф. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Захарова Мария Сергеевна,
преподаватель английского языка, Санкт-Петербург

О роли смешанного обучения в дисциплине «Практическая фонетика»

В современной практике преподавания любой дисциплины преподаватель сталкивается с проблемой небольшого количества аудиторных часов. Почти половину всей учебной нагрузки, а иногда и больше, студент

вынужден выполнять самостоятельно. Как помочь студенту справиться со сложной задачей изучения или осваивания материала дома и как помочь преподавателю в организации этого процесса на должном уровне? Ответ можно найти в методике смешанного обучения. В данной работе мы остановимся на дисциплине «Практическая фонетика» для профиля «Лингвистика» в высших учебных заведениях, и на том, каким образом на материале курса применяется или потенциально может применяться методика смешанного обучения. *Смешанное обучение* предполагает совокупность очной работы студента в аудитории и самостоятельной (или под непосредственным руководством преподавателя) работы дома. Другими словами, это синтез традиционной очной и современной дистанционной работы. Говоря о смешанном обучении, мы имеем в виду и *учебную автономию*, т. е. «умение брать на себя ответственность за свою учебную деятельность относительно всех аспектов этой учебной деятельности» (Холек, 1981). В рамках смешанного подхода *суть обучения* произносительным навыкам и умению интонационно правильно оформлять речь на английском языке можно сформулировать следующим образом: *как можно больше слушать на английском языке и имитировать*. При такой установке мы предлагаем ряд особых заданий на базе: 1) аутентичных **подкастов**; 2) художественных **фильмов**; 3) записей **публичных выступлений** (TED conferences); 4) обычного набора лингвистических упражнений (поговорки, лимерики, песни, учебные диалоги и т. п.). При этом важным оказывается то, что такой курс при смешанной методике можно наполнять совершенно разным тематическим содержанием, тем самым дополняя его специальной лексикой (например, в случае обучения лингвистов в вузе второго выбора).

Флакман Мария Алексеевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

К вопросу о заимствовании звукоизобразительной лексики

То, что ЗИ слова (артикуляторные или акустические «копии» денотата) встречаются во всех языках мира, является установленной языковой универсалией. ЗИ (иконические, согласно терминологии Ч. С. Пирса), равно как и остальные (символические) слова языка могут быть заимствованы на разных этапах своего развития. Развитие любого ЗИ слова представляет собой его постепенную деиконизацию (денатурализацию, согласно С. В. Воронину), т. е. утрату сходства с номинируемым денотатом вследствие действия регулярных фонетических законов языка и развития полисемии. В результате в языке параллельно существуют (и могут заимствоваться) как явные, так и полностью деиконизированные ЗИ слова, а также слова, находящиеся между этими двумя полюсами. Как показало диахроническое исследование, проведенное на материале около 3000 ЗИ по происхождению слов АЯ, большинство из них принадлежит к пласту исконной лексики, однако среди них встречаются также заимствования разного времени. На 100 заимствованных ЗИ лексем лишь 16 являлись явными звукоподра-

жаниями (с нетипичной для АЯ фонотактикой и структурой слова), при том большинство из них (10 слов) являлись названиями птиц (например, *hooroo*). Подавляющее большинство (56 слов) на момент заимствования были полностью деиконизированны, т. е. заимствовались в неисходном, вторичном значении, их фонетический облик не имел никакого сходства с номинируемым денотатом. Интересен тот факт, что среди заимствованной частично деиконизированной лексики (всего 28 слов) преобладают (16 слов) звуко-символизмы (например, *bobbin*). Следует отметить, что в целом звуко-символизмов в языке меньше, чем звукоподражаний. Также среди не полностью деиконизированных заимствований выделяется группа из 8 слов, содержащих фонестемы (напр. *flame*). Таким образом, можно отметить, что заимствование недеиконизированной ЗИ лексики является редким, случаи заимствования явных звукоподражаний являются единичными, и иконическая лексика языка является по преимуществу исконной.

РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)

Абдурахманова Эльнара Камандар-кызы,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Маркеры метадискурсивной информации в научных текстах

Доклад посвящен типологии языковых средств представления метадискурсивной информации в немецкоязычных монографиях по лингвистике. Изучение метадискурса — относительно недавнее направление в языковедении. Одна из задач доклада — систематизировать существующие концепции метадискурса и обосновать принимаемую точку зрения. В целом метадискурс следует рассматривать как один из видов субъективности в тексте, имеющий разные проявления в разных типах дискурса. Особую актуальность этот вопрос имеет для научной коммуникации. Общепринято считать, по крайней мере в традиционной грамматике и стилистике, что научный стиль — строго логическое изложение результатов исследований, и этому стилю приписывают идею «бессубъективности». В соответствии с этим субъективное начало чуждо самой природе научного стиля (А. Н. Васильева, О. А. Лаптева). Однако в научном стиле присутствует и прагматическая сторона. Нельзя рассматривать научный стиль вне научной деятельности, где происходит не только логическое изложение научных фактов и передача информации, но и борьба идей, взаимодействие автора с читателем и т. п. (М. Н. Кожина, Н. М. Разинкина, Л. В. Славгородская, Е. С. Троянская, М. П. Котюрова). Таким образом, обнаруживается всегда присутствие автора в научных текстах, маркируемые разными классами грамматических единиц: *also, deshalb, somit, bedeutend, wichtig, das heißt, zwar, und zwar, wenn wir exakt vorgehen wollen, Als nächstes müssen wir uns demnach klar darüber sein, Wie wir noch sehen werden, aus diesem Gesagten können wir..., wie wir schon gesehen haben usw.* Такие слова и выражения называют метадискурсивными элементами, они реферируют к автору, и по ним можно моделировать личность адресанта. Поэтому концептуальной базой данного доклада является антропоцентрический подход, ставящий в центр исследований человека говорящего.

Александрова Тамара Николаевна,
к. ф. н., доц., Вологодский государственный педагогический университет

Логико-семантические и прагматические компоненты в заголовках новостного текста (на материале немецкого языка)

Газетный заголовок рассматривается как компонент текста и в то же время как автономный элемент, выполняющий номинативную, информативную и прагматическую функции. Заголовки текстов немецкой га-

зеты *Frankfurter Allgemeine Zeitung* представляются в ракурсе линейных структур, открытых прямому наблюдению, и глубинных структур, специфика которых раскрывается путем взаимодействия когнитивных систем человека и семиотической сущности знака. Для них характерна такая коммуникативно-прагматическая черта, как чередование стандартности и вариативности форм языкового выражения. В номинации компонентов ситуации участвует обобщающая и векторная лексика. Именные и глагольные структуры имеют строгую организацию благодаря порядку слов и рамочным конструкциям, способствующим выражению логических связей, существующих в мышлении человека. Релевантны структуры с прогрессивной последовательностью элементов, в которых выражаются отношения общего и частного. Структура заголовка состоит из вводной части как опоры (номинация ключевого понятия) и основной, базовой (раскрытие, пояснение понятия). Определенный прагматический потенциал вносят национально-культурные элементы семантики (символы в названиях немецких партий) и цитация: *Kanzlerin und Kabinett vereidigt. „So wahr mir Gott helfe“ – jetzt regiert Schwarz-Rot.*

Боднарук Елена Владимировна,

к. ф. н., доц., Северный (Арктический) федеральный университет (Архангельск)

Конкуренция грамматических средств при выражении значения «следование» в немецкой косвенной речи (на материале текста газеты)

В немецком языке при передаче косвенной речи возможно использование как конъюнктива, так и индикатива. В газетном тексте обычным является употребление конъюнктива, который встречается как правило в составе так называемого придаточного предложения и выражает относительное значение одновременности, предшествования или следования. Все относительные значения могут актуализироваться несколькими грамматическими средствами, но наиболее заметная конкуренция имеет место при выражении следования. Во-первых, в данном значении в тексте газеты активно используются формы футура I и презенса конъюнктива. При этом прослеживается аналогия с конкуренцией тех же форм в индикативе в составе прямой речи. Обнаруживается также перенос многих факторов конкуренции из прямой речи в косвенную. Вместе с тем, футур конъюнктива употребляется в косвенной речи значительно чаще, чем футур индикатива в прямой. Для передачи значения следования в косвенной речи используются также формы кондиционалиса I и претерита конъюнктива. Кондиционалис I используется в косвенной речи в нескольких функциях. Во-первых, в так называемой «эрзацфункции», т. е. вместо форм футура I в случае их совпадения с соответствующими формами индикатива. Во-вторых, кондиционалис I может приносить в косвенную речь семантику потенциальности/ирреальности, свойственную данной форме в прямой речи. Реже в тех же функциях используется претерит конъюнктива. Вместе с тем, возможно употребление всех четырех форм конъюнктива в одних и тех же

контекстуальных условиях без видимых семантических различий. Косвенная речь в газетном тексте может содержать и «вкрапления» индикативных форм. Таким образом, наблюдается совместное использование форм двух наклонений в составе одного высказывания при выражении следования. Возможность употребления форм индикатива объясняется имеющимися в высказывании формами конъюнктива, «поддерживающими» идею косвенности.

Вороновская Инна Алексеевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Текстотипологические особенности авторского предисловия (на материале немецкоязычных монографий по лингвистике)

Интерес современной лингвистики текста к вопросам типологии текста, выделению характерных текстотипологических черт текстов, обслуживающих различные сферы коммуникации.

- Функционирование авторского предисловия в макроструктуре целостного текста.
- Назначение и функции авторского предисловия, его фиксированная позиция в макроструктуре монографии.
- Структурные особенности авторского предисловия, наличие набора коммуникативно-смысловых блоков как типологическая черта.
- Наличие в предисловии собственных паратекстов второго уровня.
- Эксплицитная интертекстуальность в содержании.
- Фигура автора и авторизованность как способ текстового формулирования.
- Диалогичность научного предисловия, фигура реципиента и адресованность текста предисловия.

Отличительные черты авторского предисловия определяются особенностью реализации текстообразующих категорий, а также структурным своеобразием данного типа текста.

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Основные линии сопоставления «Российской грамматики» М. В. Ломоносова и ее перевода на немецкий язык

Как известно, «Российская грамматика» (1757) М. В. Ломоносова после ее издания на русском языке была переведена на несколько иностранных языков — немецкий, французский, польский, греческий. Немецкий перевод был сделан первым Иоганном Стафенгаеном семь лет спустя после выхода в свет русского издания в 1764 г. Другой особенностью этого перевода является то, что его редактором был сам Ломоносов. Перевод «Российской грамматики», в том числе и на немецкий язык, представляет собой уни-

кальное явление, позволившее расширить круг ее адресатов и ознакомить европейскую научную общественность с достижениями российской науки в области языкознания и преподавания русского языка, в том числе как иностранного. Особенного внимания заслуживает сопоставительный анализ грамматических терминов, используемых в русском и немецком параллельном текстах, анализ которых свидетельствует о многих инновациях Ломоносова, а также о параллелях в становлении лингвистической терминологии в обоих языках, в частности, стремлении к замене интернациональной латинской терминологии на термины отечественного происхождения. Поскольку перевод «Российской грамматики» происходил под непосредственным контролем Ломоносова, то одной из особенностей параллельных текстов является их несовпадение по целому ряду пунктов, как например, несовпадение приводимых примеров, элиминирование или, наоборот, добавление ряда текстовых фрагментов. Вышеперечисленные моменты нуждаются в тщательном лингвистическом анализе, особенно ввиду того, что они еще не становились объектом исследования.

Гудкова Кира Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о дискурсивных функциях оппозитивов

Антонимия, или «противоположность по значению», давно признана в качестве одного из важнейших семантических отношений. Обычное понимание антонимии предполагает противопоставленность одного из семантических компонентов. Как замечает Г. П. Мельников, возможно и более широкое понимание антонимии. Автор полагает, что антонимами можно считать языковые знаки, которые могут быть противопоставлены «одновременно и по многим семантическим признакам, лишь бы в рассматриваемом контексте эта противопоставленность действительно подчеркивалась». Е. Н. Миллер полагает, что противоположное значение — это значение, которое «ассоциативно соотносится с его антиподом». Автор различает противоположное значение и противоположность значений. Противоположное значение обладает свойством вызывать в сознании представление о другом, противоположном, а противоположность значений представляет собой характер семантических отношений между антонимами. Противоположное значение есть категория относительная, так как само по себе без своего антипода оно существовать не может. Противоположность значений категория абсолютная, ибо существует сама по себе. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что некоторые лексические единицы обладают противоположным значением, но оно не присуще им как значение лексическое, а реализуется только в момент «противопоставления», когда, например, человеку необходимо вычлнить противоположные стороны в различных явлениях природы, общества и сознания. Например, слова *warm cold* носителями языка воспринимаются как противопоставленные. Но, если рассмотреть эти слова изолированно, то ни то ни другое не обладает противоположным значением. Это противоположное значение реали-

зуется только в оппозиции. Исследование оппозиций в тестах различных функциональных стилей позволяет выделить две основные дискурсивные функции антонимов: сигнальная функция и функция согласования.

Гуревич Дмитрий Львович,

к. ф. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Случаи грамматического рассогласования существительного в португальском языке Бразилии

Португальский язык, представленный рядом национальных вариантов, обнаруживает наиболее интересные расхождения при сопоставлении двух из них: пиренейского (европейского) и бразильского. Оба варианта имеют в основе единую языковую систему, которая обладает различной реализацией; португальский и бразильский узус не совпадают. С точки зрения реализации системы, бразильский вариант неоднороден в большей степени, чем пиренейский, что связано с особенностями соотношения языковой нормы прескриптивного характера и реального узуса, который обнаруживает в Бразилии бóльшие расхождения с прескриптивной нормой, чем узус пиренейского варианта. Глубина и частотность этих расхождений видны при сопоставлении языковых фактов в различных регистрах речи. Сложившаяся в Бразилии общенациональная форма речи, универсальная для всех регистров, кроме официально-делового, воспроизводится как в устной, так и в письменной форме. Эта форма речи, носящая в бразильской лингвистической литературе название «português brasileiro culto», есть устная и письменная речь образованной части населения, являющаяся фактически основой для идущей в данный момент нормализации бразильского варианта португальского языка. Она противопоставлена иной форме речи — «português brasileiro popular», которой соответствует понятие «просторечие» и которая реализуется преимущественно в устной форме и отражает речь малообразованной или необразованной части населения. Ряд языковых особенностей, свойственных português brasileiro popular, постепенно проникает в português brasileiro culto и утрачивает признаки просторечности вследствие демократизации нормы. Среди особенностей, характерных для português brasileiro culto, относящихся к морфосинтаксическому уровню системы (грамматики, в узком смысле слова), для анализа были взяты случаи реализации двух грамматических категорий существительного, а именно: категория числа и категория определенности—неопределенности.

Езан Ирина Евгеньевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Цитированный способ передачи информации в немецкой журнальной публицистике

Чужая речь занимает значительное место в повествовательной структуре немецкой литературы и публицистики. Формы ее репродукции представляют собой сложную, постоянно видоизменяющуюся систему. Большинство

исследователей рассматривают в качестве основных компонентов данной системы прямую, косвенную и несобственно-прямую речь. Сущность, функции и способы передачи чужой речи исследовали многие российские и зарубежные ученые, при этом они соотносят явление чужой речи с разными языковыми сферами, описывают его в рамках многих лингвистических понятий. Таким образом, мы можем отметить, что среди исследователей нет единства в определении понятия чужой речи, основной проблемой является отсутствие целостности и однородности описания. Кроме того, в большинстве работ виды чужой речи рассматриваются на материале текстов художественной литературы, хотя нельзя не отметить, что некоторые лингвисты привлекают к исследованию и тексты других функциональных стилей. В основу нашей классификации способов передачи чужой речи положена структурная классификация конструкций с чужой речью, составленная А. В. Смирновой на материале британского газетного дискурса (Смирнова, 2006). В процессе исследования мы проанализировали 120 статей политико-экономической тематики за 2011—2012 гг., связанных с актуальными мировыми проблемами, в основном с финансовыми трудностями в Евросоюзе и кризисом в Греции. Статьи были опубликованы в известных еженедельных информационно-политических журналах Германии. Прямая и косвенная речь, как основные формы репродукции чужого высказывания, составляют примерно треть текста статей, посвященных актуальным событиям и проблемам современного мира, т. е., несомненно, являются частотным явлением в публицистике. И это неслучайно, ведь журналисты используют различные способы передачи чужой речи, преследуя весьма конкретные цели и задачи, выполнение которых возможно только при включении в текст подобных конструкций.

Каменева Ольга Владимировна,
преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Функционирование союза *iba(i)* в готской Библии

Готский союз *iba(i)* может употребляться в утверждениях и в вопросах. В утверждениях *iba(i)* требует форм опатива, которым в тексте оригинала соответствуют индикатив или конъюнктив (Mc. 4:12; Gal. 2:2; I Thess. 3:5), и функционирует как показатель адмонитива: формула X *iba(i)* Y выражает предостережение Y относительно возможных негативных последствий X (I Thess. 5:15; II Cor. 12:20—21; Mt. 27:64; I Cor. 9:27). Для Y характерна пейоративная семантика. Сопоставление с готским союзом *ei* (I Tim. 3:6—7) показывает, что комплекс *ei ni* 'чтобы не' и союз *iba(i)* противопоставлены по степени несовместимости ситуаций X и Y: X *ei ni* Y предполагает, что при наличии X ситуация Y невыполнима (Mc. 3:9; Ioh. 6:12; I Cor. 1:14—15), тогда как для X *iba(i)* Y оппозиция оказывается менее жесткой — если имеет место X, то с точки зрения наиболее типичного положения дел отсутствие ситуации Y вероятнее, чем ее реализация (Lc. 14:28—29; Lc. 18:5). При переводе др.-греч. *εἰ δὲ μή* 'в противном случае' союз *iba(i)* конкурирует с буквальным соответствием гот. *ip jabai ni* 'а если нет'. Гот. *iba(i)* вводит

неблагоприятную контрфактическую ситуацию, которая воспринимается как часть реального положения дел: имеющая место ситуация X «генетически предрасположена» к осуществлению неблагоприятного Y (Mc. 2:21—22). Комплекс *ib jabai ni* указывает на сопоставление альтернативных возможностей будущего развития одного и того же действительного положения дел без контрфактического противопоставления (Лс. 10:6). В вопросах союз *iba(i)* допускает только формы индикатива (Mt. 7:16; Rom. 9:20; Ioh. 10:21). В вопросе вида *iba(i)* Y? ситуация Y аномальна с точки зрения «энциклопедического» знания или имеет однозначную ложную интерпретацию. В ответе содержится опровержение Y (Rom. 9:14; Ioh. 6:66—67). Конверсивом гот. *iba(i)* в вопросах является частица *niu*. Вопросы вида *niu* Y? лишены пейоративного компонента и при ответе требуют подтверждения того, что имеет место Y (Ioh. 7:25—26).

Каразия Анастасия Андреевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Функциональный синкретизм в речевом жанре «упрек» в современном английском языке

Цель настоящего доклада — рассмотреть, какие формы используются для выражения упрека в современном британском английском, не затрагивая его эмоциональную составляющую. В современном дискурсе много внимания уделяется изучению речевых жанров, регулирующих межличностные отношения коммуникантов, в том числе упреков. В связи с этим интерес вызывает рассмотрение форм выражения упрека в контексте современной британской лингвокультуры. Несмотря на тот факт, что в современном британском диалоге с наибольшей вариативностью представлены упреки повествовательного типа, не менее важным представляется рассмотрение упреков с точки зрения вопросительной и директивной форм. Для директивов характерен функциональный синкретизм: они могут сочетаться с обидой, возражением, удивлением, запретом и т. д. Доминанта упрека в каждом примере определяется контекстом и коммуникативной ситуацией. Упреки вопросительного типа представляют косвенные речевые акты, нередко демонстрирующие имплицитное выражение недовольства словами или действиями адресата упрека.

Коваленко Марина Викторовна,

асп., Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Использование вопросительных предложений в философской литературе (на примере трудов Эриха Фромма)

Проблема использования в текстах вопросительных предложений актуальна в лингвистике, т. к. не всегда можно четко разграничить функциональные типы подобных предложений. Рассмотрим данную проблему на примере философских трудов Эриха Фромма, посвященных «бегству»

человека и государства «от свободы»: *Escape from Freedom*, за пределами Северной Америки известного под названием *The Fear of Freedom*, и *The Sane Society*. В названных трудах мы обнаружили следующие разновидности вопросительных предложений:

1. Вопросы, получающие ответ в процессе авторского рассуждения.
  - 1.1 Стоящие в заголовке и задающие проблему, которой посвящена глава:
    - Are we sane?
  - 1.2 Служащие для связи высказываний внутри текста:
    - But what has happened?Такие предложения являются собственно-вопросительными, хотя ответы на них даются автором, что делает их формально сходными с несобственно-риторическими вопросами.
2. Квазириторические вопросы, обращенные к читателю:
  - Is it surprising, then, to find a deep craving in man not to sever the natural ties, to fight against being torn away from nature, from mother, blood and soil?Тот факт, что квазириторические вопросы предполагают ответ, не позволяет отнести их к несобственно-вопросительным предложениям.
3. Вопросы, представленные от лица анонимного собирательного автора и стоящие в форме прямой речи. По мнению Эриха Фромма, человечество задается данными вопросами на рассматриваемом этапе развития:
  - When the feudal system broke down, this sense of identity was shaken and the acute question “Who I am?” arose — or more precisely, “How do I know that I am I?”

Приведенные в форме прямой речи высказывания являются собственно-вопросительными, хотя в данном контексте они не требуют ответа.

Следовательно, использование различных типов вопросительных предложений в философской литературе и их разграничение являются проблемой.

Кондрашова Вера Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Косвенное выражение негативного отношения
в английской женской речи

Косвенное выражение интенций является одной из характерных черт английской коммуникации. Непрямое проявление негативного отношения позволяет избежать открытой конфронтации. Хотя косвенное выражение интенций есть и в мужской речи, но, как отмечают многие лингвисты, косвенность в большей степени характерна для женщин. В центре внимания исследования диалоги, в которых говорящим и адресатом являются женщины. Выражение женского негативного отношения имеет свою специфику, которая проявляется как в форме, так и в содержании высказываний. Наиболее частотным является употребление женщинами комплиментов,

содержащих «шпильку», т. е. замаскированную негативную оценку личности адресата, его внешнего вида или деятельности. Как правило, первую часть комплимента характеризует эмоционально-окрашенная лексика, а во второй части содержится обидный смысл. В реактивных репликах для выражения негативного отношения используется некооперативная интерпретация слов собеседника, порождающая обидный для адресата смысл. Негативное отношение к собеседнику может выражаться в форме намека. В частности, в намеках-оскорблениях нарушаются постулаты принципа кооперации. Для этой цели часто используются многозначные слова. Нередко употребляются зооморфизмы в таких коммуникативных ситуациях, когда референтом может быть как настоящее животное, так и адресат. Косвенное выражение негативного отношения женщинами чаще встречается в официальной обстановке, при формальных отношениях между коммуникантами.

Кузнецова Ольга Геннадьевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Использование ярлыков в критике политического оппонента: дискурсивный анализ комментариев читателей американской прессы

В докладе будет рассмотрена проблема использования ярлыков как одной из манипулятивных стратегий, применяемых в критике политического оппонента. Исследование проводится на материале онлайн комментариев читателей американской прессы.

Одним из центральных понятий политического дискурса является базовая оппозиция «мы — они», либо «свои-чужие». В рамках этой оппозиции используются различные стратегии для создания положительного образа своей группы и негативизации образа противника. Оппозиция «мы-они» может в разных коммуникативных ситуациях американского политического дискурса конкретизироваться как «либералы — консерваторы», «демократы — республиканцы», «правительство — оппозиция» и подобные.

Одной из манипулятивных стратегий, используемых в рамках подобных оппозиций, является стратегия присвоения ярлыков. Под присвоением ярлыков мы понимаем стратегию, при которой для воздействия на мнение реципиента при указании на политического оппонента намеренно используется неточная, не соответствующая действительности терминология.

Необходимо отметить, что воздействие ярлыков заключается в способности ярлыка создавать самореферентный образ, обладающий эвокативной силой. Ярлык понимается как некий сложный конструкт, включающий в себя ценностную и эмоциональную составляющие, т. е. ярлык апеллирует скорее к чувствам, а не к разуму реципиента.

Ярлыки потенциально могут относиться как к группе «своих», придавая положительное значение, так и к группе «чужих», приписывая отрицательные черты. При самоидентификации ярлыки могут одновременно передавать положительную оценку своей группы и негативную оценку «других».

Таким образом, ярлыки обладают значительным манипулятивным потенциалом, так как препятствуют критическому восприятию действительности и навязывают заданные целостные эмоциональные образы.

Нефедов Сергей Трофимович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Максимы научного общения в теоретической лингвистике

В докладе дискутируется проблема лингвистического моделирования научной коммуникации в профессиональной сфере «Лингвистика». На материале немецкоязычных монографий и статей анализируются показатели частотности разноуровневых языковых средств, прототипически конститутивных / табуированных для лингвистического дискурса. С учетом широкого спектра эксплицитных и имплицитных средств выражения уточняется функциональность классической триады общенаучных максим общения («запрет на авторизацию» / «das Ich-Verbot»; «нарративный запрет» / «das Erzähl-Verbot»; «запрет на метафору» / «das Metaphern-Verbot»), выделенных на материале языка естественных наук, для научных текстов по теоретической лингвистике. Ставится вопрос о введении понятия «профессиональные максимы научного общения» и расширении списка общенаучных максим с учетом особенностей передачи знания в гуманитарных науках вообще и в лингвистике в частности.

Пантелеенко Олеся Александровна,

ст. преп., Беларусский государственный университет

Механизм переноса обозначения эмоций из литературного произведения в киносценарий: интертекстуальные особенности

В эпоху современных медиа, когда происходит взаимопроникновение различных видов искусств, одной из тем, к которым привлечено внимание ученых, является вопрос о взаимодействии литературы и кино. Фундаментом теоретического осмысления неизбежной трансформации литературного произведения при экранизации может служить изучение киносценария. Общим для разработок по проблематике киносценария, выполненных в лингвистическом (работы Д. В. Ивановой, К. Ю. Игнатова, И. А. Мартыановой и др.) либо искусствоведческом аспекте (А. Базена, Б. Балаша, С. Эйзенштейна и др.), является тот факт, что ученые так или иначе отмечают свертку и добавление среди способов перевода литературного текста в киносценарий. Однако, обозначив проблему трансформации художественных произведений при экранизации, исследователи не занимались ее глубокой разработкой. В частности, вне поля зрения ученых осталась такая проблема, как установление механизма переноса эмоций из литературного произведения в киносценарий и выявление его интертекстуальных особенностей. На сегодняшний день все значительные разработки в области исследования интертекстуальности можно обозначить двумя основными моделями: широкой и узкой. Согласно широкой модели

интертекстуальность понимается как универсальное свойство любого текста. В соответствии с узким толкованием об интертекстуальности речь идет лишь в том случае, когда автор умышленно подчеркивает взаимодействие между текстами, делая его видимым для читателя с помощью определенных маркеров. Подход к киносценарию с позиций интертекстуальности не только позволяет изучать интертекстуальные элементы, но и выявить языковые средства, реализующие межтекстовые связи, а также установить сложные процедуры языковой трансформации обозначения эмоций литературного произведения при их переводе в киносценарий.

Пилатова Валентина Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Скрытый стереотип и условия его существования

Формулировки стереотипов не находятся в статичном состоянии, а постоянно меняют свою форму. При этом предпочтение отдается скрытому выражению, представляющему собой гибкую тактику речевого поведения. Использование косвенно выраженных стереотипов позволяет избежать опасности обретения репутации человека пристрастного, необъективного. Его изменчивая природа обеспечивает стереотипу долговечность и автоматизм. Он приспосабливается к внешним условиям, но свою идейную структуру сохраняет. Носители стереотипного мировоззрения не торопятся от него отказываться, поскольку стереотип является их удобным оружием. В некотором смысле стереотипизация естественна, неизбежна и даже функциональна. Причиной отказа от стереотипного представления в условиях, когда его необоснованность становится очевидной, может быть инертность и ритуальность мышления.

Садовская Елена Сергеевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Прагмалингвистическая характеристика диалогичности в публицистическом жанре «колонка»

(на материале текстов авторской колонки М. Райх-Раницкого)

В результате двустороннего процесса — роста количества новых авторов и снижения достоверности информации и авторитетности мнения — появляется интерес к публицистическим жанрам с ярко выраженным авторским началом, среди которых стоит отметить колонку. Авторская колонка, по форме являющаяся монологом публициста, в тоже время всегда представляет собой «прямой диалог с аудиторией» [Кройчик, 2000, 153], открытый контакт с читателем. Прагматические характеристики колонки обуславливают ее диалогический потенциал. Л. Р. Дускаева определяет диалогичность как «фундаментальное для письменных текстов свойство, помимо адресованности, включающее ответность, <...> выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения

для достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере» [Дускаева, 2004, 67]. Настоящее исследование проводилось на материале текстов колонки «Fragen Sie Reich-Ranicki» одного из ведущих мировых публицистов, немецкого литературного критика Марселя Райх-Раницкого. Тексты авторской колонки рассматриваются в рамках опосредованного диалога, характеризующегося отсутствием пространственно-временной составляющей непосредственного общения и наличием признаков дистантности, подготовленности и письменной формы общения. В докладе представлены результаты анализа лингвистических средств репрезентации категории диалогичности в жанре «колонка» (вопросно-ответные комплексы, восклицания, риторические вопросы, вводные и вставные конструкции, вариативные формы обращения к читателю) и их прагмалингвистический потенциал; отдельное внимание уделяется их роли в коммуникативной стратегии автора в данном публицистическом жанре.

Солнцева Елена Сергеевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Многомерность в немецком журнальном репортаже

В докладе представлен анализ тематической структуры репортажа “*Rückkehr Ost*”, (“*Der Spiegel*”, 17/2012). При описании события автор репортажа, как правило, представляет его с разных ракурсов, вводит ряд подтем, которые, развиваясь по отдельности, вместе формируют законченный текст. Подтема представляет собой ту новую информацию, которую сообщает автор об уже известном, о теме. Единство темы делает текст связным на глобальном уровне. Среди исследований в области тематической структуры текста можно отметить работы М. Л. Макарова [Макаров, 2003], В. Б. Касевича [Касевич, 2006], Е. Ягуновой [Ягунова, 2009], Т. А. ван Дейка [van Dijk, 2007], К. Ганзель [Gansel, 2011] и др. Анализируемый репортаж состоит из 24 абзацев, объединенных темой возвращения бывших жителей Восточной Германии из Западной Германии обратно в родные края. Основная тема представлена автором с разных ракурсов: это судьба С. Мюллера: *1. Auf den ersten Blick scheint es ein Abstieg: Sebastian Müller, 2010 noch Ingenieur bei Audi, Wohnung in München, 56 000 Euro Jahresgehalt, arbeitet wieder in der Heimat — in der Oberlausitz, bei einem Autozulieferer. Er verdient weniger, Bundesliga-Fußball ist weit weg, statt Staatstheater gibt’s Puppenspiele.* Кроме того, упоминаются черты экономики востока и запада Германии, политические кампании в поддержку переселенцев, образ среднестатистического переселенца и др. Главная тема раскрывается автором в 11 подтемах, каждая из них имеет разный объем (от 1 до 5 абзацев), на протяжении всего текста они по-разному комбинируются, к некоторым подтемам (напр., к истории С. Мюллера) автор возвращается неоднократно. Формируется многомерное повествование с дистантной тематической связанностью, текст приобретает выпуклый, объемный характер. Преобладание подтем, содержащих положительные отзывы, напр., политиков, экономистов и частных лиц создает в статье “*Rückkehr Ost*” положительную оценку новой тенденции в Германии.

Супоницкая Наталия Семеновна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности скрытой эгореферентности в научной коммуникации

В сфере научной коммуникации на базе старого знания создается и обосновывается новое знание, которое эксплицируется в разных типах научных текстов. Научный текст характеризуется не только общетекстовыми категориями цельности и связности, но и особенными признаками, отражающими специфику общения в науке. Научный текст принято воспринимать как совокупность смысловой и грамматической структур текста, подчиненных социально-культурным, когнитивным и речезыковым стандартам. Бессубъектность выделяется как одно из основных свойств, которое определяет языковые особенности научной коммуникации. Вместе с тем нельзя полностью отрицать присутствие автора в научном тексте. В семантике модальных, эмоционально-оценочных, связующих и др. лексем, а также грамматических структур содержится косвенная отсылка к автору научного текста. Рефлексивное начало научного познания может быть выражено в психологической установке субъекта на конкретную проблему, его попытке донести новое знание до читателя через смысловое акцентирование элементов сообщения. Такие контексты создают особые условия для проявления индивидуального и субъективного компонента в текстовой деятельности. Категория бессубъектности становится лишь отражением формы, а не содержания научного текста. ИмPLICITно-авторизованные языковые единицы создают цельный имPLICITный план эгореференции текста в научной коммуникации.

Фадеева Людмила Владимировна,
к. ф. н., доц., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Пролепса и антиципация как стилистические приемы нарушения синтаксической структуры предложения

Разрыхление синтаксической структуры является одной из основных тенденций развития синтаксиса современного немецкого языка. Эта тенденция находит свое выражение в явлениях, связанных с изменением нормативной структуры предложения. К стилистическим приемам осознанного или неосознанного нарушения линейной структуры текста относятся пролепсы, анаколуфы, парентезы и присоединения. Большинство немецких предложений, входящих в текст, представляют собой завершенные формы высказывания, поэтому стилистические приемы, нарушающие такую завершенность, выделяются на этом фоне наиболее ярко. Явления нарушения грамматических структур характерны, прежде всего, для устной речи и берут свое начало в синтаксисе эмоциональной и необработанной разговорной речи. Именно эта особенность разговорного синтаксиса использовалась античной риторикой в качестве основы

для создания специальных стилистических приёмов речевого воздействия на слушающего.

Пролепса (пролеписис; от греч. *prólēpsis* — предположение, предчувствие, предвидение) относится к такому типу нарушения конструкции предложения, при котором один из знаменательных компонентов высказывания, выраженный подлежащим или обстоятельством, выносится за рамки синтаксической структуры в абсолютное начало, а его позиция замещается местоимением или наречием без изменения формы. Прием пролепсы широко применяется в поэзии разных художественных направлений. В импрессионистской прозе это яркое художественное средство представлено во всевозможных вариациях. Как риторическое средство он используется в публичных речах.

Суть синтаксической **антиципации** (лат. *anticipatio* — предвосхищение), так же как и пролепсы, состоит в отклонении от обычной линейной последовательности элементов анафоры, но выносимый за рамки синтаксической структуры элемент занимает постпозицию, местоименное обозначение предшествует замещаемому им слову. Особенно широко антиципация применяется для создания эффекта «повисания» — употребления местоимения до прямого обозначения объекта.

Филиппов Константин Анатольевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о языковой концепции Готфрида Вильгельма Лейбница

Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716) — один из самых значительных европейских ученых эпохи раннего Просвещения — известен не только своими достижениями в области философии, математики, юриспруденции, дипломатии, но и своеобразной концепцией языка. Знаменитая фраза «Язык есть зеркало разума» стала ключевой для понимания его позиции в области языка. Свое понимание знакового характера языка Лейбниц представил следующим образом: «Однако при использовании языка особо нужно отметить то, что слова являются знаками не только мыслей, но и вещей, и что знаки нам нужны не только для того, чтобы сообщить наше мнение другим, но и помочь самим нашим мыслям». В концепции Лейбница слова — это «разменные монеты» (*Rechen-Pfennige*), «векселя разума» (*Wechsel-Zettel des Verstandes*), используемые вместо образов и вещей. Исследователи творчества Лейбница, как правило, обращают внимание на то, что подавляющее большинство научных текстов ученого написано на латыни или на французском языке. То же самое можно сказать и о его эпистолярном творчестве, содержащем около 15 000 писем, направленных к примерно 1100 адресатам. Следует упомянуть также, что в 2007 г. специальным постановлением ООН эпистолярное наследие Лейбница было внесено в список всемирного наследия и находится под защитой ЮНЕСКО. В области немецкого языка известны две работы Лейбница: *Ermahnung an die Deutschen, ihren Verstand und ihre Sprache besser zu üben* (1683), и *Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der*

deutsche Sprache (1697). При этом обе работы были напечатаны значительно позже их создания: *Unvorgreifliche Gedanken* — в 1717 году, *Ermahnung an die Deutschen* — только в 1846 году. Некоторые исследователи полагают, что обе работы не оказали какого-либо заметного влияния на общественную жизнь Германии XVIII века.

Шрамко Людмила Игоревна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы реализации признака «контроль» и значения «неуспеха» действия в семантической структуре глаголов fail и miss

Изучение глагольного действия продолжает оставаться актуальной проблемой лингвистики, поскольку именно глагол является центральным элементом высказывания, представляет модель ситуации.

В докладе рассматриваются особенности семантической структуры глаголов fail и miss. Данные глаголы могут быть отнесены к периферийной части концепта «действие», поскольку реализуют в своем значении признак неконтролируемости.

Fail и miss принадлежат к группе глаголов «неуспеха» действия, называющим ситуации, характеризующиеся определенным сбоем, из-за которого запланированное действие не достигает завершающей стадии, или его результат оказывается не соответствующим запланированному, состоящей из подгрупп глаголов с физическим сбоем, ментальным сбоем, глаголов отрицательного результата действия.

Особенность fail заключается в том, что он является ядром группы глаголов «неуспеха» как наиболее немаркированно отражающий значение неудачи. Он присутствует в словарных дефинициях практически всех глаголов «неуспеха», но не принадлежит ни к одной из вышеперечисленных подгрупп.

Глагол fail может имплицировать только отрицание действия или вмещать значение отрицания со значением активной попытки совершения действия. Значение fail становится понятным из значения его компонента или из контекста ситуации.

Сходное значение имеет глагол miss, относящийся к подгруппе глаголов с физическим сбоем действия и являющийся заменителем отрицания ряда действий, неся в своей семной структуре значение активной попытки совершения запланированного действия. Однако, в отличие от fail, выражающего отрицательный результат любого действия, miss выступает в этой функции по отношению к ограниченному числу действий.

В отличие от fail, который сочетается, прежде всего, с глаголами, обозначающими само действие (fail to do smth.), глагол miss обычно предполагает сочетания с номинативным компонентом (miss a train, etc.), который также несет информацию о закончившемся неудачей запланированном действии.

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)

Агаярова Фидан Эхтибаровна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Vollständigere und Neuerläuterte Deutsche Sprachkunst»
и становление немецкого научного языка XVIII века

В статье будут затронуты такие вопросы, как влияние иностранных языков на немецкий научный язык XVIII в. на уровне фонетики, грамматики, терминологии, этимологии. Готшед подчеркивал, что немцы зачастую лучше знают иностранные языки, чем родной. Это можно заметить в разделе, посвященном описанию алфавита. Готшед отмечал, что немецкое «а» звучит как итальянское/французское/латинское, но не как английское. В разделе «Морфология» Готшед уделял внимание написанию иностранных имен собственных и нарицательных. Отмечал необходимость онемечивания иностранных нарицательных слов, т. е. необходимость приблизить иностранные имена нарицательные фонетически и морфологически к немецкому языку. В разделе «Орфография» автор представил словарь, в котором привел список немецких слов и их латинские эквиваленты, аналоги, которые давали толкование немецких терминов. Также нельзя не отметить этимологические параллели из иностранных языков, которые приводит Готшед с целью объяснить происхождение немецких слов и развитие их значений. Как И. К. Готшед, так и М. В. Ломоносов прибегали к сравнительно-историческому методу изучения научного языка. Данный метод позволил выявить общее и особенное в языковых явлениях разных языков, познать исторические ступени развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Грамматикализация формы вежливого обращения
в немецком языке

Под грамматикализацией понимается в широком смысле процесс возникновения и развития грамматических форм. Грамматикализация может иметь в качестве «отправной точки» лексему, которая в ходе грамматикализации приобретает грамматическое значение, либо граммему, которая в ходе грамматикализации приобретает новое грамматическое значение. Грамматикализация связана с дискурсом, т. е. с языковым действием. Конечной целью языкового действия является успешная коммуникация, передача информации. Для реализации этой цели говорящий формирует свое высказывание так, чтобы слушатель понял его правильно, или так, как этого хотел бы говорящий (принцип кооперации). Достижению этой коммуникативной цели в значительной мере служат устоявшиеся, идиоматические или грамматикализованные конструкции. Однако в языке на определенном этапе его развития могут возникать некие лакуны для во-

площения содержания, необходимого для успешного протекания коммуникации. Грамматикализация, в результате которой заполняются те или иные лакуны для выражения определенного содержания по-новому, служит решению коммуникативных проблем. Одной из таких коммуникативных проблем в истории языка была передача особого вежливого, уважительного отношения к партнеру по коммуникации. В докладе прослеживается история формирования немецких форм вежливого обращения, в ходе которой грамматикализация прошла несколько этапов от *du* через *Ihr* к *Sie* (путь, практически зеркальный русскому *ты-Они-Вы*). В средневерхненемецком господствовала форма *Ihr*, которая носила придворный характер. В XVII веке придворное *Ihr* получило большее распространение в рамках трехчастной структуры *du-ihr-er/sie*. В XVIII веке происходит утверждение позиций современной формы *Sie* в системе категории вежливости.

Власов Сергей Васильевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Диминутивы в истории французского языка и языковая норма (по данным французских грамматических трактатов и словарей XVI–XVIII вв.)

Если для французского языка XVI в. диминутивные образования весьма распространены и характерны, что соответствует литературному идеалу изобилия слов (*copia dicendi*) и концепции обогащения литературного языка всеми средствами, включая профессионализмы, диалектизмы, архаизмы и неологизмы, то во второй половине XVII в. утверждается новая концепция литературного языка, логически ясного, избегающего как простонародных выражений, так и технических терминов. В результате возникает негативное отношение к диминутивным образованиям, допускаемым только в низкие литературные жанры. Кодификаторы французского языка XVIII в., как правило, также осуждают употребление диминутивов.

Волков Сергей Святославович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Манёрова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет.

Метаязык словаря «М. В. Ломоносов и культура Германии XVIII века»

1. Компонент *мета* (из греч. приставки *μετα-*) в языке науки традиционно используется в заимствованных из английского языка терминах в значении ‘*on the subject of; concerning, about*’ (ср., например, *метаанализ, метаданные* и пр.). *Метаязык* с точки зрения внутренней формы — это «язык о языке», что следует понимать как язык, служащий для описания фактов «самого себя» или другого языка; как знаковую систему,

служащую для описания другой знаковой системы. В отечественной лингвистике термин *метаязык* получил распространение благодаря известной статье Р. О. Якобсона «Лингвистика и поэтика».

2. Метаязык лингвистики обычно упрощенно представляется как система лингвистических терминов. *Метаязык словарного описания*, несмотря на то, что лексикография традиционно рассматривается как одно из направлений прикладной лингвистики, является значительно более сложным, богатым и гетероморфным. Метаязык современного словаря может включать разные виды знаков: слова-знаки, разнообразные сокращения, условные символы, графические знаки и даже рисунки. Также он должен включать универсальные средства для описания лингвистических объектов на разных языковых уровнях, в двух и более языках, в разных языковых состояниях одного языка.
3. Словарь немецкого языка М. В. Ломоносова представляет собой инновационный исследовательский и лексикографический проект, который направлен на составление универсального словаря тезаурусного типа, объединяющего в себе исторический толковый, исторический терминологический и историко-культурный словари, словарь собственных имен, словарь сочетаемости слов, словарь сокращений.
4. Для решения таких сложных задач необходима разработка модели метаязыка нового поколения. В его средства должны войти вербальные единицы двух языков, графические символы, иероглифические знаки выделения словосочетаний и синтаксических явлений, а также особое *расположение* элементов словарной статьи.

Гвоздецкая Наталья Юрьевна,

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Лексические средства изображения поэтического творчества англосаксов в древнеанглийском переводе «Церковной истории народа англов» Беда Досточтимого

Труд Беда, нортумбрийского монаха VIII в., донес до нас предание о неграмотном пастухе Кэдмоне, который, будучи вначале обделен музыкально-поэтическими способностями, позже получил дар от Бога слагать великолепные стихи на библейские темы. «Церковная история народа англов» была переведена с латыни на древнеанглийский язык в конце IX века в ученом кружке уэссекского короля Альфреда Великого. Сравнение с оригиналом позволяет лучше понять, какими словарными ресурсами располагал англосаксонский переводчик, а также глубже проникнуть в характер восприятия англосаксами поэтического творчества. Сопоставление латинской и древнеанглийской лексики, употребляемой в оригинале и в переводе для изображения поэтического дара Кэдмона, охватывает такие концептуальные сферы, как процесс и результат поэтического сочинения, его устный/письменный характер, поэтический язык и поэтическую речь. В древнеанглийском переводе более ярко выражены такие черты поэтического творчества англосаксов, как напевная импровизация, музыкальное

сопровождение, связь личностного характера творчества с его полумагической направленностью, невычлененность метрики из устойчивых оборотов речи, наличие особого наддиалектного поэтического языка.

Георгиади Ирина Владиленовна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

**Лексико-грамматические особенности газетных объявлений
XVIII века (на материале австрийских газет)**

Характерными лексико-грамматическими особенностями газетных объявлений рассматриваемого периода являются: большой объем предложения; сложноподчиненные предложения с относительными придаточными, в том числе с неполным сказуемым; широкое употребление причастия настоящего времени; перечисления; повторное наименование с помощью указательных местоимений и прилагательных; употребление модальных глаголов в сочетании с пассивным залогом; употребление прилагательных в превосходной степени; употребление иноязычной лексики.

Грицина Елена Анатольевна,

к. ф. н., доц., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

**Ранние романские грамматические трактаты: латинская догма
и авторская интерпретация романских языковых фактов**

Степень влияния латинской традиции (главным образом, грамматик Доната и Присциана) на первые описания грамматики провансальского языка в трактатах «веселой науки» определяется, прежде всего, личностью автора и поставленной им конкретной целью. Максимальная зависимость от латинского образца приводит к тому, что происходит искажение ряда фактов своего родного языка или изложение их в несвойственной для грамматики провансальского языка манере. Так, самый лаконичный автор Юк Файдит ограничивается простым перечислением частей речи и указанием их основных признаков и переводит слово в слово определения Доната и Присциана, приводя примеры из провансальского языка. Каталанцев Рамона Видаля и Жофре де Фуша, для которых провансальский не является родным языком, напротив, отличает практический подход. Их интересуют не отдельные грамматические категории как таковые, а способы функционирования тех или иных грамматических форм в провансальском языке. Эта установка предопределяет обращение к тем элементам грамматики, которые вызывают наибольшие затруднения у каталанских трубадуров, особенно это касается случаев расхождения языковых фактов провансальского и каталанского языков. Наиболее демократичным и последовательным в осмыслении особенностей нового романского языка оказывается Жофре де Фуша. Луиса д'Аверсо интересуют отдельные грамматические категории, а не описание провансальского языка, поэтому его замечания

носят фрагментарный и непоследовательный характер: он строго следует латинской догме в определениях рода, числа, падежа, времени и т. д. и в то же время делает свои очень правильные выводы о реальном содержании этих категорий в каталанском языке.

Гусарова Надежда Васильевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Топонимы «Англосаксонской хроники»

Англосаксонская хроника — один из главных источников знаний о жизни Англии в древний период.

Топонимика «Англосаксонской хроники» полифункциональна.

Структурный анализ топонимов «Англосаксонской хроники» указывает на словообразовательные особенности данного слоя лексики.

Семантический анализ топонимов «Англосаксонской хроники» отражает состояние и тенденции развития значения исследуемого языкового материала.

Лингвокультурологический подход при анализе материала позволяет сделать заключение на стыке разных наук, что углубляет наши знания о языке древнего периода и жизни страны в целом.

Десятова Мария Юрьевна,

к. ф. н., доц., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

«Caternu» как памятник сицилийской письменности XIV века

Любопытное свидетельство бытового повседневного языка представляет собой «*Caternu*», «амбарная» книга сицилийского монастыря Сан Мартино, которую вел аббат и его настоятель Анджело Сенизио, сумевший возродить разоренную и доведенную до полного упадка обитель и превратить ее в цветущий сад. Целью создания памятника стало стремление настоятеля держать под контролем все виды экономической деятельности, необходимые для поддержания монастыря. Сенизио следовал некоей модели, построенной, видимо, по собственному разумению, которой он довольно регулярно придерживался из года в год. Этот труд представляет собой одну из первых «стихийных» попыток на Сицилии систематической письменной фиксации хозяйственной деятельности в монастыре. «Амбарная» книга Сенизио может сообщить многое об экономическом состоянии возрожденного монастыря, дать некую картину его хозяйственной жизни. Но помимо этого можно констатировать, что с языковой точки зрения текст, написанный Сенизио, уникален. С одной стороны, «*Caternu*» представляет собой шаг вперед в процессе формирования делового или обиходного стиля на вольгаре: следует отметить лаконичный синтаксис, использование бытовой и хозяйственной лексики, относительно низкую степень вариативности. С другой стороны, текст действительно можно считать оригиналь-

ным, поскольку он не ориентируется ни на какие образцы (в связи с их отсутствием на тот момент) и, следовательно, вполне свободен от их влияния. Кроме того, само предназначение текста исключало художественные, эстетические и нормализаторские установки автора. Поэтому язык этого «экономического» труда может до некоторой степени свидетельствовать о состоянии народной сицилийской речи во 2-й половине XIV века, так как вполне возможно, что в данном случае дистанция между письменным и устным языком была минимальна.

Джалилова Юлия Геннадьевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Реализация понятия «Glück» (счастье) в произведениях немецких романтиков начала XIX в.

Концепт «счастье» является одним из центральных компонентов человеческого бытия, как фрагмент коллективной и индивидуальной концептуальной системы любого этноса, в том числе немецкоязычного. Концепты представляют собой своеобразные коды — ключи к пониманию ценностей этой культуры, условий жизни людей, стереотипов их поведения.

Концепт «счастье» относится к важнейшим категориям этики (Воркачев, 2002, 142). Изучение таких основополагающих лингвокультурных концептов, как *Glück*/счастье, способствует лучшему пониманию менталитета и национального характера народа. Концепт в языковом сознании представлен как совокупность значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни.

В настоящей статье рассмотрены лексические средства, с помощью которых выражается концепт *Glück* в немецкоязычной литературе начала XIX века. Данный период ознаменовался расцветом немецкой литературы, формированием национального духа, становлением немецкой народности. В немецкой литературе выделяются такие течения, как сентиментализм и романтизм, выдвигающие чувства на передний план. Среди жанров новыми являются новелла и авторская сказка. Немецкий романтизм отличается ярко выраженным публицистическим тоном. Среди писателей-романтиков наиболее заметными фигурами являются Э. Т. А. Гофман, работающий в жанре сказки, самый даровитый и характерный из младших романтиков; А. ф. Шамиссо, основательный знаток естественных наук, подчинившийся романтикам относительно формы, но сохранивший рельефность и конкретность изложения, и Й. Ф. ф. Эйхендорф, которого часто называют «поэтом леса» и последним романтиком.

Произведения указанных авторов проанализированы с точки зрения реализации понятия *Glück*/счастье с целью выявления особенностей языкового отражения действительности в данный период и диахронического анализа изменения семантического поля *Glück*.

Жолудева Любовь Ивановна,

к. ф. н., ст. преп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Понятие «правило» в первых грамматиках итальянского языка

В европейской ренессансной лингвистике понятие «правило» было одним из важнейших — во многом благодаря влиянию античной грамматической традиции. Согласно Данте, именно наличие правил отличало латынь от народных языков, в частности, различных вольгаре Италии. Однако в эпоху Возрождения, когда статус народных языков меняется, подвергается пересмотру и точка зрения об отсутствии у них правил. Понятие «правило» в первых грамматиках итальянского языка трактовалось двояко: с одной стороны, оно понималось в традиционном ключе — как четкая закономерность словоизменения и стабильность фонемного состава слова (в идеале — стабильность орфографии). С другой стороны, узус той эпохи отличался крайней нестабильностью, и в условиях политической и культурной децентрализации единственным общепризнанным ориентиром при описании и кодификации языка оказались литературные произведения на флорентийском вольгаре XIV века. Это привело к переосмыслению понятия «правило» и формированию особого, характерного именно для Италии подхода к описанию языка. Первая грамматика итальянского языка — «*Grammatichetta vaticana*» Леона Баттисты Альберти (1442(?)) — редкий для Италии пример грамматического описания, созданного без опоры на литературные образцы и с минимальным вниманием к вариативности. Для автора было важно продемонстрировать само наличие у итальянского языка правил, сопоставимых по четкости с правилами словоизменения классических языков. В XVI веке, когда задача апологии народного языка в Италии была в целом решена, понятие правила не утрачивает своей актуальности. Его содержание становится более конкретным: правило для Франческо Фортуни — уже не абстрактная категория, а рекомендация, позволяющая сделать правильный выбор в условиях неустойчивости письменного узуса.

Зеликов Михаил Викторович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Реконструкция устной речи как объекта диахронии

В результате многочисленных дискуссий о симбиозе устной (понимаемой тройко: приближенной к письменной, разговорной и спонтанной — Долинин, 1975) и собственно письменной (литературный язык) речи, к концу XX века стало более или менее очевидно следующее: опора на собственно лингвистический критерий не может считаться определяющей, а различия следует объяснять в рамках наук, изучающих человеческое поведение — психологии и социологии. О подлинном своеобразии устной речи при этом позволяет судить ее синтаксический уровень. Также существенным при этом является опора на размывающее категоричность основной сосюровской дихотомии «язык-речь» положение о том, что «*язык не живет своей особой жизнью вне или помимо жизни говорящих*» (Hartmann, 1943, также

Бахтин, 1979, Косериу, 1963 и др.). Особую значимость на современном этапе развития языкознания приобретает внимание к прагматическому аспекту отражения устной речи, проявляющееся уже в самых ранних письменных памятниках, составляющее объект прагматической истории конкретных языков. Выявляемый в них набор элементов устной речи (ср. преимущественно короткие и простые предложения, паратаксис, преобладание союза *dass* и др. синтаксические явления, зарегистрированные в немецких прозаических текстах — Баева, 2012) обычны и для спонтанной речи (ср. преобладания паратаксиса, частотность поливалентного союза *che* (= нем. *dass*), короткие и эллиптические предложения, характерные, например, для итальянского и также относящиеся к «универсальным» синтаксическим механизмам других современных языков). Анализ испанских художественных текстов разных жанров — эпического («Песнь о моем Сиде»), клерикального («Поэма о святой Ории» Г. де Берсео), драматического («Селестина» Ф. де Рохаса) и авантюрного («Жизнь Ласарильо с Тормеса») позволяет реконструировать внушительный корпус синтаксических явлений письменной речи, составляющих богатое своеобразие языка памятников, появившихся в период с XII по XVI столетие.

Иванова Нина Владимировна,

к. ф. н., доц., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

О роли обращения к слушателю в «Похвале Испании»,
входящей в «Поэму о Фернанде Гонсалесе»

«Поэма о Фернанде Гонсалесе», памятник эпической поэзии испанского Средневековья, несмотря на переработку, осуществленную в XIII в. ученым клириком, содержит большое количество черт, характерных для устной эпической традиции. Устная эпическая поэма обязательно подразумевает наличие певца-исполнителя (хуглара) и слушателя, которому адресована поэма. И если часто слушатель остается вне текста, то в «Похвале Испании», включенной в «Поэму о Фернанде Гонсалесе», он не просто адресат поэмы. Обращение к слушателю со стороны хуглара играет определенную роль в композиции и содержании этого фрагмента. Из 12 куплетов «Похвалы Испании» обращения к слушателю содержатся в шести, что составляет 9 употреблений. Эти обращения к слушателю носят разный характер и выполняют различные функции.

1. Регулирующая функция: обращение к слушателю создает определенные референциальные отношения в тексте «Похвалы», что вполне характерно для устной эпической поэмы; так, хуглар готовит слушателя к тому, о чем пойдет речь далее — (145) *dezir vos e agora quantas ha de bondades*, или обозначает окончание одного из фрагментов «Похвалы» — (153) *Dexar vos quiero d'esto, assaz vos he contado*.
2. Дидактическая функция: хуглар обращает внимание слушателя на ту или иную информацию, подчеркивает важное в тексте поэмы: (145) *Por esso vos lo digo que bien lo entendades*; (153) *pero non olvidemos al apostol honrado, // fijo del Zebedeo, Santiago llamado*; (154) *sabet, non yaz apostol en todo aquel lugar*.

3. Объединяющая функция: хуглар и слушатель объединены в местоимении *nos* (совр. исп. *nosotros*) — «мы»: (152) *Por lo que ella mas val aun non lo dixemos: // es mucho mejor tierra de las que nunca viemos, // de los buenos caveros aun mençion non fiziemos, // nunca tales caveros en el mundo non viemos.* Таким образом, хуглар становится на позицию слушателя, а слушатель — на позицию хуглара, то есть они выступают не как элементы противопоставления (хуглар – слушатель), а как представители одной общности.

Илюхина Ольга Александровна,
асп., ГБОУ СОШ № 492

Обозначение перемещения глаголом *hweorfan* в древнеанглийском языке

Данное исследование посвящено выявлению особенностей обозначения движения и перемещения глаголом *hweorfan* в древнеанглийском языке, определению общих с другими древнеанглийскими глаголами движения черт и универсальных особенностей *hweorfan*. Исследование ведется в рамках когнитивного подхода с использованием методов контекстуального, этимологического и сравнительного анализа. Цель данной работы — исследовать древнеанглийский глагол движения *hweorfan*, имеющий в своей дефиниции признак «go», т. е. обозначающий перемещение, и его значения в различных контекстах, объяснить особенности употребления именно этого глагола в тех контекстах, где он употребляется, путем обращения к его этимологии (др. и.-евр. корню *ueg* – поворачивать). В большинстве случаев употребления ***hweorfan*** — это перемещение в нереальном пространстве, относительно нереальных объектов и т. д. Это, по сути, было изменением состояния (физического или психического). При описании глаголом *hweorfan* реального физического перемещения, появляется дополнительное значение «прийти», «вернуться», «появиться». Направление перемещения, которое выражалось глаголом *hweorfan*, практически всегда обозначалось предлогом. По предварительным выводам можно сказать, что *hweorfan* обозначал движение, и только при добавлении сопутствующего предлога (направления) это движение могло квалифицироваться как перемещение. Обозначение этим глаголом в большинстве случаев не физического перемещения, а перемены состояний человека, как «перемещения» от одного к другому, вызывает вопрос, почему в древнеанглийском языке переносное значение вытеснило прямое.

Кирпичников Роман Дмитриевич,
к. ф. н., доц., Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Глаголы движения (ГД) как компоненты устной речи в эпической поэме «Песнь о моем Сиде»

«Песнь о моем Сиде» — древнейший памятник испанской литературы, почти единственное, что уцелело от кастильской народно-героической поэзии. Как давно установлено (С. Гилман, Р. Менендес Пидаль) синтак-

сис «Песни» близок к синтаксису устной речи. Тем не менее, необычная экспрессивность, простота и конкретность языка «Песни», отмечаемая исследователями, ограничивается в большинстве случаев лишь указанием форм и эпитетов. Как показало наше исследование, важнейшими экспликациями разговорного стиля «Песни», помимо многочисленных компрессионных и инверсионных моделей, является разнообразное использование аналитических образований, компонентами которых выступают глаголы движения: *Bien me ira a mi, Minaya* (925) — оригинальный текст *Minaya*, *todo me ha de salir bien en la vida* [49] — совр. версия Рейеса *Благо мне, Минайя* — перевод Ярхо; *sivos ploguiere, mio Cid, de ir somos sados* (10600 *Cid*, *si os parece podemos marcharnos ahora mismo* [62] *Коль дозволите, Сид, готовы мы в дорогу*. Несомненным свидетельством компрессионности древнейшего памятника являются фрагментация и дизъюнкция повествования, приводящие к беспорядочному отсутствию элементарных средств грамматической структуры и уже неоднократно привлекавшие внимание исследователей эллиптические структуры с ГД, свидетельствующие о разговорном характере оригинальности текста. *Commo omnes exidosde tierra extrana* (1125) *Desterados somos en tierra ajena* [67] *Ведь мы-то здесь иноземцы откуда*. Кроме того, отмечаются многочисленные примеры использования ГД в синтетических моделях, где чаще всего используются глаголы *ir*, *venir*/ *salir* и др.: *mas por que me vo de tierra* (250) *como tengo que salir de la tierra* [15] *Ухожу я в изгнание*; *Vansse Feranes arriba quanto pueden andar* (542) *Caminan hacia arriba de Henares todo lo que pueden* [26] *Вниз по Энаресу мчатся во весь опор*; *Non viene a la puent, ca por el agua passado* (150) *Pero no han pasado por el puente; cruzan por el agua* [9] *Не по мосту едут, а в брод на переправу*.

Компанеева Ирина,

асп., НОУ Немецкая гимназия Петершуле

Особенности композиционного построения цикла новелл Штрикера «Поп Амис»

Немецкоязычная литература позднего средневерхненемецкого периода характеризуется, в первую очередь, «сменой классовой основы культуры, поэзии и литературного языка». Господствующая система феодальных отношений приходит в упадок, в результате чего формируется новая городская культура, в рамках которой «складывается новый эстетический канон, опирающийся <...> на традиции народной сатирической литературы и... на рационализм и дидактические устремления доминиканской философии».

Материалом для исследования послужил цикл стихотворных новелл Штрикера о попе Амисе. Я выделила и описала основные особенности новелл, такие как:

1. кольцевая композиция (каждая новелла начинается с приезда попа в город и заканчивается его отъездом из него);
2. значительная автономность новелл по отношению друг к другу;
3. сравнительно небольшой объем новелл в отличие от рыцарских романов;

4. смена ракурса повествования («рыцарской романтике... и культу изящного противопоставлена здесь реальная жизнь в ее будничном облики»).

Книга Штрикера представляет собой «широкую картину европейских нравов XIII в.» и, тем самым, немалый интерес для дальнейшего изучения.

Милованова Наталья Сергеевна,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Употребление родительного падежа в средневерхненемецком языке и проблема перевода конструкций с родительным падежом на современный немецкий язык (на примере «Песни о нибелунгах»)

1. В сфере падежей в свн. период происходит максимальный расцвет родительного. Он не вытесняется ни из одной области своего употребления в двн., а внутри этих областей употребляется еще шире. Существительное в Р. п. получает показатель *es*, если слово употребляется без имени собственного. Например, *truhsaeze des küneges* (Nib, 11,2). Перевод на современный язык: *Truchsess des Königs*. При переводе *es* сохраняется. Существительное в родительном падеже остается без показателя, если за титулом следует имя собственное. Например, *des künic Gunthers wip* (Nib, 914, 4). Перевод: *König Gunthers Gemahlin*. При переводе *es* отсутствует, как в оригинале.
2. Местоимение *des* в качестве средства связи между предложениями (со значением объектности, причинности, инструментальности или общей соотнесенности) употребляется так часто, что рассматривается как особое слово — наречие, союз. Например, *des was wol vierzec tusend oder dannoch baz* (Nib, 179,1). Перевод: *Es waren schätzungsweise vierzigtausend oder gar noch mehr*. При переводе *des* передано местоимением *es*. *Des* иногда опускается при переводе. Например, *des wart der herre zornec und grimmic genuoc* (Nib, 205,4). Перевод: *...raste er vor Zorn und Wut*.
3. Генитив может располагаться между существительным и относящимся к нему артиклем, если определение, стоящее в родительном падеже, не имеет при себе артикля (*der sanges meister*). Такое положение часто занимает родительный падеж имени собственного в героическом эпосе. Например, *di Liudgers man* (Nib, 164,3). Перевод: *Liudegers Gesandte*. Генитив располагается перед определяемым словом.

Москалюк Галина Сергеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Средства связности текста позднесредневекового кулинарного рецепта

Кулинарный рецепт позднего Средневековья представляет собой самостоятельный тип текста, обладающий всеми основными характеристиками текста — интенциональность, информативность, целостность, ситу-

ативность, интертекстуальность и связность. Связность текста при этом подразумевает наличие семантических и грамматических связей внутри текста рецепта. В представленном исследовании речь будет идти о средствах когезии и когерентности, таких как прономинализация, использование союзов и наречий, контактное положение предложений внутри текста и пр.

Связность текста является сугубо лингвистической категорией, т. к. она выражена средствами, изучаемыми языкознанием. Все предложения в тексте стоят в определенном порядке и связаны друг с другом по смыслу и грамматически. Этот признак обеспечивается не одним или несколькими приемами, а достаточно серьезным комплексом разнообразнейших средств. В каждом конкретном произведении используется определенная их часть. Можно выделить следующие виды связности: 1) локальная (выявляемая, например, в пределах абзаца); 2) глобальная (определяемая в рамках целого текста); 3) контактная (связанные компоненты текста находятся рядом друг с другом, в непосредственной близости) 4) дистантная (связанные компоненты отдалены друг от друга, между ними находятся отрезки текста определенного объема).

Существует множество средств когезии: коннекторы, повторы, проформы, текстовый, ситуативный дейксис, средства субституции, метакоммуникативные средства, объединяющие рецепты в составе кулинарного собрания и т. д.

Нифонтова Дарья Евгеньевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Стратегия самозащиты в фастнахтшпилях Ганса Сакса

Феномен самозащиты исследуется в многих науках: психологии, социологии, медицине, криминалистике. Речевая составляющая данного явления все чаще привлекает ученых-лингвистов, исследующих ее с позиций прагматики. Стратегический подход к анализу языковых явлений позволяет выделить самозащиту в отдельную речевую стратегию, понимаемую как комплекс речевых действий, которые предпринимает слушающий в ходе конфликтного диалога с целью поддержания собственного «лица». Применительно к историческим эпохам рассмотрение данной стратегии представляется возможным на материале драматических произведений в силу их максимальной приближенности к реальной коммуникации. Анализ диалогов фастнахтшпиля позволяет прийти к выводу, что стратегия самозащиты представлена в речи следующими тактиками: 1) тактика оспаривания; 2) тактика оправдания; 3) тактика ответного удара.

Под тактикой оспаривания понимается одно или несколько речевых действий, выражающих отказ от предъявленного обвинения. Тактика оправдания нацелена на объяснение того или иного поступка защищающегося, тактика ответного удара, носящая подчеркнуто инвективный характер, представляет собой реакцию слушающего на слова говорящего обвинением на обвинение, оскорблением на оскорбление, угрозой на угрозу.

За каждым из выделяемых речевых действий закреплен набор языковых средств, маркирующих интенцию говорящего на поверхности речи.

Понамарева Надежда,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Инстанция автора в немецком прозаическом романе XV–XVI вв.

Прагмалингвистический подход к художественному тексту требует его понимания в качестве «действия, связывающего участников литературно-эстетической коммуникации — автора и читателя». В основе такого действия — установка автора-адресанта. В этой связи настоящее исследование инстанции автора в немецком прозаическом романе XV–XVI вв. направлено на то, чтобы определить формы реализации данной коммуникативной инстанции и декодировать их прагматическую функцию. В качестве анализируемого материала выступают следующие текстовые экземпляры жанра: «Melusine» (1487 г.), «Ein kurzweilig Lesen von Dyl Ulenspiegel <...>» (1515 г.), «Historia von Johann D. Fausten <...>» (1587 г.) и «Lalebuch» (1598 г.).

В результате проведенного исследования установлена общая модель коммуникативных уровней немецкого прозаического романа XV–XVI вв., построенная при опоре на модель В. Шмида. Релевантными прагматическими величинами, презентирующими инстанцию автора в данной модели, выступают: 1) книгоиздатель; 2) нарратор; 3) вторичный нарратор/персонаж. Фигура книгоиздателя передана средствами паратекста: через предисловие и иллюстративный материал — ксилографию в ее соотношении с текстом. На уровне нарраторской коммуникации инстанция автора представлена четко и однозначно. Нарратор немецкого прозаического романа XV–XVI вв. — недиегетический, всеведущий, он близок книгоиздателю/конкретному автору и во многом следует его замыслу, указанному в паратексте. На уровне персонажной коммуникации инстанция автора обозначена через прямую речь. Прямая речь вводится глаголами говорения, в которых, как правило, отсутствует дополнительная характеристика говорящего, оценка сообщаемого (например, *Da sprach er*).

Романова Галина Семеновна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Окситанская средневековая языковая личность в стихах и прозе: попытка интерпретации

Универсальный принцип борьбы противоположностей лежит в основе очевидного факта, что сегодня, в век безусловного доминирования основных мировых языков как средства универсального общения, инструмента инновационных процессов, хранения и передачи информации, набирает силу тенденция возрождения языков малых, региональных, которая иногда проявляется в резком расширении сферы применения, приобретая политический аспект, а иногда уходит в поиск культурно-исторических корней. Зачастую оба эти процесса протекают параллельно или интермитентно, о чем говорит, в частности, Е. А. Гринина, основываясь на ситуации в испанской Валенсии. Вслед за Вайсгербером и другими сторонниками нео-

гумбольдтианских идей в лингвистике многие современные лингвисты убеждены, что в условиях би- или мультилингвизма материнский язык никогда не исчезает совсем, внутренняя языковая личность носителя того или иного языка или диалекта не может не испытывать потребности проявлять и развивать себя, осуществляя языковую деятельность. Источники саморазвития она ищет прежде всего в лингвокультурном прошлом своего этноса, поскольку диахронная составляющая и есть тот фактор, который формирует и поддерживает ее языковую картину мира. Фольклор, предания, культуuroобразующие концепты, фразеология, языковые стратегии, формулы речи — все это личность впитывает с материнским языком, и в процессе речевой деятельности, по мере возможности, развивает и закрепляет, внося свой вклад в лингвокультурный багаж этноса. В эпоху глобализации и мировых языков этот процесс, однако, нередко оказывается прерванным, как это произошло, в частности, с одним из возрождающихся ныне малых языков романской группы — окситанским, до последнего времени медленно угасающим в пустеющих деревушках юго-запада.

Салеева Марианна Вячеславовна,

к. филос. н., доц., Беларуский государственный университет

Становление национального языка

в контексте становления нации в Италии XIX—XX вв.

В период объединения Италии многие политические деятели, ученые и писатели связывали понятие единой Италии с необходимостью создания единого национального языка. Процесс этот разворачивался в крайне сложной экономической, политической и социальной обстановке, которую усугубляли диалектальная раздробленность и неграмотность населения. Национальное объединение запустило процессы объединения военного и административного. Процент италофонов стал постепенно увеличиваться. Ощутимые изменения ситуации были зафиксированы лишь в период правления Джолитти. Были заметно увеличены дотации на образование. Значительна и роль фашистского режима в формировании национального языка и самосознания. Режим несколько замедлил революционные изменения в обществе. И только после войны глобальный процесс италянизации стал вновь активно набирать обороты. Лингвистическая ситуация в послевоенной Италии во многом определяется ведущей ролью средств массовой информации. 2011 год был объявлен в Италии юбилейным. Страна отметила 150-летие объединения. Подобное событие обычно является поводом для размышлений и подведения неких исторических итогов. По инициативе администрации президента в Италии состоялся Национальный конгресс «Итальянский язык как несущий фактор национальной идентичности», в котором приняли участие все ведущие институты Италии — Академия Дей Линчеи, Академия дела Круска, Институт итальянской энциклопедии и Общество Данте Алигьери. В дискуссии приняли участие ведущие политические деятели и ученые. С приветственной речью выступил президент Джорджо Наполитано. Он подчеркнул государственную важность изучения

сложного процесса становления и утверждения итальянского языка в условиях политического объединения. Не скрывая трудностей формирования итальянской нации и политического объединения, случившегося так поздно, невозможно переоценить значимость вклада языка литературы в этот процесс.

Самойлова Екатерина,

сотр., Санкт-Петербургский государственный университет

Средневековая литургическая драма как феномен библейского истока

1. Библия имеет особый статус в ряду прецедентно «сильных» текстов, входящих в литературный канон.
2. Специфика культурно-исторического развития предопределила особую прецедентную значимость Библии для человека эпохи Средневековья.
3. Изучение текстовой концептосферы, связанной с библейским текстом, а также включения его в созданные позднее тексты представляет особый интерес.

Тихонова Елена Сергеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Свн. *naht* «ночь»: «неправильное» время

Доклад посвящен употреблению свн. лексемы *naht* «ночь» в «Парцифале» и «Песни о нибелунгах». Данная лексема обладает не только ярко выраженной темпоральной семой, но и богатыми культурологическими коннотациями. В Средние века ночь воспринималась как время сил зла, опасных для человека, поскольку с наступлением темноты жизнь останавливалась. В «Парцифале» *naht* «ночь» представлена 51 реализацией, а в «Песни» — 21. Существительное *naht* выступает как в составе обстоятельств времени, так и в функции подлежащего или дополнения. Также представлены формулы приветствия (*guote naht* «доброй ночи») и сравнения (*liute vinsten sô diu naht* «люди тёмные, как ночь»), где темпоральная сема ослаблена. *Naht* «ночь» указывает или на время действия, или на его длительность, при этом посредством лексем *tac* «день» и *morgen* «утро» задается предел «ночного» действия. *Naht* «ночь» не используется для передачи разновременности. «Ночная» деятельность в указанных текстах передается сказуемыми двух семантических групп: во-первых, глаголами, обозначающими отдых/сон (*ruowen, slâfen*) или любовные похождения (*ligen, minnen*). Во-вторых, ночью происходит тайная деятельность или же перемещения героев (*erbîten, fâren*). *Naht* «ночь» регулярно употребляется вместе с другими обстоятельствами времени. На этом основании мы предполагаем, что «ночь» как «неправильное, плохое» время, не может фигурировать само по себе, но только в противопоставлении или в сочетании с другими темпоральными показателями, ночь как бы «выпадает» из хода времени.

Цвинариа Марина Евгеньевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Третьякова Татьяна Петровна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Специфика речевого общения в эпосе «Беовульф»:
от героического ритуала к этикетной риторике

Представленные в эпосе «Беовульф» примеры вежливой вербальной коммуникации характеризуются ритуальным использованием устойчивых форм приветствия и обращения, направленных на достижение дружеской и доверительной тональности общения. Обильное употребление единиц номинации адресата, подчеркивающих его силу, военную славу и могущество, отражает как языческую традицию восхваления героя, так и посылы к добродетелям, имеющим ценность для христианских этических норм. Эпизоды диалогического общения имеют сложную прагматическую структуру, часто включающую более одного речевого акта, что позволяет говорящему реализовать не только основное коммуникативное намерение (например, просьбу), но и выразить положительное и вежливо-почтительное отношение к адресату через одновременное пожелание ему добра или обещание служить ему. Речевые акты просьбы, разрешения, пожелания и обещания имеют устойчивый набор лексико-грамматических средств, служащих коммуникативными маркерами вежливого общения и соблюдения определяемого иерархией социальных отношений речевого этикета.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ)

Азарова Наталия Михайловна,

д. ф. н., в. н. с., Институт языкознания РАН

Статус прецедентного текста в свете проблемы
межъязыкового взаимодействия

(на материале «ODE MARÍTIMA» Фернандо Пессоа)

Общим параметром прецедентных текстов считается узнаваемость и отсутствие необходимости ссылки на текст или авторов: текст может выступать как эталон, однако основным его предикатом всегда остается опознаваемость. Можно условно выделить модели, по которым текст опознается как прецедентный: словесно-текстовая модель; форматная модель текстообразования; формально-стиховая; языковая (дискурсивная) модель — модель отношения к языку, модель выстраивания образа языка. Это может быть классическая модель сочетания высокого и низкого стилей речи или, например, модель обращения с поэтизмами. Особый случай модели, когда дискурсивный формат (модель) частично или полностью основан на принципах межъязыкового взаимодействия; по типу конструирования

субъекта (по типу субъективации); по типу саморепрезентации личности поэта в литературе (истории литературы и литературном процессе); по вписанности в философскую литературу. Текст Пессоа опознается как прецедентный по 3–7 моделям, которые, однако, не выступают раздельно: сама фигура Пессоа выступает не только как эталон субъективации (благодаря его уникальной модели гетеронимии) и саморепрезентации в истории литературы, но и — как эталон модернистского подхода к межъязыковому взаимодействию. Пессоа задает модель множественной субъективации в связи с разными языками. Принцип гетеронимии как множественной субъективации предполагает, что каждый раз создается новый образ языка, т. е. предполагает более высокую метаязыковую рефлексию и наличие межъязыкового и метаязыкового сознания как такового. Множественная субъективация подразумевает, что ничто не дано в готовой формуле, каждый раз мы говорим на новом языке (точнее, используем новую дискурсивную модель), таким образом, соотношение нашего говорения и идеального универсального языка каждый раз выстраивается заново.

Амурская Оксана Юрьевна,

к. ф. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Речевой портрет пользователя фотосайта (на материале немецкоязычных сайтов)

Фотосайты представляют собой платформы, на которых пользователи, любители и профессионалы, размещают свои фотографии. С коммуникативной точки зрения фотосайты (фотохостинги) представляют пользователям возможность создания сообществ, обсуждения и комментирования фотографий. Немецкоязычный сервис fotocommunity.de, согласно информации на его сайте, является крупнейшим европейским фотосообществом, количество его пользователей составляет более миллиона. Материал нашего исследования составили комментарии немецкоязычных пользователей к 8 фотографиям разных жанров (портрет, жанровая фотография и пейзаж). Для репрезентативности корпуса исследования были выбраны фотографии, получившие от 147 до 215 комментариев. Таким образом, было проанализировано 1476 комментариев. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что для немецкоязычных пользователей-комментаторов фотографий фотосайта fotocommunity.de характерны две основные стратегии: эмоционально-оценочная и рационально-оценочная с преобладанием первой. Единичные комментарии можно отнести к креативно-оценочной стратегии. Эмоционально-оценочная стратегия реализуется в дискурсе пользователей при помощи графических (параграфемных) символов, оценочных лексем и речевых актов (поздравления, пожелания, прямого и косвенного комплимента) в функции выражения восхищения и, в единичных случаях, необоснованной критики, а также своего впечатления от фотографии. Для усиления данного выражения используется редупликация как параграфемных символов, так и лексем. Пользователи, выбирающие рационально-оценочную стратегию, используют параграфемные символы (например, эмодзи) в функции смягчения

критических замечаний, лексемы (pro, leider) и речевые акты с выражением извинения, сожаления, реке совета, сопровождая критику оценкой сильных сторон фотографии и стараясь быть объективными при ее оценке.

Баканова Анна Валентиновна,

к. ф. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Испанские фразеологические единицы со сказочным компонентом

В народной сказке широко используются фразеологические единицы испанского языка: пословицы, поговорки, загадки. Но и сама народная сказка является источником пополнения фразеологического фонда языка. Этому способствует устная форма бытования фольклорных текстов, «народность» и узнаваемость фольклорных образов и, кроме того, функциональная ограниченность сказочных героев и ситуаций. Многообразие сказки и вместе с тем ее постоянство, повторяемость, объясняются В. Я. Проппом исходя из двойного качества сказки, в которой сочетаются небольшое число функций и множество различных персонажей; в содержательном плане народная сказка отражает древнейшие стадии развития общественных отношений и религиозных культов. Многие фразеологические единицы тесно связаны с внутренними и внешними медиальными формулами, реке с инициальными или финальными сказочными формулами, как например, *el tiempo / los tiempos de Maricastaña, va de cuento,...* у *el cuento se ha acabado*. Сам термин «cuento» по причине своей неоднозначности может использоваться в различных значениях в составе фразеологических единиц, подчеркивая, например, некоторые жанровые особенности, как в *el cuento de nunca acabar, el cuento de la buena pipa*, или же ироничное отношение слушателей к вымыслу сказителей: *cuentos de viejas, cuentos de comadres*. Особенное место занимают фразеологические единицы со сказочными персонажами или волшебными предметами. Среди антропонимов выделяются, в первую очередь, имена Хуан, Мария и Педро, закрепившиеся в испанском фольклорном сознании и во фразеологическом фонде: *Juan Soldado, a / Juan y Pedro, buen Juan, lo mismo le da Juan que Pedro*. Для отечественной фразеологии и культуры важными являются образы Кощея и Бабы Яги, о которых пишет Ю. С. Степанов, мы говорим: тощий, как Кощей, или страшная, как Баба Яга. Носители современного языка по-прежнему мечтают жить как в сказке, уехать за тридевять земель и чтобы желания исполнялись как по мановению волшебной палочки.

Безкоровайная Галина Тиграновна,

ст. преп., Московский государственный университет печати им. И. Федорова

Семантические отношения внутри СП gentleness/nobleness (на примерах из текстов писателей-викторианцев XIX в.)

Выделенные в процессе исследования конститuentы СП gentleness/nobleness находятся в различного рода семантических связях и отношениях, среди которых доминантное значение имеет синонимия. В нем наблюдается явление антонимии. Отношения в рассматриваемом СП строятся по типу

иерархии и парадигмы. В докладе проанализированы примеры синонимов, и классифицированы их типы внутри синонимического ряда, а также способы репрезентации данных языковых единиц как в словарях, так и в текстах романов английских писателей XIX в. Рассмотрена антонимия, которая не так широко распространена в СП *gentleness/nobleness*, а также и гиперогипонимические отношения. Синонимичность слов может быть различной степени, т. е. она представляет собой градуируемое семантическое явление. Степень синонимичности может быть условной и демонстрировать как сильные, так и слабые семантические связи. Это утверждение в полном мере относится и к синонимам данного СП. Наибольшей степенью синонимичности обладают ядра СП-*gentleness/nobleness*. В процессе анализа примеров из художественных текстов, который будет представлен в докладе, можно заметить неравную степень синонимичности. Обладая общностью значения, синонимы отличаются объемом семантики. Доминантой становится та лексема, которая обладает большим объемом. В этом смысле, например, синонимы ядерных лексем — *respectability, greatness, worthiness, aristocracy: royalty, ruling class* — придают дополнительные оттенки смысла, в отличие от самих ядерных лексем, главное значение которых связано с номинированием благородного рождения.

В докладе даны примеры из текстов романов английских писателей-викторианцев Ч. Диккенса, У. Теккерея, Ч. Лэвера, Д. М. Мьюлок-Крейг, в которых представлены не только ядерные лексеммы и их производные, но и синонимы, антонимы и гипонимы как ядер, так и периферии данного СП.

Бруквина Виктория Анатольевна,
Санкт-Петербургский государственный университет

Опыт описания структуры зооконцептов в авиационном сленге

Настоящее исследование представляет собой попытку концептуального анализа группы нестандартных лексических и фразеологических единиц с компонентами-наименованиями животных и птиц, выбранных из специализированного словаря английского сленга *MILITARY SLANG. A Verbal Climps Into What It Is To Be Military*. Корпус рассматриваемых единиц ограничивается военным сленгом, в частности, узкой сферой авиации. Указанные лексические и фразеологические единицы анализируются с целью реконструкции лежащих в их основе когнитивных структур. Предметом когнитивного анализа выступают зооконцепты *aardvark, bird, cat, cow, chicken, dog, duck, hawk, hog, panther, pig, rhino, tiger, warthog, weasel*. При их анализе мы выделяем когнитемы, посредством которых представляется возможным описать часть структуры данных зооконцептов. При этом в исследовании не предполагается полная реконструкция рассматриваемых зооконцептов, а лишь той части их структуры, которая непосредственно представлена наименованиями животных и птиц в сленговых наименованиях самолетов и вертолетов. С целью установления набора когнитивных, организующих структуру зооконцептов, и вскрытия метафорически переосмысленных характеристик и качеств рассматриваемых зооконцептов, лежащих в основе сленговых наименований, мы прибегаем к использованию профильной литературы по

авиационной тематике. В большинстве случаев удается найти связь между выбором определенного животного или птицы для обозначения авиационной техники в английском сленге. Однако в некоторых случаях характеристики животных и птиц, положенные в основу обозначения новых денотатов в авиационном сленге могут оставаться затемненными.

Буглак Кристина Игоревна,

асп., Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Художественно-стилистические особенности афоризмов

Афоризмы во все времена привлекали внимание как научных деятелей в качестве объекта исследования, так и читателей своей оригинальностью, отточенностью, парадоксальностью, а также постоянной актуальностью смыслового содержания высказываний.

Б. Грасиан изучал стилистическую структуру афоризмов. По его мнению, художественность — ведущий признак афоризмов. Он выделяет ключевое понятие в теории афоризма — «остроумие». Грасиан относит красоту мысли к важной характеристике афоризма. Эта красота достигается путем использования различных стилистических приемов определение, парадоксальность, а также стилистические фигуры.

Афоризмы-определения обладают четкой выраженной двучленной формой. Это означает, что первая часть высказывания содержит определенное понятие или явление, а во второй части раскрывается смысл этого понятия. Также часто встречаются афоризмы, построенные на парадоксальности, отличающиеся своей оригинальностью высказывания. Умелое использование эмоциональных и стилистических средств делает афористические высказывания оригинальными и своеобразными, что влияет на их популярность и частоту использования в речи.

К наиболее часто используемым стилистическим средствам в афоризмах относится антитеза. Параллелизм также часто встречается в структурном содержании афористического высказывания. В подобных высказываниях соединяются две разные мысли, которые в сочетании создают единый выразительный образ.

Данные приемы служат для создания оригинальности афоризмов, что усиливает эмоциональное воздействие высказывания на читателя, а, значит, обуславливает его популярность. Использование стилистических средств в афоризмах указывает на принадлежность афоризмов к художественному стилю.

Гаврилова Ольга Юрьевна,

к. ф. н., доц., Минский государственный лингвистический университет

Мотивированность эпонимов в современном английском языке

Эпонимы представляют собой один из наиболее креативных способов обогащения словарного состава языка, однако их ономаσιологический статус вызывает разногласия у исследователей в силу отсутствия значения

у именного компонента устойчивых словосочетаний типа *Audubon's warbler*, *Steller's sea cow* и др. Интерес с точки зрения мотивированности, на наш взгляд, представляют те эпонимы, которые содержат в своей структуре имя собственное, соотносимое с известным носителям языка человеком и ассоциируемое с объектом номинации по тем или иным признакам. Проведенный анализ эпонимов-наименований животных в современном английском языке позволил сделать вывод о закреплении определенных мотивировочных признаков (перцептивных, локативных, темпоральных и др.) при помощи имени собственного, ассоциативно связанного с объектом номинации. Подобная ассоциативная связь на основании сходства по цвету, локативным и иным характеристикам, лежащая в основе номинации при помощи имен-эпонимов, является специфической номинативной особенностью лексических единиц данного класса, при помощи которой реализуются те же ономазиологические модели, свойственные мотивированной лексике всей лексико-семантической группе наименований животных английского языка. Факт репрезентации именем собственным в функции модифицирующего компонента устойчивого словосочетания свойств и характеристик объектов номинации, а также возможность расшифровки данных свойств и ассоциаций на данном этапе существования языка дает основание рассматривать подобные эпонимы в рамках особого типа ассоциативно-мотивированной лексики.

Горбунова Каролина Борисовна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Формирование логико-понятийной схемы
по предметной области «борьба с наркотиками»

- Функция УДК в формировании логико-понятийной схемы.
- Логико-понятийная схема на русском языке и ее итальянский эквивалент.
- Анализ логико-понятийной схемы.
- Трудности поиска итальянского эквивалента.

Дронов Павел Сергеевич,

к. ф. н., доц., Институт языкознания РАН

Варьирование идиомы (*разрубить*) *гордиев узел* и ее аналогов
в русском, английском, немецком и испанском языках

Для фразеологии традиционный интерес представляет лингвокультурная специфика идиом, с одной стороны, и идиомы, совпадающие по компонентному составу и актуальному значению, — с другой. А. Д. Райхштейн называет их фразеологическими интернационализмами, а Э. Пиирайнен именует их *widespread idioms in Europe and beyond* «идиомы, распространенные в Европе и за ее пределами» и *common figurative units* «общие фразеологические единицы». Такие идиомы, как правило, близки по компонентному составу, однако могут иметь различия во внутренней форме,

актуальном значении, сочетаемости — ср. рус. *поднимать голову* «начать действовать, проявлять себя активно, обретая уверенность в своих силах» и порт. *erguer a cabeça* «не сдаваться в сложной ситуации».

В данной работе рассмотрено варьирование формы идиомы (*разрубить гордиев узел* в русском, английском (*[to cut] the Gordian knot*), немецком (*der Gordische Knoten; den Gordischen Knoten durchhauen*) и испанском (*[cortar] el nudo gordiano*) языках с целью выделения сходства и различий в модификациях данных идиом, почти полностью совпадающих по своей структуре и внутренней форме. Несмотря на общее происхождение и совпадение внутренней формы, эти идиомы обнаруживают некоторые отличия в актуальном значении. Вместе с тем, в образовании модификаций больше сходства, нежели различий: например, распространены лексические субституции наподобие *развязать гордиев узел, den Gordischen Knoten lösen*.

Автор благодарит С. Ю. Бочавер за предоставленные и проанализированные материалы на испанском языке.

Жаров Борис Сергеевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Передача новых технологий в современном исландском языке

В статье 1961 г. «Обозначение новых понятий в современном исландском языке» В. П. Берков рассмотрел способы образования исландских слов для обозначения новых понятий.

На рубеже XX—XXI вв. человечество создало огромное количество новых технологий и процессов, которые потребовали отражения в лексическом составе. Доклад представляет попытку осмысления данного процесса на данном этапе развития исландского языка.

По-прежнему главным и единственно разрешенным официально способом обозначения новых понятий являются слова, созданные на основе корней исландских слов. Так, *tölva* «компьютер» создано на основе слова *tal* «число».

Сложное существительное *farsími* «мобильный телефон» создано из слов *fara* «передвигаться» и *sími* «телефон», которое в свою очередь является переосмыслением старого слова со значением «нить».

Слово *smaskilabod* «СМС, эсмэска» буквально значит «короткое сообщение».

Жилюк Сергей Александрович,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Место конфикса в системе немецкого словообразования

Активизация процессов заимствования и интернационализации в немецком языке привела к использованию в немецком словообразовании заимствованных словообразовательных единиц (ЗСЕ). К ним относятся как отдельные слова и основы (при словосложении), так и аффиксы и кон-

фиксы. Термин *der Konfix* был предложен Д. Г. Шмидтом в 1987 г. для обозначения ЗСЕ, отличных от аффиксов. Конфикс — это продуктивная, связанная словообразовательная единица, способная выступать в качестве основы и способная соединяться с другими конфиксами или иными немецкими словообразовательными единицами (Э. Доналис). Определение содержит три основные черты рассматриваемой ЗСЕ. Однако некоторые авторы, например А. Зайферт, считают, что конфикс — разновидность аффикса и что не все единицы, считающиеся конфиксами, могут выступать в качестве основы (ср. *geo-*; **geoisch*) или участвовать в словосложении. Поэтому Э. Доналис пишет, что основой может быть сочетание конфиксов (*geologisch*). Нередко исследователи пишут, что конфикс (например, *therm-*) в отличие от аффикса может занимать как начальное (*thermisch*), так и конечное положение (*endotherm*) в лексеме (В. Фляйшер, И. Барц). Это мнение оспаривается П. Айзенбергом. Проведенный нами анализ показывает, что конфикс — это в прямом смысле уникальная морфема, обеспечивающая проникновение в немецкий язык новых слов и в то же время склеивающая две системы словообразования — собственно немецкую и словообразование с использованием заимствованных единиц. Конфиксы могут выступать в качестве словообразовательной основы, а также сочетаться с другими конфиксами по модели словосложения (ср. *Thermophilie*). Проблематичным остается выделение конфикса: традиционные методы морфологического анализа не дают точного представления о границах конфикса (*Filmothek = film+thek / film+othek / film+o+thek?*). Кроме того, не всегда возможно разграничить конфиксы и аффиксы (пример *-(o)log*). Также отмечается проблема выделения исконных немецких конфиксов (*Stief: Stiefvater, Stiefmutter*).

Зверева Екатерина Владиславовна,

к. ф. н., преп., Финансовый университет при правительстве РФ

Использование компьютерной терминологии в испанских комплиментах (*piropos informáticos*)

1. Информационные технологии и связанная с ними лексика все шире внедряются в нашу жизнь. В последнее время появился целый пласт комплиментов, широко использующих узкую компьютерную терминологию.
2. Под комплиментом-пиропо мы понимаем комплимент, адресованный лицу женского пола и касающийся только его внешних данных, причем это лицо, как правило, не знакомо адресанту. Такой комплимент обычно имеет шутливую форму преувеличенной похвалы и реализуется в неофициальном регистре общения.
3. Одной из черт пиропо является иносказательность, т. е. концентрация внимания не на адресате, а на каких-либо: 1) явлениях и предметах, имеющих отношение к адресанту: *tiene más estilo que W3C y más caché que Google; tu RAM le da la vida a mi Windows*; 2) зависть, которую испытывают предметы: *Mi MacOSC tiene envidia de tu belleza*; 3) на самом

авторе пиропо: а) кем бы автор хотел быть: quisiera ser teclado para que me tocaras; quisiera ser página WEB para que me agregaras a tus favoritos; ojala fuera blog para que me visitaras; б) состояние, в которое адресат подвергает автора: cuando te veo, mi ciclo de CPU se acelera; te pienso más que las páginas indexadas; в) готовность адресанта на какие-либо действия: si me dejas hago Alt-F4 a mi vida; 4) концентрация внимания совместно на адресате и адресанте: juntos somos como un procesador de doble nucleo; nuestros corazones sincronizan por Wifi; 5) предложения и просьбы: dime como te llamas y te agrego a favoritos; si quires tendrás la máxima prioridad en la lista de procesos; 6) отождествление адресата с каким-либо сайтом: tu corazón.com esta en mi página de inicio.

4. Второй разновидностью являются прямые пиропо, где похвала адресуется непосредственно объекту, прямо описывая его достоинства. «Компьютерные» комплименты нередко нуждаются в расшифровке для человека, незнакомого с этой областью знаний. В них используются преимущественно английские термины, такие как kernel, linux, socket, grefox, SPU и т. д.

Иванова Анна Викторовна,

ст. преп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Функционирование глагола обладания на идиоматическом уровне в каталанском языке

Особенности функционирования базовых глаголов в каталанском языке, рассмотренные ранее на грамматическом уровне (Иванова, 2013), анализируются на уровне идиоматики, занимающей в иерархии лингвистических дисциплин высшую ступень, предшествуя лишь семантике (Аничков, 1992). Наиболее полно указанный феномен реализуется на материале испанского, в котором преобладают аналитические образования с *tener*, эксплицирующие общую тенденцию романских (шире — индоевропейских) языков к активизации высказывания. При этом субъект может быть представлен не только реальным, но и фиктивным актантом. В современном каталанском параллелизм функционирования двух глаголов обладания *haver* и *tenir* развился далеко не так мощно, как в испанском. Изучение особенностей функционирования последних на идиоматическом уровне целесообразно осуществить с опорой на структурный принцип классификации. В результате были выявлены следующие структуры: а) номинативно-аккузативные: 1. Verb. + Nom., ср.: *tenir espera; tenir joc*; 2. Verb. + Art. def./indef. + Nom. + Adj.(Particip.), ср.: *tenir el melic grillat; tenir el fetge gros*; 3. Verb. + Art. def./indef. + Nom. + Atrib. (Prep. + Nom.), ср.: *tenir la sang de peix; tenir un fetge de rajada*; 4. Verb + Art. def./indef.+ Inf. + Adj.(Particip.), ср.: *tenir el riure facil...* 5. Verb + Num. + Nom., ср.: *tenir set deus (d'alguna cosa)* 6. Verb. + Nom. + Loc. (Prep.+Nom.), ср.: *tenir (alguna cosa) a terra*; 7. No + Verb. + (ni) Nom. + ni + Nom., ср.: *no tenir molla ni crostó*; 8. Verb. + Nom. + Prep.+ Nom. + Conj. + Nom., ср.: *tenir (alguna cosa) entre cap i coll*; б) дативно-аблативные: 1) Verb. + Dat. + Art. def./indef. + Nom., ср.: *tenir-li palletes (a algú); tenir-li bola (a algú);*

- 2) Verb. + Dat. + Art. def./indef. + Nom. + Adj.(Particip.), ср.: *tenir-li el cor robat*
3) Verb. + Dat. + Art. def./indef. + Nom. + Prep. + Nom., ср.: *tenir-li el peu al coll* (a algú) и другие.

Крепкова Елизавета Вадимовна,

к. ф. н., асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности немецкоязычной протестной коммуникации

На примере «Stuttgart21» можно назвать некоторые ставшие «типичными» для немецкоязычной протестной коммуникации ее особенности. Stuttgart21 — архитектурный проект перестройки главного тупикового вокзала в Штутгарте и одноименная акция протеста, проходившая параллельно со строительными работами. Основываясь на материале протестных слоганов и текстов, можно выделить ряд особенностей протестной коммуникации: 1) саморефлексия — протест о протесте: «Nur wer gegen den Strom schwimmt, kommt an die Quelle» «Auch wenn der Plan planfestgestellt ist, stellen wir hier fest, dass wir uns fest gegen den Plan stellen» «Wir sind im Widerstand, aber wir gehen nicht in den Untergrund»; 2) цитирование классических авторитетов морали; Alexander von Humboldt, Hundertwasser, Konfuzius, Bob Marley; 3) обращение к религии: фигурирование образа Иисуса, фрагменты из Библии, использование христианской символики; 4) обращения к политикам: Штефан Маппус, Ангела Меркель, Вольфганг Шустер; 5) ирония: ироническое использование официального слогана архитектурного проекта «Das neue Herz Europas»: «Der neue Scherz Europas» «Der neue Blinddarm Europas» «Der neue Stuss Europas» «Mein Herz blutet, wenn ich sehe, diese herzlose Tat der Herzlosen» «Wer das Herz Europas will, legt nicht seine Lunge still» «Stuttgart das neue Herz Europas. Und der Steuerzahler ist der Herzschriftmacher».

Использование диалекта как объединяющей единицы (Schwabismen); «Herrgott schmeiss hirm ´ra: kein S21» «Bald derfscht nobl Röhrles fahra!» «Die schwabische Seele kocht» Это далеко не все особенности, которые можно выделить, анализируя материал протестной коммуникации Stuttgart21. Материал представляет собой богатый и разнообразный пример неклассической формы протеста и интересен для подробного социально-лингвистического исследования, особенно в сравнении с русским протестным дискурсом.

Кутькова Анастасия Владимировна,

к. ф. н., ст. преп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Истоки, структура и функционирование молодежного жаргона парлаче в испанском языке Колумбии

Парлаче — относительно новый лингвистический феномен, до сих пор не получивший освещения в отечественной испанистике. Это языковое явление становится заметно в конце 1980-х гг. и изначально представляет собой «тайный язык» преступников, наркоторговцев и других маргинальных

слоев второго по величине колумбийского города — Медельина. Постепенно данная арготическая лексика утрачивает свой профессиональный и секретный характер и становится средством эмоциональной экспрессии, образного, эвфемистического словоупотребления. Уже в 1990-е годы лексика этого социального диалекта начинает активно использоваться в текстах СМИ и социальной рекламы, появляются фильмы и книги о жизни молодежи бедных районов — основных носителей этого социолекта; для придания большей выразительности и «жизненности» словечки из парлаче используют в своих речах политики. Тогда же лингвисты из Университета Антиокии начинают сбор материала и работу над словарем парлаче, первое издание которого выходит в 2001 г. (2-е в 2005-м, 3-е в 2009-м). В том же 2001-м термин *parlache* зафиксирован DRAE. Основным источником для создания словаря была информация, полученная от людей в возрасте до 25 лет. Также были использованы материалы СМИ, документальные и художественные фильмы и тексты современной художественной литературы о жизни молодежи, записи живых спонтанных разговоров, услышанных в транспорте, на улице, в школах, университетах, тексты песен, рекламы, объявлений и граффити. Анализ интернет-ресурсов свидетельствует о том, что парлаче упоминается не только на веб-страницах Колумбии, о нем пишут лингвисты, социологи, антропологи, психологи и журналисты из Боливии, США, Эквадора, Перу, Венесуэлы, ряда европейских стран: Испании, Франции, Германии, Финляндии. При этом работы на русском языке, посвященные парлаче, автору не известны. Одна из задач предлагаемого доклада состоит в том, чтобы заполнить этот пробел.

Ларионова Марина Владимировна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

**Гендерные войны в испанском дискурсивном пространстве:
язык — инструмент политики или жертва политиков?**

Анализируя управляющие возможности языка, реализуемые в дискурсивном пространстве с помощью целого ряда вербальных и невербальных манипулятивных стратегий, нельзя не остановиться на такой социально значимой проблеме, как гендерное равенство в том аспекте, в каком оно затрагивает собственно язык. Борьба за *гендерный паритет*, понимаемый как часть общей концепции равенства между мужчиной и женщиной, идет не только на уровне социальном, но и языковом.

Новая — не сексистская — языковая стратегия, навязывающая употребления, незакрепленные в лингво-когнитивном сознании языкового коллектива, сводится к попыткам искусственно подстраивать язык под взгляды определенных кругов в обществе, в ожидании того, что подобным образом изменится и само общество. В испанском газетно-публицистическом дискурсе, отражающем и вербализирующем окружающую действительность, появились чрезвычайно громоздкие сочетания, типа — *ciudadanos y ciudadanas españoles/as* или *cargos y cargos públicos/as*. В них четко маркирован

признак рода, пусть и в ущерб нормативной грамматике, а также закону экономии языковых ресурсов, действующему практически в любом языке.

Использование гендерно маркированных или, наоборот, гендерно нейтральных языковых ресурсов является средством дополнительного воздействия, которое газетно-публицистический дискурс оказывает на массовую аудиторию. Отношение человека к действительности опосредуется дискурсивной практикой. Дискурсивный механизм манипуляции имеет лингвокогнитивную природу. Адресант сообщения, обращаясь через ГПД к массовой аудитории, транслирует благодаря языковым ресурсам субъективную концептуализацию мира, продвигая свои идеи, свой образ действительности, воздействуя на подсознательный уровень адресата в том числе через гендерные стереотипы. Однако любые попытки искусственно изменить существующий механизм путем навязывания обязательного использования гендерно немаркированной лексики неизбежно обречены на провал.

Манерова Кристина Валерьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

**Фразеологические модификации в немецком медиатексте:
типы и динамика**

1. Современный медиатекст как новый коммуникационный продукт предоставляет богатый материал для исследования семантико-деривационной динамики лексического состава немецкого языка. Новый тип текста обладает определенными характеристиками и отвечает функциональным текстовым критериям, свойственным композиционно-речевой форме «сообщение» и иллокутивному классу репрезентативов. Медиалингвист Н. В. Чичерина среди характеристик медиатекста выделяет языковую специфику, которая заключается в том, что он рассчитан на массовую аудиторию, его динамический характер, проявляющийся на внутритекстовом, надтекстовом и гипертекстовом уровнях, многоплановость, многомерность, полифоничность, визуальность, дигитальность, гетерогенность и интегральность.
2. Фразеологические модификации являются окказиональными (ситуативными и текстуальными) изменениями формы и значения фразеологизмов, относящимися к плану содержания речи как средству выражения личностных смыслов коннотативного и эмотивного наполнения. Подобные прагматически обусловленные отклонения устойчивых словосочетаний от системной формы и системного значения нарушают имманентный фразеологическим единицам принцип структурного единства, воспроизводимости в готовом виде, однако отвечают требованиям идиоматичности и так называемой «психолингвистической устойчивости», т. е. закреплённости идиом в ментальном лексиконе в форме отдельной, цельной единицы.
3. Механизмы модификаций (замещение, расширение), с помощью которых изменённые фразеологизмы включаются в текст, имеют различ-

ную природу; подобное изменение актуализирует текстообразующий потенциал фразеологизмов в функциональном аспекте и способствует когезии текста (напр. *Französisches Café erzieht Gäste: Wer sparen will, muss freundlich sein*).

Мельгунова Анна Владиславовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексика первого десятилетия XXI в. в словаре Duden

Рассмотрим, к каким типам можно отнести неологизмы первого десятилетия XXI в., которые вошли в словарь. Среди заимствований в первую очередь можно отметить лексику из английского языка, относящуюся к таким темам, как компьютерные технологии, бизнес, средства массовой информации, образование и др., например, *das Fundrising, die Castingshow, der Creditpoint*; при этом заимствуются не только имена существительные, но и словосочетания из нескольких (чаще двух) компонентов: *der Digital Native, der Best-Ager*, а также с сокращенным первым компонентом: *das E-Banking, das E-Learning*. Отдельно следует отметить целую группу глаголов, образованных при помощи немецких окончаний от английских корней: *bladen, performen, traden, upgraden*. Немецкие неологизмы представляют собой обозначения определенных актуальных реалий современной жизни: *der Datenklau* — кража данных, *die Fernbeziehung* — отношения на расстоянии; многие слова связаны с проблемами, возникающими в Германии и Европе по причине увеличения численности мигрантов из стран с другой культурой. Можно отметить интересную тенденцию — отнесение новых заимствованных слов одновременно к двум родам. Соответственно в словаре указываются разные артикли, как правило, это варианты мужского и среднего рода: *der/das Download, der/das Manga, der/das Outtake, der/das Scan, der/das Weblog*, реже — женского и среднего: *die/das Website*, мужского и женского: *der/die Latte macchiato*. Интересно, что в Duden были включены также слова, занимавшие первые места в рамках акций «Антислово года», что вызывает некоторое недоумение, т. к. в рамках этой акции специальное жюри занимается критикой неудачных наименований, являющихся либо нелогичными, либо некорректными. Несмотря на это, данная лексика вошла в немецкий язык.

Морозова Мария Владимировна,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Моделирование логико-понятийной системы предметной области (на материале итальянской терминосистемы интернета)

Положение о системности терминов считается конституирующим признаком термина. Поскольку термины всегда объединены системой понятий, их отбор должен осуществляться с опорой на логико-понятийную систему

выбранной предметной области. Существует множество способов и методов организации системы понятий, но часто сама структура предметной области, множественность ее уровней и сложность соотношений ее элементов делает невозможным составление единой логико-понятийной модели. В качестве модели логико-понятийной системы может быть использована *десятичная классификация*. Принципы ее построения основываются на едином иерархическом коде и присвоении каждому ее элементу определенного десятичного индекса по основному принципу деления от общего к частному, где последующая цифра уточняет значение всех предыдущих. Такая классификация позволяет соединить разные типы отношений понятий — вертикальные, горизонтальные и комбинаторные, и может быть названа полииерархической. Моделирование понятийной системы в виде десятичной классификации, где индексы закреплены за определенным понятием, значительно облегчает терминологический отбор и обработку, а также позволяет установить и зафиксировать отношения между терминами. Так, в случае терминологической вариантности, когда одно понятие обозначается несколькими терминами, оба они окажутся под одним индексом, а при необходимости представления терминов в ином, к примеру, алфавитном порядке присвоенный индекс всегда поможет четко определить место того или иного термина в системе. Применение десятичной классификации обеспечивает полноту охвата объектов и представление всей парадигмы отношений понятий и терминов предметной области. Данная модель может быть также использована при проведении сопоставительного анализа терминосистем одной предметной области в разных языках.

Мужикова Ольга Николаевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексема *yellow* в сленге английского языка

Для установления связи между значением слова *yellow* в стандартной и субстандартной лексике английского языка рассматривается символика желтого цвета в психологии, религии и культуре. Впоследствии символика сравнивается с семантикой слова *yellow* в сленге. Желтый цвет с давних времен ассоциировался с золотом, солнечным светом, мудростью, интуицией, интеллектом, рассудительностью, верой, оптимизмом и удовольствием. Позднее, приблизительно после XII в., желтый цвет приобретает также смысл лжи, продажности, измены. Желтый связывают с завистью, ревностью, опасностью, болезнью, увяданием и смертью. На Востоке он — цвет императора, на Западе — символ Востока, олицетворение монголоидной расы. В английском языке желтый цвет ассоциируется с трусостью. Прослеживаются ассоциации с желтой прессой, проституцией («желтый билет») и афроамериканцами. В сленге английского языка лексема *yellow* приобретает новые значения, вступая в процессы словообразования и фразеобразования. Было выделено восемь семантических групп номинативных единиц: «Расовая принадлежность», «Синтетические наркотики», «Наркотики растительного происхождения», «Лекарства», «Трусость», «Желтая

пресса», «Политика», «Школьный автобус». Также представлены единичные примеры, не составившие отдельных групп. Однако они интересны для анализа, т. к. в них усматривается связь с ассоциациями с желтым цветом в стандартной лексике языка. В ряде случаев удалось найти косвенную связь выбора лексемы *yellow* для обозначения новых денотатов в сленге с предлагаемыми психологами ассоциациями с желтым цветом и семантикой слов в стандартной лексике языка. Однако подтверждения некоторых ассоциаций, наблюдаемых в сленге, в психологии не найдено, что говорит о разнообразии путей развития семантики слова, а также о высокой идиоматичности производных слов и фразеологических единиц.

Никитенко Татьяна Васильевна,

к. ф. н., доц., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова

Социолектизмы новоанглийского периода как источник пополнения современной негативно-оценочной лексики

Несмотря на длительную историю существования кента (с XVI в.), среди современных негативно-оценочных лексем, по нашим данным, кентизмы представлены незначительно. В основном появление слов (ЛСВ) из числа ассимилированных арготических элементов фиксируется в XIX—XX вв. Проникая в литературный язык, они часто расширяют свое значение и утрачивают экспрессивно-оценочную окраску. Словарь деклассированных в первую очередь связан с преступным миром, отношениями с правоохранительными органами и честными гражданами. Например, на протяжении XIX—XX вв. в кенте фиксировались единицы со значением «доносить», «стукач», которые в современном общем употреблении классифицируются как негативно-оценочные, пр.: *(to) snitch* (1801); *(to) squeal* (1846); *grass* (1932) и др. Среди ассимилированных в британском английском кентизмов фиксируются экспрессивные общеоценочные предикаты, пр. *schmuck* (1892). В некоторых случаях современные негативно-оценочные единицы появляются в результате сочетания несколько источников: слово (ЛСВ) заимствуется из другого варианта английского языка в жаргон замкнутой социальной группы британского английского, а затем становится общеупотребительным. Нами зафиксированы многочисленные случаи, когда американский английский становится источником заимствований в социолекты британского английского, пр. *floozy* (1946). Корпоративные и профессиональные жаргоны на протяжении XIX—XX вв. также пополняют фонд негативно-оценочных средств. Генетически жаргонизмы разнородны, их тематика во многом определяется тем, какую социальную группу они представляют, пр.: *pseud* — школьный жаргон. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что количество социолектизмов, датируемых XVI—XX вв., незначительно и составляет 3% от общего числа проанализированных слов. Социолектизмы проникают в британский литературный язык главным образом на протяжении XIX—XX вв., при этом отмечается тенденция к их увеличению в XX в., что может свидетельствовать об усилении демократизации языка.

Ополовникова Мария Владимировна,
к. ф. н., доц., Ивановский государственный университет

Метафора в немецких и русских народных загадках. Лингвокультурологический аспект

Классическая народная загадка — самостоятельный вид паремий, служащий для краткого образного вербального выражения традиционных ценностей и взглядов, основанных на жизненном опыте народа. Метафора является одним из основных средств, формирующих специфику жанра загадки, но при этом жанр загадки обуславливает особенности трактовки и функционирования метафоры. Основные характерные черты функционирования метафоры в загадке: 1) цель употребления метафоры — именование объекта, входящего в другой класс объектов, аналогичного данному по какому-либо признаку; 2) сфера-цель и сфера-источник имеют лишь один признак, выступающий в качестве основания переноса; 3) этот признак не является наглядным либо существенным ни для сферы-цели, ни для сферы-источника; 4) сфера-цель и сфера-источник могут не иметь видимых общих признаков (особенно характерно для основной метафоры); 5) для указания на разные признаки загадываемого объекта используются разные метафоры; 6) использование метафор в рамках одной метафорической модели нетипично. Паремии всех народов мира передают одни и те же типовые ситуации, различаясь лишь образами, с помощью которых передается логическое содержание, поэтому анализ метафор позволит выявить лингвокультурное своеобразие этого фольклорного жанра. При анализе загадок тематической группы «Земля и небо» было установлено, что в немецких и русских загадках сферы-источники метафор совпадают, однако различаются по частоте использования и конкретным образам. Так, в немецких загадках преобладающей сферой-источником метафор для обозначения солнца служит «Человек» (45%), затем следуют «Предмет» (25%), «Животное» (15%). В русских загадках преобладают метафоры со сферой-источником «Предмет» (36%), количество метафор из сфер «Человек» и «Животное» примерно одинаково (28% и 24%). Наблюдается разница внутри данных групп: «Человек» (девушка, барыня, девица, сестра, хозяин, Миколка), «Mensch» (Jungfrau, Jungfer, Frau, Schwester, Bruder, Hirt, König, Glänzender).

Парина Ирина Сергеевна,
к. ф. н., доц., Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова

Валентность и коллокабельность идиом в двуязычной лексикографии

Валентность фразеологизмов традиционно изучается лингвистами, в том числе в рамках сопоставительных исследований. Принято выделять внутреннюю валентность (заполняемую актантом, являющимся составной

частью фразеологизма) и внешнюю валентность — способность фразеологизма сочетаться с языковыми единицами, не входящими в его состав. С точки зрения двуязычной лексикографии большие трудности вызывает внешняя валентность фразеологизмов (грамматические параметры возможных актантов) и коллокабельность (семантические свойства актантов). В словарях внешней валентности и коллокабельности фразеологизмов не всегда уделяется достаточно внимания. Например, в словаре немецкой фразеологии отсутствуют прямые указания на то, с лексемами какой части речи сочетается идиома *ins Blaue hinein* и возможен ли объект — актант с семантической валентностью содержания — при идиоме *Gift und Galle spucken*. Отчасти пользователь может почерпнуть эти сведения из приводимых в словарных статьях примеров. Так, для *ins Blaue hinein* даны примеры сочетаемости с глаголами *denken* и *reden*, для *Gift und Galle spucken* — пример с объектом в аккузативе, вводимым предлогом *über*. Однако корпусный анализ позволяет получить более подробные сведения на этот счет. Так, в корпусе DeReKo Института немецкого языка встречаются случаи употребления идиомы *ins Blaue hinein* как с глаголами, так и с существительными, преимущественно отглагольными. А *Gift und Galle spucken [speien]* допускает употребления не только с предлогом *über*, но также с *gegen* и *auf*. Валентность и коллокабельность требуют пристального внимания еще и потому, что у близких по значению и компонентному составу идиом двух языков они могут не совпадать.

Подгорная Валерия Владимировна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

О семантике английских соматических фразеологических единиц: человек как социальное существо

В соматической фразеологии аккумулируются наиболее культурно значимые представления о человеке. В докладе представлен результат исследования семантических характеристик соматических ФЕ в английской фразеологической картине мира (ФКМ) при описании человека как объекта социальных отношений и выделяется ряд семантических групп. Деятельность человека неоднородна. ФЕ данного подкласса репрезентируют характер, процессуальность и результат деятельности, указывают на специфические виды деятельности (торговля — *hand over fist*). Безделье и бездействие противопоставляются любой деятельности: *to fold one's arm*. ФЕ дают многогранное описание поведения. В нем проявляется характер: упрямство (*to dig one's heels in*). Поведение связано с психоэмоциональным состоянием, которое является как причиной (нежелание что-то делать (*to drag one's feet on something*)), так и результатом определенного поведения (испуг — *to make one's toes curl* или удовольствие — *to knock somebody off their feet*). Поведение отражает отношение человека к чему-то или кому-то. Негативное отношение выражается, например, игнорированием — *to look through one's fingers at something*. Отношения человека делятся на взаимоотношения с близкими (с семьей, друзьями и любимыми) и отношения

неличного характера: равные или неравные типа «начальник — подчиненный». Для равных отношений характерно проявление конкуренции. Для такого рода отношений характерны роли победителя (*to have a leg upon somebody*) и отстающего/догоняющего (*at one's heels*). Для неравных отношений характерно проявление власти в разных ипостасях и наличие ответственности. Национально-культурный компонент рассматриваемых ФЕ выделяется при помощи сопоставительного анализа исследуемого фрагмента английской ФКМ с аналогичными фрагментами испанской и русской ФКМ. В целом, понимание человека социального в английской ФКМ одинаково в сравнении с соответствующими фрагментами ФКМ испанского и русского языков. Отличия носят в большей степени количественный характер.

Пономарева Татьяна Витальевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Когнитивный анализ ФЕ с этническим компонентом

Когнитивный анализ ФЕ с этническим компонентом в немецком языке ФЕ с этническим компонентом (далее ЭК) выделяются на основе их внутренней формы по имеющимся фразеологическим и общезыковым словарям. Всего было выявлено более 150 ФЕ, содержащих этнический компонент в виде существительного, прилагательного, называющего национальную принадлежность, имени собственного географического, указывающего на страну проживания того или иного этноса.

ФЕ с ЭК, как и многие другие ФЕ, обладают внутренней формой и содержанием, которые соотносятся друг с другом на основании когнитивной метафоры. Внутреннюю форму и содержание ФЕ можно представить как два денотата, которые могут существенно отличаться друг от друга, но они связаны друг с другом по ассоциативному признаку.

С точки зрения синтаксической структуры ФЕ с ЭК могут быть определительными субстантивными, глагольными словосочетаниями, устойчивыми сравнениями, устойчивыми фразами.

ФЕ с ЭК могут обозначать предметы и понятия, связанные с тем или иным этносом, характеризующие его культуру, действия, отличающие разные народы, эмоции, чаще всего негативные, вызываемые у немцев представителями того или иного народа.

Во внутренней форме немецких ФЕ были выявлены названия таких народов, как немцы (самовосприятие нации), русские, поляки, итальянцы, французы, испанцы, китайцы, турки.

Многие народы находятся с немцами в непосредственном контакте в силу географических причин, чаще упоминаются европейцы, чем представители географически отдаленных этносов. ФЕ с ЭК обладают национально-культурной спецификой и отличаются от соответствующих ФЕ в других языках. Они отражают языковую картину мира немецкого народа, устойчивые стереотипы, связанные с представителями других народов, их действиями и поступками.

Садиков Александр Викторович,

д. ф. н., проф., Высшие курсы иностранных языков, МИД РФ

Заметки о лексике боливийского испанского

Статья представляет собой попытку анализа и обобщения словарных материалов, собранных современными исследователями боливийского национального варианта испанского языка. Наши наблюдения можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Представляется весьма абстрактным и схематичным само представление о «национальном варианте». Оно лишь частично подтверждается на материале испанского Боливии — преимущественно на материале нейтрального и официального стиля речи. Что же касается разговорной речи, то здесь боливийский испанский существует на уровне диалектных зон, каждая из которых подвержена действию определенного субстрата, а также и других местных факторов языкового и этнокультурного характера, ставящих весьма узкие рамки возможностям взаимопонимания между носителями испанского языка.
2. Общая языковая ситуация Боливии может быть охарактеризована как ситуация всепроникающего двуязычия, каковое формирует языковое сознание каждого из носителей — в зависимости от степени усвоения им каждого из двух языков.
3. Состояние испанского языка Боливии характеризуется — оставляя в стороне фонетику и морфосинтаксис — а) на уровне словообразования — синкретизмом способов последнего, характерных для каждого из двух контактирующих языков (испанского и одного из индейских) и б) на уровне лексической семантики — созданием особой картины мира как на уровне национального варианта, так и на уровне каждой из народностей, воспроизводящей в своем сознании этнопсихологические воззрения своих предков, воплощенных сегодня не только в их исконном, но и в их испанском языке.

Слинина Людмила Ярославна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Креативное словосложение — функционально-семантические особенности новых сложных существительных в немецком языке

Субстантивное словосложение — один из самых продуктивных словообразовательных типов в современном немецком языке, сложные существительные пополняют словарь немецкого языка, но и, являясь результатами окказионального словообразования, играют роль в образовании языковых единиц более высокого уровня: предложений и текстов. Особое внимание обращают на себя композиты, созданные в процессе креативного словотворчества и обладающие определенным коммуникативным

эффектом. В докладе рассматриваются следующие сложные существительные, имеющие различную структурно-семантическую основу, но привлекающие внимание адресата в процессе коммуникации: — Композиты с метафорическим значением: *Rettungsschirm, Lernbulimie, Hautteppich, Harz IV-TV, Pestgurke*. — Композиты с заимствованными компонентами: *Cyberknife-Verfahren, Downsize-Motor, Easy-going-Denken, Trash-Talk-Welle, Power-Getränk*. — Композиты с алогичным сочетанием компонентов: *Erlebnisswelt, Fortsetzungsfamilie, Ganzjahrestomate, Ausgleichabgeordnete*. В докладе анализируются семантические отношения между компонентами сложных слов и их функции в тексте.

Смирнова Ксения Игоревна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологические глаголы в кулинарной литературе Италии XVI в.

Именно в эпоху Возрождения, когда вкус к еде и к слову гармонично пересеклись, появилась *кулинарная литература* в полном смысле данного понятия — творение настоящих знатоков поварского дела, находящихся в услужении в знатных домах того времени. Всю гастрономическую литературу этого периода можно разделить на две группы. Первая — назовем ее условно *res coquinaria* — кулинарное дело — включает в себя трактаты скорее теоретического характера. Вторая группа работ — *ars coquinaria* — кулинарное искусство — носит, скорее, практический характер и посвящена секретам поварского искусства. Это руководства для столльников, содержащие конкретные советы по организации банкетов, и, само собой, меню и рецепты блюд. Одна из первых кулинарных книг, отражающих дух эпохи Возрождения — это *Banchetti* Кристофоро Мессисбуго. Вслед за трудом Мессисбуго последовала работа Доменико Ромоли — *La singlar dottrina*. Наиболее интересная работа эпохи Возрождения — это *Opera dell'arte del cucinare* Бартоломео Скаппи. Есть и узко специальные работы, например, целиком посвященные разделке мяса. В XVI в. происходит и формирование специального языка гастрономии, который, хотя и далеко не сразу «удостаивается» лексикографической кодификации, все же занимает свое место в итальянском языке. Предметом нашего исследования являются глаголы в терминологической функции. Мы рассмотрели глаголы в терминологической функции в кулинарных текстах XVI в. В каждом тексте мы выделили терминологические кулинарные глаголы. Для проведения лексико-семантического анализа эти глаголы были представлены в виде семантического дерева. Мы проанализировали распределение глаголов в разных текстах в логико-понятийной схеме и сравнили полученные значения. Мы наблюдаем терминосистему в момент ее активного развития и пополнения новыми элементами. Проведенный нами анализ позволил выделить основные особенности терминологических глаголов в языке кулинарии XVI в.

Тихонова Оксана В.,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Синонимическая оппозиция внутри цветообозначения «красный» (на материале лирики Федерико Гарсиа Лорки)

Поэтический язык Ф. Г. Лорки характеризуется насыщенной цветовой гаммой, в которой реализуются не только собственно цветовые значения, но и различные контекстуально обусловленные оттенки смысла, создающие особую художественную картину мира поэта. Красный цвет занимает важное место в лирике Лорки. В опубликованном при жизни поэта лирическом наследии лексико-семантическое поле прилагательного «красный» включает не только сам гипероним «gojo» (40 употреблений), но и 8 гипонимов, зафиксированных словарями.

Проведенный нами анализ особенностей использования цветообозначения «красный» в поэтическом сборнике «Romancero gitano» (Цыганский романсеро) показал, что помимо прилагательного «gojo» (красный), Ф. Г. Лорка прибегает к его цветовым синонимам «carmesí» (карминный красный) и «corinto» (коринфский красный) в стихотворении № 12 «Muerte de Antoñito el Camborio» (Смерть Антоньито эль Камборио). Эти цветовые лексемы, согласно этимологическим данным, содержат сему «дорогостоящего красителя» и сему «краски, доступной лишь богатым и знатым людям». Лорка использует эти оттенки красного для обозначения героя как человека аристократических кровей.

Одновременно с эксплицитными синонимами Лорка применяет имплицитное обозначение красного цвета посредством его эталона «sangre» (кровь), которое в широком контексте поэтического сборника выступает в значении «красивый». В данном случае имплицитная синонимия служит для создания скрытого сюжета стихотворного запятого, связывая несколько стихотворений общей семой «восстановления запятой чести».

Таким образом, в контексте сема цвета «красный» выступает синонимом понятий «богатый», «красивый», «аристократический», «достойный», «священный», а также служит для создания скрытого сюжета поэтического сборника.

Фадеева Галина Михайловна,

к. ф. н., проф., Московский государственный лингвистический университет

Конвенциональное невербальное поведение в немецкой и русской фразеологии

Невербальные действия, в том числе национально маркированные, часто зафиксированы во фразеологии. В докладе на материале немецкого и русского языков рассматриваются конвенционализированные мимика, жесты и соответствующие фразеологизмы. Для успешной межкультурной коммуникации (МК) их значения должны быть известны участникам коммуникации. Этот тезис подтверждается сравнительным анализом двух семиотических систем: одной невербальной — немецких и русских ми-

мики и жестов, и одной вербальной — немецких и русских фразеологизмов. Одинаковое или сходное невербальное действие может использоваться в разных культурах для выражения разных смыслов в различных коммуникативных ситуациях и сферах. В некоторых случаях их смыслы могут совпадать. Необходимо различать: фактическое невербальное поведение; конвенциональное значение этого поведения и двухуровневое «значение» языкового выражения, которое может обозначать а) реальное поведение; б) значение (смысл) этого поведения. Самым простым случаем является тот, когда мимике или жесту соответствует фразеологизм, а контекст позволяет распознать, действительно ли данное невербальное действие имело место. С точки зрения МК особый интерес представляют лакунарные (отсутствующие) или «омонимичные» в одной из сопоставляемых культур невербальные действия и соответствующие фразеологизмы, а также те случаи, когда одному и тому же фразеологизму соответствуют два разных невербальных действия. Мимика и жесты могут выполнять различные функции: сопровождение речи, дополнение, уточнение, придание речи иного значения; замена фразы или слова; выполнение роли самостоятельного сигнала. В докладе приводятся примеры, подтверждающие, что якобы универсальные мимика и жесты могут иметь национально-культурную специфику.

Филиппова Анастасия Константиновна,
к. ф. н., асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Филиппов Андрей Константинович,
к. ф. н., асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологические особенности немецкого и русского вариантов «Новой французской грамматики»

К числу важных европейских сочинений XVIII века, посвященных научно-методическому описанию строя французского языка, относятся написанная на немецком языке грамматика «Neue und vollständige Französische Grammatic» (1749) и русскоязычная «Новая французская грамматика» (1752). Активная работа над изучением этих литературных памятников в настоящее время идет в Институте лингвистических исследований РАН в рамках проекта «Формирование русской академической грамматической традиции: „Новая французская грамматика“ В. Е. Теплова (лингвистический, историко-культурный, терминологический, лексикографический аспекты)». В настоящее время обе грамматики можно рассматривать как литературные памятники, способные служить материалом для изучения процесса становления европейской грамматической традиции. Сопоставление немецкого и русского текстов дает обширный материал для изучения процесса формирования грамматической терминологии в Германии и в России. Поскольку «Новая французская грамматика» представляет собой описание французского языка во всех его аспектах, то в ее тексте представлен весь спектр лингвистических понятий и терминов, служащих для их выражения.

Сравнительное изучение терминосистем, представленных в двух вариантах грамматики, позволяет заключить, что немецкоязычная терминология в «*Neue und vollständige Französische Grammatic*», как и в других немецких грамматических трактатах той же эпохи, находится под сильным влиянием латинской традиции. Русская терминология обнаруживает очевидную зависимость от немецкой (в первую очередь в структуре составных терминов), но в то же время характеризуется значительно меньшим использованием латинских корней. Богатый материал для исследований также представляют сокращения, широко применяемые авторами как русского, так и немецкого текста при многократном обозначении грамматических категорий. Оба варианта грамматики демонстрируют отсутствие к середине XVIII века устоявшейся нормы и обязательного единообразия сокращений терминов.

Шадрина Надежда Амирсиевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Нормативное и оценочное в семантике *best*

Роль нормативной модели/стандарта при когнитивном осмыслении ценностной картины мира исследуется в философии и модальной логике. В модальной логике норма рассматривается как разновидность оценки. Соотношение оценочного и нормативного было предметом анализа в лингвистике в рамках категории модальности. В результате были выявлены разные нормы оценки: рациональная и эмоциональная, абсолютная и нормативная и было определено, что близость двух категорий прежде всего объясняется необходимостью наличия основания для сравнения. Лексическая единица английского языка *best* принадлежит аксиологической лексике. Однако, анализ ее семантической структуры установил преобладание сравнительной семантики: *to the best of your knowledge/ability — used to say that something is as much as you know / are able to do*. Так как любое сравнение предполагает наличие модели/стандарта для сравнения, то *best* можно причислить к единицам нормативной оценки. Лексические единицы, составляющие функционально-семантическое поле с ядерным компонентом *best*, делятся на две группы. В одной из них: *top, first, king, queen, elite* — есть семантика сравнения. Это позволяет отнести их к способам выражения нормативной оценки, которая в качестве основания для определения ценности использует сравнение объектов/явлений друг с другом. Но эта лексика не может выражать абсолютную оценку, использующую в качестве основания для сравнения «идеализированную модель мира». Другую группу функционально-семантического поля *best* составляют лексемы *winner, champion, star, crown, title*, не имеющие семы сравнения в семантической структуре. Компонентный анализ выявляет у них оценочную сему [SUCCESS], которая входит в семантическое поле концепта GOOD. Осмысление ценностной картины мира этим концептом предполагает сравнение с идеализированной моделью, что также не исключает нормативной семантики реализующих его единиц. Очевидно, что можно говорить о наличии двух концептов в когнитивной картине мира: концепта GOOD и концепта BEST.

Шилина Анна В.,
асп., English First

Динамика и функционирование концепта «запах» в английском языке новоанглийского периода

Человек познает мир при помощи органов чувств — зрительно, осязательно, на вкус, на слух и при помощи обоняния. Сфера восприятия запахов человеком представляет собой особый вид чувственного восприятия мира, в значительной степени отличающийся индивидуальностью своей природы и антропоцентризмом. Сведения о запахах окружающего мира и их когнитивной интерпретации человеком находят выражение в языке и, следовательно, свидетельствуют об определенной специфике восприятия и трактовки феномена запаха в англоязычной картине мира. **Объектом исследования** являются особенности репрезентации концепта «запах» в языковой картине мира новоанглийского периода. В исследовании проводится анализ семантических особенностей лексических единиц, вербализующих концепт «запах» в английском языке новоанглийского периода, а также рассматриваются варианты когнитивной интерпретации семантики этих *ле*. В процессе анализа семантики *ле* были определены наиболее общие концептуальные сферы, объекты которых осмысляются в терминах запахов. Чаще всего областями цели переносов являются сферы *эмоциональный мир человека* и *мыслительная деятельность*. Возникновение переносных значений, характеризующих человека, свидетельствует о наличии в сознании носителя английского языка имплицитной связи между запахом, исходящим от человека, и его нравственными характеристиками. Эта связь приобретает переносный, ассоциативный характер в ЯКМ английского языка. Наряду с общими моделями переносов наблюдаются и частные (например, *восприятие запаха — речевая деятельность*), но все они так или иначе связаны с феноменом антропоцентризма.

Шляховой Дмитрий Александрович,
соиск., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

Лексические особенности немецкой военной блогосферы

1. Рассмотрение блогосферы как самостоятельного медиаявления, активно развивающегося наряду с другими типами новостных онлайн-ресурсов. В настоящее время невозможно представить наш мир без интернет-общения. Блог — одна из форм виртуального дискурса, одновременно с этим является уникальным источником информации об актуальных событиях в различных сферах жизни людей. Всем известны имена блогеров, публикующих свое мнение и рассуждения на последние политические, экономические и военные события в стране и в мире — создание и чтение блогов стало уже прогрессивной тенденцией как для современной молодежи, считающей интернет неотъемлемой частью своей жизни наряду с фундаментальными потребностями че-

- ловека, так и для людей других возрастов, профессионально занимающихся какой-либо из этих сфер деятельности.
2. Функции военных блогов как социального явления и их влияние на общественное мнение/сознание. В настоящее время лингвокультурологическая ситуация находится под доминирующим влиянием компьютерных технологий. Исследователи говорят о существовании виртуальной по своей сути речевой культуры. Текст, погруженный в коммуникативную среду виртуальной реальности, рассматривается как специфический вид дискурса со своими особенными функциями.
  3. Использование военной лексики немецкого языка в ее социальных вариантах (профессиональная речь и военный жаргон) на материале военных блогов: языковые характеристики речевого портрета блогера в дискурсивном пространстве немецкоязычной военной блогосферы; языковые особенности подачи новостной информации в немецком военном блоге.

Якушкина Ксения,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Примеры глагольной эвфемистической генерализации в политических медиатекстах (на материале испанского языка)

Генерализация значения — замена нежелательного наименования с более узким значением наименованием с более широким значением, — является одним из наиболее эффективных семантических средств эвфемии. В медиатекстах обобщающие эвфемизмы обладают огромным манипулятивным потенциалом, функционируя как устойчивые политические штампы, способствующие построению нарочито расплывчатой и неясной речи. Особого внимания заслуживает вопрос эвфемистического употребления многозначных глаголов вместо глаголов со значением конкретного действия.

Исходя из разной степени семантической редукции (элиминации отрицательных сем, сопровождающей процесс эвфемизации), среди них можно выделить:

1. Глаголы пониженного уровня конкретности с менее четко выраженными отрицательными коннотациями (*acabar con, ocuparse de = matar*).
2. Глаголы, обладающие достаточно общим смыслом и повышенной долей неопределенности (*regularizar la situación, neutralizar la amenaza*).
3. Десемантизированные глаголы *verba omnibus*, для которых характерна нейтральность значения и максимальная обобщенность, сближающая их с местоименными словами (редукция не только отрицательных, но и любых конкретных сем):
  - а) переходные глаголы (*organizar, realizar, hacer, tener*), которые участвуют в образовании парафраз, обладающих различным эвфемистическим потенциалом, употребляемых вместо конкретных наименований;

- б) непереходные глаголы, которые выступают в функции однословных эвфемистических субститутов при обозначении любых действий (*actuar, obrar, operar*).

Рассматриваемые глаголы следует отнести к «семантически бедным» предикатам, представляющим собой приукрашивающие номинации, использование которых позволяет уклониться от излишней конкретизации. Запрограммированная неточность в обозначении явлений политической действительности помогает говорящему, с одной стороны, снять с себя ответственность за происходящее (прием политического самооправдания), а с другой, избежать прямых обвинений во лжи.

ФЕДОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Алексеева Татьяна Дмитриевна,

доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Обучение переводу студентов неязыковых специальностей

В Балтийском федеральном университете им. И. Канта начата работа по дальнейшему развитию методики подготовки переводчиков-нефилологов. Она предполагает разработку теоретических подходов к построению курса обучения переводу студентов неязыковых специальностей, внедрение эффективных приемов и методов обучения и, наконец, наличие современных учебников и учебных пособий в рамках требуемого учебно-методического комплекса. Подготовка студентов для получения дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной квалификации» начинается после прохождения ими основного практического курса иностранного языка. В соответствии с Госстандартом на подготовку по обсуждаемой специальности отводится 340 аудиторных часа за счет специальных дисциплин по выбору и факультативов (при общей нормативной трудоемкости 1500 часов). К общим дисциплинам отнесены: «Введение в языкознание», «Основные теории изучаемого языка», «Практический курс иностранного языка» и «Стилистика русского языка и культура речи». К специальным дисциплинам — «Теория перевода» и «Практический курс профессионального перевода». Предлагаемая технология обучения в основном переводу научно-технических текстов имеет гибкую структуру и может претерпевать изменения за счет введения других спецкурсов на усмотрение преподавателя («Введение в профессию переводчика научно-технических текстов», «Теория и практика перевода» и др.). На практических занятиях «Практического курса профессионально-ориентированного перевода» мы придерживаемся принципа «от простого к сложному», начиная обучение сначала письменному переводу с английского языка на русский и в обратном направлении, и затем устному (последовательному) переводу, при этом сначала с русского язы-

ка на английский, а затем с английского языка на русский (ибо навык переключения на иностранный язык формируется быстрее и действует надежнее — принцип доминантного языка).

Анфиногенова Анна Ивановна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Типы предложных групп с эмотивной семантикой в текстах пьес А. П. Чехова и английских переводах

В докладе рассматриваются синтаксические типы английских и русских предложных групп (*preposition + noun*; далее — ПГ), выделяемых в произведениях А. П. Чехова и нескольких английских переводах его пьес. Особое внимание уделяется случаям, в которых в текстах оригинала такие группы присутствуют, но отсутствуют в текстах переводов, и наоборот — когда в текстах оригинала такие группы отсутствуют, но появляются в текстах переводов. Первый случай (ПГ присутствует в тексте оригинала, но отсутствует в текстах переводов) главным образом представлен русскими ПГ, употребленными в ремарках, например: (с досадой) — [*irritably*]; [*angrily*]; (с досадой) — [*irritatedly*]; [*crossly*]; Обе смеются от радости — [*they both laugh delightedly*]; [*both laugh happily*]; (в восторге) — [*enthusiastically*]; [*ecstatically*]; (с презрением) — [*contemptuously*]; [*scornfully*]; (с горечью) — [*acridly*]; [*bitterly*]; [*sadly*]; Варя (в горьком раздумье) — [*reflecting bitterly*]; [(brooding) *unhappily*]; [Вот ты глядишь на меня] с иронией — [*ironically*]; [*sarcastically*]. Второй случай (ПГ отсутствует в тексте оригинала, но появляется в текстах переводов) также, главным образом, представлен английскими ПГ, употребленными в ремарках. Основную группу примеров этого типа составляют русские наречия, соответствующие английским ПГ, например: (Иванов Шабельскому) (раздраженно) — [*with irritation*]; Елена Андреевна (нервно) — [*in great agitation*]; Пищик (Радостно.) — [*with an expression of joy*]; [*with joy*]; Нина (восторженно) — [*with enthusiasm*]. Выявление подобных синтаксических типов русско-английских переводческих соответствий и их глубокий анализ в контрастивно-переводческом аспекте без сомнения будет иметь как теоретическую, так и практическую значимость для работы со студентами старших курсов филологического факультета.

Близнюк-Бискуп Екатерина Вячеславовна,

асп., Варшавский университет

О повторах в наррации Н. Гоголя и способах их передачи при переводе (на примере «Петербургских повестей» и польских переводов)

Одним из наиболее очевидных стилистических приемов гоголевского повествования является повтор на разных уровнях. Нагромождение повторяющихся элементов и конструкций у Гоголя служит не только средством речевой выразительности и акцентирования внимания читателя, но и является

средством объединения элементов в тексте и организации повествования. В «Петербургских повестях» находим также примеры, когда повтор кажется неинформативным, избыточным, не обеспечивает связности с текстом, тем самым не выполняет одной из своих прототипических функций и разрушает нарратив. В данной работе обращается внимание на наименее изученные, неочевидные повторы в цикле «Петербургские повести» — на синтагматическом уровне (связывающие повторы) и на уровне прагматическом (повторы, имплицитующие определенную информацию) — и анализируются способы их передачи в польских переводах. Делается вывод об использовании автором повторов с целью обобщения и категоризации представляемых им явлений и образов (к примеру, конкретный образ благодаря многократным повторениям приобретает значение всеобщности и в то же время является элементом определенного множества), а также с целью намеренной деконструкции нарратива как характерных черт повествования в «Петербургских повестях». Показывается, насколько меняется авторский замысел при отсутствии в тексте перевода данных особенностей.

Бояркина Альбина Витальевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Специальная лексика в научно-популярном тексте: проблемы перевода

Перевод научно-популярных книг представляет собой определенную сложность для переводчика — данные тексты не являются научными в чистом виде, специальная лексика представлена в подобных текстах в «облегченном» варианте, однако иногда и терминология, и профессионализмы вводятся авторами текстов без комментариев, в неразвернутом виде, либо обыгрываются, что часто приводит к некоторым трудностям понимания текста неподготовленными читателями. Таким образом, основной задачей переводчика научно-популярного текста становится сохранение баланса между использованием специальной лексики в переводе и обеспечением доступности понимания информации, выраженной данной лексикой. Способы и приемы передачи терминов и профессионализмов, а также возможности введения внутритекстового комментария в текст перевода рассматриваются на примерах трех книг проекта Гёте-института «Литрикс»: «Монополии» Андреаса Тённесманна, «Ночи физиков» Рихарда фон Шираха и «Вагнера» Мартина Гека.

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Методические проблемы обучения юридическому переводу

В попытке преодолеть разрыв между академическим миром обучения переводу и профессиональным миром перевода с начала 1990-х гг. обучение переводу претерпело значительные изменения. Преподаватели пере-

вода, часто сами профессиональные переводчики, начали анализировать реальные ситуации перевода, исследуя причины, благодаря которым одни переводы более качественны, а переводчики более успешны, чем другие, и включая свои выводы в разрабатываемую и применяемую ими методологию преподавания перевода. Профессиональная подготовка в сфере перевода означает формирование в сознании студентов компетенций, которые им необходимы, чтобы выбрать и реализовать стратегии перевода, соответствующие каждому коммуникативному контексту, с которым они столкнутся в своей профессиональной деятельности, в соответствии со стандартами профессионального качества. Профессиональная переводческая подготовка подразумевает интеграцию компетенций (лингвистических, коммуникативных, стратегических, социолингвистических, технологических) с методиками, применимыми к различным типам текстов внутри каждой специализированной предметной области и пары языков. Формирование профессиональных компетенций юридических и экономических переводчиков основывается на изучении теоретических и практических аспектов переводоведения, а также права и экономики — ключевых специализированных предметных областей, имеющих непосредственное отношение к этой интеграции — благодаря курсам юридического перевода и экономического перевода, а также курсам права и экономики, адаптированным к потребностям переводчиков. Практические курсы перевода с упором на знания и ноу-хау требуют значительной самостоятельной работы за пределами класса. Упор необходимо делать на развитие методов перевода, необходимых для разрешения трудностей перевода, а также на оценку качества и правильности переводческого выбора и управления информационными ресурсами.

Веселовская Елена Сергеевна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Средства языковой компрессии в устном синхронном переводе с немецкого языка на русский

Языковая компрессия, понимаемая как «способ уменьшения объема сообщения без нанесения существенного ущерба выполнению задачи, которую ставит перед собой говорящий», является проявлением одного из важнейших законов развития языка — принципа экономии. В настоящее время принята точка зрения, согласно которой результаты компрессии «откладываются на всех уровнях языка, начиная с фонетики и кончая лексической семантикой, хотя и проявляются на каждом уровне своеобразно». В переводоведении изучение компрессии в основном носит прикладной характер и ограничивается рассмотрением отдельных примеров. Однако компрессия является важным видом переводческой трансформации и постоянно используется в процессе перевода. Наиболее часто компрессия используется в устном переводе, в первую очередь — синхронном, поскольку она позволяет переводчику синхронизировать темп своей речи с темпом речи оратора. Применение различных способов речевой компрес-

сии может сократить текст перевода в зависимости от темпа речи оратора на 25—30% по сравнению с письменным переводом того же оригинала. Проведенное исследование средств языковой компрессии на материале синхронного перевода с немецкого языка на русский позволяет сделать некоторые предварительные выводы, в частности, рассмотреть и классифицировать наиболее распространенные виды компрессии на лексическом и синтаксическом уровнях.

Войку Ольга Константиновна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Наименования профессий в испанском и русском языках (гендерный аспект)

Исследования, посвященные проблеме рода и так называемому сексистскому использованию языка, давно проводятся в США и странах Европы. Однако в отечественной лингвистике эта тема еще недостаточно изучена на материале испанских юридических и административных текстов. Также не уделялось должного внимания трудностям, возникающим при переводе вышеуказанных текстов. Грамматический род становится главным инструментом в присвоении личностям социальных ролей, которые им соответствуют. Если употреблять термин «человек», не учитывая при этом присутствия женщины, то в текстах, которые относятся к ним обоим, можно создать асимметричный и односторонний мир. Во многих случаях социальный род женщины рассматривается сквозь призму мужского рода. Прагматика и социолингвистика превращают язык в инструмент, который не только воспроизводит существующую картину мира, но и отражает процессы, происходящие в сознании носителей, в нашем случае, испанского и русского языков. Нам представляется необходимым более подробно рассмотреть данный вопрос на примере анализа некоторых административно-юридических документов на испанском и русском языках с точки зрения гендерных особенностей.

Вьюнова Екатерина Кирилловна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Становление навыка компенсации при обучении синхронному переводу

В статье рассматривается становление навыка компенсации, приема, направленного на передачу элементов смысла, утерянных при переводе отдельных переводческих единиц. Исследование основано на модели становления навыка, адаптированной для нужд данной работы, т. е. с учетом особых условий осуществления синхронного перевода.

Автор рассматривает характерные черты отдельных этапов становления навыка компенсации, а также поэтапное становление изучаемого навыка применительно к компенсации различных видов информации. Результа-

ты исследования показали, что навык компенсации проходит поэтапное становление, перенося фокус внимания переводчика от раздробленных конкретных задач к общей коммуникативной цели осуществления любого вида перевода.

Голубков Сергей Евгеньевич,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Концепция адекватного перевода

в психоаналитической концепции Ж. Лакана

Лишь принимая во внимание особенности восприятия адресантом окружающей действительности в пространстве реального мира, воображаемое и символическое пространства его предпочтений на уровне выбора тех или иных экспрессивных и эмоционально-оценочных слов и выражений, его самооценку, оценку своего воображаемого оппонента — alter ego как чрезвычайно странного и несоответствующего сложившимся стереотипам мышления объекта наблюдения и анализа, в переводе обусловленных глубинными имплицитными психоаналитическими смыслами романов С. Беккета удастся воссоздать сложную архитеконику постоянно исчерпывающей свои возможности человеческой психики.

Григорьева Любовь Николаевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности перевода немецких причастий на русский язык

Способы передачи немецких причастий и причастных конструкций на русский язык, а также используемые при их переводе варианты лексико-грамматических трансформаций заслуживают самого пристального изучения, потому что они еще практически не становились самостоятельным объектом лингвистических исследований в переводоведении. Сопоставительный анализ способов перевода немецких причастий может послужить цели выявления всей палитры возможностей их передачи на русский язык, выявить все многообразие синтаксических функций причастий, встречающихся в немецких текстах разной жанровой принадлежности, а также проследить самые разнообразные варианты их перевода в русском тексте. В результате проделанного анализа были выявлены все рекомендуемые в научно-методической литературе варианты переводов немецких причастий на русский язык — передача с помощью причастий настоящего и прошедшего времени действительного и страдательного залога деепричастий несовершенного вида, придаточных определительных предложений, причастных оборотов. Но наряду с этим были выявлены также иные способы их передачи, а именно с помощью прилагательных, существительных, наречий, глаголов и даже местоимений. Так, переводчики используют не только те способы переводов, которые представляют собой регулярные соответствия, но и, если это не противоречит содержанию

текста, прибегают к частеречным заменам и к таким трансформациям, как добавления, опущения, а также к некоторым отступлениям от словарного значения слова и замене его контекстуальным синонимом. При этом можно часто наблюдать вариативность при передаче видовых категорий причастий, генерализацию, членение сложных предложений на более простые, уточнения и пр.

Жутовская Нина Мстиславовна,

к. ф. н., доц., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Переводческие стратегии в авторских переводах Владимира Набокова

Владимир Набоков известен в истории мировой литературы не только как русский и американский писатель, но и как переводчик. Наряду с собственными произведениями, он выступает также и как переводчик многих произведений русской литературы (Пушкина, Лермонтова, «Слова о полку Игореве»), а также мировой литературы. Несомненно, подходы Набокова к переводам других авторов и к переводу собственных текстов различны. И если теоретические положения, а вместе с ними и практические результаты при переводе других авторов у Набокова существенно менялись на протяжении его творческой деятельности (от приверженности к весьма вольному переводу до отстаивания принципов «буквального» перевода), то переводы собственных текстов, по понятным причинам, никогда не осуществлялись им с буквалистских позиций. И это не удивительно. Автоперевод — явление особого порядка. Автор-переводчик, несомненно, обладает большей свободой в переложении и интерпретации собственного текста.

Лексико-синтаксическое своеобразие исходного текста в полной мере передается им в переводе — как правило, сохраняются такие исходные тропы и фигуры речи, как, например, эпитеты, метафоры и метонимии.

Вместе с тем, в английском тексте многие предложения получают распространение за счет включения большего количества деталей. Появляется игра слов, столь любимая Набоковым в более поздний период творчества (*Selling cloth instead of moths*). Некоторые второстепенные образы и персонажи кардинально меняются («тощий человек с ущемленной дряблой кожей между углами воротничка» — «*a dashing fellow in a starched collar and green sweater*»).

Изменения могут касаться и названий набоковских произведений (рассказ «Пилграм», например, стал называться «*The Aurelian*»).

Замены осуществляются автором и при переводе топонимов, терминов, экзотизмов.

Некоторым переводческим решениям автора мы можем найти, как нам представляется, вполне очевидные объяснения — стремление уточнить, сделать ярче исходный образ. О некоторых мы можем высказать предположения.

Иовенко Валерий Алексеевич,
д. ф. н., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Культурологический пласт национально-культурного мировидения в формате перевода

Рассматриваются экстралингвистические вопросы переводческой деятельности в новом формате национально-культурного мировидения. Выявляются особенности культурологической составляющей испанских медийных текстов, устанавливаются их причины, предлагаются способы преодоления существующей дифференциации при осуществлении перевода.

Камовникова Наталья Евгеньевна,
к. ф. н., зав. отд., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств

Хронотопический сдвиг и причины его возникновения в переводах художественных текстов

Передача художественного времени неизбежно представляет собой переводческую проблему. Само понятие времени является неструктурированным, а распознавание времени осуществляется за счет идентификации маркеров пространства, являющихся осязаемыми и имеющими границы. Это утверждение справедливо и для художественного текста. Способность к идентификации объектов воссоздаваемого в тексте физического пространства ослабевает у реципиента по мере отдаления художественного времени от времени фактического прочтения художественного текста. Однако даже при условии, что художественное время литературного произведения и время его прочтения максимально приближены, значительная доля читателей оригинала допускает при идентификации **хронотопическое отклонение** (термин автора доклада). С учетом того, что даже современники и соотечественники текста допускают хронотопическое отклонение при декодировании, не вызывает сомнений, что передача хронотопа представляет трудности для переводчика. В ходе работы над текстом переводчик пытается предугадать возможную реакцию читателей перевода. Так, в разных языковых сообществах одно и то же историческое время может ассоциироваться с разными маркерами пространства. Лингвистические способы обозначения и описания пространства в разных языках также различны, что естественным образом ограничивает переводчика в выборе стратегий. Хронотоп, таким образом, часто становится объектом доместикации. Как следствие вышесказанного, художественные тексты с ярко выраженным хронотопом часто демонстрируют в переводе явление, которое автор доклада обозначает как **хронотопический сдвиг**. Под хронотопическим сдвигом понимаются модификации художественного пространства, затрудняющие дальнейшую идентификацию художественного времени. В докладе будут подробно рассмотрены явления хронотопического отклонения и хронотопического сдвига, примеры и некоторые данные, полученные в рамках изучения художественного хронотопа.

Лапина Марина Николаевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Роль долговременной и кратковременной фоновой информации в устном переводе

1. Фоновая информация (фоновые знания) представляет собой совокупность закрепленных в национальном языке социокультурных сведений, присутствующих в когнитивной системе большинства носителей языка и создающих условия для успешного взаимопонимания.
2. Долговременная фоновая информация (ДФИ) составляет основу национальной духовной культуры, передается из поколения в поколение, обладая абсолютным долголетием, независимо от времени ее появления. Кратковременная фоновая информация (КФИ) характеризуется исторически обусловленной актуальностью и потенциальной эфемерностью.
3. Устному переводчику, как правило, приходится иметь дело с ДФИ (исторической и современной) и современной КФИ. Для квалифицированного устного переводчика, обладающего высокой профессиональной компетенцией, восприятие ДФИ не представляет особых проблем. Реальные проблемы возникают с распознаванием КФИ.
4. При переводе фоновой информации особое место принадлежит экспликации или описательному переводу. Посредством экспликации происходит актуализация и прагматическая адаптация фоновых знаний. В устном переводе наиболее распространенными приемами экспликации являются: добавление поясняющих элементов, генерализация, контекстуальные замены, полное изменение формы при сохранении содержания высказывания.
5. Благодаря глобализации, происходит универсализация фоновых знаний представителей различных языковых сообществ. Тем не менее, не всегда очевидно, в каком объеме и насколько хорошо та или иная фоновая информация известна среднестатистическому представителю языкового сообщества. Поэтому одной из задач устного переводчика является определение релевантности фоновой информации для полноценной межкультурной коммуникации.

Лекомцева Ирина Алексеевна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы перевода фольклорных имен в художественной литературе

В данной статье рассматриваются некоторые трудности при передаче фольклорных имен (ФИ) в художественных произведениях. Выявлены принципы моделирования семантической структуры значения ФИ как языковых знаков, не имеющих предмета обозначения, механизмы актуализации тех или иных признаков значения в художественном тексте, а также функции ФИ в художественном тексте. Обозначены основные проблемы при пере-

даче ФИ в художественном тексте как знаков, которые представляют собой лакуны для переводящего языка и художественной традиции, определены стратегии перевода при передаче ФИ.

Макарьева Анна Петровна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Логическая амплификация

в ходе устного воспроизведения официальной речи

(на материале выступлений французских политических деятелей)

Официальная речь, обдуманная и созданная заранее, представляет собой особый вид текста аргументативной направленности, предназначенного для устного предъявления в рамках определенного события общественной жизни или события международного масштаба. Поскольку цель оратора, в большинстве случаев, состоит в том, чтобы убедить адресата, навязать ему свою точку зрения, говорящий использует весь диапазон находящихся в его распоряжении средств и, достигая определенного эмоционального накала, в ряде случаев спонтанно вносит изменения в официальный текст речи. Кроме добавления, сокращения и перестановки слов, целых предложений, а иногда даже абзацев, упрощения синтаксических структур, изменения касаются также выделения или затушевывания в тексте логических связей. Сравнение опубликованных, в том числе и «вывешенных» в интернете текстов официальных речей президента Французской Республики Франсуа Олланда и его предшественника на этом посту Николя Саркози с устными реализациями этих текстов в ходе выступлений французских политических деятелей позволило выявить сходные явления, характерные для устного аргументативного текста. В частности, это касается использования сочинительного союза *et* не только как показателя конъюнкции, но и как коннектора-скрепы, объединяющего разноплановые части высказывания в единое целое. В ходе перевода официальной речи с опорой на предоставленный заранее текст выступления переводчик ориентируется на содержание поступающего материала и одновременно обращает внимание на поведенческие особенности говорящего. Появление или отсутствие союза *et* не может иметь принципиального значения в ходе восприятия поступающего текста, однако нарочитое его использование на небольшом текстовом расстоянии ощущается как стремление выступающего особо подчеркнуть значимость приводимых аргументов, что должно найти отражение в переводе.

Михайлова Ирина Михайловна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Люцифер, Ева и Адам. О русских переводах драм Вондела (1587–1679)

Произведения классика нидерландской литературы Вондела (1587–1679) переводились на русский начиная с XVIII века. Вершина его творчества — драма «Люцифер» (1654); фрагменты из нее были переведены П. А. Корсаковым в 1839 г. и Е. В. Витковским в 1988. Эти переводчики

придерживаются разных переводческих принципов, а также по-разному трактуют некоторые эпизоды драмы Вондела, в частности, обстоятельств жизни Адама и Евы в Эдеме. В докладе делается попытка выявить закономерности в отклонениях переводов от оригинала, увязав их с картиной мира двух переводчиков, живших в разное время.

Мишутинская Елена Алексеевна,

к. ф. н., доц., Вятский государственный университет

Проблема перевода православных реалий

Самым трудным и протяженным в православной России называют Великоорецкий крестный ход на вятской земле. Каждый год в начале июня, при любой погоде, тысячи паломников возлагают на себя молитвенный крест преодоления за пять дней 180 километров в честь святой иконы Великоорецкого Николая Святителя. Тем удивительнее, что с каждым годом растет число паломников, желающих принять участие в этом преодолении. Они приезжают не только из разных уголков России, но и из других стран. Издаются различные брошюры, посвященные этому событию. Их целью является дальнейшая популяризация данного хода в России и за рубежом. Следует отметить, что в английском варианте данных брошюр отсутствует единообразие в передаче реалий, непосредственно связанных с Великоорецким крестным ходом. Так, само название хода имеет пять различных интерпретаций. Рассмотрим один из вариантов — The Cross Walk to the Velikaya River. Переводчик прибегает к переводному варианту с элементами транскрипции в названии реки, на которой происходит главная служба. Словарь The Chambers Dictionary дает следующее определение слова walk: the action or an act of walking; a spell of walking, esp for pleasure or exercise (p. 1713). Это определение заставляет усомниться в правомерности использования слова walk для описания одного из самых сложных, возможно самого сложного, крестного хода в России. В другом варианте Baptism Ceremony on Velikaya-river подчеркнут кульминационный момент хода — освящение воды на источнике и на реке Великой, однако пятидневный процесс «хода» никак не обозначен, что также не может рассматриваться в качестве удовлетворительного названия для всего хода. В докладе также будут рассмотрены другие варианты (The Velikoretsky Baptism March, The Velikoretsky religious procession, Velikoretsky Krestny khod). Передача таких реалий, как Храмовый комплекс в селе Великоорецкое, Святитель Николай, Трифонов монастырь и другие, также требует тщательного рассмотрения и проработки.

Морозкина Евгения Александровна,

д. ф. н., проф., Башкирский государственный университет

Герменевтический «круг» и «сфера» модальности в художественном переводе

Существующие в современном переводоведении герменевтические модели перевода Дж. Стайнера, А. Н. Крюкова не учитывают многие аспекты процесса перевода. В этой связи представляется необходимым разрабо-

тать новую модификацию герменевтической модели перевода с опорой на введенные понятия герменевтического «круга» и «сферы» в рамках категории модальности. При этом учтены достижения предшественников, работавших в сфере герменевтики (Ф. Шлейермахера и Х.-Г. Гадамера), которые разработали термины интерпретации, понимания и предпонимания художественного текста, а также понятие смысловой антиципации, которая формируется в ходе предварительного знакомства переводчика с текстом оригинала. Предложены этапы перевода художественного текста с учетом модифицированной герменевтической модели перевода, а именно: формирование герменевтического «круга» и далее герменевтической «сферы» модальности, синтезирование модальных значений в эпизодах оригинального художественного текста и отбор доминирующих типов модальности с целью их введения в текст перевода. Доказывается, что выделение доминирующего типа модальности в ходе перевода художественного текста позволяет скорректировать неудачные переводческие решения и предложить адекватные варианты перевода. Предложенная модель была проверена в ходе анализа отдельных эпизодов оригиналов и художественных переводов произведений Т. Драйзера, в частности, эпизодов суда над главным героем романа «Американская трагедия» Клайдом Гриффитсом, в которых модальность действительности, неуверенности, возможности, вероятности выражена наиболее ярко. Также был проведен переводческий эксперимент с использованием герменевтической модели перевода в ходе формирования русскоязычной версии перевода рассказа Т. Драйзера «A Doer of the Word», результаты которого доказывают преимущество разработанной герменевтической модели перевода.

Недялков Игорь Владимирович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Актантная деривация в английском и русском языках в переводческом аспекте

В докладе рассматриваются основные типы актантной деривации (АД) в английском и русском языках, а также английские переводческие соответствия русских конструкций с АД. АД понимается в духе концепции В. А. Плунгяна [Общая морфология. М., 2000: с. 208—219]. В этом отношении особенно существенными представляются следующие моменты: 1) определяющим признаком АД являются те или иные изменения в составе и/или референциальных свойствах участников ситуации, т. е. семантические преобразования исходной структуры; 2) между АД и залогом нет жесткой границы, поскольку перераспределение коммуникативных рангов участников ситуации, составляющее основное содержание залоговых преобразований, как правило, имеет место и при актантной деривации. По мнению В. А. Плунгяна, можно также утверждать, что залоговые преобразования — это частный случай АД (сравним использование русского постфикса *-ся* как для образования пассивных форм глаголов, так и для образования форм, связанных с актантной деривацией). Валентностные

преобразования, составляющие содержание АД, в соответствии с концепцией Плуныяна подразделяются на три типа: 1) повышающая АД (увеличение на единицу числа обязательных семантических и синтаксических актантов исходной ситуации/конструкции), 2) понижающая АД (уменьшение на единицу числа обязательных семантических и синтаксических актантов исходной ситуации/конструкции) и 3) интерпретирующая деривация (изменение референциальных характеристик актантов, входящих в исходную ситуацию). В докладе рассматриваются случаи синтаксической вариативности конструкций с АД в английских переводах романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», например: *Marmeladov struck his forehead with his fist* — *Marmeladov struck himself on the forehead with his fist*; *Marmeladov struck his fist resolutely on the table* — *Marmeladov struck the table emphatically with the fist*.

Разумовская Вероника Адольфовна,

к. ф. н., проф., Сибирский федеральный университет (Красноярск)

Тождество оригинала и перевода и явление лексической изомерии (на материале булгаковского текста)

В химии изомерия определяется как явление, заключающееся в существовании веществ, одинаковых по молекулярному составу и массе, но различающихся по строению или пространственному расположению атомов и вследствие этого различающихся по физическим и химическим свойствам. В дальнейшем изомерия стала применяться для описания явлений, находящихся вне предметного поля химии. К «другим» явлениям исследователи считают возможным относить явления языка. Существования изомерии в языке предсказал Ю. А. Урманцев, а В. А. Карпов доказал это в концепции языка-системы. Суть феномена языковой изомерии заключается в том, что языковые конструкты могут быть одинаковыми по составу элементов, но благодаря разному порядку следования элементов, конструкты имеют различные свойства. Сравнительно недавно категория изомерии стала применяться в переводе. Первичный текст и вторичный текст, являясь объектами-системами, гипотетически могут быть одинаковыми по составу, но различаться взаимоотношением элементов. Изомерия текстов является результатом перестановок элементного состава оригинала. Истинная изомерия возможна только в случае принадлежности текстов к одной языковой системе. В переводном и оригинальном текстах присутствуют маркеры, свидетельствующие о наличии в сознании переводчика интегративных когнитивных структур, объединяющих систему концептов оригинала и перевода. Ориентирующие маркеры в оригинале и переводе указывают на наличие в сознании носителей языка оригинала и носителей языка перевода когнитивных структур-изомеров, имеющих одинаковый актуализированный состав когнитивных признаков, но различающихся по месту в языковой картине мира индивида. Особое внимание уделяется лексической изомерии, поскольку посредством лексики осуществляется хранение культурной информации в оригинале, а также ее ретрансляция в переводе.

Савко Марина Владимировна,

к. ф. н., ст. преп., Беларуский государственный университет

**Языковое взаимодействие:
прямая и косвенная интерференция
в аудиовизуальном переводе**

Разграничение прямой и косвенной интерференции проводится по 2 характеристикам: 1) наличие/отсутствие переноса элементов и моделей Я1 на Я2; 2) характер проявления в тексте (явная/скрытая). Нецелесообразным представляется рассматривать явную и скрытую интерференцию как отдельный тип интерференции, так как «очевидность/неочевидность проявления в тексте» выступает одним из параметров разграничения прямой и косвенной интерференции: прямая интерференция всегда явная, а косвенная — скрытая. Следовательно, прямая интерференция определяется как результат языкового взаимодействия, при котором происходит перенос элементов или моделей (межязыковые отождествления) из Я1 в Я2 (вне зависимости от направления интерференции *родной язык ↔ иностранный язык*), что выражается в виде явных, очевидных в тексте отклонений от норм языка — объекта интерференции. Косвенная интерференция представляет собой такой результат языкового взаимодействия, при котором текст на Я2, порождаемый билингом (например, переводной текст), отличается по ряду параметров от текста того же жанра на Я2, порождаемого монолингом (например, непереводаемого, т. е. написанного изначально на языке перевода). Данные различия обусловлены влиянием Я1 (для переводов — влиянием исходного языка и текста оригинала), но выражаются они не в виде отклонения от норм Я2, а в виде расхождения степени обязательности/необязательности употребления единиц Я2 в речи билингов в сравнении с речью монолингов. Методика исследования, направленного на обнаружение фактов прямой и косвенной интерференции, различается. В первом случае достаточно сопоставительного анализа текстов перевода и их оригиналов, чтобы обосновать предположение о том, что тот или иной анализируемый факт есть следствие языкового взаимодействия. Суть исследования косвенной интерференции состоит в том, чтобы сравнить переведенные тексты не только с их оригиналами, но и с непереводаемыми (т. е. изначально написанными на языке перевода).

Силинская Наталия Павловна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Интерференция в аспекте перевода

Проблема интерференции в лингвистике рассматривается, как правило, в рамках языковых контактов. Под интерференцией понимается нарушение билингом норм и правил соотношения двух контактирующих языков. Интерференция может рассматриваться с трех различных точек зрения: как результат взаимодействия двух или более языковых систем,

как процесс этого взаимодействия и как предпосылки для него. Перенос элементов одной языковой системы в речь на другом языке обусловлен взаимодействием универсального и специфического, т. е. общих и отличительных признаков, присущих любым языкам.

Существует несколько подходов к исследованию явления интерференции, а именно социолингвистический, психологический, психолингвистический, методический, лингвистический. В рамках лингвистического подхода выделяются концепции У. Вайнрайха, Ю. А. Жлуктенко, М. В. Дьячкова, А. Е. Боковни, В. В. Алимова, Ж. Багана и Е. В. Хапилиной.

По принципу источника выделяются следующие типы интерференции.

1. Интерференция со стороны родного языка в направлении иностранного.
2. Вторичная интерференция — со стороны иностранного языка, изучавшегося первым.
3. Внутриязыковая (смешанная) интерференция — взаимодействие навыков внутри изучаемого иностранного языка.
4. Обратная интерференция (интеркаляция) — интерференция (обычно контролируемая) со стороны иностранного языка на родной.

Также выделяется скрытая, или косвенная, интерференция, которая представляет собой неупотребление определенных форм или конструкций, которые отсутствуют в родном языке, но присутствуют в изучаемом, и явная, или прямая, интерференция, в результате которой происходит нарушение системы и нормы неродного языка.

Различные исследователи выделяют следующие типы интерференции: фонетическая, графическая, орфографическая, грамматическая (морфологическая, синтаксическая, пунктуационная), лексическая, фразеологическая, стилистическая, внутриязыковая.

Соболева Нина Павловна,

асп., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аспекты перевода рекламных текстов,
содержащих фразеологические единицы
(на материале слоганов к фильмам)

С середины 50-х гг. XX в. реклама стала неотъемлемой частью современного развитого общества. Изучая рекламный текст, ряд исследователей, среди которых можно выделить Е. В. Медведеву, Е. Н. Сердобинцеву и А. Годдард, сравнивают его с разновидностью литературы. При передаче рекламного текста на другой язык важно учитывать не только все особенности и тонкости перевода текста художественного, но и другой аспект перевода, обусловленный стилистической спецификой рекламного сообщения. При создании слоганов к фильмам авторы прибегают к помощи фразеологии. ФЕ делают эти короткие рекламные тексты более экспрессивными и лаконичными, что играет ключевую роль в рекламе. Целью данной работы является выявление проблем и особенностей перевода рекламных слоганов, содержащих ФЕ, к полнометражным фильмам на русский язык. Мы проанализировали слоганы на английском языке к 600 полнометраж-

ным фильмам, вышедшим с 2000 по 2013 г. В процессе анализа мы выделили две основные модели перевода: передача ФЕ на русский с помощью фразеологических и нефразеологических средств. В результате анализа практического материала в основном были зафиксированы случаи эквивалентного перевода ФЕ. Основная трудность, возникающая при переводе, — это сохранение оригинального замысла, вложенного в исходный текст. В силу прагматики, культуры, семантики и других аспектов, переводной рекламный слоган часто становится очень вольной интерпретацией оригинального образца. Изучение практического материала показало, что наиболее распространенным является перевод, реализуемый с помощью фразеологических средств.

Тимченко Надежда Михайловна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Типы прагматической направленности англоязычных общественно-политических текстов и их русских переводов

В современном, быстро меняющемся мире нарастает количество конфликтных ситуаций как между отдельными государствами, так и между организациями и политиками. При этом характерной особенностью СМИ является то, что оценки авторов статей, читателей, присылающих свои комментарии, нередко не только не совпадают, но подчас бывают диаметрально противоположными. Достаточно вспомнить реакцию разных общественно-политических кругов в России и за рубежом на такие события, как свержение режимов Саддама Хусейна в Ираке и Каддафи в Ливии, проблема присоединения Украины к Евросоюзу, проблема разработки атомного оружия в Иране, отношение к ситуации с задержанием активистов Гринписа, напавших на буровую платформу «Приразломная», отношение к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации и однополым бракам в странах Запада и России. В каждом из этих случаев авторы публикаций и репортажей могут высказывать либо сочувствие и одобрение тех или иных вовлеченных сторон, либо, наоборот, резкое порицание и обвинение. При разных оценках тех или иных событий существенно отличается подбор лексических средств прежде всего английского и русского языков. Проблеме оценки прагмасемантических потенциалов лексики и типам соответствующих речевых актов и посвящен доклад. Наиболее частыми случаями совмещения двух и более прагматических смыслов в рамках текстового фрагмента являются следующие: 1) Констатация → Оценка → Предложение путей решения проблемы; 2) Констатация → Оценка → Предостережение; 3) Утверждение → Рассуждение → Аргументация, например: Interesting, the proposition that we have the luxury of waiting because if Saddam gets close to developing nuclear weapons we could always destroy them. On the other hand, I don't recall anyone being aware particularly of famine in the Soviet Union in the 1930s or the buildup (illegal under the Versailles Treaty) of arms in Germany of the same era.

Третьякова Татьяна Петровна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Проблемы составления переводного политического словаря

Цель настоящего доклада — рассмотреть лингвистические проблемы, возникающие в процессе составления современного переводного политического словаря. Эти проблемы определяются комплексом проблем, связанных с необходимостью интерпретации политических терминов в разных медийных дискурсах. В этой связи возникают следующие направления исследований: 1) определение языковых единиц с точки зрения становления терминосистемы; 2) изучения типов текста — газетный (тексты периодики), телеинтервью, публичные выступления; 3) стереотипов построения аргументации; 4) определение социолингвистических параметров, связанных с определением макро- и микроструктуры словаря. Во всех случаях в составлении словаря учитывается интерпретация политического текста как средства реализации функции воздействия и восприятие. В переводном политическом словаре эти функции связаны с реализацией потенциальных интерпретаций, лежащих в основе выработки переводческих стратегий. Особое место в выработке данных стратегий отводится контрастивной риторике.

Хасен Шахразед,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод в арабской традиции

В течение многих столетий арабы неизменно уделяли большое внимание переводу, особенно в начале арабо-мусульманской эры, которая охватывает период Средневековья. Между VIII и IX веками он сыграл важную роль в приобретении и передаче западу греческой и римской мысли, благодаря коммерческим и культурным обменам с соседними странами. Например, как персы, которые способствовали обогащению арабского языка и диалектов, уже существовавших.

Мы можем выделить два важных периода в области перевода: 1) непрямой перевод, где арамейский и персидский языки служили в качестве посредников; 2) прямой перевод на арабский язык с санскрита и греческого языков.

В конце Средневековья перевод почти перестал существовать. Европейцы в XII в. начали переводить с арабского все, что было уже написано; арабы в Сирии, в свою очередь, перевели некоторые религиозные тексты. В XIX веке появилось противоположное явление: то чем раньше занимались арабы, а именно, переводили научные книги, теперь всем этим занимались в Европе, где очень интенсивно развивалась наука.

Между XX и XXI вв., началась регрессия арабского языка, и переводу больше не уделяли нужного внимания из-за событий, происходивших в арабских странах, где менялись приоритеты.

В докладе будет говориться именно об этих разных периодах в истории арабского перевода. Эволюция и влияние на западную цивилизацию и нынешние проблемы перевода в арабском мире и меры, принятые арабскими лидерами, чтобы решить стоящие перед ними проблемы в этой области.

Хафизова Алсу Александровна,

к. ф. н., ст. преп., Казанский государственный архитектурно-строительный университет

Разговорная и сниженная лексика в художественном тексте: проблемы перевода и стилистики

Творчество С. Моэма неоднократно привлекало внимание исследователей, оно рассматривалось и с лингвистических, и с литературоведческих позиций. Особый интерес представляют разговорная и стилистически сниженная лексика и фразеология в произведениях С. Моэма. В силу своей национальной специфичности, семантического богатства, принадлежности к определенному стилю, эмоциональной насыщенности перевод стилистически окрашенной лексики вызывает определенные трудности. В результате анализа романов С. Моэма и их переводов на русский и французский языки были выявлены причины, препятствующие адекватному переводу, особое внимание при этом уделяется переводческим трансформациям (опущение, амплификация, компенсация). Одним из распространенных способов компенсации является употребление русских фразеологизмов в тексте перевода в случаях, когда в оригинале они отсутствуют. Русские переводчики, на наш взгляд, дают более близкие к оригиналу переводы. Авторы французских переводов, наряду со стремлением к дословности и большей адекватности, в то же время допускают в ряде случаев большее отступление от английского текста в сторону художественности перевода и близости литературной норме французского языка, повышают нормированность перевода. Для переводов произведений С. Моэма на русский язык характерны такие стилистические модификации, как замена лексем с разговорной функционально-стилистической окраской нейтральными и даже книжно-письменными словами. Можно отметить также, что грубо-просторечные лексемы (вульгаризмы) хотя и переведены соответствующими сниженными элементами, тем не менее, эти переводные эквиваленты в стилистическом отношении оказываются более высокими, чем единицы оригинального текста. Сопоставление нескольких вариантов перевода одного и того же произведения позволило выяснить, как преодолеваются типичные трудности перевода, связанные со спецификой каждого из языков, и обнаружить лакунарные элементы.

Чжан Сяофэн,

асп., Пекинский университет иностранных языков

Языковая картина мира

через призму особенностей употребления иероглифа *chī* (痴)
в китайском классическом романе «Сон в красном тереме»

Предмет данного доклада представляет собой языковая картина мира через призму выражения китайского иероглифа *chī* (условно «глупость») в китайском классическом романе Цао Сюэциня (1724—1764) «Сон в красном тереме». Рассмотрение иероглифа *chī* (痴), обладающего какими значениями и семантическими особенностями в словарях. Отме-

чаются особенности сочетаемости иероглифа *chī* (痴), употребленного в романе «Сон в красном тереме». Выявление того, что *chī* (痴) Баоюя характеризуется многослойностью, открытостью, человеколюбием и широтой. Смотри с другой стороны, *chī* (痴) Баоюя не похож ни на каких своей чистотой и неразличием между людей в возрасте, поле, личности, общественном статусе и др. *chī* (痴) Баоюя как один вид психологического постоянного состояния живет в глубине души. Вскрытие того, что единственное, к чему Дайюй всю жизнь настаивала стремиться, это только безумное тупое любие к своему любимому человеку — Баоюю. Очевидно, что *chī* (痴) Дайюй обладает единственностью и самостоятельностью. Вывод, что иероглифа *chī* (痴), относящегося в китайском языке к числу «базовых эмоций», описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы. Концепт *chī* (痴) в сущности находится где-то рядом со «смыслом жизни» и другими базовыми и непостижимыми категориями бытия, хотя в контекстуальных условиях употреблен либо в несколько «сниженном», «ослабленном» значении, либо в высоком.

Чибисова Ольга Борисовна,

доц., Московский государственный институт (университет)
международных отношений МИД России

Грамматика испанского юридического текста и преподавание юридического перевода

1. Обучение устному и письменному переводу юридических текстов — важнейшая составная часть преподавания языка профессии (право).
2. К юридическим текстам относятся тексты законов, международных договоров, гражданско-правовых договоров, решений судебных органов, нотариальных документов и некоторые другие виды текстов.
3. Испанский юридический текст характеризуется наличием в нем значительного количества грамматических особенностей, представляющих сложность для студентов в отношении понимания и перевода: специфическое употребление времен и наклонений глагола, особый порядок слов, различные виды инверсии, наличие множества вводных элементов, обилие синтаксических конструкций с неличными формами глагола и др.
4. При переводе юридических текстов с испанского языка на русский знание этих грамматических особенностей определяет смысловую правильность перевода, а при переводе с русского языка на испанский — также и соответствие текста перевода необходимым стилистическим характеристикам.
5. Данные грамматические элементы либо совсем не изучаются, либо недостаточно изучаются в общем курсе грамматики испанского языка; поэтому необходимо их специальное изучение и отработка в процессе обучения юридическому переводу и создание системы грамматических и переводческих упражнений как для выполнения на занятиях, так и для самостоятельной работы студентов.

Чистов Владимир Алексеевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Межкатегориальные связи функционально-семантических полей модальности и персональности в переводческом аспекте

В докладе в сопоставительно-переводческом аспекте рассматриваются основные способы перевода на английский язык русских модальных конструкций, представленных в нескольких английских переводах романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», например: **Мне** еще надо съездить — **I have got to go on somewhere else; I have to go somewhere else; I still have to go somewhere; I have to make a call.** Сфера модальности теснейшим образом связана с человеком, такими его характеристиками, как необходимость, или (не)возможность действовать тем или иным образом по отношению к другим людям. Неконкретно-личная персональность, как известно, представлена тремя разновидностями — безличностью, неопределенно-личностью и обобщенно-личностью. Русские безличные конструкции особенно часто выражают одно из модальных значений, в частности, значения необходимости или невозможности, например: ... стало быть, **[Ø = ему] надо забыть**ся сном жизни — ... **he had to look for forgetfulness** in the dream of living; ... **he must therefore lose himself** in the dream of life; ... and so **one** had to become oblivious in the dream of life; ... and so **you** had better lose **yourself** in the dream of daily life. Конструкции, выражающие неконкретно-личную персональность в разговорной речи, как правило, включают модальное слово «надо» с инфинитивом, например: **Надо же [Ø = мне] вам** дать хоть кофею откушать — **But you** have to have time to finish your coffee; **One** must let you drink your coffee in peace, at least; **But I** must give you time to finish your coffee; **I had to give you time for your coffee;** And are **you** not to have your coffee in peace? Также может иметь место нарочитая имперсонализация, когда говорящий не хочет прямо указывать на собеседника: Детей, сударь, пожалеть надо — **You** must take pity on the children, sir. Анализ нескольких английских переводов позволил выявить основные типы конструкций, в которых совмещаются значения модальности и персональности.

Шадрин Виктор Иванович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвистические закономерности перевода фильмов с помощью субтитров

1. Перевод фильмов с помощью субтитров часто подвергается критике за использование крайне обедненного арсенала языковых средств. Это происходит потому, что на результат перевода (субтитры) постоянно воздействует «смирительная рубашка» лингвистических норм и правил. Оппоненты данных критиков полагают, что креативность переводчика поможет ему преодолеть все преграды, поскольку понятие «верного перевода» является относительным, а иногда и вовсе бесполезным понятием.

2. Начиная с 80-х годов прошлого столетия, мировое переводоведение постепенно переключает свое внимание с исследования оригинального текста как определяющего фактора в процессе перехода от одного языка и культуры к другому языку и культуре на изучение переведенного текста и его функции в принимающей культуре. Иными словами, ослабевает тенденция анализа процесса перевода и усиливается интерес к изучению его результата. Наблюдая за процессом производства кинофильмов и телевизионных передач, мы видим бесконечный ряд преобразований: перевод, редактирование, перестановка частей, обратный перевод, распространение фильма в разных форматах для различных средств массовой коммуникации и т. п. Все эти трансформации производятся таким огромным количеством участников, что бывает очень трудно определить понятие «оригинальный текст» или «автор текста».
3. Сложность определения понятия «оригинальный текст» способствует развитию креативного компонента в любой форме перевода. Поскольку все тексты создаются в рамках определенных ограничений, переводчикам приходится преодолевать эти условности для достижения своих целей. В частности, ограничения по месту и времени, особенности превращения устной речи в письменную, присутствия изображения на экране и наличия исходного текста — вот лишь несколько проблем, которые призван решать переводчик фильма с помощью субтитров. При этом видимая простота создания субтитров отнюдь не снижает их эффективности как средства перевода.

РУССКИЙ ЯЗЫК

ГРАММАТИКА (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Батищева Екатерина Сергеевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Функции пояснительных конструкций
в современной художественной прозе
(на материале романов П. Крусанова «Укус ангела»
и А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»)

Под пояснительной конструкцией (далее — ПК) понимают включение в состав простого предложения компонента, выполняющего ту же синтаксическую функцию, что и один из членов базового предложения, и связанного с этим членом базового предложения пояснительными отношениями.

Основное внимание в исследовательской литературе уделяется союзным ПК, однако большинство пояснительных конструкций в современных художественных текстах — бессоюзные. Использование пояснительных союзов (*то есть, или*) часто является показателем стилизации: встречается в контекстах, имитирующих иерархическую прозу XIX и XVIII вв. или тексты научного и делового стилей.

Пояснение носит факультативный характер и коммуникативно обусловлено. Первичной и основной функцией ПК считается метаязыковая функция: пояснение направлено на преодоление трудностей коммуникации. Однако в художественной литературе метаязыковая функция ПК размывается: сопровождается художественной функцией или вытесняется ею полностью. ПК используются как способ создания многомерного образа (<...> *у лучших в мире чистильщиков обуви — мрачных жутковатых ассирийцев у метро «Проспект Мира».* Чудаков). Объединение в рамках пояснительной конструкции двух далеких понятийно или стилистически компонентов становится литературным приемом — позволяет автору шокировать читателя (<...> *бежал престарелый физкультурник, и на его футболке отчетливо проступали темные пятна пота — слезы подмышек.* Крусанов).

ПК функционируют на текстовом уровне: включаются в высказывание с целью компрессии — для добавления в текст в сжатой форме дополнительных фрагментов информации, нередко интертекстуального характера (*В России он [Сулейман Бендер-бей] бывал и прежде, даже прижил здесь дитя — незаконнорожденного сына, отпетого мошенника, недавно схлопотавшего свой третий срок за вымогательство денег у одного заправского махинатора.* Крусанов). Вторичные номинации, оформленные как ПК, участвуют в поддержании связности текста.

Гайнутдинова Аида Фирдинатовна,
к. ф. н., асс., Казанский (Приволжский) федеральный университет

О функционировании производных предлогов с местоимением друг друга

Одним из «насущных» вопросов современной русской грамматики является вопрос об особенностях употребления предлогов с рядом местоимений. Анализ функционирования простых производных предлогов с взаимно-возвратным местоимением *друг друга* позволяет прийти к следующим выводам.

Поведение производных предлогов с местоимением *друг друга* определяется, прежде всего, степенью их «освоенности» системой языка (взаимно-возвратное местоимение становится своеобразным маркером данного процесса). Использование производного предлога в позиции между компонентами местоимения сближает его с непроизводными предлогами и свидетельствует об ослаблении связей с производящим полнзначным словом, постановка которого в интерпозиции, естественно, невозможна. Тем самым словоформа приобретает большую абстрактность значения и обретает функциональные возможности предлога (*против, после, возле, подле, около, близ* и др.). Напротив, невозможность постановки предлога в интерпозиции говорит о незавершенности его формирования как самостоятельной единицы и о влиянии производящего на его функционирование (*благодаря, навстречу* и др.).

В этом смысле странным на первый взгляд кажется появление в позиции лексем, давно ставших частью предложной системы (в частности, предлога *относительно*). Представляется, что в данном случае мы имеем дело с формированием противоположной тенденции к препозиционному употреблению предлога при местоимении *друг друга*, обусловленной осознанием говорящими единства компонентов местоимения, представлением о нем как об одном слове и стремлением сохранить его целостность. Кроме того, функционирование предлога в препозиции согласуется с особенностями устной речи, для которой характерны прогнозируемость построения высказывания, использование готовых речевых формул.

В целом, можно прогнозировать дальнейший рост препозиционных вариантов предложно-падежных сочетаний с местоимением *друг друга*, особенно в разговорной речи.

Гушкова Людмила Вадимовна,
асп., Московский государственный областной университет

Роль междометий при создании экспрессивности в повестях Н. В. Гоголя

1. Категория экспрессивности находит формальное выражение в междометиях. Эмоциональное акцентирование выражения при помощи междометия дополняет семантическое выделение словоформ при помощи интенсификатора, частиц, повтора и т. д.
2. Источником юмора в повестях Н. В. Гоголя является акцентирование языковых единиц как эмоциональных и образных центров повествования.

3. Анализ междометий указывает на стремление автора передать особенности разговорной речи. В некоторых случаях характер и употребление междометий позволяют говорить о жанре сказа.
4. Особое значение и широкое распространение в текстах Н. В. Гоголя приобретают вокативные междометия: описание этой группы междометий в речи персонажей позволяет глубже проанализировать их образы.
5. Междометия являются материальным выражением эмоционально-волевых реакций героев на действительность. Исходя из этого, функционально междометия можно разделить на две группы: междометия в речи повествователя и в речи героев.
6. Междометия служат для выражения непосредственного эмоционально-оценочного отношения субъекта к действительности, поэтому их можно рассматривать как средство формального выражения экспрессивности.

Зорина Екатерина Сергеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Синтаксические особенности повествования: дети vs взрослые (на материале сборника рассказов «Русские дети»)

1. Концепция сборника рассказов «Русские дети» заявлена в предисловии «От составителей» как «книга о детях», а не «детская книга».
2. Дети, детство и все с этим связанное может выступать в качестве фона для повествования о жизни взрослых людей, как, например, в рассказе Марины Степновой «Там, внутри» о трудностях молодой матери ребенка-инвалида. Образ слепо-глухо-немого ребенка — метафора непонимания, трагизма жизни, непреодолимости одиночества.
3. Структура рассказов, в которых дети являются его героями, представляет собой сюжетное повествование и рефлексию над описываемыми событиями этого же человека, но уже взрослого.
4. В рассказах, где дети — объект описания взрослого, например, родителя («Тебе, сынок...» Сергея Шаргунова), рефлексия связана с внутренней оценкой взрослого поступков и поведения ребенка и ее несовпадением с внешним поведением взрослого по отношению к ребенку.
5. Авторами используется ряд синтаксических средств, таких как: немаркированные переходы от перволичного к третьеличному типу повествования, различные средства передачи «чужой речи», парцелляция, ряды коротких нераспространенных предложений и другие — для актуализации точки зрения на одни и те же события то взрослого, то ребенка.
6. Читателю предлагается возможность одновременно увидеть детство и его оценку взрослым человеком, что в реальной жизни невозможно. Создается ощущение совершенной трагической необратимости времени, поступков, событий детства. «Детский» взгляд — чистый и честный, выявляет взрослым несовершенство, несправедливость, жестокость или яркость, многообразие, красоту жизни. Всего этого не дано увидеть взрослому, потому что взрослые смотрят на мир через замутненное стекло своих проблем.

7. Таким образом, именно синтаксическая структура повествования реализует замысел автора на концептуальном уровне, т. е. именно она обращена к читателю напрямую.

Романова Татьяна Владимировна,

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Диалогическая модальность исповедального текста

1. В качестве текстовых источников была использована художественно-публицистическая проза с коммуникативной интенцией исповеди.
2. Категория текстовой модальности имеет диалогический характер, что определяет специфику коммуникации в исповедальном тексте. Понятие диалогической модальности введено в лингвистический обиход работами Н. Д. Арутюновой (1981), Т. Б. Алисовой (1971).
3. В узком смысле диалогическая модальность раскрывается в отношении говорящего к высказыванию собеседника. Иногда диалогическая квалификация модальности суживается до ответных реплик в диалогических единствах, т. е. рассматривается как способность модальных средств к организации диалогических единств и включению диалога в повествование.
4. Коммуникативное пространство исповеди организуется как особый тип внутренней речи — диалогизированное проговаривание. Одним из способов реализации стремления к устной форме повествования являются вопросно-ответные комплексы (ВОК), под которыми понимается расчлененное сложное структурно-семантическое единство, конструирующими элементами которого являются разнообразно выраженные вопрос и ответ. Причем ВОК используется здесь не только в функции имитации диалога, но и в функции постановки проблемы, и даже в функции дефиниции. При этом вопросно-ответное построение не создает двуагентной ситуации, а отражает стандартизированную диалектику обдумывания.
5. При более широком понимании категории модальности рассматривается вопрос о наслаивании на диктум разных планов модальности. С этой точки зрения, диалогическая модальность интегрирует актуализацию, социальную семантику и метакатегориальные смыслы высказывания.
6. Степень диалогичности исповедального текста измеряется степенью включенности адресата в текст.

Сатюкова Дарья Николаевна,

асп., Институт лингвистических исследований РАН

Повтор предлогов перед однородными определениями в современном русском литературном языке

В современном русском языке предлог, стоящий перед группой однородных членов, может повторяться перед каждым из них или сохраняться только при первом; ср.: *На вкус и (на) цвет товарищей нет* (Пословица).

Повтор предлогов перед однородными членами был характерной чертой древнерусского синтаксиса, являясь в нем одним из проявлений паратаксиса. В современном русском языке найти объяснение наличию или отсутствию второго предлога зачастую бывает очень непросто.

Существует ряд факторов, способствующих использованию предлога перед каждым членом однородного ряда (например, наличие у однородных членов в предложении пояснительных слов), однако далеко не всегда повтор предлога поддается однозначному объяснению.

В качестве материала в докладе используются данные Национального корпуса русского языка (основной подкорпус, художественные тексты). Поиск в корпусе показывает, что в союзных сочинительных рядах конструкция без повтора предлога после союза встречается более чем в 10 раз чаще, чем с повтором (ср. 23 267 и 2468 вхождений соответственно; команды поиска: 1) **PR** на расстоянии 1 от **A** на расстоянии 1 от **CONJ** на расстоянии 1 от **A** и 2) **PR** на расстоянии 1 от **A** на расстоянии 1 от **CONJ** на расстоянии 1 от **PR** на расстоянии 1 от **A**).

Для получения более точных результатов был предпринят рандомизированный поиск в корпусе (со случайным расположением примеров). Для обоих типов конструкции (с повтором и без повтора предлогов) было проанализировано по 300 примеров из выборки.

Как оказалось, на повтор предлогов при однородных определениях влияет также разряд сочинительного союза (противительный, разделительный или соединительный). Так, соединительные союзы (*и, и... и, ни... ни* и др.) чаще допускают пропуск предлога при однородных определениях; напротив, для разделительных союзов (*или, либо, либо... либо* и др.) более типичным оказывается употребление в конструкциях с повтором предлога.

Особое внимание в докладе уделяется сопоставлению доли обоих типов конструкций в текстах XIX и XX вв.

Смирнов Юрий Борисович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

О семантике и функционировании двуродовых существительных в современном русском языке

В докладе проверяется положение о том, что двуродовые существительные, или существительные общего рода (типа *пройдоха, замарашка* и под.), называют только лиц: «Сюда относятся слова <...>, называющие лиц по характерному действию или свойству». Однако дело в том, что такие существительные могут употребляться и по отношению к животным, ср. *Виктор — большая умница* и *Этот пес — большая умница*; *Вера — ужасная привереда* и *Наша кошка — ужасная привереда*. По этой причине и можно предположить, что эти существительные предназначены для характеристики не только лиц, но и вообще одушевленных существ.

1. Для сопоставления приведенных точек зрения проводится семантический анализ и классификация русских двуродовых существительных,

список которых составлен на основании данных основных толковых словарей русского языка.

2. С точки зрения референциальной характеристики имена могут быть поделены на актуальные и оценочные. Употребление актуальных имен (типа *всадник* или *роженица*) затруднительно в предикативной позиции, поэтому и сомнительны фразы *Он — всадник* или *Она — роженица*. Двуродовые существительные явно принадлежат к оценочным именам, которые «оказываются неспособными или почти неспособными соотноситься с конкретным референтом и тяготеют к позиции предиката». Так, вполне нормальна фраза *Он такой миляга!* и едва ли допустима фраза *Миляга вошел в комнату*. С целью проверки этого положения в докладе приводятся данные о результатах анализа синтаксического функционирования наиболее частотных (по данным НКРЯ) двуродовых имен существительных.

Солдатова Дарья Николаевна,

ст. преп., Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

Взаимодействие несовершенного вида с именными категориями в повести А. П. Чехова «Скучная история»

Глагольные категории предиката — это, в первую очередь, текстовые категории. Одна и та же видовая форма глагола может иметь разные значения в зависимости от контекста. У глаголов несовершенного вида выделяют пять контекстных значений: 1) конкретно-процессное (актуально-длительное); 2) неограниченно-кратное; 3) значение постоянного отношения; 4) общефактическое (обобщенно-фактическое); 5) потенциально-качественное. В повести «Скучная история» А. П. Чехова представлены все контекстные значения несовершенного вида. Так, в контекстах, где речь идет о событиях прошлого, глаголы несовершенного вида употреблены в общефактическом значении. При описании, например, обычных, каждодневных действий, т. е. типичных ситуаций используются глаголы несовершенного вида в неограниченно-кратном значении. В большей части контекстов повести два основных значения — конкретно-процессное и неограниченно-кратное, т. е. однократное событие и повторяющееся — смешиваются, не различаются. При этом прямое значение единственного числа в результате смешения двух значений несовершенного вида начинает прочитываться в переносном значении, а конкретно референтный статус — как родовой. Однократное событие представляется как многократное, актуальное, наблюдаемое — как узуальное, единственное — как множественное, повторяющееся. В результате, в повести «Скучная история» А. П. Чехова глаголы несовершенного вида взаимодействуют в тексте с референциальным статусом имени, с числом существительного, с лексическими рамочными средствами, поскольку аспектуальные и темпоральные характеристики

действия взаимодействуют с конкретным/неконкретным характером соотношения высказывания с действительностью, соответственно с семантикой и характером референции.

Фокина Маргарита Андреевна,

преп., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(филиал в Нижнем Новгороде)

Синтаксические аспекты прецедентности (на материале политического дискурса)

В докладе будут рассмотрены синтаксические особенности введения прецедентных феноменов в дискурс и способность прецедентных феноменов отражать изменения в синтаксическом строе языка. Материалом для анализа выступили образцы политического дискурса из сферы интернет-коммуникации. Важным параметром ввода прецедентных феноменов в текст является наличие трансформаций на синтаксическом уровне и их допустимость. Под трансформацией понимается изменение в цели высказывания, эмоциональной окрашенности, модальности или структуре.

Проанализированные прецедентные высказывания можно разделить на следующие группы.

1. Прецедентные высказывания, употребленные в исходном виде и не предполагающие трансформаций.
2. Прецедентные высказывания, допускающие синонимические вариации.
3. Прецедентные высказывания с возможными/реализованными грамматическими, семантико-грамматическими и экспрессивно-коммуникативными модификациями.

Прецедентные высказывания, допускающие замену компонентов без потери узнаваемости, являются своеобразными типизированными моделями предложений и тяготеют к фразеосхемам. Прецедентные феномены способны отражать изменения в синтаксическом строе языка.

На уровне словосочетания характерны изменения в области сильного управления — замена беспредложных конструкций предложными. На уровне предложения примечательна частотность вставных конструкций, большинство из которых синтагматически не связаны с основным сообщением. Частотна и парцелляция, связанная со стремлением передать интонации и акцентированность живой речи.

Синтаксическими особенностями обусловлено и пунктуационное оформление прецедентных высказываний. Наибольший интерес вызывает употребление кавычек, обнаруживающих свою полифункциональность. С синтаксической точки зрения прецедентные феномены не являются жесткими автономными структурами. Они способны приспособливаться под авторские интенции, органично вплестаться в ткань повествования, открыты индивидуальному творчеству и естественным языковым процессам.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бовсуновская Анна Ивановна,

к. ф. н., ст. преп., Казанский государственный медицинский университет

Переводческое наследие Епифания Славинецкого и терминология гуманитарных наук

Среди переводческих трудов, создававшихся в XVII веке в кружке переводчиков-«грекофилов», ориентированных на точное следование оригинальному греческому тексту, особого внимания заслуживает выполненный Епифанием Славинецким перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина. Лексические и словообразовательные поиски Епифания Славинецкого, отраженные в данном переводе, обусловлены, с одной стороны, стремлением к скрупулезному воссозданию древнегреческих слово- и словообразовательных конструкций, с другой — к единообразию употребления терминов, что символизирует начало сложения терминологической системы. Влияние Славинецкого на развитие русского литературного языка преднационального периода можно охарактеризовать как попытку формирования гуманитарной терминологии и стремление к воплощению средствами церковнославянского языка конструкций византийской риторики. Результаты исследования могут быть применены для создания спецкурса по истории русского литературного языка преднационального периода. В работе ставятся следующие задачи:

- исследовать текст перевода Епифания Славинецкого в свете экспериментального «грекофильского» подхода к терминообразованию;
- решить проблему традиции терминологического словообразования, принимая за исходную точку анализ двуязычных словарей и перевода «Богословия». Историко-лингвистический (диахронический) анализ, направленный на изучение гуманитарной составляющей трудов Славинецкого, может служить пополнению данных об истории становления терминологии гуманитарных наук и открыть новое направление в изучении научной лексики, уточняя данные исторической лексикологии и словообразования.

Боряева Лариса Михайловна,

к. ф. н., асс., Санкт-Петербургский государственный университет

Семантические валентности и подчинительные связи *Nomina Actionis* (на материале древнерусских летописей и берестяных грамот)

В докладе рассматриваются сочетаемостные свойства существительных, связанных общностью корня с глаголами и семантически соотносительных с ними. В синтаксисе современного русского языка подчинительные связи имен плодотворно описываются на уровне словосочетания. Словосочетание со времен В. В. Виноградова трактуется как распространение слова с прису-

щими ему словообразовательными и лексико-семантическими связями. Для описания подчинительных связей Nomina Actionis в современном синтаксисе релевантным оказывается различие сильных (*наблюдать за птицами* = *наблюдение за птицами*) и слабых (*взмах рукой / взмах руки*) связей, а также предложенное Г. А. Золотовой различие свободных (*разговаривать о погоде* = *разговор о погоде*) и связанных (*интересоваться театром* ≠ *интерес к театру*) синтаксем. Исследование сдвигов в области сочетаемости имен действия в истории русского синтаксиса позволяет отметить возможность в древних текстах сохранения параллелизма синтаксических связей глаголов и имен вне зависимости от: а) характера связи и типа синтаксических отношений (...на улице **скърбь другъ съ другомъ дома тѣска...** — НЛ, СС, 114; ...того избра Господь **поборника по правои вѣрѣ** — НЛ, СС, 141); б) наличия/отсутствия мотивированности имени глаголом (*Бысть лють пожаръ **вихромъ наборзѣ трѣскомъ*** — НЛ, СС, 157); в) лексико-семантической группировки имён. Если в современном синтаксисе важна семантика опорного слова (отвращение к = ненависть к), то в древнерусском синтаксисе — семантика зависимой предложно-падежной формы: ...**въстань бысть...** **промежи князьемъ Давыдомъ и смолняны** (НЛ, СС, 47); ...и не баше **мира межи ими** (НЛ, СС, 56); ...и не вда Богъ **межи ими крѣви пролутія больша...** (НЛ, СС, 57 об.); ...не бысть **милости межи нами...** (НЛ, СС, 114); ...въздвиге **крамолу межи русьскими князи...** (НЛ, СС, 119).

Васильева Ольга Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

В какие игры играли в Московской Руси XVII в.

Русский язык конца донационального периода привлекал пристальное внимание проф. Б. А. Ларина в связи с возможностью проследить динамику в развитии языковой системы. Картотека задуманного Б. А. Лариным Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв., созданная его учениками и регулярно пополняемая в настоящее время, содержит ценный материал, который представляет интерес не только с точки зрения истории языка, но и с точки зрения истории русского народа, а также в этнографическом и культурологическом аспектах. В разножанровых текстах, послуживших источниками для Словаря Московской Руси, содержится немало лексем, сохранившихся в современном русском языке, однако употреблявшихся иначе, чем теперь. Одни лексемы XVI—XVII вв. на протяжении последующего развития языка сузили свое значение (подобно существительным *вор*, *воровство*, *дворец*, прилагательным *большой*, *великий*, глаголам *быть*, *жить*, *ездить*), другие, наоборот, семантически обогатились, в семантике третьих при диахроническом подходе отмечаются взаимно противоположные тенденции — утрата одних значений и появление других. Именно это характерно для лексем с корнем *игр-*, представленных в картотеке Словаря обиходного русского языка Московской Руси. Это существительные *игра* и *игрушка*, а также глагол *играть*,

которые как в текстах исследуемого периода, так и в современном русском языке, являются многозначными. Вместе с тем анализ контекстов их употребления показывает, что и семантика, и типичная сочетаемость этих лексем претерпели изменения.

Генералова Елена Владимировна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексико-семантические особенности

обиходного русского языка XVI—XVII вв.

(К вопросу о возможности изучения разговорного языка по письменным источникам)

1. Для этапа XV—XVII вв. в истории русского языка характерна сложная языковая ситуация, когда на фоне разговорного языка сосуществует несколько различающихся генетически и функционально письменных языков. Разговорный и письменный языки этого периода фактически противопоставлены друг другу, но их отношение динамично меняется в процессе начинающегося в этот период сложения национального русского языка. Система разговорного языка этого периода восстанавливается на базе письменных памятников, созданных на народно-разговорной основе, хотя сам круг памятников однозначно не определен.
2. В работе предпринята попытка выделения лексико-семантических элементов, статистически сильных для системы разговорного языка бытового общения, на основе Картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.», материалы которой демонстрируют не исключительно лексику бытового общения, а сложное качество складывающегося национального языка, состоящее, во взаимодействии лексики разных языковых типов.
3. Лексически сильными элементами системы разговорного языка являются: номинативный строй и отдельных памятников, созданных на родно-разговорной основе, и, в целом, предполагаемой языковой системы; обилие конкретной, в том числе предметно-бытовой лексики; наличие ряда лексем просторечного характера; наличие ряда диалектизмов (лексических и семантических), большинство из которых имеет конкретно-бытовое значение, большое количество конкретных существительных и относительных прилагательных, среди глаголов и прилагательных качественной оценки — использование базовых слов, основ синонимических рядов, с максимально широкой семантикой, приобретающих различное конкретное значение в зависимости от контекста.
4. К семантическим особенностям разговорного языка относятся моносемантичность лексики; наличие слов с контекстуально широким значением, недифференцированной семантикой, широким предметным значением; преобладание метонимических типов переноса значения, среди метафорических переносов.

Демидов Дмитрий Григорьевич,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Чередования ж//ЖД и Ч//щ в «Слове о полку Игореве»

1. При *dj > ж, жд и *tj > ч, щ происходит фузия. В случае ненапряженного *d у восточ. славян складывается щелевой [ж"] с утраченным взрывным элементом; южнослав. огласовка [жд] дает аффрикату. До падения редуц-х вост. славяне воспринимают ее как вариант своей фонемы: <ж", ж', жд', жд>. Ближайшее сочетание <ж><д> невозможно, ср. жьдати, такожде. Южнослав. аффриката передается и усваивается как восточнослав. щелевой. Напряж. *t̥ дает у вост. славян аффрикату <ч", ч'> (иначе симметрично ж" было бы *ш") с сохранением исходной смывки, что фонетически сближает ее с другой аффрикатой Щ. Но в фонологическом отношении уже до пад. редуц. следует считать <ш"т"ш"> самостоятельной фонемой, которой и передается южнослав. аффриката <шт>.
2. Фонему <щ", ш', шт> усиливают процессы *ske > ще, *skj, stj > щ, противопоставленные *ke, kj, ki > ч. Соответств. изменения в обл. звонких типа розга — рождые лексически представлены слабо, это чаще старославянизмы. Итак, передаче ст/сл-змов в др/р. яз. в виде Щ способствовали два фактора: 1) такой же фонетич. взрывной элемент в Ч, как и в Щ; 2) готовая самост. фонема <щ"> в ряду т : ч" : щ", которой можно точно и осознанно передать ст/сл-зм с сохранением семантико-стилистического различия типа свѣча — свѣща. В ряду д : ж" у вост. славян фонологизации аффрикаты не происходило.
3. До к. XIV в. преобладали Щ и Ж на месте *tj и *dj.
4. После падения редуцированных становится возможным сочетание <ж><д>, ЖД на письме начинает возрастать, особ. в связи со 2-м южносл. влиянием.
5. В таком виде теоретически должна была бы застать чередования Ж//ЖД и Ч//Щ рукопись, которая, предположительно, легла в основу издания «Слова» 1800 г. Ее датировка XVI или каким-либо другим до XVIII в. не отвечает никакой из названных закономерностей.
6. Анализируются и критически оцениваются данные С. П. Обнорского, исчерпывающим образом представляющие лексический материал чередований.

Дягилева Ирина Борисовна,

к. ф. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Лексика музыкального искусства в составе заимствований в русском языке первой половины XIX в.

Музыкальное искусство являлось одной из доминант культурной жизни России XIX в. В газетах «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела» в разделах «Фельетон», «Смесь», «Петербургские городские новости» регулярно рецензировались новые музыкальные спектакли и концерты. Изучение материалов прессы позволяет выявить новую музыкальную лексику в составе заимствований русского языка первой половины XIX в. (дуэтино, ритор-

нель, демольный, терцет, фермата и др.), проследить словообразовательную активность уже освоенных русским языком заимствований (дирижер, дирижировать, дирижировка; контральт, контральтовый). Одной из прослеживаемых тенденций стало появление наименований лиц женского пола (виолончелистка, виртуозка, композиторша, концертантка), а также следует отметить склонение существительных на -о, позже не закрепившееся нормой (несколько пианинов, замечательные сольфеджио). Наблюдения над языком газет показали, насколько широко была употребительна терминология музыкально-исполнительского искусства, что отражало высокий уровень музыкальной культуры образованного общества в России XIX в.

Зарипова Анна Рифовна,
асп., Южный федеральный университет

Слово *рок* в составе лексико-семантической группы «Судьба» в истории русского языка

Лексема *рок* является одним из древнейших слов-номинаций, в семантической структуре которых воплощены представления о контролируемости событий человеческой жизни высшей силой. В семантическом развитии слова *рок* в истории русского языка можно выделить два основных этапа: 1) XI—XVII вв.; 2) XVIII—XXI вв. На первом этапе развития представлена разветвленная семантическая структура слова, которая насчитывает шесть значений («установление, правило», «предназначение, повеление», «судьба, предопределение», «заранее определенный отрезок времени, установленный для чего-либо», «возраст», «установленное число»). Значение «судьба» встречается в памятниках письменности с XV в., с появлением его слово *рок* входит в состав лексико-семантической группы «Судьба». Рок-судьба, будучи понятием абстрактным, начинает в народном сознании персонализироваться. Акт персонализации является попыткой упорядочить мир, определить отношения между человеком и высшей непознаваемой силой, но приводит к тому, что понятие христианского рока-предопределения подменяется понятием языческого слепого рока. На втором этапе развития семантическая структура слова сокращается до одного значения («судьба»), которое в современном русском языке приобретает негативную окраску и начинает обозначать жестокую судьбу. Таким образом, одним из основных семантических признаков, по которым *рок* противопоставляется другим словам лексико-семантической группы, является его неприменная жестокость к человеку, которая является следствием его не-Божественной природы.

Коваленко Кира Иосифовна,
м. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Растение зеленичие в азбуковниках и лексиконах XVI—XVII вв.

В одном из лексикографических сводов Московской Руси начала XVII в. — Азбуковнике из РНБ, собр. Н. П. Погодина, № 1642 — имеется статья с описанием растения *зелени'чие*. Как указано в толковании, это

дерево имеет вечнозеленые листья, напоминающие по виду листья черники. Данному описанию могут соответствовать несколько вечнозеленых растений: брусника, толокнянка, самшит, некоторые виды барбариса. Исторические словари русского и белорусского языков не проясняют ситуацию: они определяют *зеленичие* как ‘название одного из видов деревьев с вечнозелеными листьями’ (Словарь русского языка XI–XVII вв., т. 5, с. 369) или ‘вечнозеленое растение’ (Исторический словарь белорусского языка, т. 12, с. 204). Фитонимы *зеленичы* и *зеленичыя* *дерево* приводятся в Ботаническом словаре А. Мейера (1781) и в Толковом словаре В. И. Даля (1863), однако эти словари значительно отстают по времени от рассматриваемой рукописи, а за несколько столетий слово могло изменить свое значение.

Сопоставление статьи *Зеленичие* из Азбуковника № 1642 с аналогичными статьями в других азбуковниках этого же периода позволило определить ее источник: на полях рядом с толкованием имеется ссылка «грамматика», которая указывает на сочинение Лаврентия Зизания. Источником статьи, однако, является не Грамматика Зизания, а его лексикографический труд *Лексис* (оба произведения издавались вместе), где указано, что слово *зеленичие* употребляется в Библии, в 41-й главе Книги пророка Исаии. В частности, оно встречается в рукописях XV и XVI вв. «Книги 16 Пророков» (РГБ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 63 (1553), л. 116 и № 89 (1547), л. 94об.). Обратившись к греческому тексту, можно узнать, что этим словом в Ис. 41:19 переведено греч. *λύξος* ‘самшит, *Vuxus sempervirens*’. Внешний вид самшита вполне соответствует описанию, данному в Азбуковнике, и, кроме того, так определяли *зеленичыя* А. Мейер и В. И. Даль. В результате можно сделать вывод, что в XV–XVII вв. слово *зеленичие* имело то же значение, что и в последующие столетия, — ‘вечнозеленый кустарник самшит’.

Кортава Татьяна Владимировна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Явления лексико-семантической и синтаксической конденсации в памятниках старообрядческой письменности XVII в.

Проблемы различий между русским литературным (церковнославянским) и народно-разговорным языками давно обсуждаются в лингвистической литературе. Наиболее активно разрабатываются вопросы очевидных иноязычных влияний на литературный язык эпохи позднего Средневековья.

Известно, что новые явления заменяют собой уходящие в прошлое, вступают в отношения свободной мены или дополнительной дистрибуции.

С давних пор в центре внимания историков русского языка находятся отглагольные существительные, которые Ф. И. Буслаев считал «сокращенными предложениями», А. Х. Востоков находил в них видовые оттенки, А. А. Потебня искал семантические различия между суффиксальными и безаффиксными формами.

В сочетании с предложениями безаффиксные существительные часто служили базой оригинальных форм наречий, типа: без толку, без спросу — которые были характерной особенностью приказного и народно-разговорного языков. Обращают на себя внимание и наречия, образованные в результате сжатия (конденсации) атрибутивных словосочетаний, типа: помалу, помногу (Е. И. Янович); наречия из творительного предикативного, типа: голодом гибнуть; а также более сложные формы, типа: вдругоряд, поскуду, о дву конь, которые требуют лингвистического комментария. Подобные формы придавали «русскому складу» краткость и выразительность, о потере которых сожалел В. И. Даль. Такие наречия сохранились в говорах и фольклоре, а в современном русском литературном языке отмечается тенденция к семантическому и синтаксическому развертыванию исконных для русского языка форм.

Костючук Лариса Яковлевна,

д. ф. н., проф., Псковский государственный университет

Записи на книгах — источник сведений о языке прошлого
(в помощь лексикографии)

Архивы древних письменных памятников обогащают лексикографов разноуровневыми сведениями о языке прошлого. В отделе Словаря XVIII в. ИЛИ РАН ведется составление многоаспектного Реестра лексики XVIII в. с отражением словоформ и вариантов лексем. Это особенно важно для понимания процессов в период становления национального русского языка. При этом неизбежно обращение и к рукописным памятникам местного письма. Древлехранилище Псковского музея, псковские архивы известны своими памятниками и продуманными каталогами, представляющими местные письменные богатства. Идея каталогов рукописных и печатных книг Древлехранилища с публикацией расшифрованных записей на книгах соответствующих веков принадлежит Н. П. Осиповой: в письменной речи местных писцов отражаются региональные особенности слов и словоформ, которые пополняют сведения в опубликованных исторических словарях. Бережное отношение к книге прошлого выражается трафаретными формулами в записях о том, что книга должна храниться *вечно и неотъемлемо* (XVIII в.); *неподвижно, неизменно, вечно и никуда* (XVII в.). *А буде кто воровски похотит* (XVII в.) или *возмет или усвоитъ* ее (XVIII в.), *тому да будет анафема* (XVIII в.). При описании указанной ситуации разные лексемы способны приобретать близкие значения с проявлением сем «в неизменном состоянии (находиться)» — для наречий; «украсть» — для глаголов. Обнаруживаются варианты лексем, отражающие условия образования слова соответствующей части речи: предлог *вместу* (XVII в.) (ср. обычное *вместо*) — от разных предложно-падежных словоформ существительного (в местном или винительном падеже). Прилагательное *бывый* (XVIII в.) из действительного причастия прошедшего времени (при своеобразии полной формы) от глагола *быти*, аналогичное по значению закрепившемуся затем *бывший*. Слово *бывый* не зафиксировано в Словаре XVIII в., хотя в Словаре XI—XVII вв. присутствует.

Ладыженский Игорь Михайлович,

к. ф. н., н. с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

О слабых редуцированных в древнерусском языке (на материале Ильиной книги)

Большая часть примеров Ильиной книги (РГАДА, Тип. 131; далее — Ил.), в которых восточнославянский рефлекс *dj вытеснил южнославянский (³/₄ от общего числа словоформ с -ж- на месте *dj), связана с определенными фонетическими условиями. Охарактеризовать их можно следующим образом: *dj + ъС (ьССС — рождество) или С/Сь + *dj (ь обозначает слабый редуцированный). Поскольку еры в тексте Ил. употребляются вполне последовательно, т. е. нет оснований предполагать утрату слабых /ь/ и /ь/, мы считаем, что (по крайней мере в определенных условиях) они претерпевали столь существенную количественную редукцию, что утрачивали слогообразующую функцию [см. Фортунатов, 1957, 12; Ляпунов, 1899; Васильев, 1904, 489; Журавлев, 1977, 39; Чекман, 1979, 207—208]. Другой, не менее важной, особенностью графико-орфографической системы Ил. является последовательное употребление знака паерка в группах согласных. Анализ употребления этого графического символа свидетельствует в пользу его фонетической интерпретации: судя по всему, паерок служил обозначением т. н. неорганической гласности. Таким образом, особый интерес должен представлять вопрос: почему, несмотря на существенную количественную редукцию исконных /ъ/ и /ь/ в этимологически слабых позициях, еры практически не смешивались с обозначением неорганической гласности? Ответ, как кажется, должен быть очевиден. Орфоэпические нормы, регламентирующие воспроизведение в книжной речи южно- или восточнославянского рефлекса *dj формировались в условиях чтения — существенно более быстрого темпа речи, чем тот послоговый диктант, которым руководствовались книжники в процессе письма. В процессе же письма (в условиях предельно медленного темпа речи) слабые редуцированные выполняли слогообразующую функцию и тем самым принципиально отличались от неэтимологических гласных в исконных группах согласных, обозначаемых на письме знаком паерка.

Мальшев Александр Александрович,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

О лексической вариативности слов на букву Ц в русском языке XVIII века

С 2011 г. группа «Словаря русского языка XVIII века» создает электронный «Реестр лексики русского языка XVIII века», целью которого является максимально полное представление лексического состава русского языка XVIII в. Особенно полезен будет «Реестр» для изучения процессов вхождения («вживания», по определению Л. Л. Кутиной) в русский язык заимствованной лексики, в т. ч. и при рассмотрении вопроса о становлении презентативной нормы новых слов, об их фонетической, орфографической и грамматической адаптации.

В Картоотеке «Словаря русского языка XVIII века» зафиксировано более 700 слов на букву Ц. Некоторые из них оказались на периферии языка XVIII в., другие же слова представлены значительным числом примеров, демонстрируя при этом на протяжении всего века наличие вариантов и дублетных форм.

Материалы КС XVIII позволяют выявить некоторые закономерности лексического варьирования слов на букву Ц.

1. Устойчивое корневое варьирование согласных и гласных в существительных (цапля-чапля, цемент-цегмент и др.);
2. Сохранение корневого варьирования в производных словах (цапля/чапля — цапелька/чапелька — цаплин/чаплин и др.);
3. Варьирование рода существительных (цитадель-цитаделя, цистерна-цистерн и др.);
4. Варьирование окончаний существительных одного рода (цитадель-цитаделя-цитаделла и др.).

Приведенные примеры лексического варьирования позволяют судить о том, как происходила адаптация заимствованной лексики в XVIII в. и как из нескольких вариантов вычленилась презентативная форма слова. Сравнение данных создаваемого «Реестра» с базами данных по другим периодам истории русского языка позволит проследить варьирование лексики в письменной системе языка на протяжении нескольких веков и выделить наиболее характерные особенности этого процесса для отдельных слов и их производных.

Маматова Миляуша Габдрауфовна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Чудо о трех воеводах» Симеона Метафраста
и «Сказание о трех воеводах» в славянском переводе:
сравнительно-сопоставительный анализ синтаксической структуры

«Сказание о трех воеводах» (далее СТВ), одно из наиболее популярных произведений о Николае Мирликийском, представляет собой перевод греческого текста («Praxis de stratelatis»), который был осуществлен в Болгарии. Древнейший список памятника датируется XII в. Симеон Метафраст, создавая в конце X в. Житие Николая Мирликийского (далее ЖНМ), использовал текст «Деяния о стратилатах» в качестве источника «Чуда о трех воеводах» (далее ЧТВ). При имеющихся различиях содержание рассматриваемых текстов почти полностью совпадает. Указанное обстоятельство дает возможность произвести сравнительно-сопоставительный анализ текстов в стилистико-синтаксическом аспекте. Особый интерес к данному аспекту вызван характером деятельности Симеона Метафраста, направленной главным образом на стилистическую обработку текста. В связи с этим оказывается важным проследить выбор славянских переводчиков при передаче синтаксических структур греческого оригинала. В докладе представлен анализ синтагматики структуры предложения с учетом грамматических связей между элементами предложения, а также осложнения предложений

с помощью однородных членов. Для синтаксиса ЧТВ характерно наличие предложений с многоуровневой иерархической структурой и дистантным расположением синтаксически связанных элементов. В славянском переводе последовательно передается структура предложения, однако нередко нарушается порядок слов. Текст СТВ, полностью следуя греческому оригиналу, отражает тенденцию к выстраиванию сочиненных рядов с помощью однородных членов. Это достигается благодаря замене с помощью глагола причастия, использованного в греческом оригинале. Основная сфера употребления однородных членов в обоих текстах — сказуемое. Однако данный тип осложнения используются в рассматриваемых текстах в разных функциях. Так, если в СТВ однородные члены передают последовательность действий, то в ЧТВ они обычно выстраиваются на основе синонимии и полиномии и, таким образом, описывают некое явление с разных сторон.

Мольков Георгий Анатольевич,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Оформление на письме аффрикат /с'/, /č'/ в Милятином евангелии

Средний процент неправильных написаний букв аффрикат (2,66%) в Милятином евангелии показывает, что два его основных писца придерживались орфографических правил при выборе графемы ц/ч. Количество ошибок в разных группах написаний с аффрикатой подтверждает тезис В. М. Живова об использовании писцами правил разной степени сложности при оформлении на письме аффрикат.

В то же время разбор конкретных примеров показывает, что писцы Милятина евангелия имели определенные особенности в применении базовых орфографических правил. Среди ошибочных написаний каждого из писцов оказывается возможным выделить группы однородных примеров, свидетельствующие о наличии дополнительных факторов, влияющих на выбор писцом графемы ц/ч.

При этом для каждого из писцов выделенные группы ошибочных написаний являются специфичными, что, возможно, связано с разным уровнем их квалификации.

Попов Михаил Борисович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Был ли древнерусский переход *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* изменением фонетическим?

Переход *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* до сих пор остается одним из самых загадочных изменений в истории русского языка, хотя объяснить его причины и механизм пытались многие выдающиеся историки языка. Внимание, уделяемое изменению *ky, gy, xy* в *k'i, g'i, x'i* историками русского языка, неудивительно, т. к. оно затрагивает как систему вокализма, так и систему консонантизма древнерусского языка. Переход *ky, gy, xy* > *k'i, g'i, x'i* в русском языке был многоэтапным изменением. На первом этапе *ky, gy, xy* >

ki, gi, xi, т. е. /y/ заменялось на /i/ после заднеязычных. Этот этап «перехода» не был связан с развитием корреляции по твердости/мягкости и с постулируемой многими утратой фонемы /y/. Толчком послужило наличие синтагматической «пустой клетки», возникшей после осуществления 2-й палатализации. Показательно, что раньше всего переход *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi* произошел в древнеукраинских говорах, не знаящих, как полагают многие историки языка, смягчения согласных перед всеми гласными переднего ряда, но довольно последовательно осуществивших 2-ю палатализацию. В древненовгородском диалекте изменение *ky, gy, xy* > *ki, gi, xi* задержалось, потому что в нем не было 2-й палатализации, вследствие чего не возник свистящий палатальный ряд *č, ž, š*. На следующем этапе произошло аллофонное изменение — палатализация заднеязычных согласных в новых сочетаниях к следующему гласному переднего ряда /i/, т. к. у заднеязычных появились палатализованные аллофоны. Третий этап «перехода» представляет собой фонологизацию этих палатализованных аллофонов, в результате чего появляются самостоятельные фонемы /k', g', x'/.

Рожкова Анфиса Владимировна,

к. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Грамматические особенности и стилистика личных местоимений в русской гимнографии

Для исследования привлечены ранние гимнографические произведения, посвященные княгине Ольге, князю Владимиру, Борису и Глебу. Употребление местоимений 1-го лица незначительно. Кроме единственной формы И. п. **азъ** использованы формы Д. п. **ми** (2), Р. п. **мене** (2) в значении винительного, В. п. **мя** (9). Среди местоимений 1-го лица множественного числа количественное преимущество закреплено за формами **намъ** (10), В. п. **ны** (8), Р. п. **насъ** (7) в значении винительного. Активное употребление местоимений 1-го лица множественного числа во многом связано с проявлением соборного начала, присущего православному религиозному сознанию. Непрерывная апелляция адресантов к сакральному лицу предполагает использование местоимений 2-го лица. Наиболее употребительной оказалась форма В. п. **тя** (31). По сравнению с формами **азъ** или **мы** чаще используются местоимения 2-го лица в форме И. п. **ты** (14), **вы** (4). В рассматриваемых текстах отразились грамматические особенности, присущие классу указательных слов в ранний период истории русского языка. Используются краткие формы Д. п. ед. ч. **ми**, **ти**, а также древние формы В. п. **мя** (9), **тя** (31), **ны** (8). В песнопениях Борису и Глебу фиксируются формы двойственного числа Д. п. **вама** (3), Р. п. **ваю** (2) в значении винительного. И. п. в этих текстах представлен формой **вы** (3) вместо **ва**. Обращают на себя внимание формы **ти** (6) и **ваю** (23), которые в отдельных случаях выполняют функцию притяжательного местоимения. В целом использование личных местоимений 1-го и 2-го лица в обследованных гимнографических памятниках не противоречит имеющимся данным по истории слов этой части речи. Важная стилистическая функция местоимений 1-го и 2-го лица

в гимнографических текстах заключается в экспликации двух сфер — верующих (одного адресанта или совокупности адресантов) и сакральных лиц, а также в реализации диалогичности, характерной для подобного рода текстов.

Сизиков Александр Владимирович,
ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

**Время, вид и совершаемость личных форм глагола
в переводе с греческого на древнерусский
(на материале Жития Андрея Юродивого)**

Житие Андрея Юродивого написано на греческом койне IX века в Константинополе. По мнению Л. Ридена [Rydén], автор жития получил только начальное образование и не изучал в достаточной степени риторику и классическую литературу. Житие по своему языку отстоит очень далеко от библейских текстов и от родственных ему по жанру произведений, например, от Жития Симеона Юродивого. Поскольку между созданием памятника и его переводом по мнению А. М. Молдована [Молдован] прошло не более 150 лет, можно предположить, что древнерусский переводчик активно владел греческим языком того же периода, что и автор жития. История греческого текста исследована Л. Риденом, а древнерусского перевода — А. М. Молдованом. Это дает возможность использовать этот очень интересный материал для сопоставительного изучения и наблюдения над функционированием видо-временной системы древнерусского языка. Действие в прошлом в житии передается при помощи личных форм: аориста, настоящего исторического, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта; а также при помощи неличных форм: причастий и инфинитивов настоящего времени, аориста и перфекта. Поскольку древнерусский язык имеет сходный набор личных форм, некоторая формальная зависимость от языка оригинала присутствует. Однако очень часто переводчик демонстрирует большую свободу при выборе формы эквивалента. В докладе рассматриваются значение и употребление временных форм аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, и делается попытка оценить, до какой степени выбор эквивалента в древнерусском переводе продиктован формой греческого глагола, а до какой — семантикой грамматического значения. Особое внимание уделяется выражению видовых значений и глагольной совершаемости.

Цумштайн Мирьям,
преп., University of Cambridge

**Различия в порядке слов результативных
и пассивных конструкций старославянского языка**

Сравнение примеров (1) и (2) показывает, что в старославянском языке (ССЯ) встречаются как минимум два типа аналитических структур прошедшего времени, различающихся употреблением форм глагола быти. В то

время как формы аориста I с имперфективной основой бѣ- и формы имперфекта бѣа- обычно передают статальное значение и поэтому в сочетании со страдательными причастиями прошедшего времени (ППП) образуют резульативные конструкции (1), формы сигматического (перфективного) аориста II на бы- чаще всего носят инхоативный оттенок и выполняют функцию вспомогательного глагола в акциональных пассивных конструкциях (2).

(1) бѣ же написано иѣ (ἦν δὲ γεγραμμένον) (МК, Ин 19:19)

(2) речено же бысть (ἔρρέθη δέ) (МК, Мф 5:31)

При рассмотрении возможных сочетаний ППП с формами глагола быти бросается в глаза, что подобный способ разграничения акционально-пассивных и резульативных структур встречается лишь в прошедшем времени. В настоящем времени в качестве акционального маркера изредка используется глагол бывати, устраняющий резульативное значение ППП, но в будущем этот глагол не встречается и ППП облигаторно сочетается с формами глагола быти (бжд-), выполняющими функцию как вспомогательного глагола в пассивных, как и связки в резульативных конструкциях.

В отличие от современного русского языка обсуждаемые аналитические конструкции в ССЯ не были многозначными несмотря на их потенциальную омонимию. Анализ причастных конструкций в прошедшем и будущем времени в Мариинском (МК) и Супрасльском кодексах (СК) показывает, что акциональные конструкции отличаются от резульативных порядком составных частей. В акциональных пассивных предложениях вспомогательный глагол всегда занимает позицию после причастия (2), а в резульативных предложениях формы глагола быти чаще всего предшествуют причастию (1).

Сравнение этих памятников с греческим прототипом показывает, что данную маркировку нельзя свести к влиянию греческого языка.

Шишков Максим Сергеевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Представление о грехах и пороках в обиходном языке
Московской Руси XVI—XVII вв.

Обиходный язык Московской Руси представляет особый интерес с точки зрения семантических и словообразовательных процессов. В это время формируются наиболее важные с точки зрения становления языковой картины мира словообразовательные и тематические группы.

Представление о грехах и пороках является одним из ярких маркеров, указывающих на ценностные ориентиры, которые приняты в данной лингвокультуре. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой разделения собственно языковых, обиходных представлений и представлений религиозных, которые также находят отражение в языке.

По отношению к исследуемому периоду истории русского языка можно заметить, что в обиходном языке присутствуют и религиозные концепты,

эксплицирующие грех и порок. Здесь мы можем увидеть блуд, гордыню и др. наименования грехов, но не все осуждаемые церковью грехи и пороки будут в равной степени отражены в обиходном языке, хотя, несомненно, религиозный компонент сыграл значительную роль при формировании этих представлений.

Так, ряд наиболее осуждаемых носителями языка пороков представлен в обиходном языке Московской Руси большими словообразовательными гнездами (например, слова с корнем -блуд-/-бляд-) или тематическими группами (например, то, что относится к пьянству).

Изучение соотношения религиозной и языковой картин мира на основе анализа лексики обиходного русского языка Московской Руси позволяет увидеть пути развития ценностно-смыслового пространства, ставшего в дальнейшем базой для современной русской лингвокультуры.

Щекин Алексей Сергеевич,

к. ф. н., ст. лаб., Санкт-Петербургский государственный университет

Сочинения венецианских путешественников XV века

И. Барбаро и А. Контарини как источники по истории лексики русского языка

Среди иностранных описаний России второй половины XV века к числу наиболее значительных источников относятся сочинения венецианских дипломатов Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини. Сочинение А. Контарини было впервые опубликовано в 1487 г. и с тех пор неоднократно переиздавалось. Создание книги И. Барбаро датируется промежутком между 1488 и 1492 гг. При этом И. Барбаро, согласно мнению Е. Ч. Скржинской, никогда не был в России, не знал русского языка и большую часть своих сведений о ней почерпнул из вышедшей ранее книги А. Контарини. Сочинения обоих авторов содержат определенное количество русских слов, записанных средствами латинского алфавита.

При выявлении русской лексики в сочинениях И. Барбаро и А. Контарини необходимо разделять два лексических пласта: собственно русские слова и слова, вошедшие в русский язык из других языков, с которыми также могли быть знакомы авторы. В первую очередь это относится к лексике восточного (тюркского) происхождения. Некоторые из этих слов, как, например, слова «орда» и «хан», употребляемые в сочинениях И. Барбаро и А. Контарини в формах «lordo» и «can», вошли и в русский язык уже в ранний период его развития. Из собственно русских слов в сочинениях И. Барбаро и А. Контарини встречаются почти исключительно названия транспортных средств: воз, сани, дровни. В некоторых случаях, как, например, для слова «сани», А. Контарини дает в своем сочинении развернутое описание обозначаемой русским словом реалии.

Несмотря на сравнительно небольшой объем сообщаемых о России сведений оба эти сочинения могут рассматриваться как ценные источники по истории лексики русского языка.

Юдина Татьяна Михайловна,
к. ф. н., доц., Северный (Арктический) федеральный университет

Гиперо-гипонимические отношения терминов в горнозаводской терминологии начала XVIII в.

Один из признаков терминологии — системность, связанная с рядом отношений, в том числе гиперо-гипонимических (родо-видовых). Специфика гиперо-гипонимических отношений заключается в том, что они порождают многокомпонентные терминологические сочетания. С начала XVIII в. в горнозаводской терминологии частотны общерусские лексемы *снасть* и *инструмент* «совокупность орудий труда» (ЛСГ «Названия горнозаводского оборудования»). Обычно слова *снасть*, *инструмент* являлись базой (гиперонимами) образования терминов для обозначения видовых понятий. Видовые понятия обозначались с помощью 1) однословных терминов: *снасть*, *инструмент* (гипероним) — *наковальня*, *молот*, *клещи*... (гипонимы), 2) устойчивых терминосочетаний: *доменные снасти*, *молотовые инструменты* (гипонимы), где способ номинации — синтаксическая деривация, которая представлена такими структурными типами (моделями), как двусловные, трехсловные и многокомпонентные наименования. Составные термины способны наиболее полно отразить дифференциальные характеристики денотата. Рассмотрение процессов формирования двусловных составных наименований связано с выявлением мотивировочных признаков, по которым денотаты получали наименования. В наибольшей степени активными были следующие признаки номинации: указание 1) на вид металла, из которого снасти и инструменты изготовлены: *чугунные снасти*, *инструменты*; 2) на предмет труда: *пушечные снасти*, *инструменты*; 3) на оборудование: *мотовые снасти*, *инструменты*; 4) на назначение: *свириленные снасти*, *инструменты*; 5) на сферу применения: *кузнеческие* (*кузнечские*, *кузнешные*) *снасти*, *инструменты*; 6) на размер: *большие* — *средние* — *мелкие* (*мелочные*) *снасти*, *инструменты*.

Среди названий выделяется несколько гиперо-гипонимических рядов, различающихся своим местом в родо-видовой иерархии. Активность таких гиперо-гипонимических отношений обычно характерна для начального периода складывания терминосистем.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ (РУССКО-СЛАВЯНСКИЙ ЦИКЛ)

Абдалтаджедини Нахид,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

К истории пяти иранизмов в русском языке

Многовековые языковые и литературные ирано-русские языковые контакты интересный объект исследований: разновременной характер заимствований из персидского языка, посредство множества языков при

заимствованиях создают уникальную языковую картину, отражающую многослойное, кросс-культурное значение Ирана. В русском языке в результате исторического развития присутствует достаточно много иранизмов, проникших в разные годы, и часто через посредство других языков, прежде всего тюркских. Среди этих иранизмов можно выделить некоторые ранние лексические заимствования: *стакан, аршин, сарафан, чемодан, миткаль*. Эти слова составляют группу т. н. обратных заимствований, которые были заимствованы в древнейших времен русским языком, а затем вновь в XIX—XX вв. проникли в персидский с новыми значениями и с «измененным» обликом. В данном сообщении рассматривается этимология и семантика этих слов в персидском и русском языках на материале русских словарей (этимологический словарь М. Фасмера, этимологический словарь иранских языков В. С. Расторгуевой и Д. И. Эдельмана, Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.) и персидских словарей Сохана, М. Моина и А. Деххода.

Бабурин Лев Константинович,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет)

Способы выражения значения 'окрестности' в русском языке

В современном русском языке значение 'окрестности' может выражаться на различных языковых уровнях: лексическом, словообразовательном и синтаксическом. Что касается лексического уровня, представляется достаточным перечислить синонимы слова *окрестность*. В Словаре синонимов русского языка приводятся следующие из них: *округа* (с пометой «разговорное»), *околоток* и *окружность* (с пометой «устарелое»). Более подробного рассмотрения заслуживают, на наш взгляд, словообразовательные и синтаксические способы выражения данного значения. Прежде всего следует указать на то, что предлоги, употребляемые в этом значении, по своей общей семантике не вполне сходны с существительным *окрестности*. Так, ожидаемые с этой точки зрения предлоги *вокруг, около, рядом* с употребляются с топонимами сравнительно редко. Значительно чаще употребляются такие предлоги, как *у, неподалёку от, под*. Последний употребляется главным образом с названиями городов (ср. *под Москвой*), и его употребление объясняется тем, что города при этом мыслятся как ориентиры, которые «модифицируют область доминанции». В то же время оно может быть объяснено и исторически, с учетом принципов градостроительства, действовавших в старину: собственно городом первоначально считалось укрепление, возвышавшееся над окружающей местностью. На словообразовательном уровне этой конструкции соответствует непродуктивная модель, сочетающая приставку *Под-* и окончание *-е* в именительном падеже (ср. *Подмосковье*). От гидронимов слова со значением 'окрестности' часто образуются с помощью приставки *По-* или *При-*, обычно также в сочетании с окончанием *-е* в именительном падеже (ср. *Поволжье, Придонье*). Сходная модель с приставкой *При-* действует

и с оронимами (ср. *Прикарпатье, Приуралье*). Вместе с тем приставка *При-* может обозначать также относительное положение того или иного географического объекта. В этом отношении показателен пример Приднестровской Молдавской Республики.

Баданина Ирина Васильевна,

к. ф. н., доц., Московский педагогический государственный университет

Актуальные изменения в русской лексике, называющей лиц

В современном русском языке для называния женщин по профессии или иному виду деятельности могут использоваться существительные женского и мужского рода: *няня, медсестра; врач, инженер, учитель* — причем в основном вторые. Часто женщины протестуют против называния их по профессии существительными женского рода, предпочитая названия мужского рода: не *поэтесса*, а *поэт*, не *писательница*, а *писатель*, не *врачиха*, а *врач*. Однако негативное отношение женщин к таким номинациям имеет веские социальные причины.

1. Главная из них — прочно укоренившийся в массовом сознании и с трудом поддающийся изменению стереотип отношения к женщине — представителю той или иной профессии как к недостаточно квалифицированному специалисту, особенно в традиционно мужских видах деятельности.
2. Напоминание о прошлом, когда женщина социально во всем зависела от мужчины. Существительные типа *генеральша, бригадирша, аптекарша* и под. в XIX в. называли только жену по виду деятельности мужа.
3. Нежелательный параллелизм с животным миром: суффикс *-их(а)* образует существительные, называющие женщин: *пловчиха, повариха, пекариха, старостиха*, — и названия самок животных: *слониха, зайчиха, ежиха, китиха*.

Кроме того, есть и лингвистические причины избегания существительных женского рода:

1. неблагозвучие, снижающие ассоциации образований с суффиксом *-их(а), -и(а)*. Современные *секретарша, директорша, докторша, профессорша* поэтому не воспринимаются как официальные наименования женских профессий;
2. употребление существительных мужского рода для называния женщин, возможно, поддерживается тенденцией к аналитизму: *женщина-летчик, педиатр, оператор*;
3. закон экономии в языке также может способствовать сохранению одного существительного — мужского рода — для называния лиц обоего пола: *россияне, студенты, старшеклассники, учителя, врачи, строители*. Употребление каждый раз второго существительного для называния женщин приводило бы к увеличению объема текстов: *россияне и россиянки, студенты и студентки* и т. п.

Бируля Олеся Валерьевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Словообразовательные и графические особенности современных сценических псевдонимов

Сценические псевдонимы представляют собой малоизученную область ономастики. Современные артисты тяготеют к выбору звучных имен, прибегая к различным способам создания псевдонимов. Целью нашей работы является исследование словообразовательных и графических особенностей современных сценических псевдонимов. Нами был применен метод сплошной выборки современных российских и английских псевдонимов. В результате исследования мы пришли к выводу, что современные исполнители предпочитают выбирать «говорящие» имена, нежели использовать продуктивные словообразовательные модели. Графические особенности вызваны стремлением привлечь зрительное внимание к псевдониму. Исполнители на англоязычной сцене активнее прибегают к графическим особенностям.

Глуценко Олеся Анатольевна,
д. ф. н., проф., Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Отражение исконных экологических знаний в гидронимиконе Камчатки

Мотивированные наименования флоры и фауны камчатские экологические гидронимы (экогидронимы) являют собой совокупность разноязычных номинативных единиц (около 350 корякских, ительменских, эвенских и русских топонимов), структурированных в ономастическом пространстве языка по понятийно-денотативным основаниям. Анализ механизмов данной классификации раскрывает особенности организации фрагмента экологических знаний в языковой картине мира жителей полуострова. Класс экогидронимов построен по дихотомическому принципу, поскольку уже на первом уровне семантической классификации распределяются два подкласса — фитогидронимы (в номинативном признаке каждого наименования есть общая понятийная часть «флора») и зоогидронимы (общая архисема «фауна»). Каждый из подклассов допускает семантическое сегментирование второго и третьего уровней. Формируют номинативный признак названия тех растений, рыб, животных и птиц, которые имеют важное значения для жизнедеятельности человека на Севере. Стратегия номинатора определяется исключительно функциональным подходом к объектам экосистемы, поэтому, несмотря на обилие элементов фито- и зоосистемы полуострова, названия далеко не всех растений и животных находят отражение во внутренней форме топонимов. В кругу гидронимов мы встречаем одновременное употребление исконного северного и калькированного славянского наименования с одинаковой номинативной моделью. Повторение мотивировочного признака не только свидетельствует о его универсаль-

ности и типичности, но и отражает значимость языковой репрезентации элементов экосистемы в языковой картине мира аборигенного и пришлого населения Камчатки.

Зуга Оксана Владимировна,

к. ф. н., доц., Удмуртский государственный университет

Зливко Светлана Дмитриевна,

доц., Ижевский государственный технический университет

К проблеме описания фразеологизмов

в научно-академических текстах

(на материале работ известных русских лингвистов)

Научные работы с подчеркнутой антропоцентрической направленностью, связанные с познанием роли человеческого мышления в процессах функционирования языка, остаются актуальными. Исследовательский интерес представляют фразеологические единицы научно-академических текстов, формирующие личностный план повествования. Сложными вопросами описания фразеологических единиц в научных текстах являются: 1) интерпретация образа, утратившего свою индивидуальность; 2) характеристика фразеологизма как смыслообразующего компонента научного текста. Фразеологические единицы характеризуют биологическую и предметную сущности фактов языка, участвуют в структурировании образов языка, поэтому необходимо наметить пути решения проблемы определения границ и объема фразеологизма и терминологизированной метафоры в научном тексте.

Кожаева Юлия Александровна,

соиск., Санкт-Петербургский государственный университет

Эстетическая функция лексемы *белый*

(на материале лирической песни)

Понятие красоты многозначно. До сих пор не существует общепринятой дефиниции понятия *красота*. «В древней Руси „свет“ был абсолютной ценностью и носителем абсолютной красоты» [Д. С. Лихачев, 1985, 263]. По представлениям древних мыслителей «самое простейшее проявление красоты как света — это привлекательность ярких красок и блеска, лучезарность» [В. В. Бычков, 1995, 357]. Свет и цвет — важное организующее начало фольклорной поэтической системы. Колоративы в фольклорном тексте обладают не только номинативной, но и эстетической функцией. Визуальные эпитеты со временем теряют свое цветное значение, приобретая новую функцию — создать оценочную характеристику. Лексема *белый*, помимо основного номинативного значения цвета, а также эмоционально-экспрессивного, оценочного, символического значений, вербализует и другую смысловую составляющую. В устойчивых сочетаниях, таких как *белое лицо*, *белые руки* и др. вербализован народнопоэтический идеал красоты. Полисемант *белый* является наиболее частотным колоративом в языке

лирической песни. Образы, связанные с белым цветом, занимают важное место в семантико-стилистической системе лирической песни и являются одним из средств выражения красоты мира.

Козловская Наталия Витальевна,

к. ф. н., доц., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Микро- и макроструктура словаря авторской философской терминологии

Статья посвящена проблеме лексикографического описания философских терминов, оставляющих лексическое ядро произведений русского философа-космиста Н. Ф. Федорова. Актуальность заявленной темы определяется необходимостью системного описания языка русской религиозной философии и авторской философской терминологии. Проектируемый словарь относится к типу изданий, фиксирующих элементы авторского мира и описывающий единицы когнитивного уровня в структуре языковой личности. Макроструктура словаря определяется его местом в типологии авторской лексикографии: по характеру представляемых сведений — лингвистический; по количеству авторов — монографический; по охвату материала — дифференциальный; по основному объекту описания — словарь авторских философских терминов; по основной цели описания — регистрирующий и объяснительный; по единице описания — словарь с заголовочной единицей, равной слову или словосочетанию; по способам наполнения словарной статьи — многопараметровый; алфавитно-идеографический; одноязычный; по временной перспективе — диахронный; по функции и адресату — словарь с научно-описательной ориентацией, адресованный специалистам-филологам. Текстовая база словаря — Собрание сочинений Н. Ф. Федорова в 4-х томах (составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой), а также офлайновая текстовая база данных «Библиотека лексикографа», созданная ведущим сотрудником данного отдела ИЛИ РАН А. А. Бурыкиным. Сложность описания философских терминов во многом обусловлена многоаспектностью этих единиц, неопределенностью их семантики и отсутствием краткой авторской дефиниции.

Лукьянова Людмила Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия

Рефлексии в творчестве А. Аверченко

Мир литературного произведения — это грань художественного целого, условно отделяемая от словесного строя и в то же время творимая им. Анализ словесного строя в связи с созданием сюжета, композиции, системы персонажей, с выражением автором темы и идеи произведения возможен в различных аспектах. Языковая рефлексия писателя в слове, представляющая собой высказывания, в которых факты языка/речи подвергаются метаязыковой оценке, и определяемая в докладе как рефлексив, является особым элементом эстетически организованного текста и может рассматри-

ваться в качестве специфического объекта лингвистического исследования. В творчестве А. Аверченко можно выделить как рефлексивы субтексты (фрагменты), так и рефлексивы — тексты, в которых представлены различные субъекты метаязыковой деятельности (оценки): герой (ребенок, сумасшедший, писатель и др.), повествователь, автор. Способы реализации языковой рефлексии возможны как эксплицитные, имеющие определенную структуру и компоненты, так и имплицитные, опирающиеся на так называемые нулевые метаоператоры и преимущественно воплощенные в мотивах метаязыковой рефлексии. Основная функция лексикорефлексии у А. Аверченко, на наш взгляд, не коммуникативная, а концептуальная, т. е. отражающая эволюцию ценностной системы языковой личности, ее мировоззренческие установки в социально и культурно неоднородном, меняющемся мире. Таким образом, анализ составляющих, компонентов метаязыковой рефлексии, ведет к авторской характеристике послереволюционной эпохи, разрушающей традиции, уничтожающей связь времен и обреченной на крах. Предпринятый лингвистический анализ опирается на корпус как широко известных рассказов А. Аверченко (циклы «Нечистая сила», «Дюжина ножей в спину революции», «Кипящий котел» и др.), так и на вновь вводимую в научный оборот избранную, не переизданную в России, публицистику «короля смеха».

Ляпидовская Марина Евгеньевна,

к. ф. н., доц., Российский государственный гидрометеорологический университет

Имена собственные как знаки концептов исходных текстов

1. Почти каждое библейское имя собственное является номинатом концепта или проявляет тенденцию к концептуализации.
2. Именно концептуально значимые имена, будучи частью вербального (языкового) кода традиционной народной культуры, способны выполнять функцию абстрактных имен, то есть становиться знаками концептов.
3. Одновременно имена собственные как имена концептов выступают в качестве редуцированных обозначений прототипических ситуаций, которые оказываются эталоном для такого типа ситуаций вообще. Процесс вербализации концепта исходного текста в тексте-реципиенте можно представить в виде следующей схемы: концепт исходного текста → прототипическая ситуация → ранее усвоенный текст → вербальная реакция на ситуацию (библейский антропоним).
4. Большинство прецедентных ситуаций, на которые указывают библейские имена собственные в произведениях Лескова, соотносится с книгой Ветхого Завета.
5. Планом выражения предшествующих текстов у Лескова часто выступает антропонимическая единица, включенная в состав сравнительного оборота с союзом *как*. Так, имя Авраам в составе сравнительного оборота становится номинатом концепта «жертва» и указывает на прецедентную ситуацию «Жертвоприношение Авраама».

6. В текстах Лескова довольно широко вербализованы библейские концепты, номинаты которых представляют чаще всего «парные» имена собственные, указывающие на конситуацию. «Парные» имена могут функционировать асимметрично, например, только одно из «парных» имен в тексте может вербализовать ситуацию в целом.
7. Некоторые включения библейских имен собственных в состав сравнительного оборота не могут рассматриваться как крылатые устойчивые словосочетания (фразеологизмы), поскольку не зафиксированы в «Толковом словаре библейских выражений и слов». Коннотации таких антропонимических единиц не всегда совпадают с общекультурными.
8. В текстах Н. С. Лескова частотны именно библейские имена собственные, выражающие православное сознание автора и его персонажей.

Милославский Игорь Григорьевич,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лексикография для продуктивных речевых действий: словарь синонимов, активный, идеографический?

1. Решение академика Ю. Д. Апресяна преобразовать первые выпуски Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (1997, 2000, 2004) в активный словарь русского языка (2010) не может не радовать, поскольку словарь синонимов — совершенно необходимый, хотя и недостаточный словарный источник для обеспечения продуктивных речевых действий. Существующая практика подробных толкований внутри квазисинонимического ряда, предполагающая простой перебор возможных вариантов, едва ли отражает сознательный выбор производителя речи. Было бы желательно дать такому производителю возможность идти от ключевого слова синонимического ряда, имея в виду заранее заданный список регулярных модификаторов коммуниктивного, оценочного, и, разумеется, номинативного характера, т. е. реализуя в конце концов идеографический подход к выбору именно той номинации, которая наиболее точно отражает замысел автора.
2. Правила сочетаемости языковых единиц, исключительно важные для тех, кто изучает русский язык как неродной, также могли бы быть во многих случаях усовершенствованы за счет введения эталонной формы и фиксации лишь отклонений от нее, а также за счет эксплицитного представления (не по умолчанию!) семантически допустимых, но отсутствующих в языке комбинаций, что обогатило бы понимание вопроса о границах возможностей русского языка.
3. Всячески поддерживая тезис о том, что обеспечивающие продуктивные виды речевой деятельности словарь и грамматика должны «говорить на одном языке», полагаю, что активная грамматика (по Л. В. Щербе) сохраняет собственный предмет, выражающийся в таких правилах образования словоформ, которые непременно различают конкретную идеографическую направленность и соблюдение асемантических языковых форм.

Плотникова Елена Николаевна,

соиск., Книнская основная общеобразовательная школа, Балтасинский район

Категории эмотивности и экспрессивности в романе Б. Акунина «Азazelь»

В настоящее время лингвисты и литературоведы уделяют большое внимание роли эмоционально-оценочной лексики в структуре художественного произведения. Так, данная проблема рассматривается такими авторами, как Ш. Балли, Н. А. Лукьяновой, В. И. Шаховским и другими. Экспрессивность в нашем понимании — это языковая категория, выражающая совокупность семантико-стилистических признаков единиц языка, которые позволяют ей выступать как средство субъективного выражения отношения к содержанию или адресату речи, а также усиливают воздействующую волевою или эстетическую силу высказывания, способствуют его яркости, образительности. Эмоционально-оценочная лексика указывает на чувства, которые обычно вызывают предметы, соответствующим образом оцениваемые обществом. Она тоже делится на две разновидности: лексику, сообщающую об отрицательной или положительной эмоциональной оценке предмета речи говорящим, и лексику, указывающую на эмоции, вызываемые предметами важными, значительными или, напротив, социально низкими, малозначительными, ординарными. К эмотивной лексике можно отнести следующие языковые единицы: 1) слова, обозначающие эмоции; 2) лексемы, эмоциональная значимость которых создается при помощи словообразовательных средств. Основная часть лексем, называющих эмоции, стилистически нейтральна (включает в себя только нейтральные языковые средства) и не обладает экспрессивностью. Экспрессивные существительные, используемые автором в данном произведении, можно условно разделить на две группы: 1) экспрессивно-эмотивные имена существительные Б. Акунина употребляет для выражения эмоционального отношения и оценки человека, явления, предмета: *наглец*; 2) экспрессивно-образные имена существительные Б. Акунин использует в речи действующих лиц, т. к. подобные лексемы отличаются особой экспрессивностью, благодаря наличию в их семантике образной мотивировки: *змея*. Б. Акунин в романе «Азazelь» использует экспрессивные средства, и в первую очередь имена существительные.

Рогожникова Татьяна Павловна,

д. ф. н., проф., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Особенности отражения заимствованной, деловой и бытовой лексики в житиях XV—XVI вв.

Анализ житий «Макариевского цикла» позволяет говорить о различном отношении к стилистическим крайностям в конце XV и в середине XVI вв. Отношение к заимствованиям проявляется в житиях XV в. непосредственно в тексте и представлено не как их устранение, а как изоляция

от слов-терминов, приведенных в соответствие с русскими вариантами. Внешне такой прием пояснения обнаруживает сходство с глоссированием — толкованием иноязычного слова путем подбора более понятного в данной языковой среде эквивалента. Как правило, это греческо-славянские оппозиции. Содержание греческого термина раскрывается через доступное пониманию обозначение реалии. Текстовая эквивалентность подобных оппозиций мотивирована конкретностью семантики оппозитивов и их полной семантической тождественностью. Семантически абстрактные оппозиции имеют в системе житийных текстов градуальный характер, поскольку отражают бытование специализированного слова-термина. Возможны и обратные замены, когда многозначное славянское по происхождению слово заменяется в одном из своих значений греческим термином, достаточно хорошо усвоенным в церковном обиходе. Смысловые отношения в подобных объяснениях строятся по типу уточнения, а не соотнесения единиц разной языковой среды. В обоих случаях в текстовом ряду соотнесены русские слова, родовые по смыслу, и греческие термины, уточняющие их и являющиеся по отношению к ним видовыми характеристиками.

Семенова Софья Юльевна,

к. ф. н., с. н. с., Институт научной информации по общественным наукам РАН, РГГУ

Разновидности русских параметрических прилагательных

Сообщение посвящено исчислению семантико-грамматических типов русских параметрических прилагательных. Согласно традиции в отечественной лексической семантике к этому классу относятся, главным образом, качественные прилагательные неточной (интервальной) количественной оценки, образующие антонимические пары (*высокий, низкий, быстрый, медленный* и т. п.). Анализу таких лексических единиц посвящена определенная литература (работы Ю. Д. Апресяна, А. Н. Журина, Е. В. Рахиловой и других авторов); особенно подробно рассматривались прилагательные пространственной сферы (их сочетаемость с предметными существительными и наречиями, обусловленная концептуализацией онтологических пространственных соотношений; полисемия, в том числе метафоризация и другие аспекты). Но на этих единицах круг параметрических прилагательных не исчерпывается, если считать таковыми прилагательные, способные выражать значения количественных параметров. Представительное (и практически незамкнутое) множество образуют композиты, образованные в соответствии с рядом продуктивных моделей: «оценка + параметр» (*крупнокалиберный, малотиражный* и т. п.), «оценка + единица измерения» (*многочасовой* и т. п.), «число + единица измерения» (*двадцатиградусный* и т. п.), «оценка + составная часть характеризуемого объекта» (*крупноплодный* и т. п.), «число + составная часть» (*двухкомнатный* и т. п.), «оценка + процесс» (*скорострельный, быстротечный* и т. п.), «степень + оценка» (*сверхбыстрый* и т. п.) и некоторые другие типы.

В роли параметрических способны выступать местоименные прилагательные с коннотацией большого / малого количества (*какой* => большой (напр., в восклицательной конструкции); *каждый* => много; часто; *некоторый* => мало, редко и др.); на количественные употребления кванторных слов обращал внимание Э. Сепир. Наличие градуальности наблюдается (и отмечается в словарях) у приставочных прилагательных отрицательной семантики (*бездонный* = очень глубокий; *бесплатный* — может быть очень дешевым и т. п.).

Синелева Анастасия Васильевна,

к. ф. н., доц., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Сопоставление содержания и структуры словарных статей
одноименных терминов философии и логики
(опыт формально-логического анализа)

Современная лексикографическая практика дает целый ряд примеров словарного представления терминологии разных областей знания. Толковый терминологический словарь «должен служить справочным пособием в конкретной области, отражать систему ее понятий и содержать все термины, необходимые для научной и практической работы специалистов». Цель исследования, методика которого представлена в статье, — определить степень соответствия понятийного содержания одинаковых терминов в терминологических словарях по логике и философии. Актуальность такого исследования связана с тем, что термины, являясь в настоящее время объектами информатики, играют огромную роль в функционировании информационно-поисковых систем, в связи с чем возрастает требование однозначности терминов как основных составляющих поисковых языков дескрипторного типа. Объектом сравнения являются словарные статьи из логического словаря Н. И. Кондакова и философского словаря И. Т. Фролова. При анализе был использован фреймовый метод представления информации. Теория фреймовой семантики стала одной из самых популярных с конца XX века благодаря тому, что она имеет междисциплинарный характер, интегрируя различные лингвистические и нелингвистические науки. Фреймовый подход применяется при разработке технологии фреймовой организации знаний, семантико-синтаксическом моделировании естественного языка. Концепция представления данных в виде фреймов с успехом применяется на современном этапе логико-понятийного моделирования терминосистем. Метод фреймового анализа позволил провести качественно-количественное сопоставление содержания словарных статей массивов терминов, объединенных в категории по логико-смысловым признакам, результаты которого, возможно, позволят уточнить необходимый и достаточный набор смысловых составляющих, т. е. признаков и отношений, которые должны быть включены в каждую статью того или иного терминологического словаря на современном этапе развития соответствующей области знания.

Смирнова Людмила Георгиевна,

д. ф. н., доц., Смоленский государственный университет

Языковой дидактизм как средство сохранения национальной идентичности (на материале оценочно маркированных лексических единиц поля «Общение»)

Язык ориентирует человека в аксиологическом пространстве родной культуры, определяет систему этических постулатов. По словам Ю. Д. Апресяна, выражаемые в языке значения «складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка». Ключевую роль при этом играет лексика с оценочным компонентом значения, номинируя реалии окружающего мира, которые должны восприниматься как «хорошие» или «плохие». Большинство лексем с оценочной коннотацией объединены сферой «Человек, его качества и деятельность», конфигурация положительно и отрицательно маркированных единиц, из которых последние представлены значительно шире, определяет аксиологические параметры «навязываемой коллективной философии». Будучи элементом традиционного знания, передаваемого с языком, система имплицитных этических нормативов служит обязательным условием сохранения национальной идентичности. Весьма широко отражена подобная система лексикой поля «Общение». Речевая деятельность представляет собой один из важнейших видов деятельности человека в плане самореализации личности, проявления социальной активности, общения с окружающими и оказания на них влияния. Оценочно маркированная лексика характеризует самые разнообразные стороны речевой деятельности: речь с точки зрения восприятия ее звуковой стороны; речь с точки зрения соответствия истине; речь с точки зрения ее соответствия этическим нормам и др. Морфемы русского языка способны вносить оценочную коннотацию в семантику слова в процессе словообразовательной деривации.

У Шу-Хуа,

к. ф. н., проф., Университет Кун Шан (Тайвань)

Слово «соль» в русском языке и русской культуре (на фоне китайского языка)

В докладе будут проанализированы русское и китайское слово «соль». Цель доклада — выяснить и описать образные национально-культурные концепты, связанные с этим словом. Для достижения этой цели мы ставим следующие задачи: 1) описать лексические значения слов; 2) дать их этимологию; 3) дать культурный комментарий; 4) на основе этого сделать выводы о сходствах и различиях анализируемых явлений и связанных с ними национальных традиций. В глазах россиян и тайваньцев они осознаются не только как ежедневной продукт, но и как символы культуры. Например, соль по своей сути — природный консервант. Ее можно хранить

десятилетиями. Главное — обеспечить герметичность упаковки. Соль для китайцев — тоже важный элемент культуры. Его чаще используют в культурах. У русских и у тайваньцев существуют определенные ритуалы, связанные с употреблением соли, они в чем-то совпадают, а в чем-то различаются. Как показывают примеры, национально-культурное содержание лексики играет важную роль в прикладном языкознании, особенно в практике преподавания иностранных языков. Изучение фоновых знаний, объективных способов выделения культурного компонента значения является важной задачей и преподавателей, и учащихся.

Шетэля Виктор Мечиславович,

к. ф. н., доц., Московский педагогический государственный университет

Региональная лексика в «Трилогии» Г. Сенкевича в переводе на русский язык

Известный исторический цикл «Трилогия» Г. Сенкевича состоит из трех произведений: «Огнем и мечом», «Потоп» и «Пан Володыевский» и интересен своим исполнением. Имеется в виду та лексика и обороты, которые используются автором в речи персонажей и в описаниях сюжетных картинок. Вполне понятно, что сюжет, касающийся времен шведского «потопа», и сюжет войны Речи Посполитой с турками будет выполнен одним лексическим материалом, а описание войны и военных действия шляхты против Хмельницкого будет происходить за счет единиц, характерных для «окрайных» земель. Доклад наш и посвящен вопросу употребления в польскоязычном произведении Генриха Сенкевича «Огнем и мечом» слов, относящихся к юго-западной России. В речи казаков звучат самобытные термины, выражения. Много интересного найдем и в сенкевичевском описании края (напр.: персонаж Скшетуский по Днепру плыл на *szażke*, пил *krupnik*). Интерес представляют те из единиц, которые были заимствованы русскими переводчиками для создания русского текста. По сути в разных переводах — переводах на русский язык разных лет — эти единицы сохраняются, но возможно, что переводчики находят другие способы отображения колорита мест.

Щеглова Екатерина Александровна,

асп., Институт лингвистических исследований РАН

Способы репрезентации «новых» слов в очерках путешествия И. А. Гончарова «Фрегат „Паллада“»

Очерки путешествия «Фрегат „Паллада“» — литературный результат путешествия, предпринятого автором в 1852–1855 гг. в составе русской экспедиции к берегам Японии. Гончарову удалось в одном произведении представить как свои субъективные впечатления, так и объективные сведения: и те, и другие были необходимы читателям для процесса познания мира и себя как одной из его составляющих.

Частью разнообразной информации, содержащейся на страницах произведения Гончарова является описание новых для него и (или) для читателя предметов и явлений, при этом слово, которым оно обозначается, становится одной из важнейших составляющих подобных описаний. Сталкиваясь с чем-то новым или недостаточно известным, Гончаров скрупулезно собирает все возможные варианты его лексического обозначения, услышав же незнакомое слово, старается как можно подробнее узнать о предмете, им обозначаемом.

Мы можем выделить четыре основных варианта ввода авторских пояснений к ним в текст очерков путешествия: 1) к слову дается развернутая «энциклопедическая» справка (при этом сюжетное время останавливается, читатель полноценно погружен в изучение нового явления или предмета); 2) пояснение к слову дается внутри сюжетной ситуации (в этом случае автор либо транслирует свои ощущения, полученные через разные каналы восприятия: зрительный, кинестетический (вкус, запах, тактильные ощущения), придавая повествованию субъективную достоверность, либо использует случайного информанта, обладающего достаточным знанием о предмете, для передачи читателю необходимых сведений); 3) дается внутритекстовое толкование (чаще всего в скобках после первого словоупотребления); 4) пояснение не дается вовсе, значение слова понятно из контекста, при этом слово графически маркировано.

Отметим тематическое разнообразие представленных в очерках «новых» слов: названия представителей флоры и фауны, бытовых предметов, морская терминология и т. п.

Проблема представляется значимой для изучения лексического состава языка XIX в.

РУССКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Бунчук Татьяна Николаевна,

к. ф. н., доц., Сыктывкарский государственный университет

Кила в русской народной культуре:

этнолингвистическая характеристика диалектного слова

Исследование особенностей национальной ментальности и культуры неразрывно связано с изучением языка. Язык есть своеобразная призма, сквозь которую человек смотрит на мир, понимая и осознавая связи между предметами и явлениями через связи между единицами языка. Семантическая структура диалектной лексемы «кила» представляет собой отражение мифопоэтических представлений о действительности. Слово «кила» носит междиалектный характер: его употребление во многих русских говорах, как северно-, так и южнорусских говорах, имеет древнее происхождение (оно отмечено в древнерусских памятниках). В русском языке оно имеет несколько значений: 'грыжа', 'опухоль', 'нарост на растениях', 'мужской половой орган', 'последний в работе' и др. Особый интерес вызывает значение

слова *кила* ‘человек, последним увозящий телегу с навозом’ и выражение *килу давать* ‘накрывать покрывалом голову того, кто последним привез воз с сеном или навозом, ударять кулаком и заставлять угадывать, кто это сделал, при этом говорили: «На тебе килу!»’. Лексема *кила* и ритуальное восклицание *На тебе килу!*, возможно, являются осколком обрядового действия во время сельскохозяйственных работ, известного в народной культуре Русского Севера. Словари фиксируют употребление слова *кила* в таких значениях: ‘человекообразное чучело (кол, обвязанный соломой, ботвой, с наколотым сверху круглым овощем и т. п.), которое во время полевых и огородных работ ставили на полосу последнему убирающему урожай; прозвище человека, который остается последним в каком-либо деле, игре и т. п.’ (СРПС 5: 133); а также *на тебе килу* ‘слова, которые говорят тому, кто плохо работает, подавая при этом палку с привязанным на конце сеном’ (СРГКСО 2: 345) и т. д.

Васильева Ольга Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Что может быть первым в псковских говорах

Псковский областной словарь с историческими данными воплощает замысел проф. Б. А. Ларина о диалектном словаре полного типа. Соседство в его словнике диалектных и общерусских лексем и значений дает возможность для широких семантических исследований сопоставительного характера. У лексемы *первый*, как и у целого ряда других многозначных слов, в псковских говорах имеются как общерусские, так и собственно диалектные значения. Особый интерес представляют собой устойчивые сочетания лексемы *первый* по данным картотеки псковских говоров. Анализ этих словосочетаний в сопоставлении с материалами современного русского литературного языка позволяет выявить актуальные для носителей псковских говоров понятия, а сравнение этих словосочетаний с устойчивыми сочетаниями, содержащими другие числительные, дает возможность установить некоторые системные закономерности.

Ганцовская Нина Семёновна,

д. ф. н., проф., Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

Хрестоматия «Меткое костромское слово»:

источники, своеобразие говоров

1. В докладе описываются говоры всех 24 районов Костромской области на основании текстов книги-хрестоматии «Меткое костромское слово» Н. С. Ганцовской, упрощенная транскрипция которых позволяет определить с большой долей научной достоверности все черты фонетики, грамматики и лексики изучаемого региона.
2. Представленные в книге материалы позволяют четко охарактеризовать диалектное членение говоров Костромской области, где противопостав-

- лены западные (в основном говоры центра) восточным говорам (или периферийным, говорам Русского Севера).
3. Особое место в структуре костромских говоров занимают говоры Междуречья Костромы и Унжи, где расположен Костромской акающий остров (КАО) с севернорусской основой (грамматика, лексика) и южно-русским акающим и якающим наслоением. Тексты с чертами говоров КАО находятся в пределах Солигаличского и Чухломского, частично Галичского, Буйского и Парфеньевского районов, т. е. географически являются северо-западными.
  4. Основным источником текстов хрестоматии послужили полевые записи студентов Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова (прежде пединститута), а также самого автора книги с начала 70-х гг. прошлого века и по сегодняшний день. Однако для более полного и разностороннего освещения языкового идиома говоров Костромской области привлекались данные о костромских говорах и более раннего периода, содержащиеся в трудах костромских краеведов, учителей, деятелей общественных и научных организаций. Так, «зарецкие» (за рекой Костромой) говоры в начале XIX в. были представлены в записях известного деятеля МДК и Костромского научного общества Н. Н. Виноградова, кологривские говоры в произведениях Е. В. Честнякова, также начала прошлого столетия, поунженские говоры послевоенного периода — в работах мантуровского краеведа А. В. Громова и др.
  5. Указанные выше источники помогли составить представление об этнодиалектной специфике Костромского края.

Григорьева Наталия Евгеньевна,
асп., филиал ФГБУ «ФКП Росреестра» по Псковской области

Лексико-семантический потенциал этнонима *латыши* в системе псковской диалектной речи

Этнонимия современных псковских говоров представляет собой многослойную систему, которая характеризуется наличием ядерно-периферийных отношений, как при выделении самих тематических групп этнонимов, так и со стороны лексико-семантических особенностей внутри каждой группы. В центре псковского этнонимикона находятся собственно этнонимы, называющие представителей различных национальностей, исторически и географически связанных с приграничным регионом. Представлена также этнонимическая лексика как результат осмысления диалектоносителями окружающего многонационального мира (*австрияк, дәнец, киргиз* и др.). Особую зону представляют микроэтнонимы, номинирующие коллективы людей, обладающих различными культурно маркированными признаками: *ершеёды, каланішники, калóвники, кутёйники* и т. д. В настоящем исследовании рассматривается этнонимическая лексика, называющая представителей латвийской национальности, репрезентативная по всему комплексу дифференциальных признаков, характеризующих данный тип микросистемы: единичность/множественность (*латвіец, латвінец / латышя́к, латышня́,*

латышьё), гендерный признак (*латыш/латышка; латвінец/латвінка*), возрастная характеристика (*латыш/латышбк*), наличие/отсутствие этнопонима (*Латыщина*). Выявленные регулярные смысловые связи на примере этнонима *латыши* и его производных в контексте других однотипных наименований позволяют рассматривать как собственно этнонимизацию, так и явление деэтнонимизации, связанное с процессом семантической деривации: *латыш* ‘представитель латышской национальности’ → *латыш* ‘кто неверно произносит звуки «л» и «р», картавит, шамкает, неразборчиво, нечисто говорит’.

Денисенко Юлия Федоровна,

к. ф. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Лингвистическое картографирование

в Псковском областном словаре: итоги и перспективы

«Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС) — областной словарь с фрагментами лексического атласа. В опубликованных 24 выпусках представлено 10 лингвистических карт трех видов: 1) наименования реалии/реалий — 5 карт; 2) значения слова/слов — 4 карты; 3) дериваты определенного типа — 1 карта. Созданные карты дают интересную информацию 1) о древнем ядре псковских говоров, 2) о различных подгруппах псковских говоров, 3) о прохождении по Псковщине изоглосс более крупных диалектных объединений.

Переход к созданию лингвистических карт в электронном виде (первый опыт — карта № 10 в 22-м вып. ПОС) создает возможность интенсификации картографирования для ПОС. По отношению к каждой карте необходимо повысить ее четкость и информативность — в более подробной легенде к карте (вынеся эти данные за пределы рамок карты), в создании списка населенных пунктов, отраженных на карте. В связи с отсутствием таких данных у опубликованных карт целесообразно повторить их в одном из последующих выпусков с такими уточнениями.

Дмитрук Людмила Александровна,

к. ф. н., ст. преп., Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

Регионально-маркированная глагольная лексика в произведении
А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват»:

синхронно-диахронный аспект

Комическая опера А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», необычайно популярная в XVIII—XIX вв., до сих пор представлена в репертуарах многих современных театров. Одним из важных слагаемых успеха произведения является его живой народно-разговорный язык с включением разговорных, просторечных, диалектных, этнографических языковых единиц, репрезентирующий в миниатюре общенародный речевой узус предпушкинской поры. А. О. Аблесимов, уроженец Галичского уезда

Костромской губернии, в своем произведении нередко использует слова, услышанные им в детстве на малой родине, характерные для центральных русских говоров, в том числе и костромских. Это лексика, в основном связанная с колоритом речи северной и центральной крестьянской Руси: *большой (в дому), гнедко, зачурать, колотовка, красна, крючок, мерочка, мошна, набольший, охреян, савраско, сговор, подзатыльник, поднизь, поезжанин, посиденки, пригожайка, пырь, рахманной, рыскуша, старшой, сулейка, тын, ухват, хлопотунья* и др. Особенно заметна на этом фоне регионально-маркированная глагольная лексика: *вздуриться, видать, ворожить, зачурать, зачурать, куликать, курныкать, сладить* и др. Глагольное слово, называя действие как процесс, представляет различные характеристики этого действия: характер свершения, пространственно-временную локализацию, соотношение действия с субъектами и объектами, что при анализе в синхронно-диахронной перспективе на материале исторических, диалектных, современных толковых словарей, картотеки Костромского областного словаря дает возможность установить их структурно-грамматические и семантические особенности. Таким образом, лексическая система произведения А. О. Аблесимова, отражающая факты и явления языковой действительности центра России, — одно из необходимых звеньев в изучении истории русского литературного языка, истории народных говоров предпушкинского периода.

Ильина Юлия Николаевна,

к. ф. н., доц., Сыктывкарский государственный университет

«Дуть слова»: этнолингвистическая характеристика обрядового термина

Проблема метаязыка народной культуры активно разрабатывается фольклористами, этнолингвистами, этномузыковедами. К настоящему времени дано определение понятия «народная терминология»: к ней относятся принадлежащие речи носителей традиции лексемы, которые называют семиотически значимые реалии — ритуальные предметы, действующих лиц, действия, свойства, функции и т. п., обозначающие сами обряды или их части. Кроме того, четко сформулирована и проиллюстрирована на большом языковом материале мысль о ней как одном из важных источников трансляции и, значит, выявления этнокультурной информации.

В лоемском диалекте зафиксировано терминологическое словосочетание *дуть слова* в значении «воздействовать на кого-л. (посредством слова) с целью причинения вреда или оказания помощи». Рассматриваемый народный термин воплощает в себе несколько базовых для традиционного мировидения идей.

В первую очередь актуализируется общее представление о голосе человека как особом объекте в ряду звуковых знаков традиционной культуры. Компонент *слово* в народном термине, называющем ситуацию, когда происходит ритуализация речевой деятельности человека, выражает известную идею: в качестве инструмента воздействия на мир, его магического преобразования функционирует именно процесс говорения-деяния и его результат слово-дело.

Глагол *дуть* включает его в другой ряд обособленных представлений. Значение «выпускать изо рта направленную струю воздуха», с одной стороны, описывает сам механизм речепроизводства. Однако ситуация произнесения слов данное анатомическое значение «осложняет» смыслами иного порядка. С другой стороны, смежным с глаголом *дуть* в языке и традиции оказывается *ветер*. Ветер принадлежит, согласно языковым данным, сфере чужого, опасного, противоположного своему, домашнему. Вторая важная характеристика ветра в народном сознании — его незримая природа, которая оказывается соотношенной с такими приписываемыми ветру качествами, как анонимность, что воплощает идею сокрытия производителя действия.

Карпун Мария Александровна,
преп., Южный федеральный университет

Донские диалектные фразеологические единицы
с компонентом-фитонимом, характеризующие поведение человека

В докладе рассматриваются донские диалектные фразеологические единицы с компонентом-фитонимом, характеризующие поведение человека в традиционной культуре донского казачества. С помощью растительных образов метафорически изображаются поведенческие черты / качества характера, восстанавливаемые из диалектных контекстов. В них кодированию (в основном) подвергаются отрицательные черты, являющиеся нарушением общепринятых норм и подвергающиеся осуждению в казачьем обществе. В аксиологической системе поведенческого кодекса донских казаков осуждаются безделье (наибольшее количество фразеологизмов (*Сидеть как печерика (печерица)**, *несов.* Бездельничать, *Сбивать сучки**, *несов.* Бездельничать); подхалимство (*Лезть в купырь*. Унижаться, проявлять подхалимство), заносчивость (*Идти в купырь*, *несов.* Важничать), навязчивость (*Как липучий репей липнуть*, *несов.* Назойливо преследовать), упрямство (*Хоть ёлку пой*, *несов.* О чем-л. упрямстве, непонимании, нежелании сделать что-л.). Лексический состав фитонимического компонента фразеологических единиц этого типа представлен как лексикой литературного языка (*ёлка*, партитивные фитонимы: *сучки*, *пеньки* и др.), так и диалектизмами (*купырь*, *печерика*, *арепей* и др.). Ассоциации, связанные с растениями, являются специфичными и позволяют говорить о своеобразии диалектной картины мира донского казачества.

Колосько Елена Валентиновна,
к. ф. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Семантика многозначных звукоподражательных слов

В русских народных говорах и в русском литературном языке глаголы *фукать*, *фурать*, *фырять*, *фуркать*, *фыркать* и др. имеют большой спектр значений. Согласно теории фоносемантики, группа звукоподражатель-

ных слов — ономапов объединяет звукоподражательные междометия и производные от них слова (глаголы и существительные). По значимости фонического компонента в лексическом значении ономапов выделяются: 1) примарно (фонетически) мотивированные ономаповы, к ним относятся **фу**, **фур** и **фыр**; 2) ономаповы с частичной утратой примарной мотивированности, к ним относятся морфологически оформленные слова (**фукать**, **фуркать**, **фырать** и др., а также **фуркоток**, **фурканье**); 3) секундарно мотивированные ономаповы это оценочные слова — **фыркать** — проявлять недовольство о человеке. В них ослаблена звукоподражательная сема. Существует и пограничная область ономапов, объединяющих в своем значении денотативный и коннотативный компоненты. Так глаголы, обозначающие манеру пить чай, шумно втягивая его в рот вместе с воздухом, **фурать**, **фурайдать** имеют шутивно-пренебрежительную коннотацию. На денотативном уровне некоторые примарно мотивированные ономаповы, являющиеся мотивировочными словами для производных глаголов, многозначны. Например, семантика исходных ономапов **фу**, **фур** и **фыр** отличается изначальной полисемией. Это междометия, имитирующие различные звуки, издаваемые человеком, животными, и слова, отражающие звуки неживой природы. Полисемия мотивировочных слов порождает многозначность и объемность значений производных слов. Многие диалектные слова отличаются объемной семантикой, например, **фурнуть** — «толкнуть, кинуть кого-, что-л., заставив с шумом падать», развивают ряд переносных значений (трещать, болтать попусту, врать). Значения глаголов, основанных на изначальном различии по референтной отнесенности, но близких по звучанию междометиям, образуют семантическую структуру, некоторые элементы которой являются общими («сильно», «внезапно»). На них основаны многие эмоционально-оценочные слова.

Костючук Лариса Яковлевна,

д. ф. н., проф., Псковский государственный университет

К статусу некоторых слов в псковских говорах

Живая речь, часто сопровождающаяся эмоциями, экспрессивным подчеркиванием того или иного отрезка сообщения, привлекает и собеседников, и исследователей. Опыт работы над «Псковским областным словарем» оправдывает и подтверждает идею Б. А. Ларина о необходимости создавать областной словарь полного типа при включении в него и общерусских слов [Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961]. Это позволяет, во-первых, выяснить поведение самого общерусского слова с известным русскому языку значением в лексико-семантической системе конкретного говора; во-вторых, получить подчас более убедительные доказательства условий и причин наличия в говорах тех или иных значений; в-третьих, обнаружить своеобразные образования соответствующих частей речи. Один из источников обогащения лексики языка — своеобразный процесс усечения глагола (например, типа *бах* от *бахнуть*) и продолжение использования такого деривата в роли ярко экспрессивного предиката

(Он бах на землю). За такими словами закрепляется название «*глагольное междометие*». Иногда такие единицы подвержены переходу в другие части речи при развитии у них своеобразных свойств, соответствующих категориальных значений, которые характеризуют части речи. Так, обнаруживаем в псковских говорах следующие процессы «вокруг» глагола *глянуть*, частично известные и литературному языку. Прежде всего это путь от глагола к глагольному междометию *глядь1*, фактически от формы повелительного наклонения 2 л., ед. ч. Экспрессия этого глагольного междометия позволила появиться в говорах омонимичному междометию *глядь2*, которое выражает возглас удивления, изумления при обнаружении какого-нибудь действия, явления. Завершающим этапом можно считать образование частицы *глядь-то* в значении вводного слова. Убедительные случаи функционирования слов, словоформ в народной речи, отраженные в самом словаре и картотеке, расширяющие понимание внутреннего обогащения лексики национального языка, покажем в докладе.

Михайлова Любовь Петровна,

к. ф. н., проф., Петрозаводский государственный университет

Экстенциальные и исконные фонетические диалектизмы в русских говорах

При решении вопросов этимологии некоторых территориально ограниченных слов необходимо учитывать наличие в составе диалектной макросистемы лексических единиц экстенциального характера, т. е. слов и их вариантов, обладающих нерегулярными фонетическими признаками, появление которых обусловлено влиянием иноструктурных языков в зонах активных этнических контактов. В таких близких по семантике словах, как (1) *лы́каться* и *блы́каться*, *ладо́шка* и *гладо́шка*, (2) *озмо́рье*, *измо́рье*, *змо́рье* и *взмо́рье*, (3) *ореха́ть* и *бреха́ть*, (4) *абадья́* и *бадья́*, *озна́к* и *знак*, (5) *вагу́льник* и *багу́льник* (6) *вашь* и *вошь*, *дра́ля* и *дро́ля*, (7) *доро́нь* и *доло́нь*, (8) *дрезда́* и *треста́* и др., которые могут квалифицироваться как междиалектные варианты или самостоятельные слова, наблюдается совпадение фонемного состава корневых морфем, за некоторым исключением, а также полное или частичное различие предкорневых элементов. По существующей классификации диалектных лексических различий первые слова указанных групп могут быть отнесены к фонетическим диалектизмам. Однако, видимо, лишь в одном из них — *змо́рье* — отражен процесс упрощения труднопроизносимого сочетания согласных, который может происходить на русской почве. Остальные же возникли по причине воздействия фонологической системы соседних неродственных языков. Подобные диалектные слова чаще всего подаются в словарях как отдельные самостоятельные лексемы. Приведенные экстенциальные лексические единицы существенно отличаются от исконных фонетических диалектизмов типа *шело́ник*, *шело́нник*, *шело́йник* и *шело́дник*, *шну́рок* и *шны́рок*, *скородёл* и *скородёл*, *земля́ница* и *земя́ница* и др. В докладе делается попытка выделить критерии разграничения экстенциальных и исконных фонетических диалектизмов,

в основе которых лежит не только семантический, ареальный аспект, но и этноисторический (закономерный или незакономерный характер фонетических преобразований, отразившихся на внешнем облике слова).

Мызникова Янина Валерьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Особенности употребления местоимений

в говоре Старомайнского района Ульяновской области

Материал для данного исследования был собран летом 2012 и 2013 гг. в нескольких населенных пунктах Старомайнского района Ульяновской области. Из особенностей склонения личных местоимений отметим форму предл. п. ед. ч. м. р. (*на*) *ним*, которая совпадает в этом говоре с формой твор. п. (с) *ним*: *ну вот сидиш на ним / а тут гребень и прядёш* (Красная Река). Такое же совпадение формы предл. п. с твор. п. наблюдается и у указательного местоимения *этот, это* (м. р. и ср. р.). При этом отмечено и обратное влияние — предложного падежа на творительный: *А потом после войны мы с нём поженились* (Красная Река). В качестве личного местоимения 3-го л. мн. ч. им. п. в данном говоре последовательно используется форма *оне*. Данная форма поддерживается в говоре рядом падежных форм других местоимений: окончание *-е* в им. п. мн. ч. встречается у притяжательных местоимений *свои, мои, твои*: *Оне тоже уш стали / обрусели так же / как свое* (Базарно-Мордовские Юрткули). Эти местоимения имеют особые окончания и в других падежах: *Берут вот своих* (Красная Река). Аналогичная особенность склонения характерна для местоименных прилагательных, имеющих основы на заднеязычный согласный с ударением на окончании: *тако'й, како'й, никако'й, какой-нибудь, какой-то*. Эти слова имеют окончания *-е, -еи* в им. и вин. п. мн. ч., *-ех* в род. п. мн. ч., *-ем* в твор. и предл. п. ед. ч. В им. п. мн. ч. чаще представлены формы со стяженным окончанием: *А како' тпички / я даже не скажу* (Старая Майна). Такие же окончания зафиксированы и для числительного-прилагательного *один, -а, -о* (мн. ч. *одне*): *Вот у одних прямь вот / и иголки не осталос там* (Базарно-Мордовские Юрткули). Описанные формы прилагательных и местоимений с гласным *-е* в окончаниях довольно устойчиво сохраняются в речи пожилых людей, в том числе у получивших образование.

Неганова Галина Дмитриевна,

к. культ., с. н. с., Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова

Народные географические термины в костромских говорах:

названия почв как характеристика ландшафта

Почвы — один из элементов ландшафта, отличающий его от соседних территорий. О разнообразии почвенного покрова Костромской области, которая находится в зоне подзолистых почв, широкой полосой протянувшихся от Балтийского моря до Урала, свидетельствует репертуар названий почв в костромских говорах. Напр.: «песчаная почва» — *желтиха* (Шарьинский р-н); «почва с примесью песка» — *грёсва* (Кадынский р-н), *бурун*

(Шарьинский р-н); «белые неплодородные почвы, песок» — *белун* (Костромской р-н); «почва с примесью ила, илистая почва» — *иловина* (Нерехтский, Мантуровский р-ны) и др. Наибольшее количество терминов — названия глины, почвы с примесью глины, глинистой почвы. Так, в значении «глина» употребляются лексемы *глей* (Мантуровский, Шарьинский р-ны) и *гнила* (Вохомский, Костромской р-ны); «глина низкого качества с большим содержанием ила» — *иловка* (Шарьинский р-н); «почва с примесью глины, глинистая почва» — *глиница* и *гнилистая почва* (Мантуровский р-н), *гнилистая земля* (Октябрьский р-н), *красик* (Вохомский р-н) и др. Ареал рассматриваемых народных географических терминов соотносится с территорией распространения покровных глин в Костромской области.

Пурицкая Елизавета Владиславовна,

к. ф. н., с. н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Многозначное слово в диалекте, литературном языке
и языке древних памятников (на материале диалектов Северо-Запада)

Диалекты и сегодня сохраняют древнейшие слова и значения, зафиксированные средневековыми памятниками письменности, а в литературном языке и в диалекте одно и то же слово «живет» по-разному.

1. Слова, которые сегодня фиксируются словарями как устаревшие или областные, могли быть весьма актуальными в прошлом. Об актуальности слова в древности свидетельствуют как разветвленная семантическая схема в историческом словаре, так и совмещение разных, зачастую противоположных значений в одной семантической схеме этого слова в словаре диалектном (напр., **рачить**).
2. Многозначные слова в литературном языке и диалекте могут иметь различия в аксиологии: экспрессивные лексические единицы помимо сильной степени проявления какого-нибудь признака выражают и отрицательную оценку.
3. Наблюдаются различия и в образовании переносных значений: у одного и того же слова в лексической системе прошлого, современном литературном языке и диалекте переносные значения возникают на основе разных признаков.

Сравнение семантических схем многозначных слов в разные эпохи и на разных территориях бытования позволяет сделать выводы о лексической динамике национального языка.

Ситковская Надежда Алексеевна,

м. н. с., Псковский государственный университет

Адъективная лексика с общим значением «быстроты»
в синтагматическом аспекте

Целью исследования является изучение валентностных свойств прилагательных в диалектной речи на материале лексики, формирующей в говоре один из культурно значимых признаков — понятие быстроты. В основе

данного подхода лежит выявление специфики синтагматических свойств адъективной лексики, которые реализуются в возможности ее сочетаемости на основе семантических свойств, проявляющихся в контексте. Так, при описании признаков различных реалий действительности лексемами адъективного ряда, составляющими ядро понятия быстроты, прилагательное *быстрый* имеет наиболее широкую сочетаемость. Оно используется для характеристики людей и животных, частей тела, природных объектов и артефактов. Примеры показывают, что лексемы, хотя и характеризуют одно и то же понятие быстроты, не являются взаимозаменяемыми, имеют различные оттенки значения и употребления, различаются синтагматически, т. е. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. То же касается и других членов адъективного ряда в диалектной речи. В связи с этим следует особым образом характеризовать и парадигматические отношения адъективов в самом ряду. Актуальным является изучение лексической синтагматики не только членов адъективного ряда, но и единиц другой парадигматической группы, а именно оппозитивной пары *быстрый* — *медленный*, которые, как выявил анализ, обнаруживают ряд ограничений в сочетаемости. Таким образом, синтагматический аспект имеет большое значение для осмысления когнитивных проблем понятия быстроты в народной речи, а выявление валентностных свойств адъективной лексики в единстве с ее парадигматическими особенностями организации в перспективе позволит сформировать модель системной организации концепта быстроты.

Сурикова Олеся Дмитриевна,

асп., Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)

О явлении энантиосемии лексики с приставкой без-

Приставка *без-* обозначает отсутствие кого- или чего-либо и часто привносит в слово негативный смысл. В докладе рассматриваются случаи энантиосемии лексики с приставкой *без-* — явления редкого, но не маргинального. В результате поляризации лексических значений префикс *без-* десемантизируется (вне процесса деэтимологизации), утрачивает негативный смысл и даже может приобретать противоположный — усилительный. Материалом для доклада послужили данные русских народных говоров. Возможна энантиосемия двух типов.

1. Абсолютная синонимия бесприставочной лексемы и ее деривата с приставкой *без-* (т. е. случаи *без* = *без* 'без'). Это тип энантиосемии на уровне внутренней формы слов. В отношении конструкций с *не-* подобный тип описан Н. И. Толстым, а позже — И. П. Петлевой. Одна из выделенных Толстым функций *не-*, лишённого негации, — усилительная, и именно она актуальна для *без-*образований типа олон., онеж. *безнапрáсный* 'напрасный, бессмысленный', перм. *бескомóлый* 'безрогий (о скоте)' и др. Особенно характерна десемантизация префикса *без-* при соединении его с экспрессивными основами, когда общая экспрессивность слова способствует тому, что негативная семантика *без-* становится избыточной, ср. пск. *бездúрость*, *бездúрье* 'блажь, дурь', урал. *бэзляд* 'неудача'

(ср. *ляд* тамб. 'беда, несчастье', пск., твер., яросл. 'хворь, немощь' и др. слова с семантикой скверного, плохого, ненужного).

2. Антонимия (в том числе междиалектная) слов, находящихся в отношениях семантико-словообразовательного варьирования. Полярные значения могут возникать у лексем, образованных по одной модели, имеющих общую частеречную принадлежность и одинаковые или сходные по семантике суффиксы. Эти слова могут фиксироваться на одной или смежных территориях: новг. (Старорус., Новг., Демян.) *безнавэйник*, *безнавйник* 'полное веретено пряжи' и новг. (Крестец., Старорус., Борович.) *безнавйвок*, *безнавйвки* 'неполное веретено пряжи', ср. также арх. *беспривязной* 'неназойливый, ненадоедливый' и влг. *беспривязный* 'надоедливый'.

Труфанова Светлана Леонидовна,

ст. преп., Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Отвлеченные понятия в лексике русских говоров Алатырского района Чувашской Республики

На протяжении 11 лет — с 2001 по 2012 г. — студенты факультета русской филологии Чувашского государственного педагогического университета выезжали на диалектологическую практику в русские села республики — в Алатырский район, являющийся регионом компактного проживания русских на территории Чувашской Республики. Собранный материал хранится в архиве Научно-исследовательской лаборатории фольклористики и диалектологии факультета русской филологии ЧПУ, на базе этого архива готовится издание словаря русских говоров Алатырского района.

В говорах жителей русских сел Алатырского района Чувашской Республики выявлено три основных крупных ЛСП: «Мир человека», «Мир природы», «Отвлеченные понятия». Эти ЛСП в основном отражают традиционную русскую языковую картину мира.

В гиперполе «Отвлеченные понятия» были выявлены четыре основных поля: оценка фактов и явлений окружающей действительности (позитивная или негативная); количество; время; пространство.

Между словами, входящими в эти поля, выявлены разнообразные системно-структурные отношения: полисемии, антонимии (в том числе встречаются случаи энантиосемии), синонимии.

Штейнгольд Анжелика Вадимовна,

д. филос. н., н. с., Тартуский университет (Эстония)

Экспрессивные наименования лиц в говорах староверов Западного Причудья (вопросы словообразования и этимологии)

Хорошее представление об экспрессивной лексике староверов Эстонии дают аудиозаписи диалектной речи (в том числе частично расшифрованные), хранящиеся на кафедре русского языка Тартуского университета. Эта

группа лексики насчитывает десятки единиц, она разнообразна по своему составу и истокам. Здесь отмечаются лексемы: 1) совпадающие с общерусскими, характерными для разговорного стиля (*оборванец*, *простофиля*, *нёслух* «непослушный ребенок», *квашня* «толстая женщина», *корова* «то же», *пáщенок* «негодник, молокосос»); 2) имеющие более узкую географически локализацию, не ограниченную левобережьем Чудского озера (напр., тождественные северо-западным, частично северным и в меньшей степени южнорусским диалектизмам; ср. сев., сев.-зап. *ва́карина*, сев.-зап. *будáра* «толстая женщина», *выдроглáзка* «наглая, нахальная женщина», *хóвра* «неопрятная женщина», южн.-рус. *затюлёпа/затялёпа* «грязнуля; недотёпа» (ср. курск., смол., укр. *зателёпа*); 3) бытующие преимущественно в речи русскоязычных жителей Западного Причудья (*ла́йба* «толстая, неповоротливая женщина», *булáсина* «глупый, непонятливый человек; дурень», *ошибáла* «бездельник», *клéщица* «легкомысленная, маленькая женщина», *плы́за* «любительница расхаживать (без дела) по деревне», *úдоровье/úдоровище* «крупный, неповоротливый человек», но ср. также пск. *úдоробье* «урод», «что-то неуклюжее»); 4) ограниченные идиолектом отдельных семей или диалектоносителей (*махíдла* — ругательство (о женщине), *арестáнтская заплáтка* «бывший заключенный, преступник», *бéсов форту́пьян* «болтун», *ополчéнец* «бомж, пьяница»).

РУССКИЙ ЯЗЫК И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Алексеев Александр Валерьевич,

к. ф. н., доц., Московский городской педагогический университет

Культурная значимость слова *городъ* в древнерусских летописных текстах

На примере слова *городъ*, прежде всего на материале из «Повести временных лет», в работе разграничиваются контексты с многозначностью и семантическим синкретизмом. В древнерусских летописных текстах форма *городъ* последовательно использовалась для обозначения укрепленных княжеских военно-административных центров: первым этапом установления подобного центра была постройка крепкой ограды, чаще всего деревянной. Соответственно, в текстах регулярно воспроизводится контекст *срубити городъ*. Ср. ПВЛ.: *И срубиша город Ладогу*, ПВЛ, 6360 г., по Московско-Академической и Радзивиловской летописям. Таким образом, слово указывало на укрепленную стену, а вследствие этого — на обитаемое защищенное место, ограниченное стенами. Такое место становилось центром древнерусской государственной власти, а также обеспечивало защиту людей во время военных действий. Исторические словари выделяют два самостоятельных значения древнерусского слова *городъ*, «крепостные стены» и «защищенное поселение». Однако эти значения, объединенные метонимической связью, не всегда возможно четко разграничить в контексте, в ряде случаев наблюдаются примеры семантического синкретизма

(диффузности). Наиболее употребительны в контексте три модели сочетаемости слова *городъ*. Первая модель включает глагол, указывающий на материал стен, используются формы двух видов, *руби* и *съруби*. Вторая распространенная модель образована сочетанием слова *городъ* в вин. п. с глаголами, называющими действия, связанные со строительством: *заложи* (два примера в ПВЛ), *сдѣлати* (два примера в ПВЛ), *ставити* (четыре примера в ПВЛ). Третья распространенная группа контекстов не вполне строго ограничена лексически, не содержит устойчивых сочетаний. Особенностью выделяемой третьей модели является сочетание слова *городъ* с наименованиями лиц, что указывает на актуализацию в контексте признака «населенность». Во всех трех указанных основных контекстуальных моделях может быть выявлена культурная значимость *городъ* «государственная власть».

Алтабаева Елена Владимировна,

д. ф. н., проф., Российский государственный аграрный университет

Русская ментальность и замятинский текст

В докладе ставится задача осмыслить природу творческой индивидуальности Е. И. Замятина через явление замятинского текста как воплощение фундаментальных концептов русского языкового сознания, отражающих русскую национальную ментальность, духовные и культурные ценности русского народа. Описываются и анализируются языковые репрезентации концептов *время*, *пространство*, *человек*, *природа*, *вера*, *душа*, *желание*, *речь*, *любовь*. Делается вывод о том, что эти средства занимают определяющее место в индивидуально-авторском стиле писателя, выполняют текстообразующую функцию и активно взаимодействуют. Пространство и время в замятинском тексте неотделимы друг от друга, их взаимодействие концептуализирует моделируемую действительность и особым образом организует ее. Взаимопроникновение этих двух концептов создает уникальный замятинский хронотоп, особенностью которого является изображение пространства на фоне времени, с одной стороны, и помещения временных показателей в пространственные координаты. Характерной особенностью замятинского текста является изображение человека через природу и наоборот; в этом прослеживаются черты, традиционные для устного народного творчества. Процесс изучения различных способов вербализации и организации в концептуальном пространстве замятинского текста диагностически важных для него национально-культурных концептов предполагает свое осуществление, во-первых, на междисциплинарном уровне с использованием всех современных данных о человеке и языке, полученных в различных областях знания, т. е. на основе многоаспектного подхода, во-вторых, с учетом основных характеристик самого объекта исследования, среди которых выделяется, прежде всего, его антропоцентрическая направленность и национально-культурная специфичность, многоплановость семантики замятинского текста и его структурно-функциональная целостность.

Бузальская Елена Валериановна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Функции концепта в современном эссе

На основании проведенного анализа русских и европейских эссе в количестве 300 произведений представляется возможным говорить о том, что концепт в эссеистике выполняет четыре функции.

- I. Функция именованя жанра. Концептологический подход в рамках теории речевых жанров свидетельствует о том, что название жанра само по себе является концептом, узнаваемым всеми носителями данного языка. Эта функция общая для всех типов эссе.
- II. Функция исходной темы. Концепт является центром эссе, поскольку рефлексия возможна только относительно всем известных объектов и явлений культуры или цивилизации. В отношении эссе можно говорить об использовании двух типов концепта разной степени абстрагирования: концептов-образов и концептов-понятий. Разные типы эссе преимущественно опираются на разные типы концептов.
- III. Функция построения сценария. Субъективация, деавтоматизация восприятия концепта лежит в основании формирования *эссе*, которая представляет собой открытый тип построения мыслеобраза эссе. Эссе-мы различных типов эссе реализуются различно.
- IV. Функция формирования итогового компонента структуры.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в официально-деловом эссе концепты практически не используются; в научном эссе они функционируют только в качестве базы для построения эссе-мы (сценария эссе); в академическом могут использоваться для номинации и формировать итоговый компонент текста; в художественном и публицистическом эссе концепты задействованы во всех перечисленных функциях.

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Русский язык и русский менталитет: взаимообусловленность бытия

Осознание ценности национальных языков как производных национальных менталитетов и как важнейших этногенных и культуuroобразующих категорий неизбежно влечет за собой стремление максимально полно и всесторонне интерпретировать язык (и прежде всего его лексику) именно в его ипостаси «дома бытия» духа народа [Корнилов, 2000]. Русский язык, характеризующийся развитой паронимией, омонимией, синонимией и особой гибкостью порядка слов в предложении, являющейся непосредственным отражением оттенков контекстуального смысла, является, пожалуй, наиболее сложным языком для овладения, именно в силу своей неразрывной связи с культурой и историей России. Мы согласны с мнением В. Журавлева, что национально-зарожденная, выношенная и выстрадавшая русская духовная культура обусловила специфический менталитет с его неустанным исканием абсолютного добра, истины, красоты и гармонии [Журавлев, 1996]. Русский менталитет выражается в единстве и борьбе противоречий русского харак-

тера, сочетающего в себе долготерпение и героический порыв, рассудительность и безрассудность, «задний ум» — разум — и находчивость. Русский менталитет, формируемый под непосредственным воздействием русского языка в прямой взаимосвязи с русской культурой, обуславливает глобальный характер — «имперскость» — и системность мышления образованных членов русскоязычного социума, также как и не требующее дополнительных объяснений понимание величия своего народа и его особого призвания в исторической перспективе. Ментальность, понимаемая нами вслед за Н. Решетниковой как всеобщий характер человеческой общности и исходная движущая сила всех социокультурных процессов, концентрирует в себе специфические особенности цивилизаций, при этом ментальность и культура нации предстают как сложный взаимодетерминированный синтез духовных и материальных артефактов [Решетникова, 2013]. При этом русская ментальность как основа русской этнокультурной картины мира стала основой особенно сложной и не имеющей аналогов российской цивилизации.

Гаврилова Марина Владимировна,

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Экспликация концепта «народ» в инаугурационных речах российских президентов

Для политического дискурса, являющегося разновидностью институционального дискурса, характерны определенные базовые концепты: «политика», «политик», «власть», «благо», «целестремление», «народ», «государство», «интерес» и др. Смысловое содержание политических концептов (вос) производится в идеологически значимых выступлениях, одним из которых является торжественная речь при вступлении в должность президента России (далее инаугурационная речь). Именно поэтому эти тексты являются важным материалом для концептуального анализа языка политики, призванного выяснить, как в лингвистических структурах проявляются структуры знаний человека о мире; политические представления, присущие человеку, социальной группе или обществу в целом.

Сопоставление значения слова *народ* в толковых словарях русского языка позволило выявить изменение его лексического значения. В XIX в. основными являлись семы «народение» и «множество», а в XX в. доминирует значение «люди, населяющие какую-либо страну».

В ходе сопоставительного анализа инаугурационных речей мы выявили прототипическую структуру, формирующую содержание концепта «народ» в конце XX — начала XXI вв.: 1) народ выбирает определенный политический курс, голосуя за президента; 2) народ оказывает большую честь человеку, избирая его на высший государственный пост; 3) выбор главы государства осуществляется по воле народа; 4) президент прославляет величие и достоинства народа; 5) народ обладает большими возможностями.

Б. Н. Ельцину и Д. А. Медведеву важны атрибутивные, а В. В. Путину — деятельностные характеристики народа. Наблюдается тенденция замены слова *народ* на иноязычную *нацию* и смещение семантики с «множественности» на «принадлежность государству».

Демидов Дмитрий Григорьевич,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Как наши историки изображают и выражают русскую ментальность?
(Татищев, Карамзин, Соловьев)

1. Проблема прецедентных текстов не только не решается, но даже и не ставится во всем ее объеме. Помимо религиозных, художественных, публицистических и философских, необходимо также привлекать и исторические тексты. Они делают прошлое настоящим.
2. Последний летописец В. Н. Татищев, придворный историограф Н. М. Карамзин и ученый историк С. М. Соловьев оставили образцовые труды, цементирующие наше национальное историческое самосознание, не в последнюю очередь определяющее русскую ментальность.
3. Всех троих авторов объединяет свободное владение разнообразными средневековыми формами родного языка, который они «для себя» никогда не перелагали на новейшие формы речи. Пересказы, переложения и переводы на современные формы русского языка необходимы были всем трем для более доходчивого изложения материала читателям-соотечественникам, ибо они чувствовали огромную ответственность перед ними (= нами).
4. Татищев писал свою «Историю Российскую» именно как летописец, сводя несколько летописей в одну и сохраняя их язык. Анализ нескольких образцов с формами аориста и др. по академическому изданию 1960 г. Татищев понимал, что для печати следует рукопись перевести на новые формы русского языка, что и было сделано.
5. Карамзин сопровождал свою «Историю государства Российского» обильными примечаниями с точным цитированием летописных и др. документов, с их филологическим и языковедческим разбором. Без примечаний это сочинение неполно и нецельно. Пример из XII в.
6. Соловьев составлял «Историю России», включая многочисленные цитаты по-древнерусски. Попытка выяснить мотивы, по которым некоторые цитаты переводятся на современный русский язык.
7. Историческое сознание неотъемлемо от лингвистического. Выводы в области ментальности.

Долгих Ольга Владимировна,

к. ф. н., доц., Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)

Развитие содержания общечеловеческих ценностей
в русском языковом сознании

В современном гуманитарном знании существует актуальная проблема корректного исследования и описания национального менталитета. Целесообразным и обоснованным представляется психолингвистический подход и использование понятий «языковое сознание», «образ сознания». Высшим, мотивационным слоем национального сознания являются представления о ценностях. В содержании ценностного уровня существуют

устойчивые и исторически изменчивые компоненты. Устойчивые смыслы обеспечивают этническую идентичность и могут быть соотнесены с понятием «ментальность».

Источником сведений о содержании языкового сознания, в том числе о содержании ценностей, являются, прежде всего, данные, полученные от живых носителей языка и культуры в ходе психолингвистических экспериментов. При описании национального сознания прошлого исследователь не имеет возможности работать с живым сознанием, а опирается на тексты, давая их интерпретацию. Сопоставив данные современных психолингвистических экспериментов (зафиксированные, например в «Русском ассоциативном словаре») и тексты (репрезентативный массив которых представлен Национальным корпусом русского языка), мы обнаружили некоторые закономерности реализации языкового сознания, что позволило интерпретировать языковое сознание прошлого, отраженное в текстах, более адекватно.

Таким образом, обращаясь к разным источникам сведений о содержании ценностей в языковом сознании (ценности отчасти описаны в энциклопедических и толковых словарях, раскрываются в текстах и посредством экспериментов), можно реконструировать содержание ценностей в современном и историческом аспектах. На основе такой реконструкции обнаруживаются устойчивые, значимые компоненты русского национального сознания и его изменчивая, вариативная периферия. Интересные результаты дает анализ содержания ценностей «труд», «власть», «вера», «право».

Ильченко Ольга Сергеевна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Пространственные представления в теории падежа

1. Для когнитивной деятельности человека характерно постоянное метафорическое использование пространственных структур, что помогает прогнозировать и выявлять стратегии абстракции, в том числе и грамматической.
2. Адекватная концепция падежа учитывает *многоуровневость* языковых явлений вообще. Во многих падежных теориях, в частности в критике локалистических концепций, не учитывается существенное свойство предложения — наличие «слоев» разной глубины и разных уровней абстракции: от конкретной семантики — к абстрактной грамматике.
3. Следует различать *конкретность* локалистических падежных значений на уровне внешнего синтаксиса и *метафорическую абстрактность* локалистических представлений на уровне внутреннего синтаксиса (первичное базовое разграничение — «вне/внутри», вторичное — «с контактом / без контакта»).
4. Способы уточнения направленного ВОВНЕ (*активного*) действия формировались в русском языке последовательно вместе с развитием познания и абстрактного мышления: от конкретно-наглядного (*пространственно-метонимического*) мышления, отраженного в древнерусских летописях, к абстрактно-логическому (*причинно-метафорическому*) мышлению, представленному в религиозных текстах.

Курапова Елена Сергеевна,
асп., Самарский государственный университет

Адъективная метонимия как механизм концептуализации отрезков времени

Время воспринимается как неотделимая часть жизни человека и актуальной ситуации, поэтому на ментальном уровне оно отождествляется с отдельными ситуационными компонентами и наделяется их качествами. В речи подобное отождествление отражается в том, что происходит метонимический перенос и название отрезка времени получает нехарактерное для него определение: *в последнее накаленное десятилетие такое случилось не раз*. В приведенном примере характеристика национальной и политической обстановки («накаленная») переносится по смежности на отрезок времени, когда сложилась такая обстановка. Можно выделить основные направления метонимических переносов с различных элементов ситуации на время, в котором эта ситуация разворачивается.

1. Перенос характеристики происходящих событий или обстановки в целом: *Это ведь обобщенный портрет русского народа в самый трагический момент его истории; в самые трудные годы была рядом с Анной Андреевной; я предвкушала чудесный вечер*.
2. Перенос характеристики состояния человека: эмоционального: *Очень смутила меня только фраза Ваша о «жуткой минуте выброшенности в Константинополе, в первые дни революции»*) и физического (...и у меня будет на одну бессонную ночь больше; действительно, время свободное есть).

Кроме указанных метонимических направлений, которые можно определить как регулярные и частотные, существуют другие векторы переноса, подчиняющиеся той же логике. Время, в котором имеет место некая типовая ситуация, потенциально может получить характеристику любого ее компонента: официального приема (*Шестого был торжественный вечер, на котором мне вручили медаль «За оборону Сталинграда»*), молчания (*Воцарилась тягостная пауза. Мы оба молчали*), товаров (*Вы не застали те дефицитные времена*). В подобных случаях мы можем говорить о метонимии как универсальном мыслительном и языковом механизме.

Михайлов Алексей Валерианович,
к. ф. н., доц., Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнева

Единство сообщества: тексты и лексемы

Этнолингвистические исследования связаны с историей материальной и нематериальной культуры, и строго лингвистические аспекты отдельного говора, группы говоров, наречий становятся фактами духовной культуры при определении их роли в построении локального сознания и участия в общенациональной ментальности. Они могут служить, и это многократно отмечалось, и средствами/признаками для *самоидентификации* локального сознания.

Автором рассмотрены средства выражения локального варианта енисейского регионального сознания. Исследование основано на результатах экспедиционных исследований конца XX — начала XXI вв. в поселениях бассейна Енисей в среднем течении реки. Особое значение придается текстовым формам, тематике дискурса, лексическому наполнению, рефлексивным показателям носителей локального сознания.

Самоидентификация локального сознания — та совокупность действий, которая предпринимается в мышлении и разновидности речи жителей некоторой местности (населенного пункта) для обособления из общенационального сознания. Локальное же самосознание понимается нами также и как сознание групповое. Группа может быть выделена при этом по различным признакам — профессиональному, половому, родовому, возрастному и т. п., кроме того, по месту проживания = *микроареалу*.

Локализованная этническая группа жителей Приенисейских территорий не едина и состоит из многих этнохозяйственных общностей. Фиксация динамики социолингвистических процессов происходит через изучение лингвоэтнических ситуаций отдельных поселений с определением индивидуальных и общих черт в них. На основе оппозиции «свой — чужой», позволяющей в изменяющихся условиях культивировать и сохранять своеобразие микрокультуры, развиваются варианты этнолокальной культуры.

Ситуация языкового окружения общности коренными этническими группами интенсифицирует внутриаобщностную деятельность.

Михайлова Татьяна Витальевна,

к. ф. н., доц., Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнева

Каузально-оценочные значения в конструкциях с именным причастием в древнерусском тексте XVI века

Конструкции с именными нечленными причастиями могут выражать различные каузально-оценочные смыслы, что отмечается исследователями древнерусского синтаксиса С. Д. Никифоровым, Т. П. Ломтевым. Употребление форм имени со значением причины, или именных причинных групп, описано М. В. Всеволодовой, которая говорит о категории именной причинности. В данной работе рассмотрены причинно-следственные отношения, через которые авторы — древнерусские публицисты — в полемическом дискурсе потестарной семантики выражали оценочные значения. Проанализированы тексты XVI в.: переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, сочинение «Правительница» Ермолая-Еразма, «Послание великому князю Василию» инока Филофея. Выявлено, что все высказывания, в которых присутствуют конструкции с именным причастием, состоят из двух частей: первая часть — именное причастие с зависимыми словами, вторая — основной глагол. Оценочность может проявляться в обеих частях: в первой части именное причастие выражает чувство, а вторая часть указывает на действие: *и на челоуѣка възъярився, на Бога възсталъ еси*. Конструкция с именным причастием может выступать как каузатор дейст-

вия, и желание представлено как причина: *понеже убо иное за православие проляляи есте кровь свою, ина же, желая чести и богатства*. Конструкция с именным причастием может описывать результат действия, являющийся необходимым условием для совершения действия, выраженного глаголом. Это же условие и является причиной действия. Действия могут быть оценочно-ментального характера: *А Аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимъ, много ложными словесы своими сплетаетиши*.

Среди разобранных типов конструкций также отмечено обозначение действия, противоречащего по смыслу действию, выраженному глаголом.

Для выражения оценки широко применяются причинные связи, которые лежат в фундаменте древнерусского мировоззрения.

Пазио-Влазловская Дорота,

PhD, Институт славистики Польской академии наук

«Дом» и «бездомность» как ценность и антиценность сквозь призму лексикографических и текстовых данных

Целью предлагаемого доклада является выявление языкового образа понятия «бездомность» и определение его места в аксиосфере носителей русского языка. Анализ будет проводиться на основе двух типов данных: лексикографических, почерпнутых из толковых словарей русского языка, и текстовых — 200 цитат, отобранных из текстов, опубликованных с 2010 по 2013 г. в пяти многотиражных газетах: «Московском комсомольце», «Комсомольской правде», «Известиях», «Российской газете» и «Независимой газете». Реконструкция будет проводиться согласно методологии люблинской этнолингвистической школы. Отобранные цитаты будут восприниматься как ответы на «скрытые» вопросы: что такое «бездомность», в чем заключается ее суть, кому/чему она присуща. Реконструированный таким способом образ «бездомности» будет сопоставлен с понятием «дом», являющимся одной из ключевых ценностей в русской культуре, с целью выявления соотношения между ними в рамках аксиосферы носителей языка, а также с целью ответа на вопрос об образовании рассматриваемыми понятиями оппозиции «ценность — антиценность».

Парецкая Марина Эдуардовна,

ст. преп., Южный федеральный университет

Шестак Ольга Васильевна

Духовные особенности русского языка

1. Христианство, а точнее, его восточная ветвь — православие, стало для формирования русской словесности основополагающим, поскольку именно православное христианство с его духовно-реалистическим опытом, его эстетикой и символикой определило своеобразие русской ментальности. Духовная литература не существует без опоры на духовный язык. Феномен духовности русского языка проявляется, прежде

всего, в пределах лингвокультурологии (а не собственно лингвистики), тесным образом связанной с национальным характером, православием и философией языка.

2. В основе всех первоэлементов русских слов лежат идеи: водности (пракорни [Л] и [Р]), солярности (пракорни [С] и [З]), жизненности (пракорни [М] и [Н]). Эти троичные идеи переплетаются между собой и связываются с идеей Святой Троицы, которая символизирует неделимую сущность Творца, проявляющегося в различных ипостасях.
3. Широкие категории лингвокультурологии дают возможность раскрыть смысл духовного начала языка, реализуемого не только в первоэлементах, но и во всей лингвистической системе, в частности в синтаксисе, где связь философии языка с его национально-культурным компонентом ощутимо прослеживается. Специфика восприятия действительности через синтаксис иллюстрируется на примере глагольных и номинативных односоставных предложений, в которых изначально заложено своеобразное видение мира русским этносом.
4. Например, в односоставных глагольных предложениях разных типов происходит последовательное абстрагирование от субъекта, и отнесенность действия к лицу становится все более нечеткой. В безличных предложениях происходит почти полное абстрагирование от субъекта, в подобных высказываниях ментальность носителей языка проявляет упование не на свои, а на Высшие Силы. В инфинитивных предложениях субъект абстрагируется полностью, кодируясь в предикате и проявляясь лишь потенциально. Статическое отображение действительности в номинативных предложениях не противоречит лингвокультурной характеристике русской ментальности.

Пименова Марина Васильевна,

д. ф. н., проф., Владимирский государственный университет

Эстетические представления в языковой картине мира Древней Руси

Самое раннее выражение в древнерусском тексте собственно эстетических представлений фиксируется в памятнике XI в. — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона. Значительный интерес с точки зрения эстетической проблематики представляет древнейшая русская летопись — «Повесть временных лет», (кон. XI — нач. XII в.). Созданное неизвестным автором оригинальное житие середины XI в. — «Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба» — содержит одно из самых развернутых описаний внешности в древнерусской книжности, выделенное в основной редакции в отдельную статью «О Борисѣ, какъ бѣ възърѣмъ». В древнейшем памятнике паломнической литературы Древней Руси — «Житѣе и хожденье Данила, Русьскыя земли игумена» начала XII в. — представлено конкретное и красочное с эстетической точки зрения описание природы Палестины. В выдающемся памятнике красноречия второй половины XII в. — «Слове в нову ю недѣлю по пасхѣ — о Фомине

испытании ребр Господень» Кирилла Туровского — содержится развернутое символическое описание весны, которое является разработкой традиционного для древнерусской литературы топоса «Природа славит своего творца». Как отмечает Д. С. Лихачев, в «Молении Даниила Заточника» изображение внешности человека превращается в своеобразную идеограмму, по которой ланиты князя — сосуд с ароматом, гортань — крин (сосуд, горшок), вид подобен ливану избранному (князь сравнивается с благовонием), очи — источник живой воды, чрево — стог пшеницы, выя подобна шее коня, украшенного ожерельем, и под. В заключение необходимо отметить, что дальнейшее изучение «эстетического» репертуара Средневековья позволит наглядно представить не только процесс формирования обобщенных эстетических понятий (идеала прекрасного) и эстетики как науки, отвечающей на второй («парный») философский вопрос Сократа и Платона «Что такое прекрасное?», но и, кроме того, — общий процесс становления русской книжности, отражающей картину мира человека Древней Руси.

Романова Татьяна Владимировна,

д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Оценка истина/правда с точки зрения национальной ментальности

1. С одной стороны, понятие достоверности в лингвистике не совпадает с логическим содержанием термина истинность/достоверность, с другой стороны, оппозиция истинность/ложность для речевых высказываний нерелевантна, т. к. субъективное не может быть истинным.
2. Такие черты, как исповедальность, поворот к субъективному миру конкретного человека, обусловили востребованность мемуарно-исповедальной прозы в современной России. Оппозиция истинно/неистинно нерелевантна для мемуарно-исповедальной прозы, в первую очередь, по причине чрезвычайной субъективности этого типа прозы. Во-вторых, сам жанр исповеди требует «беспощадной искренности», на которую способен не каждый человек. Таким образом, в исповеди нарушаются канонические законы жанра. В-третьих, классические мемуарные тексты «создаются в результате фиксации данных памяти, и ключевым модальным оператором этих текстов является оператор *я помню, что (как)*.
3. Мемуарная проза, с нашей точки зрения, отражает состояние русского национального сознания, поэтому исповедальность можно рассматривать не только как характерную черту современной мемуаристики, но и как черту русской ментальности. В числе основных черт русской концептуальной картины мира отмечают иррациональность. Это во многом объясняет, почему оппозиция истинно/неистинно является нерелевантной для русской ментальности.

4. Нерелевантность с точки зрения русской ментальности оппозиций истинно/неистинно доказывается и тем, что русский язык словесно различает *правду* и *истину*. Тогда как, например, в английском языке эти концепты обозначены одним словом (*truth*), что, по-видимому, связано преимущественно с эмпирической картиной мира. В докладе мы комментируем это лексическое различие, опираясь на данные лингвистических исследований, словарей, на философские источники и на тексты исповедальной прозы.

Руднев Евгений Николаевич,

к. ф. н., доц., Липецкий институт управления

Звезда Галина Васильевна,

д. ф. н., проф., Липецкий государственный педагогический университет

Дух и душа как символы целостного миробытия

1. Слова *душа* и *дух* имеют общий этимон — сам процесс дыхания. Глагол *дыхати* — доминантный смыслопорождающий компонент гнезда — вербализует реально существующее действие, сакральное действие, обеспечивающее и символизирующее самую жизнь. По Далю: «пить легкими воздухъ, вбирать и выпускать воздухъ». Сема «вода» глагола *пить* отражает переплетение стихий в выражении идеи жизни. Лексема *воздух* ассоциативно связана с сочетаниями *живая вода* и *мертвая вода*.
2. Изначально «воздух», одна из первостихий в мифологии, воспринимался как среда обитания духов. Символически это и пространство, в котором обитают духи, и небосвод, дом для всего сущего.
3. Единство лексем *душа* и *дух* со словами *воздух*, *вдох*, *дышать* определяется этимологическим родством, отсюда и синкрета физических и сакральных смыслов. Дыхание, признак жизни, возведенное в ранг священного таинства, трансформируется в помен *дух*. Сама первостихия воздух становится онтологической основой возникновения качественно нового восприятия человеком окружающей действительности. Мир начинает осознаваться через духовную связь «духа/души» с окружающими явлениями.
4. Исторически сложилось, что эти слова образуют не столько семантическую, сколько мировоззренческую иерархию, основой которой являлась целостность восприятия и понимания окружающей природы носителем русского языка. Древние наши предки воспринимали мир синтетически, во всем бытовом (вещном) они видели символич. порождение и продолжение бытийного (вечного). У Срезневского *дух* — это «дуновение, ветер», по архаическим представлениям, связывающим человека со стихиями.
5. Сравнительные данные с лат. и гр. показывают направленность на сакральные идеалы русской ментальности, для которой не познание своего «эго» является высшей ценностью, а ощущение и понимание Духа Божия. Это обусловлено христианскими традициями, сохраняющими представления о производности материального мира от духовного.

Сергиева Наталья Станиславовна,
д. ф. н., проф., Сыктывкарский государственный университет

Исторический подход к исследованию языкового сознания

Изучение этнокультурной обусловленности языкового сознания предполагает стремление не просто зафиксировать содержание образов сознания, стоящих за словами конкретного языка, но и интерпретировать это содержание, объяснить его этнокультурную специфику и устойчивость, выявить пути и способы овладения языком и культурой. В отечественной науке о языке традиция рассматривать язык в связи с историей народа, развитием его культуры и мышления представлена прежде всего трудами А. А. Потебни, Ф. И. Буслаева, Б. А. Ларина, В. В. Колесова и других лингвистов. Особым направлением исследования динамики языкового сознания русских является своеобразное обращение к «доистории». Ядро менталитета любого этноса формируется на ранних стадиях этногенеза и сохраняется на протяжении всей жизни этноса. Отечественным языкознанием к настоящему времени накоплен обширный материал, который позволяет реконструировать по таким остаткам древние представления о мире и систему ценностей человека, которые отразились в языке. В качестве источников могут выступать не только современные ассоциативные словари, но и исторические и этимологические словари, тексты, созданные в разное время жизни этноса, научные работы, рассматривающие проблемы исторической грамматики, словообразования, лексикологии, семантики и др., поскольку они обрабатывают, описывают, упорядочивают этот материал. Исследователь языкового сознания, если он обращается к историческим корням этноса, его культуры и языка, может ставить перед собой разные научные задачи, использовать разные методы. Но в любом случае он имеет дело с языком. Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры (В. В. Колесов).

Тарасенко Татьяна Васильевна,
к. ф. н., доц., Сибирский государственный аэрокосмический университет
им. академика М. Ф. Решетнева

Семантическая ситуация в разных типах текста

Ситуация винопития (далее — СВ) с точки зрения семантического синтаксиса входит в группу ситуаций «действие», является физиологическим действием, модель которого следующая: субъект — предрассмотрены следующие компоненты СВ: участники (кто пьет спиртные напитки), объект (что пьют), место (локатив) и время (темпоратив). Анализ анекдотов, в которых представлена СВ, показал следующее: субъект (агенса) винопития — человек, животное, предмет, сказочный персонаж. Для человека как героя анекдотов СВ важны следующие характеристики: пол, семейное положение и родственные связи, национальность, профессия, количество выпиваемого, поэтому в анекдоте — это мужчина, чаще женатый. По количеству выпиваемого алкоголя у него могут быть следующие номинации:

трезвенник; любитель (выпивает по праздникам или особым поводам); выпивоха/бухарчик (выпивает чаще, чем любитель); пьяница/пьянчуга/пьянь (злоупотребляет спиртными напитками); алкоголик/алкаш (больной человек, страдающий алкоголизмом). Существуют анекдоты, в которых выпивают животные: волк, медведь, заяц, мышь, лягушка и др. Сказочные персонажи представлены Бабой-Ягой, Иванушкой-дурачком и Ильей Муромцем. Национальный состав выпивающих в анекдоте следующий: русские, евреи, шотландцы, французы и англичане. Среди профессиональных групп лидируют хирурги, слесари, охотники, военные и священники. Кроме агенса в анекдотах СВ участвует и контрагенс. Контрагенс — актант субъектного типа, лицо, неединственное, находящееся с другим субъектом в параллельных отношениях; агенс и контрагенс совершают разнонаправленные действия. Роль контрагенса играет противник пьянства, в анекдотах это жена (и) или теща. Субъект может быть охарактеризован и по количественному параметру. В художественном тексте репрезентация СВ зависит от авторского замысла, например, в пьесах Чехова она представлена минимально, а в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» наиболее полно.

Тарасов Евгений Фёдорович,
д. ф. н., зав. отд., Институт языкознания РАН

Языковое и неязыковое сознание как парадигма исследования русской ментальности

Проблема «язык и сознание» решается чаще всего при помощи понятий «сознание» и «ментальность».

Ментальность в общем виде можно определить как совокупность умственных операций и духовных установок. Содержательная сторона ментальности — это знания о природе и социуме, важнейшими из них являются знания о ценностях. Можно исходить из обоснованной гипотезы, что ментальность личности складывается в ходе ее социализации, когда личность присваивает сознание общества как систему ориентиров для осуществления совместной деятельности и общения. Анализ показывает, что при помощи понятий «ментальность» и «сознание» обозначаются тождественные объектные области.

При анализе проблемы соотношения языка и сознания принципиальное значение имеет ответ на вопрос, доступна ли для познания реальность без посредства языка. В рамках постмодернистского подхода полагают, что реальность доступна только через «сетку» языка. С позиций деятельностного подхода, субъект познает реальность и без языка, опираясь на различные квазипредметные образования.

Образ неязыкового сознания (НЯС) конструируется субъектом познания при помощи сенсорных и перцептивных эталонов без обязательной вербализации, т. к. часто вербальные средства отсутствуют в сознании субъекта в момент восприятия. Образ НЯС в совместной деятельности

может быть описан для партнера при помощи знаний, ассоциированных с телами языковых знаков в речевой цепи. Следовательно, реальность может быть презентирована субъекту познания непосредственно или опосредованно, будучи категоризована собственно лингвистическими знаниями (род, число, падеж и т. п.) и знаниями, локализованными в значениях языковых единиц.

Таким образом, сознание членов социума существует как в форме образов НЯС (первичные образы), которые сконструированы при помощи образов НЯС, усвоенных ранее (вторичные образы), так и в форме образов языкового сознания, которые сформированы членами социума в ходе речевой практики по вербализации образов НЯС.

Шаповал Виктор Васильевич,

к. ф. н., доц., Московский городской педагогический университет

Итоги наблюдений над очитками в словарях

Обобщая наблюдения над ошибками прочтения рукописных источников (очитками), нашедшими отражение в современных русских словарях социальных и территориальных диалектов, других описаний слабо документированной лексики, можно констатировать, что наиболее распространенные типы очиток одинаково характерны для различных слоев лексики, то есть специфика диалектных или жаргонных словарей в данном аспекте не выявляется. Таким образом, можно заключить, что причины смешения букв кроются в самой технике рукописной фиксации и ее прочтении и в заметной мере обусловлены слабой известностью слова. Первая и главная трудность при описании процесса смешения букв и групп букв обусловлена тем, что собственно самый процесс возникновения ошибки, как правило, недоступен для наблюдения. Другая трудность вытекает из первой и состоит в потенциальной множественности реконструкций процесса возникновения ошибки смешения графических знаков, поскольку тождественный результат смешения букв и групп букв, запечатленный в типографском тексте, может возникать в различных условиях, например: как в рукописном тексте, так и в наборе. Наиболее сложным оказывается формализованное описание именно рукописных строчных букв, встречающихся в рукописном тексте. До некоторой степени помогает понять причины смешения букв криминалистическая графология, в которой разработана довольно богатая терминология, характеризующая не статические, а динамические характеристики почерков. В результате обобщения материала возникает таблица, в которой представлены количественные характеристики смешений букв и групп букв, например: а — и (26), к — н (19), ж — к (2), ж — м (4), ж — ол (1), ж — он (1), ж — оп (1), ж — т (8), м — ш (15) и т. д. На этапе анализа не учитываются отдельно случаи прочтения *a* на месте *u* от случаев прочтения *u* на месте *a*. Более обобщенное описание вообще строится на сравнении широких групп очиток: смешение одноэлементных букв (*г — ч — і*), двухэлементных (*и — к — п*) и т. п.

СТИЛИСТИКА

Азарова Наталия Михайловна,
д. ф. н., в. н. с., Институт языкознания РАН

Креативность vs. творчество в разных типах дискурса

В русской абстрактной лексике существует некая особенность, позволяющая по-новому рассмотреть целый ряд концептов современной культуры. Это наличие дублетов, появившихся в разное время, но тем не менее освоенных языком: *концепт* и *понятие*, *реальное* и *настоящее*. К подобному феномену относится и пара *творчество* и *креативность*. Говорящими *креатив* (*креативность*) уже не воспринимается как варваризм: об освоенности слова *креатив* в русском языке говорит обширное количество дериватов в повседневном и профессиональном дискурсе. Творчество и креативность противопоставлены по параметрам вертикальность — горизонтальность; тотальная адресация — целевая адресация; некоммуникативность (или ограниченная коммуникативность) — коммуникативность; страдание, преодоление — удовольствие, наслаждение (можно сказать *муки творчества*, но нельзя *муки креативности*). Если *творчество* мандаторно, то *креативность* теряет идею диктата, становится чем-то дополнительным, желательным. *Творчество* понимается онтологически, *креативность* — социально-психологическая категория. Слово *творчество* в современной общеупотребительной речи чрезвычайно частотно, однако те, кто традиционно считались творцами, особенно имеющими отношение к слову (например, поэты), не отрицая привычного понятия *творчество*, тем не менее, применительно к себе отказываются говорить в терминах *творчества* и *креативности*. Частотность терминов *креативности* и подчеркивание креативности и творчества как ценностей более всего характерны для речи русских женщин upper, upper-middle и middle class. Концепт *креативности* укореняется во внутренней культуре и десемантизируется во внешней.

Анисова Анна Александровна,
к. ф. н., докт., Дальневосточный федеральный университет

Предикаты как средство создания образов персонажей в дискурсе А. Платонова

Данный доклад представляет собой пример анализа предикатов, использованных при создании образов героев, позволяющего не только дать характеристику персонажам, но и выявить некоторые принципы построения дискурса А. Платонова. В целях исследования была разработана (с учетом предшествующего исследовательского опыта) классификация предикатов, для которой был выбран подход «от субъекта». В качестве примера рассматривается образ Вощева, одного из главных героев повести «Котлован». Все предикаты, использованные для характеристики данного героя, представляется возможным разделить на две основные группы: *предикаты агентивного субъекта* и *предикаты неагентивного субъекта*. При разграничении

учитывается контекст предложения и, если необходимо, всего произведения. Предикаты *агентивного субъекта* обозначают активное, контролируемое действие, а предикаты *неагентивного субъекта*, соответственно, характеризуют пассивного субъекта. Активность/неактивность — важная черта героев А. Платонова, т. к. сам принцип построения художественного мира писателя можно обобщенно назвать «онтологическим». Текст «Котлована», при всем многообразии прочтений, видится нам прежде всего как текст о поиске истины. И все герои так или иначе ищут эту истину. Особенно это характерно для Вощева. Итак, на первый взгляд, образ Вощева характеризуется высокой долей активности, т. к. предикаты агентивного субъекта составляют примерно 50% процентов от общего количества. Но при более детальном рассмотрении оказывается, что действия героя, обусловленные его волей, составляют 71% от предикатов агентивного субъекта, то есть 36% от общего количества характеризующих его предикатов. С другой стороны, выявляется такая характеристика персонажа, как необходимость для активного действия причины, цели, эксплицитно (иногда избыточно) или имплицитно всегда присутствующих в тексте.

Бабенко Наталия Григорьевна,

д. ф. н., проф., Балтийский федеральный государственный университет имени И. Канта

**Фразеологизмы *соль земли* и *сливки общества*:
значение и употребление в современной речи**

Устойчивые генитивные словосочетания *соль земли* и *сливки общества* представляют собой фразеологическую минипарадигму, которую можно рассматривать по крайней мере в двух ракурсах: с точки зрения лексикографического описания составляющих ее фразеологических единиц и в аспекте ее функционирования в живой речи. Сопоставление толкований фразеологизмов *соль земли* и *сливки общества* в толковых и фразеологических словарях, в словарях синонимов русского языка дает основание считать названную минипарадигму синонимической, т. к. оба фразеологизма могут называть элиту, цвет общества, лучших, избранных его представителей. Анализ функционирования фразеологизмов *соль земли* и *сливки общества* в современной речи (по материалам интернет-форумов) позволяет определить рассматриваемую фразеологическую парадигму как антонимическую, поскольку «добиблейский» (К. Н. Дубровина) фразеологизм *соль земли* характеризуется устойчивым употреблением в положительно оценочных контекстах в качестве образной номинации самой ценной в нравственном, интеллектуальном, социальном отношении части какого-либо общества, тогда как фразеологизм *сливки общества* функционирует (за редким исключением) в высказываниях с резко отрицательной оценкой, вступая в отношения замещения с такими также отрицательно заряженными лексическими и фразеологическими средствами, как *накись*, *высший свет*, *высшее общество*, *верхушка привилегированного класса*. Контекстуальная дефразеологизация, лингвокультурологическое комментирование составляющих идиомы *соль земли* не аннулирует, а обосновывает ингерентно

присущую ей положительную оценку. Применение популярного у сетевых аналитиков-любителей игрового приема соотнесения, пересечения прямого и переносного значений полисеманта *сливки* и других компонентов «молочной» тематической группы в контексте характеристики идиомы *сливки общества* усугубляет, усиливает отрицательную оценку названного фразеологизмом феномена современной социокультурной ситуации (например, *прокисшие сливки общества*).

Бакланова Елена Алексеевна,

к. ф. н., доц., Новосибирский государственный медицинский университет

К вопросу о функционировании импликатов в тексте рецензии
(на материале рецензий В. В. Набокова)

«Импликат» — это отклонение от норм, влекущее за собой наличие скрытого смысла. Жанр рецензии занимает промежуточное положение между научным и публицистическим стилем. Правомерно ли говорить об отклонении от норм в текстах данного жанра? Проведенный анализ различных точек зрения на цель написания рецензии, на ее суть и функциональную принадлежность позволяет сделать следующий вывод. Рецензия может выполнять три функции: оценочно-информативную, воздействия и самопрезентации пишущего. При этом первая — основная, две других — факультативные. Таким образом, можно говорить о принадлежности жанра к научному стилю. Если рассматривать рецензию как жанр критики, то нельзя не заметить, что критика как процедура или как форма развития знания имеет прямое отношение к науке. Вопрос этот важен, поскольку научный стиль предполагает однозначность, т. е. имплицитный смысл в научном тексте искать не следует. С другой стороны, тексты рецензий могут быть узнаваемы. Индивидуальным делает текст наличие особых маркеров — импликатов и автоимпликатов. Предполагается, что «работают» они, видимо, не на создание имплицитного смысла текста, а на создание «образа автора». Анализ ранних рецензий В. В. Набокова позволил отметить следующие их особенности: приятие творчества одних и нескрываемое неприятие других; негативное отношение рецензента к неряшливости, погрешностям стиля; положительное — к описаниям природы; отрицание пафоса и «гражданственности». Анализ фрагмента рецензии на стихи В. Ходасевича показал наличие автоимпликатов (дистанционного и сквозного повторов, индивидуально-авторской метафоры), что дает возможность распространить понятие идиостиля на научную сферу.

Геккина Елена Николаевна,

к. ф. н., н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Не позднее чем: метаморфозы одной конструкции

В докладе рассматриваются семантические и функциональные характеристики темпоральных конструкций, включающих сочетание *не позднее чем*. Этот анализ проводится в рамках сопоставительных наблюдений за

фактами корректного и некорректного в лексико-грамматическом отношении обозначения отрезков времени в официально-деловой речи последнего десятилетия. В качестве дополнительного привлекается метаязыковой материал из тематических запросов, адресованных двум справочным службам — телефонной Службе русского языка ИЛИ РАН и Справочной службе сайта «Культура письменной речи» (www.gramma.ru). Общая и частная проблематика описаний временных промежутков в деловой коммуникации иллюстрируется данными лингвистического эксперимента, в ходе которого проверялась гипотеза вариативной интерпретации содержательного плана фрагмента текста (на примере инструкции «Грантовой программы» одного из государственных фондов) и устанавливались факторы, обуславливающие эту вариативно-смысловую множественность.

Грищенко Александр Игоревич,

к. ф. н., доц., Московский педагогический государственный университет

Словообразовательная активность слова *россияне* в современной русской речи

К концу XX в., когда слово *россияне* окончательно утратило свою былую стилистическую синонимию с этнонимом *русские* и стало обозначать исключительно граждан/жителей России независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности, резко возросла и его частотность, особенно в языке СМИ. Именно благодаря экспансии этого слова, нагруженного для многих носителей русского языка отрицательными ассоциациями (прежде всего с именем Б. Н. Ельцина), стало появляться множество лексических новообразований на его основе, в основном потенциальных, реже — окказиональных. Однако ряд новых слов, благодаря высокой частотности и устойчивости лексического значения, следует признать уже вполне узуальными, хотя и не включенными в словари и собрания словарных материалов (единственное исключение — *россиянский*). Кроме слова *россиянский* «относящийся к постсоветской России» (стилистический синоним к *российский*, отличающийся от него резко негативными коннотациями и употребляющийся преимущественно в националистическом дискурсе), новообразованиями, уверенно вошедшими в современный узус, прежде всего публицистический и в многочисленных сферах интернет-коммуникации, мы считаем также такие единицы, как *россиянцы* (от нейтрального *россияне* также отличается негативными коннотациями), *нероссияне*, Россияния «постсоветская Россия (Российская Федерация)» и *россиянство* «официальная идеология Российской Федерации в области национальной политики», «совокупность свойств, присущих современным россиянам как гражданской нации». Указанные новообразования представляют четыре из семи лексико-грамматических групп дериватов *россияне* (наименования лиц; сущ. с абстрактным признаковым значением, не имеющие употребительных форм мн. ч.; топонимы; прил., мотивированные словом *россияне* и его дальнейшими дериватами); оставшиеся группы: глагольные дериваты

(напр., *россиянизировать*); сложения различной частеречной принадлежности (напр., *тожероссияне*); контаминации и проч. «поэтические» дериваты (россионисты, *роиссяне*).

Зубова Людмила Владимировна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Роль эвфемизмов в языковой динамике

Роль эвфемизмов в языковой динамике агрессивно деструктивна. Экспансия эвфемизмов приводит к выталкиванию из языка нейтральной и терминологической лексики, например, давно вышли из нейтрального употребления слова «сношения», «совокупляться», «сожитель». Сейчас в процессе вытеснения находятся такие слова, как «идиот», «чернокожий», «травка», «отношения», «кончить», «мужское достоинство» и мн. др. В низкий стиль постоянно перемещается большое количество слов, которые до выполнения ими заместительной функции не являлись ни грубыми, ни обидными. Значение таких слов сужается (первичное значение вытесняется вторичным), и затем на их употребление тоже накладывается этикетный запрет. Маргинализируется слово «звезда», которое употребляется как рифменный эвфемизм. Новыми эвфемизмами нередко становятся бессмысленные слова типа «возрастной» вместо «старый», «пожилой» и абсурдные словосочетания, например, «эвтаназия свиней», а также неологизмы определенных словообразовательных типов, например, «трындец», «армагеддец», «стабилизец». Гипонимы вытесняются гиперонимами («онкология» вместо «рак»). Эвфемизация влияет и на синтаксис, в частности, активизируется эллипсис («иди ты...»), при фразеологической субституции возникают аномалии управления («мне на это всё равно»). В устной и письменной речи появляются фонетические и графические сигналы, демонстративно маркирующие эвфемизацию («ч-удачи!»). Эвфемизмы и намеки часто оказываются образнее и экспрессивнее прямой номинации, поэтому эвфемизмы нередко предстают дисфемизмами («верхние анатомии» — «женская грудь»). Деструктивность эвфемизмов создает серьезную психологическую проблему для носителей языка. Игнорировать маргинализацию слов типа «кончить», «мужское достоинство» опасно для успешной коммуникации, а полностью исключить их из речи, проявляя осторожность, — значит подчиниться тем, в чьем сознании доминируют непристойности, и способствовать утрате нормальных слов.

Маркасова Елена Валерьевна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Что такое коммуникативный архаизм?

Все масштабные политические и социальные изменения в обществе сопровождаются «редактированием» прежних сценариев повседневного общения, поскольку социальные сдвиги ведут к трансформациям ро-

лей в коммуникации. Под коммуникативным сценарием мы понимаем, «с одной стороны, свернутую когнитивную модель (схему) речевого поведения, хранящуюся в долговременной памяти, с другой стороны — словесную материализацию этой модели собеседниками» [Шляхов, 2010: 6].

В коммуникации происходит процесс, аналогом которого можно считать процессы архаизации в лексике, грамматике или фонетике: появляются *коммуникативные архаизмы*. Этот термин пока не использовался в научной литературе. Мы предлагаем считать коммуникативным архаизмом устаревшую коммуникативную единицу, утратившую связь с определенным сценарием, сохранившимся в повседневном общении. Это определение, как и сам метод выявления коммуникативных архаизмов, нуждается в обосновании. Методология предлагаемого нами поиска коммуникативных архаизмов опирается на идеи Д. Хаймса [Хаймс, 1975: 45]. Материалом для исследования послужили литературные тексты советского и постсоветского периодов, данные НКРЯ и ЗКРЯ, тексты инструкций для представителей «индустрии гостеприимства».

Палешева Виктория Андреевна,
сотр., Историко-художественный музей (Калининград)

Отрицательные императивы в триптихе В. Сосноры «Книга конца»

Поэтическая рефлексия автора на тему последнего десятилетия XX века находит отражение в грамматическом строе его текстов, составивших триптих «Книга конца». Одна из центральных идей триптиха — отрицание действия, возводящееся в поэтический прием. Особое значение приобретает категория запрета, выражаемая при помощи отрицательных императивов (прохибитивов), которые в книжной культуре свойственны преимущественно религиозным текстам. Религиозный генезис прохибитивов «Книги конца» обнаруживается и в отказе от диалоговых или сюжетных ситуаций, в которых запрет является наиболее уместным. Это свойственно как для сборника новелл («Книга пустот»), так и для сборников стихов («Флейта и прозаизмы», «Двери закрываются»), входящих в триптих. Функцией введения в текст отрицательного императива становится не привычное повествование о том, что произошло после нарушения запрета, а установление прямого диалога с читателем, передача собственного негативного опыта. Об этом говорит и отсутствие точного указания на адресата императивов, характерного для других книг Сосноры. Отказ от множественного числа в прохибитивах свидетельствует о создании коммуникативной ситуации «Я» — «Ты», но не между героями текстов, а между книгой и читателем. В последней книге триптиха раскрывается суть говорящего, поэтического «я». Адресант запретов наделяется одновременно чертами реальности и ирреальности. События, к которым отсылает поэтическое «я», с одной стороны, обнаруживают тесную связь с биографией автора, с другой — оказываются фантастическими. Создаваемый образ говорящего аккумулирует в себе как сугубо личные, так и глобальные качества, что подчеркивает его

право не просто обращаться, но учить и запрещать. Негативные императивы в «Книге конца», таким образом, становятся выражением личного и культурного опыта.

Патроева Наталья Викторовна,

д. ф. н., проф., Петрозаводский государственный университет

Поэтический синтаксис «Слова о полку Игореве»

Синтаксическая структура «Слова о полку Игореве» в главных своих чертах вполне соответствует общим особенностям грамматического строя древнерусских памятников: сочинительные связи и отношения в анализируемом тексте представлены в качестве доминирующих в сравнении с подчинительными. Однако опередивший свое время талант создателя «Игоревой песни», столь очевидно являющий себя во всей образной системе произведения, в отборе лексики и фразеологии, не мог не проявить себя и в оригинальном синтаксическом построении, и в неординарной ритмо-мелодической организации, и в целостной архитектонике памятника. Синтаксическая ткань «Слова» оказывается, несмотря на производимое древним шедевром общее впечатление структурной «легкости» и лаконичности, складывается большей частью из полипредикативных конструкций, и прежде всего — из соединяемых интонационно, без помощи союзов и местоимений. «Слово» насыщено восклицательными и вопросительными фразами, вкупе с разноуровневыми повторами и параллелизмом построения синтагм, структурной усложненностью и вносящим во взволнованное размышление динамизм асиндетоном, являющими яркие черты поэтического синтаксиса, а также черты спонтанной живой речи. Грамматическая организация «Слова» свидетельствует о стремлении автора максимально насытить текст мелодически подчеркнутыми синтагмами, которые можно с точки зрения ритмо-интонационной рассматривать в качестве колонов. Не случайно большинство переводов древнерусского шедевра являются не прозаическими, а поэтическими переложениями. Особенности ритмо-синтаксической организации «Слова о полку Игореве» позволяют прийти к заключению о близости памятника не только традициям эпических «сказаний» или ораторской прозы, но и жанру лирической народной поэзии, о контаминации в ритмо-синтаксической организации «Слова» черт исторической песни-славы и песни-хулы, былинного эпоса, причитания, молитвы.

Ремчукова Елена Николаевна,

д. ф. н., проф., Российский университет дружбы народов

Дефразеологизация в условиях «синтаксического минимализма»

1. Трансформация фразеологизмов как характерная черта современного коммуникативного пространства наиболее ярко отражается в медиатекстах, в частности в «текстах с креативным заданием», — заголовках и слоганах.

2. Широкое использование трансформированных фразеологизмов обусловлено стремлением адресанта создать полисемантическое высказывание: например, в заголовке фразеологизм служит сигналом наличия подтекстовой информации, которая актуализируется в процессе чтения статьи, вовлекая адресата в «коммуникативное соавторство».
3. Наиболее часто в «минитекстах» эксплуатируется принцип *использования совпадения фразеологизма и свободного сочетания слов*, или буквализации значения фразеологической единицы: при этом прямое значение словосочетания не только актуализируется, но и выдвигается на первый план; иногда развивается значение, противоположное значению фразеологического оборота («С большой головы» — статья о том, во сколько государству обходится один день болезни среднестатистического россиянина).
4. Трансформированный фразеологизм является важной составляющей рекламного слогана, в составе которого он многофункционален, т. к. усиливает не только его прагматическую направленность, но и образность, что также способствует «коммуникативному соавторству» — установлению контакта между рекламодателем и потенциальным потребителем.
5. Узнаваемость трансформированного фразеологизма, а также его предсказуемая сочетаемость повышают способность потребителя воспринимать и запоминать слоган, т. е. удачно трансформированный фразеологизм становится «бесплатным рекламоносителем»: *Комар носа не подточит* — реклама средства от комаров; *За нами не заржавеет!* — реклама фирмы, занимающейся продажей трубопроводной арматуры и т. п.
6. Способы трансформации фразеологизмов с целью создания многозначного высказывания, естественно, сложнее в заголовках: следующий за ними текст помогает декодировать заложенные смыслы.

Ровнова Ольга Геннадьевна,

к. ф. н., с. н. с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Лексика «Повести и жития Даниила Терентьевича Зайцева»
в стилистическом аспекте

Рукописная книга «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева», автором которой является старообрядец-«синьзязнец» из Южной Америки Д. Т. Зайцев (род. в 1959 г. в Китае), написана на русском диалектном языке с помощью фонетического письма. В ней в полной мере отражены черты, свойственные живой речи старообрядцев, проживающих с начала 1960-х годов в разных странах Южной Америки. Автор — талантливый рассказчик и талантливый писатель, память и речь которого хранит поразительный по объему словарный запас. Основное внимание в докладе уделяется лексике, стилистическая характеристика которой обладает той или иной спецификой — по сравнению с русским литературным языком, с точки зрения динамики стилистических процессов в языке, а также с точки зрения инди-

видуально-авторских стилистических предпочтений. В стилистическом аспекте анализируются следующие группы лексики.

1. Общерусские и диалектные слова — наименования лиц, содержащие положительную / отрицательную оценку (*поскребок, дядя Федос Всемирный / лицемер, изведуга, скнипа, жихмарка*).
2. Общерусские слова, отличающиеся стилистической окраской от их литературных соответствий (*желать, соболезновать*).
3. Лексические заимствования из испанского и португальского языков в функции прозвищ (*траиры, Префейто*).
4. Слова, являющиеся результатом словотворчества автора, с ярким оценочным значением (*Кириллейший, пухло*).
5. Бранная (обценная) лексика и авторские приемы ее использования.

Рябушкина Светлана Васильевна,

к. ф. н., доц., Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова

О стилистическом потенциале русских собирательных числительных

Собирательные числительные (далее СЧ) в современном русском литературном языке — малочисленная, в пределах первого десятка, лексическая группа, но активно используются только СЧ до *семеро*, что подтверждается данными Национального корпуса русского языка: почти половина употреблений СЧ приходится на *двое*, около трети — на *трое*, а далее частотность резко падает. «Кривая падения» частотности СЧ в разных корпусах НКРЯ сходна, но есть отличия, связанные с жанрово-стилистическими особенностями текстов. Системных ограничений на образование СЧ для больших чисел не существует, их использование в речи стилистически маркировано. Так, они используются: 1) в градационных контекстах; 2) при трансформации прецедентных текстов; 3) как речевая характеристика персонажа; 4) как языковая игра. Кодифицированные правила сочетаемости СЧ отражают дополнительную синтагматическую характеристику существительных лично-мужского рода. Но узус свидетельствует о том, что этот «маскулинный» признак постепенно становится признаком «общечеловеческим», распространяясь на сочетания с лично-женскими существительными: *Девяносто лет тому назад был расстрелян российский император, его жена, четверо дочерей, сын и ближайшие слуги (Постскриптум. ТВЦ. 19.07.08)*. Сочетания СЧ с названиями взрослых животных также семантически и стилистически обусловлено — как средство персонализации: *Было трое котов: Прохор, Харлам и Терентий. Вместе их связала крепкая мужская дружба, закаленная переменными осадками, ветром, постоянной проголодью и другими вещами, известными всякому, кто жил на крыше или чердаке и дышал вольным воздухом необозримых пространств (Митьки. Три кота. — НКРЯ)*. В споре за звание победителя могут быть «очеловечены» даже продукты питания: *Народное жюри выбрало пятерых претендентов на звание победителя конкурса. Это брынза фирм...* (Контрольная закупка. Первый т/к. 03.06.10). Таким образом, функционирование СЧ в речи может сопровождаться стилистическими явлениями разного порядка.

Соколова Ольга Викторовна,

к. ф. н., с. н. с., Московский педагогический государственный университет

Особенности функционирования дискурсивных слов в идиостилях современных поэтов

Дискурсивные слова (*mots de discours*) отражают процесс рефлексии говорящим текста, его отношение к адресату, апелляцию к общему фоновому знанию, а также выполняют коммуникативную, фатическую и другие функции. Актуализируется референтное соотнесение содержания высказывания с коммуникативной ситуацией.

Частое употребление определенных слов в поэтической практике указывает на то, что та или иная установка приемлема для отдельных поэтов, хотя ее могут разделять не все носители языка. Дискурсивные слова «обладают повышенной лингвоспецифичностью» и становятся ключевыми для понимания как отдельных особенностей национального видения мира, так и некоторых элементов картин мира отдельных поэтов.

Словообразовательные возможности таких дискурсивных элементов, как частицы, раскрываются в творчестве Н. Азаровой. В структуре значения частиц активизируется прагматический компонент. Индивидуально-авторские новообразования, состоящие из частиц или слияния частиц с другими частями речи, образуют семантико-грамматические комплексы с модальным значением *что-то, какбудто, и — ли — да — же, так — что — и*. Новообразования в поэтической речи Н. Азаровой создаются как по моделям, характерным для современного русского языка (сложение, сращение), так и воссоздают процесс развития языка в диахроническом плане. Интерес Н. Азаровой к мельчайшим языковым первоэлементам проявляется в разложении слов на составляющие их «частицы» или «партикулы» *и - ли - да - же*.

Своеобразные аспекты семантики *авось* проявляется в творчестве Д. Давыдова. *Авось* может входить в состав фразеологической единицы «на авось» со значением «в надежде на случайную удачу»: *хоть шахматы возьми а вот отбрось / давай надейся на авось...* В других случаях *авось* используется как дискурсивное слово в «цитатном», а не в прямом смысле, что проявляется в метаязыковой рефлексии слова: *в рамках данного рассказа / я поведать не берусь / что творила антитеза / в миг когда возник авось.*

Туре Дауде Момина,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Учение о качествах речи в трудах Н. И. Греча и А. Ф. Мерзлякова

1. Учение о достоинствах речи перешло из античных риторик в риторики Средневековья и эпохи Возрождения. На первый план выходили более или менее релевантные качества речи: Правильность слога (собственная правильность и чистота языка), Ясность и определенность слога, порядок мыслей, единство, красота слога (благозвучие, краткость, живость и естественность или непринужденность), Краткость, Уместность, Плавность, Внушительность, Логичность, Изящество, Богодохновенность,

Куртузность речи и другие качества, выглядящие сегодня достаточно необычно.

Античная традиция отразилась уже в начальной дефиниции «Украшение слова»: «Украшение слова есть, которое ясно и явно и сладкою речью (*dilucida et perspicua*) или глаголением дела и вещи объявляет и показывает». Так, уже в первом русском учебнике говорится о ясности, «явности» (прозрачности, доступности, сладости речи).

2. Для дальнейшего анализа качества речи привлекаются сочинения крупнейших русских ученых-филологов первой половины XIX века: А. Ф. Мерзлякова и Н. И. Греча.

Обычно главы об украшении речи и ее положительных качествах встречаются в разделах, касающихся стиля речи или стиля слога (третья часть теории словесности или теории риторики).

3. Правильность слога, по Гречу, состоит в «наблюдении общепринятых законов употребляемого нами языка».

Автор считал, что «необходимо знать грамматику и наблюдать господствующее употребление в сочинениях лучших писателей».

Именно это понимание правильности находится в основании взглядов также и современных лингвистов.

4. Мерзляков выделяет те же 5 качеств речи, что и Греч, но добавляет еще и Точность.
5. Качества речи, выделяемые только Гречем и не выделяемые Мерзляковым.

Будет сделана попытка рассмотреть текст начала XVIII века с точки зрения обоих авторов.

Фатеева Наталья Александровна,

д. ф. н., г. н. с., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Креативный потенциал девиаций в языке русской поэзии рубежа XX–XXI вв.

В лингвистических словарях термин «девиация» трактуется как нарушение синтаксических, семантических, категориальных, прагматических и др. правил функционирования языковой системы и нередко связывается с понятием «языковой ошибки». В то же время его значение колеблется между такими терминами как «аномалия», с одной стороны, и «неологические» или «окказиональные» образования всех уровней, с другой. В отличие от «аномалии», в термине «девиация» снята пейоративная оценочность; по сравнению же с окказионализмами и неологизмами, не акцентирована случайность таких формообразований и их новизна. Однако при этом в термине «девиация» присутствует динамический элемент «отклонения», его «колебательность». Различаются также языковая и коммуникативная «девиация», последняя связана с нарушением конвенций коммуникации. Что касается поэтического дискурса, то по отношению к обыденной форме речи он изначально обладает девиативными свойствами, т. к. предполагает особые условия коммуникации и особые эстетические установки. В по-

этической речи также существует презумпция возможности разрешения всех лингвистических аномалий, поскольку поэтические высказывания не подчиняются верификации на «истинность-ложность». В то же время девиация в поэзии почти всегда является осознанным авторским приемом и потому относится к метаязыковым явлениям: все введенные поэтом фонетические, орфографические, словообразовательные, грамматические, лексико-семантические и другие трансформации имеют особую мотивацию и работают на приращение смысла, прежде всего на его эстетическую составляющую. Последнее и определяет креативный характер поэтических девиаций. Лингвистическое поле «девиации» в поэтическом тексте охватывает все уровни его организации. В докладе будут продемонстрированы явления всех уровней, но более подробно будут рассмотрены девиации грамматической природы, которые вовлекают и лексико-семантические трансформации.

Черных Надежда,

к. ф. н., докт.

Механизмы памяти в измененном состоянии сознания (на материале современных поэтических текстов)

При запоминании поэтического текста могут использоваться альтернативные стратегии, связанные с использованием различных ресурсов мозга и сознания. Во-первых, запоминание может осуществляться посредством так называемого «зазубривания» — многократного бессмысленного повторения; во-вторых — вдумчивого заучивания (вовлекающего в работу преимущественно рациональное сознание, аналитические способности, разлагающие стихотворение на части — такое запоминание отражается в актерской традиции чтения стихов, акцентирующей синтаксическое членение предложения и игнорирующей ритм). В-третьих, текст может запоминаться целостным гештальтом, без направленного целевого усилия и без многократного перечитывания (такой способ запоминания охватывает глубинные слои психики, оказывающиеся доступными в ИСС). Механизмы памяти в измененном состоянии сознания (далее — ИСС) связаны с тем, как формируется запоминание поэтического текста, как он хранится в памяти и как извлекается. Очевидно, что память в ИСС ведет себя иначе, чем в обычном состоянии сознания, и сам процесс запоминания связан не с логическим освоением информации, а с целостным ее восприятием, идущим в обход рационального сознания. Текст просто «отпечатывается» в сознании, становясь его частью. Можно предположить, что стихотворение хранится в сознании целостным «сгустком» и, выводя в сферу осознания, извлекает одну его часть, моментально обретаешь его целиком. Функционирование памяти в рамках ИСС особенно показательно, если рассматривать процесс создания поэтом стихотворения и воспоминание об этом. Привлечение данных анкетирования (было опрошено 37 поэтов) позволяет сделать вывод о том, что память об ИСС ведет себя двумя противоположными способами плюс третий, сочетающий в себе первые два.

Шаронов Игорь Алексеевич,

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

К вопросу об ударных окончаниях существительных мн. ч. -а/-я в современных заимствованиях

В 60-е годы XX века в процессе массового социологического обследования были отмечены грамматические изменения, которые произошли в русском языке в первой половине прошлого века. Именно тогда было обращено внимание на вариативность как показатель слабых звеньев в грамматической системе, тех областей, которые в наибольшей степени подвержены изменениям и относительно которых можно пытаться что-то утверждать или прогнозировать. Результаты массового обследования были отражены в таких работах как: «Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» [РЯИСО, 1968] и «Русский язык по данным массового обследования» [РЯПДМО, 1974], а также легли в основу двух академических грамматик [Грамматика современного русского языка, 1970] и [Русская грамматика, 1980].

Мы рассмотрим вопрос, связанный с вариативностью форм окончаний существительных им. п. мн. числа: неударного окончания *-ы/-и* — ударного *-а/-я*; В XX веке исследователями неоднократно отмечалась экспансия форм ударных окончаний существительных *-а/-я* в им. п. мн. ч. Описание этого явления дается, например, в книге [Горбачевич, 1978]. Автор пишет о том, что расширение употребления форм на *-а/-я* началась еще в 70—80-х гг. XIX в., однако особенно оказались «податливыми» к этой тенденции середине XX века заимствования. В результате в языке появились варианты: *инструкторы — а, секторы — а, корректоры — а, слесари — я, токари — я, теноры — а, госпитали — я* и т. д., в которых старая норма постепенно уступала место новой тенденции. Наиболее частотны новые формы окончания были в профессиональных жаргонах: *дизеля, бульдозера, архитектора, грифеля, супа, торта, плана*. Современные исследователи по инерции повторяют предположения предшественников. В докладе на материале заимствований последних десятилетий будет показано реальное затухание активности окончаний *-а/-я*, возвращение к грамматической норме.

Шаповал Светлана Анатольевна,

доц., Московский институт открытого образования

Словарные речения как объект стилистического анализа

Важной составляющей словарной статьи является иллюстрация — пример употребления слова: цитата или речение (предложенное автором словаря словосочетание, типовое выражение). Речения должны быть точными, лаконичными, обобщающими, достоверными и т. д. — и в силу этого они объективны, обезличенны и не представляют интереса для стилистического анализа, ср. примеры для слова *отговаривать*: *отговаривать друга от поездки (ехать)* (Ожегов); *Отговорил его покупать машину* (Ушаков); *Люди*

уговаривали было меня, люди и отговорили (Даль). В словарях энциклопедического типа место речений занимает текст, отражающий точку зрения авторов и редакторов (А. П. Киселевский), т. е. в той или иной степени уже соотносимый с понятием стиля. Предметом нашего анализа является стилистическая специфика речений «Большого толкового словаря глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко (2007), комплексный характер которого дал авторам больше свободы. Примеры речений: *Соседка Петровна отговаривала Ирину от бани, ссылаясь на морозы* (глагол *отговаривать*); *Синцов, опытный интриган, ловко подговаривал доверчивых сослуживцев выразить недоверие начальнику* (глагол *подговаривать*). Эти и подобные речения содержат: 1) имена собственные и второстепенные обстоятельства действия (информацию, нерелевантную с точки зрения дифференциации значения слова), 2) экспрессивные элементы (*Петровна*); 3) скважины (Н. И. Жинкин) (требуется знать, как связаны баня и морозы); 4) семантически неотмеченные сочетания (Ю. И. Левин) (*баня — мтн; доверчивых ... выразить недоверие — повтор*); 5) сложные пресуппозиции и/или имплицатуры (кто жертва — начальник или подчиненные) и др. В ряде случаев возникает остранение или комический эффект, т. к. речения воспроизводят стиль Платонова или Зощенко, а иногда — подобно гомеровским и гоголевским сравнениям (В. Набоков) — создают собственный, отдельный от иллюстрируемого глагола, параллельный словарю мир. Выявленный способ создания речений есть разновидность художественного творчества.

Шумарина Марина Робертовна,

д. ф. н., проф., Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Динамические явления в области речевой коммуникации глазами наивного лингвиста

Под наивной лингвистикой (folk linguistics) понимают сумму представлений о языке и речи, которые свойственны так называемому рядовому носителю языка — нелингвисту. Наивная языковая личность регулярно в процессе собственной коммуникативной деятельности обращает внимание на различные факты языка, речевые явления. Среди объектов метаязыковой рефлексии нелингвиста особое место занимают явления языковой динамики, которые не просто фиксируются обыденным сознанием, но и обстоятельно комментируются; комментарии сопровождаются эмоциональными и рациональными оценками. Интерес для исследователя представляют наивные метаязыковые оценки, зафиксированные в различного рода текстах. В текстах фольклора и художественной литературы метаязыковые оценки получают эстетическую интерпретацию. Как показывают наблюдения над фольклорными и литературными текстами, объектом метаязыковой рефлексии наивного лингвиста регулярно выступают: а) изменения в общественной речевой практике; б) актуальные речевые жанры; в) актуальные для данного социума в данный период времени прецедентные тексты; г) типовые коммуникативные ситуации; д) стереотипы языкового/речевого поведения.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Stadler Tatjana Valerjevna,
ст. преп., University of economics (Vienna, Austria)

Svdlakova Radka,
PhD, преп., Университет г. Пардубице (Чехия)

Использование видеопрезентаций студентов
в рамках обучения русскому языку: русский язык как *lingua
franca* в межстуденческом общении

Основная цель доклада — представить первые результаты совместного проекта Венского экономического университета (Австрия) и Языкового центра Университета г. Пардубице (Чехия) по использованию подготовленных студентами видеопрезентаций в рамках обучения русскому языку.

Идея использовать подготовленные самими студентами видеозаписи по заданным темам возникла в 2012/2013-ом учебном году. Тогда мы решили попробовать использовать русский как язык «лингва франка» для австрийских и чешских студентов с уровнем владения языком A1/A2. Студентам двух групп на выбор был предложен список страноведческих тем, например, «Национальная кухня», «Транспорт в Вене / Пардубице», «Достопримечательности Вены/Пардубице» и другие. По выбранным темам студенты обоих вузов подготовили видеопрезентации для коллег из другой страны. Эти видеозаписи были выложены в закрытый канал Youtube, студентам Венского экономического университета было предложено посмотреть и написать комментарии к видеозаписям чешских коллег и наоборот.

Кроме расширения и закрепления лексики по заданным темам, развития речи и понимания, необходимо, с нашей точки зрения, еще отметить, насколько сильным мотиватором оказалась идея о том, что видеозаписи будут просматриваться и оцениваться другими студентами. По сообщениям некоторых участников проекта, отдельные видеозаписи редактировались и перезаписывались до девяти (!) раз. Все участники отмечают участие в проекте как «очень интересное» и указывают на улучшение навыков говорения.

Комментарии к видеозаписям коллег использовались в рамках занятий и обсуждения результатов проекта для наработки речевых элементов, необходимых для выражения интереса, мнения, оценки.

Видеозаписи — один из вариантов заданий, позволяющих увеличить время говорения студентов, изучающих русский язык, за пределами аудиторных занятий.

Абрамова Марина Владимировна,
асп., Псковский государственный университет

Учебно-научный текст на уроке русского языка как иностранного: обучение навыкам ознакомительного чтения на предвузовском этапе

Учебно-научный текст является основной формой реализации научного стиля речи в процессе обучения русскому языку иностранцев на предвузовском этапе. Учебно-научный текст, адаптированный в соответствии с уровнем языковой подготовки учащихся, выступает как средство формирования у них коммуникативно-речевой компетенции в учебно-профессиональной сфере. Важнейшим компонентом данной компетенции является способность не только понимать содержание прочитанного учебно-научного текста, устанавливать причинно-следственные связи между его смысловыми частями, но и выбирать стратегии чтения, наиболее подходящие для решения поставленных задач. Ознакомительное чтение является одним из преобладающих видов чтения уже на базовом уровне владения языком, поскольку позволяет иностранным учащимся понимать основное содержание текста даже при наличии в нем до 30% неизвестных слов. Приобретение навыков ознакомительного чтения осуществляется за счет системы упражнений, нацеленных на формирование у студентов-иностранцев таких приемов, как прогнозирование содержания текста по заголовку, определение темы и основной идеи текста, выделение ключевых слов, отделение существенной информации от второстепенной, использование языковой догадки. Студентам предлагается соотнести микротексты с заголовками, темами, ключевыми фразами, вопросами; найти в тексте определения терминов, выводы, цитаты; определить, какими частями речи являются непонятные слова и подобрать для них местоимения-заменители; подчеркнуть фрагменты текста, содержащие несущественную информацию; добавить в текст пропущенные информационные блоки. Успешное овладение навыками ознакомительного чтения готовит студентов-инофонов к чтению аутентичных научных текстов в процессе их последующей профессиональной деятельности.

Баракта Александра Викторовна,
асп., Школа иностранных языков «Славянка»

Трудности освоения иноязычной общественно-политической лексики и способы их преодоления на занятиях по РКИ

Трудности изучения общественно-политической лексики при обучении иностранному языку (в том числе РКИ) обусловлены наличием в ее составе следующих лексических групп, выделенных в рамках данной статьи: тер-

мины, клише и штампы, омонимы, паронимы, фразеологизмы, метафоризованная лексика, экзотизмы.

При работе с общественно-политической лексикой в иноязычной аудитории необходимо уделять внимание, в первую очередь, ее семантизации, представляемой преимущественно в виде лингвокультурологического комментария (а также других способов), упражнениям на отработку лексической сочетаемости и свободное употребление рассматриваемой лексики за пределами изучаемого текста.

Оптимальными способами семантизации новой общественно-политической лексики, с нашей точки зрения, являются следующие:

- перевод (уместен при работе с такой группой ОПЛ, как общественно-политическая терминология, а также может применяться для раскрытия значения компонентов паронимических пар);
- приведение антонима/синонима (можно рекомендовать для использования в случае разграничения значений омонимичных слов, а также в качестве семантизации идиоматических и образных выражений);
- словообразовательный анализ (применим к лексемам с выраженной внутренней формой);
- приведение родового слова;
- наглядность;
- языковой контекст и языковая догадка;
- дефиниция и толкование;
- лингвокультурологический комментарий.

Баранчеева Екатерина Игоревна,

д. ф. н., доц., Новосибирский государственный технический университет

Городской конкурс по русскому языку
для иностранных студентов Новосибирска:
опыт проведения, цели и перспективы

Внеаудиорная деятельность, которая предлагается иностранным студентам, изучающим русский язык на разных этапах, не должна, на наш взгляд, ограничиваться самостоятельной работой по подготовке к аудиторным занятиям, выполнением домашней работы, работой в электронной университетской обучающей среде. Традиционно в учебных планах выделяются часы на так называемую «социокультурную адаптацию иностранных студентов», и преподаватели, работающие с группой, самостоятельно решают, чем заполнить эти часы. Коллектив кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) в 2002 г. принял решение организовать и провести городской конкурс для иностранных студентов, обучающихся в разных вузах Новосибирска. Городской конкурс называется «Я говорю по-русски»: он проводится уже в течение 12 лет, конкурс стал традицией и вошел в план ежегодной деятельности по социокультурной адаптации иностранных студентов нашего вуза (НГТУ) и вузов-партнеров. Целью нашего конкурса является повышение мотивации к изучению рус-

ского языка как иностранного, развитие коммуникативной и социокультурной компетенции у иностранных учащихся, знакомство со студентами из разных стран и реализация творческого потенциала иностранных учащихся. Конкурс можно считать большим методическим проектом, проводимым в рамках города, а подготовка к конкурсу уже стала одним из обучающих средств для преподавателей РКИ города Новосибирска. Основным методическим посылом, отправной точкой для организаторов конкурса стала идея о перемещении акцента в работе преподавателя на продуктивную учебно-познавательную деятельность учащихся и развитие его личности с позиции концепции «коммуникативного обучения и получивших признание социокультурного и личностно-деятельностного подходов к обучению» [Щукин, 2011: 17].

Бондаренко Александра Александровна,

к. п. н., доц., СГУПС

Дневник на занятиях по русскому языку как иностранному

Началом работы над личным дневником является формирование у иностранных студентов мотивационной сферы: зачем нужен личный дневник, как он будет влиять на собственный уровень владения русским языком как иностранным? Иностранцам чрезвычайно важно понять цель такой совсем не простой для них работы. Становление мотивации зачастую достаточно долгий и трудный процесс. Имеющее традиционное представление о личном дневнике побуждает иностранных студентов идти по наимпростейшему пути: передавать события того или иного дня в хронологическом порядке. Такого рода дневниковые записи представляют собой почасовой отчет о том, чем занимался студент в течение дня: «встал — умылся — позавтракал — пошел в университет — вернулся в общежитие — поужинал — лег спать», причем указывается точное время того или иного дела. Словом, идет ежедневный тренаж в применении практически одних и тех же грамматических моделей, одного и того же лексического поля. Задача преподавателя, взявшего дневник как форму обучения РКИ, заключается, на наш взгляд, в том, чтобы настроить иностранных студентов на такое ведение дневника, которое способствовало бы и развитию личностных качеств, и стимулированию творческого начала, и расширению его кругозора. «Тот, кто учится не размышляя, впадает в заблуждение», — говорил Конфуций. Опыт преподавания РКИ убеждает нас в том, что ведение личного дневника на русском языке именно в техническом вузе, где число учебных часов на нашу дисциплину не отличается достаточной полнотой, можно считать обязательным условием эффективности. Именно дневник позволяет решить не только узкопрактическую задачу совершенствования языковых и речевых умений иностранных студентов, но и задачу становления личности специалиста в процессе получения высшего образования за рубежом.

Вишнякова Светлана Алексеевна,
д. п. н., проф., Смольный институт Российской академии образования

Николаева Светлана Георгиевна,
соиск., Смольный институт Российской академии образования

Метод моделирования типовых моделей предложения научно-учебного текста

Целью данных тезисов является показать гносеологические особенности и приемы метода моделирования типовых моделей предложения научно-учебного текста. Обозначенный метод является частнометодическим, опирается на характеристики общенаучного метода моделирования — *гносеологические функции* (отобразительную и получения новых знаний о замещаемом объекте) и *свойства* модели. При моделировании типовой модели предложения следует соблюдать условия, обязательные для любого моделирования. *Условие отражения* предполагает отражение определенных типовых моделей предложения в соответствующих типовых фрагментах научно-учебного текста. Специфическое условие — корректное употребление типовых моделей предложения, обусловленное учетом валентности лексических единиц. *Условие репрезентации* — это способность замещать предложение в его основных структурно-смысловых связях. Условие *экстраполяции* означает, что модельный образ типового предложения помогает восстановить содержательную сущность предложения, главные структурно-семантические связи, помогает в развитии информации типового фрагмента текста. При моделировании предложения используется общенаучные частнонаучные логические приемы. Распространенным общенаучным приемом данного метода является *прием* сравнения. При работе над типовыми моделями научного текста могут преследоваться разные цели сравнения: установление синонимического сходства типовых моделей предложения; установление целесообразности антонимического употребления типовых моделей предложения; выяснение сходства и различия типовых моделей предложения по признакам синтаксической и лексической сочетаемости. Анализируемый метод используется при моделировании готового текста в целях оптимизации его пересказа и при создании монологического высказывания на научную тему.

Глазкова Татьяна Вацлавовна,
к. культ., доц., Российская академия музыки им. Гнесиных

Язык специальности на уроке русского языка как иностранного в музыкальном вузе: культурологический аспект

Представляется весьма продуктивным в связи с культурологическим аспектом изучения языка специальности на уроках русского языка как иностранного обратиться к понятию «дискурс». Данное понятие позволяет расширительно толковать предлагаемые студентам тексты, опираясь имен-

но на контекст (как языковой, так и культурный), в котором существует та или иная лексема или синтаксическая единица. Необходимость восприятия языкового элемента и шире — явления в контексте, т. е. особом языковом окружении, ставит перед участниками коммуникации задачи культурологического порядка (обуславливая потребность, в частности, при изучении языка специальности, в знании о культуре, внутри которой было создано то или иное произведение). При работе над текстом по специальности возникает необходимость привлечения комплекса подходов и приемов: привлекается материал, знакомый студенту по курсу истории музыки; используется междисциплинарный подход (лексика из арсенала психологии, общей и музыкальной педагогики, искусствознания); лингвокультурологический подход проявляется в сопряжении культурного смысла художественного образа с использованием эмоционально-экспрессивной и оценочной лексики при построении высказывания, куда включается музыкальная терминология; в связи с тем, что автор использует для доказательной базы своих идей сравнения из других областей искусства, культурно-исторический комментарий также расширяется; наличие сравнений из повседневной жизни также требует своего культурологического комментария. Данные проблемы поднимаются, в частности, при обращении к тексту книги Г. Г. Нейгауза «Об искусстве фортепианной игры». Работа со студентами-вокалистами над произведениями русского репертуара требует особого подхода педагога. Трудности работы над фразой у студентов-иностранцев связаны с непониманием ее лексического значения. В таком случае необходимо провести лингвокультурологический анализ фразы, объяснив студенту, о чем идет речь.

Кирова Марина Юрьевна,

к. п. н., преп., Университет им. Блеза Паскаля (г. Клермон-Ферран, Франция)

Опыт использования песенных материалов при обучении русскому языку как иностранному

В докладе представлен опыт использования песенных материалов в процессе преподавания русского языка как иностранного во франкоязычной студенческой аудитории. Первая часть содержит положения, раскрывающие цели и задачи обучения русскому языку на материале песен и критерии отбора материала.

Использование песенных материалов может выступать эффективным способом обогащения УМК по русскому языку как иностранному, способствующим реализации обучающей, образовательной и развивающей целей. Обучающий аспект песенных материалов заключается в том, что они способствуют развитию и совершенствованию навыков и умений во всех видах речевой деятельности, позволяют достичь точности в артикуляции, ритмике и интонации, обогащают словарный запас и закрепляют использование грамматических конструкций в речи, а также способствуют реализации коммуникативных задач. Образовательная функция песенных

материалов направлена на формирование социокультурной компетенции обучающихся.

Песни также выполняют развивающую функцию, содействуя эстетическому воспитанию студентов и раскрытию их творческих способностей. Пение активизирует функции голосового и дыхательного аппаратов, развивает слух и память, снижает утомляемость за счет эмоционального настроя. Песня вносит в процесс изучения языка элемент разнообразия, праздничности, оказывая положительное влияние на эмоциональную сферу учащихся. Для оптимального использования песенного материала на занятиях необходимо, чтобы он соответствовал определенным критериям отбора: учет интересов обучающихся, языковая и лингвострановедческая ценность; актуальность и информативность. Вторая часть доклада отражает технологию работы на примере одной из русских песен. Представлен ее текст, видеоклип, задания и упражнения на понимание, усвоение и активизацию материала.

Кряжева (Кузьмина) Надежда Иннокентьевна,
д. ф. н., доц., Университет им. Блеза Паскаля (г. Клермон-Ферран, Франция)

Учебные пособия по русскому языку во Франции
конца XIX – начала XX в. (из истории преподавания)

Русский язык проникает в систему среднего и высшего образования Франции к концу XIX в. С открытием славянских кафедр в Коллеж де Франс, Высшей школе восточных языков и с введением уроков русского языка в нескольких парижских лицеях. Это происходит в атмосфере «русофильства» — сближения с Россией после поражения во франко-прусской войне 1870 г. и с заключением франко-российского альянса в 1892 г.

Вместе с тем, место и статус русского языка в системе образования остаются весьма неопределенными. Относясь к новейшим языкам, изучение которых во Франции данного периода сводилось к утилитарным целям, игнорирующим их общеобразовательный и культурный потенциал, русский язык был малопривлекательным, его изучение не вело к диплому бакалавра и не давало профессионального выхода.

В то же время его репутация как языка трудного обусловила его включение лишь в программы лучших классических лицеев и высшей школы в качестве элемента элитарного образования. В указанных условиях вопрос об учебных пособиях приобретал особую важность, от него зависело будущее этого языка во французской школе.

Анализируемые учебные пособия первых русистов — талантливых ученых и педагогов Ш.-Ф. Рейфа и Л. Леже (1878), В. Жаклара (1897), П. Буайе и Н. Сперанского (1905), созданные под влиянием концепции преподавания иностранных языков, разработанной в России, и «примиряющей» классические и новые языки, обеспечили русскому языку укрепление позиций и обретение им в системе образования официального статуса.

Лобский Алексей Сергеевич,
преп., Университет Ювяскюля (Финляндия)

Использование «телевизионного формата» при обучении устной речи на уроках РКИ

Телевидение сегодня является одним из самых популярных средств массовой информации, что подтверждается статистическими данными России и Финляндии. Современное телевидение не только отражает политическое, экономическое, культурное состояние общества, но и стремится к созданию так называемой собственной реальности, влияет на различные сферы деятельности человека и, в частности, задает определенные модели коммуникативного поведения, телевидение также остается главным и самым надежным источником получения информации. Традиционным стало использование телевизионных программ в качестве аутентичного культурно-страноведческого материала при обучении иностранному языку, в первую очередь это аудирование: просмотр и обсуждение теленовостей, ток-шоу, рекламных роликов, фрагментов различных телепередач. Однако нам представляется, что телевизионные модели общения могут также действовать в роли коммуникативно-речевых ситуаций, которые инициируют процесс общения и оказывают влияние на развитие этого процесса. В статье будет описан именно такой опыт использования моделей телевизионной коммуникации (в частности, формата новостной программы). Как показывает практика, для многих обучаемых такие упражнения являются довольно сложной задачей, при выполнении которой необходимо учитывать множество лингвистических и экстралингвистических факторов, зато успешное выполнение подобных заданий повышает эффективность формирования коммуникативных навыков у иностранных студентов.

Московкин Леонид Викторович,
д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Опыт систематизации знаний в области инновационных технологий обучения русскому языку как иностранному

1. Основная особенность инновационных технологий обучения второму языку состоит в том, что они обеспечивают овладение языком в процессе осуществления какой-либо деятельности: исследовательской (проектные технологии), игровой (игровые технологии), экскурсионной (музейные технологии), учебной и профессиональной (проблемные технологии), режиссерской и актерской (театральные технологии) и т. д. Эта особенность сближает указанные инновационные технологии с коммуникативными, которые также предусматривают овладение русским языком в процессе деятельности — коммуникативной деятельности (поведения) или общения. Можно считать, что коммуникативное обучение по своей сути также инновационное. Впрочем, все указанные выше технологии так или иначе связаны с общением. Инновационные тех-

нологии предлагают то же общение, только не на бытовые, а на более серьезные темы.

2. Инновационные технологии предусматривают не прямое обучение языку. Некоторые ученые полагают, что русский язык при этом усваивается произвольно, и не предлагают каких-либо особых приемов работы над языком. Отсюда идея о том, что не нужны языковые упражнения при коммуникативном обучении, в 1970-е годы об этом писал Е. И. Пасов. Практика преподавания не подтвердила правильности этой идеи. Современные концепции инновационных технологий обучения русскому языку также часто не предлагают каких-либо особых приемов обучения языку. Это плохо.
3. Обучение какой-либо деятельности на русском языке недостаточно для овладения русским языком. Нужна дополнительная работа над языком. Прежде всего работа над лексикой и грамматикой, в некоторых случаях над произношением и письмом. Какой должна быть система этой работы, до сих пор неясно. Но ясно, что нужны не только коммуникативные упражнения, но и языковые.
4. Все инновационные технологии — это не технологии формирования речевых умений, а технологии их развития. Чтобы их вводить в процесс обучения, нужно иметь учеников, уже немного владеющих языком.

Напольских Мария Рафиковна,

асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Использование тандемного метода в подготовке к экзамену ТРКИ-1

Подготовка к сдаче сертификационных экзаменов на сегодняшний день является важной составляющей в изучении иностранного языка. В фокусе данного исследования находится вопрос о том, каким образом использование дистанционного тандема может помочь в подготовке к экзаменам ТРКИ-1 (русский язык как иностранный) и TestDaF (немецкий язык как иностранный) и в каких случаях это наиболее оправдано.

Так как в большинстве случаев занятия в тандеме являются частью языковых курсов, нам представляется вполне оправданным применение тандема в подготовке к сертификационным экзаменам по иностранному языку (в данном случае TestDaF и ТРКИ-1) участниками с примерно одинаковым уровнем языка (в рамках ступени В1—В2 Европейской шкалы владения иностранным языком). Тандемные занятия позволяют не только компенсировать недостаток устной и письменной практики на занятиях по подготовке к экзамену, но и индивидуализировать процесс обучения, сконцентрироваться на личных трудностях каждого участника, а также получить дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка. Сертификационные экзамены TestDaF (немецкий как иностранный) и ТРКИ-1 (русский как иностранный) имеют в силу своей специфики много общих черт.

Занятия в тандеме по подготовке к сертификационным экзаменам проходили следующим образом: тандемные пары встречались два раза в неделю по два часа (по часу на каждый язык) в течение месяца, встре-

чи осуществлялись с помощью программы Skype (базовая) и других на выбор участников. В течение этого времени участники тандема должны были совершенствовать свои умения в говорении и письме, а также выступать консультантами по своему родному языку для своих партнеров. Тандемные встречи проходили по определенному сценарию, при этом использовались пробные варианты экзаменов TestDaF и ТРКИ-1, а также специально подготовленные рабочие листы по подготовке к блокам «Письмо» и «Говорение».

Парецкая Марина Эдуардовна,

ст. преп., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Лингводидактическое описание учебника русского языка для иностранных учащихся 1–2 курсов

1. Мотивом создания нового учебника для иностранных учащихся-нефилологов гуманитарного профиля 1–2 курсов, а также для иностранцев, изучавших русский язык на родине и готовящихся к поступлению в магистратуру или аспирантуру в российских вузах, стала осязаемая необходимость модернизации текстового корпуса и систематизации лексико-грамматического материала с целью повышения качества образовательного процесса в иноязычной аудитории.
2. Задания учебника разработаны как на базе традиционных методик преподавания РКИ, так и с учетом современных тестовых технологий.
3. Основная цель учебника — совершенствование коммуникативной компетенции учащихся во всех видах речевой деятельности в общенаучной и социально-культурной сферах общения. На основе заданий развиваются навыки восприятия на слух информации, необходимой для адекватного речевого поведения в социуме. Тексты для чтения (публицистические, художественные), аудиоматериалы и видеосюжеты объединяются вокруг разговорной темы. Их тематическая актуальность вызывает у обучаемых желание высказывать свое мнение по рассматриваемым проблемам, что способствует развитию навыков монологической и диалогической речи. В учебнике предусмотрено обучение деловому письму и созданию вторичных текстов научного стиля речи. Также преследуется цель обучения иностранных учащихся русской интонации, лексике, словообразованию, морфологии и синтаксису на основе государственных образовательных программ и стандартов.
4. Главным принципом представления грамматического материала является сочетание структурно-семантического и функционально-коммуникативного аспектов его описания. Теоретические положения сопровождаются системой тренировочных упражнений: от наблюдения за использованием языковых единиц и их анализа через подстановку и трансформацию до выхода в продуктивную речь. В каждом разделе учебника учащимся предлагается самостоятельная работа.
5. Особое внимание в учебнике уделяется изучению языковых средств и механизмов слово- и формообразованию.

Соколова Екатерина Валерьевна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Обучающий потенциал курса учебного перевода в группах англоязычных стажеров

В группах стажеров программы Совета международных образовательных обменов США, проходящих краткосрочное аспектное обучение в СПбГУ с 1967 года, традиционно преподается перевод. При этом перевод (с английского языка на русский) выступает не в качестве цели обучения, а в качестве средства обучения РКИ. Учебный перевод включается в набор преподаваемых аспектов после первого семестра обучения в СПбГУ, когда стажеры достигают, как минимум, первого сертификационного уровня владения языком и уже знакомы с основными различиями систем родного и изучаемого языков. В задачи курса входит обобщение и систематизация знаний в области грамматики, лексики, коммуникативной перспективы высказывания. Курс позволяет учащимся подняться на уровень синтеза имеющихся у них знаний разных системных уровней. В докладе рассматривается широкий спектр языковых явлений, которые могут быть отработаны и закреплены в рамках курса, в частности, образование императива и употребление видов в императиве, употребление видов в инфинитивных конструкциях, особенности русских бытийных конструкций, специфика выражения посессивности, выражение отрицания, способы выражения неопределенности и обобщенности субъекта, выражение сравнительных отношений, специфика русских пассивных конструкций и т. п.

Яковлева Татьяна Леонидовна,
к. п. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К вопросу об уровнях методической системности в преподавании РКИ

Научное обоснование преподавания русского языка как иностранного (как и любого другого языка) предполагает методическую системность, на каждом уровне которой принимаются решения в зависимости от высшего уровня. То есть за каждым методом как системой конкретных приемов обучения стоит совершенно определенная общепедагогическая и психологическая концепция — определенная методологическая база. К уровням методической системы, с точки зрения отечественных психологов, относятся: а) методологический уровень, основными принципами которого являются активный характер деятельности человека как объекта обучения и единство сознания и деятельности; б) уровень метода, содержащего объективные требования к учебному процессу; в) уровень методических приемов обучения. Методическая системность, по мысли А. А. Леонтьева, должна представлять собой не реализацию абстрактных и изолированных дидактических принципов, а систему, построенную по иерархическому принципу от высшего к низшему. При этом ни один из компонентов этой системы, соответствующий «низшим» уровням, не должен всту-

шикарнитет). Довольно частотны иностранные заимствования (в основном англицизмы), написанные кириллицей (диар френдз, оукей и пр.), диминутивы, подражание детской или неправильной речи (*фафкучилась* вместо *соскучилась*; *низя* вместо *нельзя*). Наблюдаемые тенденции могут послужить базой исследований речевого и психологического портрета современного носителя языка.

Зиновьева Анна Сергеевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Иноязычные глагольные заимствования конца XX – начала XXI вв. как объект комплексного лингвистического описания.

1. В период конца XX – начала XXI вв. в русском языке наблюдается интенсивный процесс активизации иноязычного заимствования. Наряду с другими особенностями данного периода заимствования отмечают также повышенную активность производства глаголов от иноязычных слов.
2. Как показывает анализ научной литературы, заимствованная глагольная лексика в отличие от других частей речи не являлась до сих пор объектом комплексного лингвистического описания в силу разных причин.
3. Основную часть иноязычных глаголов, как показывает материал, составляет производная глагольная лексика англоязычного происхождения. Непосредственно заимствуемых глаголов, получающих соответствующее оформление русскими глагольными суффиксами, значительно меньше.
4. Далеко не все словообразовательные гнезда, образованные в процессе иноязычного заимствования, имеют в своем составе глагол. Появление глагола в таком словообразовательном гнезде возможно при определенных лексико-семантических условиях и характеризует высокую степень освоенности и актуальности ядерной заимствованной лексики и ее производных в русском языке.
5. При встраивании в языковую систему русского языка иноязычные глагольные неологизмы приобретают ряд семантических, грамматических, стилистических и словообразовательных свойств, а также определенные парадигматические особенности.
6. В рамках анализа заимствованной глагольной лексики актуален вопрос о синтагматических свойствах неологизмов. Встраиваясь в лексическую систему языка-реципиента и входя в состав различных лексико-семантических групп, иноязычные глагольные неологизмы, как правило, «перенимают» синтагматические свойства, присущие синонимичным глаголам, но в ряде случаев приобретают и свои особенности.
7. Многоаспектное лингвистическое описание новейшей глагольной лексики может принести как некоторый вклад в теорию неологии в целом, так и наметить некоторые пути ее практического изучения и применения на занятиях по русскому языку, в том числе и как иностранному.

Иванов Сергей Юрьевич,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Конъюнктив в иностранной аудитории

Грамматическая характеристика глагольных форм типа *Я хочу, чтобы ты ответила; Дали бы сейчас горячую воду!; Прийти бы ему пораньше* в пособиях по русскому для иностранцев далека от ясности в отличие от других модальных форм русского глагола. Следствием этой неясности является то, что из всех предикативных форм хуже всего иностранцы усваивают условное наклонение. Возможны две причины данной ситуации. Во-первых, маркировка условного наклонения смещена из морфологической сферы в синтаксическую. Во-вторых, условное наклонение располагает скудными собственными показателями. Единственным претендентом на роль такого показателя выступает частица *бы*, однако ее грамматический статус неустойчив. При союзе *чтобы* она считается частью союза, а не глагольной формы. Проблематика условного наклонения оказывается расщепленной между союзами и глаголами. Формальная специфика условного наклонения не ослабляет его положения как граммема объективной модальности.

Именно благодаря тесной связи с синтаксисом и разнообразным модальным оттенкам, выражаемым данным наклонением, оно имеет важное значение в преподавании русского как иностранного. В порядке грамматической реабилитации условного наклонения для РКИ предлагаются следующие шаги. Во-первых, для обозначения данного наклонения ввести единый термин *конъюнктив*, удобный своим международным характером и приспособленностью к терминологическому ряду: *инфинитив — индикатив — императив — конъюнктив*. Во-вторых, признать конъюнктив единым наклонением, противопоставленным индикативу, императиву и инфинитиву (неважно, является ли последний наклонением) и ввести соответствующую тему в пособия по русскому языку. В-третьих, разработать типологию конъюнктива, включающую: а) по форме, конъюнктив претеритального и инфинитивного типа: *пришел бы vs. прийти бы*; б) по употреблению, конъюнктив в главном и придаточном предложении. Утвердив тему конъюнктива как грамматическую, обеспечить переход к освоению его периферийных форм типа *Воды бы сейчас!*

Ласкарева Елена Ромуальдовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексическая сочетаемость и «степень свободы» в иностранном языке

1. Лексическая сочетаемость — своеобразный «пик» языковой и речевой компетенции при изучении иностранного языка. Именно с лексической сочетаемостью связано не менее 90% ошибок при изучении русского языка иностранцами — и это при очень высоком уровне владения языком. Ошибки у иностранцев неизбежны, если они никогда ранее не изучали тему «Лексическая сочетаемость».

2. Лексическая сочетаемость может изучаться как в рамках грамматики (как высший этап при изучении «банальной» темы «Падежи»), так и в лексической стилистике: в частности, должна быть рассмотрена сочетаемость синонимов, паронимов и фразеологических единиц. Автором составлены рекомендации и практические задания по лексической сочетаемости для курса русского языка.
3. Проанализирован ряд ошибок, допускаемых учащимися, представлена типология ошибок по картотеке автора.

Лыпкань Татьяна Витальевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Фонетическое оформление речи на родном языке русских эмигрантов четвертой волны в Германии

1. Данное сообщение посвящено описанию реального корпуса фонетических, фонологических, акцентологических и интонационных нарушений в устной речи русских эмигрантов четвертой волны, проживающих на территории Германии. Это сообщение имеет важное практическое и теоретическое значение, так как оно связано с рядом проблем теории языка: социолингвистикой, этнолингвистикой, психолингвистикой, взаимодействием разных языков, с факторами, способствующими сохранению языка в окружении других языков, выявлением разной степени устойчивости фонологического компонента языковой системы в условиях иноязычного окружения.
2. Выбор четвертой волны эмигрантов из Германии в качестве информантов данного исследования представляется неслучайным и обусловленным рядом причин. Такие мигранты есть во многих странах мира, но особенно много их в Германии: это так называемые «русские немцы», т. е. немцы, вернувшиеся на свою историческую родину из Поволжья, Казахстана, Сибири и их дети, переехавшие в Германию в раннем детстве или родившиеся там. Русскоязычная диаспора в Германии уступает по численности лишь местной турецкой и значительно превосходит русскую диаспору в таких странах, как США и Израиль.
3. Многие мигранты этой волны не относятся к русскому языку бережно, немногие из них стараются передать язык своим детям, читать книги, смотреть телевидение и фильмы на родном языке.
4. В речи русских мигрантов наблюдаются яркие нарушения русской интонации, фонетические, фонологические, акцентологические нарушения, обусловленные действием как межязыковой фонетической, так и внутриязыковой интерференции. Специфика фонетического, просодического и интонационного оформления речи в обоих языках, а также не владение / недостаточное владение орфоэпическими и акцентуационными, интонационными нормами русского языка приводят к многочисленным нарушениям в фонетическом оформлении речи на родном языке русских мигрантов четвертой волны.
5. Результаты данного исследования можно использовать в практике преподавания русского языка для мигрантов.

Мирошникова Марина Григорьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

К проблеме восприятия «сложного синтаксиса» современной русской художественной прозы в практике преподавания РКИ

1. Вопросам языковой «сложности» современных художественных текстов в последние десятилетия посвящены исследования многих русистов. Вслед за Т. Н. Марковой многие исследователи обращают внимание на тот факт, что современных писателей интересует больше не та или иная идея художественного текста, а эстетическая доминанта, которая «проявляется в особом внимании к языку, к тому, как, с помощью каких языковых средств выражена мысль».
2. Основной языковой особенностью современной художественной прозы является одновременное использование книжной лексики, просторечий, жаргона и даже фонетических искажений, ведущее к смешению различных стилей. Наряду с лексикой следует отметить и различные синтаксические изменения текстов русских авторов конца XX — начала XXI веков.
3. Обращаясь к разговорным конструкциям современной прозы, традиционное внимание уделяется парцелированным, эллиптическим и контаминированным структурам. Особого внимания заслуживает и повышение функции модальности, которая приводит к усложнению синтаксической организации художественного текста и увеличению информативного объема предложения.
4. В представленном докладе предпринята попытка описания основных механизмов адаптации моделей разговорного синтаксиса к условиям художественного текста.
5. Изучение элементов разговорного синтаксиса позволит студентам не только адекватно понимать художественный смысл изучаемого произведения, более правильно выбирать грамматические конструкции для оформления своего высказывания, но и совершенствовать навыки восприятия речи на уровне высказывания.

Морозов Максим Александрович,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

К вопросу о собственно публицистических фразеологизмах

Использование фразеологизмов в публицистике является частотным приемом, с помощью которого автор передает оценку описываемой ситуации; употребленный в контексте журналистского материала, фразеологизм являет собой пример взаимообусловленности языковой деятельности и опыта человека. Анализ газетных заголовков 2006—2013 гг., а также анализ словарей публицистики (Г. Я. Солганик, А. Б. Новиков, В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова и др.) показали, что общеязыковые фразеологизмы, которые используются в газетной публицистике, обладают,

как правило, остро-политическим содержанием и несут в себе социальную оценку. В основном, единицы используются в трансформированном виде (данную особенность диктует необходимость преодоления газетного стандарта), однако не исключается употребление фразеологизмов в нормативном виде. Публицистический стиль речи обладает собственным корпусом фразеологических единиц, который со временем пополняется так называемыми «газетными штампами» и «газетными клише». На наш взгляд, существуют фразеологизмы, которые являются яркой приметой именно газетной публицистики. Это единицы, выполняющие определенные функции (перифразы, например, помогают избежать повторов и расширить синонимию, а эвфемизмы используются с целью смягчения чего-либо негативного и манипулирования сознанием). К разряду таких собственно публицистических фразеологизмов мы относим перифразы (*большая тройка*, *мягкая сила*, *«закон Димы Яковлева»* и др.) и социально-политические эвфемизмы (*арабская весна*, *миротворческая операция*, *либерализация цен* и др.). Таким образом, фразеология публицистики состоит из общеязыковых фразеологизмов, фразеологизмов, характерных для газетной публицистики, а также из газетных штампов и клише.

Романова Наталья Юрьевна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна

Дискурс дизайна

Текст по специальности рассматривается нами как форма реализации дискурса специальности. Дискурс устроен по определенным правилам, характерным для данного языка. Чтобы учить пониманию русского дискурса дизайна, необходимо знать особенности, касающиеся как языкового материала, из которого строится дискурс, так и способов его структурирования. Формой реализации дискурса является текст, письменный и устный. Опираясь на различные типы текстов — журнальные, газетные, энциклопедические, научные статьи, художественные тексты, справочники, а также интервью и устные рассказы о дизайне, можно выявить универсальные особенности текстов о дизайне, описать общую концептуальную структуру и основные стратегии дискурса дизайна. Для обучения студентов-иностранцев интерпретации дискурса дизайна особенно важными представляются стратегии авторитета, оценочности и моделирования ситуации восприятия. Дискурс дизайна — особый тип дискурса, в котором можно выделить специфические особенности в семантике лексем, содержании концептов и способах их экспликации. Дискурс дизайна нужно рассматривать с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировосприятия, создающего особый мир. Узловые концепты, единые для всего искусствоведческого дискурса, составляют пять концептуальных областей: человек, артефакты, бытие, природа, эстетика. Ассоциативный принцип, определяющий появление того или иного концепта в дискурсе дизайна, допускает очень большую степень свободы выбора. Концептуализация знания и стратегии дискурса дизайна непосредственно связаны с глубинными структурами общеязыко-

вого мышления на русском языке. В дизайнерском дискурсе востребованы категории мышления не столько о дизайнерском объекте, сколько обо всем мире в целом. Анализ научных статей о природе дизайнерской деятельности, новых парадигмах дизайнерской практики, исследованиях в области дизайна, взаимодействии дизайнера и потребителя показал, что дизайн сейчас воспринимается прежде всего как особый вид искусства.

Селиванова Наталья Якуповна,
соиск., Российская национальная библиотека

**Количественная метафора в структуре значений
русских существительных, обозначающих природные явления,
связанные с сильным ветром**

Проблемы лексической многозначности занимают одно из центральных мест в современной лингвистической науке. Исследование механизмов семантической деривации и закономерностей работы этого механизма «позволяет восстановить связи между значениями слова и представить их как единую систему», что дает возможность осмыслить когнитивные основания полисемии как средства концептуализации нового опыта в конкретной лингвокультуре. В русском языке выделяется лексико-семантическая группа существительных, в своем исходном значении обозначающих природные явления, связанные с сильным ветром: буря, ураган, шквал, вихрь. Особое место в семантической структуре данных слов занимает количественная метафора: шквал критики, шквал звонков, буря мыслей, вихрь чувств, ураган негодования. В переносных значениях существительных анализируемой группы важное место занимают семы интенсивности и внезапности. Анализ материалов Национального корпуса русского языка позволяет выявить следующие группы употреблений, в которых реализуется количественная метафора: сочетания с абстрактными существительными (наиболее многочисленная группа), сочетания с конкретными существительными, сочетания анализируемого слова с тем и другим разрядом существительных. При этом наиболее частотны сочетания с абстрактными существительными, обозначающими эмоции или продукт интеллектуальной деятельности.

Ситникова Марина Геннадьевна,
ст. преп., Гомельский государственный медицинский университет (Белоруссия)

**Влияние родного языка на изучение местоимения *свой*
иностранными студентами**

При изучении грамматики русского языка на начальном этапе местоимение *свой* вызывает у иностранных студентов ряд трудностей.

В арабоязычных группах преобладают ошибки, вызванные интерференцией арабского языка (замена местоимения *свой* местоимениями 3-го и 2-го лица, что приводит к искажению смысла высказывания в целом: «*Брат попросил Анвара отнести сумку в его комнату*» (вместо *в свою*)).

Часто студенты употребляют местоимение *свой* вместо других притяжательных местоимений: *Брат помогает мне в своей учёбе*. Иногда арабские студенты опускают местоимение *свой*, что вызывает потерю смысла фразы: *Я часто вспоминаю город* (вместо (*свой* город)). В речи англофонов помимо подобных ошибок часто встречается избыточное употребление местоимения *свой*, вызываемое отсутствием в английском языке соответствия русскому местоимению: *она кивнула своей головой*. В хинди имеется притяжательное местоимение *арнā*, которое согласуется с существительным в роде числе и падеже (в мужском роде): *tum arnī pustak parṭhi ho?* (Ты читаешь свою книгу?) Местоимение *арнā* может употребляться самостоятельно: *yahā sab arne hī hāi* (тут все свои), что объясняет частое ошибочное употребление студентами *свой* в значении «родственник»: *Когда мой папа умер, все свои вернулись в Индию из Канады*. Наличие семантического и функционального эквивалента в родном языке позволяет студентам быстрее осознать значение и особенности употребления в речи русского местоимения *свой*. Иногда возникают ошибки, вызванные удвоением местоимения *свой* для передачи значения множественности предметов, принадлежащих субъекту речи: *Свои-свои тетради положил тут* (положил тут много своих тетрадей). Ошибочное определение грамматического рода местоимения *свой* редко.

Прогнозирование на начальном этапе РКИ возможных трудностей в употреблении инофонами местоимения *свой* способствует повышению мотивации студентов к дальнейшему изучению ими русского языка.

Сретенская Лариса Викторовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексические новообразования в аспекте РКИ (на материале языка СМИ и интернет-ресурсов)

Язык — это живая система, постоянно пополняемая за счет наименования новых реалий, понятий, предметов, явлений и т. п., либо новых оценок, даваемых уже существующим. Слова и словосочетания, которые олицетворяют нашу реальность или наше представление о ней, появляются постоянно в языке. Сегодня «создателями» таких новообразований, в первую очередь, являются работники СМИ, политические, общественные деятели, а также блогеры. Для иностранных учащихся факультета политологии такая новая лексика представляет большой интерес, но и большую трудность. Необходимость работы с текстами общественно-политического характера, в которых освещаются актуальные события, требует серьезной работы, чтобы понять их содержание, что невозможно без понимания отдельных языковых единиц. Новые слова и словосочетания передают информацию о нашем времени, образ мыслей другого народа, непривычных социальных ситуаций. Трудность представляет не только понимание и перевод внешней формы слов или словосочетаний (духовные скрепы, Госдурa), но, прежде всего, того комплекса значений, смыслов, аллюзий, скрытых в них (евромайдан, чемайдан, хомячки).

Талис Ольга,

асп., Псковский государственный университет

Лингвометодические аспекты сопоставления разносистемных языков (на материале русских и эстонских словообразовательных моделей)

Актуальность разрабатываемой нами темы определяется недооцененностью роли словообразования в преподавании русского языка учащимся-эстонцам. Механизм транспонирования значений одной части речи в другую понимается большинством исследователей как один из способов овладения иноязычной лексикой, в то время как значимость словообразования для овладения грамматикой изучаемого языка еще недостаточно оценена в сопоставительном и лингвометодическом плане. В настоящее время имеется ряд фрагментарных наблюдений над тем, как учет тех или иных словообразовательных особенностей русского языка способствует освоению аспектов его грамматической системы инофонами. Наше исследование, с одной стороны, занимает положение в общем ряду таких работ, с другой стороны, выделяется из этого ряда в силу специфики ракурса постановки проблемы, а также путей исследования и воплощения в практике преподавания РКИ. Целью исследования является выявление лингвометодического потенциала сопоставления словообразовательных моделей русского и эстонского языков. В фокус настоящего исследования помещено именно отглагольное словообразование, поскольку девербативы (как позволяет судить сопоставительный анализ их семантики и функций) несут комплекс глагольных значений. Данное положение объясняет целесообразность сопоставления словообразовательных моделей в целях обучения русскому языку эстонских учащихся, чей родной язык отличается грамматическим строем, что предполагает активный поиск путей оптимизации изучения русской грамматики. Предлагаемый подход в обучении грамматике, назовем его интегрированным, позволит учащимся более системно и целостно воспринимать изучаемый язык. Сопоставление словообразовательных моделей позволит обозначить возможную интерференцию, а также создаст предпосылки к ее преодолению.

Хаджихалилович Сандра Сеядовна,

д. ф. н., н. с., Задарский университет (Хорватия)

Обучение и преподавание РКИ в сопоставлении с обучением и преподаванием хорватскому как иностранному

В докладе обсуждаются проблемы преподавания русского языка хорватским студентам и хорватского языка русским студентам. Одна из самых главных трудностей при обучении языковым уровням чужого языка — не овладение чужим, а борьба со своим. Их усвоение невозможно без сопоставления с их усвоением в родном языке, например, усвоение звуков русского языка для хорватских студентов изучается сопоставительно со звуками хорватского языка и наоборот (т. к. фонемный состав русского языка шире фонемного состава хорватского языка). Таким образом усва-

ивается четырехакцентная система хорватского языка сопоставительно с динамическим акцентом в русском языке. Несмотря на то, что русский и хорватский — славянские языки, похожий один на другой, это является проблемой в их усвоении. Проблемами как усвоения РКИ, так и в обучении РКИ на фонетическом уровне являются: редукция гласных, интонационная система, произношение некоторых звуков; на морфологическом уровне: образование причастий и деепричастий, и их перевод; проблемами усвоения ХКИ на фонетическом уровне являются усвоение четырехакцентной системы и орфографических правил. Изучение грамматики проводится путем сопоставления грамматических систем двух языков следующим образом: сначала проводится терминологическое сопоставление в языках, определяются сходные и отличные черты в определении и характеристике изучаемого языкового явления.

СОИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

**Коннотативное поле слова как отражение
национально-специфической картины мира**

Мы разделяем мнение О. Корнилова, что «картинообразующая» функция национального языка, заключающаяся в формировании в коллективном языковом сознании целостного представления народа о мире, в формировании его уникальной «точки зрения» на мир стоит особняком среди множества выполняемых языком функций [Корнилов, 2000]. При этом коннотация как лингвистическая, культурная и ментальная универсалия в течение многих столетий оставалась за пределами внимания исследователей: в объектив лингвистических, психолингвистических, культурологических и др. исследований попадали лишь частные проявления свойств коннотации, такие как дополнительные значения, актуализируемые дискурсом, или «оттенки» смысла («обертонны»), проявляющиеся в конкретном контексте. Основная позиция предлагаемой нами концепции заключается в том, что каждое слово, присваиваемое человеком в процессе развития его личности, воспринимается им первоначально через призму коннотации как гносеологической универсалии. Полевый подход представляется наиболее продуктивным для исследования коннотации. Исследование состава коннотативного поля слова и его формирования в индивидуальном сознании основано на теоретических положениях о символичности и коннотированности языка [Бурукина, 2006]. Коннотативные поля разных слов обуславливают, на смысловом уровне, сочетаемость слов в национальных языках, и процессы, формирующие восприятие индивидом слов национального языка, в том числе сознательно управляемые, также представляют собой интереснейшее поле для исследования. Ассоциации разных уровней, различные виды стереотипов и др. компоненты коннотативного поля слова образуют не только те дополнительные значения

или дискурсивно актуализуемые оттенки смысла, но нередко выполняют в сознании индивидов и основную смыслообразующую функцию, формируя ядро значения слова. Коннотативное поле слова отражает национально-специфическую картину мира как производное коллективного сознания и индивидуальную картину мира как производное сознания индивида.

Довголюк Михаил Николаевич,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Армия в языковом сознании российских военнослужащих

Среди других методов реконструкции языкового сознания одним из самых эффективных инструментов, позволяющих «прикоснуться» к ментальному лексикону, языковой картине мира, культурным установкам языкового сознания, оказывается метод ассоциативного эксперимента. Под языковым сознанием мы вслед за авторами Словаря лингвистических терминов О. С. Ахмановой понимаем «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка». На примере ассоциативно-вербального поля «Армия» иллюстрируется возможность реконструирования фрагмента языковой картины мира. С целью получения представления об армии «изнутри» были проанализированы реакции на стимул *армия* военнослужащих, принадлежащих к разным возрастным группам. Родной язык всех испытуемых — русский. Цепной эксперимент проводился в письменной форме. В задании нужно было на предъявленное слово-стимул «армия» отреагировать любым количеством первых пришедших в голову реакций (слов, словосочетаний и т. п. — без ограничения их формальных и семантических особенностей). Полученные в ходе эксперимента результаты позволяют выделить ядро ассоциативно-вербального поля «Армия», которое в языковом сознании российских военнослужащих представлено следующими реакциями (в скобках через дробь приводится индекс частотности — количество реакций курсантов и военнослужащих старшего поколения). Эмпирический аспект: *устав* (6/0), *офицер* (5/1), *форма* (4/2), *присяга* (3/3), *наряд* (5/0), *казарма* (5/0), *строй* (5/0), *солдат* (4/1), *служба* (3/2), *война* (3/1). Эмоционально-оценочный аспект: *дисциплина* (6/4), *порядок* (4/6), *защита страны* (4/5), *дедовщина* (3/1), *долг* (3/1), *честь* (3/1), *победа* (0/3). Проведенный ассоциативный эксперимент позволил выявить сходства и различия в концептуализации представления об армии в рамках одной социокультурной общности.

Козаченко Полина Александровна,

асс., Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения

Сравнительный оборот как объект лингвокультурного анализа

Сравнение — один из древнейших видов интеллектуальной деятельности, поскольку оно необходимо для познания нового. Человек «вписывает» себя в пространство мироздания, перенося характеристики и свойства его

элементов на себя. Как указывает М. Фуко, сравнение — «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания <...> и гарантирующий богатство его содержания» [Фуко, 1994: 66]. В филологии сравнение анализируется как один из тропов: «сравнение — троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака» [Розенталь, Теленкова, 1976: 459—360]. Сравнение может быть выражено разными способами: *сравнительным оборотом, метафорой*. Наше исследование посвящено изучению фрагмента лингвокультурного пространства, представленного наиболее частотными сравнительными оборотами, основным компонентом которых являются флоризмы, т. е. названия растительного мира, активно используемые в современном русском языке для характеристики человека. Растительный мир существует в сознании людей в форме образов, которые находят отражение в языке в виде отдельных тематических групп лингвокультурного пространства, т. е. национального культурного пространства, отраженного в языке (названия цветов, кустарников, деревьев, грибов, а также частей растений: ствол, корень, сук, стебель, ветка, шляпка). Эти образы являются следствием того, что человек воспринимает объекты окружающего его мира ассоциативно. Сравнимые объекты (человек-дерево) могут принадлежать совершенно разным сферам объективной реальности и в окружающей нас действительности не являться смежными или связанными. Связывает их вместе на основании схожего признака наше сознание, ассоциативность человеческого мышления. Ярким примером тому служат флороморфизмы — названия растительного мира, характеризующие человека, которые чаще всего выражены сравнительными оборотами и метафорами.

Лебедев Владимир Кузьмич,

к. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Русские писатели и магия числа двадцать восемь

В канонах нумерологии утверждается, что дата рождения человека имеет сакральный смысл и оказывает огромное воздействие на его судьбу. Рассмотрим это на примере жизни известных русских писателей. Обратимся при этом к числу 28, которое, по мнению адептов нумерологии, входит в формулу Единства Мира и влияет на ход истории, в частности тем, что 28-го рождаются знаменитые люди. Действительно, 28 числа по старому стилю родились И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой; 28-го по новому стилю — А. Григорьев, Вяч. Иванов, М. Горький, М. Волошин, А. Блок, В. Ходасевич, А. Платонов. Самым примечательным является отношение к числу 28 Л. Н. Толстого. Он часто вводил его в свои произведения, неоднократно говорил и писал о том, что это счастливое для него число, и старался перенести на 28-е дела, которые считал особенно важными. С другой стороны, 28-го умерли Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, И. А. Бродский, в ночь с 27 на 28 повесил-

ся Сергей Есенин. «Я боюсь 28 числа <...> и уже избегаю его», — писал в статье, посвященной памяти Иосифа Бродского, Андрей Битов. Кто-то рождался, кто-то умирал, а Велимир Хлебников (28.10.1885 — 28.06.1922) и Юрий Трифонов (28.08.1925 — 28.03.1981) и родились, и умерли 28-го. «Так что же нам делать?» — любить 28-е, как Л. Н. Толстой, бояться 28-го, как А. Г. Битов, считать «совершенным» не только в математике, но и во всех остальных явлениях жизни, как нумерологи? Возможны все варианты, но главное — помнить, что число 28 связано с именами замечательных русских писателей.

Любимова Нина Александровна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Бузальская Елена Валериановна,

к. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Терминологическое микрополе «языковая личность»

Одними из наиболее ярких и востребованных понятий в современной лингвистике и лингвокультурологии являются *языковое сознание* и *языковая личность*, к ним постепенно начинают примыкать другие, менее распространенные, понятия, такие как *обыденное метаязыковое сознание* (Ростова, 2006), *русское метаязыковое сознание*, *русское лингвистическое сознание* (Голев, 2009), *этнолингвокультурное сознание* (Привалова, 2009), *русское обыденное языковое сознание* (Ким, 2009) и т. п. Нечеткость в понимании соотношений данных элементов формирующегося понятийного микрополя является частой причиной их смешения. Причин этому видится несколько. Во-первых, расхождение в содержании существующих определений данных понятий связано с преодолением логического противоречия внутри самих терминов: в сущности, наличие двух и более сознаний (или личностей) в одном человеке патологично. Несмотря на это логическое противоречие, заменить понятия описательными оборотами (например, *языковое сознание* на *область сознания, ответственная за речевую деятельность человека*) в настоящее время, скорее всего, невозможно, поскольку они уже приняты и широко используются в разных областях науки. Во-вторых, смешение дефиниций является следствием проблемы метафоризации разных терминологических компонентов понятия. Так, в понятиях *языковое сознание* и *языковая личность* — метафоризован «язык»; в понятиях *обыденное метаязыковое сознание*, *русское метаязыковое сознание*, *русское лингвистическое сознание* метафоризованы оба компонента; при этом второй компонент словосочетания — «сознание» — следует понимать уже не в качестве указания на определенную структуру психики индивида, а в значении, близком к «рефлексии» над различными объектами. В-третьих, помимо того, что *языковое сознание* часто считают синонимом к понятию *языковая личность*, понятие *языковая личность* также смешивают с *речевой личностью*, что также не допустимо.

Мильбрет Алина,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Урод в русской языковой картине мира

Под языковой картиной мира (ЯКМ) понимается реконструируемая исследователем схема восприятия действительности. Осуществляемая при моделировании того или иного фрагмента ЯКМ реконструкция заключается в извлечении и экспликации ассоциативно-образных комплексов языковых знаков, прагматического компонента их значений, задающих систему ценностных ориентаций представителей национально-лингво-культурного сообщества. Объект исследования — стереотипное представление о внешности человека, которого в русской лингвокультуре называют «урод». Материал исследования — контексты сайта «Национальный корпус русского языка» и результаты ассоциативного эксперимента. По данным толковых словарей современного русского языка, *урод* — «человек с некрасивой, безобразной внешностью». Внешность *урода* допускает вариативность. *Урод* характеризуется прилагательными *жалкий, настоящий, отвратительный, космический* — общая оценка внешности; *низкорослый, горбатый, жирный, хромоногий* — особенности фигуры; *лысый, длинноволосый* — характеристика волос. При конкретизации внешности *урода* особое внимание уделяется описанию *губ, носа, зубов, наличию/отсутствию волос, роста*. Существительное употребляется по отношению к лицам как мужского, так и женского пола. Иллюстративные контексты свидетельствуют о том, что внешность *урода* не обязательно является непривлекательной от рождения. Возможно преобразование внешности *урода* под влиянием личностных качеств. Восприятие внешности *урода* может быть субъективным. *Урод* может отличаться высоким уровнем интеллекта. Внешность *урода* не оказывает негативного влияния на успех в карьере и личной жизни. Ассоциации указывают на важность человеческих качеств: *плохой человек, негодяй*. Выделяются прецедентные феномены: *Квзимодо; Крошка Цахес; Горбун из Нотр-Дамма, роман Гюго; Гадкий утёнок; “Beauty & the Beast”, Интерны, «про Федота стрельца»* и др. Интересна оценочная этническая ассоциация — *чурка*. Оценка человека, называемого в русской ЯКМ уродом, амбивалентна.

Моисеева Яна Викторовна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологические единицы, прототипически обозначающие манеру движения, в русской лингвокультуре

В русском языке выделяется отдельный разряд кинетических фразеологизмов, значение которых отличается совмещенной омонимией. Выражение может одновременно употребляться и в прямом и в переносном значении. Под кинетическими фразеологизмами понимаются устойчивые словосочетания, в прямом значении называющие существующие в культуре жесты, позы, мимику, манеру движения. Объектом исследования являются выражения *топтаться на месте* и *ходить на цыпочках*. В русском языке

данные выражения имеют разные значения: *топаться на месте* означает «не двигаться вперед, не развиваться», а *ходить на цыпочках* — «заискивать перед кем-либо», но свободные словосочетания — прототипы этих фразеологизмов объединяются тем, что обозначают манеру движения человека. Отличительной особенностью употребления обеих фразеологических единиц является их сочетаемость с широким кругом единиц, номинирующих субъект действия: это не только существительные, называющие лицо, но и названия неодушевленных субъектов. Исследуемые фразеологизмы связаны с пространственным, антропоморфным и телесными кодами культуры. При описании анализируемых фразеологизмов в учебном словаре необходимо указать прямое значение словосочетания-прототипа и привести иллюстрации на прямое и переносное значение выражения.

Ли Цзянькунь,

к. ф. н., асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Неправда в зеркале русских паремий (на фоне китайских)

Правда — одна из самых важных человеческих ценностей — в русских паремиях противопоставлена *кривде*, *лжи*, и *неправде*. Основные ментальные установки русских и китайских паремий о *лжи* совпадают. Одинакова и оценка *лжи* в паремиях двух языков. Русские паремии превосходят китайские в количественном отношении, русские культурные установки амбивалентны: *ложь* может иногда оказаться предпочтительнее *правды*, *правда* и *ложь* взаимообусловлены. Китайские паремии более категоричны. В русской лингвокультуре, как об этом свидетельствуют паремии, *жить без лжи* нравственно, это соответствует христианским ценностям, угодно Богу. *Ложь* в русских паремиях персонифицирована (она имеет возраст, способна любить, дружить, бояться, говорить, хвастаться, двигаться — наделяется резвостью, имеет ноги). *Ложь* сопоставляется в русском паремиипространстве с такими понятиями, как *клевета* и *обман*. *Неправда*, как и *ложь*, оказывается слабее *правды*, однако русские паремии отдают иногда предпочтение «прямой» *неправде*. *Правда* и *неправда* диалектически взаимосвязаны. *Неправда* в русских паремиях противна Богу, рядоположена с понятием *греха*, в связи с этим за *неправду* полагается возмездие, наказание. Идея возмездия конкретизируется как наказание за *нажитое неправдой* богатство. *Неправда* осуждается как лицемерное поведение. Любая *неправда* рано или поздно становится явной. Русский человек очень болезненно относится к *неправде*, но паремии русского языка констатируют, что *неправда* существовала всегда, запретить говорить *неправду* невозможно. *Кривда* в русских паремиях чаще всего персонифицируется. С одной стороны, *правда* оказывается сильнее *кривды*, с другой стороны, *кривды* объективно на земле больше. Русские паремии выражают идею о том, что иногда предпочтительнее «прямая» *кривда*. В ментальных установках китайской культуры, вербализованных в паремиях, *правда* тоже оказывается сильнее *кривды*, как и в русском языке, но паремия китайского языка утверждает четкое различие между *правдой* и *кривдой*.

Свидинская Надежда Тихоновна,
к. п. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
технологии и дизайна

Культурные барьеры и их преодоление в диалоге культур

В соответствии с коммуникативно-культурологическим принципом, обучение иностранному языку рассматривается как процесс постоянного взаимодействия обучающихся с иной культурой. Это взаимодействие, осуществляемое в ходе языкового общения между коммуникантами, принадлежащими к разным культурам, требует преодоления не только языкового, но и культурного барьера.

Преодоление культурного барьера связано с необходимостью формирования в процессе изучения иностранного языка у обучающихся умения понимать и интерпретировать факты новой культуры. Рассмотрение языковой личности с культурологической точки зрения привело к появлению в научном обиходе понятия «межкультурная языковая личность».

В практической деятельности преподавателя, работающего с иностранцами, особого внимания заслуживает вопрос о том, каковы составляющие, которыми отличаются разные культуры. Это в свою очередь дает представление о том, что отличает тех, кого мы обучаем, в зависимости от их принадлежности к той или иной культуре. Таким образом, принимая во внимание тезис о том, что культуре другого народа нужно учиться, необходимо рассмотреть, знание каких особенностей разных культур позволит в процессе обучения преодолеть культурные барьеры, возникающие при межкультурном общении. Данные особенности следует рассматривать в сопоставлении с теми или иными явлениями действительности, нашедшими отражение в языковых фактах и позволяющими показать особенности восприятия мира представителями разных культур.

В процессе изучения русского языка и ознакомления с русской культурой учащиеся должны постичь особенности видения мира носителями изучаемого языка.

Урве Ая,
Нарвская Кренгольмская гимназия (Эстония)

Двухязычный учебный фразеологический словарь как одно из средств обучения русскому языку в эстонской школе

Авторы учебников русского языка для эстонской школы редко включают пословицы и фразеологизмы в задания и учебные тексты, формирующие коммуникативную или социокультурную компетенции, или же представляют фразеологический материал не системно. Фразеологизмы и пословицы не комментируются, что требует от учителя дополнительной подготовки и может привести к исключению фразеологического материала как лишнего. В данной ситуации на помощь учителю могут прийти

разработанные нами двуязычные словари фразеологизмов и пословиц. При анализе учебников нами были отобраны все встречающиеся в них пословицы, к которым совместно с сотрудниками Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета были подготовлены комментарии и примеры употребления. Фразеологизмы в учебниках русского языка оказались представленными не столь широко, поэтому в словарь фразеологизмов были включены не только отобранные таким образом обороты, но и другие коммуникативно значимые для изучаемых тем и лингвокультурологически ценные русские фразеологизмы. Словарные статьи в наших учебных словарях включают толкование, эмотивно-оценочную, ситуативную характеристику и учебный текст историко-этимологического характера. Использование специальных графических значков даёт ученику знать, имеет ли данная пословица или данный фразеологизм эквивалент в эстонском языке. В случае безэквивалентного фразеологизма или пословицы дается описательное толкование, раскрывающее его содержание. Лингвокультурологические комментарии переводятся на родной язык учащихся, как и краткое изложение этимологической версии оборота. Такого рода параллельное изучение фразеологизмов и паремий, их лингвокультурологический анализ и двуязычное комментирование позволяет развивать у учащихся не только знание другой, но и своей культуры, формировать языковую и культурную компетентность.

Хватов Сергей Александрович,
к. ф. н., ст. преп., Варшавский университет

Словарная и переводная эквивалентность в межкультурной коммуникации

Роль переводного словаря в диалоге культур чрезвычайно велика, часто именно от него зависит, насколько адекватно смыслу происходит интерпретация языкового факта. Можно сказать, что лексикографическому изданию присуща роль своеобразного «зеркала», в которое заглядывает участник межкультурного диалога в целях самоидентификации в контексте иной культуры. Столь же велики и трудности, с которыми сталкивается коммуникант в поисках эквивалентности, а точнее языковых средств, которые эту эквивалентность обеспечивают.

Понятие эквивалентности в отношении двуязычного словаря может рассматриваться в нескольких аспектах. Во-первых, речь может идти об эквивалентности при отражении левой частью словаря действительности, о представлении национальной «картины мира» в ее свернутом (в соответствии с лексическими минимумами) виде. Это определяет потенциал словаря, или, образно говоря, размер и разрешающую способность «лексикографического зеркала». С другой стороны, национальная понятийная модель, представленная в левой части, отражается в иноязычной «концептуальной амальгаме» правой части. В результате такого «двойного» отражения мы имеем набор словарных эквивалентов, которые, реализуясь в процессе коммуникативного акта в эквиваленты переводные, должны

обеспечивать смысловую эквивалентность между исходным и переводным текстами. В этой связи представляется любопытным рассмотрение некоторых польско-русских лексических параллелей (например, *abiturient* — *абитуриент*, *otkarz* — *алтарь*, *uczeń* — *ученик*, *publiczny* — *публичный* и др.), демонстрирующих семантико-социокультурные различия, восходящие к лингвоспецифичности рассматриваемых концептов. Традиционно в переводных словарях такие лексемы выступают в качестве полных эквивалентов без учета этой специфики, т. е. «лексикографическое зеркало» оказывается в определенной степени «кривым». А это приводит к неправильному использованию русской лексемы в речи, своего рода «коммуникативной аберации».

Шишков Максим Сергеевич,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвокультурная ситуация
как синхронный срез лингвокультуры:
к постановке проблемы

Активное развитие лингвокультурологии в последние два десятилетия привело к необходимости не только осмыслить отдельные факты языка, показывающие связь языка и культуры, но и задуматься над вопросом о том, каким образом в каждый конкретный момент времени эта связь заставляет язык особым образом функционировать, отражая ментальное ценностно-смысловое пространство.

Для описания состояния ценностно-смыслового пространства языка в тесной связи с состоянием общества (в широком смысле: совокупность общественно-экономических, политических, культурных, социальных, религиозных и других факторов), т. е. синхронного среза лингвокультуры, предлагается использовать термин «лингвокультурная ситуация». Под ценностно-смысловым пространством языка понимается совокупность лексических единиц, 1) номинирующих значимые (доминантные) точки языкового сознания, которые, кроме того, обозначают ценностные приоритеты, т. е. имеют аксиологическую значимость, и 2) организующих вокруг себя языковые единицы разных уровней.

Заметим, что описанное понимание термина коренным образом отличается от сложившейся сегодня традиции (см., например, работы В. М. Шаклеина), которая соотносит лингвокультурную ситуацию с языковой, принятой в социолингвистике (на первый план при таком подходе выходит взаимодействие разных языков и разных культур в одном регионе). С точки зрения философии, набор ситуаций создает возможность существования чего-либо, позволяет увидеть особенности жизни и развития. Это же представление можно отнести и к существованию языка и лингвокультуры: описав состояние лингвокультуры в разные временные периоды, мы можем увидеть не только пути развития языковой системы, но и объяснить пути формирования современного ценностно-смыслового пространства языка.

Юань Линь,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лексическая репрезентация концепта

«воспитанность/невоспитанность» в русском и китайском языках

В реальной жизни мы нередко сталкиваемся с такими проявлениями человеческой природы, как резкость, грубость, неуважение, нетерпимость, открытое хамство, но также и с заискиванием и самоуничижением, чванством и напыщенностью и т. п. При этом мы не можем не ценить в поведении человека проявлений доброты, порядочности, терпения, сдержанности, достоинства — всего того, что входит в высокое понятие воспитанности. Для параметризации концепта «воспитанность/невоспитанность» в культуре носителей русского и китайского языка относительно правил и норм поведения воспитанного человека и способов его вербального представления мы обратились к материалам синонимических, толковых, идеографических и др. словарей, что позволило нам выявить ряд важных для нас слов и словосочетаний: культура, культурность, хорошие манеры, умение себя вести (держаться), благонравие, интеллигентность, благовоспитанность, предупредительность, вежливость, тактичность, учтивость и др., многие из которых могут быть далее развернуты в отдельные синонимические ряды; учтивость располагает такими синонимами, как галантность, уважительность, любезность, обходительность, вежливость, галантерейность, тактичность, почтительность, куртуазность, деликатность, предупредительность, корректность и проч. С другой стороны, при выборе ориентиров для отбора пословиц мы опираемся на высказывания писателей, философов, психологов и др. (А. П. Чехова, Д. С. Лихачева, Конфуция и др.), чьи имена ассоциируются с самой культурой и чьим мнением все культурное мировое сообщество привыкло дорожить. Третьим фактором является опрос носителей языка, результаты которого, проанализированные нами, позволяют уточнить содержание понятия «воспитанность/невоспитанность» в русском языке и культуре и в китайском языке и культуре.

ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ТИПОВ ТЕКСТА И УЧАСТИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ИХ ФОРМИРОВАНИИ

Авлова Татьяна Борисовна,

д. п. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Анализ средств и приемов создания образности
в иностранной аудитории

При анализе речевых средств создания образа персонажа могут быть выявлены практически все стилевые и содержательные параметры. Прежде всего это специфика композиционно-речевых форм, приемы диалогизации,

оценочность, лексико-грамматические особенности выражения личностного начала. Здесь находят отражение и внелингвистические характеристики, которые проявляются в речевой структуре текста. Каждый содержательный массив строится на базе закрепленных за ним лексических, синтаксических единиц, он формируется определенными речевыми стратегиями, выражается в определенных речевых действиях, имеет свои интонационные контуры. Не менее важны для читательского восприятия социально-этические, идейно-эстетические, мировоззренческие концепции автора. Из речевых особенностей читатель получает информацию о социально-психологических параметрах: его отношении к миру, характере мировосприятия, эмоциональной сфере. Общую совокупность речевых характеристик в общем виде можно рассматривать как качественную определенность субъекта речи в тексте. Как известно, в филологии есть ряд разработанных категорий, представляющих в тексте отражение личности автора. К ним относятся в литературоведении и лингвистике категория образа автора, открытая функциональной стилистикой категория авторского «я» и категория языковая личность.

В качестве базовой категории антропоцентрического подхода к анализу текстовых явлений категория *речевая личность* более способна к продуктивному осмыслению стилообразующей роли личностного начала применительно к миниатюре и рассказу. В научной литературе этот термин употреблялся не как категория, а как понятие, характеризующее разнообразные явления: это способы характеристики автором речевых и личностных параметров персонажей произведений, речевые характеристики персонажей.

Гражданкина Екатерина Игоревна,
преп., Державинский институт (Санкт-Петербург)

Причастный оборот в речевой системе художественного текста
(на материале романа М. А. Булгакова «Белая гвардия»)

Наблюдение за контекстами, где функционирует причастный оборот (ПО), показало, что данная конструкция работает в типовом контексте описания, позволяющем выявить пространственно-временные ориентиры, портретные характеристики и их детали, предметный мир, которые получают характеристику в ПО. В то же время ПО, проявляя в большей степени свои глагольные характеристики, функционируют в повествовательных контекстах и представляют вторичное, сопроводительное действие, сопряженное с основным. ПО, участвуя в сюжетном развитии романа, является средством формирования нескольких денотативных ситуаций: физиологических, психоэмоциональных и бытийных.

Анализ ПО в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия», выявивший особенности их авторского использования, позволяет сделать вывод о целенаправленном обращении к этой конструкции автора для решения сложных идейно-художественных задач: осмысления происходящих событий в аспекте разрыва исторического времени, сложения сюжета как смены ситуаций

действительности, представленных описательными компонентами текста, выделения на общем фоне стремительно меняющейся действительности стабильность характера персонажей, сохраняющих атмосферу интеллектуального бытия. В связи с тем, что основные формальные и семантические особенности такого синтаксического явления, как причастный оборот, не теряют своих основных качеств в современном русском литературном языке и обнаруживают единство принципов текстового употребления, следует отметить методический потенциал текста романа М. А. Булгакова «Белая гвардия», из которого легко вычлениаются тематически-законченные компоненты текста, которые могут быть использованы в учебных целях.

Колесова Дарья Владимировна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Аргументация в политическом тексте: вербальная репрезентация модусных категорий

Аргументация в лингвистической области представляется гибким и бесконечным процессом. В лингвистической области аргументация может рассматриваться двояко: в узком (эксплицитно-традиционном) смысле аргументация понимается как процесс представления доводов, выходящий за рамки высказывания, что обеспечивает возможность ее представления в качестве недетерминированной, нежесткой, гибкой и размытой сущности; в широком (абстрактном) смысле как константа в пропозициональном содержании высказывания наряду с иллокутивной силой. Модусные категории рассматриваются в докладе с позиций, предложенных Т. В. Шмелевой (1984); соответственно, выявляются актуализационные, квалификативные и социальные категории модуса. Поднимается вопрос о возможности анализа имплицитных средств репрезентации модуса.

По своей природе политический текст по преимуществу относится к аргументативному типу, поэтому и послужил материалом для наблюдений. Для выяснения степени зависимости использования тех или иных языковых средств для репрезентации той или иной модусной категории к анализу привлекаются тексты, авторы которых принадлежат к различным политическим партиям (партия власти и партия оппозиции). Кроме того, ставится вопрос о важности/несущественности специальной профессиональной подготовки для эффективного использования выявленных средств репрезентации модусных категорий. Для достоверного ответа на этот вопрос к анализу привлекаются тексты как профессиональных журналистов, так и их читателей (форумы), а также тексты людей с активной гражданской позицией, написанные не в рамках редакционных заданий (блоги).

Исследование носит прагматическую направленность, поскольку выдвигается гипотеза о возможности типологизации вербальных средств представления модусных категорий для последующего их представления в рамках курса по культуре речи и курса по развитию письменной речи иностранцев, изучающих русский язык на продвинутом уровне.

Коньков Владимир Иванович,

д. ф. н., сотр., Санкт-Петербургский государственный университет

Коммуникативные статусы газетного текста

Принципиальное отличие речевой практики СМИ от других видов речевых практик (литературно-художественная, научная и др.) состоит в том, что она осуществляется в публичной сфере и принципиально открыта для каждого члена сообщества. Речь, рождающаяся в СМИ, — это часть личной речевой жизни каждого члена социума. Соответственно, тексты СМИ вписаны в той или иной степени в практическую, неречевую жизнь общества. Вследствие этого значительная часть материалов газет телевидения при создании и вхождении в публичный речевой массив жестко привязаны к определенному моменту времени и определенному месту. В данном случае мы имеем в виду социальное пространство-время, а не пространство-время как категории физики. Если мы рассматриваем газетный материал (то же относится к радио и телевидению), сообщающий новость, то новостью он будет только в момент своего появления и только в пространстве той страны, для жителей которых эта информация актуальна. Для жителей другой страны этот текст может восприниматься как простой информационный текст, не имеющий статуса новости. Но и здесь по прошествии нескольких дней текст теряет статус новости. Заметка, посвященная продажности чиновника, в стране, где чиновник работает, будет обвинением. В другой стране она будет иметь статус простого информационного текста. Через несколько десятков лет все тексты СМИ получают статус когнитива, т. к. теряют связь с актуальным пространством-временем. Большинство текстов СМИ могут быть осмыслены и как тексты-перформативы, поскольку они тесно вплетены в неречевую социальную деятельность. Представляется целесообразным ввести понятие коммуникативный статус текста — функциональное назначение текста, осмысленное применительно к той или иной конкретной коммуникативной ситуации, вписанной в координаты социального пространства времени.

Кулибина Наталья Владимировна,

д. п. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Общеввропейский подход к изучению иностранных языков и вопросы адаптации текста

1. Общеввропейская система уровней владения иностранным языком выделяет **понимание** как одну из основных речевых компетенций. Обучение пониманию письменных текстов занимает важное место в практическом курсе русского языка как иностранного. Для обучения используются тексты разных типов: учебные, адаптированные, аутентичные.
2. Чтение учебных текстов, а также текстов, подвергшихся жесткой адаптации, не может в полной мере подготовить учащегося-инофона к уча-

стию в естественном речевом взаимодействии (чтению аутентичных текстов), т. к. эти тексты (учебные и жестко адаптированные) с психолингвистической точки зрения являются «квазитекстами» (термин Ю. А. Сорокина), искусственными конструктами, созданными для решения конкретных учебных задач, а не коммуникативными единицами (как аутентичные тексты).

3. Вместе с тем, адаптация не является абсолютно искусственным приемом, т. к. «язык держится на принципе замен» (В. И. Жинкин), и могут быть предложены принципы адаптации текста, позволяющие сохранить его аутентичность в той степени, которая необходима для обучения пониманию.

Попова Татьяна Игоревна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Гипертекстуальность повествовательного интернет-текста как экспликация возможностей его смыслового расширения

Повествование (нарратив) занимает среди композиционно-речевых форм особое место, так как напрямую связано с рассказом о прошлом, т. е. с возможностью рассказать о некоторой последовательности событий с позиции наблюдателя, в 3-м лице. В повествовании обязательно присутствуют два плана: установление логической последовательности развития событий с точки зрения рассказчика (участника событий) и осмысление этих событий с позиции наблюдателя, отчуждение от события, включение события в свой собственный опыт.

Эти два плана повествования — рассказ об опыте и переживание опыта — могут получать в тексте предсказуемые формы расширения. Рассказ об опыте может расширяться за счет включения фона, обстоятельств, предыстории, а также за счет драматизации повествования — изображения чужой речи. Рассказ о переживании опыта обрастает комментариями, носящими объясняющий, оценочный характер, когда вся ситуация пропускается через критический взгляд автора.

Все сказанное выше относится к традиционному линейно развивающемуся тексту. В случае же с повествовательным интернет-текстом в силу вступают его онтологические характеристики, связанные с формой существования текста — гипертекстуальность, мультимедийность (поликодовость) и интерактивность. Интернет-текст нелинеен по своей природе, и механизм его восприятия отличается от восприятия линейного текста.

Расширение интернет-текста происходит за счет гиперссылок, выполняющих когнитивную функцию структурирования знания; расширения тезауруса и создания ассоциативного информационного поля; функцию сигнала о смене коммуникативных ролей; функцию метакоммуникативного комментария [Клочкова, 2009].

В докладе речь пойдет о характере гипертекстового расширения повествовательного интернет-текста, о его связи с актуальным членением текста.

Ракова Ирина Владимировна,
к. ф. н., ст. преп., Державинский институт (Санкт-Петербург)

Об одном из приемов построения речи
в автобиографическом романе А. П. Чудакова
«Ложится мгла на старые ступени»

Для наиболее значительных произведений нашего времени характерна тяга к автобиографизму. Антропологический поворот в современной науке о литературе во многом обусловлен потребностью передачи в ней чувственного начала, восполнения дефицита эмоций.

Среди романов этого направления особое место заняла книга известного филолога-литературоведа А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени».

В романе присутствуют три главных персонажа: герой сюжета, рассказчик, сохранивший в памяти события и переживания своего детства и юности, и собственно автор, который, выстраивая факты своей жизни в соответствии с определенной объединяющей их идеей, «превращает себя из человека — реального объекта в человека — текст», в котором он обретает подлинное бытие.

Ключевыми моментами, «маркерами», указывающими на нарушение линейности автобиографического повествования, становятся фрагменты, связанные с такими важными для антропологического поворота категориями, как «память», «знание», «эмоция», презентующие «анализирующее я». В тексте возникает параллельное развитие тактики наблюдения и осознания. При этом «осознание» проявляет своеобразие эпохи как системы координат, по отношению к которой расценивается то или иное событие.

Реброва Ирина Витальевна,
к. ф. н., докт., Санкт-Петербургский государственный университет

Роль лексико-синтаксических средств в формировании имплицатур
функционально-семантического типа речи *описание*

ФСТР *описание*, наряду с ФСТР *повествование* и *рассуждение* можно рассматривать как текст высокого уровня абстракции, прототипическую модель с набором формальных лексико-синтаксических единиц, выполняющих определенные функции в предложении/высказывании. Суммируя подходы различных исследователей к данному типу текста, «дескриптивному фрагменту» (А. А. Кибрик), «модели коммуникации» (Н. С. Валгина) можно выделить такие его характеристики: 1) одновременное сосуществование информации как о статическом изображении явлений действительности: природы, интерьера, внешности, так и об их характеристиках (Трошева); 2) экспликация данной информации на языковом уровне: существительными, называющими предмет и словами со значением качества, а также глаголами, обозначающими: а) фазисные изменения, б) состояние, в) изменение степени качества и др.; 3) наличие

«именных и стивных предикаций» (Кибрик); 4) «основные структурные типы русского предложения»: предложения с однородными членами, номинативные предложения, безличные и неопределенно-личные (Купина, Матвеева); 5) преобладание компонентов с предметной и качественной ремой. «Форма и функция ремы формируют тип текста» (Валгина). Соотношение формальных лексико-грамматических единиц с функционально-семантическими, когнитивно-прагматическими компонентами текста, а также при «столкновении» **целого** (жанра) и его **части** (ФСТР *описание*) в жанрово-текстовом пространстве с учетом восприятия текста читателем позволяет создать алгоритм анализа текста определенного жанра и, вскрывая имплицатуры, выйти в его глубинные смыслы.

Снитко Ася Юрьевна,

асп., Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

Влияние иллокутивной структуры полилога на реализацию коммуникативной стратегии доминирования в рамках телепередачи

1. В большинстве исследований диалогическое единство изучается в рамках речевого взаимодействия двух коммуникантов. При этом попытки сравнить устройство минимальной единицы диалога и полилога не предпринималось.
2. Тем не менее, по нашим наблюдениям, различия в организации ДЕ диалога и полилога существуют, в частности, в области иллокутивной структуры.
3. Различным является расположение реплик-реакций и реплик-стимулов. В рамках диалога реплика-стимул и реплика-реакция чаще всего расположены контактно. В рамках же полилога в результате участия в речевом взаимодействии большого количества людей реплика-реакция в значительном количестве случаев намного отстоит от реплики-стимула.
4. В диалоге иллокутивно вынуждающее и вынуждаемое высказывания всегда расположены контактно. В полилоге эти высказывания могут находиться дистантно.
5. Одной из причин дистантного положения является то, что иллокутивное воздействие говорящего в полилоге может быть направлено на нескольких коммуникантов. Таким образом, один РА в полилоге может включать в себе иллокутивное вынуждение нескольких адресатов.
6. Другой причиной дистантного расположения иллокутивно вынуждающего и иллокутивно вынуждаемого высказывания является то, что между ними может располагаться высказывание третьего коммуниканта, повторяющего по каким-то причинам иллокутивное вынуждение предыдущего говорящего.
7. Доминирование в иллокутивной структуре может проявляться следующим образом:
  - 1) иллокутивное вынуждение доминирующего коммуниканта имеет тенденцию быть всегда ответным;

- 2) в речи доминирующего коммуниканта иллокутивно вынуждающие высказывания преобладают над иллокутивно вынуждаемыми, а также реплики-стимулы — над репликами-реакциями;
- 3) для доминирующего члена коммуникации характерны РА, которые включают иллокутивное вынуждение, направленное на нескольких адресатов.

Шкурина Наталья Васильевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Объяснение и определение: специфика текстовой организации

Эти два типа текста бывают трудно различимы, т. к. их коммуникативные функции частично совпадают. Прибегая к помощи словарных толкований этих терминов с позиций лингвистики, можно установить, что *определение* — это формулировка, раскрывающая содержание, сущность чего-либо, характеризующая основные черты чего-либо, а *объяснение* — это раскрытие сущности, установление причин и закономерности чего-либо. То есть можно сказать, что *определение* и *объяснение* — это типы текста, которые имеют одну совпадающую целеустановку (интенцию) — раскрыть сущностные особенности какого-либо предмета, явления или понятия. При этом ясно, что объяснение содержательно шире: выявляет причину этого и устанавливает его закономерности. Тем не менее, эти два типа текста проявляют и некоторое содержательное сходство: в них главным образом перечисляются дифференциальные признаки толкуемого явления или понятия. Оба типа текста обслуживают ментальную сферу человека, но если *объяснение* функционирует во всех сферах жизни человека, что подтверждается его наличием во всех функционально-смысловых типах речи, то *определение* больше фигурирует в научной и официально-деловой речи, что объясняется рядом причин, излагаемых в докладе. Для типологии текста важна не только содержательная сторона, но и формальная — какими типовыми языковыми способами осуществляется целеустановка текста, что рассматривается в докладе.

С Л А В И С Т И К А

АНДРЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ (СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

Белая Елена Ивановна,

к. п. н., проф., Барановичский государственный университет (Республика Беларусь)

Социальное и художественное время и пространство
в «Записках кавалериста» Н. Гумилева

Отображение Первой мировой войны в художественной литературе не является столь многогранным и пафосным, как показ Великой Отечественной. Однако это событие оказало колоссальное влияние на судьбу России и, по большому счету, судьбы всего мира. Территория современной Беларуси стала ареной многих сражений Первой мировой войны, с ней связаны судьбы писателей, которые служили в российской армии (А. Блок, Н. Гумилев...). Наиболее значительным произведением белорусской прозы об этом времени является автобиографическая повесть Максима Горьцкого «На империалистической войне» («Записки артиллериста»). Данный факт стимулировал нас обратиться к проведению русского писателя, созданному в то же время и в подобной жанровой форме. Углубленное изучение художественного текста и теоретических источников выявило, что Н. Гумилев некоторое время воевал на территории современного Брестского региона. Это придает нашему исследованию, кроме когнитивного, ценностный, личностный смысл. Н. Гумилев в «Записках кавалериста» представлен как человеческая индивидуальность, гражданин, исполняющий патриотический долг, творческая личность. Выявление особенностей художественного синтеза этих ипостасей на фоне эпохи и явилось целью нашего обращения к «Запискам кавалериста».

Гусева Ольга Валерьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Первая мировая война глазами польских писателей

В 2014 г. отмечается столетие начала Первой мировой войны, открывшей новый период в истории человечества и изменившей характер европейской литературы. Особенностью польской литературы времен Великой войны стала надежда на обретение независимости, о которой мечтали поколения поляков.

В польской поэзии времен Первой мировой войны выделяются два основных направления, первое из которых условно можно назвать «высоким» — оно представлено творчеством поэтов, состоявших в предшествующий период, вторым направлением стала повстанческая лирика,

создававшаяся преимущественно в окопах и служившая для поддержания боевого духа польских патриотов. Проза времен Великой войны представлена, прежде всего, дневниками, письмами и воспоминаниями, которые зачастую имели агитационный характер.

Поэты ищут новые средства выражения, способные описать мир, охваченный историческим катаклизмом. Война стала суровым испытанием веры поэтов в гуманизм. Одновременно в их творчестве зазвучали патриотические настроения, связанные с надеждами на восстановление польской государственности. В 1914—1918 гг. патриотические стихотворения, связанные с одной стороны, с традициями польской повстанческой лирики конца XVIII—XIX вв., а с другой, — с традициями национального песенного фольклора, создавались в рядах польских легионов, сыгравших ключевую роль в планах Польши на обретение независимости. Поэзия легионов демонстрировала жизненность литературных мотивов романтической повстанческой лирики. Польские легионеры также были авторами публиковавшихся в прессе писем, дневниковых записей и публицистических заметок, с разных точек зрения описывавших сложившуюся на фронтах ситуацию. Одной из задач подобных произведений было привлечь новых добровольцев в ряды легионов, поэтому они полны оптимистической бравады. Именно эта, зачастую анонимная, литература создавала легенду легионов Пилсудского, сохранившуюся в сознании нескольких поколений поляков.

Дробышева Марина Николаевна,

к. иск., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Поэтика военных стихотворений Владислава Петковича-Диса (1880—1917) и Уилфреда Оуэна (1893—1918)

Поэзию Владислава Петковича-Диса отличает патриотическая и националистическая направленность, прославляющая борьбу сербов и возрождение сербской державы. Поэта называли «сербским Бодлером» за его импрессионистический стих, хотя в своих исканиях он находился в пределах традиционной поэтики XIX в. В стихотворениях Уилфреда Оуэна наблюдается иное антивоенное пацифистское мировоззрение. В них он показал абсурдность военных действий. Оуэн использовал для поэтического выражения новые формы, свойственные модернизму.

Дудкина Анастасия Игоревна,

к. ф. н., преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Поэзия М. Ю. Лермонтова в чешских переводах

Творчество М. Ю. Лермонтова, в котором удивительным образом сочетаются гражданские, философские и личные мотивы, ознаменовало собой новый виток в развитии русской литературы. Оно оказало большое влияние не только на виднейших русских, но и чешских писателей и поэтов XIX и XX веков. Произведения Лермонтова получили отклик в литературных чешских кругах еще в XIX веке, стихи стали подлинным открытием для по-

этического мира. Одним из первых переводчиков стихотворного наследия Лермонтова на чешский язык был Л. Челаковский, который продолжил дело своего знаменитого отца. Несмотря на тот факт, что современные теоретики литературы считают переводы Челаковского устаревшими и находят изъяны и неточности, вклад его неоценим. Переводами Лермонтова занимались К. Г. Боровский, А. Дурдик, В. Космак и, конечно же, Фр. Таборский. Таборский перевел большую часть лермонтовского наследия, сохранив образность, красоту и сложность стиля, чем еще сильнее привлек читающую публику к творчеству великого русского поэта.

Жакова Наталья Кирилловна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Девятый перевод поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон» на чешский язык

Первая волна чешских переводов «Демона» — время освоения классического наследия русской литературы в 60—70-е гг. XIX в. (Э. Вавра, 1863, А. Дурдик, 1872); вторая волна — начало XX в., эпоха расцвета чешского модернизма с особенным вниманием к герою-индивидуалисту (переводы Ф. Таборского, Ф. Троппа и др., дискуссии о поэме в чешской печати). Третья волна связана с именами известных чешских поэтов и переводчиков Й. Горы (1939) и Г. Врбовой (1979). Девятый перевод (2012 г.) принадлежит перу опытного современного переводчика русской поэзии М. Дворжака. Его перевод — это полноценное поэтическое произведение. Однако, при всей добросовестности и тщательности исполнения, оно не достигает той силы художественной выразительности и эмоционального воздействия на читателя, которыми покоряет нас М. Ю. Лермонтов.

Зайцева Екатерина Игоревна,

асп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

К истории словацкой Католической модерны

1920—1940-е годы — весьма сложный период в истории словацкой поэзии. В это время возрастает литературная активность молодых авторов, возникают новые поэтические группировки с конкретными программами, нередко полемизирующими между собой (пролетарская поэзия, соцреализм, надреализм, Католическая модерна). Одним из интереснейших явлений была группа католически ориентированных поэтов, впоследствии получившая название Католическая модерна (термин заимствован из чешского литературоведения). С 1932 г. поэты-католики начали активную издательскую деятельность, однако движение осталось локальным литературным явлением, связанным с традиционными центрами католицизма в Словакии. Католически ориентированные мыслители выступали против коммунистических революционных призывов. Главной задачей для себя они видели восстановление утраченной некогда связи человека с Богом, привнесение в жизнь принципов христианского гуманизма. Вместе с тем, поэзия Католической модерны не исчерпывается осмыслением отношения человека к Богу. В по-

исках утраченных нравственных ценностей особенно актуально в ней звучит тема исторической борьбы народа за независимость, национальной и социальной свободы, что связано с историческими условиями того времени (наступление фашизма в Европе, возникновение Словацкой республики, Вторая мировая война). Излюбленные жанры поэтов-католиков — псалом, духовная песня, молитва, лирическая медитация. Для них характерна модернизация поэтического языка. В творчестве поэтов словацкой Католической модерна можно выделить две тенденции: первая — сродни ранним средневековым представлениям (мир как юдоль греха и страдания), вторая — тенденция прославления мира Божьего в духе св. Франциска как чуда Творения. Условно движение Католической модерна делят на две «волны». Первую «волну» представляют католические духовные лица (Р. Дилонг, П. Г. Глбина, Я. Гаранта). Вторая «волна» более многочисленна, помимо священников (Я. Силан, С. Вайгл), сюда же примыкают и светские авторы (Я. Окаль, Э. Веснин).

Закалюжный Леонид Владимирович,

к. ф. н., ст. преп., Житомирский государственный университет им. Ивана Франко

Постдраматический театр и процессы жанрообразования в современной русской, украинской и польской драматургии

Постдраматический театр — понятие, предложенное известным немецким ученым Хансом-Тисом Леманном и обобщающее магистральные тенденции в развитии мирового театра начиная с 60-х годов XX столетия. По мнению Леманна, постдраматический театр — это новая и разнообразная практика театрального дискурса, возникшая в результате расширения власти и повсеместного присутствия медийных средств в повседневной жизни. Основополагающий принцип отграничения постдраматического театра от предыдущих театральных форм — отказ от текстоцентричности, т. е. утрата текстом роли главенствующего элемента, подчинившего все остальные. Вместо этого в постдраматических театральных формах текст является лишь равноправным элементом жестикуляционного, музыкального, визуального взаимосвязанного целого. Постдраматический театр, не подчиняющийся, как прежде, главенству текста, обращается к пластическим искусствам и медиа. В то же время интермедийность становится жанрообразующим фактором в русской, украинской и польской драматургии конца XX — начала XXI вв., о чем свидетельствуют пьесы В. Дурненкова и М. Дурненкова, Я. Клята, А. Милевского, Н. Нежданой, А. Слаповского и других авторов, экспериментирующих с драматургической формой.

Лунькова Наталья Александровна,

м. н. с., Институт славяноведения РАН

Поэтика прозы Станислава Стратиева 1990-х гг.

Прозаические сборники С. Стратиева 1990-х гг. затрагивают проблемы болгарской действительности конца XX века. Одна из отличительных черт прозы Стратиева тех лет — использование сквозных образов и мотивов,

их повторение не только в рамках одного сборника, но и в контексте всего своего творчества в 1990-е гг. В текстах присутствуют вариативные и буквальные повторы фрагментов текста, и, тем самым, подобные ритмические переключки создают единый интонационный фон произведений. Сам принцип деления текста напрямую связан с авторским замыслом и содержанием прозаических структур: так, лирические зарисовки у Стратиева не имеют установки на вертикальное членение текста, практически не содержат парцелированных конструкций, но так же, как и сатирические, основываются на приеме лексико-синтаксического параллелизма и повторе. Для каждого отдельного произведения в соответствии с его тематикой и проблематикой автор использует свое индивидуальное представление о мере, согласно которому и происходит членение текста. Основное внимание в докладе уделено анализу синтаксического и семантического ритма прозы Стратиева и некоторым проблемам перевода данных текстов с болгарского языка на русский.

Машкова Алла Германовна,

д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Словацкий постреалистический роман конца XX – начала XXI века

Современная литература Словакии характеризуется значительным разнообразием: это и произведения писателей, принадлежащих к разным волнам эмиграции (Й. Цигер Гронский, Л. Мнячко, И. Брежна, И. Чичманец и др.), и литература «из ящиков письменного стола» (Д. Татарка, П. Виликовский, В. Шикула и др.), и книги, написанные сегодня. Вместе с тем литературный процесс отличает сосуществование различных литературных направлений. В частности, наряду с относительной активностью постмодернизма все громче заявляет о себе направление, представляющее собой одну из «мутаций» реализма, — постреализм — со своей философией, стилевыми и жанровыми предпочтениями. Признаки постреализма можно обнаружить еще в произведениях 1960–1980-х гг. (творчество писателей так называемого «поколения “Молодой творбы”» — Я. Йоганидес, В. Шикула, П. Ярош и др.). Продолжая традиции классического реализма, сегодняшний словацкий постреализм «подпитывается» постмодернистскими открытиями, как бы компенсируя то, что не сумел сделать его предшественник. Так, если постмодернисты в хаосе бытия потеряли конкретного живого человека, то постреалисты, поставив во главу угла человеческую личность, стараются через нее постичь этот хаос, показать его будничное лицо. Не случайно, мироздание постреалистических героев нередко ограничивается кругом семьи и собственным «я». Это обусловило популярность биографического романа, представленного произведениями Р. Слободы («Разум», 1982, «Воспоминания», 1996, «Любовь», 2002), Я. Юранёвой («Защитницы», 2006), М. Компаниковой («Пятый корабль», 2010), И. Брежной («На куриных крыльях», 2007), М. Гворецкого («По памяти», 2013) и др. Однако, повествуя о собственной жизни, писатели фактически создали книги о жизни поколения, к которому принадлежат. Поместив в центр романов личность, характер которой раскрывается

с помощью «внутреннего», психологического автобиографизма, авторы показали процесс превращения личного бытия в общественное, а в итоге — трансформацию истории в литературу.

Смирнова Ирина Николаевна,
асп., Институт славяноведения РАН

Специфика женского образа в поэзии Элисаветы Багряны

Элисавета Багряна в начале творческого пути начала с защиты женщины от ретроградства, хотя это не говорит о том, что поэтессе волнует исключительно духовное бытие. Новое в ее поэзии — не отрицание материального, как у Яворова или Блока. Она во многом следует традициям русского акмеизма (например ахматовского). Героиня одухотворяет окружающие ее вещи своим взглядом на них и их восприятием.

Женский образ у Багряны строится на видении самой себя как в воображаемом, так и в документальном, автобиографическом ключе. Женщина-возлюбленная переживает любовные драмы, меняет множество масок, страдает от патриархальной действительности или, наоборот, раскрепощается. Женщина-мать видит в детской колыбельке центр своего мира, превращается в носителя патриархальных устоев, которые, тем не менее, не калечат ничью индивидуальность, а только помогают проверенной веками народной мудростью. Но там, где присутствует важная для поэтессы тема брака по принуждению, возникает образ мачехи, очень близкий к фольклорному. Мачеха — злая, равнодушная, способная изломать жизнь падчерицы. Наоборот, при появлении у Багряны образа матери нет насмешки и отрицания патриархальности. Поэтесса словно забывает о своей эмансипированности, отрицании традиционных ценностей и противопоставлении им свободы человеческого самовыражения. Мать для нее — понятие святое, без него погибнет Болгария. Образ матери распадается у Багряны на три. Кроме земного воплощения, это также Богородица — образ идеального материнства ОЦ и родина.

Женский образ у Багряны опирается на несколько столпов: один из них — любовь, другой — осознание себя через обращение к предкам и родине. У Багряны иная, нежели в предшествующей болгарской литературе, парадигма образов. «Я и возлюбленная», «Я и мать», + «Я — мать» и (остающееся неизменным) «Я и родина». Со временем женские образы у Багряны становятся менее фольклорными и приобретают индивидуальность.

Стенина Наталья Александровна,
к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Марина Цветаева в Чехии. XXI век

На протяжении всего 20-го столетия, с момента появления первых газетных публикаций отдельных стихотворений Марины Ивановны Цветаевой в Чехии, в стране сохраняется неизменный интерес к личности, творчеству

и судьбе наследия поэта. Чешские переводчики с большой трепетностью относятся к поэтическому слову и слогу Цветаевой. Многие тексты можно найти в переводах нескольких авторов (Г. Врбова, Я. Штроблова, Й. Гонзик, Я. Забрана, Л. Кубишта). К проблеме восприятия Марины Цветаевой в Чехии в XX веке мы обращались в исследовании «Марина Цветаева и Чехия». С тех пор в Чехии были опубликованы еще несколько сборников поэзии и прозы Цветаевой, которые включили в себя в том числе и новые переводы — немалую часть которых составили критические труды поэта. В 2006 году силами «Общества Марины Цветаевой» в Праге (на русском языке) было издано исследование Г. Б. Ванечковой о жизни Марины Цветаевой в Чехии в 1922—1925 годах. Также на чешский язык впервые (2009 г.) был переведен один из первых популярных в XX веке в России трудов о Марине Цветаевой — книга Марии Разумовской, исследовательницы и писательницы русского происхождения, живущей в Австрии, — посвященная сложному личному и творческому пути поэта (книга была впервые издана на немецком языке в 1981 году, на русском в 1983-м, в России впервые была опубликована в 1994-м). В 2012 году произошло еще одно интересное с нашей точки зрения событие: личность и творчество М. И. Цветаевой вдохновили чешскую писательницу Иоанну Андрлову на создание оригинального художественного произведения (Andrlová J. Arabský hřebec).

Стрыяковска Анна,

асп., Университет им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша)

Россия как точка наблюдения вестернизирующейся Польши
в эссе Виктора Ерофеева и Анджея Стасюка

Главной целью предлагаемого доклада является компаративистский анализ избранных эссе Виктора Ерофеева и Анджея Стасюка. В круг наших исследований войдут произведения Ерофеева, собранные в томах «Мужчины», «Русский апокалипсис», «Свет дьявола» и «Бог X» и эссе Стасюка «Фад», «Дневник, написанный позже» и «Нет кофеварок у желтых дорог». Творчество представляющих восточноевропейское культурное пространство Виктора Ерофеева и Анджея Стасюка объединяет ряд факторов: использование эссе и публицистических форм, деконструкция ограничений родных культур в духе горького патриотизма, обращение к мотиву путешествия как точки наблюдения собственной страны и конструирование нарратива о восточноевропейской идентичности в эпоху постмодерна. Для последних эссе русского и польского авторов характерен в частности образ Центрально-Восточной Европы как региона, лишаящегося своих оригинальных ценностей под давлением западной либеральной демократии, который и находится в центре нашего внимания. Следует отметить, что Ерофеев, часто воспринимаемый критикой как бесспорный западник, все чаще обнажает недостатки современной западной культуры, видя в них угрозу для совместного европейского будущего. Такой подход давно характерен для творчества Стасюка. Объединяющаяся Европа оказывается в данном контексте дегуманизированным пространством, заведенным в тупик из-за чрезмерной политкорректности.

Оба автора отмечают, что расширение Евросоюза не устранило холодно-военного деления Европы. Польша заняла в ЕС позицию периферийного потребителя достижений позднего капитализма, предусмотренную для нее Западом, и все больше погружается в бездну деструктивных, крайне консервативных схем мышления. Хотя эти проблемы не чужды и России, ей удастся сохранить четкую идентичность и энергию, необходимую для прогресса. На этом основании современная Россия становится для авторов адекватной точкой наблюдения вестернизирующихся стран «новой Европы».

Шатько Евгения Викторовна,
м. н. с., Институт славяноведения РАН

«Другое тело» Милорада Павича. Анализ романа

Роман Милорада Павича «Другое тело» — это и любовная история, и религиозный роман о втором теле Христа. Две пары влюбленных в XVIII в. (сербский писатель Захария Орфелин и Анна Поце из Венеции; сербский книжник Гавриил Стефанович и Аксилия) и две пары в XXI (автор-повествователь и его жена, Лиза Свифт; одноклассник автора-повествователя и его невеста Лидия) ищут другое тело Христа и другое тело человека. Первые живут в Венеции и Сентадрее (Венгрия), вторые из XXI в. переезжают с места на место от Парижа до Белграда. В этом «метафизическом триллере», новом прочтении Библии, Павич поднимает тему смерти, воскрешения, жизни после смерти. Роман сначала вышел за пределами Сербии — в России. Затем был опубликован в Сербии и сразу же переводился на другие языки (английский, испанский, литовский, словенский, словацкий, польский, румынский, болгарский и грузинский). В докладе представлен анализ центрального образа романа — другого тела, его истоки, понимание, варианты прочтения.

ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ. СОВРЕМЕННЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОЛГАРИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

Kardjeva Rumiana Borislavova,
МИД Республики България

Българи извън България — езикови аспекти

Живеем в свят, който се изменя с много бързи темпове. Глобализацията като култ на цивилизационното развитие във все по-голяма степен губи своето значение както в теоретически, така и в практически план. Българите в чужбина са самоидентифициращи се чрез езика по етнически произход или по национална принадлежност личности, притежаващи специфични характеристики. В последните десетилетия пред България и българите продължава да бъде актуален въпросът за «интеграцията» в съвременния

свят. Действията по организацията за приобщаване към българската идентичност са разпределени в няколко целеви групи: историческа диаспора; политическа — след 1944 г.; икономическа — началото на 20 в.; най-новата икономическа емиграция в Европа, Северна Америка, Австралия и Южна Африка — след 1989 г.; чуждестранните българисти — преподаватели, учени, студенти; лица-чужденци, владеенето и ползването на българския език е неотменима част от работата им, дългосрочно живеят и работят в България. Статус на българския език и култура зад граница се приема като представяне на съвременния облик на българското общество чрез преподаване и изучаване на българска литература и странознание — история, география, култура. Адресатите са носители на други езици и култури и българи, които по исторически или икономически причини са напуснали родината си. Отчита се повишен ръст на изследванията в сферата на българистиката и кирилometодиевистиката на чужденците българисти. Български държавни училища зад граница: неделни, средни и университети с български направления и специализации. Учреждения в България, работещи с българи, български език и култура зад граница: Министерство на образованието и науката, Министерство на културата, Министерство на външните работи и Държавната Агенция за българите в чужбина. Културните институти осъществяват културната политика на България зад граница. Езикова тема е може би най-чувствителната, защото винаги има страхове да няма намеса в собствената национална езикова политика.

Аникин Михаил Александрович,
к. иск., с. н. с., Государственный Эрмитаж

О сакралных основах живописи Болгарии в XX веке

Одной из наиболее важных проблем развития искусства той или иной национальной школы остается проблема сохранения национальных особенностей в условиях огромного влияния ведущих европейских школ, политических и социальных причин, а также влияния художественного рынка как такового. В XX в. на развитие живописи Болгарии последовательно влияли различные силы и исторические события. Прежде всего, сама история с ее революциями и двумя мировыми войнами не могла не оказать существенного влияния на развитие изобразительного искусства. Сам социальный строй в Болгарии, как и во многих европейских странах, неоднократно менялся. Нельзя утверждать, что события истории не оказали существенного влияния на развитие живописи как таковой. Тематика произведений во многом определялась ходом истории, и было бы странно, если бы такого влияния не было. Однако темой нашего сообщения является как раз не выявление новых тем и тенденций, а обнаружение неких «постоянных величин», которые, как нам представляется, и придают болгарской живописи тот колорит и неповторимость, без которых она растворилась бы в море «европейских ценностей», утратив свое лицо. Такими постоянными, или сакральными, основами, с нашей точки зрения, были вполне определенная «религиозность» болгарской

живописи, а также тяготение ее к народному колориту, понимаемому не в духе этнографической экзотики, а на уровне национальной символики. Именно такой подход позволил болгарским художникам достичь новых высот в живописном мастерстве, породил таких мастеров, как Владимир Димитров-Майстора и многих других.

Божанкова Ренета Ванкова,

PhD, доц., Софийский университет им. Св. Климента Охридского

Концепт забвения в современной болгарской и русской литературах и культурах

В ситуации постепенного осознания (почти) нестираемости дигитального информационного следа культура обращается как к традиционным восприятиям и оценкам забвения, так и к современным измерениям этики забывания, причем словесное творчество оказывается одним из средств осмысления этих процессов. Анализу литературных произведений и, в частности, литературных реализаций языковых метафор забывания-забвения, предшествует рассмотрение концепта забвения в русском и болгарском языках. Сопоставляются традиционная культура памяти и актуальная культура информационного сверхпроизводства, отраженные в разножанровых литературных текстах. В исследовании применяется антропологический подход к феномену забвения, а текстовым материалом являются тексты современных болгарских и русских писателей (Г. Господинов, М. Русков, В. Пелевин, Ю. Буйда). Поиск проявлений «искусства забывания» приводит к необходимости обращения к таким тематическим зонам, как ностальгия и забвение, транзитивность забвения, забвение и чувство принадлежности.

Бойкова Фани Евгениева,

к. п. н., преп., Пловдивски университет «Паисий Хилендарски» (България)

Пътешествието на «История славянобългарска» в и отвъд, преди и след Училището

Работата ни бе премислена с оглед на двете ни основни задачи, а именно: 1) Да изберем подход за съставяне/провеждане на анкета сред ученици; 2) Да изработим online анкета, която може да се попълва от анкетираните с различна възраст, пол, образование, националност. При проучване на анкетите се насочваме към прилагане на дискурсни анализ, защото този метод допуска изследваният обект — Паисий Хилендарски, «История славянобългарска», нейните преписи, преправки, приписки — да се разглеждат като продукт на дискурса и да се оценява посредством анализ на специфичните културни пространства, в които функционира. Дискурсният анализ е избран и още, защото той има предимството да балансира връзките/сблъсъците в дихотомията обективност/субективност. Във връзка с работната програма на проекта като целесъобразен метод на изследване сред

ученици се предпочита анкетата от «отворен» тип. Важно е да подчертаем, че анкетата се провежда доброволно и няма оценъчен характер. Анкетните въпроси са премислени така, че да изискват от учениците да създадат кратки текстове под формата на отговори — метод, който е максимално близък до естествените комуникативни практики, използвани от учениците в реална среда. На този етап от работата ни избрахме да анкетираме ученици: от специализирано средно училище, което работи професионално с глобални технологии и възприема Компютъра като основополагаща ценност; от средно общообразователно училище, които работят с компютър, но не професионално, а както работи всеки от нас, за да премислим как децата с различна средношколска специализация се отнасят към съхранено по страниците на Паисиевата Книга, да проверим дали го четат, да узнаем как го тълкуват. Изследването е по проект № НИ13 ФЛФ014 / 20.03.2013, Фонд «Научни изследвания» на Пловдивския университет «Паисий Хилендраски»: «От идеята за историята към националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на «История славянобългарска» и културноидентификационните модели на XVIII—XXI век». Научен ръководител доц. д-р М. Кръстева.

Василик Владимир Владимирович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

О времени жизни заказчика Германова сборника

Автором была исследована рукопись Синайской библиотеки «Slavonika. Nea eugemata. 18» (Славянская. Новые находки. 18), которая традиционно датируется XIII в. Эта рукопись содержит ответы старца Варсонофия Великого и фрагменты «Лествицы». Рукопись «Slavonika. Nea eugemata. 18» датировалась XIII—XIV вв. Содержит 7 листов, размеры 190x130 мм. Начинается с записи писца: «Кто почитаеъ писание сие, помени Θεодосиа писавшааго а вас бѣ да поменет + Да ѿ ведохо всякоу калугеру приходещу ѿ ли русина или ѿ сръблинь, аще какие наставление хъщеть ѿтъ преосвещеннаго епископа Герьмана». Ниже следует 74 вопрос к Варсонофию Великому и его ответ: «Святаго Варсануфия Вопрос Нѣкто нѣкогда ѿтшелникъ въпраша великаго варсануфия глаголя как подобаетъ пребывати инокоу Ответъ Часове и пѣсни церковная соуть прѣданиа...». До шестого листа следуют ответы Варсонофия Великого. Лист 6 оборот содержит фрагменты Лествицы: «ѿт лествицъ Ни бо всемъ есть тѣщание совершенно Л.7 об. О молитве Многословие бо многашды оумъ ѿтъят.»

Традиционно рукопись датировалась XIII в., однако характер почерка записи показывает скорее XIV в. (написание букв *a*, *m*, *e*). В связи с упоминанием епископа Германа встает вопрос о заказчике Германова сборника. Германов сборник (Бухарест, Патриаршая библиотека, Славянская 1) — среднеболгарский пергаменный кодекс (форматом в 4°, 296 л., без начала и конца), переписанный в 1359 г. и содержащий Торжественник общий (минейный с включением триодного) древнего состава, самый поздний из «староизводных» гомиляриев в болгарской

рукописной традиции XIV в. Неоднократно возникали споры о заказчике этого сборника епископе Германе. Некоторые исследователи отождествляли его с патриархом (или архиепископом) Германом эпохи царя Самуила. На наш взгляд, запись на Синайской рукописи «Slavonika. Nea eugemata. 18» свидетельствует в пользу того, что Герман жил в эпоху царя Ивана-Александра (годы правления 1332—1371), точнее в 50-е — начале 60-х гг. XIV в.

Васильева Ольга Вадимовна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Райко Жинзифов: К 175-летию со дня рождения.

Выставка изданий из фондов Библиотеки РАН

Райко Жинзифов (1839—1877) — видный болгарский писатель и общественный деятель эпохи национального возрождения, незаурядный публицист, поэт, литературный критик, действительный член Болгарского литературного общества (прообраз Болгарской академии наук). Окончил историко-филологический факультет Московского университета, в 1868 г. принял русское подданство. Автор множества статей в русской периодической печати, в которых он информировал русских читателей о трудной жизни болгар под османским гнетом, о развитии возрождающейся национальной культуры; печатался Жинзифов и в болгарской периодике (его поэтические произведения написаны на болгарском языке, публицистика — на русском). Близок кругу русских славянофилов. Первый переводчик на болгарский язык «Слова о полку Игореве», «Краледворской рукописи» В. Ганки, стихотворений Т. Г. Шевченко. Выставка произведений Р. Жинзифова из фондов Библиотеки РАН раскрывает интересную страницу русско-болгарских культурных связей.

Вылчева-Тихова Кремена,

PhD, г. н. с., Софийский университет им. Кл. Охридского

Свети Йоан Рилски Чудотворец, покровител на България

Свети Йоан (Иван) Рилски Чудотворец е покровител на България и небесният хранител на българския народ. Той живее в епохата на феодализма, когато българският народ е разорен от продължителни войни. Постепенно селяните губят своята земя. Тяхната собственост преминава в ръцете на боярите и на едрите земевладелци. В резултат селяните, прикрепени към своята земя, стават собственост на управляващата класа, превръщат се в крепостни селяни. При тези тежки условия на живот възникват протести, те намират израз в учението на богомилите и успоредно с това в учението на пасивното съпротивление — бягство от света, от насилието и неправдата. Един от най-ярките представители на пасивния протест е Йоан Рилски Чудотворец. Данните от Житието на светеца, написано от българския патриарх Евтимий (около 1402—1405 г.) сочат, че Свети Йоан Рилски живял

в края на IX в. и първата половина на X в. Това е времето на царуване на трима български царе — цар Борис, цар Симеон и цар Петър. Останал рано без родители, Иван Рилски става послушник в манастира в Руен, близо до родното му село Скрино, приема монашество. Около светеца се събират последователи, които създават първото монашеско братство и полагат началото на светата Рилска обител. Той става защитник на всички, които търсят закрила и утешение от него. Когато достига преклонна възраст, Св. Иван оставя на своите ученици и последователи «Завет», в който им дава напътствия за отшелническия живот. В 941 г. той избира за свой приемник любимия си ученик Григорий. Малко след това отива в една пещера, където остава в продължение на 5 години — последните години от земния му живот, години, прекарани в безмълвие и молитва. Предава Богу дух на 18 август 946 г. Мощите на Св. Иван Рилски привличат много богомолци в Средец (днешна София) и името му се чества като «Средечески светилник, похвала Средеческа». Ние, българите, приемаме своя Иван Рилски с цялото си сърце като наш хранител и покровител, приемаме го с искрена любов и признателност.

Желязкова Димитрия България,
асп., Пловдивски университет «Паисий Хилендарски» (България)

Тенденции в механизмите на езиковото развитие
от гледище на нормата, наложена през 2012 г.
в българския език

Битуващият в езиковото пространство Официален правописен речник на българския език от 2012 г. поражда множество въпросителни по отношение на парадигмата на глаголите. Оказва се, че системните грешки, които дават представа за механизмите на езиковото развитие, не са узаконени с излизането от печат на новия речник, а някои от промените пък трудно се възприемат от езиковите носители и противоречат на говорната практика. Липсва единство и последователност при доста от нормативно възприетите форми. В българското езиково пространство се водят оживени дискусии около някои некодифицирани езикови форми, често срещани се в узуса. Разбира се, че книжовният език не може и не трябва да отразява мигновено всяко ново явление, възникнало в езиковата практика, щом му е възложена мисията да обединява всички поколения от езиковата територия, която представлява. Положителна е тенденцията към обогатяване на лексикалния пласт на езика. Но периодически трябва да се преразглеждат езиковите правила. Дискусиите са свързани най-вече със свръхякавите форми особено при причастията, мякането, дублетността при някои думи, която е въведена, но не отразява реалната езикова практика, дублетността при числителните имена, непоследователността на кодифицирани форми, които се пишат слято, полуслято или разделно. Нормите трябва да дават свобода на носителите на езика, а за да не се провалят, те самите трябва да правят селекция на възможните стратегии, като изберат най-подходящата за постигане на конкретна цел.

Иванова Елена Юрьевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

О претендентах на роль формального подлежащего в болгарском языке

В докладе рассматриваются местоимения, претендующие на роль референциально пустых подлежащих в болгарском языке, — *то* и *това*. Личное местоимение 3 л. ср. р. *то* имеет не только широкие референциальные возможности, но и неререференциальные синтаксические функции. Считается, что в случаях его употребления в безличных предложениях (*То наистина е студено; То наистина вали; То има време*) *то* выполняет роль формального подлежащего и должно отграничиваться от прагматической частицы *то* (при адмиративе, при сопоставлении). В докладе предлагается трактовка всех неререференциальных употреблений *то* как частицы — усилителя индикативности, тем самым исключается статус *то* как формального подлежащего. В том же аспекте проанализированы употребления местоимения *това*.

Калашникова Наталья Моисеевна,

д. культ., в. н. с., Российский этнографический музей

Об уникальной фотографии участников Первого славянского съезда (1867 г.)

Идея славянской общности как целостной системы, появившаяся в 1820—1830 гг. в результате процесса национального возрождения народов Центральной и Юго-Восточной Европы, была связана с ростом национального самосознания, формированием литературных языков, началом борьбы за освобождение и восстановление государственности западных и южных славян. Все представители славянского Возрождения обращались тогда к России, единственному в то время независимому государству, в составе которого преобладающим был славянский компонент. Вот почему предложение экспонировать традиционный костюм зарубежных славян на Первой этнографической выставке в Москве (1867), где были представлены этносы практически всех регионов Российской империи, было воспринято с одобрением. Приезд славянских представителей, многие из которых помогли собирать экспонаты для Этнографической выставки, инициировал Первый славянский съезд, продемонстрировавший историко-культурные связи между многочисленными народами евразийского пространства. В Россию прибыли славянские ученые и политики, художники и писатели, промышленники и торговцы, представители городов и общин (всего 74 человека). На память о Первом славянском съезде, имевшем большое морально-нравственное значение для национального самосознания славян, осталась общая фотография, созданная петербургским фотографом И. В. Бартом (?). Это фотопанно, выполненное в технике коллажа из портретных фотографий, заключенных в овальные рамки, датируется 1867 г. и, кроме своей ранней хронологии, имеет и другую ценность, поскольку подписи к каждому снимку позволяют идентифицировать изображенных.

Кръстева Мила Димитрова,

к. ф. н., доц., Пловдивски университет «Паисий Хилендарски» (България)

Родословът на Първата Харитонова преправка на «История славянобългарска» (Змеево, 1831)

През 1831 г. се появява Първата Харитонова преправка на «История славянобългарска». Съставена е в с. Змеево от монаха таксидиот Харитон Рилец. Това не е единствената преправка на Паисиевата история, която е изготвена от монаха таксидиот Харитон, защото освен нея той съставя и още две преправки по Паисий, които ще наричаме с условните имена: Втора Харитонова преправка (Чирпан, 1831); Трета Харитонова преправка (неизвестно къде е съставена, 1831 г.). Третата Харитонова преправка е изгубена, а до нас са достигнали само останалите две преправки. В науката е установено, че Първата Харитонова преправка ползва за извод т. нар. Поп-Йоанова преправка, която е изготвена в с. Змеево. От своя страна Поп-Йоановата преправка на «История славянобългарска» възхожда към Рилската преправка, ръкописвана от монаха Паисий Рилец. Така всяка от цитираните преправки на «История славянобългарска» възхожда към родослова на Рилската преправка. Докладът изследва генеалогичните връзки по веригата: Рилска преправка — Поп-Йоанова преправка — Първа Харитонова преправка — Втора Харитонова преправка, а целта на това дирене е да се открият общите/особените характеристики на Харитоновия ръкопис от Змеево (1831 г.). При анализа се позоваваме както на вече известното, което науката е постановила по интересувания ни въпрос, така и на новооткрити детайли, които тук се съобщават за пръв път. Настоящият доклад е разработен в съответствие с работната програма на Проект № НИ13 ФЛФ014 / 20.03.2013 от 23.04.2013 на Фонд «Научни изследвания» на Пловдивския университет с научен ръководител доц. д-р Мила Кръстева.

Кудрявцева Юлия Владимировна,

ст. преп., Высшие курсы иностранных языков, МИД РФ

Специфика анафорических отношений в текстах административно-делового стиля современного болгарского языка

Административно-деловые тексты создаются с четкой практической целью — обеспечить эффективную коммуникацию в дипломатической, законодательной или административной сфере. Основными стилистическими требованиями при составлении таких текстов являются информативность, компактность изложения, экономия языковых средств, объективность, императивность, точность, стандартность, а также связность и логичность. Одним из способов достижения связности текста является использование анафорических элементов. Кроме того, главной целью автора административно-делового текста является максимально правильное понимание такого рода текста адресатом, следовательно, анафорические отсылки

должны быть точными и однозначными. Главными средствами анафорической связи в современном болгарском языке являются местоимения и определенный артикль. Эти общие по своему происхождению средства часто, но далеко не всегда могут быть взаимозаменяемы. О конкуренции данных языковых единиц с точки зрения их функций пишет К. Чаралозова. Рассмотрению анафорического употребления местоимений и артикля в болгарском языке с точки зрения актуального членения предложения посвящено исследование Св. Иванчева. Однако на данный момент нет исследований, выявляющих основные особенности анафорической связи в текстах отдельных функциональных стилей болгарского языка. В нашем докладе будет рассмотрена специфика данного явления на материале текстов законодательного подстиля административно-делового стиля. В данных текстах преобладают однотипные синтаксические структуры и прямой порядок слов, а отсылка к антецеденту осуществляется часто при помощи имен прилагательных (*същ*, (*горе*)*посочен*, *последен*, *настоящ*), а не при помощи местоимений или артикля. Подобные отсылки являются одним из грамматических (синтаксических) маркеров административно-делового стиля, и их использование в других стилях оценивается болгарскими лингвистами негативно.

Минин Олег Иванович,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Софроний Врачанский: взгляд в прошлое из нашего века

Личность Софрония Врачанского (1739—1813), 275-летие со дня рождения которого отмечается в 2014 г., является знаковой фигурой в истории эпохи болгарского национального Возрождения. Будучи современником и сторонником идей другого гения того времени Паисия Хилендарского (1722—1773), Софроний Врачанский оставил потомкам авторитетную копию его труда «Истории славяноболгарской», которая, за неимением оригинала самой рукописи, воспринимается как ее первоисточник. Софроний создал своеобразный художественный документ своей эпохи — автобиографический труд «Житие и страдание грешнаго Софрония», ставший первым произведением новоболгарской литературы. Здесь он соединил в единое целое индивидуально-личностное и общественно-историческое начала, где доминирует тема трагического положения болгар в условиях османского ига. В 1806 г. Софроний издает книгу «Неделник» («Кириакодромион»), впервые заговорившую с читателем не на церковнославянском, а на новоболгарском, т. е. разговорном языке. Он выступил в роли родоначальника новоболгарского книгопечатания. Софроний Врачанский — автор 16 произведений. Он выступает перед современниками и потомками как создатель оригинальных творений, как переводчик, переписчик, составитель компилятивных сборников. Его жизнь и творческая, церковная и общественная деятельность все еще таят нераскрытые тайны и служат предметом научных дискуссий. В наше время, приобщаясь к творениям и фактам биографии Софрония Врачанского, мы, люди начала XXI века, пытаемся раскрыть

их культурные, литературные, социологические и исторические аспекты. Болгарин Софроний Врачанский внес свой весомый вклад в мировую духовную культуру.

Прасолова Наталья Владимировна,

к. ф. н., н. с., Библиотека Российской академии наук

К 155-летию со дня рождения и к 55-летию со дня смерти
академика Александра Теодорова-Балана

Имя Александра Теодорова-Балана имеет особое значение для болгаристики и славистики. За свою долгую жизнь он внес большой вклад в развитие болгарского языкознания и литературоведения. Его научные интересы были сосредоточены, в основном, на грамматическом строе болгарского языка, особенностях болгарской фонетической системы, на борьбе с заимствованиями и на обогащении болгарского языка за счет народных слов, ему принадлежат публикации и по истории болгарской литературы.

А. Теодоров-Балан родился 27 октября 1859 г. в селе Кубей, Бессарабия (нынешняя Украина). Изучал филологию сначала в Праге, затем в Лейпциге. В Праге защитил докторскую диссертацию «О звуке *ь* в новоболгарском языке». С 1884 г. работал в Софии в Министерстве народного просвещения, преподавал историю и диалектологию болгарского языка в Высшем педагогическом училище (ныне Софийский университет им. Св. Климента Охридского). В январе 1889 г. А. Теодоров-Балан был избран первым ректором Софийского университета и затем переизбирался еще несколько раз. До конца своей долгой жизни он продолжал работать. Он автор более 900 трудов по болгарскому языку и литературе, биографий Кирилла и Мефодия, Софрония Врачанского, Паисия Хилендарского. А. Теодоров-Балан сыграл важную роль в формировании болгарского литературного языка. Известен также тем, что изобретал взамен турцизмов и грецизмов новые слова, многие из которых прочно вошли в язык (*възглед, дейност, заплаха, излет, летовище, общувам, поява, предимство, становище, съвпадеж, творба, украса, усет, хижа*). С 1920-х гг. вел борьбу за правописание болгарского языка, закончившуюся принятием в 1945 г. современной орфографии. В последние годы жизни он задумал большую работу по болгарской грамматике и успел издать четыре части (внешняя и внутренняя форма слов, имя, глагол). А. Теодоров-Балан прожил почти 100 лет и умер в Софии 12 февраля 1959 г.

Сергунина Марина Николаевна,

соиск., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

О роли контекста при переводе паремий

Цель данной работы — определить степень языковой эквивалентности русских и болгарских пословиц и выявить оттенки значений, проявляющиеся в контексте. Материалом служат пословицы учебного русско-болгарского

словаря пословиц для изучающих русский язык в болгарских школах С. Влахова. Общее количество единиц — 218 русских и 320 болгарских пословиц (одной русской в результате многозначности может соответствовать от одной до четырех болгарских). Для сопоставления пословиц взяты традиционно выделяемые типы межъязыковой эквивалентности: полные эквиваленты, частичные эквиваленты, безэквивалентные, аналоги. Все 218 русских пословиц были проверены по русско-болгарскому переводческому корпусу Великотырновского университета. В корпусе нами было выявлено 33 употребления пословиц из словаря С. Влахова. Одиннадцать — полные аналоги, их перевод пословиц в словаре С. Влахова полностью совпадает с найденными в корпусе. Шесть переведены образными выражениями или устойчивыми словосочетаниями, экспрессия в данном случае сохранена лишь частично. Еще шесть не были переведены ни пословицами, ни даже устойчивыми словосочетаниями, а обычными словами и выражениями. Четыре пословицы переведены не аналогами и эквивалентами, данными в словаре, а теми пословицами болгарского языка, которые больше подходили по контексту, чем словарные варианты. Семь были изменены и осовременены авторами произведений, что было полностью отражено в переводе. По сложности перевода пословицы и ФЕ занимают одно из первых мест, особенно если это касается близкородственных языков. При переводе паремий и фразеологических единиц очень важную роль играет контекст, что безусловно необходимо учитывать в переводческой практике, т. к. именно он помогает понять истинное значение устойчивого сочетания с переносным значением.

Стоянова Радостина Стоянова,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Лингвистические наблюдения над двумя славянскими версиями «Слов постнических» Исаака Сирина

«Слова постнические» (*λόγοι ἠσκητικοί, sermones ascetici*) Исаака Сирина, писателя-аскета VII в., появляются в славянской рукописной традиции в начале XIV в. Они представлены двумя версиями (версия А и версия В). Славянские переводы, осуществленные на базе одного и того же греческого текста, восходящего к оригинальной сирийской версии, возникают в разное время. Лексические различия, выявленные в параллельных контекстах славянских версий «Слов постнических» Исаака Сирина, свидетельствуют, во-первых, о том, что переводчиками последовательно выбран корпус лексики, характерный для древнеболгарских памятников, во-вторых — о формировании лексической синонимии как явления древнейшего литературного языка славян. В области синтаксиса и грамматики больших отличий между двумя версиями не выявляется. Однако можно отметить некоторые различия — разное управление глаголов, разные падежные формы, разные формы повелительного наклонения, разные формы для образования будущего времени и т. д.

Терехова Валентина Ивановна,

к. и. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

Н. С. Державин о монастырях-памятниках духовной культуры Болгарии

Обращаясь к наследию академика Николая Севастьяновича Державина, его многотомному труду «История Болгарии», мы находим следующую информацию: «С окончательным завоеванием в 1396 г. Болгарии турками болгарский народ подпал под двойное иноземное иго: в политическом отношении он оказался во власти турок, а в культурном (язык, письменность, церковь и школа) — во власти греческого фанариотского духовенства. Положение болгарского народа под этим двойным гнетом казалось безнадежным: над ним нависла угроза культурного одичания и полной денационализации. Территория России всегда была приютом для тысяч болгарских беженцев. Самое важное, в чем нуждался в это время болгарский народ, это была материальная и культурная поддержка монастырей, бывших для того времени культурно-просветительскими очагами» [Н. С. Державин. История Болгарии: М.-Л., 1945; т. 1, с. 234]. Фактом является и то, что из России болгарские монастыри и церкви получали финансовую поддержку. В Болгарию отправлялось большое количество книг преимущественно церковной тематики, «не давших угаснуть культурно-национальному сознанию болгарского народа и поддерживавших его грамотность и просвещение» [Н. С. Державин. История Болгарии: М.-Л., 1945; т. 1, с. 234]. Именно так Н. С. Державин определил роль монастырей в самый трудный период истории болгарского народа и отметил значимость духовно-культурных связей России и Болгарии. Многовековые дружественные отношения народов двух стран содержат в своем фундаменте идеи славянского единства, чувство близости и культурно-религиозной общности.

Автор статьи разделяет позицию тех, кто считает, что в настоящее время монастыри Болгарии являются не только памятниками духовной культуры, но и центрами сохранения и распространения православия. Мотивация у людей, посещающих монастыри, разная, но вместе с тем есть то, что объединяет — желание прикоснуться к Вечности. В своем сердце уносят люди свет и радость.

Шанова Зоя Кузьминична,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Болгарская академия наук — прошлое и настоящее: к 145-летию

Болгарская академия наук, отмечающая 145-летие, ведет свое начало от Болгарского научно-литературного общества (*Българско книжовно дружество* — БКД) — просветительской организации, созданной в 1869 г., еще в период турецкого ига, болгарскими эмигрантами в г. Браила (Румыния). Руководителями БКД были Марин Дринов, председатель, и Васил Друмев, заместитель председателя и редактор печатного органа БКД журнала «*Периодическо списание*» (1870—1876). После освобождения Болгарии от

турецкого ига БКД переместилось в Софию (ноябрь 1878 г.), вновь стал издаваться журнал *Периодическое списание* (1882—1910). В 1911 г. БКД было переименовано в Болгарскую академию наук (БАН), тогда в БАН было три отделения — историко-филологическое, природо-медицинское и государственно-научное. В 1949 г. БАН была реорганизована и подчинена Совету министров Болгарии, в 1950—1980 гг. были созданы десятки НИИ. БАН стала национальным центром научных исследований. По данным на 1970 г., БАН состояла из 9 отделений, 50 НИИ, лабораторий и групп. В составе Академии было 46 академиков, 53 члена-корреспондента и 68 иностранных членов. Библиотека насчитывала свыше 850 тыс. томов. БАН публиковала «Доклады» (с 1948), «Известия» различных институтов и др. научные периодические издания. Академия была тесно связана с вузами страны. В результате реформы БАН, проведенной после 1989 г., были сокращены 28% структурных образований и 42% персонала. В 2009 г. по инициативе БАН была проведена международная оценка исследовательской деятельности БАН. В соответствии с полученными рекомендациями Академия осуществила к 2011 г. полное переструктурирование исследовательского потенциала. Число исследовательских звеньев было сокращено на 30%. Были сгруппированы 9 исследовательских направлений, в которых доминирует программный, а не дисциплинарный характер. В настоящее время БАН переживает не лучшие времена, но несмотря на недостаток средств, болгарские ученые побеждают в конкурсах и участвуют в международных проектах.

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Аниконова Анна Владимировна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Сатирические традиции в постмодернистском романе
Петера Пиштянека “Rivers of Babylon”

(на материале словацкого романа и его английского перевода)

Роман Петера Пиштянека, известного словацкого прозаика, “Rivers of Babylon” (1991), был переведен на английский язык в 2007 г. и опубликован в Лондоне издательством Гарнетт Пресс. Петер Пиштянек — известный словацкий прозаик. Произведения Петера Пиштянека, одни из немногих произведений современной словацкой литературы, были переведены и изданы в Хорватии, Турции, Чехии, Франции, Сербии и Великобритании. Интерес англоязычных читателей к роману привлек нестандартный сюжет. В романе “Rivers of Babylon” с юмором и сарказмом описывается период, когда одна политическая система заменяется другой, а сила и власть переходит к маргинальной части общества, берущей под свой контроль финансовые потоки. В нашем докладе мы рассмотрим формы проявления таких комических компонентов текста, как сатиры и юмора, в романе “Rivers of Babylon”, а также особенности их перевода на английский язык.

Бодрова Анна Геннадьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Женский индийский текст на немецком и на сербском языке (на примере травелогов Альмы Карлин и Елены Димитриевич)

Биографии и произведения немецкоязычной писательницы словенского происхождения Альмы Максимилианы Карлин (Alma Maximiliana Karlin, 1889—1950) и сербской писательницы Елены Димитриевич (Јелена Димитријевић, 1862—1945) обнаруживают много общего. Хотя они родились в разных странах, Карлин — в Австро-Венгрии, Димитриевич — в княжестве Сербия, обе они в ходе исторических изменений стали гражданками одного государства — Королевства сербов, хорватов и словенцев (позднее Югославии). Писательниц объединяет интерес к другим странам и цивилизациям, при этом путешествовали они без сопровождения, примерно в одно время. Маршруты писательниц во многом отличаются, однако в обоих случаях изумляет количество увиденных стран. В творчестве этих авторов травелог занимает значительное место. Многих писателей, философов и художников первой половины XX в. интересовала Индия как страна с одной из древнейших культур. Примечателен тот факт, что обе писательницы посетили Индию в одном и том же году (1927), а содержащие индийские впечатления книги «Под чарами Южного моря» (Im Banne der Südsee, 1930) Карлин и «Письма из Индии» (Писма из Индије, 1928) Димитриевич вышли с небольшим временным интервалом. Поэтому не может не возникать вопрос о сходстве и различии восприятия другой страны двумя югославскими путешественницами. Путевые заметки Карлин и Димитриевич обнаруживают сходство в выборе тем: размышления об индуизме и обычаях индийцев, интерес к женскому движению, детальное описание внешности местных жителей и др. Однако Димитриевич Индию связывает с фигурами Ганди и Тагора (знакомству с индийским поэтом посвящена большая часть текста), борцами за независимость страны, и проводит параллель с освобождением своей родной Сербии. Карлин более пристальное внимание уделяет местным религиозным обрядам, в ее сочинении чувствуется заинтересованность ученого, при этом, особенно на фоне Димитриевич, очевиден ее колониальный взгляд на другую страну.

Бразговская Елена Евгеньевна,

д. ф. н., проф., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Милош — переводчик Милоша

Чеслав Милош, Нобелевский лауреат в области литературы, в большей степени известен как поэт, эссеист, автор поэтических трактатов о поэзии и теологии, работ по истории литературы. Меньшей известностью обладает Милош-переводчик. Между тем, «доля» переводческой практики в творчестве поэта очень значительна.

Предмет анализа — автопереводы, которыми Милош активно занимался в последние годы жизни. В качестве основной причины обращения

к переводам собственных текстов следует указать продуманную стратегию самопрезентации в пространстве английского языка (Б. Карвовска) и неудовлетворенность работой своих переводчиков.

Обращению к переводам собственных текстов, в определенной степени, способствовало то, что в Беркли, как и во времена литовской молодости, Милош *существовал на границе двух языков и культур, одновременно, как кентавр, принадлежа каждой из сторон* (Т. Венцлова, А. Загаевский).

Работа Милоша над автопереводами рассматривается в контексте литературного билингвизма. *Отличительной чертой художественного билингвизма можно считать число и интенсивность практик, связанных с использованием двух языков*: создание и интерпретация текста на другом (не материнском) языке, перевод, автоперевод и даже стилизации как работа по освоению других «индивидуальных» языков. Все перечисленные художественные практики связаны с переходами с языка на язык. Поэтому для обозначения этой способности лучше использовать термин *литературный транслингвизм*. К видам автопереводческой практики у Милоша можно также отнести жанр комментариев к собственным текстам.

Цель автоперевода в понимании Милоша — преодоление языковых и культурологических барьеров между литературами. Переводческую стратегию Милоша отличает установка на *точный иконический* перевод, максимальное приближение к своему «оригиналу». Анализируются случаи, когда поэт в англоязычном тексте комментирует интертекстуальные отсылки своего «оригинала».

Князькова Виктория Сергеевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Перевод словацкой литературы для детей и юношества на языки Европы

Словацкая детская литература, малоизвестная за пределами собственной страны, обладает самобытным стилем, яркими образами, интересными сюжетами, своеобразными персонажами. Общеизвестно, что литература для детей имеет свою специфику, обусловленную возрастными особенностями юных читателей. Так же и ее перевод имеет свои особенности, характеризующиеся, прежде всего, потребностями принимающей литературы на данном этапе ее развития. Перевод словацкой литературы для детей и юношества в настоящее время представляет собой двусторонний процесс. С одной стороны, это работа литературных центров и институтов Словакии, стремящихся к продвижению национальной литературы в странах Европы. Так появляются сборники переводов и двуязычные издания детской литературы, публикуемые в Словакии. С другой стороны, это личная заинтересованность специалистов и переводчиков словацкой литературы за рубежом. Такие переводы часто появляются исключительно в электронных изданиях и журналах. Из словацких авторов детской литературы самую большую известность за границей приобрел Л. Фельдек, переводятся также книги Д. Душка, В. Шикеры, Я. Блажковой, М. Валека и др.

Кондратенко Михаил Михайлович,

к. ф. н., доц., Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Семантическая структура народного календаря и времени суток в южнонемецких и славянских говорах

Лексика времени обладает в говорах особым статусом не только из-за значительного количественного состава, но и вследствие важной роли при номинации самых разных понятий, например, объектов сельскохозяйственной деятельности человека, например: *józefówka* — ‘*kapusta siana w dzień św. Józefa*’ в польских загожанских говорах. Обозначения времени — это фрагмент общей картины мировосприятия, сегментируемой языком, или, говоря иначе, определенной частью содержащейся в языке структуры значений и их интерпретаций. Оба эти аспекта взаимосвязаны, поскольку сам способ языковой сегментации, актуализация на лексическом или семантическом уровне внеязыковых реалий и их атрибутов содержат в той или иной степени оценку обозначаемого. Семантическое пространство времени, создаваемое системой значений отдельных номинативных единиц, складывается из взаимосвязанных фрагментов. К числу таких фрагментов можно отнести структуру календарного года, в частности, набора его маркированных элементов — праздников, и структуру суток. Как показывает собранный материал, диалектная сегментация народных праздников обладает рядом особенностей в немецких, польских и русских диалектах. Прежде всего это актуализация в наименовании календарного цикла разных событий хозяйственной и духовной жизни немцев, западных и восточных славян. В номинации времени суток также отражается различная значимость тех или иных отрезков времени дня в традиционной культуре носителей диалектов.

Котова Марина Юрьевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Современные болгарские пословицы и их английские пословичные параллели

В докладе рассматриваются только наиболее употребительные болгарские пословицы, отмеченные болгарскими респондентами нашего социолингвистического паремиологического эксперимента 2003 г. и поддержанные контекстами, извлеченными из сети Интернет (2008—2013 гг.). Болгарские пословицы, отобранные для анализа в данном докладе, имеют общую особенность: все респонденты единодушно указали один и тот же вариант, и в интернет-контекстах используется тоже именно этот вариант. Количество информантов, отметивших эти пословицы, составляет 89%—99% (от 100 полученных паремиологических опросников). Сопоставление таких болгарских пословиц с употребительными пословицами другой языковой группы — германской предположительно может привести к выявлению

интернациональных пословиц. Наш болгаро-английский материал, частично это подтверждает, например: *Много шум за нищо — Much ado about nothing*; *Един за всички, всички за един — One for all, all for one*. Однако подобные примеры на этом и исчерпываются. Здесь укажем болгаро-английские пословичные параллели с похожей образной основой: *Клин клин избива — One nail drives out another* и с абсолютно разной внутренней формой: *Насила хубост не става — You can take a horse to water but you cannot make him drink*.

Михайлова Антоанета Стоянова,

к. ф. н., доц., Юго-Западный университет им. Неофита Рильского (Болгария)

Болгария во время «перехода» в произведениях трех писательниц болгарского происхождения

Три писательницы с болгарскими корнями, но с разным социальным происхождением, жившие в разное время и при разных социальных условиях в Болгарии, возвращаются обратно в страну своего детства, чтобы своими глазами увидеть перемены, наступившие после падения тоталитарного коммунистического режима. По воспоминаниям о прошедшем времени, по историям родных и знакомых, через рассказы случайных, незнакомых людей они показывают Болгарию во время перехода, Болгарию перемен, нового времени и новых надежд; Болгарию новых партий и безработицы, Болгарию недостатка и бедности. Имидж маленькой балканской страны за рубежом не соответствует жизни населения. Ошибочный имидж не находит подтверждения в реальной жизни.

Михлова Марие,

студ., Карлов университет (Прага, Чехия)

Исторический обзор чешско-шотландских культурно-литературных контактов

Чешские земли и Шотландия сблизилась в 1613 г. благодаря браку чешского короля с Елизаветой Стюарт, дочерью шотландского короля. Нельзя сказать, что до этого времени эти два маленьких государства с романтической природой не имели ничего общего, ведь их золотым веком было высокое Средневековье, время войн и религиозных конфликтов. Оба государства в той или иной степени должны были приспособиться к более сильному соседу: что касается Шотландии, то это была Англия, в случае Чешских земель — Германия. Антигерманский и антианглийский дух снова проснулись в начале XIX века, когда в обеих странах проходил процесс национального возрождения, черпавший идеи друг от друга. Например, шотландская псевдоисторическая поэзия, приписываемая перу некоего Оссиана, была переведена на чешский язык молодым поэтом Й. Голлманном.

Позднее появились переводы на чешский язык стихотворений Р. Бернса и произведений В. Скотта. Выдающимся пропагандистом всего того, что

было связано с Шотландией, был переводчик Ян Ваня, который в 1870 г. изучал теологию в Эдинбурге. Он оставил воспоминания о пребывании в Шотландии. Следующим выдающимся студентом, получавшим образование в этой стране, был Ян Карафиат, он тоже жил в Эдинбурге и тоже опубликовал об этом воспоминания. Карафиат познакомился в этом городе со своей духовной советницей аристократкой Д. Бачанан, которой он посвятил прославленную книгу «Светлячки». Стихи, связанные с воспоминаниями о Шотландии, писал Г. Дорфл. Самым выдающимся шотландцем, который в XIX веке посетил Чешские земли, считается историк Томас Карлайл, однако его воспоминания, к сожалению, — это самые критические очерки о Чехии, вышедшие в Великобритании в то время. Во время Первой и Второй мировых войн освобождать Чешские земли помогал шотландский историк и славист Р. Сетон-Ватсон, который и после 1948 г. оказывал помощь чешским беженцам в Великобритании. В начале 1920-х годов прошлого века в Чехии жил и писал о ней поэт Эдвин Мюрр.

Михлова Светлана Львовна,

PhD, преп., Чешский технический университет (Прага, Чехия)

Категория нонсенса в английской и чешской литературе

Чешская среда кажется идеальной для развития литературы нонсенса. Одно из самых известных произведений чешской литературы, «Похождения бравого солдата Швейка» Гашека, построено не только на пародии, но и на поэтике нонсенса. Еще один всемирно известный писатель, вскормленный Прагой и пражской культурой, Кафка — это мастер темного нонсенса. Типичным чешским театром с непереводаемым юмором является уже много лет театр Яры Циммермана, это театр абсурда и нонсенса, построенных как на языковой, так и ситуативной основе. Несмотря на, казалось бы, хорошую подготовленность чешского читателя воспринимать литературу нонсенса, дело обстоит совсем непросто. Это можно проследить на примере поэзии нонсенса для детей и взрослых, начиная типичным жанром, стихами, прозванными лимериками. В работе прослеживается судьба переводов лимериков Эдварда Лира на чешский язык (переводы Жачека и других авторов), далее рассматриваются авторские лимерики Жачека и других чешских поэтов, например, Дедечка, Лампла, Борковца и др. Отдельно рассматривается творчество замечательного чешского поэта Эммануила Фринты, его наследие переводчика и авторские произведения. Далее говорится о связи поэзии нонсенса и чешской литературы других жанров в связи с пониманием нонсенса так, как это стало традицией после появления «Алисы в стране чудес» Кэрролла. Упоминаются такие авторы как Йозеф и Карел Чапеки (их творчество для детей), М. Мацоурек, Иван Высокочил, Й. Лада, К. Полачек и др. Дается краткое сравнение с восприятием английской детской литературы нонсенса в русской и чешской языковой среде. Сравниваются разные дефиниции понятия «литература нонсенса» и анализируются переводы одного и того же произведения разными авторами и варианты перевода одного автора.

Повторуха Наталья Васильевна,
преп., Донецкий национальный университет (Украина)

Термины-эпонимы в системе метрологической лексики в сопоставительном аспекте (на материале немецкого и украинского языков)

В современной лингвистике находят отражение проблемы метрологии — науки о мерах и весах. Метрологическая терминология (далее — МТ) представлена эпонимами — наименованиями единиц измерения по фамилиям ученых, напр.: нем. *Ohm* «ом», укр. *ват* «ватт». Объект данной работы — эпонимы в системе метрологической лексики в немецком и украинском языках. Материалом служат 378 единиц (186 в немецком языке и 192 — в украинском), отобранных путем сплошной выборки из толковых и специализированных словарей исследуемых языков. Цель работы — установление общих и отличительных черт терминов-эпонимов в немецком и украинском языках. Языковеды рассматривают эпонимы как часть научно-технической терминологии (В. В. Вахромеева, М. Дзюба, Р. Микульчик, Е.-М. Christoph, Н. Picht). В лингвистике отсутствуют исследования, посвященные сопоставительному изучению МТ на материале немецкого и украинского языков, что и обусловило актуальность данной работы. Ф. А. Циткина отмечает, что сопоставительное изучение внутренних и внешних отношений в структурах разноязычных терминологий помогает глубже проникнуть в сущность специфики каждой терминологической системы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В основе терминов-эпонимов в области МТ исследуемых языков лежит антропонимический перенос по модели «фамилия ученого — единица измерения», напр.: *Ампер* — *ампер*. Они являются омофонами, при этом имя собственное становится нарицательным, или апеллятивом (Л. М. Щетинин). Согласно В. Фляйшеру, в этом случае происходит деонимизация.
2. МТ может употребляться сокращенно, как в виде акронимов, напр.: нем. *V* — *Volt*, укр. *B* — *вольт*, так и апокоп, напр.: нем. *Gal* 'гал' для обозначения единицы измерения галилей.
3. Термины-эпонимы являются заимствованиями и употребляются в терминосистемах многих языков, потому их можно считать интернационализмами.
4. В отличие от украинского языка, в котором широко представлены юкстапозиты, в немецком употребляются композиты.

Раина Ольга Викторовна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Польско-английские пословичные параллели

Интерес к паремиологии постоянно увеличивается, следствием чего являются созданные многоязычные словари пословиц. Сопоставительное изучение пословиц польского и английского языков позволяет выявить

общие и индивидуальные особенности паремий в каждом из них. Были исследованы польские, выявленные посредством компьютерной обработки польских анкет участников социолингвистического паремиологического эксперимента, который проводился в 2003 г. в университетах Польши под руководством профессора М. Ю. Котовой, и английские паремии, выбранные из «Тетрадей паремиографа. Выпуск 4. Английские пословичные параллели русских пословиц паремиологического минимума» (электронная база). В ходе данного исследования были выявлены частотные широкоупотребимые пословицы польского и английского языков. Отобранные польские и английские пословицы были сопоставлены между собой. В результате анализа польско-английских употребительных пословиц была приведена их тематическая классификация в соответствии с «Русско-славянским словарем пословиц (с английскими соответствиями)» (Котова М. Ю., СПб., 2000). Паремиологическая параллель *Ten się śmieje, kto się śmieje ostatni* (букв. Тот смеется, кто смеется последний) // *He laughs best (longest) who laughs last* (букв. Лучше (дольше) всех смеется тот, кто смеется последний) состоит из относительных эквивалентов. Вариантность имеет лишь один компонент этой пословицы. В английском варианте, в отличие от польского, присутствует наречие в превосходной степени — *best (longest)* (букв. лучше (дольше) всех). Остальные компоненты данной пословицы, представленной в этих языках, совпадают. В РССПАС данная пословица приведена под заголовком «Время. Терпение» в рубрике «Призыв к терпению — конец терпения» и заголовком «Конфликтность» в рубрике «Источник конфликта — исход конфликта». Обе пословицы одинаково широко употребительны.

Сергиенко Олеся Сергеевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Английские параллели наиболее широко употребительных современных чешских пословиц

В современной чешской паремиологии и паремиографии проблема наличия пословичных параллелей в чешском и английском языках еще не нашла должного отражения. Довольно разрозненно такие параллели представлены в словаре Фр. Чермака «*Slovník české frazeologie a idiomatiky. Vyrazy větné*» (2009). Наряду с чешскими, английские соответствия русских пословиц, входящих в паремиологический минимум русского языка, представлены в «Русско-славянском словаре пословиц с английскими соответствиями» М. Ю. Котовой (2000). Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть корпус наиболее широко употребительных современных чешских пословиц на предмет наличия параллелей в английском языке — будь то эквивалент или аналог различной степени приближенности к исходной пословице. При отсутствии пословичной параллели в современном английском языке в качестве способа перевода будут предложены возможные кальки или описательный перевод. Чешские пословицы также рассматриваются с точки зрения их происхождения, образности, наличия или отсутствия вариантов употребления, исследуются тенденции

современного чешского языка к преобразованию наиболее широко употребительных пословиц и способы отражения этих преобразований при переводе на английский язык.

СЛАВЯНСКАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ И ПАРЕМИОГРАФИЯ

Wysoczański Włodzimierz,

д. ф. н., Вроцлавский университет (Польша)

Современная польская паремиография

Предлагаемое обсуждение показывает современную паремиографию польскую в двух плоскостях. Во-первых, излагаются актуальные подходы в пределах паремиографии как науки о теории и практике сопоставления паремиологических словарей в пределах лексикографии, понимаемой как раздел языкознания, касающийся теории и практики формирования словарных разработок. Анализ сосредоточится прежде всего на паремии, являющейся объектом лексического описания. Наряду с рассуждениями теоретическими и методологическими, второе течение относится к образованию паремиологических словарей, т. е. к лексикографии, отождествляемой с созданием словарей (лексикографией). Областью исследовательского интереса будут, среди прочего, издаваемые актуально паремиологические словари, главным образом книги польских пословиц, словари пословиц польских в сопоставлении с пословицами других языков, тематические паремиографические труды.

Байрамова Луиза Каримовна,

д. ф. н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аксиологические фразеологические словари славянских языков как словари нового поколения

При построении аксиологического фразеологического словаря славянских языков используются следующие разработанные ранее нами теоретические положения о ценностях и антиценностях, аксиологических фразеологизмах, аксиологическом векторе, аксиологеме, аксиологической диаде, отражающей (как минимум) десять ценностей и антиценностей (жизнь — смерть; здоровье — болезнь; счастье — несчастье; родина — чужбина; труд — отдых, безделье; богатство — бедность; ум, знания — глупость, невежество; правда — ложь; смех — плач; рай — ад), репрезентируемых фразеологизмами любого славянского (и неславянского) языка. Аксиологический фразеологический словарь славянских языков имеет слотовую структуру, т. е. аксиологемы расшифровываются слотами, выполняющими функцию своеобразного семантико-дефиниционного знаменателя. Слото-

вая структура аксиологического словаря позволяет заполнять компоненты слотов фразеологизмами любого языка, соответствующими определенному компоненту слотов. Построение подобного аксиологического фразеологического словаря славянских языков учитывает параметры: аксиологический, историко-этимологический, универсально-уникальный. Аксиологический параметр связан с материалом словаря — он представляет аксиологические фразеологизмы в диадах, функция историко-этимологического параметра заключается в том, что дефиниции фразеологизма дополняются исторической, этимологической, мифологической, прототипической, лингвокультурологической, интралингвистической, этнолингвистической и т. п. информацией. Универсально-уникальный параметр аксиологического фразеологического словаря славянских (и неславянских) языков раскрывает универсальность ценностей и антиценностей, а фразеологизмы конкретного языка, репрезентирующие эти ценности и антиценности, раскрывают уникальность того или иного фразеологизма, о чем свидетельствует «дополнительная» к дефинициям информация.

Барчот Бранка,

докт., Загребский университет (Хорватия)

Насколько же на самом деле фальшивы крокодиловы слезы?
Лингвокультурологический подход к анализу хорватских
фразеологизмов *krokodilske suze* и *liti (roniti) krokodilske suze*

Статья посвящена вопросу семантического сдвига и/или расширения значения хорватских фразеологизмов *krokodilske suze* и *liti (roniti) krokodilske suze*. В конце XX в. во фразеологии выделяется особое направление когнитивно-интерпретационного характера. Так как новая парадигма в лингвистике по своей сути антропоцентрична, это новое направление во фразеологии, т. е. лингвокультурологический метод, включает в себя отношение человека как говорящего к обозначаемому. Поэтому в настоящей статье представлен эксперимент, проведенный с носителями языка. Испытуемыми были студенты Философского факультета Загребского университета (общей численностью 50 человек). Инструкции для испытуемых были: письменно, в свободной форме истолковать фразеологизм, указав его 1) значение, и 2) ассоциации, вызванные этим фразеологизмом. Все полученные информации включены в модель значения названных фразеологизмов и понимаются как свернутый текст. В основе обработки эксперимента будет использована методика описания материала, предложенная М. Л. Ковшовой в ее экспериментах. В интерпретации ответов испытуемых в скобках отметим тип информации, извлеченный нами из значения фразеологизма: денотативно-сигнификативный (Д), оценочный (О), образно-мотивационный (М), аллюзивно-иллюстративный (Алл) и эмоциональный (Э). Данная статья рассматривает синкретизм значения и целостное восприятие этих фразеологизмов, а ее главной целью является попытка ответить на вопрос, изменилось ли значение фразеологизмов *krokodilske suze* и *liti (roniti) krokodilske suze*, или речь идет лишь о расширении их значения.

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Цветовая палитра национальной фразеологии

Существует мнение, что идиоматика — застывшая во времени, но вместе с тем живая, развивающаяся культура народа, временной срезу развития национального менталитета. Идиоматика, с одной стороны, сопоставима с музыкальным произведением, которое, будучи написанным и однажды представленным публике, начинает жить собственной жизнью, прирастая образами, возникающими в сознании слушателей, и, со временем, национальными коннотациями. С другой стороны, в музыкальном произведении навсегда сохраняется отражение личности создателя, даже если его имя с веками стирается из памяти народной. Аналогичная ситуация, на наш взгляд, присуща фразеологизмам: с одной стороны, автор фразеологизма, оставшийся неизвестным Психологи справедливо утверждают, что цветовосприятие обусловлено не только психическими особенностями индивида, но и теми культурно обусловленными ментальными установками, которые детерминирует эмоциональное восприятие цвета представителями разных национальностей. Таким образом, коннотативность как примарное свойство человеческого сознания и мышления имеет выраженный этнопсихологический характер. Фразеологические единицы с цветовым компонентом составляют одну из древнейших групп национальной фразеологии и в то же время — наиболее употребительную часть фразеологического состава русского и других славянских языков. Слова-цветообозначения, лежащие в основе фразеологизмов с колористическим компонентом, многозначны и широко употребительны, характеризуются особой семантической продуктивностью и большим потенциалом, в том числе сочетаемостным. Но главное их достоинство — развитие коннотативные поля, компоненты которых привносят во фразеологизмы образность и эмоционально-экспрессивные компоненты значений. Исследование фразеологизмов с колористическим компонентом позволяет выявить и объяснить культурно обусловленные различия в менталитетах и языках родственных народов, а также выявить факты и каналы заимствований.

Вальтер Харри,

д. филос. н., проф., Университет Грайфсвальда (Германия)

Национальное и общеевропейское в нидерландских пословицах Питера Брюгеля

1. В прагматическом плане большинство таких исследований, отталкивающихся от идеи В. Гумбольдта об «индивидуальных образах, в которых отражается индивидуальный характер народа» направлены в конечном итоге на поиски национальной специфики языка как культурологического феномена. В русистике, например, эти поиски устремлены к реконструкции «собственно русской» картины мира, что в какой-то мере соответствовало центробежным политическим и национальным

тенденциям послеперестроечного времени и потому, как кажется, и стали столь привлекательными для лингвистов.

2. Сам термин *картина мира* восходит еще к догумбольдтовскому времени — к дидактической системе Яна Амоса Коменского, книга которого (изданная в 1658 г.) так и называется — «*Svět v obrazech*» — «Мир в картинах». При этом нельзя не заметить, что термин *языковая картина* у Амоса Коменского и его последователей был маркирован двумя важными характеристиками, которые почти отсутствуют в новейших интерпретациях данного направления. Во-первых, исходный «языковой мир в картинах» был европоцентричным, т. е. предполагавшим постоянную переключку близких культур и языков Европы. Во-вторых, межъязыковое сопоставление поддерживалось в традиционных поисках языковой картины мира последовательным историзмом.
3. Коллекционирование пословиц было одним из энциклопедических увлечений XVI в. Питер Брейгель предложил нечто больше, чем простая опись содержания: он окунул нас в мир, где все наоборот, «шиворот навыворот», а в центре изобразил дьявола, который в рясе священника выслушивает исповедь. Иногда картина фигурирует под названием: «Нидерландские пословицы» или «Мир вверх тормашками». В живописном пространстве (размеры полотна 117x163 см) художник поместил более ста иллюстраций к народным пословицам, басням, поговоркам и прибауткам. Смысл некоторых из них понятен европейскому (в том числе и славянскому) зрителю без объяснений: персонажи Брейгеля водят друг друга за нос, садятся между двух стульев и др.

Вильк Габриела,

к. ф. н., асс., Силезский университет (Катовицы, Польша)

Субстандартная фразеология в польских и русских словарях: теоретические и практические аспекты

Язык, как известно, постоянно меняется. Как отмечает В. М. Мокиенко, «если еще совсем недавно главным ее [системы русского языка, польского также. — Г. В.] ориентиром был литературный стандарт, то теперь этот ориентир развернут в противоположную сторону, с явным креном к субстандарту в широком смысле» [Мокиенко, 2004, 36]. Изменения, происходящие в языке, неизбежно находят свое отражение при лексикографическом описании его словарного состава, о чем свидетельствует появление в последние десятилетия многочисленных словарей ненормативной лексики — сленга, жаргонов, аргю. Подобными словарями богат прежде всего российский издательский рынок. В Польше таких словарей до сих пор было издано намного меньше.

В связи с усиливающейся тенденцией фиксировать то, что находится за пределами литературной нормы, возникает вопрос, в какой степени и каким способом словари отражают богатство субстандартной фразеологии. В предлагаемом исследовании предпринимается попытка охарактеризовать существующие словари в указанном отношении. При этом затрагиваются

также вопросы, которые встают перед лексикографами, составляющими словари ненормативных ФЕ.

Собственно фразеологических словарей русского, а также и польского, субстандарта крайне немного. Ненормативные ФЕ можно найти прежде всего в словарях сленга (жаргона, аргю), при толковании отдельных слов, часто в словарной статье их опорного компонента.

На основании проделанного нами анализа словарных статей можно сделать вывод о том, что при включении той или иной ненормативной ФЕ в словарь неизбежно появляется проблема, связанная с нечеткостью границ между разговорной речью, просторечием, сленгом, жаргоном и аргю. Лексикографической задачи не облегчает также и то, что многие ФЕ функционируют преимущественно в устной речи, часто оказываясь многозначными, исчезая к тому же нередко так же быстро, как появляются.

Гулякова Антонина Александровна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Способы семантизации шведских фразеологизмов в русскоязычной аудитории (лексикографический аспект)

Проблемы семантизации фразеологизмов возникают как у переводчиков, так и у преподавателей русского языка как иностранного, например, в ходе чтения текстов, изобилующих идиоматикой. В методической литературе выделяются следующие способы семантизации лексики: рисунок, картинка, схема, синоним, антоним, словообразовательный анализ, контекст, толкование, перевод. В работе с фразеологизмами в принципе возможно использование всех способов семантизации, характерных для лексики. При этом чаще всего используется синоним (*после дождичка в четверг* «никогда») и толкование (*без царя в голове* «глупый, легкомысленный человек»). Хорошая картинка помогает понять внутреннюю форму фразеологизма и лучше запомнить его. Не случайно многие современные учебные пособия по русской и сопоставительной фразеологии иллюстрируются. Буквальный перевод, даже визуализированный, не исключает подбора подходящего эквивалента. Здесь начинаются трудности семантизации фразеологизмов как при их презентации в аудитории, так при лексикографическом описании. Перевод может эффективно использоваться и как средство обучения. Методисты, обычно спорящие о целесообразности оперативного перевода лексики, практически единодушно подтверждают оправданность подобного переводного толкования фразеологии. Способы такой семантизации можно представить при сопоставлении фразеологизмов русского и шведского языков: 1) перевод фразеологизмами, тождественными по своему компонентному составу, семантике, стилистике и функции в тексте (полные эквиваленты); 2) перевод фразеологизмами, тождественными семантически и функционально (частичные и относительные эквиваленты, аналоги); 3) перевод словом, словосочетанием, предложением с описательной экспликацией значения фразеологизма (описательный перевод). В докладе будет показано, как эти три типа перевода воплощаются в двуязычной лексикографии.

Гулякова Ирина Геннадьевна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеографический комментарий к словоупотреблению в поэзии Михаила Щербакова

В поэзии фразеологизмы редко употребляются в нормативном виде. На употребление фразеологизмов влияют ритм, рифма, подтекст, аллюзии, вызывая переосмысление и трансформации многих устойчивых словосочетаний. Эта особенность фразеопотребления давно замечена фразеологами, но лишь недавно стала объектом лексикографии. А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко разработали принципы описания фразеологии в поэтическом тексте и предложили классификацию основных преобразований. Одной из главных трудностей лексикографического описания поэтической фразеологии является отражение в рамках словарной статьи всех нюансов текстового употребления. В оптимальном случае такая статья перерастает в лингвостилистический очерк, в котором предлагается комплексная интерпретация фразеологии поэта. Очерк подобного рода о фразеопотреблении в поэзии М. Щербакова и предлагается в настоящем докладе. На основе такого очеркового анализа можно в дальнейшем строить словарную статью. М. Щербакова называют одним из самых ярких представителей русского постмодернизма наших дней, выступающим в жанре бардовской песни. Достаточно одного текста, чтобы продемонстрировать обилие фразеологизмов, используемых поэтом, полифоничность их употребления. Так, в песне «Пропадут ни за что» всего лишь в 5 строфах использовано 25 устойчивых словосочетаний самого разного типа: 1) идиомы (*голь перекатная*); 2) пословицы (*Чин чина почитай*); 3) словосочетания-клише (*Век воли не видать!*); 4) устойчивые словосочетания неидиоматического типа (*учинить потеху*); 5) прецедентные тексты (*поутру проснётся*); 6) аллюзии (*на дне ли, где вода*); 7) скороговорки (*пыль по полю летит*). Концентрация смыслов при употреблении в поэтическом тексте даже одного фразеологизма создает значительные трудности при лексикографическом описании. В докладе предлагается возможный вариант такого лексикографического решения на примере словарной статьи *витать в облаках*.

Дракулич-Прийма Драгана,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Фразеологизмы Бранислава Нушича: опыт составления фразеологического словаря писателя

К изучению фразеологии Бранислава Нушича (1864—1938) исследователи до сих пор специально не обращались, хотя язык этого известного сербского писателя-сатирика и драматурга в высокой степени идиоматичен. Проведенный анализ показывает, что в своих произведениях Б. Нушич весьма часто использует широкоупотребительные фразеологические единицы (*љут као рис, лењ као буба, пасти на памет, ни за нокат* и др.),

пословицы (*ко се задњи смеје, најслађе се смеје; на муци се познају јунаци; живи били на видели*), экспрессивную лексику (*брбљати, блентав, цилитати се, мазгов, звекнути* и др.). Также нередко для достижения определенного стилистического эффекта писатель преобразовывает известную фразеологическую единицу или вводит в канву произведения новый (авторский) фразеологический оборот (*јести као јаре ћурђевско кога, гледати као крава мртво теле* кога и др.). Особый интерес для анализа представляют национально-коннотированные выражения, многие из которых относятся к сербскому эпосу и могут явиться камнем преткновения для переводчиков (*ко је вера, а ко је невера; ако Бог да и срећа јуначка; за крст часни и слободу златну* и др.). И хотя произведения Б. Нушича создавались почти век тому назад, данный опыт составления фразеологического словаря писателя показывает, что большинство использованных автором фразеологизмов входит в активный запас современного сербского языка. Фразеологизмы, отобранные из произведений Б. Нушича методом сплошной выборки, классифицированы по ключевому слову, затем даются толкование, стилистические пометы, примеры употребления (с паспортизацией) и русские фразеологические соответствия (эквиваленты — полные или частичные аналоги). Многие словарные статьи, если это необходимо и представляется возможным, сопровождаются лингвострановедческой справкой или этимологическим комментарием. Богатый материал фразеологического словаря Б. Нушича может быть использован при составлении сербско-русского фразеологического словаря.

Еськова Анна Дмитриевна,

к. ф. н., Санкт-Петербургский государственный университет

Царь Соломон в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина»

Библеизмы в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина», как правило, используются при характеристике современной общественной ситуации. Так, в речи Диомидова слова Соломона, призывающие к воздержанию, умеренности и трезвости ума: «Плоть сытая и соты медовые отвергает, а голодной душе и горькое — сладко» (преобразованная цитата из книги Притчей) — употреблены персонажем по отношению идеям социалистов. Ср. далее: «И вот студенты и разные недоучки, медные головы, честолюбцы и озорники, которым не жалко вас, напояют голодные души ваши, которым и горькое — сладко, скудоумными выдумками о каком-то социализме, внушают, что была бы плоть сыта, а ее сытостью и душа насытится... Нет! Врут!» В реплике Диомидова плоть и душа подчеркнута противопоставлены, а в первоисточнике это почти синонимы. Возможно, *душа* значит здесь не только 'жизнь', но и 'чрево'. Подобного рода информация приводится в комментарии к словарной статье. Выражение «Песнь Песней» встретилось в приведенных Дьяконом словах Гейне: «А господин Лейбниц, который пытался доказать, что-де бытие зла совершенно совместимо с бытием божьим и что, дескать, совместимость эта тоже совершенно и неопровержимо доказывается книгой Иова, — господин Лейбниц — не более как чудачок

немецкий. И прав не он, а Гейнрих Гейне, наименовав книгу Иова „Песнь песней скептицизма“». Ср.: «Книга Иова — представляет собой Песнь Песней скептицизма, и ужасные змеи шипят и свистят в ней свое вечное: “почему?”» (Гейне, 1854). Дьякон имеет в виду трактат Г. Лейбница «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» (1710), где, в частности, книга Иова упоминается как пример теодицеи. В этой библейской книге ярко выражена идея непостижимости для человека божьего замысла о нем. В «Идеологическом словаре» библеизмы рассматриваются на фоне церковно-славянской и русской традиции, учитывается их фиксация в толковых словарях.

Зиновьева Елена Иннокентьевна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Структурно-семантические модели фразеологизмов с предлогом «за» в обиходном языке Московской Руси

Объектом исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) с предлогом *за* в русских памятниках (47 единиц) по материалам шести выпусков «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.». Предмет анализа — их лексикографическое представление в связи с семантической разработкой предлога, структурно-семантическое моделирование и особенности функционирования в обиходном языке Московской Руси. Под фразеологической моделью понимается «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающий относительную стабильность их формы и семантики» (Мокиенко, 1989: 53). Например: *за* + Вин. п. существительного с общим значением ‘воспринимать, расценивать что-л. как какое-л.’: *за честь, за неволю, за чистое, за свое, за безлеп*. В обиходном языке Московской Руси выделяются несколько структурно-семантических фразеологических моделей, которые могут: 1) семантически совпадать с одним из значений предлога; 2) одна модель в рамках словарной статьи может отсылочно иллюстрировать разные значения предлога; 3) несколько моделей могут быть отнесены к одному значению предлога. ФЕ, не образующие фразеологических моделей, могут относиться к одной и той же тематической группе или области употребления и приводиться в качестве иллюстраций к разным значениям предлога или вне конкретных значений. Выделяется ряд ФЕ, которые не образуют каких-либо объединений. Выявленные типичные фразеологические модели вербализуют важные фрагменты картины мира эпохи: восприятие, оценку чего-либо, причинность, гарантированность совершения действия, систему наказаний (лишение свободы). То же можно сказать и в отношении тематических групп ФЕ, не образующих моделей: типичные жизненные ситуации (быт, этикет, обрядность); межличностные отношения. Деловые формулы закрепляют сложившиеся юридические отношения и также вербализуют определенные типичные для рассматриваемого времени ситуации, т. е. имеют культурно-историческое значение, важны для понимания менталитета Позднего Средневековья.

Игнатьева Наталья Дмитриевна,
асп., Невский институт языка и культуры

Русско-чешская фразеологическая интерференция в словарях

Межславянская интерференция — одна из наиболее актуальных и сложных проблем современного языкознания. У близкородственных языков есть своя специфика интерференции, проявляющаяся в классе слов, которые при формальном сходстве имеют различную семантическую сегментацию. Материалом для анализа послужили работы студентов-богемистов и русистов, особое внимание уделялось фразеологическим интерферентам. В исследовании также рассматривается отражение фразеологической интерференции в языковых словарях. В России словари «трудностей» (паронимических смещений) появились в XIX в. Первым изданием такого словаря следует, вероятно, считать «Справочное место русского слова» А. Н. Греча (1-е изд. — 1839 г., 2-е изд. — 1843 г.). Не менее интересен «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко (4-е изд. — Киев, 1916). Для анализа межъязыковых параллелей использовались также толковые и этимологические словари. На философском факультете Карлова университета разрабатывался словарь чешско-русской интерференции, где чешскому слову приводится русское соответствие и определяется тип интерференции. Целью проекта являлось составление словаря, отражающего явления чешско-русской интерференции, который имел бы функции пособия и помогал русским студентам, изучающим чешский язык, а также чехам, занимающимся русским языком. Изучение явлений интерференции позволяет не только лучше раскрыть явления взаимодействия славянских языков, но и вносит вклад в разработку проблем теории перевода, а также в процесс обучения русскому и чешскому языкам.

Киынова Жанар Кабдыляшымовна,
к. ф. н., доц., Казахский национальный университет им. аль-Фараби

Фразеологизмы старославянского происхождения в истории русского литературного языка

Фразеологический фонд современного русского языка формировался на протяжении длительного исторического времени. Одним из древнейших пластов лексики и фразеологии, в которых сконцентрирована многовековая духовная культура русского народа, являются слова и устойчивые сочетания слов старославянского происхождения. Вся лексика старославянского языка ориентирована на человека, поэтому средневековая культура — это не только теоцентрическая культура, но и антропоцентрическая, ориентированная на ценностное осмысление мира, который «организован вокруг человека; человек сквозь фразеологическую призму, как и сквозь лексическую, видится в старославянских текстах «центром мироздания». Вышедший в свет «Фразеологический словарь старославян-

ского языка» по праву может называться толково-энциклопедическим, поскольку в нем содержатся источниковедческие, генетические и культурологические сведения, извлеченные из памятников, датируемых X—XVI вв. Воссоздание фразеологической картины мира старославянского языка дает представление о церковно-религиозной традиции и морально-этических ценностях средневекового христианина. Многие из устойчивых сочетаний, вошедших в данный словарь, имеют ветхозаветные корни, поэтому они вошли в состав библеизмов, составивших отдельный пласт фразеологизмов русского языка. «Старославянские памятники X—XI вв. отразили один из важнейших этапов в жизни библеизмов, когда ветхозаветная образная система начинает вписываться в христианскую картину мира, и большинство библейских слов и выражений сохраняют уже имеющиеся переносные смыслы и приобретают новые, христианские». Многие фразеологизмы старославянского происхождения не функционируют в современном русском языке.

Кононенко Ирина Витальевна,

д. ф. н., доц., Варшавский университет

Межъязыковые омонимы (паронимы) в украинской и польской фразеологии

Национально-культурная специфика каждого языка ярко выявляет себя в сфере фразеологических единиц разного типа. Украинские и польские фразеологические обороты могут совпадать по семантике и способам выражения, частично или полностью расходиться; встречаются также безэквивалентные фраземы. В этих процессах схождения и расхождения развилась межъязыковая омонимия (паронимия) украинских и польских фразеологизмов. В «Украинско-польском словаре межъязыковых омонимов и паронимов» И. Кононенко и О. Спивака (Киев, 2008) зафиксировано более 100 подобных по звучанию и в то же время семантически неэквивалентных пар фразеологических оборотов, напр.: *від руки — od ręki, з години на годину — z godziny na godzinę, nabić rękę — набити руку*. Фразеологическими межъязыковыми омонимиями могут считаться единицы, имеющие одинаковое звучание и полное или частичное несовпадение значения (значений). В связи с тем, что фонетический состав украинского и польского языков характеризуется в значительной мере различными гласными и согласными, только небольшая часть семантически разных фразеологизмов может иметь одинаковое звучание, напр.: *ані руш — ani rusz*. Неполная адекватность фонетико-морфологических форм фразеологизмов двух языков при расхождении их значений свидетельствует о межъязыковой фразеологической паронимии: *з дня на день — z dnia na dzień*. В докладе рассматриваются причины возникновения межъязыковых фразеологических омонимов (паронимов) в украинском и польском языках. Анализ украинских и польских фразеологических межъязыковых омонимов (паронимов) дает возможность установить разные типы семантических расхождений/схождений данных единиц.

Куныгина Ольга Владимировна,
доц., Челябинский государственный педагогический университет

Прилагательное *добрый* как компонент фразеологизмов: семантика и функционирование (на материале творчества А. С. Пушкина)

По данным «Словаря Языка Пушкина», прилагательное *добрый* встречается в произведениях А. С. Пушкина 277 раз.

Становясь компонентом фразеологизма, прилагательное становится не только структурно, но и семантически стержневым компонентом.

Все фразеологизмы можно условно разделить на несколько групп.

1. Единицы, называющие человека (*добрый человек, добрый гений, добрый молодец*). Примеры функционирования этих фразеологизмов позволяют сделать вывод о том, что эти единицы необходимы автору, чтобы подчеркнуть внутренние качества героя (героев), а также создать образ в целом.
2. Предметные единицы (*добрый час, добрая воля*) усиливают основную идею произведения.
3. Модальные единицы — пожелания (*в добрый путь, доброго здоровья*) необходимы для создания речевой характеристики героев.

Все фразеологизмы с компонентом *добрый* так или иначе связаны с созданием образа героя (героев) и необходимы А. С. Пушкину, чтобы создать уникальный и неповторимый художественный образ.

Ломакина Ольга Валентиновна,
к. ф. н., доц., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Лексикографические принципы параметризации русских пословиц

Русская паремиология в течение многих лет является источником лексикографирования. Начиная с XVIII в., русские пословицы становятся объектом лексикографии. Поскольку термины *пословица* и *поговорка* исследователями не разграничивались, то в словарях фиксировались различные выразительные изречения устного народного творчества. К XIX в. относится появление словарей В. И. Даля, М. И. Михельсона, П. К. Симони, И. М. Снегирёва. В XX в. были опубликованы словари пословиц и поговорок, составленные В. П. Аникиным, А. М. Жигулёвым, В. П. Жуковым, В. И. Зиминым, М. А. Рыбниковой, А. И. Соболевым, А. С. Спириным и др. В первое десятилетие XXI увидели свет словари, в т. ч. «Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII — первой половины XVIII века» К. Р. Галиуллина, Д. А. Мартыанова (2006), паремиологическая трилогия «Большой словарь русских поговорок» (2008), «Большой словарь русских сравнений» (2008), «Большой словарь русских пословиц» (2010) В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой, «Народная мудрость в русских пословицах» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2011). Наиболее значимым по количеству представленного материала является «Большой словарь русских

пословиц» В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной, Е. К. Николаевой (около 70 тыс. пословиц). В отечественной лексикографии описание паремий осуществлялось по следующим направлениям: по тематическому принципу, в алфавитном порядке, по монографическому типу, по стержневому принципу.

Лызлов Алексей Игоревич,

к. ф. н., доц., Смоленский государственный университет

Об образе «рыба» в английских и русских паремиях

Система взглядов и представлений языкового сообщества, складывающаяся в картину мира, имеет выражение при помощи разных лексико-стилистических средств, в том числе и паремических. Современными учеными вводится понятие «провербиальная картина мира», под которой понимается картина мира, объективированная в пословицах и отражающая интеллектуальное и эмоционально-ценностное отношение народа к миру. Произведения устного народного творчества являются плодом коллективного труда. Паремиологический фонд народен как по стилю содержания, так и по форме передачи содержания. Можно легко выделить характерные для фольклора сюжеты, образы, темы и т. д. Целью данной статьи является изучение образа «рыба» в паремиях английского и русского языка со значением оценки, описание положительных и отрицательных признаков рассматриваемого образа. Образ рыбы полисемантичен. В соответствии с языческим мировосприятием рыба — символ вселенной; христианская традиция рассматривает ее как символ спасения и божественной мудрости.

Сопоставительный анализ русских и английских паремий с семантической оценки, для реализации которой используется образ «рыба» показал, что описываемые единицы характеризуются возможностью выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Иными словами, они амбивалентны. Причем сопоставление пейоративных и мелиоративных признаков характеризуется значительным превалированием негативных значений. Пейоративными оценочными признаками в рамках английских паремий являются опьянение, немота, бесчувственность, пассивность, неординарность, несчастье. В русских связных сочетаниях образ «рыба» используется для описания таких негативно оцениваемых качеств как порочность, зависть, немота, бесчувственность, пассивность. Лишь некоторые из паремий, в которых используется образ «рыба», имеют положительные значения. Они реализуют такие качества как надежда, умеренность, трудолюбие.

Макарова Александра Стефановна,

Московский институт иностранных языков

Интертекстуальный характер крылатых выражений-галлицизмов

Обращение к «чужому слову», базирующееся на межтекстовом взаимодействии и отражающее природу и функциональную значимость интертекстом, сегодня привычное и даже частотное явление в публицистике. В этой связи проблема изучения функционирования «чужих» текстов»

в современной журналистике остается открытой для новых изысканий. Интертекстуальность рассматривается большинством лингвистов как важнейшая характеристика текста, которая отражает его «разгерметизацию» (термин В. Е. Чернявской), она делает текст открытым другим смысловым системам, способствует вступлению текста в контакт с другими предшествующими ему текстами (прототекстами, претекстами). Изучением единиц интертекста (интертекстом) на рубеже XX—XXI вв. занимались Ю. Н. Караулов (1999), В. Г. Костомаров (1994), Н. Д. Бурвикова (1994), Г. Г. Слышкин (1999), К. П. Сидоренко (1999), Н. А. Фатеева (1998), В. В. Красных (2002), Е. О. Наумова (2007) и др. Данный феномен получил разностороннее освещение в лингвистической литературе. В современной лингвистике с терминном *интертекстема* (К. П. Сидоренко, В. М. Мокиенко) сосуществуют иные номинации данного феномена: *крылатые выражения* [Виноградов, 1977; Ройзензон, 1973], *крылатые единицы* [Шулежкова, 2002], *прецедентные тексты* [Караулов, 1987], *эпонимы* [Дядечко, 2006], *текстовые реминисценции* [Супрун, 1995], *логоэпистемы* [Костомаров, 1999]. Исходя из широкого понимания объема фразеологии, интертекстема являются частью фразеологического фонда языка, их использование в потенциально автономных смысловых блоках речевого произведения актуализирует значимую для автора фоновую информацию и апеллирует к «культурной памяти» читателя. Новый текст, который диалогически реагирует на другой текст (предтекст), может задавать ему любую новую смысловую перспективу: дополнять и избирательно выдвигать на первый план отдельные актуальные смыслы, трансформировать их, исходя из художественного замысла автора, вплоть до разрушения первичной смысловой системы, как это происходит, например, при пародировании.

Мокиенко Валерий Михайлович,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Параметры славянской фразеологии и паремии

Европейская фразеология и паремия издавна развивалась в органическом параллелизме с паремией. Паремии не только вкраплялись в текст как его неотъемлемая часть, но и становились текстами «in sich» и «an sich», образуя собрания народной и книжной мудрости. Постепенно эта паремийная линия развилась в особый лексикографический жанр, родоначальником которого со времен европейского Возрождения можно назвать Эразма Роттердамского. Его собрание европейских пословиц и поговорок (*Adagia*, 1500) надолго определило параметры этого лексикографического жанра. В то же время оно указало его продолжателям на многие сложные проблемы составления паремийных тезаурусов, которые окончательно не разрешены до сих пор. В какой-то мере это проблемы и общей, лексической лексикографии. Однако специфика паремий как малого фольклора, самостоятельного минитекста и в то же время — составной части текста большего — рождает трудности особого порядка, вытекающие из структурно-семантических характеристик паре-

мый по сравнению с лексемами. Основными такими различиями являются раздельнооформленность и семантическая раздвоенность паремий, а для пословиц как одного из их видов — законченность структуры.

Основные параметры, кардинально влияющие на тип паремиологического тезауруса, носят характер следующих оппозиций.

1. Национально ориентированный (монолингвальный) тезаурус — интернационально ориентированный (полилингвальный) тезаурус.
2. Формальный (алфавитный) — смысловой (идеографический) порядок расположения материала в тезаурусе.
3. Дефиниции паремий в тезаурусе — отсутствие дефиниций.
4. Культурологические, историко-этимологические комментарии — отсутствие комментариев.
5. Кодификация вариантов паремий — некодифицированность.
6. Точная хронологической и локальная паспортизация — отсутствие паспортизации.
7. Стилистическая квалификация — ее отсутствие.
8. «Свое» — «Чужое». Национализация европейских паремиологических тезаурусов.

Мршевић-Радовић Драгана Драгољуб,

д. ф. н., проф., Универзитет у Београду

Фразеолошки и паремиолошки оквир српске културе

У раду се разматрају паремије и други облици малих фолклорних форми као извор за фразеолошке јединице на материјалу паремиолошких зборника Српских народних пословица Вука Стеф. Караџића (1836) и Пословица Ђуре Даничића (1871), као и у дескриптивним речницима, типолошки и контрастивно у односу на блиске словенске језике, и њихов однос према културном наслеђу.

Невзорова-Кмеч Елена,

к. ф. н., ст. преп., Лодзинский университет (Польша)

Фразеология польского преступного аргю XIX — начала XX вв. и современный польский разговорный язык

Субстандартная лексика и фразеология разных языков, отраженная в словарях, изданных до 30 г. XX в., или позднейших лексикографических изданиях, в которых собран материал этого периода представляет особый интерес лингвистов в связи с увеличением внимания к изучению этимологии разговорной/просторечной лексики и фразеологии, чему свидетельством могут служить труды Бондалетова, Вальтера, Грачева, Мокиенко, Ларина, Отина, Шаповала, Чешевского, Кани, Краевского и др. В работах лингвистов отмечается недостаток польских источников для более точного определения источника заимствования той или иной единицы. Целью нашей работы является компонентно-семантический анализ польских ФЕ, выбранных из словарей преступного аргю Эстрайхера (1903), Курки (1896),

Людвиковского и Вальчака (1922), Улашина (1913). Сопоставительный анализ с разговорными ФЕ, а также с материалом словарей преступного арго, главным образом, размещенных в интернете, позволяет отметить степень «живучести» фразеологизмов и ее выявить ее причины.

Под преступным арго мы вслед за Химиком В. В. (2000) понимаем закрытую лексическую систему специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные. Однако мы строго не придерживаемся разграничения терминов арго/жаргон (см. Мокиенко, Никитина 2000).

1. В работе мы приводим краткий обзор литературы, связанный с изучением польского преступного арго.
2. Около 150 ФЕ проанализированы с точки зрения их структуры и семантики. Мы также предпринимает попытку этимологизирования некоторых единиц.
3. Мы сосредоточиваемся на описании общепотребительных разговорных ФЕ, уходящих корнями в преступное арго.

Выводы совпадают с теми, что были уже сделаны в прежних работах по изучению арго (см. М. А. Грачев). Результаты могут быть использованы для «Этимологических очерков жаргона».

Никитина Татьяна Геннадьевна,

д. ф. н., проф., Псковский государственный университет

Русско-чешские фразеологические параллели в словаре для детей

Разработка концепции учебного фразеологического словаря для иноязычных детей школьного возраста предполагает решение целого ряда проблем, связанных с отбором материала, выбором приемов семантизации фразеологических единиц (ФЕ) и их лингвокультурологического комментирования, подбором иноязычных эквивалентов и в целом — использованием родного языка учащихся в системе параметризации материала. При отборе материала для учебного словаря русской фразеологии, адресованного чешским школьникам, мы учитываем представленность ФЕ в учебниках русского языка и художественных текстах, рекомендованных для данной категории учащихся. При эквивалентизации русских ФЕ специальными графическими значками обозначаются три типа соответствий: полные фразеологические эквиваленты, частичные эквиваленты и фразеологические аналоги, не имеющие образных соответствий в родном языке учащихся. Задачу экспликации культурного фона ФЕ решают и двуязычные лингвокультурологические комментарии, сопровождающие отдельные компоненты русских ФЕ — историзмы, архаизмы, этнографизмы и т. п. На родном языке учащихся, параллельно с русским, осуществляется и функционально-семантическая параметризация ФЕ: дается толкование, раскрываются эмотивно-оценочные коннотации. Основным компонентом словарной статьи является занимательный учебный текст, который рассказывает об истории происхождения фразеологизма, вводит страноведческую информацию, дает представление о функционировании ФЕ в речи. На чешский

язык переводится и этимологическая версия, предлагаемая в форме резюме. Таким образом, русские фразеологизмы разрабатываются в словаре на фоне чешской фразеологии и получают комплексную параметризацию с использованием родного языка учащихся, что способствует освоению их культурного фона и коммуникативно-прагматического потенциала.

Новакова Кристина,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Словацкая фразеография и паремиография

Фразеография имеет в Словакии давнюю историю. Ее основы были заложены уже в XVII веке, когда Д. С. Горчичка, уроженец словацкого села Сучаны, опубликовал в польском Лешно небольшой сборник пословиц и поговорок под названием «Neoforum Latino-Slavonicum» (1678 г.). Полтора века спустя (1825—1827) был в Будапеште опубликован 6-томный «Словацко чешско-латинско-немецко-венгерский словарь» выдающегося словацкого лингвиста XVIII—XIX вв. А. Бернолака, включавший в себя 2800 фразеологических единиц.

С точки зрения современной словацкой фразеографии особенным звеном развития является «Словацкий фразеологический словарь» П. Тврдого (1931 г.). Под этим названием не находим словарь словацких фразеологизмов, т. е. фразеологический словарь в сегодняшнем понимании, а скорее словарь слов в определенных контекстах, по мнению автора — фразах. Тем не менее, в нем находится множество фразеологизмов и замечательным можно считать и их описание.

Первый настоящий словарь словацких фразеологизмов появился в 1974 г. Речь идет о «Малом фразеологическом словаре» автора Э. Смешковой. Однако полное словарное описание словацкой фразеологии все еще отсутствует.

В современной словацкой фразеографии преобладает сопоставительный аспект. В 1970-х и 1980-х гг. издавались двуязычные фразеологические словари объемом 2000—5000 фразеологических единиц. Таким образом фразеология венгерского, сербохорватского, французского, английского и немецкого языков была сопоставлена со словацкими эквивалентами. Во второй половине 1990-х гг. к коллекции фразеографических работ прибавились испанско-словацкий и русско-словацкий фразеологические словари. Новейшим является «Большой итальянско-словацкий фразеологический словарь», изданный в 2005 г.

Радовић Тешић Милица Новичић,

д. ф. н., проф., Универзитет у Београду

Паремија у дескриптивним речницима српског (српскохрватског) језика

У реферату ће бити показани методолошки поступци лексикографске обраде паремије као дела фразеолошких конструкција. Фразеологизми који се односе на област паремије у српским дескриптивним речницима

третирају се на неколико начина. У речницима мањег обима паремија је део фразеологије који се не издваја посебно по специфичности. Академијин вишетомни речник паремијске изреке у неким случајевима издваја као фразеологизме специфичног лексичко-семантичког састава на што ће у раду бити обрађена посебна пажња. То даје материјал за детаљније парамиолошке анализе посебно при обраћању веће пажње на факте културе и идентитета.

Сагирова Ольга Михайловна,
асп., Донецкий национальный университет (Украина)

Коннотации онимов библейског происхождения в национальной фразеологии греческого, украинского, русского и французского языков

Библейский ономастикон прочно вошел в менталитет разных народов. Благодаря переводческой деятельности христианских теологов, в мировую языковую практику влились фразеологические единицы с компонентом «имя собственное», сформировавшиеся в оригинальных библейских текстах. Кроме того, фразеосистема каждого отдельно взятого языка обогатилась национальными фразеологизмами, образовавшимися в процессе усвоения языком самих этих имен собственных.

Отдельный научный интерес представляют национальные влияния, которым подвергается интернациональный оним, поглощаемый фразеологической системой языка-реципиента, где имя собственное адаптируется фонетически, морфологически, грамматически, словообразовательно.

Например, фонетическую адаптацию прошли имена *Δαβίδ και Γολιάθ* — *Давид и Голиаф* — *Давид і Голіаф* — *David et Goliath*, *Θωμάς* — *Фома* — *Хома* — *Thomas*, в которых возникла необходимость замены звуков, отсутствующих в языках-реципиентах.

Заимствованные имена собственные приобретают морфологические признаки соответствующей части речи (существительного или прилагательного), родовые и падежные окончания, характерные для систем указанных языков.

В числе изученных нами антропонимов наиболее широко в культурах изучаемых языков представлено имя Мария, о чем свидетельствует многокомпонентное онимное гнездо: *Μαρία (Μάρω)* — *Мария (Маруся, Маша, Марфа, Маня, Манька)* — *Марія (Марічка, Маруся, Марушка, Марися, Маня, Манька)* — *Marie (Mary, Maria)*. В славянских языках у этого онима сохраняются коннотации, связанные с языческой культурой: «мать-земля», «колыбель жизни человечества».

Во французской фразеологии это место занимают Адам и Ева, а в греческой — мифологическая ономастика. В бытовой ономастической фразеологии возможна актуализация скрытых сем интернациональных онимов; развитие новых коннотаций на основе существующих; нейтрализация онима (развитие местоименных коннотаций), десемантизация в различной степени.

Рязановский Лев Михайлович,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Принципы лексикографического описания фразеологии в словаре Лутца Рёриха

- В предисловии даются трактовки и дефиниции пословицы (Sprichwort) и фразеологизма (sprichwoertliche Redensart), их отличие друг от друга, а также отличия фразеологизма от слова.
- Выделяются различные, типы фразеологических оборотов: парные сочетания, устойчивые сравнения, а также грамматические структуры.
- По типу словарь является комбинированным, но главная его направленность — историческая. Поэтому самое большое внимание в словаре уделяется сведениям историко-этимологическим, т. е. происхождению устойчивых выражений. При этом этимология выясняется всеми известными способами: как крылатые слова, лингвистические параллели, этнографические версии.
- В статьях словаря дается множество параллелей как в немецком языке, т. е. явные фразео-семантические модели, а также большое количество параллелей из германских, романских, славянских и других языков.
- Большое значение имеет в словарных статьях экстралингвистическая составляющая.

Селиверстова Елена Ивановна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

О некоторых особенностях семантизации пословиц: теория и практика

В процессе знакомства с паремийным богатством русского языка — как, впрочем, и любого другого, происходит обязательное усвоение основного, обобщенного значения пословицы, вытекающего отчасти из соотношения стоящих за словами-компонентами обобщенных сущностей, составляющих паремийную единицу (ПЕ), и характера «скрепы», соединяющей эти сущности тем или иным образом. Однако этого часто бывает недостаточно: вспомним ПЕ *Тише едешь — дальше будешь*, присоединение к которой шуточного шлейфа «от того места, куда едешь» представляется вполне логичным и допустимым и свидетельствует о неполноте раскрытия смысла паремии. Порой не спасает ситуацию и приведение в качестве части дефиниции ПЕ комментария, начинающегося словами «говорится, когда...» или «говорится, если...», т. к. невозможно в силу «семантической неопределенности пословицы» (А. Крикманн) предусмотреть все возможные оттенки и коннотации, эмоционально-оценочные и прагматические контекстуальные приращения. В статье будут рассмотрены некоторые способы раскрытия семантики паремий в русскоязычной и иноязычной (иностранной) аудитории и возможности их коррекции на основании реальных контекстов использования выражений.

Химик Василий Васильевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

«Год лошади», или Лошадь и конь в зеркале русской лексикографии

«Лошадь» — традиционный объект гиппологического знания, в том числе и лингвистического. Общее представление о количестве прямых обозначений лошади дают синонимические словари: около полутора десятка гиппонимов, включая актуальные, традиционные, прецедентные, мифологические. Наиболее распространенные номинации — древнерусский тюркизм *лошадь* и общеславянское *конь*. *Лошадь* — доминанта синонимического ряда и смысловая вершина гиппологического тезауруса. *Конь* и *лошадь* — пара зоонимов, грамматическая оппозиция со слабомаркированным выражением пола. Как правило, слова *конь* и *лошадь* не связываются с указанием на пол, разграничение ‘самец/самка’ в таких словах нейтрализуется. Суть оппозиции *конь* — *лошадь* в другом: *лошадь* — в основном утилитарная номинация (вид, функция, информация), *конь* — специальное обозначение (верховая езда, военные действия), отличается прагматической окрашенностью, стилистическим повышением. В публицистических и научных текстах чаще номинация *лошадь*, в художественных текстах (и военных) — слово *конь*. Семантико-прагматические различия пары *лошадь* — *конь* отражаются в языковой системе: в словообразовании и фразеобразовании, что последовательно подтверждается данными лексикографии. Гиппоним *конь* по словообразовательной продуктивности (13 прямых дериватов и множество вторичных) абсолютно превосходит слово *лошадь* (только 5 дериватов). Аналогична и фразеологическая продуктивность: слово *конь* с его прагматической окрашенностью, возвышенностью и потенциальной экспрессивностью обнаруживает в статьях толковых словарей около 20 устойчивых единиц, слово *лошадь* — в 2 раза меньше. Что же касается переносных значений базовых гиппонимов (обозначении человека), то здесь все наоборот: сравнительный оборот *как лошадь* — встречается в два с половиной раза чаще, чем сравнение *как конь*! При этом *как конь* чаще с положительной оценкой, *как лошадь* — почти всегда с отрицательной. Однако в этом случае определяющим становится особый потенциал негативной оценочности.

Чуриков Сергей Александрович,

к. ф. н., доц., Воронежский государственный университет

Лексикографическое описание крылатых выражений И. С. Никитина

И. С. Никитин «в числе тех великих, кем создан своеобразный склад русской литературы, ее свежесть, ее великая в простоте художественность, ее сильный, простой язык» — писал И. А. Бунин. Многие никитинские строки давно вошли в русскую речь афоризмами, крылатыми словами, цитатами. Несмотря на эту распространенность, крылатые выражения Никитина весьма скромно представлены в интертекстовых словарях. Поэтому необходимость монографического описания никитинской крылатики представляется очевидной.

К настоящему времени нами выявлено более 80 крылатых выражений (КВ) И. С. Никитина. Наиболее частотные КВ: Под большим шатром голубых небес («Русь»), Я Руси сын! Здесь край моих отцов («Юг и север»), Это ты, моя Русь державная, моя Родина православная! («Русь»), Богачу-дураку // И с казной не спится; // Бобыль гол как сокол // Поет-веселится («Песня бобыля»), Ни кола, ни двора // Зипун весь пожиток («Песня бобыля»). Самые «крылатые» стихотворения И. С. Никитина — «Русь», «Утро», «Медленно движется время...», «Песня бобыля», «Вырыта заступом яма глубокая», «Новый завет», «Юг и север».

В «Словаре крылатых выражений И. С. Никитина» будет представлено системное и многоаспектное описание крылатики выдающегося русского поэта.

Словарная статья включает пять зон:

- 1) вход — каноническая форма КВ из текста-источника;
- 2) атрибуция — название, дата написания и отрывок из текста-источника;
- 3) примеры употребления. Случаи употребления КВ упорядочиваются по 3 основаниям: а) мера сохранности авторской принадлежности; б) формальное варьирование структуры; в) употребление в разных текстовых позициях;
- 4) лексикографическая фиксация: список словарей, в которых зафиксировано данное КВ;
- 5) связи между КВ.

Важным компонентом Словаря станут три приложения: 1) алфавитный перечень произведений поэта и восходящих к ним КВ; 2) указатель произведений Никитина, расположенных в порядке убывания количества восходящих к ним КВ; 3) именной указатель.

Шевченко Наталья Михайловна,

к. ф. н., зав. отд., Кыргызско-Российский славянский университет

Основы современной учебной фразеографии

За последнее десятилетие русская фразеография переживает пору новых редакций учебных словарей и справочников.

Все учебные словари призваны способствовать обогащению словарного запаса, употреблению фразеологизмов в речи, оказывать практическую помощь в работе над художественными текстами, способствовать пониманию смысла того или иного фразеологизма. А если рассматривать фразеологический словарь неродного (второго) языка как пособие по культуре речи и обогащению словарного запаса школьника, то необходимо определить глубину описания фразеологических единиц.

Ко всем перечисленным задачам необходимо добавить еще один пункт: показать условия употребления того или иного фразеологизма в речевом контексте. Умение выбрать нужный фразеологизм из существующего варьируемого и синонимического ряда, воспользоваться им в речевой ситуации требует большой тренировки.

Неограниченная возможность фразеологического обогащения связана с возможными, а иногда неизбежными ограничениями под влиянием грамматических факторов.

Перед учебной фразеологией встает задача показать их. В существующих учебных фразеологических словарях эта задача решена частично.

Неясен принцип отбора фразеологического материала для словарей такого типа.

Учебные словари должны содержать и новейшие теоретические достижения из области когнитивной фразеологии.

Мы считаем, что каждый фразеологизм при обучении русскому языку должен преподноситься в целом комплексе зон познания.

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Гаши Агнешка,

к. ф. н., асс., Силезский университет (Катовицы, Польша)

Глаголы целенаправленного вкусового восприятия в русском и польском языках

Глаголы физиологического действия, касающиеся сферы питания, образуют обширный и разнообразный класс, который в теоретическом плане до сих пор остается слабо разработанным лингвистами. Не подлежит сомнению, что в акте приема пищи и напитков важную роль играют прежде всего вкусовые, обонятельные и тактильные ощущения, но в некоторой степени также зрительные, и даже слуховые. Принимая во внимание физиологический критерий, глаголы, отражающие ситуацию сенсорного анализа, связаны с начальным этапом акта еды/питья. В полости рта посредством органов чувств осуществляется оценка принимаемой пищи — ее вкуса, запаха, текстуры и температуры. В зависимости от качества оцениваемого пищевого образца принимается решение о дальнейшей его обработке или же о выделении наружу (защитная функция). Итак, ситуация сенсорного анализа выявляет отношение между человеком и принимаемой им пищей или напитком, ср.: X пробует Y / X smakuje Y. В этом случае имеем дело с осознанным (контролируемым) действием субъекта, которое имеет целью определить вкус пищи/напитка. В ходе анализа статей в отобранных толковых и тематических словарях, а также словарях синонимов русского и польского языков удалось выделить группу глаголов, типичных для рассматриваемого этапа физиологического акта еды/питья, где сема «восприятие вкуса» является доминирующей, ср.: *пробовать, отвеживать, вкушать, дегустировать / smakować, próbować, kosztować, degustować*. Данные глаголы обладают сложной семантической структурой, поскольку в их значении имеется компонент «съесть», «выпить», чаще всего небольшое количество каких-либо кушаний или напитков, чтобы определить их вкус или готовность. На основе органолептического анализа пищи и напитков формируется, в свою очередь, субъективная (гедоническая) оценка, выра-

жающаяся в категориях «нравится / не нравится». Ситуацию приема пищи, при которой субъект получает вкусовое удовольствие от еды, передают глаголы *смаковать / delectować się* «есть, наслаждаясь вкусом чего-нибудь».

Колосова Валерия Борисовна,

к. ф. н., н. с., Институт лингвистических исследований РАН

Аир в славянских диалектах, фольклоре и народной медицине

Аир болотный *Asorus calamus L.* — многолетнее водное или болотное растение. Он не относится к наиболее мифологизированным растениям славянской традиционной культуры, тем не менее, количество диалектных названий этого растений весьма значительно. Они могут быть подразделены на группы в зависимости от мотивации. Так, лексемы с корнем *баб-* указывают на лекарственные свойства растения (ср. бабка 'знахарка'); названия типа *лепеха* и под. — отражают внешний вид длинных и плоских листьев. Сибирское название *волючка* говорит об остром, пряном запахе. Аир имеет множество общих названий с другими водными растениями: *камыш, косатик, осока, сабельник*, поскольку напоминает их внешним видом. В восточнославянских, чешских и польских диалектах сохранилось представление о том, что аир был занесен на славянскую территорию татарскими конниками, ср. бел. *татапнік*, пол. *tatarskie ziele, tatarski korzeń*. Помимо рефлексов заимствования из турецкого *ağır* (рус. *аир*, бел. *аер, ірнік, явір*, укр. *ірячник, ярус* и под.), характерны также балтизмы (в белорусских говорах) и лексемы греческого и латинского происхождения (на Балканах). Во многих регионах аир используется в календарных обрядах. Так, на Троицу принято устилать пол аиром, освященным в церкви. В этот же праздник девушки плели венки из трав-оберегов, в том числе и аира. В народной медицине аир используется для лечения заболеваний желудочно-кишечного тракта.

Кононенко Виталий Иванович,

д. ф. н., проф., Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника (Украина)

Тенденции развития современного украинского литературного языка

За последнее двадцатилетие в украинском литературном языке наметились существенные системные сдвиги, опосредованные процессами общественно-политического и национально-культурного развития. Усилились тенденции, направленные на утверждение идентичности и самодостаточности украинского языка как государственного, на устранение из литературного оборота неоправданных заимствований. Объектом дискуссии стали вопросы функционирования украинского языка в условиях параллельного употребления русского и других языков. Показательно в этом плане стремление к возвращению в литературный оборот частично устаревших грамматических норм (звательного падежа, безличных форм, падежных окончаний имен существительных, например, форм на *-ові, -еві*,

-єві и др.) при одновременном ограничении распространенных некоторых устоявшихся образований, например, причастий настоящего времени на -учий (-ючий), -ачий (-ячий). Продолжается обсуждение спорных вопросов употребления предложно-падежных конструкций, изменений в системе словообразования, в частности, замены форм имен существительных на -ка формами на -ння (шліфівка — шліфування) и др. В лексическом составе языка заметно перемещение исконно украинских слов, находящихся на периферии, в активный запас, частичное вытеснение общеславянских корневых образований и вхождение слов из западноукраинского варианта, испытавшего воздействие польского языка. Тенденции к обновлению лексики отразились в новых словарях литературного языка. Общая направленность к утверждению норм, порывающих с воздействием русского и западноевропейских языков, нашла воплощение в предложениях по усовершенствованию украинского правописания.

Радзиевская Татьяна Вадимовна,

д. ф. н., в. н. с., Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины

Критико-аналитический дискурс Ватрослава Ягича сквозь призму лингвистической категории оценки

Труд Ватрослава Ягича «Отчет о присуждении Ломоносовской премии за 1883 г. с приложением», посвященный анализу палеографических трудов архимандрита о. Амфилохия (по словам ученого, «неутомимого труженика в области славяно-русской литературной археологии») является важным источником для изучения научного дискурса в филологии второй половины XIX в. Труд состоит из текста отчета (с. 1—6) и четырех статей (с. 7—189), в которых представлен разбор и анализ не только четырех изданий о. Амфилохия, за которые присуждалась премия, но и работ Вс. Миллера и Л. Гейтлера, которые тематически и проблемно связаны с этими изданиями. Рассмотрение вопроса о выражении оценки в тексте предполагает обращение к основным компонентам лингвистической категории оценки, структура которой восходит к элементам логической оценки [Аругюнова, 1999; Вольф, 1978: 34—36; Ивин, 1970]. Это 1) субъект оценки, 2) объект оценки, 3) точка отсчета (критерий, или основание, оценки), которая обычно апеллирует к представлениям о нормативном или усредненном положении вещей, 4) собственно оценка, т. е. языковые способы выражения квалификативной семантики. Для характеристики стиля критико-аналитической работы Ягича немаловажно выявление тех объектов в рецензируемых им трудах, на которых фокусируется его критическая мысль. Прежде всего следует отметить, что набор объектов оценок диктуется характером и содержанием рецензируемого исследования, от которых зависит состав компонентов, выступающих в качестве объекта квалификации. По объекту и типу оценок («положительная — отрицательная») в тексте Ягича отчетливо выделяются две части: первая, посвященная анализу трудов о. Амфилохия, и вторая, посвященная анализу работ Вс. Миллера и Л. Гейтлера. Если в первой широко представлены высказывания как с положительной, так

и с отрицательной оценкой, то во второй части абсолютно преобладают отрицательные оценки. Эти части различаются также по набору объектов квалификации.

Ушинскене Виктория Игоревна,

к. ф. н., доц., Вильнюсский университет

Славянские языки в правовой коммуникации Великого княжества Литовского

В Библиотеке Вильнюсского университета (ВУ) хранится ценнейшее собрание актовых книг (543 тома), составленных в канцеляриях Великого княжества Литовского (ВКЛ) в XVI—XVIII вв. История их создания непосредственно связана с особенностями культурно-языковой ситуации ВКЛ, издревле отличавшегося своей полиэтничностью. До середины XIV в. правовая структура ВКЛ формировалась под сильным влиянием древнерусского права, в свою очередь основанного на византийском. Со второй половины XIV в., вследствие унии с Польшей, происходит постепенный переход к нормам римского права, возникают судебные канцелярии по образцу польских. Писаное право возникает на рубеже XIII—XIV вв. в форме грамот, великокняжеских *привилеев*, а также актовых записей. В 1468 г. по указу короля Казимира составлен Судебник. В начале XVI в. введен один из первых в Европе систематизированных сводов законов — Статут Великого княжества Литовского (редакции 1529, 1566 и 1588 гг.). Исследования правовых документов ВКЛ показывают, что в XIV—XVI вв. делопроизводство велось преимущественно на так наз. *западнорусском* (*lingua ruthenica*) языке, образовавшемся в результате взаимодействия церковнославянского и русинского диалекта. В мультилингвальном ВКЛ *lingua ruthenica* исполняла функции интердиалекта. Дипломатическая коммуникация с Западом осуществлялась на латыни, иногда на немецком. Уния с Польшей способствовала проникновению польского языка в деловую коммуникацию ВКЛ. Этому сопротивлялась социальная верхушка, подтвердившая исключительный статус *lingua ruthenica* особыми положениями Литовских Статутов (1566, 1588). Однако к XVII в. польский язык вытеснил *lingua ruthenica* из делопроизводства. Материалы актовых книг из коллекции ВУ позволяют считать, что во II половине XVII в. выбор языка делопроизводства был непосредственно связан с культурно-историческими особенностями конкретного региона ВКЛ, в частности — с его конфессиональной структурой: на территориях с сильным влиянием протестантизма *lingua ruthenica* удерживалась дольше.

Фарина Евгения,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

К истории становления языка сербской дипломатии

Дипломатический язык Сербии имеет довольно давнюю историю, однако до сих пор в сербской лингвистике и в русской сербистике представлено малое количество работ, посвященных изучению именно дипломатиче-

ского языка, дипломатической терминологии и дипломатического стиля сербского языка. Формирование языка и терминологии дипломатии непосредственно связано с историей страны, поэтому будет сделана попытка в кратких чертах описать путь сербской дипломатии, а также увидеть, каким образом началось формирование, развитие и изучение дипломатического языка в Сербии.

В сербской лингвистике большинство работ посвящено истории языка, а также функциональной стилистике сербского языка, в рамках которой затрагивается дипломатический подстиль.

Дипломатический язык является частью литературного языка и выделяется в рамках административно-делового функционального стиля. В функциональной стилистике дипломатический язык описывается как совокупность выражений и терминов, входящих в общепринятый дипломатический лексикон.

Основными задачами является лингвистическое исследование сербского дипломатического языка, обработка полученных сведений, определение состава и семантики сербской дипломатической терминологии и последующее создание словарей дипломатической лексики.

Щербакова Мария Ивановна,

асп., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Хотеть — желать vs хтети (хтјети) — желети:
сопоставительный анализ употребления русских
и сербохорватских глаголов

Русские и сербохорватские предикаты со значением желания (*хотеть — желать vs хтети (хтјети) — желети (željeti)*) формируют ядро функционально-семантического поля модальности, приобретая в связи с этим модальное значение желания. В эти же предикаты способны выражать и немодальные значения: некоторые грамматические и лексические значения. Немодальные грамматические значения данных предикатов в сербохорватском языке включают значения будущего времени (футура I). Русские предикаты желания *хотеть, желать, хотеться, жаждать, алкать, иметь охоту и т. д.* являются синонимическим рядом, ядро которого представлено глаголами *хотеть—желать*. В сербохорватском языке таким ядром в ряду глаголов желания являются глаголы *хтети (хтјети) — желети (željeti)*. К глаголам желания в хорватском языке относятся: *htjeti, odlučiti (se), željeti, priželjkivati, žudjeti, čeznuti* и др. Но именно глаголы *хотеть, желать* (в русском языке) и *хтети (хтјети), желети (željeti)* (в сербохорватском языке) доминируют, поскольку отличаются частотностью употребления, немаркированностью, способностью выступать в качестве элементарных смысловых единиц, безотносительно к генетическому коду, при лексикографическом описании синонимов.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

КИНО|ТЕКСТ

Абдуллина Марина Ринатовна,

асп., Российский государственный педагогический университет

им. А. И. Герцена

Топос соблазнения в экранизациях «Опасных связей»:
от игры к насилию

Одна из центральных интриг романа «Опасные связи» (1782) Шодерло де Лакло — соблазнение невинной девушки. Жертвой двух опытных развратников — маркизы де Мертей и виконта де Вальмона — становится неопытная Сесиль де Воланж. В процессе порочного воспитания Сесиль получает не только сексуальный опыт, но и навыки безнравственного поведения. Разврат этих героев не ограничивается физическим уровнем, он непременно проявляется в формировании личности. Таким образом, романские развратники совершают насилие не только телесное, но и духовное.

Существует несколько экранизаций романа, авторы которых по-разному воплощают тему совращения Сесиль на экране. Вальмон в фильме Роже Вадима «Опасные связи» (1959) ограничивается лишь сексуальным контактом, не становясь для своей жертвы наставником. В экранизации Стивена Фрирза (1988) сцена лишения невинности поставлена довольно жестко, но впоследствии Сесиль проявляет себя податливой талантливой ученицей светских развратников. Милош Форман в фильме «Вальмон» (1989) наделяет свою героиню Сесиль неумным любопытством и сладострастием, лишая каких-либо душевных метаний по поводу своего растления. С первой ночи в объятиях виконта юная девушка уверенно ступает на путь порока и принимает на себя роль последовательницы маркизы де Мертей. Режиссер «Жестоких игр» (1999) Роджер Камбл демонстрирует поэтапное воспитание неопытной жертвы: Вальмон в игровой форме обольщает Сесиль и становится для нее преподавателем плотских утех, а героиня Мертей посвящает жертву в тайны порочных законов общества.

В этих кинематографических версиях в различной степени воплощена жестокость со стороны развратников и доступность самой Сесиль, но все без исключения экранные обольстители обретали власть над духовной сущностью юной героини, делая ее марионеткой в бесчестной игре. Таким образом, тема насилия над личностью является неизменной для всех трактовок «Опасных связей».

Беневоленская Нонна Петровна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Комические формы насилия в «Веселых ребятах» Г. Александрова

Нестыковки и некоторая искусственность сюжета джаз-комедии Г. Александрова «Веселые ребята» (1934) были отмечены сразу по выходу фильма. Однако событийный ряд картины поддерживается незаметным на первый взгляд внутренним субстанциональным стержнем: статика и этос подвергаются веселому насилию со стороны динамики и аффективных форм поведения. Важнейшие сцены сопровождаются бодрыми, жизнеутверждающими ритмами, особую роль играют трюки, гэги, мимика, жесты, голосовые модуляции и другие средства, создающие «социальный хребет» развлекательного фильма. Пролетарская эстетика поддерживается металлическими модуляциями, связывающими джаз-бэнд и культуру общественного гегемона. В итоге фарсовая мистериальность приводит героев к победе: джаз-ансамбль покоряет Большой театр, т. е. подчиняет себе академическую публику, а Костя и Анюта составляют счастливую пару.

Бугаева Любовь Дмитриевна,

д. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Насилие на сцене и на экране: «Генрих V»

Литературный, театральный и кино-текст — одна из форм передачи опыта. Опыт структурирует интерпретацию, обеспечивая ее построение и понимание на основе личного и группового (коллективного) опыта субъекта. В то же время интерпретации (тексты) структурируют опыт; личное переживание получает осмысление отчасти на основе и при помощи циркулирующих в обществе нарративов опыта, среди которых немаловажная роль отводится историческим и художественным нарративам о войне. В докладе рассматриваются формы наррации насилия в литературном, театральном и кино-тексте на примере театральной постановки (Noël Coward Theatre, Лондон, реж. Майкл Грэндедж) и экранизаций исторической хроники Шекспира «Генрих V» («Генрих V», реж. Лоуренс Оливье, 1944; «Генрих V», реж. Кеннет Брана, 1989; британский телесериал, 2012). Насколько отличны (если отличны) репрезентации насилия в нарративе о войне на сцене и на экране? На каком когнитивном уровне происходит конфигурация события, определяемого как насилие, и закладывается схема действий, представляющих собой реакцию на насилие?

Бурукина Ольга Алексеевна,

к. ф. н., проф., Московский государственный институт индустрии туризма им. Ю. А. Сенкевича

Полифункциональность насилия в кинотворчестве Т. Бёртона

В каждом кинопроизведении Т. Бёртона проявляется темный и одновременно игривый комедийный стиль культового американского режиссера, отражающий его приверженность к жуткому и страшному и его

своеобразное чувство юмора, а также любовь Т. Бёртона к абсурду и ужасу, которые, пожалуй, невозможно разделить. Насилие в фильмах Бёртона часто составляет изюминку в его шутках, но всегда, так или иначе, отражает мрачный юмористический тон классических сказок, а не постмодернистскую иронию насилия. Интересен прием, используемый Т. Бёртоном, когда сцена насилия неожиданно венчает идиллическую картину, перечеркивая крест-накрест стереотипную невинность. В качестве примеров можно привести сцену из фильма «Марс атакует!» (1996), когда белого голубя мира неожиданно убивают бластером инопланетяне, или сцену из фильма «Чарли и шоколадная фабрика» (2005), где кукольный аттракцион (представляющий собой пародию на сцену из знаменитого диснеевского фильма «Как тесен мир») внезапно загорается. Обе сцены одновременно и жуткие, и забавные, и обе являются отражением одновременно по-детски открытого взгляда Т. Бёртона на мир и его по-взрослому зловещего предвкушения несчастья. Насилие в кинофильмах Т. Бёртона имеет целый ряд характеристик, и одной из наиболее значимых нам представляется его полифункциональность. Насилие в кинофильмах Т. Бёртона выполняет целый ряд функций: насилие-индикатор, насилие-компенсатор, насилие-разрешитель противоречий, насилие-предупреждение, насилие-возмездие и др. Насилие в фильмах Т. Бёртона многообразно и многолико, оно ожидаемо и непредсказуемо, насилие, описываемое режиссером, вызывает всю гамму человеческих эмоций (по К. Изарду): интерес, радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, при этом всем чувствам, пробуждаемым в душе зрителей произведениями Т. Бёртона, присуща амбивалентность.

Бэйкон Генри,

PhD, проф., Хельсинский университет

Indirect Violence in Film

Bioculturalist approach can be fruitfully employed to explain why fictional violence is such an integral part of both our art entertainment. In any cultural context aggression related biological traits are controlled and shaped in order to insure both the internal order and the security of a community. William Flesch has argued that his process is guided by the tendency to admire altruistic punishers, who without self-interest assume the task of punishing evildoers. Spectators of such actions tend to react to it emotionally, both spontaneously and via reflection, thus giving the experience both an emotional and a meta-emotional aspect. This plays an important role in relating to the ways in which resorting to violence is justified in mainstream films. This scenario has a strong emotional appeal, even if the spectator would deplore such means in real life contexts. This discrepancy emerges even more strongly in the revenge scenario, which in a fictional context can appear satisfying and empowering despite the moral qualms the spectator might have concerning the ethics of revenge. Because of the deeply ingrained cult of individuality and doubts about the efficacy of government in maintaining law and order, these narrative patterns

have developed especially strongly within American popular culture. However, judging by the worldwide success of such films, their appeal is nonetheless quite universal.

Ваганова Ольга Константиновна,
асп., Воронежский государственный университет

«8¹/₂» Ф. Феллини и «Вечное возвращение» К. Муратовой:
пересекающиеся языки общения

Между фильмами «Вечное возвращение» (К. Муратова) и «8¹/₂» (Ф. Феллини), несмотря на почти 50 лет разницы во времени создания, наблюдается ряд знаковых переключек. Прием «картина в картине» у обоих режиссеров имеет многоуровневую структуру: у Феллини миметический принцип искусства удваивается мимезисом (в сцене просмотра съемочной группой кинопроб); а у Муратовой он продлен в живописную ипостась (символизм картины «Привидение в кресле» прочитывается как с точки зрения личной драмы героини, так и в качестве муратовского приговора культуре). В центре обеих работ — история о неснятом фильме, а в фокусе — «подготовительный» этап в работе над картиной (у Муратовой он ограничен «Пробами»). В обоих случаях финансовая заинтересованность в кинопроизводстве маркирована негативными коннотациями, а ключевой оказывается фигура продюсера («Я купил твое смирение, твой душевный кризис» — Феллини; финальная сцена «Розыгрыш» — Муратова). Но если «ошибочный» фильм для продюсера — «факт чисто экономический», то для режиссера — точка, «которая могла бы стать концом». Трагизм этой идеи приводит Гвидо («8¹/₂») к отказу от съемок; а в «Вечном возвращении» — к возникновению фигуры «мертвого режиссера» (ср. с суицидной фантазией Гвидо). Веревка, тщательно сплетаемая героинями «Вечного возвращения», имеет поливалентный потенциал. Этот символический жест может быть адресован к мифу о богинях Парках, плетущих нить человеческой судьбы, или же к истории о путеводной нити Ариадны; возможна также референция к несостоявшему повешению героя. Веревка появляется также во сне Гвидо, где мешает ему воспарить, и, привязанный за ногу к людям на берегу океана, он тонет. Деформированная коммуникация, служащая (наряду с дублированием диалогов) сюжетообразующим фактором в «Вечном возвращении» (героиня *не слышит* героя, а тот *не видит* свою собеседницу), — у Феллини предстает как проблема *непонимания*, но у обоих режиссеров сводима к общему поиску адекватных языков эффективной коммуникации.

Вьюгин Валерий Юрьевич,

д. ф. н., в. н. с., Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Дети и каннибалы (советское воображение, литература и кино)

В докладе рассматривается, казалось бы, не самая магистральная для советской культуры тема. Индустрия ужасов, если иметь в виду массовые жанры искусства, в СССР отсутствовала; зло носило прежде всего соци-

ально-классовый характер, локализуясь в границах капиталистических государств и буржуазного сознания. Производство других «хоррор-форм», включая популярную на Западе тематику людоедства, не поощрялось. Тем не менее антропофагия относится к разряду устойчивых топосов искусства и культуры в целом, а, учитывая тот рост интереса к нему, который наблюдается с начала перестроечной эры, она актуальна и для России. Экспансия «воображаемого людоедства», характерная для последних двух десятилетий отечественного публичного дискурса, вынуждает задуматься над вопросом о том, насколько в этом повинны влияния извне, и о том, как «выживали» каннибалы в СССР. Доклад будет посвящен второму аспекту проблемы.

Голышко Дмитрий Юрьевич,

к. иск., доц., Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения

От когнитивного пролетариата — к зомби-пролетариату: зомби против глобального мирового порядка

Биополитика зомби — один из наиболее острых аспектов биополитики (науки об администрировании жизни, которая разработана в книгах Мишеля Фуко, Джорджо Агамбена, Паоло Вирно и Антонио Негри). Зомби пережили момент биологической смерти, полностью утратили эмоционально-волевую сферу, психологические мотивации и субъективные особенности, но при этом продолжают физически бодрствовать в виде разложившихся трупов. Зомби представляет собой *необратимое исключение* из символического, социального и биологического порядка. Фигура зомби противостоит повсеместно рассеянным практикам ежесекундного насилия, осуществляемого биовластью. Зомби — чуть ли не единственное, что не может быть присвоено биовластью и что не удастся полностью включить в сферу биополитического производства. Зомби отлучены от всех юридически-правовых норм и институтов власти, но при этом вторгаются внутрь капиталистического символического порядка, угрожая обрушить или, по крайней мере, расшатать его основания. В кинематографе второй половины 2000-х и начала 2010-х гг. живые мертвецы сплачиваются в политизированный зомби-пролетариат. Он занят ожесточенной борьбой против новых форм биовласти, образующихся под воздействием кризисных явлений и феноменов современного когнитивного капитализма. Пролетарское «сознание» и готовность оказать консолидированное сопротивление цифровому капитализму зомби приобретают в «Земле мертвых» Ромеро (2005). Биополитическая фигура зомби и образуемые зомби протестные «неопознаваемые сообщества» сегодня ассоциируются с новым прекариатным классом (термин Гая Стэндинга). Зомби выступают радикализированной формой когнитивного пролетариата, который подвергается гиперэксплуатации и абсолютно социально незащищен в условиях «экономики знаний» и господства «креативных индустрий». Будучи манифестацией тотального и необратимого исключения, зомби в современном кинематографе указывают на важнейшие и неразрешимые антагонизмы всей системы когнитивного капитализма и обусловленной им экономики знаний.

Григорьева Надежда Яковлевна,
д. филос. н., доц., Университет Тюбингена (Германия)

Кошунство и кино: жертвоприношение в кинематографе середины 1910-х годов

С самого начала своего существования кинематограф не только изображает мистическое событие, но и сам стремится стать таковым. Поскольку раннее кино сомневается в своей эстетической идентичности, оно то и дело пробует отождествлять себя как с другими видами искусства, так и с храмовым действием, по-новому разрешая проблему сакрального.

В докладе планируется показать, что обращение кинонарративов к священному зачастую провоцирует его профанизацию и кошунство. В авангарде профанизация святынь доминирует, поскольку фильм претендует на то, чтобы занять их место. Однако в раннем немом кино соблюдается своего рода баланс между сакральным и профанным. В качестве примера будет проанализирован фильм Бауэра «Грезы», построенный на профанизации святыни, оберегаемой главным героем-фетишистом. Сакральное торжествует в тот момент, когда герой убивает кошунствующую героиню, принеся ее в жертву своему алтарю.

Данилова Виктория Дмитриевна,
асп., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Воздействие массового кинематографа на зрительскую аудиторию

Массовое кино — это популярное потребительское кино, ориентированное на широкую аудиторию, тяготеющее к пышности форм выражения, яркости визуальных репрезентаций. Массовость выступает в данном случае как характеристика кинематографа, который оперирует понятными большинству публики образами и смыслами, которые «вобраны» культурой. Основной целью создания такого кино является получение прибыли, а целью просмотра — удовольствие, отдых.

В последние годы отмечается большой скачок в развитии технических средств визуализации в кино: появление цифрового кино, анимация, 3D-формат. Современное общество не мыслит себя без технологий, в том числе без инновационных технологий передачи реальности в кино. Следуя по пути развития визуальных истоков киноискусства, совмещая их с новейшими техническими изобретениями, массовое кино оказывается нацеленным не только на визуальную репрезентацию художественной реальности, но и на симуляцию реальности как таковой.

Массовое кино дает нам имитацию жизни, в которую мы вовлекаемся изобразительными и современными техническими средствами. Оно воздействует на чувственную и эмоциональную сферу зрителя, на рефлекс, которые идентичны у всей аудитории. Апеллируя к физиологии человека,

массовое кино призвано одинаково воздействовать на всех зрителей, не различая индивидуальных особенностей.

Коммуникация в массовом кино заключается в передаче устоявшихся смыслов, она однонаправлена от экрана к зрителю, не предусматривает диалога автора и аудитории. Массовый кинематограф совершает «акт насилия», закрепощает зрителя, лишая его свободы интерпретации кинотекста, свободы коммуникации, лишая индивидуальности.

Джумайло Ольга Анатольевна,

к. ф. н., доц., Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Танатогеография эроса в фильме Пола Шредера «Утешение странников» (1990)

Фильм американского режиссера и теоретика кино Пола Шредера «Утешение странников» (1990) провоцирует размышления об использовании нескольких интеллектуальных и художественных контекстов в представлении насилия и эротического желания.

1. Как автор известной киноведом монографии «Трансцендентальный стиль в кино: Одзу, Брессон, Дрейер» (1972) Шредер во многом следует «трансцендентальному стилю», который скорее создает пространство для философско-эстетического осмысления реальности средствами кинематографа, нежели характеризует систему конкретных поэтических средств. Авторская концепция насилия, эроса и смерти соотносима с философскими взглядами Ж. Батая, П. Клоссовски, М. Фуко, М. Бланшо. Подобно тому, как одноименный роман И. Макьюэна, легший в основу сценария, не является криминальным и порнографическим текстом, фильм Шредера показывает границы опыта как важнейшую проблему экзистенциального, философского и эстетического характера;
2. Автор акцентирует границы нарративного, визуального и эротического опыта (образы предметов искусства, мотив зеркальных отражений, коллекционирование фотоснимков; поэтика умолчаний и навязчивых речевых повторов как маркеров нетранзитивности травматического опыта; введение в качестве кульминационного сюжета сцены воплощенного эротического фантазма и пр.);
3. Фильм наполнен знаками саморефлексии в отношении повествовательной/операторской «точки зрения» (скольжение взгляда (gaze) и его эффекты; обыгрывание позиции туриста-наблюдателя и вуайера; сопутствующие тематизирующие мотивы социальных, гендерных и других «взглядов»; редуцирование зрительского видения персонажей и пр.);
4. Пространственные образы Венеции вводят идею смещения границ (вода/земля, путь/лабиринт, остров/кладбище, дворец сладострастия / пыточная; отель как пристанище / место транзита). Данные образы отсылают к «венецианскому тексту» (У. Бэкфорд, А. Радклиф, Д. Дюморье, Г. Джеймс, Т. Манн, Ж. Уинтерсон и др.).

Доманский Юрий Викторович,

д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Рок-кино: перспективы филологического изучения

Что считать рок-кино? Пока что несколько опасаясь давать хоть сколько-нибудь однозначное определение этого явления, но попробую обозначить своего рода вехи отечественного рок-кино и наметить возможные пути изучения этого явления. К сожалению, классический рок 1980-х в игровом полнометражном кинематографе оказался задействован в очень малой степени. Первыми ласточками тут следует признать фильмы «Душа» (1981) и «Начни сначала» (1985). И все же эти фильмы нельзя назвать в полной мере рок-фильмами. Обращение же отечественного кинематографа к року в концептуальном аспекте следует отнести к поперестроечному времени — ко второй половине 1980-х («Асса», 1987, «Взломщик», 1987, «Игла», 1988). Самая же репрезентативная фигура нашего кинематографа в аспекте его соотнесения с роком — режиссер Алексей Балабанов. Во многих его фильмах саундтрек строится на композициях русского рока. И можно сказать, что Балабанов вырабатывает особую концепцию саундтрека, который зачастую не просто соотносится с содержанием фильма, а выступает в функции полноценной и фактически равной фильму системы. Именно в аспекте соотнесения саундтрека и кинотекста следует вести изучение рок-кино. Надо осознать, что перед нами синтетический текст, инкорпорированный в другой синтетический текст, другой по природе, по сути своей. И тогда получается, что синтетический текст рок-песни, обладающий определенными смыслами, при попадании в контекст синтетического текста фильма какие-то смыслы, возможно, утрачивает, но вместе с тем и приобретает смыслы, невозможные вне киноконтекста. Уместно рассматривать ситуацию диалога рока и кино, саундтрека и киноряда, включающего в себя и сюжет, и систему персонажей, и детали, и многое другое. Особенно любопытной, как показывают предварительные наблюдения, оказывается коммуникативная ситуация, складывающаяся между героем фильма и лирическим рок-героем из песен саундтрека. Некоторые примеры такого рода из фильмов Балабанова и предполагается показать в докладе.

Донскова Юлия Викторовна,

к. ф. н., ст. преп., Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Дискурс насилия в экранизациях Джо Райта

1. Романы «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и «Искушение» И. Макьюэна связаны режиссерской работой Джо Райта. Однако это не единственное, что объединяет два произведения авторов, принадлежащих к разным эпохам и культурам. Экранизации данных романов объединяет дискурс насилия как одна из стиливых доминант кинотекста. Инициаторами подобной дискурсивной практики выступают авторы экранизируемых произведений — Л. Н. Толстой и И. Макьюэн.

2. Насилие в экранизируемых произведениях выступает на эмоциональном, психологическом, бытийном уровне, имея внешний импульс (общественные устои и мораль, стереотипы, догматические установки), так и внутреннюю мотивацию героев. Эмоциональное насилие осознанно (Анна Каренина) или в силу внешних обстоятельств (Сесилия Толлис, Тоби) приводит к физической гибели героев.
3. Насилие как форма диктует свой арсенал художественных средств. В экранизациях режиссер активно использует смысловую нагруженность деталей, аллюзии, подтекст, вывод авторской позиции за пределы содержания текста. Пространственная локализация киноадаптаций романов дает гораздо больше возможностей для экранного раскрытия психологических мотивировок героев. Перевод словесного ряда в визуальный заставляет режиссера обращаться к аллюзиям из русской и европейской живописи.

Евтушенко Анна Михайловна,
асп., Киностудия «Роза», РГИИС

Скульптурная составляющая документального кино
(на примере фильма «Запечатленный образ или Лев Толстой
и Илья Гинцбург: двойной портрет в интерьере эпохи»)

Изображение предмета в художественном смысле есть человеческое отношение к нему, выявленное через ракурс. Михаил Ромм, когда создавал «Обыкновенный фашизм», то из огромного массива нацистской хроники выбирал именно то, что нужно ему, и осуществлял монтаж. Надо сказать, что начинал он в 1923–1924 гг. как скульптор. А что есть скульптура, если не отсечение от глыбы всего лишнего? Фильм Ромма также представляет собой немецкую хронику, из которой убрали все лишнее.

Что касается фильма «Запечатленный образ, или Лев Толстой и Илья Гинцбург: двойной портрет в интерьере эпохи», то там, в первую очередь, представлена среда конца позапрошлого — начала прошлого века, в которой действовали и жили сам Толстой и остальные герои фильма. Именно в этом основная суть, т. к. на экране мы видим не просто картинку, но живой мир, который как бы сам становится действующим лицом. Предметы, показанные на экране, можно рассматривать и как героев фильма.

Особняком в этом смысле стоит использование архивных киносъемок, т. к. в этом случае есть уникальная возможность не только показать в движении ту среду, в которой жили и существовали Толстой и его окружение, но и наблюдать ее в том виде, в котором сейчас ее увидеть иначе невозможно. И с этой точки зрения необычайно интересны именно съемки, произведенные в Ясной Поляне или Астапово, так как за более чем 100 лет, прошедших со времени осуществления этих съемок, среда изменилась, и сохранение их и последующее обнародование очень важно для тех, кто их мог бы увидеть в будущем, ибо таким образом можно сильнее почувствовать среду во времени.

Евтушенко Галина Михайловна,
к. иск., доц., Российский государственный гуманитарный университет

Лев Толстой как зеркало русского кинематографа

Из письма Толстого критику Николаю Страхову — 1876 г.: «Во всем, что я писал, мною руководила потребность соображения мыслей, сцепленных между собою для выражения себя. Но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается в своем значении, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью, а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя... Нужны люди, которые руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений». Комментарий изобретателя киномонтажа Льва Кулешова классически ясен: «Более гениального определения сущности монтажа („сцеплений“), чем сделал Лев Толстой, нельзя придумать!» В этом же русле шла мысль Вертова. Конечно, не напиши Лев Николаевич свое письмо Страхову, монтаж все равно был бы открыт и стал бы языком экрана. Дело не в этом. Самое кино, как искусство, оказывалось в близком родстве с *классической литературой*, а не только с оптикой и механикой, химией и электричеством. Толстой не видел фильмов Гриффита; может, даже не ведал о существовании режиссера. Зато Гриффит Толстого читывал и даже в ранние, доголливудские годы ставил короткометражки по его произведениям. Кто знает, какие монтажные ходы Гриффита навеяны смысловыми «сцеплениями» «Севастопольских рассказов» или «Анны Карениной»?

Калинин Илья Александрович,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Нейтрализация истории: экранизация советского прошлого и культурная политика в современной России

Поп-культура может выступать не только как пространство извлечения коммерческой прибыли, но и как сфера идеологических инвестиций. Именно эту тенденцию к симбиотическому сосуществованию коммерческого рынка культурной продукции и государственной культурной политики мы можем наблюдать в современной России.

Массовая кинематографическая и телевизионная продукция создает экранные репрезентации прошлого, в которых разными способами достигается довольно любопытный результат. Чем более тщательно и детально воссоздается быт и мир вещей, тем менее реальным предстает реконструируемое прошлое. Чем более близким к зрителю и значимым для него стремится сделать прошлое его визуальная репрезентация, тем большая дистанция возникает. Военно-патриотическое кино («Мы из будущего», «Мы из будущего-2», «Туман», «Туман-2», «Утомленные солнцем-2» Н. Михалкова, «Сталинград» Ф. Бондарчука) создает конструкцию, в которой эмпатия к педантично воссоздаваемой материальной стороне прошлого и эмоцио-

нальный аффект, запрограммированный сюжетной драмой, встречаются со столь сильной и анахроничной по отношению к прошлому идеологической нагрузкой, что сама война из непосредственного исторического события превращается в аллерию, отсылающую к современной повестке дня. Кино- и телерепрезентация оттепели (например, «Стиляги» и сериал «Оттепель» П. Тодоровского) дереализует эту эпоху, превращая ее в театральную декорацию. Подчеркнутая жанровая природа последних фильмов Тодоровского наделяет кинематографичностью само экранизируемое время: таким образом, кинематограф становится не только средством репрезентации эпохи, но и имманентным качеством самой оттепели. Наконец, поздний, брежневский, социализм становится визуальной проекцией, переносщей на прошлое современные ценности массового потребления, автономизирующей от политики частной жизни, индивидуального успеха. Благодаря этому «золотое время» реального социализма отвечает главному идейному посланию современной эпохи: «потребляй и деполитизируйся».

Кокошникова Наталья Александровна,

асп., Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики

Визуальность наказания в повести Роальда Даля «Чарли и Шоколадная фабрика»

Тема насилия неоднократно возникает на страницах произведений Роальда Даля, написанных им для детей. Критики обвиняли писателя в излишней жестокости, говорили о «садистских нотках». Многие сказки Даля были экранизированы. Нам кажется это закономерным, потому что визуальность заложена в самом тексте произведений Даля. Почти все «детские» книги Даля иллюстрированы одним художником — Квентином Блейком. Это «истории в картинках». Большинство иллюстраций предвзвращаются своеобразными «маячками»: глаголами зрительного восприятия, указательными местоимениями, «визуализирующими» существительными. Эти «маячки» свидетельствуют о визуальном потенциале произведения, который провоцирует творцов визуальных искусств, находя свое воплощение в иллюстрациях и фильмах. В статье рассматривается фильм Тима Бертона «Чарли и шоколадная фабрика» с точки зрения реализации в нем темы насилия. Кроме одного положительного ребенка Чарли, в фильме (как и в повести) есть еще четыре отрицательных персонажа. Даль помещает в начале произведения список персонажей с их отрицательными характеристиками, изначально моделируя читательское восприятие. Вслед за ним и Тим Бертон не добавляет им ни одной положительной черточки: зритель подсознательно желает видеть персонажей наказанными. Автор, подчиняясь желанию зрителя-читателя, передает полномочия наказать этих детей Вилли Вонке. Что это: насилие или попустительство? Насилие или случайность? Некоторые исследователи творчества Даля определяют роль Вилли Вонки в повести как равнозначную Божией: только Бог может контролировать еду, а значит и жизнь. Следовательно, никто не может

осуждать Бога, когда он карает грешников. К чему ведет это наказание? К визуальным изменениям в облике персонажей. Но словесного рассказа об изменениях и не требуется — такое наказание достаточно.

Коршунов Всеволод,

н. с., Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова
«Трудно быть Богом»: контркоммуникативная нарративная стратегия как форма насилия над зрителем

Редкий зритель досмотрит фильм Алексея Германа «Трудно быть Богом» до конца. И дело не только и даже не столько в снижении интеллектуального уровня киноаудитории или ее инфантилизации, о которых сейчас так много говорят. Дело в построении самого произведения, а точнее в повествовательной стратегии, избранной автором. В. Шкловский обозначал это как «затруднение» или «затрудняющие приемы», Ц. Тодоров и нарратологи вводят термин «антинарратив», Л. Ключева называет это контркоммуникативными механизмами. Таким образом, перед нами техника, альтернативная классическому сюжетосложению, для которого характерны работа автора в зоне комфорта зрителя, пассивная позиция реципиента, конвенциональные, удостоверенные традицией повествовательные техники, самоустранение автора, который становится невидимым проводником в мир истории, и как следствие — автоматизация восприятия. Сменить зрительскую оптику, деавтоматизировать ее — задача альтернативной стратегии, для которой характерна работа вне зоны комфорта зрителя, активная позиция реципиента, неконвенциональные повествовательные техники, постоянное обнаружение автора, который становится «антипроводником» по миру истории. Такая стратегия лишь на первый взгляд разрушает коммуникацию автора и аудитории, почему и получила название контркоммуникативной. На самом же деле мы имеем дело с еще более активной коммуникацией, которая требует постоянной внутренней работы зрителя. Герман мастерски владеет этой стратегией. С каждым новым фильмом его требования к аудитории ужесточаются, затруднение восприятия усиливается, концептуальное ядро фильма затемняется. Картину «Трудно быть Богом» можно назвать манифестом тотальной контркоммуникации с аудиторией. В каждой сцене он расставляет блокировки, фильтры, механизмы, затрудняющие восприятие. Однако есть опасение, что режиссер заигрался с контркоммуникацией, которая в этой картине выкристаллизовалась в форму чистого насилия над зрителем, в трехчасовое испытание его терпения.

Косякова Валерия,

н. с., Российский государственный гуманитарный университет

Нуминозное измерение власти в кинотексте

Доклад затрагивает проблемы сакрализации власти в культуре и стратегии ее репрезентации на уровне кинотекста. Особым образом представлены проблемы власти и насилия как пути к одной из базовых антропологиче-

ских категорий человека в цикле произведений, связанных между собой текстом и кинематографом. В своем исследовании нуминозности власти мы обратимся к анализу картины «Апокалипсис сегодня» Ф. Копполы, в сопоставлении с произведением Й. Конрада «Сердце тьмы» и картиной В. Херцога «Агирре, гнев Божий». Нас будут интересовать соотношение человеческой и «божественной» ауры власти; выстраивание нарратива, формирующего представление о власти и насилии; социальные и культурные нормативы, с которыми власть связана.

Мариевская Наталья Евгеньевна,

к. иск., доц., Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Насилие экрана: художественное время фильма и внутреннее время зрителя

Художественное время является процессуальной конструкцией и обладает внутренней связностью.

В классически построенном кинопроизведении зритель остается именно зрителем. При этом, сталкиваясь с насилием на экране, он является лишь свидетелем происходящего. Его внутреннее время соприкасается с временем фильма. Катарсис, который испытывает зритель, предполагает чувства ужаса и сострадания. Зритель не причастен к происходящему и потому может испытывать удовольствие от насилия как аттракциона.

Однако существуют художественные приемы, позволяющие сделать зрителя соучастником насилия. Это происходит через нарушение условности экранного действия, «размыкание» художественного времени фильма и включение в его конструкцию внутреннего времени зрителя. При этом зритель становится соучастником насилия. То есть способен испытывать чувства, отличные от чувства сострадания. Например, чувство вины. Удовольствие от насилия при этом «снимается». Запускается принципиально механизм воздействия на зрителя.

Мартьянова Ирина Анатольевна,

д. ф. н., проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Сценарная программа восприятия кинотекста

Анализ рецептивной сценарной программы актуален для современной лингвистики в ее стремлении раскрыть характер текстового взаимодействия адресанта и адресата. В данном случае речь идет об актуализации взаимоотношений соавторов, сценариста и режиссера (нередко выступающих в одном лице), с читателем сценария и зрителем будущего фильма. Киносценарий — тип литературного текста, в котором эксплицирована программа как его собственного восприятия, так и восприятия кинотекста. Сценарная рецептивная программа точно определяет последовательность смены точек зрения, монтажных фрагментов, ракурсов восприятия, внеш-

ний облик исполнителей и т. д. Ранний отечественный сценарий существовал как претекст для создателей фильма и синопсис для зрителя во время его просмотра. Современный сценарий предлагает партитуру создания фильма. В ней есть то, что прямо войдет в кинотекст, и то, что «умрет» в нем или будет представлено имплицитно. Изображение партий разных инструментов обладает неодинаковой степенью развернутости: подробно расписываются речевые партии персонажей, портреты и интерьеры даются нередко намеком, цветопись почти отсутствует. Тем не менее зритель фильма априорно обладает меньшей свободой, чем зритель спектакля. Степень сценарной диктатуры усиливается в литературном фильмическом комплексе. В движении от собственно литературного к режиссерскому сценарию возрастает количество метатекстовых включений (дискурсивных слов и высказываний), регулирующих характер восприятия читателя-зрителя, регламентирующих деятельность актеров, операторов, художников, осветителей, монтажеров и мн. др. создателей фильма. В диахронии железный, эмоциональный и другие типы отечественного киносценария в разной степени провоцировали режиссерский бунт против навязываемой программы создания и восприятия фильма.

Марусенко Наталия Михайловна,
к. ф. н., преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Соболева Ирина Владимировна,
Центр решения проблем аутизма и социальной невключенности

Что такое насилие: дискурс и женская позиция
сквозь призму экрана

«Насилие» не является специальным понятием, и психоанализ может дать разъяснения этому понятию, помещая насилие на один уровень с понятием наслаждения. Это понятие ввел в психоанализ Лакан для обозначения того, что выходит за рамки принципа удовольствия. Таким образом, насилие можно понимать как наслаждение тела Другого, ведущего к объективации субъекта, в этом смысле само бытие субъекта как «говорящего существа» находится под угрозой. Именно на этот уровень мы можем поместить сексуальные отношения, которые не существуют по мысли Лакана, т. е. то, что не может быть обозначено дискурсом.

Находясь на уровне «говорящего существа», т. е. того, кто подчинен закону языка и речи, идет ли речь о насилии? Например, «Язык — это фашист» (Р. Барт), но это насилие имеет предел, поскольку речь идет о знаке, означающем (Ф. Соссюр, Ж. Лакан).

Все ли может быть означено? Каким образом можно ухватить то, что не поддается означиванию? То, что не ухватывается дискурсом — это женская позиция. «Женщина — не существует» (Ж. Лакан). Благодаря специфике кинематографического письма, которое обозначает место взгляда, делая из него функцию, мы можем ухватить то, что не ухватывается дискурсом. Это письмо заставляет работать функцию, которая связана с функцией картины, о которой Лакан говорит в 11-м семинаре.

На примере анализа фильмов Вуди Алена («Вики, Кристина Барселона»), Бенуа Жако («Вилла Амалия») и др. мы покажем то, каким образом с помощью кинематографического письма могут быть обозначены различные вариации женских позиций, которые не могут быть схвачены в знаке, означающем.

Миллер Людмила Владимировна,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет путей сообщения

Дар как насилие (эстетико-смысловой комплекс
«творческая интеллигенция» в фильме П. Лунгина «Дирижер»)

Закрепленные в коллективном художественном сознании привычные представления о том, что талант делает художника свободным, позволяя в максимальной степени реализовать духовные, эстетические и эмоциональные устремления, могут быть взяты под сомнение, если внимательно проанализировать смысловое содержание кинотекстов, центральным героем которых является представитель так называемой «творческой интеллигенции». Дар уводит Художника от самого себя и от «значимых близких», принуждает, иногда буквально заламывая ему руки, нарушать этические запреты. Эта мысль прочитывается не только в работах современных режиссеров («Дар» П. Лунгина, «Полторы комнаты» А. Хржановского), но даже в наиболее ярких произведениях соцреализма, таких, например, как фильм К. Худякова 1984 года «Успех».

Новак Наталья Владимировна,

ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Хочу» и «Надо». Психологическое насилие. Чувство долга.
Чувство вины. (На материале художественного фильма
«Ребро Адама» и повести А. Курчаткина «Бабий дом»)

В настоящее время принято считать, что любое насилие (физическое, психологическое, сексуальное) — это плохо. Лицо (группа лиц, страна), пытающееся подчинить себе других таким образом, либо осуждается, либо находит / старается найти веские доказательства того, что поступить иначе невозможно.

На наш взгляд, достаточно сложно говорить о том, где проходит граница между «настоящим» психологическим давлением, насилием и реализацией необходимости принять решение, взять ответственность на себя, повернуть ситуацию в определенное русло, а также чем отличается жертва психологического насилия от человека, осознанно соглашающегося с некими правилами, а возможно, просто пассивного, даже не пытающегося каким-либо образом влиять на развитие событий.

Современная литература, российские театр и кинематограф предоставляют достаточно богатый материал для рассуждений на тему «Мать — дочь. Психологическое насилие».

В центре нашего внимания — одна-единственная сцена из художественного фильма В. Криштофовича «Ребро Адама» (1990). Это монолог-

обвинение, финал которого оставляет неоднозначное впечатление. С одной стороны, Нина Елизаровна рассказывает, как мать сломала ее жизнь, с другой — она практически сразу просит прощение за свои слова, говорит о том, что «всё-всё неправда». Но мы видим парализованную старую женщину, которая не может ответить на обвинения, наблюдаем за тем, как ведут себя члены этой семьи в других ситуациях (отношения между женщинами внутри семьи, отношения с мужчинами, реакция на беременность Насти и т. д.). Очевидно, что зрителю достаточно сложно однозначно ответить на вопрос, кто же на самом деле виноват в том, что жизнь героини сложилась именно так.

С определенной точки зрения, один и тот же персонаж может оказаться и покорной жертвой психологического насилия, и носителем причины такого отношения к себе, и источником этого самого насилия, направленного на других.

Овсянникова Татьяна Леонидовна,

асп., Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Контрфактическая парадигма: вытеснение исторического конфликта из сюжета исторического фильма.

События Великой Отечественной войны по-прежнему занимают на экране особое место в ряду визуализации исторического прошлого страны. Действие в фильме «Одна война» (2009) В. Глаголевой разворачивается на острове вдали от исторически значимых переломных в истории страны событий. На острове живут женщины — арестантки, родившие детей от фашистов. Они рассказывают о причинах связи с оккупантами, оправдывая ее бессилием перед стечением обстоятельств. Сделанная установка на гуманистические, общечеловеческие ценности не оставляет места для ненависти к фашистам, ведет к десакрализации подвига тех, кто отдал свою жизнь во имя Победы, но остался за рамками сюжета этого фильма. Авторы исторических фильмов, показывая тяготы войны, как аттракцион, пытаются выйти на один уровень переживания истории со зрителем. В фильме «Рябиновый вальс» (2009) А. Смирнова, А. Семёновой развитие сюжета базируется на игре со смертью. Герой фильма Алексей по чужим документам приезжает в деревню на разминирование территории в качестве наставника мирных жителей и отправляет их на минные поля. Смещение акцента с героя-победителя на героя-предателя и оправдательные мотивы его поступков трансформирует смыслы героического прошлого нации, затрудняет определение ценностно-этических ориентиров. В фильме «Брестская крепость» (2010) А. Котта цена победы осмыслена не драматургически, а исчисляется количеством погибших, которая множится за счет придуманных автором фильма потерь. Смена эстетической картины происходящего, вместо действий, основанных на конфликте, становится одним из принципов сюжетного моделирования событий прошлого на экране. Однако предложенная авторами фильмов художественная модель прошлого, в которой не остается места для исторического конфликта, став-

шего катализатором исторически значимых событий, повлиявших на ход истории и историческое сознание народа, делает проблематичным ее функционирование в современном обществе.

Пелех Паулина,

асп., Силезский университет (Катовицы, Польша)

Представление жителя Северного Кавказа в российских фильмах (языковое и культурное насилие)

В своем выступлении мы рассмотрим способы представления жителя Северного Кавказа в российских фильмах с точки зрения культурного и языкового насилия. В российских фильмах в качестве персонажа второго плана часто появляется житель Кавказа. Обычно жители южных краев России показаны как носители зла и агрессии, зверские по своей природе. Интересно проверить, что или кто на самом деле является толчком к их агрессивному поведению. Мы можем заметить целый ряд разных определений и суждений в адрес кавказцев. Режиссеры предлагают занять ту или иную позицию по отношению к жителям Кавказа. Особо значение имеет язык тела, который часто говорит больше чем слова. Именно благодаря сочетанию слов и образов, мы можем уловить смысл коммуникации и получить полное представление о герое. Кроме того, фильм является хорошим и богатым материалом для анализа, так как режиссеры стараются показать тенденции и мнения, бытующие в обществе. Для проведения исследований были использованы следующие теории: этно- и социолингвистики, межличностной коммуникации, а также теория фильма. Данная тема касается актуальных вопросов нынешней социально-политической жизни, а также вписывается в жанр популярной в настоящее время «чернухи».

Перельштейн Роман Максович,

к. иск., докт., Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова

Немотивированное насилие как форма эскапизма в экзистенциальной драме на материале западного кинематографа второй половины XX в.

1. Когда мы говорим о немотивированном насилии, на которое оказывается способен герой киноэкрана, то речь всегда идет о катастрофе духовного свойства.
2. Немотивированные преступления в большинстве случаев совершаются героем на гендерной почве, являясь следствием сексуальной неудовлетворенности, но подобное объяснение нам представляется поверхностным. Скорее, причина в том, что герой не способен никого полюбить. Потребность же признания в любви, в ее переживании остается. Она-то и принимает извращенные формы.
3. Если случаи немотивированного насилия на западном киноэкране 1960—1980-х гг. глубоко врезались в память, то кинематограф 90-х ока-

зался перенасыщен ими. Произошла очередная нравственная мутация человеческого сообщества.

4. Если мы попытаемся изобразить на киноэкране Каина нашего времени, то наиболее правдоподобной покажется ситуация немотивированного, спонтанного насилия. Таков новый бунт. Бунт без программы, без плана. Бунт без какой-либо идеи. Бунт творения не против Творца и Его замысла, а бунт творения в отсутствии Творца и всякого замысла о человеке.
5. Рациональные основания сферы сознания далеко не всегда заслуживают уничижительной критики. Так, поступок, пронесенный мимо сферы сознания, оказывается неспособен потревожить совесть героя. Все отдается на откуп иррациональному порыву, какой-то независимо от человека и Бога существующей мрачной бездне; и раскаянию, самому Богу как сверхрациональному порыву места уже нет.
6. Мотивированное идейное насилие не лучше немотивированного безыдейного. Однако мы все же констатируем смещение акцента экранного насилия в сторону спонтанных проявлений зла, как более глубоко укоренных в человеческой природе и гораздо труднее распознаваемых. Они представляют для современного кинематографа больший интерес, чем классические мотивированные ситуации подчеркнуто сознательного выбора героя между добром и злом.

Пинежанинова Наталья Павловна,

к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Драма двойничества в контексте насилия

Определяющим развитие сюжета фильма является эпизод Гражданской войны — расстрел пассажиров поезда красноармейцами. Военное насилие показано как страшный контекст той эпохи, когда обесцененная жизнь человека по команде красного командира могла быть пущена «в расход». В этом эпизоде лицом к лицу встречаются два поразительно похожие друг на друга человека — красный командир Плотников и актер Евлахов. Плотников погибает в перестрелке, а Евлахову чудом удается спастись. Однако этот эпизод не оставляет актера в покое даже в благополучной Финляндии. Он погружается в депрессию и видит для себя лишь один путь — перевоплотиться в красного командира Плотникова и вернуться в Россию, чтобы сыграть свою главную роль в жизни. Для перевоплощения актеру важна атрибутика насилия — он приобретает наган, из которого убивали людей, который помнит державшую его руку, и шинель, пропахшую потом и кровью. Также важны для него и дневники Плотникова, которые вместе с архивом за большие деньги достают актеру контрабандисты. По мере вживания в роль между актером и его двойником стирается грань — актер начинает видеть чужие сны и у него болит чужая душа. Двойничество актера как удвоение мира как попытка понять Другого, того, кто в него мог стрелять, вызвано в этом фильме исторической катастрофой Гражданской войны, гибелью людей, крушением границ добра и зла, жизни и смерти, когда единый народ оказывался расколотым на две враждующие части.

Рейфман Борис Викторович,

к. культ., доц., Российский государственный гуманитарный университет

«Новая волна» английского кино: поворот к другой «подлинности»

1. Мировоззренческие связи английской «новой волны» с литературным движением «рассерженных молодых людей» и генезисом британских «культурных исследований».
2. Связь английской «новой волны» с «новой волной» французской: общие гуманитарные контексты.
3. Главные стилистические тенденции и типы персонажей в кинематографе К. Рейша, Т. Ричардсона и Л. Андерсона на рубеже 1950-х и 1960-х гг.
4. Эволюция кинематографа Л. Андерсона и ее культурологические аспекты: усиление условно-«цитатной» тенденции, совпадающее с основной линией развития европейского «авторского кино».

Семенова Наталья Валерьевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Скрытая угроза: визуализация насилия в кинолениниане

Тема насилия закономерно возникает при анализе киноленинианы: она открывается сюжетом о казни старшего брата, проходит через фильмы о революции и Гражданской войне и завершается «заключением» вождя в усадьбе «Горки». Лениниана обогатила советскую имагологию не только образом лидера государства, но и различными формами воплощения зла (от фигуры врага к атрибутике последнего, в частности, к оружию). Именно этическая проблема — рассуждения о допустимости насилия — стала центральной в картине «Ленин в 1918 году» (доказательству данного тезиса подчинен видеоряд и диалоги Ленина с Горьким). Уникальность ситуации ленинианы заключается в том, что ее герои изначально позиционируются как жертвы. В качестве примера можно привести многочисленные случаи смертей: Павле — «Великое зарево»; Евтушенко — «Человек с ружьем»; изуродованный и недееспособный французский солдат — «Незабываемый 1919-й». Проявление ответной жестокости большевиков объясняется и оправдывается, тем самым, инстинктом самосохранения. В отношении Ленина также сохраняется статус жертвы. Сначала он получает ранение в результате покушения («Ленин в 1918 году»), а затем насильственно изолируется от жизни («Рассказы о Ленине»). Продолжением и завершением данной линии служит картина «Телец», в которой окружающие персонаж люди теряют «оттепельную» чувствительность героев Е. Габриловича и превращаются в мучителей.

Славина Ольга Юрьевна,

к. ф. н., доц., Гамбургский университет (Германия)

Между астрономией и сновидением: барон Карл дю Прель

Среди первых идей молодого немецкого кинематографа была идея экранизации немецкоязычного романа «Крест над глетчером» (1880), текст которого соответствовал представлением времени о киносценарии.

Вполне забытый сегодня роман вскоре по написанию был переведен на шесть европейских языков и снискал редкую популярность в Европе конца XIX столетия. Его автором был барон Карл Дю Прель, вошедший, однако, в литературно-художественный текст рубежа веков в качестве философа-мистика.

«Онейрокритикон» (1875), докторская работа дю Преля о сновидениях, стала основой для монографии «Философия мистики» (1885). «Философия мистики» включала в себя семь глав, каждая из которых так или иначе была связана со сном. Открытием считалось создание новой концепции времени, с помощью которой описывалась природа сна.

Флоренский в рассуждениях об исследовании времени (1929) признал первый шаг за дю Прелем, введшим понятие времени *мгновенного*. Метафизическая конструкция дю Преля нуждалась в физической ясности. Для лабораторного создания *мгновенности* и *одновременности* дю Прелю была необходима оптика, в качестве которой рассматривалось сновидение (естественное или медиумическое), а для описания и изучения — наука астрономия.

Роман в русском издании был назван *гипнотическо-спиритическим*. Несущий конструкт его — глетчер; это и зафиксированное/замороженное трансцендентальное время, и оптический прибор для наблюдения за временем.

Метасюжет романа дю Преля можно определить библиографией по исследованиям сна, метапространство романа представлено через *вид* — *вИдение* или *видЕние*, производителями которого служат художник, сомнамбулы и медиумы. *Вид* является и основным дискурсом текста романа, что позволяет текст десятилетия спустя прочитать как сценарий, а дискурс довести до замечания Тынянова о возникновении кино из *выделенного фотографического вида* (1927).

Смирнов Игорь Павлович,

д. ф. н., проф., Констанцкий университет (Германия)

Киноунивермаг

В докладе будет рассмотрен ряд фильмов, в которых сюжетно важным или главным местом действия выступает универсальный магазин: «Дети века» (1915) Бауэра, «Контролер универмага» («The Floorwalker», 1916) Чарли Чаплина, «Новый Вавилон» (1929) Козинцева и Трауберга, «Дамское счастье» (1930) Дювилье. Все эти немые фильмы так или иначе критикуют машину потребления. Зритель отчуждается, таким образом, от конюмеристской реальности. Его сознание очищается от собственнического отношения к вещам ради сугубо зрелищного восприятия искусства. С приходом в кино звука этот рецептивный катарсис переживает кризис. Фильм братьев Марк «Большой магазин» («The Big Store», 1941) превращает супермаркет в площадку, на которой разыгрывается мюзикл, одобренный криминальными мотивами. Искусство отождествляет с куплей-продажей и интегрирует кинозрителя в конюмеристском обществе.

Соболев Михаил Дмитриевич,

МУ Детский хоспис

Психоанализ и кино. Методология, теория, практика

1. «Психоанализ всегда прикладной...» — говорит нам Жак Лакан. Это красивое утверждение, однако тут же он добавляет: «...и прикладывается он к клинике!», что делает подход к той практике, которая называется в России прикладным психоанализом, у лаканистов несколько иным. Мы проясним эту методологическую особенность, по дороге осветив основные понятия лакановской доктрины — Реальное, Символическое, Воображаемое, и объект маленькое *a*.
2. Именно использование концепта «объект *a*», который является основной целью анализа, позволяет лаканистам сказать многое об искусстве, и прежде всего об искусстве визуальном. Используя разработки Лакана и его Школы об объекте — взгляде мы предположим, как возникли визуальные искусства и определим, что такое картина. Мы не делаем принципиальной разницы между картиной живописной и картиной кинематографа, потому что и в том и в другом случае функция картины заключается в защите субъекта от взгляда. Пример — Ф. Озон.
3. Использование троицы регистров позволяет аналитикам лакановской Школы предложить свойственную только психоанализу модель мира, которая предстает как невозможное Реальное с наброшенной на него вуалью дискурсов, сотканных из переплетения Воображаемого и Символического. В этой перспективе весь кинематограф можно разделить на работы укрепляющие, развивающие, поддерживающие миф, и кинематограф, имеющий смелость эту вуаль приподнять. Второе наиболее интересно для анализа, и это прежде всего кино, связанное с насилием, насилием возможным, насилием ожидаемым — в качестве примера мы возьмем «Антихриста» и «Меланхолию» Ларса фон Триерра. Здесь насилие бессмысленно, как звездное небо над головой, здесь насилие лежит по ту сторону цели и смысла — непереносимое Реальное совершает насилие над субъектом. Это насилие, от которого у субъекта нет спасения. Это насилие — судьба субъекта. И мы видим свою судьбу в разрыве кадра, как видит свою судьбу субъект в черепе складывающейся анаморфозы «Послов» Гольбейна.

Тульчинский Григорий Львович,

д. филос. н., проф., Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Насилие в кино как нарратив поздней рационализации национального сознания

Нации — феномен Нового времени, городского образа жизни, запроса на новую форму легитимности власти для носителей различной этнической культуры, конфессиональной принадлежности, диалектов. Задача формирования гражданского (во всех европейских языках «гражданин» от слова «горожанин») решалась с помощью социально-культурных технологий:

гуманитарных наук, искусства, образования, возникших средств массовой информации, организации свободного времени. В XX столетии этот процесс еще более интенсифицировался, в него активно включились кино, спорт... Кино в этом плане играет особую роль в связи с возможностями презентации, позиционирования и закрепления в массовом сознании ярких образов, трансляция которых далее возможна в чрезвычайно широком контексте. И в этой системе смыслообразования одной из ведущих тем выступает насилие: от «Нетерпимости» и «Зарождения нации» Д. Гриффита, формирования жанра вестерна, боевиков до балабановской эпопеи и нынешнего «Сталинграда». Можно обозначить несколько факторов, определяющих эту роль насилия в кинотексте. — Роль безопасности как базовой ценности социогенеза. Сплачивание социума любого уровня легче обеспечивается перед лицом опасности, угроз, страхов. — Большая смысловая значимость экзистенциальных страхов по сравнению с позитивной информацией. — Роль героев и жертв (victims) в формировании любой социально-культурной идентичности. — Нарратив кинотекста позволяет реализовать не только систему образов, но и формировать историческую память, мифологизировав и облагораживая ее, реализуя «позднюю защитную рационализацию». В этой связи насилие в кино выступает мощным средством формирования группового сознания, «технологией группизма» (Р. Брубейкер). Поэтому особый интерес представляет типология презентаций насилия в кинотексте.

Фуртай Франциска Викторовна,

д. иск., проф., Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Небесный капитан в Метрополисе

или К вопросу трансляции смыслов в кинотексте

Любой текст, в том числе и кинотекст, для того, чтобы таковым являться, должен содержать смыслы, действующие всегда в системе, которая задается неким типом мировоззрения. Для кино основополагающей формой трансляции смыслов, на наш взгляд, является гипермиф. В культуре это явление достаточно новое, но являющее собой результат многовековой трансформации традиционного мифа, отразившейся в различных видах искусства. В предлагаемом докладе будут прослежены исторические формы трансформации традиционного мифа (неомиф, гипермиф), а также механизмы конструирования смыслов кинотекста посредством мифологем гипермифа.

Шарапова Марина Александровна,

к. иск., с. н. с., Всероссийский государственный университет кинематографии

им. С. А. Герасимова

Насилие как важнейшее условие построения сюжета и женский архетипический первообраз в современном отечественном кино

Действие фильма «Жила-была одна баба» связано с Гражданской войной. Война предстает метафорой жестокости российской жизни. Героиня — крестьянка Варвара — воплощение женского архетипического пер-

вообраза, рифмующегося с мегаобразом России. Варвара по-христиански смиренна, но по-язычески прибегает к волхованию, увеличивающему количество испытаний, которые ей предстоят. Крест на шее героини — древлеправославный. Соединение образов *Варвары-России* и *Варвары-старообрядки* помогает иначе увидеть финальную мистерию фильма. Истинная вера, благочестие недоступны на Руси.

Героини картин «Сказка про темноту» и «Юрьев день» способны преобразовывать жестокий окружающий мир, наполняя его любовью, возвращая в него гуманистические идеалы.

«Сказка про темноту» повествует о судьбе одинокой женщины в российской провинции. У героини знаковое имя — Ангелина. Несмотря на травматичность общения, на неудачи, преследующие ее в поисках человеческого в «темноте» окружающего мира, Ангелина не отчаивается. У женщины с ангельским именем получается приблизить мир к гармонии благодаря тому, что ей присущи черты женского архетипического первообраза, обладающего сакральной силой. Это способствует расширению рамок повествования, превращая сюжет в миф о бытии, где мужчина находит спасение благодаря женщине.

В фильме «Юрьев день» путешествие в провинцию главной героини фильма Любви Васильевой оказывается погружением в космогоническое пространство «Руси-матушки». Безуспешные поиски сына героини оборачиваются ее превращением из представительницы богемы в уборщицу больницы для уголовников, поющую на клиросе храма. Метафизика окружающего пространства губит героиню, уничтожая ее как отдельную личность и возрождает для нового существования. Трагедия героини здесь промысел Божий. Любовь Васильева становится матерью чужим сыновьям, оказывающимся родными, исходя из сверхреального понимания, сошедшего на нее свыше. Преображенная героиня внутренне близка двуединому образу Матери-земли и Богородицы.

Щукина Кира Александровна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Тема насилия в «Сказке сказок» Ю. Норштейна

1. Несколько слов об истории создания анимационного фильма «Сказка сказок».
2. Три плана фильма: «Сложнейший фильм, сотканный из воспоминаний военного детства, из прозы сегодняшнего дня и возвышенных грез о всеобщем счастье. Фильм без слов, в котором уложились на пространстве в тридцать минут история целого поколения» (Л. Петрушевская).
3. Насилие в первом плане фильма: война. Насилие не показывается прямо, но дается намеками, образами, вставками из «хроники», текстами похоронок.
4. Насилие во втором плане фильма: «проза сегодняшнего дня» — Волчок. Несомненно, что то, что делает Волчок с ребенком — это насилие, или, если дать более точное определение — киднеппинг.

История создания образа Волчка берет свои корни в насилии (глаза спасенного котенка на фотографии).

Текст колыбельной, которую поет Волчок, также возвращает зрителя к теме насилия.

5. Третий план фильма: антинасилие, идиллия, «возвышенные грезы о всеобщем счастье».
6. Время как насилие. «Сказка сказок» Назыма Хикмета. «Когда оглянешься в прошедшее время, начинаешь вдруг понимать, что тот мир, где ты жил, уходит навсегда, и ты никогда туда не вернешься» (воспоминания Ю. Норштейна о создании фильма). Отсутствие времени в «белой линии» фильма.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО СТИХА

Лалетина Ольга Сергеевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Слово и музыка: о стихе романсов А. Н. Апухтина

Доклад посвящен описанию поэтики стихотворений А. Н. Апухтина, ставших предметом музыкальной интерпретации композиторов. Произведения, положенные на музыку, характеризуются единством на уровне темы, сюжета, образной системы, стиля и соответствуют канонам жанра романса: в них преобладает любовная тематика; герои лишены индивидуальных черт; хронотоп условен. Романсы ограничены и в разнообразии сюжетов. Так, среди романсов о любви можно выделить лишь 5 сюжетно-тематических групп, в которых центральными, сюжетообразующими мотивами являются: 1) счастье взаимной любви; 2) страдание, вызванное воспоминаниями о потерянной любви; 3) страдание, вызванное невозможностью преодолеть роковую страсть; 4) надежда на начало/возрождение любовных отношений; 5) желание отомстить за несчастную любовь. Шаблонность на уровнях темы, сюжета, образной системы, стиля в романсах Апухтина компенсируется разнообразием на других уровнях композиции. Основными способами варьирования текстов на сходную тему выступают: изменение речевой композиции (смена субъекта речи); изменение времени повествования и/или событийного времени; исключение/введение, редукция/амплификация отдельных звеньев сюжета; изменение композиции стиха. Наиболее ярко экспериментальное начало романсов Апухтина проявляется на уровне стиха. Метрико-строфический репертуар поэта характеризуется большим разнообразием: на каждую строфическую модель приходится всего 2,2 произведения. В контексте творчества Апухтина романсы занимают особое место. В них господствуют усложненные урегулированные формы: тождественные строфы и строфы сквозной рифмовки, использованные в сочетании с разностопными размерами (в том числе трехсложными). На каждую модель в романсах приходится всего 1,5 произведения, причем в группах текстов, объединенных общей темой и сюжетом, это число

еще меньше — от 1 до 1,3. Иными словами, тексты, близкие по тематике, Апухтин расподобляет на уровне стиха, каждый раз находя новый, неповторимый ритмический рисунок.

Мартыненко Григорий Яковлевич,

д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Структурная динамика русского классического сонета

1. Предпринята попытка системного описания русского сонета Серебряного века. Основное ограничение: привлечены главным образом сонеты итальянского типа, написанные четырехстопным ямбом.
2. Исследование осуществлено на материале двух выборок: большой выборки, включающей сонеты выдающихся авторов-сонетистов (Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, Волошин, Северянин и др.) и малой выборки, содержащей по одному сонету из наследия большинства сонетистов литературной эпохи.
3. Основу методики исследования образует метод временных рядов: скользящие средние, аналитические модели, автокорреляция, методы проверки рядов на наличие тенденции и др.
4. При анализе данных используется система лингвополиграфических, силлаботонических и звукобуквенных параметров.
5. Динамика текста сонета рассматривается в двух измерениях: по горизонтали, т. е. в линейной развертке стихотворной строки, и по вертикали, т. е. в последовательности строф и строк.
6. Основные результаты исследования заключаются в построении усредненных профилей сонета как по вертикали, так и по горизонтали для отдельных авторов и для эпохи в целом. Эти профили являются базой для типизации авторских стилей и их систематизации, а также для формирования обобщенной структуры жанра.

Нагуманова Эльвира Фирдавильевна,

к. ф. н., доц., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Жанры европейской и восточной лирики в современной тюркоязычной поэзии

Современные тюркоязычные поэты реализуют структурно-содержательные возможности как традиционных жанров русской и европейских литератур, так и восточной лирики, и в то же время раскрывают новые грани своей национальной поэзии. Канонические жанры в национальном историко-литературном процессе функционируют по-разному, как правило, трансформируются под влиянием традиций принимающей стороны.

Многие современные национальные поэты обращаются к жанру сонета. В башкирской литературе особое место этот жанр занимает в лирике А. Тагировой, в татарской поэзии — в творчестве Р. Хариса.

А. Тагирова создает сонеты согласно общепринятым канонам, обращается к более сложной форме — венку сонетов. «В нас кипит кровь Сала-

вата», «Нет границ у любви», «Материнская тропа» являются образцами, полностью отвечающими требованиям данного жанра.

Татарский поэт Р. Харис именно жанру сонета «доверяет» свои философские раздумья о жизни, времени, мироздании. Поэт сохраняет определенную последовательность развития мысли, характерную для классических сонетов: тезис — антитезис — синтез — развязка. В сонетах Р. Харис стремится проникнуть в основу сущего, изобразить жизнь во всех ее проявлениях, уловить те сакральные ценности, которые живут в сознании татарского народа.

Многие поэты в конце XX века внедряют в национальные литературы традиционные формы японской поэзии (танка и хокку), в частности, татарский поэт Р. Файзуллин и чувашский поэт П. Эйзин.

Все эти поиски татарских, башкирских и чувашских поэтов в области форм стиха позволяют говорить об особом стремлении национальных писателей к реализации своих потенциальных возможностей через те формальные принципы, которые в определенной степени являются чуждыми для тюркоязычных литератур. Освоение мира другой литературы происходит в соответствии с их собственной национальной идентичностью.

ФОЛЬКЛОР НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ, ПОСТФОЛЬКЛОР И ВОПРОСЫ ТРАДИЦИИ

Belovodskaja Anastasija,

PhD, преп., Вильнюсский университет

Сетевой фольклор и специфика анонимной сетевой коммуникации

Развитие технологий Веб 2.0 (Web 2.0), которые позволяют каждому пользователю интернета активно участвовать в создании и видоизменении контента, привело к практически ничем не ограниченному сетевому творчеству. Граница между авторским и анонимным произведением размыта: сетевые тексты часто теряют своих авторов и видоизменяются в процессе пересылки от одного пользователя к другому. При этом новые смыслы нередко рождаются за счет трансформации различных прецедентных феноменов, входящих в базу знаний конкретного лингвокультурного сообщества. Одной из основных особенностей сетевого фольклора является наличие специфических явлений прецедентной природы — т. н. *интернет-мемов*. Специфическая природа *интернет-мемов*, часто выступающих в виде сложных поликодовых образований, нацеленных на комплексное воздействие на адресата, открывает манипулятивные возможности. Описывая специфику анонимной сетевой коммуникации, стоит отметить, что даже «молчаливая» пересылка текста и размещение его на страницах различных сетевых ресурсов являются звеньями в цепи коллективной автокоммуникации, а случаи трансформации пересылаемого текста могут рассматриваться как ключ к пониманию (пере)осмысления использованных прецедентных единиц.

Кроме того, следует обратить внимание на функционирование анонимного «мы», которое сегодня оказывается новым субъектом современной массовой сетевой коммуникации. Описание этого нового субъекта тесно связано с т. н. феноменом «Анонимуса», давно «выросшего» из интернет-мема в явление, влияние которого распространяется далеко за пределы интернета. В докладе мы остановимся на способах самопрезентации данной «коллективной личности», которые тесно связаны с принципом цитатности/квазичитатности, характерным для современной сетевой коммуникации. Говоря об «Анонимусе», необходимо также отметить суггестивную силу текстов, за которыми стоит анонимное «мы», что открывает возможности для манипуляции, а значит, требует особенно пристального внимания.

Бычкова Екатерина Евгеньевна,
соиск., МБОУ «Гимназия № 71» (Кемерово)

Представления о счастье в современной детской культуре (на материале устных рассказов)

Анализ собранного материала показал, что счастье в восприятии информантов условно делится на две категории: т. н. счастье «врожденное», зависящее, прежде всего, от физиогномики: цвета глаз человека, размера его ушей, формы носа, наличия или отсутствия родимых пятен, меток на ногтях и т. д., а также «приобретенное», — особое состояние, привлекаемое информантами путем совершения магических действий. В связи этим актуализируются ритуально-магические практики детей, способствующие «призыванию» счастья: ношение предметов, приносящих счастье (красная нитка на запястье, майка, надетая на левую сторону, счастливый пятак под пяткой и т. д.), поиск и поедание (вариант — засушивание, хранение) растений, приносящих счастье (четырёхлистный клевер, пятилистная сирень, летающая пушинка, лавровый лист, «попавшийся» в чашке с супом и т. д.), практики внесения в дом животных с магической окраской, практики, связанные с магией цифр (символические «хватания» номеров машин, высчитывание «счастливых» билетов в общественном транспорте, игре «Когда мое счастье»), пересылкой т. н. «писем счастья» и т. д. Отдельное внимание уделяется ритуально-магическим действиям, связанным с «вызыванием» мифологических персонажей, приносящих счастье, распространенным в детской культуре и являющимся частью процесса осмысления детьми жизненных явлений, частью их собственного миромоделирования.

Веселова Инна Сергеевна,
к. ф. н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет

Народная колористика: визуальные и вербальные метафоры

Традиционная народная колористика представляет собой малоисследованную область визуальной фольклористики. Нужно сказать, что яркость и цветовые сочетания деревенской одежды (и старинной и повседневной)

и окраски домов нередко обескураживает городских исследователей. Так, например, интересный материал содержится в мезенской фотоколлекции Фольклорного архива СПбГУ. Цветовые сочетания старинной одежды являют собой образец нарядного и броского чередования, например, однотонного цвета платья с двуцветной шалью и совершенно отдельным пестрым поясом. Современный ассортимент халатов, типичной женской одежды и в городе и в деревне, в деревенском магазине часто являет собой привлекательное для покупательниц сочетание ярких пятен. Именно их цветовая комбинаторика не укладывается в пределы воображаемого жителя мегаполиса. Причем речь не идет о различении фона и фигуры, чередовании одного цвета с многоцветьем, как, например, свойственно вязаным варежкам традиционных мезенских орнаментов. Рисунок халатов не является орнаментом, потому что в нем нельзя выделить фон и рисунок. Поле равного уровня пестроты не образует единого целого, свойственного гештальту традиционного орнамента. Но дело не только в сочетаемости. Различение монохромного и яркого, «цветного» и «черного», печального, вообще различение степеней яркости очень отчетливо в традиционной деревенской культуре. Так, цветная одежда более свойственна тем, кто «цветет», т. е. находится в своей «молодой» поре — девкам и молодкам. Сам глагол «цвети» означает регулы у женщин. Яркие цвета более свойственны молодым, фертильным женщинам, чем пожилым и старым. Кроме того цветная одежда и яркие атрибуты более свойственны женщинам, чем мужчинам, праздничной одежде более, чем будничной. И если традиционной свадьбе свойственно многоцветье, то традиционным похоронам скорее белое бесцветье.

Куприянова Софья Олеговна,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

«Шел отряд по берегу...»: «Песня о Щорсе» в функции колыбельной

Колыбельная песня как объект исследования включает в себя различные тексты, исполняемые в ситуации укладывания спать. При опросе информатов и во время публичных обсуждений выяснился следующий факт: одним из самых популярных текстов, исполняемых в качестве колыбельной, является «Песня о Щорсе». Текст, исполняемый в качестве колыбельной для людей, рожденных в 1960—1970-е годы, транслировался и для следующего поколения. Это подтверждают данные опроса студентов одного из московских вузов, проведенного И. Н. Райковой. Н. А. Щорс, командир Красной армии, до 1935 года нигде не упоминаемый, внезапно обрел популярность. «Песня о Щорсе», написанная в 1936 году по предложению И. Сталина Матвеем Блантером на слова Михаила Голодного, прочно вошла в массовое сознание. В 1939 году А. Довженко снял фильм «Щорс» с Евгением Самойловым в главной роли, который показывали во время войны на фронте и в тылу. К. А. Богданов в главе «О колыбельных и частушках» подробно рассматривает функционирование этого жанра в советской культуре. Изначально признанные «архаическим пережитком»,

колыбельные активно пропогандируются в советской массовой культуре. Начиная с 1920-х годов появляются литературные версии советских колыбельных песен. В 1937 г. выходит фильм Дзиги Вертова «Колыбельная». В жанре колыбельной пробуют себя поэты и композиторы. В 1940-м появляется «Колыбельная» на музыку М. Блантера и слова М. Исаковского. По замечанию К. А. Богданова, советская культура предлагала огромное количество «рекомендуемых образцов колыбельного жанра». С другой стороны, интересно то, какие тексты отбираются для исполнения в приватной обстановке и передаются следующим поколениям в рамках домашней практики. Текст, изначально сконструированный для пропаганды образа «украинского Чапаева», оказывается популярным и востребованным в современной культуре в качестве колыбельной песни.

Мариничева Юлия Юрьевна,

к. ф. н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет

Деревенский сенокос: техники тела и ритуалы родства

В ежегодных фольклорных экспедициях филологического факультета СПбГУ на Русский Север (Вологодская и Архангельская области) мы уделяем внимание не только собственно фольклорным жанрам (сказки, песни, заговоры и т. д.), но и некоторым повседневным практикам. Благодаря этому мы обратили внимание на то, что современный деревенский сенокос оказывается сложно организованным действием, направленным не только на подготовку и сбор сена, но и на поддержание родовых отношений его участников.

Матлин Михаил Григорьевич,

к. ф. н., доц., Ульяновский государственный педагогический университет
им. И. Н. Ульянова

Письменные тексты в структуре современного свадебного обряда

В конце XX в. в современной городской свадьбе формируется весьма специфический набор письменных жанров. Это тексты, хотя и созданные по законам письменной речи, оформленные в соответствии с ее графикой, использующие элементы книжного дизайна, но всегда зачитываемые, произносимые вслух кем-либо из участников или организаторов свадебного торжества. Часто основой для создания таких текстов становился тот или иной официальный или технический документ советской эпохи — конституция, клятва, паспорт, в том числе и технический и мн. др. Но, обращаясь к этим документам, участники свадьбы не просто воспроизводили его, а создавали свой яркий смеховой вариант такого документа. В этом творческом преобразении официального текста, смеховом обыгрывании делового стиля речи можно увидеть не только некоторые традиционные сатирические приемы, но и своеобразное развитие смеховой стихии русской традиционной свадьбы предыдущих эпох.

Паршанина Надежда Сергеевна,
студ., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Граффити в системе социальных коммуникаций современного города

Прогрессирующая урбанизация создала во второй половине прошлого века условия для возникновения новых — специфически городских — форм социальной коммуникации. К их числу относятся граффити, традиционно включаемые в систему жанров городского фольклора благодаря присутствию в подавляющем их большинстве вербального компонента. Впрочем, акцентирование внимания на их текстуальной составляющей, характерное для современной фольклористики, на наш взгляд, скорее препятствует их комплексному междисциплинарному изучению, и обусловлено не столько природой самого явления, сколько устоявшимися методологическими установками. Как текстосодержащие, так и полностью невербальные граффити подчиняются единым принципам коммуникативной организации: рисунок становится полноценным высказыванием вне зависимости от наличия/отсутствия в нем словесной составляющей. Большой интерес представляет изучение граффити в связи с родственными им урбанистическими формами социальной коммуникации, в частности, флешмобами, с которыми их роднит «мгновенность», анормативность (высказывание активно «оспаривает» собственный контекст, всегда осуществляется вопреки ему), бессубъектность (автор высказывания имплицитен, растворен в толпе; адресантом словно бы становится сам мегаполис), присутствие мягкой формы социального протеста (отчетливый, но неразрушительный сбой в системе социальных коммуникаций, утверждающий творческую и поведенческую свободу в противовес стереотипным и оттого содержательно опустошенным моделям социального взаимодействия) и т. д. Граффити необходимо изучать не только как направленный вовне коммуникативный импульс, но и как систему коммуникаций между участниками сообщества. К примеру, с точки зрения райтера (граффитиста-художника) общение может выстраиваться как монолог, конфликтный («перекрывание» рисунков других авторов своими) или конструктивный диалог (рисование в специальных местах («hall of fame»), где можно оставлять свои надписи поверх чужих) и т. д.

Семенова Антонина Сергеевна,
асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Популярные мезенские песни: поэтика и контекст

Анализ поэтики предполагает описание риторико-стилистического уровня текста, прагматический анализ — ситуационного контекста речевого акта. Контекст включает в себя говорящего, слушающего и внеязыковую обстановку общения. Представляется, что публичное пение реализует определенные стратегии поведения. В приватной обстановке речь идет, видимо, о создании жизненных сценариев. На основании этого анализа

я предложу свое понимание того, что совершается посредством песенного высказывания, какие чувства и мысли проговариваются с помощью метафорического и формульного песенного языка.

Степанов Андрей Викторович,

асп., Санкт-Петербургский государственный университет

Динамика приватности в жилом пространстве советской деревни

В советское время интерьер деревенского жилища, как и крестьянская культура в целом, претерпел, как известно, значительные трансформации. С нашей точки зрения многие из этих трансформаций целесообразно рассматривать не как механические реакции социокультурной системы на внешние детерминирующие воздействия, а как продукт ее собственных структуро-(пре)образующих операций, избирательно открывающихся навстречу исходящим извне импульсам. В данном докладе мы хотим показать, как изменилась архитектоника зон приватности деревенского жилища, конституируемых комплексом функциональных и половозрастных детерминаций.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	3
СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ	9
ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР	9
Американистика: проблемы междисциплинарных исследований	9
История зарубежных литератур	16
Проблемы модерна и постмодерна	70
Французские чтения	85
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	99
Динамика русского литературного процесса XIX века	99
Литературная культура России XVIII века	111
Литературный процесс в России первой половины XX века	116
Русская литература XX–XXI веков: пересечение границ	128
КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ, ВИЗАНТИНИСТИКА, БАЛКАНИСТИКА	144
Балканистика, неозланистика и византистика	144
Классическая филология	160
МЕДИЕВИСТИКА	167
Библия и христианская письменность	167
Письменная культура Древней Руси	173
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСКУССТВ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК	184
История, теория и методика преподавания искусств и гуманитарных наук	184
Мультимедийные средства в преподавании филологических дисциплин	188
Современные проблемы лингводидактики и методики преподавания иностраных языков	193
Тестология	214
ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	228
Общее языкознание	228
Прикладная и математическая лингвистика	243
Прикладное языкознание	253
Психолингвистика	261
Социолингвистика	273
Уралистика	280
Фонетика	293
РОМАНО-ГЕРМАНСКИЙ ЦИКЛ	303
Грамматика (Романо-германский цикл)	303
История языка (Романо-германский цикл)	318
Лексикология и фразеология (Романо-германский цикл)	333
Федоровские чтения. Актуальные проблемы перевода	358

РУССКИЙ ЯЗЫК	379
Грамматика (Русско-славянский цикл)	379
История русского языка	386
Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл)	400
Русская диалектология	413
Русский язык и ментальность	425
Стилистика	440
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ И МЕТОДИКА ЕГО ПРЕПОДАВАНИЯ	454
Обучение русскому языку как иностранному: теория и практика	454
Система языка: лингводидактическое описание в аспекте РКИ	465
Соизучение языка и культуры	474
Текст: проблема типов текста и участия языковых средств в их формировании	483
СЛАВИСТИКА	491
Андреевские чтения (Славянские литературы и литературные взаимосвязи) ...	491
Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики	498
Славяно-германская компаративистика	510
Славянская фразеология и паремнография	518
Славянское языкознание	538
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	543
Кино текст	543
Проблемы изучения русского стиха	566
Фольклор Новейшего времени, постфольклор и вопросы традиции	568